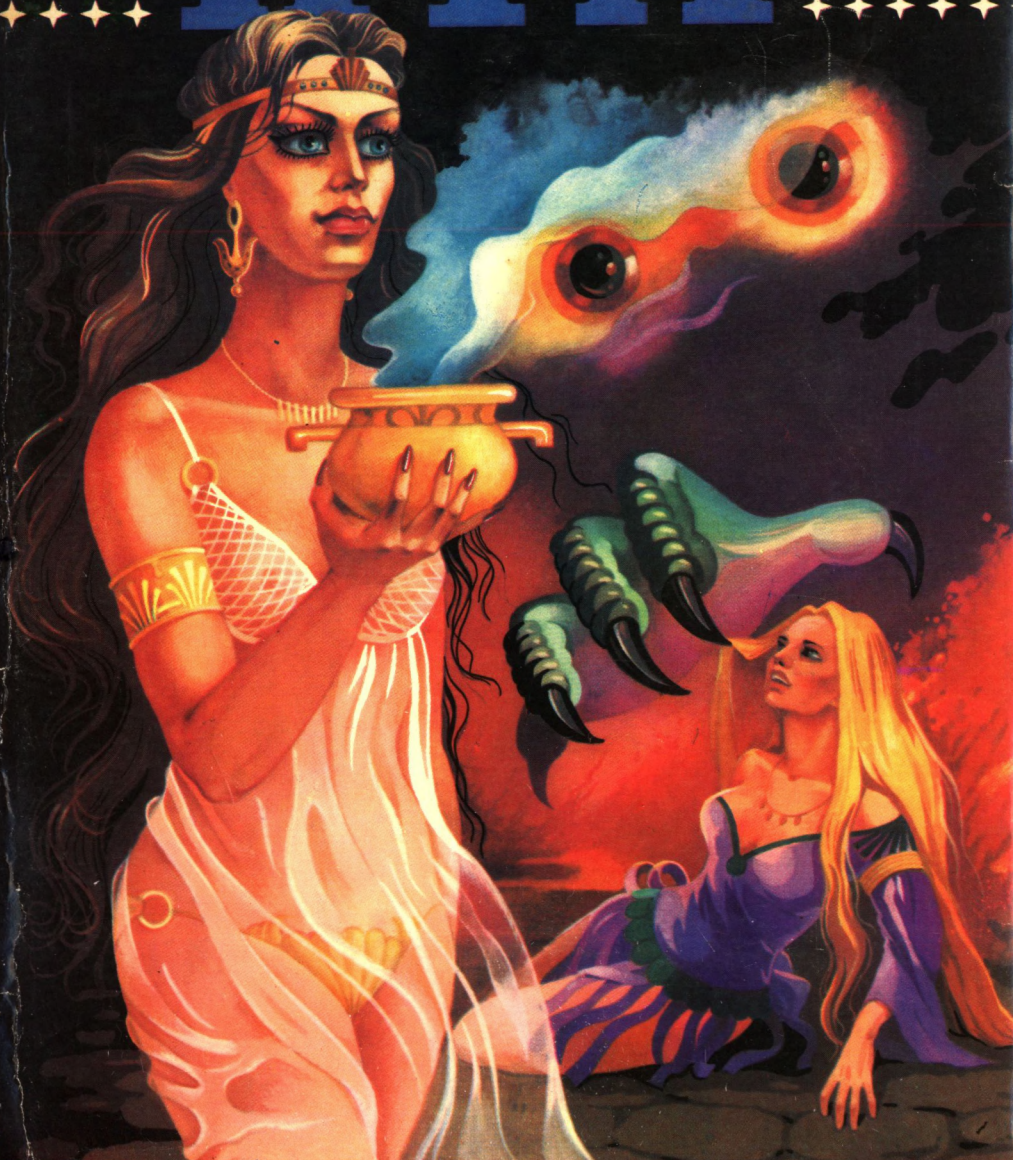
Зал
славы
зарубежной
фантастики

А. ВАН ВОГТ

A. Van Vogt

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

БИБЛИЯ ПТА

А. ВАН ВОГТ

БИБЛИЯ ПТА

Alfred Van Vogt

THE BOOK OF PTATH

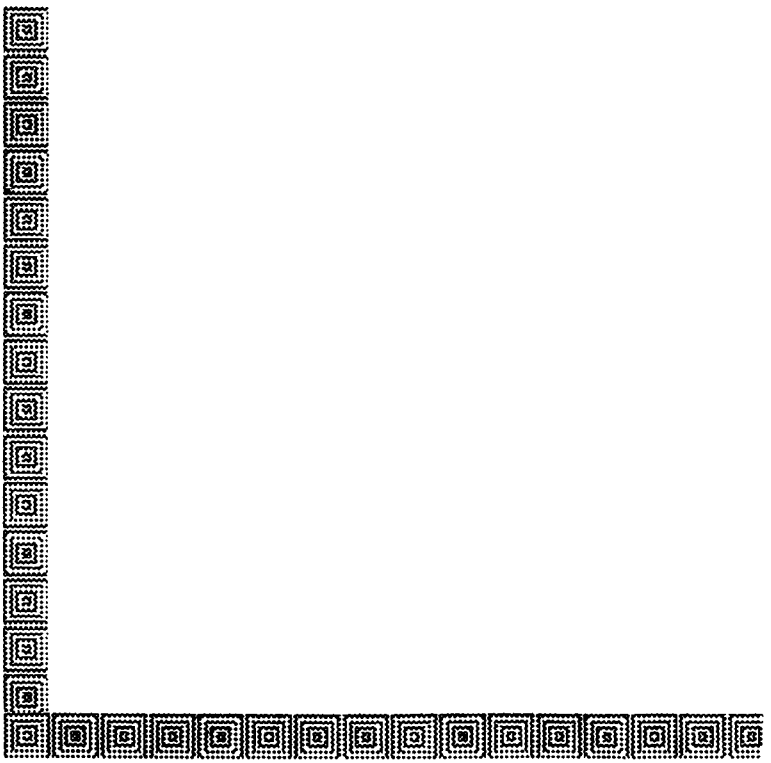

Зал славы зарубежной фантастики

Alfred Van Vogt

THE BOOK OF PTATH

Перевод с английского

А. ВАН ВОГТ

БИБЛИЯ ПТА

Київ
"Альтерпрес"
1994

ББК 84.7 США
В74

Редакційна колегія серії:
П.Хазін
В.Каплан
М.Шпулак

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

В сборник произведений популярного американского писателя-фантаста А.Э.Ван Вогта вошли романы "И вечный бой", "Обитель вечности", "Библия Пта", "Человек с тысячью имен" и "Жизненная сила".

Ван Вогт Альфред
В74 Біблія Пта: Романи/Пер. з англ. — К.: МСП "Альтерпрес", 1994. — 687с.: іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.

ISBN 5-7707-4751-X

До збірки творів популярного американського письменника-фантаста А.Е.Ван Вогта увійшли романи "І вічний бій", "Обитель вічності", "Біблія Пта", "Людина з тисячею імен" та "Життєдайна сила".

В $\frac{4703040100\text{-}09}{94}$ без оголош. ББК 84.7 США

© Упорядкування, художнє оформлення, емблема і назва серії. МСП "Альтерпрес", 1994
© Супер-обкладинка. Н.Ширяєва, 1994

ISBN 5-7707-4751-X

ТВОРЕЦ МЕЧТЫ

Альфред Ван Вогт — признанный корифей американской и мировой фантастики — родился в Канаде в 1912 году. Уже став известным писателем-фантастом, одним из столпов жанра, в 1944 году он переехал на постоянное жительство в США. Становление его как автора пришлось на золотые сороковые американской фантастики, и в значительной мере этот "золотой век" он и создавал. Именно костяк сподвижников Джона Кемпбелла в лице А. Азимова, Р. Хайнлайна, Дока Смита, Э. Гамильтона, Т. Старджона, А. Ван Вогта, Ф. Лейбера, Л. дель Рея и других теперешних мэтров предопределили тот феномен сороковых-пятидесятых годов, который позднее назвали "золотым веком" американской фантастики.

Творческий путь А. Ван Вогта начался с публикации "Черного уничтожителя" в 1939 году. Джон Кемпбелл первым заметил необыкновенный талант молодого писателя в придумывании всевозможных сюжетных ходов, а также фантастических деталей, которые отличали его, и сделал все, чтобы развить вкус молодого автора и подтолкнуть его на литературную тропу, а не на популяризаторство научно-технических идей, сочно изложенных в ранних произведениях Ван Вогта. Писать не о звездолетах и чудесах науки, а о том, как эти самые чудеса воздействуют на жизнь людей.

Увлекательные сюжеты, насыщенность, даже некоторый перебор в деталях, при определенном стремлении к психологизму — это отличие Ван Вогта-писателя от других творцов "космических опер". Надо отметить, что, как и большая часть авторов старшего поколения, Ван Вогт не блистал совершенством литературного стиля, и тут он явно проигрывает таким авторам, как Р. Бредбери, Т. Старджон, Л. Брекет, но по богатству идей, поднятых им впервые, по динамике произведений и умению увлечь в свои головоломные приключенческие дебри читателя, мало кто мог бы с ним поспорить. И это при том, что достаточно часто создается впечатление некоторой хаотичности письма; писатель оседлал скакуна, на котором с трудом может удержаться. Но, как истинный ковбой, Ван Вогт всегда находит

какой-то неожиданный ход или вспомогательную линию, которые позволяют ему с успехом избежать подводных камней лихо закрученного сюжета.

Ярким примером этого служит повесть "Жизненная сила", впервые опубликованная в журнале в 1942 году, но по запутанности интриги, динамичности и неожиданной развязке эта вещь входит в число лучших произведений американской фантастики. Какое бы название не подогнать к нему, ну, например: "Космические вампиры", "Приют для умственнонеполноценных", "Великие галакты" — все они как нельзя лучше соответствуют этой повести. И если говорить в целом о творчестве Ван Вогта, то именно такие короткие повести, с острым как бритва сюжетом и составляют основной ударный потенциал американского писателя. Вспомните хотя бы "Чудовище"!

Первый большой успех Ван Вогту принес роман "Слэн" (1940, переработанный в 1946 году). Это история молодого мутанта, "слэна", Джомми Кросса. История его борьбы против тоталитарного режима, установившегося на Земле, и одновременно история его любви к дочери диктатора. Как и во многих произведениях того периода лейтмотив этого романа — конфликт между косностью и мракобесием людей с одной стороны и появлением новой суперрасы людей-слэнов. Слэны — очередной шаг вперед в эволюции человека. Они телепаты, наделены множеством дополнительных качеств, делающих их непобедимыми в соперничестве с людьми, что выносит им от лица тоталитарного режима смертный приговор. По всей Земле идет охота на слэнов, их беспощадно уничтожают при попытке оказать сопротивление, разыскивают, ловят.

Оставшись один в огромном чужом мире, его родителей убивают, Джомми вступает в борьбу со всем человечеством, с чудовищным изощренным механизмом полицейской слежки, подавления и почти одерживает победу... когда неожиданно оказывается, что слэны пробились в верхушку управления людей и работают над тайной ассимиляцией остального человечества, то есть над сближением людей и слэнов. Развязка весьма неожиданная и эффектная. Роман "Слэн" послужил основой для всевозможных последователей и подражателей, совершенно очевидно также, что знаменитые фильмы "Сканнеры", "Сканнеры-2" и "Сканне-

ры-3" также используют большую часть мотивов, разработанных писателем еще в 1940 году.

В 1941 году появился другой знаменитый роман писателя, на мой взгляд, один из его лучших романов, "Оружейный магазин Ишера", опубликованный первоначально в журнале "Захватывающие истории" и вышедший в полном варианте в 1951 году. Уже в 1943 году появилось продолжение в журнале "Удивительные истории" — роман "Оружейники" и совсем недавно, в 1992 году, "Хозяева Ишера". Контрапунктом всей серии является противостояние имперской системы подавления и таинственной организации "Оружейные лавки". Последние снабжают оппозиционные силы загадочным сверхмощным лазерным оружием. Создана организация оружейников загадочным Робертом Хедроком, бессмертным, который появляется время от времени, чтобы навести панику, выдать своим соратникам инструкции и снова исчезнуть. А фокус, придуманный на этот раз Ван Вогтом, который делает эту книгу особенно запоминающейся, это маятниковые качания Хедрока во времени. Туда-сюда, туда-сюда. Великолепно!

Альфред Ван Вогт — создатель еще двух очень популярных серий: серии об альтернативном мире Нуль-А и серии об империи Атома. В обоих этих сериях писатель зарекомендовал себя как сторонник "хард сайенс фикшн", то есть сугубо научной фантастики. И каждая серия заслуживает особого разговора и пристального анализа, поскольку, как всякий первопроходец, Ван Вогт поднимал огромные целинные пласты в тематике НФ. Не всегда он делал это лучшим образом, некоторые места его произведений размыты, не доведены до логического конца, в других случаях он действовал весьма поспешно, но все-таки не следует забывать, что он был первым. И его произведения — это непередаваемый сплав приключений и технологии, технических усовершенствований и научных открытий, интриг и социальных обобщений.

В романе "Библия Пта" он впервые, пожалуй, совместил для себя два жанра — научную фантастику и фэнтези. И хотя наука преобладает, тем не менее приключения свергнутого Бога Пта и конфликт двух его жен для 1943 года был весьма своеобразной находкой.

Несмотря на то, что первые произведения писателя появились в конце тридцатых годов, интерес к творчеству А. Э. Ван Вогта непреходящ. Многочисленные переиздания выдержали такие его романы, как "Путешествие Космического Бигля", "Война с руллами", "Компьютерный мир" и ряд других. Причем произведения сороковых и восьмидесятых годов одинаково часто переиздаются во многих странах мира. Придирчивый критик может найти в авторской манере писателя множество уязвимых мест, но, несмотря на это, любовь и признание читателей всегда будут сопутствовать произведениям Альфреда Ван Вогта.

Л. Ткачук

И ВЕЧНЫЙ БОЙ

The Battle of Forever

Panter Book
Lonlon ✦ 1971

ГЛАВА I

Модьун недоверчиво слушал. Оратор закончил свое сообщение, проливавшее свет на историю человечества, и попросил задавать вопросы.

Было несколько совсем глупых вопросов; люди, казалось, не совсем понимали, что делать с информацией, которую им сообщили. Модьун лениво задал свой вопрос и встретил внимание.

— Вы уверены, что не описываете старую мифологию? — спросил он.

Ответ был осторожным:

— Конечно, мы не можем быть уверены, но думаем, что нет.

— Что касается наших древних прародителей, то картина, которую вы нарисовали, не внушает мне доверия,— настаивал Модьун.

— Вначале так было и с нами, — был ответ. — Но ситуация и значительность полученных деталей гарантирует достоверность.

— Тогда оказывается, что наши предки дрались, как звери, с показной жестокостью, и это наводит на мысль о том, что они были способны на настоящую физическую активность.

— Это самое несомненное из того, что мы открыли.

— И, как наши животные, они действительно ходили на собственных ногах и не нуждались в искусственной поддержке?

— Совершенно верно, — согласился оратор.

— Представляю, как вытянутся лица тех, кто ранее заблуждался относительно этого вопроса, — сказал Модьун с язвительной насмешкой.

Слабые улыбки, выражающие согласие, появились на многих лицах.

— Представляю себе, — продолжал Модьун, — как они зачинали и рожали собственных детей.

— О да, — был ответ. — В процессе спаривания женщину оплодотворяли, и она рожала по истечении периода беременности.

Все присутствующие вздрогнули, когда представили себе этот процесс.

— Отвратительно, — пробормотала женщина.

— Боюсь, что это начало, которое трудно принять, — сказал другой человек. — Следующее, что вы расскажете нам, будет утверждение, что они сами ели пищу.

— Точно, — согласился докладчик. — Пища проходила по пищеварительному тракту. Происходило индивидуальное персональное пищеварение, а отходы выходили в резервуар для удобрений.

Было еще несколько вопросов, но присутствующие охладели; докладчик — Дода ощущал это через открытые усилители мысленного канала, посредством которых он был соединен с "аудиторией". Видя, что Модьун — один из еще соединенных, Дода обратился к нему с частной мыслью:

— По некоторым причинам, я думаю, что вас эти открытия заинтересуют больше, чем других.

Модьуну стало смешно.

— У меня есть тело длиной два фута и голова диаметром четырнадцать дюймов. Что меня может интересовать в древних, с их восьмью футами мускулов и костей, которые могли самостоятельно поддерживать голову? Я понимаю: вы имеете в виду, что я поступлю как ученый — вырасту до этого размера.

— В наших предках скорее было футов шесть.

— Да, но вы сказали, что их головы были меньше.

— Возможно,— в голосе Доды звучало отчаяние. — Если женщина собирается согласиться вырасти, то для вас это может быть интересный эксперимент.

Модьун мгновенно стал язвительным и недоверчивым.

— Этого никогда не будет. Наши женщины намного изящнее, — он насмешливо оборвал фразу.

— Почему бы не провести эксперимент на вас?

— Потому что я экспериментатор. Пройдет год, пока тело станет длиннее, потом, наверное, два года займет эксперимент, и еще год, чтобы снова стать человеком. Кто-то должен наблюдать...

Потом Модьун продолжал с насмешкой:

— Четыре года! Когда я хочу погубить чью-то репутацию, я руководствуюсь здравым смыслом. Позже я свяжусь с вами.

— Не говорите "нет" прямо сейчас, — ответил Дода. — Помните, именно вы сказали: кто-то должен время от времени выходить за барьер и смотреть, что происходит там в мире снаружи.

— Я пошутил, — резко ответил Модьун.

— Тем не менее, это вы сказали. И вы так думаете.

Это была правда.

"Оказывается, что кто-нибудь, преследуя собственные цели, всегда слушает даже случайные мысли и дает им свою оценку..." — уныло подумал Модьун.

Несомненно, Дода выбрал его для эксперимента, потому что Модьун сделал эти замечания, которые нельзя игнорировать. Внезапно Модьун задумчиво сказал:

— Очевидно, тщательное изучение архивов и ранних обучающих устройств, от которых теперь отказались, подтвердит большую часть этих сведений. Такое исследование необходимо прежде, чем кто-то станет участвовать в эксперименте.

Дода благоразумно промолчал.

Модьун продолжал:

— Часть этих сведений может быть интересной.

Затем он позвал своих слуг-насекомых, и его унесли.

Тремя днями позже Модьун лениво плавал в собственном, залитом солнцем бассейне. Он обычно приходил сюда поглощать солнечные лучи. Из них он извлекал энергию, превращавшую воздух, которым он дышал, и воду, которую он впитывал порами тела, в питательные вещества, поддерживающие в его теле идеальное здоровье почти целую вечность.

Да, почти вечность. Он был из третьего поколения существ, выведенных в пробирке за барьером. Каждый из предыдущих двух поколений прожил около пятнадцати сотен лет.

Он плавал в бассейне и с восхищением любовался своим изображением в зеркале, погруженном в воду. Какая благородная и красивая голова! Прекрасное конусообразное тело! Крошечные ручки и ножки были частично спрятаны за почти неразличимым снаряжением.

Он уже видел намеки на изменения — он стал на несколько миллиметров длиннее. Мозгу, такому открытому для восприятия и такому чувствительному, как у него, такие маленькие изменения были ясно видны.

Дода сказал, что при такой скорости роста могут возникнуть слабые боли, но с ними можно будет справиться с помощью помощника ученого — насекомого Экета, который получил подробные инструкции о том, как впрыскивать лекарства, притупляющие чувства, в пищу, которую позже он будет вводить в тело через трубки.

Дода, извиняясь, заметил, что так будет продолжаться до тех пор, пока Модьун не достигнет стадии, когда сможет есть твердую пищу.

Модьун пожал плечами в ответ на такую заботу экспериментатора.

Он согласился на эксперимент, когда узнал, что женщина Судлил согласилась вырасти и соединиться с любым мужчиной, который сделает то же самое... Эта информация вызвала легкий интерес у мужчин, потому что Судлил была очень женственной, и ей всегда были рады в любом бассейне. Но Дода поспешно нанес сокрушительный удар потенциальным конкурентам, объявив — с разрешения Модьуна — что выбор уже сделан.

Судлил сказала, что она рада, раз ее партнером станет Модьун. Она догонит его по размерам через месяц.

Прошло несколько лет, — и вот он здесь.

Его принес сам Экет и посадил на зеленой лужайке, на небольшом расстоянии от шоссе, которого не было видно за насыпью, заросшей кустарником.

Оттуда доносился шорох шин по мостовой. Этот шорох неожиданно взволновал Модьуна. Он должен был следить

за собой, преодолевая сильное желание подпрыгивать от возбуждения... Совершенно неожиданная реакция тела. Он сознательно сдерживал дергающиеся мускулы, когда стоял, наблюдая, как Экет уходит назад к горам. Скоро ученое насекомое обогнуло выступ крутой скалы и скрылось из виду.

Модьун вскочил на пологий склон, еще сдерживаясь и удивляясь тому, что происходит внутри него. Он добрался до вершины и, ускорив шаг, пошел по тропинке сквозь кусты. Неожиданно он вышел на обочину дороги.

Давным-давно он приказал одному из своих носильщиков-насекомых принести его к этой дороге, и некоторое время следил за движением транспорта. Бесчисленные машины проносились мимо, как безумные. Почти в каждой машине находились пассажиры: множество животных всех видов. Его удивление росло просто от разнообразия живых существ. Он забыл, сколько на свете разных животных. Теперь, за тысячи лет большая часть их стала цивилизованной и живет в созданном человеком механическом мире.

— Но куда они все торопятся? — обратился, наконец, Модьун к своему проводнику-насекомому, огромному богомолу, который был видоизменен и приспособлен для путешествий по горной стране. Тот не знал и мог дать лишь чисто практический ответ, типичный для насекомого ответ, который сам по себе вопрос:

— Сэр, почему бы нам не остановить сотню машин и не спросить каждого пассажира, куда он едет?

Тогда Модьун отказался. Ему это показалось ненужным. Но теперь он стоял, наблюдая, как ему казалось, за теми же самыми мчащимися автомобилями, и жалел, что тогда ему надоела эта авантюра и он даже не задал предлагаемый вопрос.

Сейчас никакой скуки. Его полностью выросшее тело чувствовало тепло от напряжения тысячи мускулов. Куда бы он ни смотрел, все возбуждало его. Ему хотелось раскачиваться, кружиться на месте, двигать ртом и размахивать руками.

Здесь так много движения. Бесчисленные автомобили... Он видел их, слышал их звук. А его двигательные центры оказались незащищенными.

Он почти не мог контролировать постороннее влияние. Невыносимо... Модьун попробовал сдержаться. Сразу же трепет и подергивание мышц прекратились.

Успокоившись, он отказался от свободного автомобиля, который подъехал к нему. А через несколько минут он сам посигналил машине, в которой сидело четверо животных и оставалось место еще для двоих.

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьуну пришлось пробежать немного вперед, чтобы забраться в него. Тяжело дыша, он плюхнулся на сиденье. Он был слегка поражен тем усилием, которое для этого потребовалось, и отметил реакцию тела. Усиленное сердцебиение. Внезапное расширение легких. Шумное дыхание... Так много внутренних химических изменений. Последив за ними несколько минут, он сдался.

Интересно. Ново. Он подумал:

"Те лекарства, которые Дода давал мне в последний период роста, подавляли меня, чтобы я жил спокойно. И, конечно, мирная обстановка, как в саду, вызывала только приятные ощущения."

Вдруг он понял, что другие пассажиры автомобиля с любопытством смотрят на него. Мысли о прошлом отошли на задний план. Он тоже стал разглядывать их с легкой вежливой улыбкой.

— Кто вы? — наконец, спросил мужчина, похожий на кота. — Я не видел раньше вашу породу.

Говоривший имел отдаленное сходство с южно-американским ягуаром.

Модьун собирался ответить, что он человек, и тут понял, насколько важно замечание говорившего. Человек, властелин планеты, был им неизвестен.

"Это правда, — подумал он, — мы ведем замкнутое существование с нашими слугами и носильщиками-насекомыми, и нашими домашними животными. И мы сами не проявляли интереса к цивилизации животных и насекомых, которая существует за барьером".

Но то, что этот внешний мир перестал понимать, кто он и его друзья — это совершенно иное. Это, конечно, не было частью первоначальной программы... Осознание этого удержало Модьуна от естественного желания сказать о себе правду. Прежде чем он смог решить, что сказать, это

сделал за него видоизмененный гиппопотам. Стройное существо длиной восемь футов с небольшой шеей, сидевшее на переднем сиденье, сказало, пожав плечами:

— Он — обезьяна. Их много в Африке.

Похожее на лиса существо, сидевшее на заднем сиденье рядом с Модьуном, слабо возразило:

— Я видел много обезьян. Тут есть сходство, но это не обезьяна.

— Обезьяны не похожи на вас и меня, — сказал человек-гиппопотам. — Они разных пород и не похожи одна на другую.

Его слова, казалось, убедили, потому что человек-лиса погладил подбородок, но больше ничего не сказал.

"Хорошо, — спокойно подумал Модьун. — Обезьяна? Почему бы и нет?"

Его за обезьяну приняли случайно на время. Недостаток знаний помешал людям-животным признать в нем человека. Странно. Здесь есть кое-что, что нужно выяснить. Причина может даже стать темой интересного доклада, когда он вернется за барьер.

Итак, Модьун стал играть роль обезьяны и завел дружескую беседу с человеком-гиппопотамом, человеком-лисой, человеком-ягуаром и темным красивым существом, которое вскоре назвало себя медведем-гризли.

Все люди-животные были семи-восьми футов высотой. Их тела изменились до получеловеческого вида. Каждый имел руки, сидел прямо и, конечно, мог ходить вертикально.

На время скучной дороги поездка с ними в автомобиле представляла некоторый интерес. Модьун откинулся назад, глядя на сельскую местность за окном и чувствуя, как играет сила в его теле. Возбуждение? Он сразу прогнал эту мысль. Он еще анализировал реакции своего тела, предполагая, что в давние времена человеческие существа не могли понимать, что возбуждение на низком уровне именно такое — чисто физическое и химическое.

Модьун снова вспомнил, что говорил богомол о том, что нужно спросить о причинах, заставляющих куда-то ехать сотни людей-животных. Поэтому теперь он спросил:

— Куда вы едете?

Он подавил желание добавить слова "так быстро". Но все автомобили действительно мчались, словно ме-

ханические демоны, на скорости, превышающей первоначально запрограммированную. Очевидно, компьютеры, занимающиеся этим, изменили их скорость. Увеличили.

"Кто это сделал?" — подумал Модьун.

Все четверо его попутчиков — как они ему сказали — посещали тренировочную школу, где изучали работу большого космического корабля. А теперь они ехали в город Галли, где будут ждать запуска. Модьун понял, что они стали приятелями в лагере. Их отношения были задушевными, даже нежными, и, сначала проявив любопытство, они скоро забыли о Модьуне. Для него это было хорошо.

Он был далек от повседневных дел планеты. Когда эти четверо обсуждали подробности тренировки и говорили о предстоящем путешествии в космос, Модьун отвлекся. Скоро он увидел, что их автомобиль въезжает в город. Зданий в городе стало больше. Они поднимались по холмам, и Модьун мельком увидел их за дальней речкой. Скоро город окружал его со всех сторон. Большие и маленькие здания сверкали на полуденном солнце.

Как Модьун и ожидал, он почувствовал, что его тело снова испытывает возбуждение. Если бы Модьун не знал, что это касается только тела, он мог бы решить, что и его разум возбужден. Ему следовало остерегаться этого... Сильного стремления личности отождествить себя с ощущениями тела.

"Город Галли, — подумал он. — Ну, вот я и здесь. Первое человеческое существо вышло за барьер за последние 3500 лет".

Это было большое дело, и он должен был согласиться с этим.

ГЛАВА II

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из людей-животных.

Прошла минута, прежде чем Модьун понял, что человек-медведь обращается к нему. Он вышел из состояния задумчивости и сказал, что не знает.

— Я здесь новичок, — начал многословно объяснять он. — Я только что приехал из Африки. Куда вы посоветуете мне отправиться?

Они серьезно обсуждали эту проблему, игнорируя его. Наконец, человек-лиса заговорил, и в голосе его звучало удивление. Они никогда раньше об этом не думали.

— Почему бы нам не взять его с собой?

Так они и решили.

— Мы можем показать ему все, — сказал человек-гиппопотам. — Будет забавно посмотреть, например, с каким типом женщин он сблизится.

Модьун вспомнил Судлил:

— Скоро сюда приедет моя женщина, — сказал он.

— Это даже лучше, — ответил человек-ягуар. — Мы сможем понаблюдать, как обезьяны занимаются любовью.

Наверное, у Модьуна было странное выражение лица. Его слегка удлиненные глаза наивно округлились.

— Вы не будете против, не правда ли?

Сам Модьун не видел причин возражать, но он интуитивно чувствовал, что Судлил может быть против. Как раз перед его отъездом они наблюдали спаривание животных. Конечно, Судлил в то время еще не полностью выросла и ее реакция отражала болезненно чувствительное состояние тела, но она довольно странно отнеслась ко всему этому.

Улыбаясь воспоминаниям, Модьун спокойно объяснил, что самки обезьяны иногда возражают против наблюдателей.

Четверо самцов уставились на него, сначала с удивлением, а потом почти с одинаковым презрением. Человек-ягуар сказал:

— Вы хотите сказать нам, что вы, обезьяны, разрешаете вашим самкам говорить вам, что делать?

Он посмотрел на своих компаньонов с ироническим выражением:

— Я вижу, что мы должны научить этого приятеля, как быть мужчиной.

Человек-ягуар был спокойным и высокомерным. Он протянул руку и похлопал Модьуна по плечу:

— Не беспокойтесь, сэр. Держитесь за нас, и мы скоро приведем вас в нормальное состояние.

В этот момент впервые четверка людей-животных представилась. Человека-ягуара звали Дуулдн, человека-медведя — Руузб, человека -лису — Неррл, а человека-гиппопотама — Игтдооз. Назвав свои имена, люди-животные ждали, а Модьун заколебался. Он быстро вспоминал, что означают эти имена и откуда они произошли. При идентификации животных люди просто присваивали каждому определенное количество букв алфавита: пять букв для животных из Северной Америки, шесть — для Южной Америки, семь — для Африки и т.д. Компьютеры, которые были запрограммированы на то, чтобы давать имена каждому, получили инструкции не использовать для имени только одну букву. Поэтому не было животного по имени Аааа или Бббббб. Но за исключением этого — полная свобода. В этой лотерее имен его попутчикам еще повезло. Их имена, все без исключения, были произносимыми.

В этот момент Модьун подумал, что люди выбирают себе имена по-другому. И его имя, Модьун, немедленно идентифицирует его как человеческое существо... для любого, кто понимает формулу.

Но он колебался не долго. Он сразу увидел, что, изменив "ь" в имени Модьун на "и", он сможет сохранить произношение, а, если добавит "н", то сможет представить себя выходцем из Африки, имеющим имя из семи букв. По крайней мере он сможет делать это до тех пор, пока не представит комбинацию букв компьютеру.

Его комбинация, в действительности, не имеет смысла. Кроме того, было бы нелепо представляться обезьяной слишком долго.

Его измененное имя было принято без вопросов. Итак он был Модиунн... еще на несколько часов. Или минут.

После этого Дуулдн, человек-ягуар, сообщил ему, что он и его компаньоны направляются в центр города. Дуулдн сказал:

— Понимаете, здесь обычная система поселений. Думаю, что она одинакова во всем мире.

— Да, — коротко ответил Модьун.

Когда через несколько минут Модьун выбрался из автомобиля, он понял, что сердится. Понимает ли он, как

управляются эти города! Он, принадлежащий к расе, которая создала автоматические города и автоматические села — короче, все на этой планете!

Однако, когда автомобиль уехал и четверо людей-животных быстро пошли по широкой улице, потребовалось несколько мгновений, пока Модьун понял, что они направляются к движущемуся тротуару.

"Ну, конечно", — подумал он потом, ругая себя.

Всплыли старые воспоминания, и город показался более знакомым. Он вспомнил, что жилая зона разбита так, чтобы принимать приезжих в одном секторе. Тут есть места для семей и, наконец, роскошные апартаменты для людей.

Путешествие по движущемуся тротуару закончилось через полтора квартала. Человек-ягуар показал на склон холма и сказал:

— Здесь вся улица свободна. Давайте поселимся тут, а потом выйдем и пойдем поесть.

Модьун последним преодолел четырехдорожечный переход от скоростного тротуара к среднескоростному, потом к медленному тротуару, а потом шагнул на улицу. Его спутники поднимались по склону, а он медленно и нерешительно следовал за ними. Должен ли он продолжать лгать? Это казалось слегка несерьезным. Тем не менее, вскоре он, как и другие, стоял перед рядом кнопок. Набрал свое обезьянье имя.

И ждал, пока компьютер откроет дверь.

Компьютер отказался впустить его.

— Вы не идентифицированы правильно, — был ответ.

Прошла вечность, Модьун ничего не делал, не реагировал, даже не обдумывал то, что сказала машина. Он был в смятении. Раньше он не знал этого чувства. Это было чувство, новое для него. Неосознанное чувство. И его мозг не понимал реакции тела.

Странно, что его мысли пришли в такое смятение...

Он начал приходить в себя. Сначала он просто наблюдал. Здесь перед ним за дверью квартиры находился механизм: кнопки, которые он нажимал, маленькая треугольная металлическая решетка под ними — откуда голос компьютера произнес невероятные слова.

Модьун с одной стороны видел длинный ряд стерильных квартир, точно таких, как та, которую он выбрал в качестве своего дома. Ну, не совсем квартир. Они все были одноэтажные и располагались вдоль блока как терраса. Перед каждой квартирой было несколько ступенек, ведущих на маленькое крыльцо, и Модьун предполагал — хотя и не мог ясно видеть, что было у других дверей, — на каждом крыльце были кнопки с буквами и система динамиков за решеткой.

В известном смысле, однообразный мир. Но как же иначе обеспечить жильем миллионы? Действительно, его предки занимали такую же терпимую позицию по отношению к людям-животным, как и он, они заботились не о красоте, а только о пользе.

Но, так как чистота была полезной, они предусмотрели для каждого жилища и для города автоматические чистящие системы. Так что пластмассовые стены, и пластмассовые двери, и нержавеющие стальные решетки сияли — так было чисто. И ступеньки выглядели вымытыми и выскобленными. На тротуаре внизу не было ни пятнышка.

Модьун еще рассеянно осматривал мир вокруг, когда вдруг понял, что же так подействовало на него.

Отказ.

Ему отказали! За всю жизнь в несколько сотен лет никто никогда так не поступал с ним. Это был удар для его мозга, перед которым никогда не существовало никаких преград, кроме философии о тщетности бытия — и, особенно, тщетности усилий. Действительно, ничего не стоит делать. Тело испытывает чувства, мозг — нет. Человеческая природа такова, что человек может отдавать себе отчет, когда его тело испытывает чувства. Уделом людей было выбирать, нужно ли игнорировать ощущения своего тела.

И теперь он не мог сделать этого. Когда Модьун осознал удивительную правду — источник своей глубокой тревоги — он начал понимать, что его тело испытывает раздражение.

Мысленное осознание физического чувства было как сигнал. Мозг Модьуна мгновенно вернулся к нормальному состоянию: отделился от тела. Модьун успокоился, но проявил любопытство. Он сказал:

— В чем проблема? Мое имя имеет нужную длину и правильный код для обезьяны из Африки. Почему меня не принимают?

— Личность с этим именем — Модиунн — в настоящее время находится в Африке, зарегистрировавшись как проживающая по определенному адресу.

Раздражение усиливалось. Тело, казалось, все меньше поддавалось контролю. Прошла минута, и Модьун понял, что создавало такое беспокойство его телу. В прежние дни можно было запрограммировать компьютеры, чтобы они учитывали такие подробности, но это не было сделано. Ни одно человеческое существо никогда не занималось отдельным животным, не интересовалось, где оно находится или даже тем, что с ним случилось.

Поэтому он теперь сказал угрожающим тоном:

— С каких пор компьютеру есть дело до местонахождения отдельного животного?

— Вы спрашиваете, имею ли я право отказаться впустить вас? — спросил компьютер.

— Я спрашиваю, откуда вы знаете, где находится Модиунн? Я хочу знать, кто связал вас с компьютером в Южной Африке, — сказал Модьун с высоты своего положения человеческого существа.

Компьютер ответил, что он связан со всеми компьютерами планеты уже 3453 года, 11 часов, 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модьун подумал, что компьютеры никогда не программировали отвечать на такие вопросы, как задал он.

Он раскрыл рот, чтобы продолжить колкие расспросы, и вдруг понял, что его тело испытывает болезненные ощущения, понял, что все это время нервничал. Модьун точно не знал, сколько времени люди находились за барьером, кроме того, он принадлежал к третьему поколению. Но с помощью информационных центров в мозгу он догадался, что компьютеры были перепрограммированы в течение нескольких лет после ухода людей.

Кто мог это сделать?

Модьун сделал еще одну попытку.

— Вы отказываетесь открыть эту дверь для меня?

— Это невозможно, — был ответ. — Я автомат, а вы не соответствуете требованиям, позволяющим войти.

Заявление компьютера, к несчастью, напомнило Модьуну об ограничениях механического устройства. Проблема была не в машине, а в том, кто и как изменил принцип ее работы.

"Посмотрим, смогу ли я убедить кого-нибудь переехать в большую квартиру и поселиться со мной", — решил он.

Животные-люди, с которыми он познакомился, исчезли в своих маленьких домиках. Модьун вспомнил, что Руузб, человек-медведь, занял квартиру слева от него. Модьун пошел туда и постучал в дверь, игнорируя систему кнопок.

Пауза. Звук шагов. Дверь открылась, и появился красавец-медведь. Он приветливо улыбнулся Модьуну.

— Эй, — сказал он, — вы очень быстро управились. Входите. Я буду готов через минуту.

Модьун вошел, боясь, что дверной компьютер не пустит его и сюда тоже. Но динамики за решеткой молчали; разговор между ним и Руузбом не привел механизм в действие. Очевидно, на него не влиял факт присутствия Модьуна, если дома хозяин.

"Включается при нажатии кнопки", — подумал он с облегчением.

Он собирался предложить человеку-медведю поселиться с ним вместе в двухкомнатной квартире для приезжих. Но теперь в этом не было необходимости. Модьун совсем не знал, когда и что он должен будет делать. Но было ясно, здесь что-то не так, как должно быть.

Но он верил в то, что культура животных осталась прежней, без неожиданностей. Сердечное приглашение Руузба давало ему еще немного времени, чтобы обдумать положение дел.

"Я попрошу его поселиться со мной вместе... немножко позже".

ГЛАВА III

Через полчаса...

Пятеро приятелей пошли в столовую двумя кварталами дальше. Оказавшись внутри столовой, Модьун замешкался, а остальные нетерпеливо схватили тарелки и стали в оче-

редь. Модьун подумал: не откажется ли компьютер, раздающий пищу, обслужить его? Хочет ли он здесь и сейчас объявить, что он — человек?

Но, подумав, он решил продолжать маскарад, потому что не хотел верить, что кто-то взял на себя труд изменить программы миллионов простых машин. И что более важно, тут не было внешних признаков того,что медленно (более тысячи лет) создававшаяся система свободного питания — где не задавали никаких вопросов — изменилась.

Машины автоматически возделывали землю и собирали урожай. Для тех, кто прежде был плотоядным, различные типы белков создавались с помощью компьютера из съедобных зерен, фруктов, трав, кустарников и деревьев. Для тех, кто прежде был травоядным, подходящая пища создавалась по тому же общему принципу. Почти все зеленое, желтое или растущее в лесу шло на пользу разумным формам жизни. Почти ничего не выбрасывалось.

Слишком сложно. Изменение означало бы вмешательство во всю цепь операций. Модьун вынул еду из контейнеров, которые автоматический компьютер позволил ему открыть. Он назвал свое настоящее имя, доверившись логике. Кроме того, как он вспомнил, обезьяны еще ели множество растений, которые людям не нравились.

Когда на его тарелке оказалась пища, он пошел к тому столу, который раньше заняли его товарищи. До сих пор все шло хорошо. Пока его новые знакомые оживленно беседовали, Модьун сел и стал старательно жевать и глотать. Хотя он ел много раз к концу своего пребывания за барьером, весь процесс в целом оставался неприятным.

Он помнил, что после неприятного для него процесса еды случится вещь гораздо худшая. Позже... он должен будет искать общественный туалет и в присутствии других существ в соседних кабинках избавляться от отходов организма.

"Жизнь за границами барьера, — думал он, — именно такова, какой должна быть по моему мнению: скучные, утомительные, раздражающие переживания".

Но его на время заманили в большое тело, и он должен был выполнять его требования.

А взгляды у Модьуна остались прежние. Каждым существом тут управляют: его проблемы никогда не решаются до конца, существует непрестанная необходимость бороться с окружающей средой, и это повторяется каждое утро, заставляет существо непрерывно действовать.

Какие мысли могут быть у такого существа? Никаких!

Модьун без удовольствия пережевывал пищу и обдумывал свое положение, когда, услышав случайное слово, он понял, что четверо его друзей все еще обсуждают надоевшую ему тему предстоящего путешествия в космос.

По-видимому кто-то убедил власти утвердить неправильную цель экспедиции. Его друзья считали, что должны противодействовать, убедить власть предержащих выбрать правильную звезду как цель для полета корабля.

—... Значение ... необходимое действие... жизненные... решающие для мира...

Слова с их скрытым смыслом условий, которые обязательно должны быть выполнены, проходили через воспринимающую систему Модьуна, но сначала он только регистрировал их. Наконец, до него дошло их значение и он сказал с легкой улыбкой:

— А если вы не сможете отстоять свою точку зрения, что случится?

Человек-ягуар удивленно посмотрел на него.

— Кто-то другой выдвинет свой проект.

— С какими результатами? — спросил Модьун.

— Их идеи неверны, а наши верны.

— Но что же все-таки случится? — настаивал Модьун.

— Экспедиция отправится к группе желтых звезд, похожих на наше солнце. Шансов найти жизнь на планетах таких звезд, как наше солнце, меньше, чем на планетах голубых звезд. Это уже доказано.

Модьун со своего уровня, где все такие вещи были одинаково бесполезными, снова улыбнулся наивному ответу.

— А, предположим, что экспедиция не обнаружит жизни ни в системе желтой, ни в системе голубой звезды? — спросил он.

— Это будет напрасное путешествие.

Его безупречная логика не доходила до сознания. Человек сам прошел через эту промежуточную стадию; когда-то он верил, что успех заключается только в результате. Модьун сместил акцент своего вопроса.

— Участники такого путешествия не будут испытывать неудобств?

— О, нет. Корабли безупречны. Они похожи на большие города, плывущие в космосе.

— Те, кто будут на корабле, смогут есть, спать, развлекаться, общаться с существами противоположного пола, будут иметь возможность тренироваться и обучаться?

— Конечно.

— Тогда, какая разница, каким будет результат? — торжествующе спросил Модьун.

— Но, если мы не обнаружим другую жизнь, то это будет напрасное путешествие. Межпланетные корабли мчатся с большой скоростью, и, как нам сказали, мы посетим много планет; мы улетаем на длительное время. Для отдельной личности очень тяжело, если цель не достигнута.

Модьуну казалось, что все на корабле будут жить совершенно одинаково, независимо от того, неудачной или успешной окажется экспедиция. Забавляясь, он сместил акцент:

— Ну, хорошо, предположим, вы нашли разумную жизнь в другой звездной системе, — что тогда?

Человек-ягуар покачал головой:

— Вы, обезьяны, задаете ужасные вопросы, — сказал он. — Все, что вокруг нас — жизнь. А жизнь — познание нового! Неужели это ничего не значит?

Но Модьуна нельзя было сбить с мысли.

— Скажите мне, — настаивал он, — как вы поступите с другими существами, если вы их найдете?

— Ну... мы должны будем определить свою политику относительно них. Это будет зависеть от их реакции.

— Приведите мне пример такой политики.

Настроение человека-ягуара изменилось. Он выглядел расстроенным, словно ему надоел этот разговор.

— Как я могу знать заранее! — взорвался он.

Пока продолжалась дискуссия, Модьун с растущей уверенностью отметил про себя другой смысл того, что было сказано. Теперь он спросил:

— Вы упоминаете, что нужно убедить власти. Кто эти власти?

Он ждал и думал:

"Теперь я узнаю, кто враг".

— Люди-гиены, — был ответ.

Последовало мгновенное разочарование. Ответ оказался заурядным.

"Не люди-тигры или люди-львы, — подумал Модьун, — не люди-слоны. Никто из тех, кто когда-то был большим или могучим созданием. Вместо этого, тот, кто когда-то питался падалью, а теперь добрался до вершин власти".

Он забеспокоился.

Все остались на одинаковом уровне. Когда люди отступили за барьер, самосохраняющиеся компьютеры управляли городами и селами. Люди-гиены прорвали эту оборону. Невероятно, но у него не было причин сомневаться.

И все же он почувствовал себя лучше. Одна группа, с которой можно говорить, вести дела. Вдруг это показалось Модьуну несерьезной проблемой.

Модьун расслабился — и впервые действительно с искренним интересом принял участие в беседе. Ему эти разговоры что-то напомнили. Он сказал:

— Вы говорите о поисках других обитаемых звездных систем. А что вы скажете о Нунули, которые обнаружили иную жизнь в нашей солнечной системе? Они же возвратились на Землю? И почему вы не спросите их, где обитаемые системы? Я уверен, что они с радостью расскажут вам. Это очень услужливая раса.

Он остановился, увидев смущенные лица.

— Нунули! — эхом отозвался человек-лиса.

— Существа с другой звезды! Нет, мы никогда...

Это произнес человек-медведь.

— Где вы слышали об этих существах со звезд? — спросил человек-ягуар насмешливым тоном. — Когда это было?

Модьун, который на мгновение забыл, что для них он обезьяна и не может знать больше, чем они, сказал:

— Я слышал это там, откуда я приехал.

Он самодовольно подумал, что это чистая правда.

Четверо людей-животных, казалось, приняли его утверждение. Очевидно, они точно не знали, что происходило в далекой Африке. Несколько минут они продолжали серьезно беседовать между собой и пришли к выводу, что тем, кто прилетел из космоса, земляне позволили жить, но не дали случившемуся широкой огласки.

Это была неудача. Глупость. Но в этом была и хорошая сторона, как считал человек-медведь. Это доказывало, что в космосе есть и другие расы.

— Весь район там должен быть исследован, — неопределенно махнул рукой человек-медведь, охватывая взмахом полгоризонта.

Подходящий момент еще не настал, их внимание все еще было занято навязчивой идеей, но в голове Модьуна мелькнула другая мысль.

— Что вы делали до того, как вас наняли для полета? — спросил он с любопытством. — Чем вы занимались?

— Я был монтером на строительстве, — сказал Неррл.

Игтдооз, как выяснилось, работал на океанской ферме, где разводили водоросли.

— Я всегда хорошо себя чувствую у воды, несмотря на то, что она соленая, — сказал он. — Каналы и болота... В общем, мне хорошо.

Руузб был лесничим.

— Я люблю горы и расстояния, — сказал он. — Вот почему, я думаю, мне понравится космический полет. Космос...

Дуулдн не захотел рассказывать о себе. Он выглядел немного смущенным.

— Я не стыжусь, — сказал он. — Было бы странно говорить об этом, и я лучше не буду.

Отказ стал мгновенным вызовом Модьуну. Он смутно помнил о том, что, изменяя животных, человек имел в виду некоторые особые способности, которые он обнаружил в каждой породе... Что же это могло быть у ягуара? Он не мог ни вспомнить, ни додуматься до этого.

С опозданием ему пришло в голову, что его знакомые захотят узнать о его занятиях. Он открыл рот сказать, что он специалист по электронике, но внезапно понял: не нужно ничего говорить. Его друзья снова вернулись к своей скучной теме.

Информация о Нунули, пожалуй, возбудила в них еще больший интерес к предстоящей межзвездной экспедиции, сделала их еще более решительными, чем когда бы то ни было (если такое вообще возможно), в стремлении настаивать на правильном выборе маршрута для их корабля. Когда Модьун снова прислушался к их разговору, они обсуждали ряд способов, которые помогут склонить "власти" к их точке зрения.

Вдруг человек-лиса вскочил на ноги.

— Эй! — он почти визжал от возбуждения. — Лучше нам добиться, чтобы нас выслушала комиссия.

Модьун встал, как и другие. Он был немного обескуражен — хотя и не сильно. Их неожиданное (а на самом деле, закономерное) намерение, казалось, положит конец его плану поселиться вместе с Руузбом. Ему не пришло в голову, хотя и должно было прийти, что они должны присутствовать днем на собрании.

Действительно, это было не настоящее препятствие. Перед ним стояла проблема: где найти комнату? И он должен был ее решить.

Модьун направился к ближайшей двери, понимая, что другие идут следом. Он думал:

"Когда они пойдут на собрание комитета, я попробую справиться с квартирным компьютером. И мы увидим, кто главный: человек, творец или машина".

С этой мыслью он прошел в дверь, оглянулся и обнаружил, что он снаружи — один!

ГЛАВА IV

Остальные ушли.

Поразительно!

Только что они были сзади. Игтдооз хрипло смеялся; Дуулдн что-то говорил глубоким мурлыкающим голосом, Руузб тяжело ступал по полу, а человек-лиса что-то отвечал лающим голосом.

Слова совсем не имели значения, но звуки, которые издавали его знакомые, стали привычной частью окружающего.

Модьун остановился и оглянулся. Вот дверь, через которую он вышел.

Он помнил, что она была непрозрачной.

Непрозрачной!

Когда Модьун бросился к ней, он заметил, что на ней нет ни ручки, ни задвижки. Он сделал три шага, и теперь стоял, ощупывая дверь ладонями и пальцами и пытаясь открыть ее.

Под руками была лишь маслянистая гладкая поверхность. Дверь не откроется. Сзади, на улице он услышал слабый шум... Что-то в его мозгу мгновенно отреагировало.

Модьун обернулся.

Высокий — более восьми футов — человек-гиена стоял на расстоянии всего в дюжину футов с автоматическим пистолетом в одной руке; он сказал странным голосом:

— Что случилось?

Потом Модьун сделал неопределенное движение своим телом, словно покачнулся, и пистолет выпал из вытянутой руки гиены, ударившись о тротуар с металлическим звуком.

Это было как сигнал. Огромный человек-гиена опустился на колени и прошептал:

— Помогите...

Модьун мог бы помочь, но не помог. Он стоял, чувствуя свою вину.

Умом он чувствовал, понимал, что это было. Модьун сразил человека-гиену, выделив из своего тела газ.

Невероятно, но какая-то часть мозга Модьуна уловила звук у него за спиной или, может быть, уловила лишь настолько, насколько это возможно из намерений другого при передаче мыслей, и объяснила это как угрозу.

Больше всего Модьуна удивило то, что его реакция была агрессивной.

В течение всей жизни Модьуна с ее философией полного — именно полного отказа от насилия, он никогда не нападал, но его мозг был способен на это.

Итак, это рефлекс тела, с его животным бешенством.

"Господи, я должен следить за этим", — подумал он.

Пока он пришел к такому решению, человек-гиена перекатился на бок и теперь лежал на бетоне, скрючившись, стонал и извивался. Модьун подошел и с сочувствием посмотрел на подергивающееся тело.

Через минуту Модьун увидел, что пистолет лежит в нескольких ярдах в стороне. Он подошел, поднял его, осмотрел и увидел, что он заряжен.

Модьун не знал, что и думать. Поэтому он спросил:

— Где вы взяли оружие?

Никакого ответа, только стон.

Модьун спросил настойчивее:

— Я думал, что их больше не выпускают.

На этот раз ему ответили.

— Ради Бога, — простонал человек-гиена, — я умираю, а вы задаете глупые вопросы.

Все оказалось не так плохо. Действительно, первоначальное чувство сильной вины отошло на задний план. Оно еще присутствовало, но стало более слабым, когда Модьун с облегчением осознал, что инстинктивно воспользовался защитной функцией организма.

Тут у человека-гиены начался отвратительный приступ желудочных спазмов. Возможно, он чувствовал сильную изжогу и другие признаки отравления, которые порой испытывают и животные, и люди.

Это страшно, болезненно, но он не умрет.

— С вами будет все в порядке примерно через час, — сказал Модьун и положил пистолет в карман пальто. — Но я уверен, что вы собирались стрелять. Это делает вас потенциальным убийцей, и поэтому я только запишу ваше имя.

Подозревая, что ему не ответят добровольно, Модьун снова потребовал.

— Глидллл, — ответил человек-гиена.

— Хорошо, Глидллл, — сказал Модьун, — мы не хотим дальше нарушать ваше право на свободу мысли, поэтому сейчас я не требую больше информации. Что-то в этом мире неправильно, и я не могу поверить, что вы персонально ответственны за это. Но я буду знать, как связаться с вами, когда, наконец, приму решение.

С этими словами Модьун повернулся и пошел влево, туда, где заметил дырку в заборе, ведущую к входу в столовую.

Когда Модьун попал на улицу, четверо его друзей вышли из здания. Увидев Модьуна, Неррл, человек-лиса, облегченно вздохнул. Они все остановились.

Несколько минут они говорили все вместе. Из этой смеси слов Модьун смог выделить всего несколько битов информации. Он понял, что они решили, что потеряли его. Модьун задумчиво смотрел на них. Все четверо излучали наивность, что делало всю историю совершенно приемлемой для него. Что бы ни случилось, они тут были ни при чем.

Он подумал, что происшествие приобретает вид случайного. Совершенно случайно он вышел через боковую дверь в тот момент, когда — как они теперь это описывали — они остановились и оглянулись, чтобы что-то рассмотреть. Когда они повернулись, его уже не было.

Но как случилось, что человек-гиена с автоматическим пистолетом как раз стоял на заднем дворе? Совпадение требовало напряжения воображения, но так как никто не знал Модьуна и не знал, кем он был, это должно было быть именно совпадением.

Модьун почувствовал, как его напряженное тело при этой мысли расслабилось.

Он наблюдал, как четверо друзей заторопились на собрание. Сначала они воспользовались движущимся тротуаром, чтобы добраться до улицы. Один из них махнул рукой, и к тротуару подъехал автомобиль. Они забрались в него, и двери закрылись. Минутой позже автомобиль отъехал, и Модьун быстро потерял его из виду.

Чувствуя себя спокойным, но немного несчастным, Модьун направился к квартирам на террасе. Первые неудачи немного беспокоили его. Он потерял своих четырех спутников. В их компании он чувствовал себя в какой-то мере счастливым.

Модьун пошел, чтобы показать, как одурманивают мозги настоящего человеческого существа. Его удивило, что обучающие машины не подготовили его к таким ловушкам. Тот, кто программировал машины, уже забыл такие подробности. Или, наверное, знал, но игнорировал.

Модьун все еще мысленно качал головой, хотя его, в действительности, не беспокоили различия, когда он приехал на улицу, где жили другие и где он тоже надеялся

устроиться. С облегчением он увидел, что небольшая квартира между человеком-медведем и человеком-ягуаром еще не занята. Так как она свободна, ему не придется позже объяснять, почему он переехал.

Теперь он не терял времени на дальнейшие споры с машиной. То, что он делал, было одним из способов, с помощью которых человеческий ум контролировал положение дел. Сила, которая была мгновенно приведена в движение, уничтожила прочные электрические соединения этой специальной системы реле, открывающих дверь.

Так как его логика была безупречной, он не повредил небольшой выключатель, с помощью которого компьютер дистанционно контролировал крошечную квартирку. Он просто открыл дверь. Через минуту, когда он повернул ручку и толкнул дверь, она открылась.

Теперь он мог войти. Но вместо этого он остался стоять. У него возникло чувство; чувство, идущее из мозга в тело.

Он стоял на крыльце этой маленькой блочной квартирки и смотрел с ее скромной высоты на часть города Галли. И он чувствовал, что он — человек, и другие не такие, как он. Большинство из них приспособилось и не изменилось. Рост человеческого самосознания из глубин животного для большинства существ, населяющих Землю, не был трамплином для прогрессивного развития.

К ним насильно применили чудеса биологии. С этого времени цепи молекул оказались закодированными, чтобы поддерживать изменение; и за тысячи лет кодирование точно выполнило свою задачу.

Не больше и не меньше. Модьун отчетливо представлял себе огромные массы животных-людей, которые счастливо общались, подходили к автоматам для раздачи пищи, пробивались в свои квартиры, докладывая компьютерам, энергично обсуждали подробности того, на что они были запрограммированы, или, как это случилось с его знакомыми, делали то, что заставлял их человек-гиена.

Какая удивительная случайность, что люди-гиены из всех людей-животных оказались единственными, кто как-то пробился через внутреннее кодирование.

Стоя здесь, Модьун все еще предполагал, что это незначительный прорыв; что в человеке все еще есть что-то большее, чем в любом животном. Это ощущение засело в его мозгу.

"Мы великие", — думал он.

Впервые он согласился, что поступил хорошо, выйдя из-за барьера, чтобы оценить изменения внешнего мира, узнать, какое время наступило на планете людей.

Когда он так оценил свое присутствие здесь, за барьером, он вошел в маленькую квартирку, где собирался пожить некоторое время в качестве обезьяны.

Пока не приедет Судлил.

Общение с человеком-гиеной, вооруженным пистолетом, в свете имеющихся фактов, казалось, к делу не относилось. Скрытый смысл заключался в том, что Модьун стал заметной персоной.

Но это, конечно, невероятно.

"Никто же не станет искать меня, — говорил себе Модьун. — Я человек-обезьяна, который живет, как приезжий, в городе Галли".

Если пистолет был предназначен, чтобы кого-то убить, то собирались убить не Модьуна. Простая логика. И поэтому не было нужды думать об этом дальше.

И он прекратил это занятие.

Модьун проснулся в кромешной тьме, осознав, что кто-то находится в комнате и склонился над кроватью с оружием...

ГЛАВА V

У Модьуна не было времени подумать, как лучше отреагировать. Поэтому он превратил противника в камень.

Тогда он включил свет и встал. Человек-гиена стоял неподвижно, склонившись над его постелью, и крепко сжимал нож. Он был захвачен врасплох во время нанесения удара, и его положение было динамически неустойчивым.

Модьун, конечно, никогда раньше не применял метод превращения в камень на живых существах и теперь смотрел на свое творение, чувствуя возбуждение в теле.

Он — сам, думающая личность — изучал незваного гостя с полной беспристрастностью. Из того, что он знал о процессах, которые запускаются в живом организме таким способом воздействия, он понял, что все потенциальные возможности тела человека-гиены для затвердевания были мгновенно освобождены.

Модьун вызвал у человека-гиены артрит, паралич, камни в обеих почках, затвердение артерий и, вообще, окостенение всего тела... Модьун подозревал, что тот чувствует сильную боль, поэтому он подошел и вынул нож из его руки — или, скорее, попытался это сделать.

Нелегко... Пальцы, казалось, застыли вокруг рукоятки. Но Модьун вытянул нож, внезапно сильно рванув. Затем он проверил карманы у существа, нашел несколько таблеток и, усилив свое чувство обоняния, установил, что они ядовиты.

Модьун понюхал лезвие ножа. Тот же запах. Метод двойной попытки подстраховки.

Больше ничего он не нашел.

Чувствуя жалость к другому существу, он оставил в его теле немного жидкости — минимум.

Человек-гиена упал на кровать. Он лежал там, словно мокрая масса, и так было на самом деле.

Сейчас в его теле началась внутренняя перестройка. Может быть, ему потребуется день, чтобы оправиться от шока и быть в состоянии двигаться. Некоторое время после этого в мозгу его будет избыток жидкости и слишком много воды в каждой клеточке. Но так как, очевидно, человек-гиена не был болен и в его системе не было естественного нарушения, то, в конце концов, он придет в себя.

Модьун не знал, когда можно будет расспросить предполагаемого убийцу о его мотивах. Ему казалось, он помнил, как обучающие машины много лет назад говорили, что необходима одна или две недели, пока голосовые связки восстановятся достаточно для того, чтобы существо смогло говорить.

Все это не имело значения. Значение имело то... Несомненно, кто-то искал его.

Логика говорила, что этого не может быть, но факты — вещь неопровержимая. Два покушения на его жизнь. Это

невозможно в мире, где нет преступлений. Но все же это случилось.

Модьун мгновенно решил, куда он должен пойти, чтобы провести первую проверку.

Итак, вскоре после трех часов ночи, полностью одетый Модьун распахнул входную дверь столовой, работающей круглосуточно, и вошел к боковому выходу, через который он каким-то образом (случайно?) попал во двор и оказался лицом к лицу с вооруженным человеком-гиеной.

Что-то в этом беспокоило его. Мгновенное замешательство...

"Усилитель мысли направил меня через ту дверь, — анализировал Модьун. — Он включался только на мгновения".

В течение секунд усиленная мысль осторожно подталкивала его через эту боковую дверь... Все выглядело так, как будто это его собственная мысль. Осторожно, согласно его собственной цели. В шумном окружении он не заметил постороннего воздействия.

Модьун предположил, что одновременно четверо его друзей-животных подверглись такому же умственному давлению, которое направило их мимо той же двери, и они не заметили его исчезновения. Это никак не могло быть проблемой. Животные-люди не знают таких вещей.

Убежденный в своей правоте, Модьун решил для себя:

"Путь, по которому я сейчас иду, выведет меня к компьютерному центру и к тому, кто там находится. И тогда я буду знать, в чем проблема".

Модьун даже не предполагал, с какой невероятной проблемой столкнется.

Была ночь... только на востоке появилось слабое сияние...

Модьун вошел в компьютерный центр через парадный вход и оказался в мире металлических панелей, залитых слабым светом; некоторые панели простирались от пола до высокого потолка.

Были слышны слабые звуки; насколько Модьун мог определить, он слышал только звуки машин и их органов управления. Легкие щелчки, когда блоки один за другим соединялись с основной машиной или отключались от нее.

Это ничего не означало и не имело значения. Тут царил заведенный порядок, все работало в том же автомати-

ческом режиме много тысячелетий и, вероятно, будет продолжаться, пока на планете не исчезнет жизнь.

Модьун миновал несколько дверей, прошел по коридору и спустился вниз по ступенькам — к центральному устройству.

"Вот вы где", — подумал Модьун.

Машина, перед которой он очутился, казалась обыкновенным компьютером универсального типа. Но из этого компьютера исходила направляющая мысль, которая заставила его выйти из боковой двери столовой.

Через минуту Модьуна удивило, что ему позволили зайти так далеко без дополнительных препятствий. Он чувствовал ... сопротивление... своему присутствию. Поразительно, что он не мог осознать это яснее, он, который был таким чувствительным.

Ладно, скоро он все узнает.

Он заговорил с компьютером, требуя разъяснений. В помещении для машины его голос повторяло эхо. Он ясно чувствовал, что прошло много, много столетий с тех пор, как шум жизни нарушал тишину замкнутого пространства.

Последовала пауза, которая сама по себе показалась ненужной, так как компьютер всегда отвечал сразу (за исключением этого раза).

Наконец, прозвучал ответ компьютера:

— Я получил инструкцию проинформировать вас, что Нунули, хозяин планеты, поговорит с вами лично, как только подойдет сюда, на что потребуется около минуты.

У Модьуна было шестьдесят долгих секунд, чтобы обдумать значение этих слов. Так как он полностью контролировал все происходящее, то почувствовал удивление, услышав ответ компьютера.

Минута прошла. Где-то у него за спиной открылась дверь.

ГЛАВА VI

Только в течение нескольких мгновений существо, которое вышло из-за рядов машин и металлических панелей, выглядело как человек. Оно было одето в костюм, закры-

вавший тело и руки. У него было две ноги и две руки, и держало оно их как человек.

Но вторым, главным впечатлением Модьуна был его своеобразный голубовато-зеленый головной убор и пара перчаток из необычной ткани в голубую полоску.

Мгновения, когда он казался знакомым, прошли...

Модьун понял, что незнакомец не является земным созданием. То, что казалось цветным головным убором, оказалось массой мелких щупалец, которые поднимались с головы и отражались на гладкой коже лица, как в зеркале.

А то, что выглядело, как костюм, было, в действительности, серовато-зеленой кожей. Кое-где она была скорее серая, чем зеленая. На существе вообще не было никакой одежды.

Хотя он сам никогда не видел Нунули, он понял, что это, на самом деле, пришелец, который впервые посетил Землю около пяти тысяч лет назад.

По меньшей мере, здесь был один из пришельцев. Существо остановилось и теперь находилось на одном уровне с Модьуном. Пришелец оказался ростом около шести футов и выглядел скорее тщедушным. Землянин возвышался над ним на добрых два фута.

Теперь Модьун почувствовал себя просителем.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил Модьун.

Руки поднялись вверх, и это было удивительно точным подражанием человеческому жесту, своего рода пожатие плечами.

— Все сделано, — сказал Нунули. — Больше ничего не нужно. Твоя планета давно завоевана нами.

Голос, которым были произнесены эти слова, звучал нежно, но не был женским. Сами слова были сказаны на универсальном земном языке без акцента. Или, по крайней мере, если и был акцент, он казался легкой местной вариацией.

Модьун оценил ситуацию.

— И какие у вас планы относительно меня и других человеческих существ? — спросил он.

— Никаких, — ответил пришелец. — Что вы можете сделать против нас?

— Мы обладаем системой управления разумом, — заявил Модьун.

— Сколько вас здесь?

— Около тысячи, — неохотно ответил Модьун.

На мгновение, только на мгновение, его поразило такое малое количество оставшихся людей.

— Когда мы впервые прибыли сюда, — сказал Нунули, — здесь было около четырех миллиардов человеческих существ. Они могли оказаться опасными. Но теперь, я говорю вам, что мы позволим этой тысяче делать все, что угодно... даже сопротивляться нам. Но почему они должны беспокоить нас, если мы не беспокоим их?

Модьун с чувством облегчения выслушал его ответ. Его мускулы и нервы напряглись, и сигналы, которые они посылали в мозг, были слишком сильными.

Наконец, Модьун сказал:

— Но почему вы вообще завоевали нас? Что вы собираетесь делать с таким разнообразием разумных форм жизни?

— Что делать с этой планетой, — ответил Нунули официальным тоном, — мы еще не решили. Решение будет принято на будущем собрании комитета.

Существо вытянуло руки и сказало:

— Трудно выносить такие вопросы на повестку дня.

— Но почему же вы завоевали нас? — настаивал Модьун.

Нунули вернулся к официальному тону.

— Мы получили инструкции уничтожить руководящую группу, после чего будет принято решение, как распорядиться планетой. Наш метод завоевания Земли заключался в том, чтобы предложить человеческим существам усовершенствовать их тело и мозг. Ваших предков сразу привлекли возможности, которые открывались перед ними. Люди не заметили, что среди стремлений, которые поощрялись при этом, оказался и всеподавляющий импульс к философскому существованию. Так как процесс продолжался, то скоро человеческие существа захотели оставить свою цивилизацию животным и насекомым. Позже, когда мы решили, что нас должна представлять группа животных, мы выбрали людей-гиен. Естественно, четко не представляя ситуацию, они мало знают о вас. Поэтому вам причинили беспокойство.

Модьун решил, что инопланетянин намекает на два покушения на его жизнь. Объяснение показалось неудовлетворительным, но Модьун воздержался от комментариев.

— Этого, — продолжал Нунули, — снова не произойдет, если вы не проявите упрямство.

Модьун быстро оценил сказанное, глубоко вздохнул и сказал:

— Ваши действия едва ли похожи на завоевание.

— Человек фактически исчез. Это завоевание!

Модьуну было трудно оценить все с такой позиции. Сокращение человеческого рода до тысячи особей казалось ему разумным. За людьми в этом вопросе могли бы последовать Нунули и огромное количество животных и насекомых, кишевших по всей Земле.

Он так и сказал.

Нунули отверг эту идею.

— Наше предписание — завоевать Вселенную и размножить людей-рабов в количестве, необходимом для выполнения этой задачи.

— Но почему?

— Это решает комитет, — последовал холодный ответ.

В мозгу Модьуна начала формироваться смутная картина иерархической структуры захватчиков. Он сказал:

— Этот комитет... Вы общаетесь с его членами?

— Нет, они сами связываются с нами. Мы получаем инструкции.

— Значит, они не живут среди вас?

— О, нет! — ответил потрясенный Нунули. — Они живут за барьером, и никто не ходит туда.

— Они похожи на вас? По форме, я имею в виду.

— Конечно, нет. Это было бы смешно. — Нунули вдруг возмутился. — Члены комитета — особая раса.

— Сколько же их там?

— Около тысячи, — был ответ.

— Я вижу,— протянул Модьун.

Из слов, произнесенных созданием, было очевидно, что оно само ничего не понимает.

— Комитет не должен быть больше. Он стал бы слишком громоздким.

— Конечно, — поспешно согласился Модьун.

Через минуту он добавил:

— Я вижу, что наших людей-животных посылают в космос к другим мирам. Очевидно, вы используете их, как часть ваших войск захвата?

— Конечно. Они действуют как дополнительные силы в нашей схеме завоевания.

— Тогда слухи о том, куда направится большой корабль, который теперь готовится к полету, просто маскировка?

— На Земле мы поддерживаем видимость демократии, первоначально установленной человеком, — сказал Нунули. — Поэтому мы выслушиваем и создаем впечатление свободы выбора для большинства. Но, в действительности, планеты, которые должны быть захвачены, уже выбраны.

— Сейчас у вас нет плана, что делать с людьми, которые живут на Земле... окончательного плана? — спросил Модьун.

— Пока комитет не примет решение в связи с тем, что нужно сделать с Землей, плана у нас не будет, — сказал Нунули. — Что будут делать тем временем обитатели Земли, неважно. Ведь теперь Земля — завоеванная планета.

Существо сделало вывод:

— Я понимаю, что для нас может быть неудобно, чтобы вы находились поблизости, когда приближается время перемен. Поэтому я рекомендую вам вернуться за барьер.

— Мне кажется, что до тех пор, пока я буду находиться под личиной обезьяны, я не создам для вас проблем, находясь поблизости, — ответил Модьун.

— Рано или поздно кто-нибудь узнает вас, и это создаст сложности, — был ответ.— Поэтому покиньте город... это мой совет.

— Хотя, как вы знаете, мы, люди, не ведем себя агрессивно, у меня создается впечатление, что, если бы я захотел, я мог бы уничтожить всех Нунули на этой планете, — настаивал Модьун. — Разве не так?

— Очевидно, — раздраженно ответило существо, — мы должны будем доказать вам, что то, что вас в настоящее время мало, делает вас бессильными. Итак, я думаю, на этом наша беседа должна окончиться. Вы можете выйти из этого здания тем же путем, каким вошли.

Наступило утро.

Когда Модьун проснулся, он подумал, что не чувствует разницы между нынешним своим состоянием, когда знает, что живет на захваченной Земле, и прежним состоянием, когда он не знал этого. Четыре миллиарда мужчин и женщин постепенно умирали и всегда по очень важным при-

чинам. Жизнь была слишком беспокойной. Никакой резни. Или еще хуже, вероятно, что тех, кто остался, еще предстоит уничтожить.

Дело было сделано и сделано тихо, самим человеком. Могла такая судьба человечества оказаться связанной с преднамеренным завоеванием?

Вопрос относился к области философии.

ГЛАВА VII

Размышления закончились.

Модьун отказался от дальнейших раздумий и встал с постели.

Когда он оделся, то услышал шаги на маленьком крылечке. Он открыл дверь.

За дверью стояли четверо его друзей-животных; они были одеты иначе, чем за день до того. Теперь на них были не только широкие брюки, но и подходящие пиджаки, под пиджаками — белые рубашки с высокими воротниками, яркие цветные шарфы, завязанные вокруг шеи и свисающие вниз. Даже их ноги выглядели иначе. За день до этого они носили комнатные туфли неопределенного фасона. Но сегодня утром их сменили блестящие черные туфли.

Модьун удивленно смотрел на людей-животных. Прежде чем он смог заговорить, человек-медведь сказал веселым голосом:

— Может быть, вы захотите пойти с нами завтракать?

Приглашение было радушным. И Модьун не колебался. Ему, действительно, нечего было делать до приезда Судлил из-за барьера. Ему пришло в голову, что, может быть, интересно совершить путешествие по планете; когда он снова присоединится к человеческой расе, от него потребуют отчет. Но путешествие может подождать. По крайней мере, сначала он позавтракает. Модьун улыбнулся.

Он вышел на крыльцо. Повернулся. Закрыл за собой дверь. Снова повернулся. И на этот раз пожал руки каждому человеку-животному. Неррл оказался последним. Неррл сказал:

— У нас масса времени. Заседание комитета не возобновится до одиннадцати.

Этот день тоже выдался ясным. Когда они отошли, Модьун глубоко вдохнул и обнаружил, что воздух чистый и свежий. Модьун непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее слушание?

Ответом было четыре негодующих вздоха.

— Напыщенные гиены, — жаловался Дуулдн.

Другие выражали те же чувства, и из их слов вскоре выяснилось, что им не разрешили высказать свое мнение лишь потому, что они не были одеты, как положено; поэтому они сидели среди публики и расстроенные слушали, а неуместные свидетельства в пользу их точки зрения поставили их в глупое положение перед комиссией.

— Мы уверены, что сегодня этому будет положен конец, — пробормотал Дуулдн мурлыкающим голосом.

Быстрый взгляд его глаз — намек на ярость ягуара, о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках, придавали его словам определенную свирепость.

Помня, что сказал Нунули — цель для большого корабля уже выбрана, — Модьун почувствовал жалость к своим спутникам. Тут его что-то словно подтолкнуло.

— Почему бы мне не пойти с вами? — предложил он.— Я хотел бы сам посмотреть на этих людей-гиен. Я не буду выступать. Только понаблюдаю.

Модьун сказал правду. Он, действительно, хотел посмотреть на них.

Четверо людей-животных были в восторге.

— Мы хотели бы, чтобы вы рассказали им о Нунули, — сказал Игтдооз.

— Но он должен найти другую одежду, — проворчал Руузб. — Оденьтесь так, как мы.

— Я не собираюсь выступать, — повторил Модьун.

Они позавтракали, нашли для Модьуна костюм, и он поспешил вместе с другими на улицу, где мчались автомобили. Почти сразу подъехал автомобиль, и они сели.

Целью их поездки оказалось высокое здание в центре города. Они поднялись на лифте на верхний этаж. В коридоре на лицах спутников Модьуна появилось выражение подобострастного уважения. Скоро они шепотом сообщили

о своих намерениях восьмифутовому человеку-гиене, который стоял перед закрытой двойной дверью, ведущей, вероятно, в зал заседаний. Человек-гиена кивнул, попросил соблюдать тишину и очень тихо открыл дверь достаточно широко, чтобы они могли войти по одному.

Модьун сидел сзади и смотрел поверх множества голов странных существ. Здесь было даже несколько мелких насекомых, конечно, не носильщиков. Выяснилось, что они тоже явились сюда, чтобы отстаивать свою точку зрения. Модьун не слушал их доводов и поэтому не понимал, что они хотят.

Его внимание приковала к себе комиссия: одни люди-гиены. Удивительно. Модьун чувствовал сильное желание подойти к ним поближе. Он видел, что ближе всего подходили те, кто выступал, и поэтому решил, что должен как можно больше узнать о людях-гиенах, если собирается оспорить право комитета принимать решение. А почему бы нет?

Поэтому, когда Неррл высказал свои страстные доводы и был отпущен, Модьун сделал ему знак рукой, чтобы он подошел. И шепотом сказал ему, что передумал и хотел бы, чтобы его имя записали в список выступающих.

Человек-лиса, который наклонился, чтобы выслушать его просьбу, выпрямился в полный рост, семь и три четверти фута, и громко сказал с удивлением:

— Конечно, мы запишем ваше имя. Мы хотим, чтобы вы рассказали им о Нунули.

Его голос прозвучал громко и беспокойно, и секретарь собрания резко постучал по столу, призывая к порядку и тишине. Но в нужное время Модьун оказался на месте оратора. Тогда один из членов комитета вежливо обратился к нему:

— Здесь сказано, что вы обезьяна. Я видел обезьян и считаю, что вы не совсем похожи на обезьяну.

— Есть много видов обезьян, — Модьун повторил аргумент, выдвинутый в машине одним из его товарищей.

— А к какому виду относитесь вы? — настаивал спрашивающий.

Модьун не обратил внимания на вопрос. Ему было интересно поближе увидеть правящих животных Земли. Люди-гиены, которых он видел раньше, возле столовой и в

своей спальне позавчера, в своем болезненном состоянии были неподходящим объектом для изучения.

Модьун предполагал, что, наверное, так же трудно изучать человека, страдающего жестокими желудочными спазмами или артритом.

Поэтому теперь он внимательно осмотрел своего собеседника.

Действительно, разница существовала... и она сразу бросалась в глаза.

Хотя внешне председательствующий напоминал обычных измененных животных. Форма головы у него была как у настоящей гиены, но только... как другие животные, гиены напоминали зверя, породившего их. Как и у других людей-животных, выражение лица человека-гиены было почти человеческим, таким тщательным было биологическое приближение к человеческой форме.

Но существовала разница — неуловимая, но очевидная. Модьун ощутил их превосходство. Логика людей-гиен была проста: они управляют планетой, поэтому стоят выше.

В голове Модьуна возник вопрос: знают ли гиены, что они служат агентами инопланетной расы? Был ли сознательным союз с Нунули? Ответ на этот вопрос нельзя было получить от человека-гиены при данных обстоятельствах.

Когда цепь ощущений завершила свой путь в мозгу Модьуна, он решил прямо бросить вызов имеющемуся порядку вещей.

Он сказал:

— Не могли бы вы процитировать мне указания людей, позволяющие человеку-гиене рассматривать вопросы, подобные этому?

В публике началось волнение. Шарканье ног. Даже тяжелое дыхание и бормотание. Председатель опустил молоток, требуя тишины. Член комитета, который ораторствовал ранее, поднял брови и откинул голову, потом сел в прежнее положение и сказал:

— Ваш вопрос не относится к тем, по которым этот комитет может выносить решения. Мы работаем по указанию правительственного департамента, и круг вопросов, которые мы рассматриваем, строго ограничен. Вас удовлетворяет этот ответ?

Модьун вынужден был молча согласиться. Он не заботился о том, кому бросал вызов, ведь он обнаружил, что противостоит второстепенной организации. Это была одна из тех — не бесконечных, но кружных — цепей — вроде разговора с компьютером вместо человека, который его программировал, — совершенно бесполезное действо.

И еще Модьун подумал, что гиены — джентльмены.

Действительно, все выглядело очень цивилизованно и благопристойно. Модьун понял, что не может испытывать вражды ни к кому, кто достиг их уровня культуры.

— В таком случае у меня теперь нет других аргументов, — заявил Модьун комитету.

Когда он поднялся, чтобы сойти с помоста, человек-ягуар выкрикнул из публики:

— Эй, а как насчет Нунули?

Очевидно, для человека-гиены это было слишком. Председатель в ярости опустил молоток. Стремительно вошли люди-гиены в форме. Через несколько минут комнату заседаний освободили от публики и в коридоре зачитали сообщение, что заседание продолжится сегодня в три часа дня.

Когда Модьун пошел с друзьями к лифту и завернул за угол, то увидел, что множество людей-гиен в форме блокировало коридор в сотне футов впереди. Когда зрители и выступающие, которые присутствовали на заседании, подходили к этому живому барьеру, каждый останавливался и что-то говорил. Во всех случаях, которые наблюдал Модьун, ответ оказывался удовлетворительным, и ответившему разрешали пройти по узкому проходу, сделанному между двумя рядами людей-гиен в форме.

Маленькая группа из пяти существ должна была ждать своей очереди. Неррл, который стоял впереди, сказал, обернувшись назад:

— Они спрашивают у каждого его имя. Как только получают ответ, разрешают пройти.

У человека-гиены, который задавал вопросы, было суровое лицо; в одной руке он держал какие-то бумаги. После того как Модьун произнес обезьянью версию своего имени, офицер посмотрел на свои бумаги и сказал официальным тоном:

— Вы не можете произнести свое имя по буквам?

Модьун терпеливо проделал это. Существо еще раз изучило бумаги, которые были у него в руке.

— Это для вас, — сказал человек-гиена.

Он протянул документ Модьуну. Тот взял, но спросил удивленно:

— Для меня? Что это?

— Повестка.

— Какая повестка? — заинтересовался Модьун.

Человек-гиена рассердился.

— Прочитайте, — ответил он. — Тогда вы узнаете, что это такое.

Он махнул рукой другому человеку-гиене в форме. Вся группа застыла.

— Направо! Марш! — скомандовал командир.

Звук их шагов быстро затих.

Модьун стоял рядом с Руузбом, другие трое его спутников смотрели на него.

— Что это было? — спросил Руузб. — Что он дал вам?

— Повестку, — ответил Модьун.

— Что?

Модьун протянул повестку человеку-медведю. Медведь посмотрел на сложенную бумажку, затем медленно и громко прочитал сверху: "Государство против Модиунна". Он поднял глаза.

— Модиунн — это вы, все правильно, — сказал он. — Но кто это "государство"?

Модьун не смог подавить улыбку.

— Государство — это правительство.

Он замолчал. Его улыбка погасла, когда до него дошел смысл собственных слов. Наконец, он сказал:

— Вероятно, это относится к людям-гиенам, захватившим власть.

Он увидел, как бледно-розовое лицо Дуулдна нахмурилось.

— Вы задали на заседании хороший вопрос, Модиунн. Какое право люди-гиены имеют решать, куда должен направиться космический корабль?

Теперь он хмурился. Мускулы его челюстей странно двигались. Он сжал зубы с почти металлическим звуком и закончил:

— Я никогда раньше не думал об этом.

— Да, это был хороший вопрос, — сказал Руузб. — Вы и я, черт возьми, — он посмотрел на человека-ягуара — можем же сражаться с дюжиной людей-гиен, без поддержки? Почему же они говорят нам, что делать?

Модьун быстро посмотрел на одного и другого: двое сильных людей-животных. У обоих лица раскраснелись, очевидно, внутри они кипели. Человек подумал: "Дикость, действительно, скрыта не так глубоко". Он был удивлен, но...

Для него это оказалось решающим. Лучше думать о том, что он говорит, в будущем. Очевидно, попытка возбудить этих людей-животных не приведет ни к чему хорошему, потому что они могут только волноваться.

Вслух он сказал:

— Успокойтесь, друзья. Давайте не возбуждаться. Это не нужно.

Прошла еще минута. Их лица стали бледнеть. Дуулдн протянул руку и взял документ из руки Руузба.

— Давайте посмотрим, — сказал он.

— Подождите, — возразил человек-медведь.

Но его реакция была слишком медленной. Его друг забрал у него повестку и развернул ее. Человек-ягуар посмотрел на первые слова внутри и, казалось, на несколько минут онемел от того, что увидел. Затем он прочитал вслух: "Вызов в суд по уголовному делу".

— Уголовному? — повторил Неррл.

Все четверо людей-животных мгновенно отошли от Модьуна. Остановились и посмотрели на него.

Теперь на их лицах было замешательство.

Модьун сказал:

— Как я могу быть преступником в мире, где нет преступлений?

— Да, — сказал Руузб. — Он прав. Что он мог сделать?

— Ну, я не знаю... — Это с сомнением произнес человек-лиса. — Если человек-гиена говорит, что он преступник, то, наверное, это правда.

Неожиданно он сказал:

— Очень хорошо спорить о том, как им удалось войти в правительство. Но факт остается фактом: они правят нами.

Модьун сказал Дуулдну:

— Там написано, в чем меня обвиняют. В чем же?

— Да, — сказал Руузб, — прочитайте.

Человек-ягуар снова поднес листок к лампе и произнес мягким глубоким голосом:

— Обвинение — да... вот оно... Повреждение выхода компьютера, проникновение незаконным путем в помещение для приезжих...

Он мигнул.

— Эй, это несерьезное преступление.

Он снова посмотрел на повестку.

— Здесь говорится, что вы должны предстать перед судьей в следующий... вторник... До тех пор — послушайте — всех честных граждан призывают не общаться с обвиняемым. Это относится к нам, честным гражданам. Поэтому,— он кивнул Модьуну, — вы должны пробыть в одиночестве только до следующего вторника.

Он поспешно сложил повестку и протянул Модьуну. Все признаки его недавнего бурного возмущения исчезли. Он сказал:

— Ну, друзья, лучше нам уйти отсюда.

Модьуну же он сказал:

— Увидимся в следующий вторник, дружище.

Он ушел; за ним последовал Неррл, который небрежно кивнул, прощаясь. Руузб и Игтдооз колебались. Человек-медведь неуверенно проворчал:

— Вы не можете просто так бросить друга в беде.

Модьун вновь подтвердил свое решение не втягивать этих существ в свои дела.

— Только до следующего вторника, — подтвердил он. — Тогда увидимся.

Казалось, эти слова необходимы человеку-медведю и человеку-гиппопотаму, чтобы успокоить их. Было видно, что они почувствовали облегчение и пожали ему руку почти с благодарностью. Затем они поспешно отправились за своими товарищами.

Тем временем Модьун, шагая в том же направлении, пришел к шахте лифта. Четверых друзей там уже не было. Вокруг вообще никого не было. Когда подъехал следующий лифт, Модьун увидел, что и тот пуст. Удивительно. Тем не менее он собирался войти, но мысль об отсутствии людей-животных там, где пять минут назад их было очень много, заставила Модьуна подумать об опасности.

"Я лучше пойду вниз пешком", — решил он. Он помнил, что Нунули коварный тип.

Было бы обидно, если бы лифт застрял по пути вниз, вместе с ним. Чтобы спастись, он должен был нарушить еще несколько законов... Когда Модьун спускался по первому пролету лестницы, он подумал, что у него слишком сложная реакция на простую ситуацию.

"Я полагаю, — вздохнул он, начиная спускаться по второму пролету из тридцати трех, — что именно так люди должны были все обдумывать много лет назад, когда существовала конкуренция, интриги и все такое".

Спускаясь по третьему пролету, Модьун почувствовал отвращение к жизни снаружи барьера. Может быть, он должен сделать то, что хочет Нунули: вернуться за барьер и забыть все это безумие.

Но, спускаясь по четвертому пролету, он с грустью подумал:

"Я обещал Дода. И, кроме того, через несколько недель приедет Судлил".

Поэтому ему ничего не оставалось делать, как только спускаться вниз еще по тридцати пролетам.

Что он и сделал.

Когда он добрался до вестибюля, то принял решение.

Он все сознавал.

ГЛАВА VIII

Тишина охватывала все... но то тут, то там возникало беспокойство.

Модьун чувствовал свое единство со всем ближним космосом, кроме зоны беспокойства — зоны вмешательства, воздействия, агрессивной энергии — так называемого насилия. Или, может быть, тут было только намерение насилия. Завитки, цепи и темнота. Сверкающие пряди и потоки сверкающего серебра вибрировали в безбрежном пространстве вокруг него.

Он понимал, что люди-животные — мирные и глупые. Здесь их было так много, что их общая доброжелательность заполняла пустоту.

Люди-гиены создавали беспорядок в его ощущении окружающей энергосистемы. Подавляющее большинство их казалось незнающими простофилями. Сияние, переплетенное с темными прядями, не давало понять, как они стали правящей группой. Но гиены согласились на эту роль — и здесь не было ошибки. И от них исходил постоянный поток слабой агрессии. Они создавали ... строгость... да... жесткость. Но ничего по-настоящему серьезного.

Но гиены-руководители имели различную окраску. Они знали правду. Знание окрыляло их. Вокруг этих осведомленных личностей зарождались облака своеобразных частиц восхищения собой. Ликование полной безопасности. Безопасности, которая происходила от осознания того, что Нунули всемогущие и те, через кого они управляют, абсолютно неуязвимы.

... Гордость занимаемым положением, переплетенная с вечной эйфорией, — структура пространства была закручена в многочисленные формы. Их было больше тысячи, слишком много, чтобы сосчитать; целый высший класс гиен-людей. И вокруг каждой личности агрессивная аура...

Но настоящее беспокойство излучал лишь один Нунули. Вокруг него пульсировало огромное бесформенное черное облако. Непроницаемая пелена закрывала инопланетное существо.

Темнота тянула энергию из ближнего источника. Но этот источник не имел определенного местонахождения. Сила, которая исходила от него, немного пугала даже Модьуна.

Это же Единое Психическое Пространство.

"Значит, я сделал основное открытие, касающееся врага".

Эта мысль привела Модьуна в состояние нерешительности. Сознание отвергало идею врага, потому что... Есть ли вообще здесь враги?

Мировоззрение Модьуна утверждало, что нет. Здесь нет врагов. Здесь только существа, которые своими действиями вызывают враждебное отношение к себе.

Это отношение к себе они сами вызвали, а потом стали считать, что во всем виноват враг.

Но настоящий враг — это мгновенные импульсы, заставляющие людей делать то, что вызывает враждебное отношение.

Нет реакции, нет врага.

Итак, Модьун решил, что должен вернуться в свою маленькую квартирку и оставаться там, не создавая проблем, не вызывая к себе враждебного отношения, до следующего вторника... когда он пойдет в суд. Это будет мирным ответом на повестку, которую ему вручили.

Так он и сделал, за исключением того, что выходил поесть.

ГЛАВА IX

У дверей стоял мужчина, на одежде которого была карточка с надписью "Служащий по судебным повесткам". Этот человек-гиена проверил повестку Модьуна и просто сказал:

— Входите, сэр.

Модьун вошел в большую комнату и удивленно огляделся. Прямо перед ним был длинный стол. За ним, за маленькими прозрачными окошками находилось около дюжины женщин-гиен. Перед каждым из этих окошек стояла очередь людей-животных. Очереди отличались по количеству от шести до двадцати.

Никакого признака комнаты судебного заседания. Модьун вышел в коридор и посмотрел на другие двери. Потом медленно прошел к ближайшей. Его мысль, что, может быть, на повестке напечатан неправильный номер, исчезла. Тут также не было никаких признаков комнаты судебного заседания.

Модьун медленно вернулся в большую комнату, снова показал повестку "Служащему по судебным повесткам", который, казалось, забыл его, — и его еще раз впустили. На этот раз, когда он вошел, он приблизился к человеку-гиене в форме, который стоял чуть в стороне. На его табличке были слова: "Служащий суда". Еще раз повестка оказалась приемлемым средством для общения. Служащий посмотрел на нее и сказал безразлично:

— Окно номер восемь.

Модьун подошел и стал сзади. Здесь была самая короткая очередь, которая состояла из пяти человек. Модьун оказался шестым.

Он просто стал в очередь, а потом заметил, что первым в очереди был человек-тигр, которому через окошко передали листок бумаги. Человек-тигр посмотрел на этот листок. Затем наклонился и что-то сказал в окошко. Модьун не расслышал слова, но он не мог ошибиться в чувстве, которое они вызвали, — ярость. Ответ женщины-гиены был удивительно четким. Она сказала вежливо:

— Простите, не я пишу законы.

Человек-тигр медленно выпрямился. Потом он постоял, нахмурившись, не менее десяти секунд, сжал челюсти и быстро пошел к двери.

Человек-крыса прямо перед Модьуном покачал головой и прошептал:

— Наверное, суровый приговор.

Модьун спросил:

— А какое было преступление?

Собеседник покачал головой:

— Это написано в его повестке. — И добавил: — Наверное, избил кого-нибудь. За это строго наказывают.

— Гмм... — пробормотал Модьун. Ему было интересно. — А что сделали вы?

Человек-крыса заколебался. Потом ответил:

— Украл.

— Воровство! В мире, где все можно получить свободно.

Модьун был искренне удивлен. И только после того, как он это сказал, ему невольно пришло в голову, что его слова могли обидеть человека-крысу.

И, действительно, первой реакцией человека-крысы стало:

— Ради Бога, это не так страшно.

Сказав это, он смягчился и, казалось, понял, по крайней мере отчасти, почему удивился Модьун. Он продолжал более непринужденным тоном:

— Это трудно представить, но я начал кое-что замечать. Вы и я, — он вдруг возмутился, — мы же можем пользоваться этими общественными автомобилями на главных дорогах. Но если мы хотим добраться до небольшой улочки, мы должны выйти из такого автомобиля и пройти к движущемуся тротуару или просто пройти пешком.

— Что же в этом плохого?— спросил Модьун. Он говорил нейтральным тоном. — Когда говорят о деталях, все

кажется очень справедливым. Никто же не должен идти больше, чем сто ярдов.

Тонкое крысиное лицо стоящего перед ним исказила понимающая улыбка:

— Когда я заметил, что люди-гиены, официальные лица, имеют специальные автомобили и едут прямо в эти боковые улочки, я понял, что я просто должен назваться не своим именем. Итак я остановил один автомобиль и поехал на нем домой. И вот я здесь.

Пока он говорил, очередь продвинулась вперед. Теперь Модьун взглянул в лицо человека, которому вынесли приговор и который уходил, — ничего не выражающее лицо, напоминающее крокодила или, по крайней мере, рептилию, и это лицо ни о чем не говорило, поэтому Модьун снова обратил внимание на человека-крысу и сказал:

— Как они поймали вас?

— Частные автомобили связаны со специальным компьютером, который послал за мной патрульного, человека-гиену, — последовал возмущенный ответ. — Таким образом мне вручили повестку, чтобы я сегодня явился на судебное разбирательство, и вот я здесь.

— Не очень похоже на судебное разбирательство, — заметил Модьун, когда третий человек в очереди получил карточку со своим предварительно напечатанным приговором, посмотрел на него, встревоженно оскалившись, показал свои кроличьи зубы и отскочил к двери.

Значение слов Модьуна, казалось, не дошло до сознания человека-крысы.

— Ах, суд есть суд, — сказал он.

Модьун не считал, что это похоже на суд.

— Вам и мне просто не повезло, и поэтому мы в суде, — пожал плечами человек-крыса.

От окошка отошел четвертый человек. Человек-крыса сказал торопливо:

— Я лучше повернусь к окошечку. Своими манерами надлежит выказать уважение, иначе это может быть рассмотрено, как неуважение к суду.

— Как вас зовут? — спросил Модьун.

Имя человека-крысы было Банлт, он жил в Галли, имел жену и трех детей. Банлт хотел знать, почему Модьун интересуется им.

— В мире, — сказал Модьун, — который является идеальным, за исключением того, что людям нужно пройти лишнюю сотню ярдов, вы совершили кражу. Мне хотелось бы изучить вашу философию.

Банлт не ответил. Ему вручали его приговор. Банлт посмотрел на него, и его лицо приобрело напряженное недоверчивое выражение. Он ушел ошеломленный. Модьуну хотелось пойти за ним, но подошла его очередь. И он протолкнул свою повестку под решетку и с большим интересом наблюдал, как женщина-гиена набивала на машине справа числа, напечатанные на повестке. Появившийся листок бумаги развернулся в жесткую карточку.

Модьун взял листок с большим интересом и прочитал: "Наказание: двадцать дней заключения в квартире. Вы можете выходить поесть три раза в день, затрачивая не более часа на каждую еду".

Он был удивлен. Он наклонился и обратился к женщине:

— Приговор кажется немного нелогичным. Мое преступление в том, что я занял квартиру нелегально. Теперь я приговорен к заключению в той же самой квартире и, очевидно, мое нахождение там больше не будет считаться нелегальным. Есть здесь кто-нибудь, с кем я могу это обсудить?

— Пожалуйста, выйдите из очереди. Спросите у служащего все, что вы хотите узнать.

Модьун, который во время получения своего "приговора" краем глаза наблюдал, как Банлт прошел мимо служащего по повесткам, и задержался лишь, чтобы задать краткий вопрос, выпрямился и поспешно прошел к тому же выходу. Выйдя в коридор, он осмотрел людей вблизи и вдали в поисках Банлта.

И не увидел его.

Он, наверное, убежал и совершенно забыл о моей просьбе. Очень плохо.

Покачав головой, как это иногда делал Руузб, Модьун повернулся, чтобы вернуться в комнату судебных заседаний. Но вход преградил служащий по судебным повесткам.

— Вы должны иметь повестку, чтобы войти в комнату заседаний, сэр, — вежливо сказал человек-гиена.

Модьун объяснил, что случилось, и показал листок с приговором. Страж у двери, потому что именно этим сейчас занимался этот человек-гиена, покачал головой:

— Сожалею, сэр, но у меня нет указаний пропускать кого-либо без повестки.

— Хорошо, — сказал Модьун. Он отступил назад, посмотрел на создание, загородившее проход, и подумал:

"После всего, все судопроизводство — пародия. Было бы смешно спрашивать о нелогичности одного аспекта, когда вся процедура несправедлива".

Но Модьуна волновали еще некоторые детали. Вслух он сказал:

— Не могли бы вы сказать мне, какого рода приговоры выносятся здесь? Например, тому человеку-крысе, который вышел передо мной. Какое наказание он мог получить за то, что сделал? За кражу автомобиля.

Страж у двери выпрямился в полный рост.

— Сэр, те из нас, в ком есть внутренняя сила, чтобы управлять, имеют также и сострадание, поэтому много лет назад издали декрет, что о наказании, которое выносит суд, сообщают только тому, кого наказывают, — сказал он.

Модьун запротестовал:

— Я не понимаю, какую ценность имеет тайна для человека, которого неправильно наказали.

Страж оставался спокойным.

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы мешаете работе суда.

Это была правда, потому что в этот момент подошел еще один человек-животное с повесткой. Модьун отступил, постоял в нерешительности, потом пошел к лифту.

Он провел день в суде, и теперь настало время отбывать срок наказания, — по крайней мере, пока не приедет Судлил.

ГЛАВА X

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьун увидел женщину, которая стояла возле кустов. Частично они скрывали ее. Он только мельком взглянул на нее. Так как он опоздал и, следовательно, был виноват, он выпрыгнул из автомобиля и подбежал к ней. Модьун пытался успеть

обернуться за час, потому что не мог слишком надолго отлучаться из своего дома-тюрьмы.

Хотя Модьун пропустил поход в столовую, чтобы иметь в своем распоряжении больше времени, он понимал, что уже опоздал. Поэтому — быстрей. Посадить ее в автомобиль и — в город.

Он думал так, карабкаясь на небольшой холм к кустам, где она ждала его. Тут он увидел Экета. Насекомое-ученый был на высоте сто пятьдесят метров над долиной и несомненно возвращался назад за барьер.

Модьун остановился и сконцентрировал мысли на насекомом. Он поприветствовал насекомое и получил в ответ вежливое приветствие. Потом он передал сообщение для других людей.

В своем мысленном отчете он кратко описал, что он обнаружил. Изменения в программировании компьютера. Новый статус людей-гиен. То, что Нунули завоевали Землю от имени отдаленного комитета.

Его слова предназначались только в качестве информации. Очевидно, интерес к таким подробностям среди настоящих человеческих существ будет незначительным. Может быть, у нескольких даже вызовет приятное возбуждение. Возможно, Дода получит удовольствие и удовлетворение от результатов эксперимента, который так сильно критиковали. (Несколько мужчин особенно критиковали его за то, что он вовлек Судлил в свои опыты). Тем не менее, было сомнительно, что кого-нибудь еще можно будет уговорить обрести тело, которое функционирует самостоятельно, со всеми унизительными потребностями живого тела.

Произнося заключительные слова своего отчета, Модьун учел такую возможную реакцию тех, кто остался за барьером.

Через Экета он передал:

— Так как Судлил и я вынуждены еще три года терпеть мучения существования в полном теле — два из них здесь, — я бы предложил, чтобы вы разрешили нам самим принимать решения, связанные с вышеуказанным положением дел.

Так закончилось сообщение. Хотя связь была краткой по времени, Модьун понял, что женщина ушла из поля его зрения. Только мгновение он колебался. Он посмотрел

на подернутую дымкой долину, где быстро исчезало насекомое-носильщик.

В эту минуту его волновало то, что он передал неправду. Правдой было, что он не мог справиться с ситуацией и сомневался, что Судлил захочет помочь ему решить проблему.

Ощущение обиды на самого себя рассеялось. Потому что ничего не случилось. Что могут сделать Нунули против людей? Кажется ... ничего. С этой мыслью он начал обходить кусты. Обошел. Остановился. Посмотрел.

— Господи, — подумал он.

Судлил стояла рядом с большой дорогой, наблюдая за непрерывным движением. Она была лишь в тридцати метрах от него и сначала не показала, что видит его. Модьун пошел вперед — и она повернулась к нему. Немедленно. И это удивило его.

Ее живость! Совершенно поразительно! Она улыбалась, когда смотрела на него. Это была электризующая великолепная улыбка. Судлил стояла, одетая экстравагантно — в брюки и рубашку. Ее золотые волосы ниспадали на плечи. Ее синие глаза были такими яркими, что, казалось, сияли собственным светом. Губы были полуоткрыты, и создавалось общее впечатление яркой индивидуальности на грани... чего?

Модьун не знал. Он никогда не видел женщину, которая была человеческим существом и полного роста. Ее внешность оказалась такой неожиданной из-за того, что несколько недель назад, когда Модьун в последний раз видел Судлил, ее размеры были значительно меньше. И она выглядела немного неповоротливой, что Дода относил на счет слишком быстрого роста клеток. И, конечно, лекарств.

Все это прошло.

Судлил излучала здоровье. Все ее тело и лицо трепетало. И это продолжалось, не прекращаясь ни на минуту! Это прекрасное создание сказало приятным голосом:

— Экет поручил мне передать твое сообщение остальным.

Потом женщина добавила:

— Значит, есть проблемы?

Тут Модьун заговорил:

— Отчасти, — ответил он торопливо. — Пойдем в машину, и я все расскажу.

Теперь Модьун заволновался. Он, действительно, опаздывал к себе домой, и чем раньше они отправятся в путь, тем лучше будет его положение.

Судлил не пыталась возражать. Модьун посигналил свободной машине. Они сели, и он начал рассказ о том, как его по ошибке приняли за обезьяну; как он позволил неправильно идентифицировать себя из любопытства и о том, что он должен находиться под арестом в своей комнате в наказание за то, что получил квартиру под чужим именем.

Когда Модьун закончил отчет, Судлил сказала:

— Твой приговор действует двадцать дней?

— Да.

— А прошло восемнадцать?

— Да.

Он ответил растерянным тоном, потому что казалось, что она что-то решила.

— Ты думаешь, важно, чтобы прошло точно двадцать дней? — спросила женщина.

— А ты как думаешь?

— Ну, им нужно двадцать дней, чтобы закончить какие-то приготовления, связанные с тобой, и они хотят, чтобы ты не мог действовать в течение этого времени.

Совершенно новая мысль. Но Модьун быстро понял ее скрытый смысл. Он сказал:

— Что же такое они могут сделать за три недели, что нельзя сделать за три дня?

Он помолчал, а потом добавил:

— Я предполагаю, что получил приговор в соответствии с преступлением.

— Значит, ты думаешь, что некоторые животные неправильно называют себя?

После глубокомысленной паузы Модьун понял, что не верит ничему подобному и что он сомневается, что кого-либо раньше наказывали за такое "преступление".

Помедлив, он сказал:

— Странно, но на самом деле, что они могут сделать? Что может сделать их комитет?

Выражение лица Судлил стало таким, словно она старалась переварить трудную мысль. На слова Модьуна она ответила сияющей улыбкой. Судлил была прекрасна.

— Правда, — согласилась она. — Значит, действительно, нет проблем. Я просто полюбопытствовала.

То, что она отстранилась от проблемы после того как высказала такую хорошую мысль, не удовлетворило Модьуна полностью. Это напомнило ему, как быстро бежит время.

— Что касается всего остального, — сказал он, — то я решил не делать ничего такого, что может создать дальнейшие проблемы.

— Это кажется очень разумным, — ответила женщина.

Ее ответ был таким добродушным, что, казалось, настал благоприятный момент, чтобы выразить свою точку зрения. Поэтому Модьун пересказал ей, что ему рассказал Нунули, и назвал Землю захваченной планетой.

— Давным-давно, прежде чем человеческая раса достигла нынешнего высокого уровня, это заставило бы меня объявить войну и изгнать захватчика из нашего общества, — сказал он. — У меня ощущение, что они победили хитростью и что такие хитрости показывают их ужасный упрямый характер. Им нельзя позволить преуспевать. Но, как сказали бы мои друзья-животные (и ты должна согласиться с этим), это все проходящее.

— Я согласна, — сказала женщина.

— Поэтому, — закончил Модьун свою мысль, — мы должны пожить здесь еще несколько дней в качестве обезьян, чтобы не вызвать раздражение людей-гиен.

Последовала небольшая пауза. Автомобиль монотонно гудел, его резиновые шины пели. Потом Судлил сказала с необычной интонацией:

— Но я не обезьяна!

Модьуна немного удивил ответ. Это казалось очевидным, и ему самому никогда не пришло бы в голову поднимать этот вопрос. Он сделал то, что раньше не считал нужным: мысленно он подумал, что же такое он сказал ей, что вызвало такое замечание. И не нашел ответа. Его рассказ был исключительно рациональным. Он четко объяснил свое затруднительное положение и то, как он собирается выйти из него.

Судлил продолжала:

— У вас, мужчин, бывают очень странные идеи. Очевидно, на этот раз мы должны приехать как люди, и это автоматически решает предыдущую проблему. Давай это обсудим.

Модьун продолжал сидеть рядом с Судлил с несчастным видом. С ее логикой было что-то не так, но тон ее голоса означал, что обсуждение вопроса закончено. Так как он действовал по принципу полного уважения к ее точке зрения или к точке зрения любого другого человека, то все было решено.

Их молчание прервалось двадцатью минутами позже. Судлил смотрела из окна автомобиля. Вдруг она указала пальцем и спросила:

— Что это?

Взгляд Модьуна последовал за ее пальцем. Там, вдалеке было какое-то сооружение. Над равниной поднималась такая большая конструкция, каких Модьун еще не видел. Он успел только взглянуть на ее основные контуры, прежде чем автомобиль промчался мимо узкой расселины в крутых холмах, и огромное сооружение скрылось за ними. Тем не менее Модьун увидел достаточно.

— Это, должно быть, космический корабль, — сказал он.

Он рассказал о своих четырех друзьях-животных и их скором отлете к далекой звездной системе.

Модьун продолжал нежным тоном, описывая, как в день вынесения приговора четверо его знакомых людей-животных робко пришли к его двери, чтобы узнать, какое наказание он получил. И какое облегчение они почувствовали, когда узнали, что в приговоре ничего не сказано о том, что с ним нельзя общаться.

— Они ходили со мной есть, — сказал он, — и навещали меня. Кроме сегодняшнего дня, потому что они сегодня получают аппаратуру для путешествия.

Судлил ничего не сказала на это, она слушала равнодушно. Это был дружественный нейтралитет. И позже, когда автомобиль въехал в город, Модьун показал ей разные достопримечательности: квартиры для приезжих, дома, где жили постоянно, столовую, улицу с магазинами... Он понимал, что не может сдержать свои чувства. Сейчас

его беспокоило то, что он испытывает гордость, словно человек, который знает такие мелочи, лучше того, кто не знает. Однако его удивил интерес Судлил к этим подробностям. Как и следовало ожидать, ее внимание, наконец, переключилось на жилье, которое в давние времена предназначалось для людей.

— Ты думаешь, что его все еще не используют? — спросила она.

— Посмотрим, — ответил Модьун. Он показал на склон холма впереди. — Это здесь, справа.

Дом, который выбрала Судлил, имел сады, террасами спускающиеся вниз до самого здания, которое представляло собой пять овалов, входящих один в другой. Каждый овал был другого цвета, и общий эффект получался поразительный. Женщине понравился его вид. Так как это она решила приехать в одно из этих мест, Модьун не спорил. Он представился автомобилю человеческим именем и дал команду отвезти их вверх по крутой дороге к главному входу.

Когда они выбрались, машина немедленно уехала. Они остались возле дома.

ГЛАВА XI

Они прибыли точно на место назначения, но Модьун еще колебался.

"Должен ли я согласиться с ее решением?" — спрашивал он себя.

Конец его обезьяньего существования?

Хозяин Нунули предостерегал против этого. И Модьуна волновало то, что глупые животные могут быть настроены против человеческих существ. Тогда им придется решать, до какой степени использовать способы защиты.

Модьун обернулся к женщине, чтобы спросить, думала ли она об этом. И увидел, что она идет к прелестному забору в конце дороги. За забором был крутой обрыв. А ниже простирался город Галли; он раскинулся дальше, чем Модьун представлял себе раньше. Женщина прислонилась к забору и посмотрела вниз. Модьун остался на прежнем

месте, но и отсюда была видна большая часть того, что видела она.

Теперь он заметил кое-что, чего не замечал раньше,— самый высокий дом. Люди стояли на вершине холма, и вид, открывшийся перед ними, был поразительным. Даже крыши далеких небоскребов были ниже того места, где стоял Модьун.

Он подумал: "Может быть, ей нравится не разнообразие красок, а высота".

На него вид произвел должное впечатление.

Ему пришлю в голову, что, как опытный человек, он должен что-то делать.

Что?

Он огляделся. Автомобиль довез их до дома. Дорога шла мимо и поворачивала вправо за дом. Очевидно, она шла по кругу, потому что автомобиль появился дальше внизу и помчался назад по той же дороге, по которой приехал.

Модьун внимательно посмотрел на дом. Если тот занят, то этого не видно. Вблизи ни звука, ни движения. Нет, звук все-таки был. Полуденный ветерок шелестел кустами. Опавшие листья с шуршанием неслись по вечной пластмассовой дороге. Неожиданно громко запел жаворонок.

Модьун направился ко входу. Он чувствовал, что женщина оглянулась. Модьун назвал свое настоящее имя дверному компьютеру, и Судлил пошла к нему. Модьун нажал защелку. Когда замок открылся, он толкнул дверь. Оглянувшись, он шагнул к женщине и одним движением поднял ее.

Его удивил ее вес, но он дал мускулам команду увеличить усилие и без труда перенес ее через порог.

У него лишь чуть-чуть перехватило дыхание, когда он опустил Судлил на пол и поддержал, чтобы она восстановила равновесие. Судлил сказала удивленно:

— Что это значит?

— Свадебная церемония, — спокойно сказал Модьун.

Он объяснил, что во время ареста смотрел по телевизору несколько драм, и в заключение добавил:

— Фильмы наскучили мне, и я перестал их смотреть. Но пары животных делали так. — Он пожал плечами, как часто делал Дуулдн. — Я запомнил некоторые детали.

— Значит, я теперь твоя жена? — заинтересованно спросила Судлил.

— Да.

— Ну, — неуверенно сказала она, — я думаю, что при таких обстоятельствах...

— Конечно, — сказал Модьун,— так как мы собираемся заниматься сексом.

Она кивнула и отвернулась.

— Посмотрим, как выглядит дом людей через три тысячи лет.

Модьун не возражал. Он шел за ней из комнаты в комнату, и все здесь выглядело намного красивее, чем описывали обучающие машины. К трем спальням примыкали ванные. Стофутовая гостиная. Большая столовая. Кабинет. Несколько небольших спален для животных с отдельными ваннными, две комнаты, назначение которых было неясно, и столовая с автоматическим оборудованием.

Машины не могли передать красоту мебели. Все было сделано из неразрушающихся пластмасс и очень искусно. Форма поверхностей по-разному отражала свет. Давно умерший мастер добился, чего хотел: мерцающее палисандровое дерево в одной спальне; впечатление старины — в другой. Небольшие резные диваны из тикового дерева в большой комнате. В той же комнате были удобные кожаные кресла и пышные китайские ковры и драпировки, которые выглядели гобеленами.

Молодожены ходили из комнаты в комнату, и Судлил чувствовала, что всем довольна. Наконец, они пришли в столовую, и Судлил сказала многозначительно:

— Нам даже не нужно выходить из дома, чтобы поесть.

Модьун понимал ее. Но ему казалось ошибкой не обратить ее внимание на отрицательные аспекты.

Женщина продолжала:

— Как ты знаешь, во время роста мы подверглись некоторой необходимой деградации. Еда и последующее избавление от отходов. Качественный сон, который требует времени. Необходимость стоять и сидеть — это все неприятно. Но, тем не менее, мы здесь. Поэтому можно делать все эти вещи по крайней мере в уединении нашего жилища.

Модьун медлил:

— Мы должны помнить, что Нунули, вероятно, теперь знают, где я нахожусь, и, может быть, узнали, что ты тоже здесь.

— С исторической точки зрения, — сказала Судлил, — понятно, что эти вопросы не касаются женщин. Так как мы вернулись на более низкий эволюционный уровень, ты тоже не должен думать о таких деталях.

Модьуна вдруг осенило. Судлил всегда ценили за женскую точку зрения. И, очевидно, у нее было время, чтобы обдумать свое новое состояние. Теперь она демонстрировала новую философию. Интересно. Но она не учитывала, что, если Нунули займутся ею, то их давление на нее будет таким же сильным, как и на него.

Женщина заглянула в несколько шкафов. Наконец, довольная, она посмотрела на Модьуна.

— Мы осмотрели дом, — сказала она. — Что мы будем делать дальше?

Модьун объяснил, что он хотел, чтобы они совершили кругосветное путешествие. Но он предполагал, что они подождут несколько дней, — он хотел подождать, пока не истечет срок его наказания, но не сказал этого прямо. Судлил терпеливо слушала, пока он говорил, а потом сказала:

— Хорошо, но, что мы будем делать сегодня?

Модьун не растерялся, он просто приспосабливался к тому, что ей необходимо чем-то заниматься.

— Мы можем заняться такими же философскими рассуждениями, как вели за барьером, — сказал он.

Она прервала его дрожащим голосом:

— Мысли не имеют особой ценности для этого тела.

Модьун продолжал:

— Мы можем посидеть, полежать, почитать книги о животных в кабинете, а потом пообедать. А потом, может быть, посмотреть телевизор. А потом, конечно, пойти спать.

— Ты имеешь в виду, просто посидеть?

Поразительная реакция. Когда она говорила, то видела его лицо. И должна была понять, что для него это тоже проблема. Помедлив, она сказала:

— Я чувствую в своем мозгу... возбуждение. Как будто все эти нейтральные отделы, которые контролируют движение, подвергаются влиянию каждого моего взгляда и особенно звука. То же происходит при прикосновении к

моим ногам, когда ветерок гладит мою кожу. А обоняние и вкус заставляют меня чувствовать себя неловко. Но я хочу двигаться.

Она посмотрела на него.

— Хорошо?

Модьун терпеливо улыбался, пока она не закончила.

— Ты могла заметить, что эти чувства усилились после того, как ты вышла за барьер. Прекрасно и знакомо. Пути нервных импульсов давно проложены. Но здесь, — он посмотрел вокруг, — дом, город, люди — все новое и возбуждает, несмотря на то, что это обычные вещи. Ты должна понять: это импульсы тела, а тело должно управляться философски идеальным разумом. Закрывай глаза как можно чаще. Если это не помогает, то вставай и танцуй, как животные. Во время ареста я часто делал это, особенно, если звучала определенная музыка.

По выражению ее лица Модьун видел, что его слова вызвали в ней реакцию сопротивления, подобную той, которую она обнаружила, столкнувшись с обонянием и осязанием. Тогда он поспешно добавил:

— Может быть, у тебя есть предложения?

— Почему бы нам не заняться сексом? — ответила она. — У животных это обычно занимает около полутора часов. Так мы проведем время до обеда. А после того как мы поедим, можно будет решить, что делать вечером.

Модьуну казалось, что сейчас неподходящее время для секса. Почему-то он считал, что сексом занимаются поздно вечером или рано утром. Но он уже установил, что большое тело было для Судлил слишком сильным переживанием.

"Ну, хорошо", — подумал он.

Когда он вел ее через самый длинный овал в самую большую спальню, он добродушно заметил:

— Дода верит, что исторически, пока мы окончательно не стали людьми, только некоторые святые люди могли вообще обходиться без полового акта. Очевидно, что бы ни сделали Нунули, они создали в человечестве это святое свойство; я полагаю, что это слово как-то связано с примитивной философией. Не занимаясь сексом, мы отличались от людей-животных и смогли подняться до настоящих людей.

Когда он закончил, у него появилась другая мысль.

— Твои гениталии, — спросил он, — очень похожи на половые органы женщин-животных?

— Я никогда не проводила подробное сравнение,— ответила Судлил. — Внешне, по первому впечатлению, да.

— Я взял на себя труд, — сказал Модьун, — исследовать нескольких самок. Я мог бы сделать точный беспристрастный анализ.

— Хорошо, — сказала женщина.

— Очень похоже, — ответил он через несколько минут.

— За исключением одного, — продолжал он, — животные-женщины выделяют большое количество масла. А у тебя я его не обнаружил.

— Я заметила, что в тебе нет признаков жесткости, которая наблюдалась у самцов, которых мы видели. Помнишь? — сказала Судлил.

— Может быть, это явление возникает, как следствие активности, — сказал он. — Давай лучше начнем.

Попытка заняться сексом вскоре поставила обоих в тупик. Они вертелись в постели, были слегка шокированы физическим соприкосновением с кожей друг друга, вздрагивали, отступали, но решительно не проявляли любопытства. Наконец, обескураженные, они отодвинулись друг от друга.

Вскоре Модьун заметил:

— Кажется, животные находятся в особом состоянии возбуждения. Действительно, тогда присутствовал неприятный запах. У нас не было такого возбуждения, и я чувствовал только слабый запах пота.

— Когда твои губы были против моих, — сказала женщина, — ты выделял слюну, она увлажняла мой рот и это было очень неприятно.

— Я думаю, было бы нелепо, если бы сухой рот касался сухого рта, — оправдывался Модьун.

Она ответила не словами, а подвинулась к краю кровати, опустила загорелые ноги на пол и села.

Она начала одеваться. Через минуту на ней были брюки и блузка. Когда она наклонилась, чтобы обуть туфли, сделанные из кожи животных, она сказала:

— Так как это заняло меньше времени, чем я думала, я прогуляюсь. Что ты будешь делать?

— Я полежу здесь с закрытыми глазами, — сказал Модьун.

Пока он говорил, она прошла в дверь и исчезла. Он слышал ее удаляющиеся шаги по толстому ковру, потом далекая входная дверь открылась и закрылась.

Прошло немного времени.

Когда спустились сумерки, Модьун оделся, прошел в столовую и поел. Потом, удивленный, он вышел из дома и огляделся в поисках женщины. Он видел дорогу, которая поворачивала внизу к городу. Вся дорога не была видна с того места, где он стоял, но на улице зажглись огни, и он видел, что Судлил нигде нет.

Модьун вспомнил ее отказ питаться в общественной столовой и подумал:

— Она скоро проголодается и появится.

Он вернулся в дом и лег; он начал привыкать к этому во время ареста. Через несколько часов наступило время идти спать.

Судлил все еще не было.

"Ну..." — думал он. Но терпел. Очевидно, женщина решила исследовать город в первый день. Он вспомнил ее потребность в движении. Очевидно, это чувство продолжало управлять ею.

Он разделся, лег в постель и уснул.

Где-то темной ночью раздался взрыв.

ГЛАВА XII

В долю секунды катастрофы все человеческие существа, находившиеся за барьером, автоматически выдали массовое мысленное сообщение, что делать. Модьун получил это сообщение.

Каждый из людей автоматически сразу осознал угрозу и две альтернативы: сопротивляться или нет. И невероятным было то, что никто, кроме Модьуна, не смог решить такие вопросы.

Его политика пассивного принятия правил людей-гиен и Нунули была единственной определенной мыслью. И во время роковых миллионных долей секунды, когда они еще

могли бы что-то сделать, эта предписанная схема поведения смешалась с тем, что в другое время могло оказаться естественной реакцией.

Какой бы была эта естественная реакция, никто никогда не узнает. Мгновение, когда еще что-то можно было сделать, пролетело слишком быстро для того, чтобы единое психическое пространство успело отреагировать.

И это мгновение ушло навсегда.

В предпоследний момент появился слабый намек на то, что все люди просто сказали друг другу: "Прощайте, дорогие друзья", а потом...

Мгновенная ночь.

Модьун сел на кровати и сказал:

— Боже милостивый!

Пока он произносил эти слова, он вскочил с кровати, включил свет. И когда стал что-то понимать, он уже стоял в ярко освещенной гостиной. Потом он осознал, что его правая нога дергается и что он чувствует слабость. Его ноги и бедра отказывались двигаться, поэтому он опустился на пол, повалился на бок, ноги его подергивались, и он весь дрожал.

В это время ему было даже трудно смотреть. Перед глазами от напряжения появилось пятно.

— Ради Бога, что происходит?

Он почувствовал жар. Его глаза, лицо, тело стали теплыми, потом горячими. Это было удивительно и происходило автоматически.

Вода. Ему страшно хотелось воды. Спотыкаясь, он прошел в столовую. Стакан, который он держал, дрожал в руке. Он держал его, расплескивая содержимое, потом поднес стакан к губам. И тогда он почувствовал его прохладную влагу, которая текла по подбородку, на обнаженную грудь, а потом по ногам.

Благодаря влаге и прохладе к нему вернулся рассудок, и он смог осознать свои чувства.

Гнев.

Это мгновенно указало самое важное направление: главная мысль захватила свободно плывущие ощущения его разума.

Так как им двигала ярость, он побежал назад в спальню и впопыхах набросил на себя одежду. Облачение в

одежды задержало его. В нем росло бешенство. Наконец, Модьун выскочил из дома и побежал вниз по дороге.

Когда он подбежал к шоссе и к нему подъехал незанятый автомобиль, Модьун с опозданием понял, что не чувствовал мозга Судлил в общем течении мыслей в момент катастрофы. Всю дорогу он ощущал ее отсутствие, которое обескураживало его.

ГЛАВА XIII

За исключением огней на улице и ярко освещенных зданий вокруг царила кромешная тьма. Автомобиль Модьуна остановился перед компьютерным центром.

Модьун медленно выбрался из автомобиля. Его бурная внутренняя реакция значительно ослабела. Он даже начал критически оценивать свое положение.

Его реакция казалась ему полудетской.

Тем не менее он целеустремленно вошел в здание. Хотя, в действительности, он не представлял себе ясно, как собирается действовать после того, что случилось.

Нунули, который вскоре появился из-за машин, был не тем существом, с которым Модьун разговаривал раньше, и Модьун сразу это понял.

— Я прибыл на Землю через несколько минут после взрыва и пришел прямо сюда, — сказал новый индивидуум в ответ на вопрос Модьуна. — Я решил, что вы тоже придете прямо сюда.

Нунули стоял на открытом месте перед небольшим металлическим ограждением, которое защищало гигантский компьютер у него за спиной. Этот Нунули даже физически отличался от предыдущего. Был выше. Немного сутулый. Может быть, более старый.

Открытие, что здесь новичок, который, вероятно, не отвечает непосредственно за то, что случилось, на некоторое время сдержало ярость Модьуна, которая уже стала меньше. Вдруг возникла необходимость расставить все по своим местам.

— Что случилось с первым номером? — спросил Модьун.

— Он уехал поздно вечером с женщиной, — был ответ.

— До взрыва? — в голосе Модьуна отразилось удивление.

— Конечно, — раздраженно сказал Нунули. — Взрыв организовал специальный агент комитета.

Наконец, Модьун узнал то, что хотел.

— А где он? — настойчиво спросил Модьун.

— Он отбыл примерно через тридцать секунд после взрыва.

Нунули помолчал.

— Синхронность действий, — продолжал он, — была выбрана так, чтобы никто из нас не знал, что собирается делать другой. В таких случаях отмечается непогрешимая логика комитета.

— Да, — только и сказал Модьун, — а какова ваша роль во всем этом?

— Я заместитель Нунули, хозяина Земли.

Все это поставило Модьуна в тупик.

— Эта история приводит меня в замешательство, — сказал Модьун. — Я чувствую, что должен сделать что-то вам лично.

Если Нунули и был взволнован смыслом его слов, то не показал этого.

— Что, например? — спросил он раздраженно.

— Наверное, я должен подвергнуть вас какому-нибудь наказанию.

— Какому?

— Есть старая поговорка, — сказал Модьун. — "Око за око".

— Мне кажется, что это противоречит вашей философии. И, кроме того, разве это может привести к чему-либо хорошему? — нетерпеливо продолжало существо.

— Правда.

Модьун был в замешательстве.

Ощущение, что он должен что-то сделать, быстро уступило место очевидной логике ситуации.

Нунули продолжал:

— Дело в том, что они даже не пытались защищаться. Почему вы считаете, что обязаны предпринимать какие-то действия?

— Ну... — колебался Модьун.

Он печально думал о собственной роли в том, что человеческие существа отказались действовать. Ему было

трудно судить о таком сложном событии, потому что его терзали сомнения: не отвечал ли он полностью за их колебания в критический момент? Сможет ли он избавиться от этого ощущения?

Среди прочих вещей это в некоторой степени переносило часть ответственности с Нунули на него. И хотя это было несомненно нелепо, правда заключалась в том, что так как бедствие случилось, в будущем не должно быть места упрекам.

Вдруг он заметил, что обдумывает другие аспекты дела.

— Что побудило комитет сделать это? — спросил он.

— Первый номер сказал вам. Вы угрожали, что станете нам мешать.

— Но это я. А не они, не те, кто жил за барьером. Разве логично нападать на тех, кто даже не помышляет о выходе?

— Откуда мы можем знать, о чем они думают? Вы вышли,— продолжал Нунули. — Прежде всего комитет знал, что остатки человеческой расы могут причинить массу неприятностей. Поэтому они нашли лучшее решение.

— Я полагаю, то, что вы говорите, имеет смысл с вашей точки зрения, — с неохотой согласился Модьун. — Но вы, так же, как и их намерение, беспокоите меня. Возникает вопрос: должно ли существо, подобное вам, связанное с комитетом, иметь свободу действий, чтобы совершать разрушительные поступки, на которые вы, очевидно, способны? Вы позволили бы свободу передвижения существу в данном случае?

— Какие еще примеры вы можете привести? — спросило существо.

Модьун мог думать только об одном сравнении.

— Ваши дураки, люди-гиены, изводили меня. Это наводит на мысль, что прежний хозяин Нунули замышлял что-то против меня.

— Гм... — Казалось, создание размышляло. Блестящее серое лицо немного вытянулось.

— Я скажу вам вот что. Все издевательства должны прекратиться. Остаток вашего приговора отменяется. Вы можете делать все что угодно, идти на Земле куда хотите.

— Это меня не удовлетворяет, — заявил человек. — Но я думаю, это лучшее из того, что возможно при данных обстоятельствах.

— Очень хорошо. Вы свободны и можете путешествовать по всему миру в качестве обезьяны.

— Значит, есть ограничение? — спросил Модьун.

— Очень небольшое. Какой смысл последнему человеческому существу на Земле заявлять о том, кто он есть?

Модьун должен был согласиться, что это, действительно, не очень нужно.

— Но осталось еще одно человеческое существо, — возразил он. — Женщина Судлил. Вы сказали, что она покинула планету прошлой ночью?

— Как объяснил член комитета, который занимался всем этим делом, — сказал Нунули номер два, — смысл заключается в том, что, если только первый номер знает, где находится женщина, а он отправился в другой конец Вселенной, чтобы никогда сюда не вернуться, вы не можете проследить за ней.

Модьун стоял на металлическом полу компьютерного центра с высокими потолками и сквозь подошвы ботинок чувствовал вибрацию металлических плит. В его мозгу возник импульс другого рода со своей интенсивностью. Наконец, он сказал:

— Интересная проблема.

— Неразрешимая, — поддержал его Нунули.

Торжество Нунули оскорбило Модьуна. Но человек осознал его как реакцию тела, словно его часть стремилась разрешить проблему. Но, конечно, это была неправда. Зачем решать проблему, которую нельзя решить? Судлил покинула дом и, очевидно, вскоре после этого поднялась на борт корабля. События развивались обескураживающе, поэтому Модьун и догадался, что Судлил не планировала делать это.

— Может быть, самым простым решением было бы, если бы вы узнали для меня, где она, и сказали мне, — сказал он громко.

— Не может быть и речи, — отрезал Нунули.

— В чем причина такого отказа?

— Вы мужчина. Она женщина, — ответил Нунули. — Было бы смешно, если бы мы разрешили вам спариваться

и рожать детей. Поэтому она улетела туда, где нет мужчин, а вы остались здесь.

Модьун отверг возможность того, что Судлил когда-либо разрешит осуществиться репродуктивному процессу. Его внимание переключилось на другую мысль. Он сказал:

— Первый номер действительно мог захватить ее и поместить на борт корабля?

— Нет.

На сероватом, гладком, как стекло, лице существа движением мышц отразились эмоции. Модьун оценил это как самодовольное смешное превосходство.

— Согласно моему пониманию, она оказалась очень доверчивой и, естественно, не могла проникнуть в глубины мозга моего предшественника, — сказал Нунули. — Поэтому, когда он предложил ей посетить один из скоростных кораблей комитета, она поднялась на борт, ничего не подозревая. Даже когда она почувствовала, что корабль стартовал, она осталась беззаботной. Об этом позже сообщил командир.

Модьун успокоился.

— Ну, конечно, — продолжал Нунули.— Одно место столь же хорошо, как и любое другое. Это как раз то, чего вы, люди, не можете понять.

Теперь интерес Модьуна угас.

Он сказал:

— Я вижу, что вы хотели причинить вред ей и мне, но, к счастью, человеческая мысль превзошла ваше зло и не допустила ничего подобного. Итак, Судлил на корабле, и ее куда-то везут. В будущем, когда вы лучше будете оценивать реальность, тогда вы узнаете для меня, где она.

— Повторяю, что этого не будет никогда, — ответил инопланетянин.

— Я предполагал, что вы можете это сказать, — сказал Модьун. Он отвернулся, безразличный ко всему. — Я имею некоторые обязательства по отношению к ней, поэтому могу в будущем настаивать на том, чтобы мне сообщили о ее местонахождении.

— Это не приведет ни к чему хорошему, — сказал новый хозяин Нунули. — Я не знаю, где она, и комитет издал специальные инструкции о том, чтобы такая информация никогда не попала ко мне. Поэтому я не смогу

помочь вам, даже если захочу. А я не хочу. На этом завершим наш спор. Если у вас нет других вопросов.

Модьун не мог ни о чем думать.

ГЛАВА XIV

Снова на улице. Еще темно. Но теперь рассветало, и покрытого облаками неба коснулись первые лучи. Модьун шел по тротуару, где было пусто. На улице, конечно, были автомобили. Все, которые он видел, были свободны. А что еще они могут делать ночью, кроме как продолжать двигаться на случай, если кто-нибудь захочет воспользоваться их услугами. Для этого они предназначены.

Модьуна волновали три вещи. Первое — то, что он не знал точно, что он должен чувствовать. Второе — то, что его тело было не в хорошем душевном состоянии. Но третьим было то, что его ум спокоен.

Он понимал, что Судлил — самка его породы. С ее приездом ему вдруг пришлось считаться с реальностями другого существа, и через каких-нибудь пару часов ему с ней стало скучно.

Когда-нибудь, без сомнения, они будут вместе и станут обсуждать будущее людей. Но едва ли в этом есть крайняя необходимость.

"Я думаю, что прямо сейчас я должен лечь в постель и уснуть, что столь необходимо телу. А утром я смогу решить, что делать дальше".

Когда он остановил автомобиль, ему пришло в голову, что он больше не интересуется кругосветным путешествием. Потому, что это нужно было для блага тех, кто оставался за барьером... а сейчас в этом не было смысла.

Итак, что же дальше?

Помня об одном ограничении, которое установил Нунули, — держать в секрете свое человеческое происхождение (а почему нет?) — он направил автомобиль к квартирам для приезжих. Потом откинулся на спинку сиденья и подумал:

"Раз член далекого комитета проявляет непосредственный интерес... Невероятно. И все же об этом заявил Нунули".

Непосредственный интерес к маленькой планете (Земле) в слабо заселенном — с точки зрения количества солнц — наружном конце Млечного Пути... Тут Модьун понял, что существует заговор против двух людей: против Судлил и него. Это казалось невозможным.

Член комитета мог советовать Нунули, конечно, если у него спрашивали совета, и их общая установка, безусловно, охватывала такие бесконечно малые (по их стандартам) единицы, как они. Нунули только проявляют старание — как и должна делать раса хороших слуг.

Единственное человеческое существо, пацифист и философ, безобидный, потому что хочет всех оставить живыми, он никогда не нанесет ответный удар, — такой человек не может представлять ни малейшего интереса для правящей галактической иерархии. На таком огромном расстоянии они даже не могут знать, что он существует. Любой совет, который они дают своим слугам, Нунули, не может, сам по себе, конкретно касаться того, против кого он направлен. Так должно быть.

Несмотря на безупречную логику, Модьун не мог окончательно согласиться с такими аргументами.

"Я подумаю об этом еще, позже".

Он вышел из автомобиля, когда дошел в своих рассуждениях до этого места. Когда он подошел к своей маленькой квартирке, то удивился, увидев, что человек-медведь, Руузб, сидит на ступеньках веранды. Красивый человек-животное полудремал, прислонившись к одной из поддерживающих перекладин.

Когда Модьун подошел, человек-животное открыл глаза, моргнул и сказал:

— Эй!

Его голос громко прозвучал в ночном воздухе. Человек-животное заметил это и, поднявшись на ноги, тихо прошептал:

— Где вы были? Вы заставили нас всех волноваться.

Человек спокойно объяснил, что возникло кое-что, требующее внимания. Когда он закончил, Руузб взял его за руку и потянул к одной из квартир. Руузб постучал в ее

дверь, и, когда сонный Дуулдн открыл, он подтолкнул Модьуна к человеку-ягуару и стремительно вышел, бросив через плечо:

— Я позову остальных.

Через пять минут они все собрались в квартире Дуулдна. И Руузб проворчал своим низким голосом:

— Друзья, у этой обезьяны не все дома, — он стукнул себя по лбу, — он нарушил условия своего заключения за два дня до истечения срока приговора. Завтра у него может быть много хлопот, а мы не сможем быть здесь, чтобы помочь ему.

Он повернулся к Модьуну. И его красивое лицо стало серьезным, когда он объяснял, что они вчетвером должны явиться на борт межзвездного корабля этим утром, до полудня. Взлет назначен на следующее утро.

Модьун удивился.

— Вы имеете в виду, что они собираются загрузить на борт миллион людей в один день?

Дуулдн заметил:

— В случае крайней необходимости они это могут. Но не делают. Они уже ведут погрузку в течение двух недель. Мы пойдем на корабль среди последних пятидесяти тысяч.

Руузб молча махнул своему другу рукой.

— Не отклоняйся от темы, — сказал он. — Вопрос в том, что мы собираемся делать с этой обезьяной? Он, кажется, ничего не знает.

Человек-лиса напротив пошевельнулся.

— Почему бы нам не взять его с собой?

— Вы имеете в виду, в космос? — испугался человек-медведь.

Потом он покачал головой:

— Это, наверное, нельзя.

— Нельзя по чьим нормам? — вступил в разговор Дуулдн. — Людей-гиен, которые захватили власть?

Он пожал плечами.

— Никто не заметит лишнюю обезьяну среди многих. Он только должен сказать, что потерял документы.

Внушающий страх человек-гиппопотам повернулся и посмотрел на человека:

— Эй, Модиунн, о чем вы думаете? Хотите пойти?

В том, что происходило, Модьуна интересовало лишь их желание устроить заговор и помочь ему. Удивительно, что одна мысль, которую он им подал, идея о незаконном захвате власти, разрушила их преданность людям-гиенам. Сначала Руузб и Дуулдн, а теперь, очевидно, по прошествии времени Неррл и Иггдооз тоже — как это называется? — развратились. Всего на несколько минут маски были сняты. Еще не зная настоящей правды, они реагировали на малейшее открытие истины со злостью, уничтожая в себе прежнюю наивность и чистоту намерений.

Мысль Модьуна вернулась к знакомому преступнику, человеку-крысе, который был вынужден украсть, когда узнал, что руководители-гиены проезжают на автомобилях лишние сто ярдов до входных дверей своих домов. Человека-крысу возмущала эта привилегия.

Модьун подумал, что, действительно, им не много нужно...

Идеальное равновесие, которое оставил человек, когда уходил за барьер, было нарушено завоевателями Нунули. Очень плохо. Может быть, с этим можно что-то сделать.

Модьун увидел, что четыре пары сверкающих глаз все еще с нетерпением смотрят на него, ожидая ответа. Это напомнило ему то, что он должен был сделать сначала.

— Я уйду на рассвете, — сказал он, — но вернусь сюда к девяти или к половине десятого. Не будет слишком поздно?

Они искренне заверили его, что не будет.

На рассвете он поехал туда, куда Экет принес его примерно месяц назад и где он встретил Судлил. У него в уме была картина местности и возможный путь, по которому автомобиль мог провезти его по бездорожью. Как он и ожидал, робот-автомобиль подчинился его человеческому имени.

Скоро Модьун стоял на холме и смотрел на то, что недавно было долиной, где тысяча людей жила в раю. Все исчезло: сады, соединенные каналы и пруды, прекрасные дома и площадки, которые образовывали центральную часть диаметром в милю. Остался лишь внешний край, где были дома насекомых и животных — слуг человека.

Там, где располагался маленький городок с остатками человеческой расы, теперь была выбита яма длиной в три мили, шириной в две мили и глубиной в полмили.

Если он собирается полететь в космос, то, может, когда-нибудь он захочет поговорить обо всем с тем самым членом комитета...

Внезапно Модьуну показалось, что он, действительно, должен это сделать.

ГЛАВА XV

Модьун сначала не заботился о том, чтобы найти постоянную комнату. Отделившись от четырех друзей, которые должны были пойти в предназначенные для них помещения, он прогуливался по коридору и через некоторое время оказался у ворот; он стоял и оглядывал огромное открытое пространство.

Модьун быстро оценил, что диаметр этого помещения более километра, а высота потолков не менее ста метров. Везде, куда он смотрел, росли деревья, а вдали зеленело пастбище, и, конечно, тысячи людей-животных наслаждались видом открытого пространства. Идеальное место, чтобы провести первые несколько часов на борту звездолета. Модьун сделал шаг вперед, чтобы пройти через ворота, и обнаружил, что они заперты.

Вперед вышла женщина-животное. Она была изящно одета и напоминала обезьяну. Она посмотрела на Модьуна с высоты семи футов трех дюймов на его восемь футов и заявила:

— Эти огороженные места являются неприкосновенными. Когда на борту столько людей, открытые пространства должны использоваться лишь в определенные часы. Если вы назовете свое имя и номер комнаты, я запишу вас, чтобы вы могли прийти в назначенное время.

Неожиданно, но разумно. Так как у него не было комнаты, Модьун отрицательно покачал головой в ответ на ее предложение. Но он изучал женщину-обезьяну с неподдельным интересом.

— Вы из какой части Африки? — спросил он.

— Восточное побережье.

Она улыбнулась и стала очень привлекательной.

— Откуда приезжают такие красавцы? — сказала она. — Вы не хотите разделить со мной квартиру?

Модьуну стало интересно.

— Как это можно устроить?

Она восхитительно улыбнулась в ответ на его очевидное согласие.

— Если женщина может найти мужчину, это дает ей право на большую кровать. Их несколько в каждой общей спальне.

— Кажется, хорошая идея, — сказал Модьун. — Где эта спальня?

— Я запишу для вас, — нетерпеливо сказала она.

Он наблюдал, как она поспешно вынула из кошелька маленький блокнот и написала изящным почерком несколько строчек, вырвала листок и протянула ему:

— Вот.

Модьун взял записку, посмотрел и прочитал: "Палуба 33, секция 193, коридор Н, спальня 287". И была подпись: "Трольнд".

Он положил бумажку в нагрудный карман. Женщина-обезьяна спросила:

— Как вас зовут?

Он сказал: Модиунн, как произносили в Африке, и добавил:

— Увидимся, когда пора будет ложиться спать.

Наступил вечер. Поздний вечер. Пришло время идти по адресу, который дала ему Трольнд.

Ночью женщина-обезьяна разбудила Модьуна; она легла на него, когда он лежал на спине. Она была довольно тяжелой и, обдумав возможность позволить ей остаться лежать на нем без комментариев, Модьун нарушил молчание и сказал низким вежливым тоном:

— Вы проснулись?

— Еще бы, я проснулась, — сказала она спокойным низким голосом.

— Это обычная манера спать у обезьян из вашей части Африки? — спросил он.

— Ради Бога, — сказала она. — Что за вопрос? Вы мужчина или пустое место?

Он не понял вопроса и сказал:

— Почему бы нам не обсудить загадки, вроде этой, утром? Именно сейчас я очень хочу спать.

Последовала долгая пауза. Затем, не сказав ни слова, женщина скатилась с него и отодвинулась в дальний угол кровати. Вероятно, она оставалась там, потому что больше ему спать не мешали. Когда он проснулся утром, Трольнд уже встала и что-то делала в дальнем конце спальни, где было зеркало.

Модьун начал одеваться. Он наклонился, чтобы обуть туфли, когда почувствовал, что пол под ним дрожит. Это было такое крупное событие, очевидно, растрачивалось столько энергии, что его мозг отметил факт без его сознательного распоряжения.

В голове замелькали картины.

Сначала он видел только волны в замкнутом пространстве. Видимый мир квадрильонов движущихся линий.

"Магнитно-гравитационные волны", — подумал он.

Конечно, корабль должен соединиться с огромными магнитными и гравитационными полями Земли, чтобы его гигантская масса оторвалась от Земли.

Взлет. Очень легко. Просто. Ничего опасного.

Теперь картины... изменились. Он увидел лицо человека-гиены: офицер в форме с медалями сидел в большой комнате где-то на корабле. В комнате блестели механические приборы и другие гиены-мужчины в форме стояли перед приборными панелями.

Сцена поблекла; и на одно мгновение наложилось спокойное серое лицо Нунули, окантованное волосами, похожими на червей. Глаза существа, похожие на прозрачные серо-зеленые лужи, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна.

А потом и эта картина поблекла.

Модьун обулся и почувствовал удовольствие. Теперь, когда они отправились в космос, он мог пойти поесть. Он согласился не заходить в столовую весь предыдущий день и так и сделал, но для такого тела, как у него, диета была довольно затруднительным процессом. Теперь можно все исправить.

Он поднялся и подошел к женщине-обезьяне.

— Увидимся вечером, — сказал он весело.

— Вы не посмеете прийти сюда снова, — заявила женщина-обезьяна.

Модьун повернулся и посмотрел на нее.

— Я чувствую явную враждебность в вашем тоне, — сказал он. — Это меня удивляет, потому что я обращаюсь с вами очень вежливо.

— Я не нуждаюсь в такой вежливости, — последовал беспощадный ответ.

Он подумал, что ее раздражение связано с таинственным поведением прошлой ночью и спросил:

— Все дело в этом?

— Конечно, — ответила она резко. — Я рассчитывала, что мужчина будет вести себя как мужчина, когда он с женщиной.

— О! — только и сказал Модьун.

Он все понял и запротестовал:

— Вы допускаете смешение видов?

— А кто собирался размножаться? — огрызнулась она.

Невразумительный ответ. Но Модьун помнил свой неудавшийся эксперимент с Судлил и сказал:

— Действительно, есть проблема, которую я должен решить. Поэтому, почему бы мне не проконсультироваться с моими друзьями, а потом мы снова поговорим.

— Не стоит беспокоиться, — холодно сказала Трольнд.

Она явно была в плохом настроении. Модьун прекратил дискуссию и ушел. Он направился прямо в столовую, которую видел по пути к квартире Трольнд прошлым вечером, назвал компьютеру свое настоящее имя и скоро уже нес тарелку к маленькому столику в углу. Потом неторопливо съел то, что было на ней. И тут он увидел, что люди-гиены в форме строятся снаружи у каждого из четырех входов в столовую.

Модьун вздохнул. Опять начинается вся эта глупость.

У него появилась новая мысль: "Сколько еще я должен терпеть?"

Чувство прошло, когда человек-гиена, на одежде которого было больше, чем обычно, золотых полос, вошел в столовую и направился прямо к Модьуну.

— Ваше имя Модиунн? — спросил он вежливо.

— А если и так? — сказал Модьун.

— Я почтительно прошу вас следовать за мной в жилище Нунули, хозяина этого корабля.

Бурное чувство где-то внутри Модьуна постепенно ослабевало от вежливого тона. Оно не испарилось совсем, но включилась автоматическая вежливость. Модьун сказал:

— Что он хочет?

— Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Я не могу представить себе ни одного вопроса, который он мог бы задать и получить от меня ответ, который мог бы иметь какое-либо значение. Так как ответа нет, я не пойду с вами.

Человек-гиена вдруг смутился.

— Но, — запротестовал он, — как я могу вернуться с подобным известием? Прежде всего, я знаю, Нунули рассчитывает, что я применю силу, если убеждение не поможет, хотя у меня нет инструкций для такого случая.

Модьун с достоинством ответил:

— Передайте этому джентльмену, что если он пожелает выделить мне каюту на борту корабля, а потом захочет навестить меня там, я приму его.

Офицер-гиена, казалось, успокоился.

— Благодарю вас, — сказал он, — мне был нужен какой-нибудь ответ.

Он ушел.

Вот и все. Время шло, и никакой реакции. Странно. Но потом Модьун решил, что Нунули — интриганы и, без сомнения, готовят какой-нибудь план, как это было в связи с его арестом на Земле. Хотя трудно было представить себе, что теперь будет. Наконец, так как он не мог придумать ничего лучшего, то он пошел навестить друзей.

Оказалось, что они живут в такой же спальне, как Трольнд, но для мужчин. Когда он в первый раз осмотрел большую комнату с рядами коек, здесь не было даже следов четверых друзей, которых он искал. Модьун пошел к кровати, где человек-мышь и человек-ляиса, немного меньшего размера, чем Неррл, играли в карты, и спросил о своих приятелях.

Мгновенная реакция оказалась неожиданной. Человек-мышь бросил карты на кровать, вскочил на ноги и пронзительно закричал резким голосом другим мужчинам на ближайших кроватях:

— Здесь парень ищет тех четверых.

Половина мужчин в комнате услышала эти слова. И каждый из них встал. А те, кто был на дальних кроватях, привлеченные суматохой, оглядывались или садились. Несколько человек встало.

Слева от Модьуна дородный субъект, лицо которого слабо напоминало тигра, первый махнул ему и сказал:

— Подойдите сюда!

Модьун был удивлен, но, тем не менее, выполнил его приказание. Человек-мышь позади него завизжал:

— Они арестованы. А нам приказано допрашивать любого, кто приходит и ищет их. Кто вы?

ГЛАВА XVI

"Они дураки", — подумал Модьун.

Неприятная ситуация. Поняв это, Модьун автоматически повернулся и посмотрел на дверь, через которую вошел.

Но путь уже был отрезан. В несколько мгновений, которые прошли от первого визга человека-мыши до его реакции на упреждающую команду человека-тигра, семь существ стали между ним и дверью. Мирное отступление из зоны возможного насилия, часть жизненной мирной философии, оказалось невозможным.

Модьун смирился с неизбежностью насилия.

Буйная толпа. Когда он стоял в нерешительности, толпа сжималась вокруг него. Люди-животные толкали друг друга и его. Модьун сразу же почувствовал в непосредственной близости неприятный запах пота животных. Тем не менее, ему не пришло в голову выключить свое обоняние. Он не сопротивлялся, когда они стали оттеснять его в угол. Это стало частью его первоначальной неудачной попытки уйти.

Человек-тигр ударил Модьуна в лицо. Быстрый удар, который был отбит, и лапа отлетела выше головы. Боль была незначительной, но само намерение возбудило Модьуна. Он спросил:

— За что?

— Ты грязный, вонючий, вот за что! — был ответ. — И мы знаем, что делать с предателями и их друзьями, не так ли? Говорю, нужно убивать таких, как ты!

Крик подхватили те, кто стоял ближе:

— Убить его!

При этом несколько сильных ударов обрушилось на плечи и голову Модьуна. Он ушел от ударов, с грустью понимая, что его тело, без сомнения, вынуждено будет защищаться, когда давление станет достаточно большим. Поэтому он дал себе команду: отсутствие боли — и поднял левую руку, чтобы отражать удары их кулаков, и, так как он был достаточно неуязвимым, ударил человека-тигра в челюсть. Он ощутил удар, как толчок в суставы и плечо. Никакой боли, только сотрясение.

Так как он не чувствовал боли и не имел опыта, то ударил, не сдерживаясь. А потом в испуге наблюдал, как человек-животное, шатаясь, сделал назад дюжину шагов. Потом большое создание с грохотом упало на пол.

Каждый — именно каждый — повернулся и посмотрел. Они тоже не умели драться. Они убрали руки от Модьуна, перестали обращать на него внимание. Они стояли, глядя на тело товарища.

Появился выход. Не физический проход, а возможность уйти, благодаря их временной нерешительности. И Модьун ушел. Он должен был пробираться через толпу, потому что на пути его прямого движения находилось, по меньшей мере, полдюжины людей-животных. Он прошел мимо них, наклонился и помог ошеломленному человеку-тигру подняться на ноги.

— Извините, — сказал Модьун. — Я только хотел задать вам несколько вопросов.

Большое животное быстро приходило в себя.

— Это был удар, — сказал он с уважением. — Вопросы? — повторил он.

Модьун сказал, что удивлен их враждебным отношением.

— С каких пор стало преступлением быть знакомым с кем-то?

Человек-тигр помолчал.

— Ну... — сказал он с сомнением. Потом повернулся к людям-животным.

— Что вы думаете, друзья?

— Но он знаком с преступниками! — заметил человек-мышь.

— Да...

Человек-тигр пристально посмотрел на Модьуна, внезапно намного агрессивнее, чем раньше.

— Что вы на это скажете?

— Вы говорите, что они арестованы? — сказал Модьун.

— Да, конечно.

— Взяты под стражу?

— Да.

— Тогда их еще должны будут судить. Их вина пока не доказана.

Модьун вспомнил свое собственное появление в "суде" и быстро добавил:

— Они имеют право на судебное разбирательство в суде присяжных, равных себе — то есть вас. Дюжина вас и судья в соответствующем суде в присутствии публики, то есть остальных из вас, выслушают свидетельские показания против обвиняемых и определят их вину.

Потом Модьун сделал паузу:

— В чем их обвиняют?

Никто не знал.

— Вам должно быть стыдно, — зло сказал Модьун, — обвинять кого-то, даже не зная, в чем его преступление.

Его собственная роль в неожиданном развитии событий стала более ясной.

— Друзья, — сказал он, — мы должны обеспечить честный суд над этими четырьмя, которые являются такими же простыми существами, как вы и я.

Они были только людьми-животными, к тому же глуповатыми. И им оставили идеальный мир, который требовал от них минимум работы. В известном смысле, руководство, которое обеспечивали люди-гиены и Нунули, было, вероятно, подходящим для них; они чувствовали поддержку и имели пищу для размышлений. Чем-то занимались.

Модьун уже заметил, что на таких существ мгновенное впечатление производило то, что казалось справедливым. Так было и теперь.

— Вы правы. Это то, что мы собираемся выяснить.

Общий хор голосов выражал согласие. Люди-животные повернулись и стали горячо убеждать друг друга в обоснованности давно не используемых принципов справедливого судебного разбирательства.

При этом существа, находящиеся в комнате, разбились на маленькие группы, которые возбужденно беседовали. Кажется, никто не заметил, когда Модьун продвинулся к двери, через которую он вошел, и, осторожно осмотревшись, вышел.

Он быстро пошел по коридору, взволнованный тем, что узнал о таинственном аресте своих друзей. Но, по крайней мере, он был свободен и мог что-то сделать.

Он не знал, что.

"Моя проблема в том, что я философ".

Новым было то, что он думал об этом, как о проблеме.

Некоторое время после этого он бродил и бродил бесцельно. Сознание его помутилось. Скорость, с которой он шел, автоматически увеличивалась, отражая его глубокое внутреннее расстройство. Быстрое движение привело к тому, что через некоторое время его внимание сконцентрировалось на этом аспекте.

И, наконец, еще раз он осознал... что на уровне тела любит этих четверых. И их затруднительное положение беспокоило его.

Он побежал.

Быстрее.

Он мчался. Его сердце забилось быстрее, дыхание стало неровным; он отдавал себе отчет в том, что сильные эмоции, связанные с тем, что случилось с его друзьями-животными, ускользали. Он понял, что это химическая обратная связь определенных желез, которые с тех пор, как он вырос, гасили большую долю его реакций. Печально сознавать, что вещества, выделяемые железами в поток крови, — и среди них адреналин — можно разогнать мышечной активностью.

Когда он бежал, чувство, что он должен что-то делать, исчезло.

Модьун снова стал философом и с улыбкой думал о серьезном проекте, о том, что он едва не был вовлечен в дело, которое ничего не значило для него.

Это была старая доктрина сторонника мира: нет конца безумствам вспыльчивых людей, поэтому нельзя позволять втягивать себя в их конфликты, нельзя отражать удары, нужно избегать эмоций.

Пусть гиены победят.

Легкая победа смягчает агрессоров. Правда, звучит иногда неприятно, но если вы можете не позволить втянуть себя или, по крайней мере, сделать ваше участие минимальным, то лучше сохранить мир таким путем. Даже если нескольким существам причинят вред, — все равно это лучше.

Вновь согласившись с основными аксиомами своих размышлений, Модьун перешел на шаг.

Теперь он был голоден. Он вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

Когда он сидел и ел, то увидел ту же самую сцену,что и в то утро, когда люди-гиены выстроились у каждого входа в большое заполненное помещение. И тот же самый высокопоставленный офицер почтительно подошел к нему и протянул документ.

Внешне документ очень напоминал повестку, которую Модьун получил на Земле. И на мгновение Модьун ощутил сильный прилив тепла, возникший где-то у основания позвоночника. Так Модьун познал ярость и поспешно спросил:

— Что это?

— Вы должны выступить в качестве свидетеля против четырех лиц, которые обвиняются в том, что нелегально провели на борт корабля человека, не имеющего разрешения. Суд назначен завтра на девять часов утра и будет проходить в помещении, указанном в повестке.

Не только каждое предложение, но и каждая его часть, произносимая человеком-гиеной, звучала поразительно разоблачающе. Модьун реагировал на каждое слово. Он говорил:

— О! О! О!

Неизменное "О!" выражало его ошеломление и осознание.

Прояснилась тайна ареста. Очевидно, шпионы на Земле сразу взяли на заметку четверых друзей, потому что те

были связаны с ним. И, когда его, Модьуна, обнаружили на борту (несомненно, об этом доложил компьютер в столовой), кто-то понял, какую роль сыграли его друзья и кто помог ему попасть на корабль.

Трудно угадать, чем может завершиться такой суд. Но, конечно, хозяева Нунули начали одну из своих хитрых игр. В конце концов с помощью всего этого Модьун надеялся выяснить их тайную цель.

Офицер-гиена сказал вежливо:

— Меня просили обеспечить ваше выступление на суде в качестве свидетеля, как указано.

Модьун колебался. Но, что ему оставалось делать? Он постоянно думал о том, что должен дать негодяям делать все так, как они хотят. Победив без борьбы, они должны будут успокоиться... Таковы были его философские аксиомы.

Но Модьун помнил и то, к чему призывал людей-животных часом раньше. И, хотя обвинение не казалось слишком серьезным и, вероятно, было лишь частью большого плана, направленного против него, он задал решающий вопрос:

— Будет ли суд с присяжными и судьей?

— Да.

— Вы уверены? — настаивал Модьун. — Вы понимаете, что это значит?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят свидетельские показания, и обвиняемые будут иметь адвоката, выбранного ими.

Казалось, все справедливо.

— Хорошо, — сказал человек. — Я приду.

— Благодарю вас.

После этого офицер сунул руку в карман, вынул другой сложенный листок и протянул Модьуну.

Модьун подозрительно посмотрел на бумажку.

— Что это? — спросил он.

— Мне сказали, что, если вы согласитесь быть свидетелем, вам будет выделена каюта, как вы просили утром. Здесь номер каюты и ее местонахождение.

Модьун с заметным облегчением взял бумажку. Он не знал, где провести вторую ночь.

Он сказал:

— Пожалуйста, передайте мою благодарность хозяину Нунули. Скажите, что я ценю его любезность.

Как и было обещано, суд начался точно в девять на следующее утро, и в качестве первого свидетеля был вызван Модьун.

ГЛАВА XVII

Зал судебного заседания был обустроен точно так, как Модьун представлял себе по описаниям обучающих машин.

Дюжина присяжных (все люди-гиены) сидела на скамье для присяжных, поставленной вдоль одной из стен. Гиена-судья сидел на скамье, завернувшись в свою мантию. Место свидетеля, куда вызвали Модьуна, находилось слева от судьи. Гиена-прокурор сидел за одним из столов справа от судьи, а гиена-адвокат — за другим. Прямо перед Модьуном за специальной загородкой сидели четверо подсудимых, а у них за спиной выстроились гиены-офицеры полиции. Прямо напротив различных слуг закона, за низкой оградой стояли несколько дюжин рядов стульев. Здесь сидела публика.

Все было устроено очень хорошо, поэтому Модьуна неприятно поразило, когда прокурор поднялся и сказал без паузы:

— Этого свидетеля зовут Модиунн. Он — обезьяна из Африки, и четверо обвиняемых провели его нелегально на борт корабля. Они обвиняются в измене, призыве к мятежу, иными словами, они совершили уголовное преступление, которое карается смертью.

Когда он произносил эти слова, он обращался к присяжным. Потом он повернулся к защитнику и сказал:

— Что может сказать свидетель в оправдание их низкого преступления?

Защитник сказал, не поднимаясь:

— Свидетель согласен, что все ваши утверждения — правда. Продолжайте судебное разбирательство.

— Я возражаю, — прорычал Модьун. Его тело пылало с головы до ног. Он понял, что дрожит.

— Возражение отклоняется, — сказал судья вежливым тоном. — За свидетеля говорил защитник.

Модьун закричал:

— Я возражаю против этой пародии на суд. Если все будет продолжаться в таком же роде, я откажусь быть свидетелем.

Судья наклонился к стулу свидетеля. Он казался обескураженным и продолжал тем же вежливым тоном:

— Что неправильно в суде?

— Я требую, чтобы вопросы задавали непосредственно свидетелю и чтобы ему разрешили самому на них отвечать.

— Но это неслыханно, — запротестовал судья. — Защитник знает законы и, очевидно, может более квалифицированно отвечать вместо свидетеля.

Казалось, ему пришла в голову новая мысль, потому что глаза его расширились.

— Вы из Африки, — сказал судья. — То, что вы требуете, это обычная процедура там?

Модьун тяжело вздохнул. Его потрясло, какое умственное напряжение требовалось от того, кто должен учитывать не только правду, по которой человек согласился жить. Но Модьун отказался быть вовлеченным во что-то более нечестное, чем ложь относительно того, как произносится его имя, плюс неправильная идентификация его в качестве обезьяны. А в остальном он требовал только правды.

Он сказал:

— Я требую, чтобы суд шел по правилам, установленным человеком.

Последовала долгая пауза. Наконец, судья подозвал к себе прокурора и адвоката. Трое беседовали шепотом. Потом два юриста возвратились к своим столам. Когда они сели, судья любезным тоном обратился ко всему залу заседаний и сказал:

— Так как показания этого свидетеля являются важными, мы решили согласиться на примитивную процедуру, к которой он привык у себя дома, в Африке.

После этого он повернулся к Модьуну и сказал с упреком:

— Я искренне надеюсь, что потом вы извинитесь перед защитником за оскорбление, которое вы нанесли ему публично.

Он продолжал вежливо:

— Какая процедура вас устроит, мистер Модьун?

— Правильно... — начал Модьун.

— Там, откуда вы прибыли, — вставил судья.

— ... существует процедура, давно установленная человеком, — продолжал Модьун. — Она заключается в том, что прокурор должен задать мне ряд относящихся к делу вопросов, и каждый раз ждать моего ответа.

— Какого рода вопросы? — спросил человек-гиена на скамье, который был готов отступить, но находился в растерянности.

— Сначала нужно спросить мое имя, — сказал Модьун.

— Но мы знаем ваше имя, — последовал удивленный ответ. — Оно же написано здесь на повестке.

— Такие факты должны устанавливаться во время непосредственного допроса, — твердо сказал Модьун.

Судья засомневался:

— Такой метод может задержать нас здесь на весь день.

— Может быть, даже на неделю, — согласился Модьун.

Почти все находящиеся в зале заседаний вздохнули.

А судья, мгновенно забыв о вежливости, резко ответил:

— Невозможно!

Но после другой паузы он обратился к прокурору:

— Приступайте.

Человек-гиена, исполняющий роль прокурора, вышел вперед. Он выглядел неуверенно. Тем не менее, он задал главные вопросы:

— Как ваше имя?

— Действительно ли вы обезьяна из Африки?

— Вы тот, кого обвиняют в том, что он нелегально проник на борт корабля?

— Знаете ли вы, в чем обвиняют подсудимых?

При этом вопросе Модьун впервые попытался сопротивляться, беря на себя одновременно роль и свидетеля, и защитника.

ГЛАВА XVIII

— Я протестую против этого вопроса, потому что то, в чем обвиняют подсудимых, не является преступлением по законам, установленным человеком прежде, чем люди

отступили за барьер и оставили остальную Землю своим друзьям, людям-животным.

Так аргументировал свою точку зрения Модьун. Он продолжал:

— Если это и проступок, то только незначительный, и возможное наказание за него — заключение в каюте не больше, чем на два-три дня.

Когда он дошел до этого места, его прервал судья, который сказал, что по его определению подсудимые совершили уголовное преступление, караемое смертью.

— По определению? — спросил Модьун.

— Да, — был ответ.

— Покажите мне это определение, — сказал Модьун.

Служащий суда, человек-гиена в лоснящемся черном костюме и рубашке с высоким воротником, имеющий ученый вид, принес книгу, в которой в главе 31 на странице 295 в параграфе 4 строка 7 начиналась словами: "... следует считать уголовным преступлением, которое карается тюремным заключением, штрафом или смертью".

— Разрешите посмотреть, — попросил Модьун.

Служащий посмотрел на судью, спрашивая согласия, и, когда тот кивнул, передал том человеку. Модьун перечитал строки, посмотрел последний лист, прочитал то, что было там, победоносно посмотрел и сказал:

— Это не тот закон, который создал человек, а неправильная и неприемлемая редакция меньшинства из людей-животных — людей-гиен.

Гиена-судья сказал:

— Я заявляю, что закон правильный и пригодный.

Его голос стал значительно менее вежливым.

— По моему мнению, — продолжал Модьун, — вы должны признать подсудимых невиновными на том основании, что преступление не доказано.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал судья. — Вы собираетесь давать показания или нет? Если нет, то, пожалуйста, освободите место свидетеля.

Он говорил с раздражением. Едва ли был подходящий момент, чтобы уйти, поэтому Модьун сказал:

— Я буду давать показания, но я оставляю за собой право снова поднять этот вопрос, когда придет время.

Судья повернулся к гиене-прокурору.

— Продолжайте допрос важного свидетеля, — сказал он.

— Как вы попали на борт этого корабля? — спросил прокурор.

— Я прошел по космодрому к одному из нескольких сотен входов. Подошел к подъемнику. Он поднял меня примерно на сто этажей, и я вышел из лифта в коридор. Я был убежден, что благополучно поднялся на борт корабля, и это оказалось правдой, — закончил Модьун.

В зале заседаний стало тихо, когда фактическое рассмотрение дела завершилось. Высокий тощий человек-гиена, который задавал вопросы, казался растерянным. Но через некоторое время он овладел собой и сказал:

— Посмотрите на скамью подсудимых!

Модьун посмотрел в указанном направлении и, конечно, увидел своих четверых друзей-животных.

Прокурор спросил:

— Узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

— Я узнаю их всех, — сказал Модьун.

Арестованные с шумом задвигались. Неррл осел в кресле, как будто его ударили.

— Соблюдайте порядок в суде, — резким голосом закричал судья.

Прокурор продолжал:

— Присутствовал ли кто-нибудь из этих людей, — он махнул рукой в сторону обвиняемых, — когда вы шли по космодрому, входили в лифт и поднимались на борт корабля?

С места, где он сидел, человек мог видеть, как напряглись люди-животные, сидевшие на местах для публики. Модьун чувствовал, как многие из них невольно затаили или замедлили дыхание, очевидно, ожидая, что его ответ будет утвердительным. Модьун повернулся к судье:

— Ваша честь, я понимаю, что моему ответу на этот вопрос придается большое значение. Как будто каждый автоматически предполагает, что утвердительный ответ повредит арестованным. Вы тоже так считаете?

Длинное тощее создание наклонилось к нему:

— Ваша обязанность, как свидетеля, только правдиво отвечать на вопросы, — сказал он. — Какие выводы я смогу сделать в окончательном приговоре, определит логика, которой руководствуется суд.

— И все же, — возразил Модьун, — вы — член малочисленной группы, которая захватила все важные государственные посты, включая то, что только люди-гиены имеют право проводить судебное разбирательство и быть присяжными в суде. Поэтому я подозреваю, что ваш приговор может быть не совсем беспристрастным. Если вы сможете убедить меня, что он будет беспристрастным, я с радостью отвечу на вопросы.

— Он будет беспристрастным, — сказал судья.

Модьун покачал головой.

— Боюсь, что мы не понимаем друг друга. Каждый может утверждать, что суд беспристрастный. Но, как вы можете убедить меня, с учетом того, что вы — член узурпирующего меньшинства, что вы не осудите этих арестованных, не выслушав их?

— Я собираюсь снова попросить вас либо давать показания, либо уйти, — холодно сказал судья.

— Я буду давать показания, — сказал Модьун.

— Очень хорошо. Каков же ваш ответ на вопрос?

— Арестованные были со мной, когда я поднялся на корабль.

— Аааааааххххх! — выдохнула аудитория.

Они реагировали, как один. Это был звук единого вздоха, как будто много существ одновременно вздохнуло.

Судья опустил молоток, призывая к порядку. Когда, наконец, в зале заседаний снова воцарилось молчание, Модьун сказал адвокату:

— Видите, я обнаружил, что связь четырех арестованных со мной считают важной уликой против них.

— А что же еще можно предположить? — спросил судья, едва скрывая торжество.

Человек посмотрел на него с сожалением.

— Предположение, что я сопровождал их, не может служить обвинением. Предположим, что, хотя они были со мной, они не знали о моих намерениях. — Модьун махнул рукой: — Может существовать множество подобных предположений.

Судья кивнул прокурору.

— Продолжайте допрос этого свидетеля и особенно обратите внимание на те вопросы, которые он поднял. Ка-

жется, в конце концов, он собирается отвечать правдиво, поэтому добейтесь от него правды.

В этом был смысл, Модьун должен был с этим согласиться. Хотя он мог рассуждать о правде философски, он не собирался лгать о действительно происшедших событиях. Прокурор выжимал из него одно признание за другим. В конечном счете он сказал: да, четверо обвиняемых заранее знали, что он намеревался попасть на борт межзвездного экспедиционного корабля. Да, действительно, один из обвиняемых предложил это, а другие согласились с его планом.

Когда Модьун закончил, судья посмотрел на адвоката.

— Есть вопросы к вашему свидетелю, сэр?

— Нет, — был ответ. — Я, действительно, не вижу смысла в том, чтобы терять время, продолжая судебное разбирательство.

— Я согласен с вами, — сказал судья.

После этого он повернулся к арестованным.

— Встать! — скомандовал он.

Четверо обвиняемых нерешительно встали.

Судья продолжал:

— Ваша вина установлена этим свидетелем, — начал он.

— Эй! — громко сказал Модьун.

Судья не обратил внимания и уверенно продолжал:

— Я приказываю, чтобы вас четверых отвели в камеру...

— А как насчет присяжных? — закричал Модьун. — Это же суд присяжных.

— ... и держали там одну неделю, пока вы будете ждать ответа на апелляцию в верховный суд. Если верховный суд вас не помилует, то ровно через неделю с этого дня вы будете расстреляны группой стрелков, использующих оружие N.

Он махнул рукой полицейским, которые стояли рядом с заключенными.

— Уведите осужденных, — приказал он. Теперь он повернулся к Модьуну и сказал вежливым тоном:

— Я хочу поблагодарить вас за честные показания, которые помогли установить истинную виновность четырех

осужденных, и нам теперь необходимо провести дальнейшую бюрократическую процедуру.

— Да, — с сомнением сказал Модьун.

ГЛАВА XIX

"Я сделал все, что мог", — так казалось Модьуну. Не нужно делать ничего больше, просто дать событиям идти своим чередом.

Но весь остаток дня судебного заседания тело Модьуна оставалось неприятно разгоряченным. Это, конечно, результат безрассудства его желез, которое не мог выносить идеальный с точки зрения философии мозг. Что касается привязанности его тела к Руузбу и остальным, то самым нелепым выглядело то, что Модьун встретил их совершенно случайно.

"Я не выбрал их за особые качества, которые потом обнаружил в них".

В день выхода из-за барьера Модьун остановил автомобиль с четырьмя пассажирами и занял одно из двух свободных мест. Вот и все. Не было разницы между этими четырьмя в автомобиле и любыми другими людьми-животными.

Модьун убеждал себя, что это реальное отображение его отношений с ними.

Но его тело все еще оставалось разогретым более, чем обычно.

На четвертое утро после судебного разбирательства раздался звонок. Когда Модьун открыл дверь, там стоял офицер-гиена в форме. Он был вежлив и сообщил, что "четверо осужденных получили отказ в ответ на апелляцию верховному суду. Суд настаивает, чтобы главному свидетелю сообщили о решении".

Модьун собирался поблагодарить и закрыть дверь, когда почувствовал, что его лицо сильно покраснело от такой новости. Он поспешно сказал:

— Я хочу посетить осужденных перед казнью. Это можно организовать?

— Я буду счастлив навести справки от вашего имени и сообщу о решении, — сказал офицер.

Оказалось, что Модьун может. Ему разрешат посетить осужденных накануне казни — вечером шестого дня после судебного разбирательства.

Модьун должен был согласиться, что во всем этом деле они ведут себя очень любезно и законно. Его прежнее чувство, что за всем этим стоит какой-то хитрый план, направленный против него, казалось, было неправильным.

Снаружи тюремная камера выглядела просто, как спальня, но туда вела дверь, запертая на засов. Перед дверью сидел гиена-караульный. Он внимательно прочитал письменное разрешение Модьуна на посещение и потом отпер дверь, подождал, пока тот войдет, и запер ее за Модьуном.

Прошло несколько минут, в течение которых помещение казалось пустым, потом с низкой койки спустилась пара ног, и Неррл сел с приглушенным восклицанием:

— Господи, посмотрите, кто здесь!

После этих слов быстро появилось еще три пары ног, и еще трое людей-животных, знакомых Модьуна, встали с низких коек. Все четверо подошли и пожали руку посетителю.

Оглядевшись, Модьун увидел, что это помещение отличается от других спален. За дальней линией коек был альков. Там стоял стол и знакомое оборудование столовой.

После краткого осмотра Модьун робко сказал:

— Я решил, что лучше зайти попрощаться.

Большая слеза скатилась по щеке Руузба. Он был бледен и выглядел не очень хорошо. Его щеки ввалились.

— Спасибо, дружище, — сказал он сдавленным голосом.

Модьун посмотрел на него с заметным удивлением.

— В чем проблема? — спросил он. — Каждый должен уйти, раньше или позже. Так почему не сейчас?

Он поправил себя:

— То есть, почему не завтра?

После его слов наступило молчание. Затем Дуулдн вышел и стал перед Модьуном. На щеках его горело два больших розовых пятна. Он глотал слюну и, очевидно, едва сдерживал себя.

— Приятель, у тебя странные взгляды.

Он нахмурился и продолжал:

— Модиунн, я никогда раньше не встречал обезьяны, похожей на тебя. Ты сидел в кресле свидетеля, наговаривая на нас.

— Правда — есть правда, — защищался Модьун. В этот момент он понял, что замечание человека-ягуара не было дружеским.

— Ты не сердишься за то, что случилось? — спросил Модьун.

Румянец поблек. Дуулдн вздохнул.

— Я сердился. А потом подумал: "Это же мой милый глупый друг, обезьяна, она снова кладет палец в рот". И злость прошла. Правда, друзья? — Он посмотрел на своих товарищей по несчастью.

— Правда, — мрачно сказали Неррл и Игтдооз. Руузб молча смотрел в пол и вытирал глаза.

Их точка зрения была такой бесперспективной, что Модьун почувствовал, что должен перевоспитать их.

— Сколько вам лет? — спросил он каждого по очереди. И впервые узнал, что их возраст колебался от двадцати шести до тридцати трех: Руузб оказался самым старшим, а человек-гиппопотам — самым младшим. Так как они были людьми-животными, они могли прожить около шестидесяти.

— Итак, — рассуждал Модьун, — вы все прожили, грубо говоря, половину нормальной жизни. За оставшуюся половину едва ли стоит бороться.

В ответ на такой аргумент люди-животные озадаченно посмотрели на него. Наконец, человек-лиса сказал взволнованно:

— Подумать только, что я здесь, в таком ужасном положении, потому что пытался быть твоим другом.

Человек был поражен. Он не понимал, какая связь могла существовать между этими двумя обстоятельствами.

— Вы намекаете, — проговорил он, потрясенный, — что здесь есть причинно-следственная связь? Это не так. Вы сделали то, что считали нужным, а потом люди-гиены сделали то, что они считали нужным. Подходя к событиям с точки зрения рационального мышления, можно понять, что эти два события не связаны. Что-то в вас говорит вам, что здесь есть связь. В действительности же ее нет.

Модьун видел, что его не понимают. Его друзья просто потупили взгляды и казались еще более несчастными, чем когда-либо. Он почувствовал внезапную жалость к ним и продолжал:

— Вы должны понимать, что никто не смог узнать смысл жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен к малой группе, в которой каждая личность несет в себе всю совокупность генов расы, то есть полную генетическую наследственность, — и ждать! Так как на Земле остается много представителей вашей породы, нет причины, по которой вы должны дорожить своим существованием. Очень возможно, что в этом путешествии вас все равно убьют.

Караульный громко постучал в дверь, когда были произнесены эти слова.

— Всем посетителям выйти! — закричал он через окошечко в металлической двери.

— Один момент, — попросил Модьун и повернулся к друзьям. — Ну, что вы думаете?

Большая слеза скатилась по щеке Руузба.

— Прощай, друг, — сказал он. — Я не знаю, о чем ты говоришь, но думаю, у тебя добрые намерения.

Он протянул руку.

Модьун вздохнул, когда посмотрел на Дуулдна.

— Я должен согласиться, что, если у вас такие чувства, то вам лучше пойти со мной, когда я выйду, — сказал он. — Не стоит проходить через то, чему вы так сильно сопротивляетесь. Я скажу властям, что вы считаете приговор неприемлемым. Ведь так?

Четверо людей-животных удивленно посмотрели на него. Человек-ягуар выразил сожаление.

— Как мы сможем выйти с тобой? — сказал он. — Здесь стоит вооруженный охранник.

Человек отмахнулся.

— Я только потребую, чтобы он вас пропустил — минимальное вмешательство в его мозг. И мы сможем продолжить эту дискуссию в моей каюте.

Он подумал, что, конечно, возникнет какая-то реакция со стороны людей-гиен. Поэтому, может быть, лучше пойти и поговорить с Нунули.

Прошло около часа после того, как четверо друзей последовали за ним в каюту, и раздался звонок. Модьун открыл дверь и увидел высокопоставленного офицера-гиену в форме. Тот шепотом сказал Модьуну:

— Мне снова приказано попросить вас прийти и побеседовать с хозяином Нунули. Вы придете?

Модьун вышел в коридор, включив энергетический барьер как защиту вокруг своей каюты, и сказал:

— Я готов идти немедленно.

И закрыл за собой дверь.

ГЛАВА XX

Он шел за гиеной-офицером по коридору и думал: я постараюсь доказать Нунули, каким нелогичным было это судебное разбирательство.

Пока они поднимались лифтом все выше и выше, Модьуну казалось, что жизнь чрезвычайно усложнится, если ему придется защищать четверых людей-животных и себя во время всего путешествия. Когда они шли по открытому пространству от одного лифта к другому, он подумал:

"Будем надеяться, что у Нунули есть приемлемое решение".

Когда второй лифт остановился, человек-гиена посмотрел на панель управления. На ней замигала белая лампочка. Он нажал кнопку. Бесшумный механизм открыл дверь, и офицер-гиена сказал:

— Вы войдете сами. Это частная беседа.

Когда Модьун прошел вперед, дверь мягко закрылась за ним. Не оглядываясь, он вошел в комнату величиной не более дюжины квадратных футов. Комната оказалась пустой; только на полу лежало что-то похожее на матрац. На нем на спине лежал Нунули.

Модьун сразу увидел, что это другой Нунули; он отличался от тех двух, которых Модьун раньше встречал на Земле. И, конечно, был настоящим. Им нужен один индивидуум на корабле, а другой, конечно, остался на Земле. По крайней мере, по одному в каждом месте, где нужно выполнять руководящую работу.

— Вы пришли ко мне, — сказал инопланетянин, лежащий на полу,— в то время, когда я отдыхаю от многочисленных обязанностей.

Модьун посмотрел вокруг в поисках выхода в другую комнату или чего-нибудь похожего. На первый взгляд, ничего не было видно.

— Это ваша квартира? — спросил он.

— Да.

— На борту корабля вы живете в этой каюте? — настаивал Модьун.

— Да.

Туго натянутая серая кожа на продолговатом лице, казалось, немного изменилась, словно инопланетянин пытался изобразить гримасу, соответствующую его чувствам. Это было напряжение мыслей-чувств, а не сцена, и поэтому ее было трудно оценить. Нунули продолжал:

— Может быть, вы считаете, что это помещение более аскетично, чем каюта, которую я выделил вам?

— Меня просто заинтересовал этот факт, — ответил Модьун. — Кажется, ваш комитет требует, чтобы его главные представители не проявляли личного интереса к роскоши или к другим признакам власти.

Лицо существа, лежащего на матраце, снова изменилось. Появилось мимолетное выражение, похожее на то, которое Модьун наблюдал на лице второго Нунули, хозяина Земли, когда тот улыбался, говоря о своем превосходстве. Инопланетянин сказал:

— Мы были аскетичной расой, когда комитет выбрал нас для этой высокой цели. Все, что нам нужно было, это...

Он замолчал, потом пробормотал:

— Неважно...

— Несомненно, — кивнул Модьун, — ваш биологический вид пришел к правильному окончательному выводу, что все в космосе, в конце концов, делается по какой-то причине. Так зачем приобретать имущество, кроме простых вещей, необходимых для выживания. Так?

— Нет.

Разговаривая, Нунули по-прежнему лежал. И через несколько секунд стало ясно, что ему не хочется распрост-

раняться по этому поводу. Модьун принял отказ без злобы. Он сказал:

— Я с уважением отношусь к вашей тайне.

— Естественно, — сказал Нунули. — Мы улучшили человеческую расу, чтобы она проявляла именно такое уважение к правам других. Мы заметили в них это качество и развили его с целью создать искаженный эффект. Наша цель была достигнута, поэтому ничего удивительного в вашем утверждении нет.

Модьун сказал:

— У меня есть внутреннее чувство, что ни одна связь не является автоматически полностью односторонней, как вы говорите. Например, меня раздражает ваша логика, ваш суд над четырьмя моими друзьями.

— Вы не знаете моей логики, — последовал резкий ответ.

— Правда. Но все очевидно. Вы подвергли суду четырех людей-животных с Земли из-за той роли, которую они сыграли в моем появлении на борту этого корабля.

— Что же здесь нелогичного?

— Корабль был сконструирован на Земле, не так ли? — спросил Модьун.

Нунули казался удивленным.

— Да, конечно. Мы всегда используем местные заводы и материалы, где это возможно.

— Вашими рабочими были животные с Земли? — настаивал Модьун.

— Конечно. Кто же еще? Комитет настаивает на том, чтобы использовать местную рабочую силу.

— Тогда, — сказал Модьун, — какие же могут быть у вас возражения? По определению я имею право быть на этом корабле.

— Не понимаю ваши рассуждения, — последовал холодный ответ.

Модьун протянул руки.

— Земля принадлежит человеку и в меньшей степени животным, которых человек поднял из животного состояния. Поэтому корабль, который построен на Земле животными, живущими на Земле, принадлежит человеку и, в меньшей степени, живо-

тным. Я единственный человек на борту, следовательно, этот корабль принадлежит мне.

— Земля — завоеванная планета, — сказал Нунули с чувством собственного достоинства. — Поэтому на ней и с нее человеку ничего не принадлежит.

Модьун упрямо покачал головой, почувствовав, как сужаются его глаза. Такая реакция тела удивила его, потому что это был эмоциональный протест против другой точки зрения.

— Я еще не смирился с ролью, Нунули, — сказал он. — Пока я существую, корабль принадлежит мне. Однако, — он сделал паузу, — это мелочи. Я обдумываю лучшее решение этой ситуации. Я ищу женщину, которую, думаю, ваш коллега увез с Земли в другое место. Если вы сможете отвезти меня к ней, я с радостью покину корабль. Отвезите меня к ней, где бы она ни находилась.

— Это совершенно невозможно, — возразило существо, лежа на полу. — Но теперь давайте вернемся к вашей логике. Ошибка заключается в том, что вы не знаете о другой нашей цели, связанной с вами. Понимаете ли вы, сколько дней прошло с момента отлета этого корабля с Земли? — в его тоне звучало ликование.

— Немного больше недели, — ответил Модьун. Он должен был признаться, что обескуражен вопросом, который казался ему не относящимся к делу.

Существо снова успокоилось, серо-зеленые глаза его полностью открылись, серая, плотно натянутая кожа лица чуть расслабилась.

— Этот корабль, — сказал он, — находится в пути примерно 400 световых лет. Он несколько раз менял курс и намеренно ушел от своей цели, чтобы нельзя было определить направление, откуда он прибыл.

Нунули замолчал, чтобы дать возможность Модьуну отреагировать. Как, видимо, и ожидал инопланетянин, человека расстроила такая информация.

"Хотя, конечно, это мудро — не давать потенциальным врагам никаких сведений о планете, откуда прибыл нападающий корабль", — подумал Модьун.

По блеску глаз противника Модьун понял, что не прав. И, действительно, через минуту очевидного злорадства существо объяснило мотивы своих поступков:

— То, что вы сказали о планете, с которой мы стартовали, бесспорно, следовательно, истинно. Но корабль маневрировал в космосе только из-за вас. Чтобы смутить вас. Убедить, что вы никогда не вернетесь на Землю. И та же цель и у суда над вашими друзьями-животными. Если вы подумаете об этом, то увидите, что мы отвлекали ваше внимание до последнего момента, устроив суд, тянули время, пока корабль не пролетел необходимое расстояние. Естественно, этот корабль не вернется на Землю.

Вот такой был у них план. Модьуну это показалось немного лишним. Но, значит, логика расы подчиненных представителей, таких, как Нунули, наверное, тоже всегда экстремальна. У этих существ была цель, которую они должны были выполнить. И теперь, добившись уничтожения людей за барьером и удалив с Земли Судлил и Модьуна, они, вероятно, выполнили свою миссию.

Полная иррациональность миссии и ее основных задач вызвали у Модьуна ощущение, что он, действительно, ничего не может сказать в ответ на это сумасшествие. Он мог только сделать логический вывод.

— В таком случае, — сказал он, — так как четверо моих друзей были только пешками, вы не будете возражать против того, чтобы отменить смертную казнь и помиловать их.

— Нет возражений, — был мгновенный ответ. — Действительно, это одна из причин, по которой я позвал вас, чтобы сообщить об этом.

Потом Нунули продолжал более официальным тоном:

— Редддлл, гиена-офицер, который привел вас сюда, проводит вас назад в каюту и даст каждому из четверых оправдательный документ.

Все еще лежа на спине в пустой комнате, Нунули сказал в заключение:

— Мне кажется, что теперь мы должны завершить нашу встречу.

Модьуну тоже так казалось. Кроме одного или нескольких второстепенных моментов, все прояснилось.

— Ваш план против меня теперь полностью осуществился? — спросил он.

— А вы как думаете? — Существо на полу казалось растерянным.

— Схема была такой: что-то сделано против меня, я принимаю это. Я даже терплю отдельного Нунули, который замышляет добиться чего-то от меня. Я все продумал. Я продолжаю мирное существование, а потом обнаруживаю, что против меня существует тайный заговор. Поэтому я хочу знать, продолжается ли тайный заговор? Или ваша миссия относительно Земли и человеческих существ выполнена?

— Теперь она выполнена, — был ответ. — Что здесь можно сделать еще?

— Это то, что говорил хозяин Нунули номер два, — ответил Модьун, — но его слова оказались ложью. И я устал от лжи и ваших козней. Они направлены против логики космоса.

— Как может последний представитель расы понимать логику космоса? — раздраженно сказал Нунули. — Но дайте мне подумать.

После паузы он продолжал:

— Единственной другой целью, связанной с вами в рамках нашей миссии, было бы убийство вас и женщины. Есть ли, по-вашему мнению, путь для достижения этого?

— Ну, нет, — заговорил Модьун после минутного раздумья. — Нет, если я буду сопротивляться.

— Правильно, — все еще раздраженно сказал Нунули; — значит, вы получили ответ.

Внешне ответ, действительно, казался удовлетворительным и правдивым. И еще...

— Есть еще одна вещь, — сказал Модьун, — которая так важна, что, может быть, я буду вынужден потребовать от вас ответ.

— Невыносимо, — протянул Нунули.

Это потрясло человека; для него немыслимо было делать что-то, невыносимое для другого живого существа.

Но — через минуту — он продолжал думать об этом.

Модьун сказал:

— С некоторым опозданием я начал понимать...

Он подождал, пока значение его слов проникнет в святая святых мозга. Слова не звучали убедительно, потому

что он был последним оставшимся в живых (отличающимся от Судлил) представителем человеческой расы. И его осознание правды — если была правда — на самом деле, пришло слишком поздно. Не было ясно, что он должен делать... но разговор с комитетом, скорее всего — да.

Он закончил свое утверждение:

— ... начал понимать, что, может быть, неблагоразумно, чтобы одна раса позволяла усовершенствовать себя другой расе, мотивы которой могут не быть альтруистическими.

Когда он говорил, он переживал старые видоизмененные чувства, поднимающиеся без слов откуда-то из глубин нервной системы. Он слышал, как он говорил:

— Вопрос не исчерпан. Это простые логические заключения временного характера.

Потребовалось усилие сознания, чтобы остановить поток слов. Модьун долго стоял, удивленный силой своих чувств. Но через некоторое время он контролировал их и мог продолжать:

— Когда я говорю с Нунули, я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к реакции на мои слова, и эта реакция не является полной копией того, что раньше сказал другой Нунули. Поэтому я вынужден спросить: как я могу определить, что Нунули сами относятся или не относятся к комитету, который они якобы представляют?

Внезапно он изменил тему разговора:

— Почему вы считаете, что я должен буду преодолеть мое естественное нежелание требовать ответа, если вы не найдете менее крутое решение?

Тусклые глаза Нунули так пристально смотрели на него, что после долгих минут Модьун нерешительно добавил:

— Почему вы не откроете для меня свой мозг по собственной доброй воле и не покажете мне достаточно из истории расы Нунули, чтобы я мог согласиться, что дело обстоит, действительно, так, и больше не удивляться?

Когда он закончил, существо на полу зашевелилось. Тонкие ноги задвигались. Руки согнулись. Шея изогнулась назад, и существо село.

— Хорошо, — сказал Нунули, — я уступаю вашему преступному давлению. Но я предупреждаю, что комитет может оскорбиться и я не смогу отвечать за возможные последствия.

ГЛАВА XXI

Картины показывали простую аскетичную жизнь: Нунули, по-видимому, на своей планете жили как монахи. Были видны длинные темные строения, где каждое существо имело крошечную комнатку, похожую на келью, и влачило в ней однообразное существование. Полы не были отделаны; в келье не было никакой мебели, только матрац, на котором Нунули спали.

Дальше картины рисовали женщин Нунули в домах немного другой формы. Различие заключалось в том, что здесь были общие дворы и комнаты, где ухаживали за детьми. В первые годы жизни их держали в удобных сооружениях, похожих на детские кроватки.

Один раз в несколько лет женщина Нунули отправлялась утром с определенной целью и разыскивала один из монастырей. На мысленно появившейся картине было видно, как она стучит в дверь кельи. Потом во вторую дверь. Потом в третью и так далее. Мужчина в каждой келье, очевидно, узнавал стук, потому что поднимался с матраца, открывал дверь и стоял, глядя на нее. И она стояла, ожидая. Ее, казалось, не волновал первоначальный отказ, она просто шла к следующей келье. Наконец, в каждом случае (из трех, которые наблюдал Модьун) она доходила до комнаты, где жил мужчина, которого привлекал либо ее запах, либо мысленная волна, исходившая от нее. С этим поклонником, который ее принимал, она оставалась на несколько дней и ночей. В большинстве случаев двое просто лежали рядом, медитируя. Но дважды за время ее присутствия наступал тот самый момент. Возбуждение? Даже при хорошем мысленном контакте Модьун не мог точно определить это чувство. Что бы это ни было, это вызывало спаривание, которое, казалось, длилось бесконечно. Четыре часа. Пять. Несомненно, большую часть ночи.

После второго раза женщина просто вставала и, даже не взглянув на своего супруга, уходила из кельи и из монастыря. Потом она жила в собственном маленьком уютном жилище. Здесь в безмолвной тайне своей кельи она вынашивала и примерно через год рожала своеобразное маленькое чудовище, которое через какое-то время принимало облик Нунули.

Неожиданно все эти сцены поблекли. Нунули с пола своей небольшой комнаты посмотрел на Модьуна и сказал:

— Такой была наша жизнь, пока комитет не показал нам способ быть полезными.

Модьун сказал удивленно и разочарованно:

— Это все, что вы собираетесь показать мне?

— Это краткое изложение нашей дозувгской истории, — был резкий ответ. — Именно то, о чем вы спрашивали.

Модьун открыл рот, чтобы возразить, что это неудовлетворительный ответ. А потом замолчал. Стоя здесь, он понял, что только что услышал удивительную новость.

"Зувг", — сказал Нунули.

Из контекста следовало, что это было название расы, к которой принадлежали члены комитета...

"Я, действительно, должен был нажать на него, чтобы получить такую информацию".

Несколько долгих секунд он смаковал это слово. Наконец, ему пришло в голову, что то, против чего он собирался протестовать с самого начала, все еще необходимо. Он сказал:

— То, что вы показали мне, не объясняет скачок Нунули от сурового монашеского существования до массовых убийств по всей галактике. Как произошло это превращение?

Зеленые глаза в недоумении уставились на него.

— Разве мы обсуждаем ту же самую тему? — начал Нунули. И замолчал.

— О! — сказал он. Его глаза расширились, словно он, наконец, понял, о чем речь. — То, что мы делаем от имени комитета, — это не убийство, — сказал инопланетянин.

— Разрешите мне внести ясность в этот вопрос, — сказал Модьун. — Вы или другой Нунули уничтожили или потворствовали истреблению человеческой расы. В соответ-

ствии с убеждениями, которых вы придерживаетесь, это не убийство?

— Это — часть программы комитета по улучшению жизненной ситуации в галактике, — Нунули махнул тонкой гладкой серой рукой.

— По улучшению чего?

Существо оставалось спокойным.

— Простите. Теперь я должен попросить вас оказать мне любезность и покинуть меня, чтобы я мог продолжить отдых. Ваши друзья в безопасности. Вы получили информацию, о которой просили. Вы, несомненно, не собираетесь обсуждать этот вопрос несмотря на мой протест?

Модьун заколебался. Слова Нунули не оказали на него такого влияния, как можно было бы ожидать. В его голове роилось еще несколько вопросов, и его беспокоило собственное нетерпение к возражениям собеседника.

— Я, кажется, в странном настроении, — сказал он наконец. — У меня есть несколько вопросов, на которые я хочу получить ответ. — Он не ждал разрешения Нунули на обсуждение этой темы и продолжал: — Я думаю, самое важное это то, каким образом члены комитета добились поддержки такой расы, как вы?

Голубоватые глаза, казалось, стали слегка удивленными. Затем на гладком лице появилось такое выражение, как будто Нунули нахмурился. Он заговорил словно это было само собой разумеющимся:

— Они высшая раса. В тот момент, когда один из них вошел с нами в контакт, он показал нам цель. С тех пор, после того, что мы увидели планету с передовой культурой и решили, что нам нужны тонкие методы, мы позвали члена комитета, чтобы вложить цели в умы наших лидеров. Вот и все. Все сопротивление прекратилось.

Модьун сказал:

— О!

Все стало проясняться.

— Цель, — сказал Модьун, — конечно.

А потом спросил многозначительно:

— Когда Зувгайты вошли в контакт с Нунули, это была мысленная связь? То есть, мысленная беседа, которая имела результат, диалог?

Нунули возмутился.

— Член комитета не обсуждает ничего с членом низшей расы, — сказал он.

Модьун сдержал торжество. Небольшая победа, но он узнал кое-что, чего не знал Нунули. Зувгайты не могли передавать мысли в обоих направлениях в обычном понимании этого слова. Они, очевидно, могли делать внушение.

Внушать можно было что угодно. В этом смысле два Зувгайта могли обмениваться внушениями друг с другом, возможно, могли защищать себя от гипнотического воздействия взаимного внушения; могли благополучно беседовать через мили и годы пространства. Подобным способом внушать можно другой личности, которая не имеет защиты против него.

Модьун удивился, когда понял, что его тело дрожит от такой информации. Ему потребовалось усилие, чтобы сказать:

— Они могут... внушать, объединившись?..

— Вся тысяча, — с удовлетворением ответил Нунули. — Их сила непреодолима.

Больше они не обсуждали это качество Зувгайтов. Против такого защищенного одностороннего фронта тысячи индивидуалов, каждый из которых мог оказать сильное сопротивление, метод человеческой системы восприятия нельзя использовать непосредственно.

Модьуну вдруг захотелось узнать и остальное.

— Цель этих существ продолжает удивлять меня, — сказал он. — Их план усовершенствования галактики включает уничтожение человеческой расы и, возможно, других видов разумных существ. Какое научное объяснение этому?

Нунули оказался лишенным воображения.

— Эта информация существует. Я имею ее, но не могу открыть.

У Модьуна промелькнула мысль, что люди Земли мертвы в результате деятельности Зувгайтов, и он, по крайней мере, должен получить этому разумное объяснение.

— В таком случае, — пригрозил он, — я должен буду кое-что сделать.

— Это не принесет вам пользы, — сказал Нунули. Он вел себя самодовольно. — Я убежден, что никто, даже человеческое существо, не сможет понять особое состояние моего мозга, защищающее эти данные.

— Может получиться интересная проверка для вас и для меня, — сказал Модьун. — Мы узнаем, действительно ли это правда.

Но он говорил нерешительно и обнаружил, что мысленно одобряет ограничение, которое заложил раньше: если Нунули откроет свою давнюю историю, то насилия не будет. Решение, заложенное где-то внутри Модьуна, оказалось сдерживающим аргументом. Это казалось нелепым, потому что во время бурных эмоций или физического напряжения он использовал свои внутренние резервы, не считаясь с прежними моральными обязательствами.

Думая так, но еще колеблясь, Модьун сказал:

— Что сказали Зувги о природе барьера в вашем мозгу?

— Если вы примените свою силу в этой области — это мгновенно убьет меня, — был ответ.

— О!

— Принималось и принимается на веру, — спокойно сказал Нунули, — что вы не сделаете ничего, что действительно повредит мне.

— Я думаю, что это правда, — неохотно сказал Модьун. — Но все же...

Он объяснил, что это область биологии, которую человеческие существа полностью изучили.

— То, что мы сделали для животных Земли, — это только крошечная часть нашей общей способности манипулировать с клетками и группами клеток. Я уже видел, что у вас не такой, но сравнимый с человеческим тип нервных клеток. Каждая из ваших нервных клеток имеет длинную соединительную нить из нервной ткани, выходящую из каждого конца. У человеческих существ подобные связи называются аксоны и дендриты.

— Я знаком с анатомическими подробностями, о которых вы говорите.

— Хорошо. Однажды на Земле, — продолжал Модьун, — была высказана мысль, что аксон — это просто линия, похожая на телефонный провод, способная передавать электрические импульсы; то же касается и дендритов. Однако обнаружили, что каждая из этих мелких нитей нервного вещества усеяна пятью—десятью тысячами маленьких пятнышек. Последующие опыты показали, что каждое из этих пятнышек имеет свой вход или выход. Итак, представьте

себе оригинальный человеческий мозг с двенадцатью миллиардами клеток, каждая с нервными окончаниями, имеющими около пяти—десяти тысяч входов и выходов, ни один из которых, очевидно, не используется в непосредственной передаче импульсов мозга.

— Я очень хорошо знаком с этими подробностями, — последовал резкий ответ. — Мы изучали эти специальные входы и выходы, которых не хватает другим расам; это сделало возможным наше улучшение человеческой породы до уровня, когда каждый индивидуал обладает полной силой, но ее применение против других ограничивается философией — вы помните?

Модьун с грустью вспомнил, но упорно продолжал.

— В работающем электронном приборе неиспользуемые входы и выходы создают шум. В человеческом мозгу они стали источником беспорядка и неправильных связей. Однако впоследствии обнаружили, что входы, действительно, принимают все мысли других людей, а выходы, действительно, передают все содержимое мозга в единое психическое пространство. Но моя точка зрения: то, что входит и выходит, как бы обременено шумом, и было невозможно отделить информацию от шума до тех пор, пока не была разработана наша система. Я не вижу ничего неправильного в том, что вся сила ограничивается философией, — кроме тех случаев (я начал это понимать), когда это ограничение работает на общее саморазрушение. Это означает, что я чувствую, что могу свободно давать указания. Думаю, что смогу очень легко помочь вам обойти или аннулировать барьер, запрограммированный внутри вас... — Модьун не закончил предложение. — Но, — закончил он, — я, действительно, хочу получить больше информации.

Последовала долгая пауза. Взгляд инопланетянина замер на Модьуне. Наконец, Нунули сказал:

— Я отвечу почти на любой вопрос, кроме этого. Я не уверен, что ваши знания могут преодолеть то, что создал член комитета. Что еще вы хотели бы знать?

— Где находится Зувг?

— Я не знаю. Я никогда не был там. Очевидно, они не допустят, чтобы тот, кто знает это, был близко от вас.

Модьуну это показалось честным ответом. Он сказал:

— Тогда расскажите мне, что вы знаете о комитете?

— Это самая развитая раса в галактике. Те науки, которые они не развили сами, они позаимствовали у других рас с помощью своего метода управления разумом. Они — единственные по-настоящему бессмертные.

Модьун прервал:

— Вы имеете в виду "живущие дольше всех"? — Он улыбнулся. — В настоящее время человек живет около тридцати пяти сотен земных лет. Возможно, что эволюция в конце концов доведет этот срок до десяти тысяч. Есть причины, из-за которых нормальная клетка увядает, что в результате и приводит к смерти.

Гладкое загадочное лицо было мягче, чем когда-либо.

— Я повторяю: они по-настоящему бессмертны. Нескольким членам комитета более ста тысяч земных лет. Вы слышите?

— Но это невозможно на этой стадии развития галактики, — запротестовал Модьун. — Есть только один путь.

Он забеспокоился.

— Много лет назад мы, люди, решили не идти по такому неестественному пути.

— Вы не хотели идти по нему из-за вашей философии, правильно?

— В основном, я полагаю, да. Но также и потому...

Модьуна прервали.

— Это и была ваша ошибка, — последовал спокойный ответ. — Природу не заботят правильные или неправильные методы. Имеет значение только сам факт. А факт заключается в том, что они все очень старые, а вы не способны на то, чего они достигли.

Существо на матраце оборвало фразу.

— Наверное, вы теперь перестанете задавать вопросы и мы сможем расстаться.

— Да, — сказал Модьун. — Остальное я узнаю, когда побеседую с представителем комитета. Вы можете организовать такую встречу?

— Это невозможно — по причинам, которые я уже объяснил. Они не принимают сообщения. Они только посылают их, в форме приказов.

— Если только представится возможность, — сказал Модьун, — вы знаете, где я.

— Конечно, я знаю, где вы, — был ответ, произнесенный с удовлетворением, — и куда вы собираетесь.

— Куда же?

— В никуда.

ГЛАВА XXII

Все закончилось.

По крайней мере, для людей-животных больше не было проблем. Они волновались, когда впервые возвратились в свою спальню. Но, когда ничего не случилось, — когда товарищи по спальне окружили их и стали хлопать по плечам и жать им руки (были даже аплодисменты) — они быстро возобновили свое беззаботное существование.

Но они, конечно, приобрели суровый опыт. Сила потрясения, которое они пережили, обнаружилась в первый раз после того, как они вернулись в каюту Модьуна. Когда Модьун, который принимал ванну, вышел, он увидел, что они разглядывают все вокруг с завистью и удивлением. Они, казалось, забыли те часы, которые раньше провели здесь. Они изучали роскошную гостиную и выражали свои чувства восклицаниями, разглядывали великолепно обставленную ванную. Но, когда они увидели кухню с отдельной столовой, то стали громко выражать свое изумление.

— Дружище! — сказал Руузб, подозрительно наклонив голову. — Это, действительно, класс. Как это получилось?

— Да, как? — поинтересовался Неррл.

Игтдооз и Дуулдн стояли рядом с округлившимися от любопытства глазами.

Модьун дал им объяснение, исходившее от высокопоставленного офицера-гиены.

— Мне объяснили, — сказал он, — когда я переехал, что, так как меня не было в списках для спален, то для меня не нашлось другого места, кроме свободной офицерской каюты.

— Дружище! — сказал Руузб. — Я думаю, после этого стоит быть безбилетным пассажиром.

Модьун великодушно продолжал:

— Почему бы вам, друзья, не приходить сюда и не обедать со мной? Так мы сможем держаться вместе.

Они охотно согласились. Теперь он имел компаньонов на время обедов. Что было приятно. Не потому что эта компания много значила для него, а потому что теперь они стали почти беспрерывно болтать о приближающейся посадке. Это стало неизбежной темой. Когда они уходили для дополнительных тренировок, Модьун включал свой телевизор с замкнутым контуром, и на экране появлялся высокопоставленный человек-гиена, который говорил о том же самом. В подготовительные часы только по одному каналу передавалась музыка.

На второй день, когда четверо пришли в его каюту, у каждого был пакет и длинный прибор, излучавший статический заряд, который зарегистрировала одна из систем восприятия в мозгу человека. Модьун осмотрел оружие и увидел, что оно неземного происхождения и конструкции.

— Очень остроумно, — сказал он, возвращая оружие человеку-ягуару, его владельцу. На щеках Дуулдна вспыхнули два знакомых ярко-красных пятна.

— Ты смеешься? — сказал он. — Прошло много времени, пока до моей башки дошло, как работает эта штука. А ты ведешь себя так, словно уже все понял.

— Ну... — сказал Модьун.

— Может быть, он видел ее раньше в Африке, — вставил Руузб из другого конца комнаты. — Так, Модиунн?

Модьун с радостью принял это объяснение.

— Оно выглядит так, как то, что я видел в Африке, — сказал он многословно. — Заряд содержится в этом длинном стволе. — Он показал блестящее тиснение вдоль дна барабана этого оружия, похожего на винтовку. — Если нажать большим пальцем кнопку здесь наверху, то ствол освобождает заряд как батарея. Судя по размеру, я думаю, что энергия мгновенной вспышки может сделать электропроводным столб воздуха величиной около пятисот ярдов, и электрический ток от маленькой динамо внутри ствола доходит до любой цели без потерь. Я думаю, тысячи ампер при 660 вольтах достаточно, чтобы убить даже слона.

Он покачал головой и сказал грустно:

— Очень плохо.

— Что же здесь плохого? — сказал Дуулдн. — Нам может понадобиться здесь что-то подобное для защиты. Кто знает, что нас ждет?

Так как они не знали о настоящей цели экспедиции, Модьун прекратил разговор.

Во время еды, когда они были вместе, Модьун узнал, что по плану посадка назначена на следующее утро по корабельному времени.

ГЛАВА XXIII

По просьбе Нунули, хозяина корабля, Модьун оставался в своей каюте. При сложившихся обстоятельствах — подчеркнуло создание — это было самое малое, что он мог сделать. Модьуну совет Нунули показался разумным. Он согласился, что он незваный гость и поэтому должен доставлять как можно меньше беспокойства.

Нунули отклонил его просьбу позволить ему наблюдать посадку по видеоустройству в каюте. Модьун заметил, что его тело почувствовало досаду из-за отказа; но это, действительно, было не его дело. И, конечно, похоже на правду, что такая высадка получится очень скучной, с бесчисленными повторяющимися действиями.

Модьун не старался представить себе, что происходит внизу. Континент неведомой планеты, который он мельком видел на ранних стадиях приближения корабля, был достаточного размера, чтобы прийти к заключению, что там очень много обитателей. И Модьун предполагал, что будет применен метод захвата.

Модьун выполнял обычные действия, которых требовало его выросшее человеческое тело. Когда подошло время дневного сна, он немного поел. Потом, когда он расслабился, ожидая чтобы тело выполнило необходимые биологические функции, он позволил себе послушать живую животную музыку. Странно, но кровь побежала быстрее, сердце забилось сильнее, глаза заблестели. Музыка продолжала быть для Модьуна источником обучения эмоциям, возможным объяснением человеческого поведения в те давние дни, когда эмоции было так легко вызвать.

"Мы, действительно, произошли от существ очень примитивного типа", — подумал Модьун. Ему было страшно подумать, что Нунули нашли именно этого примитивного человека и безошибочно поняли его уязвимость. Это, конечно, не имело смысла. После всего: то что они думали, что достигли, и то, чего они в самом деле достигли, — это оказались совершенно разные вещи.

Пока Модьун так размышлял, он закончил свой туалет, сбросил одежду и забрался в кровать.

Прошел час, — и его разбудил стук в дверь.

" Стук, — подумал он. — А что же случилось со звонком?"

Но он включил свет и встал с постели.

— Кто там?

— Это я, Нунули, хозяин корабля. Я хочу поговорить с вами.

— Почему бы не прийти после дневного сна? — спросил Модьун.

— То, что я должен сказать, не может ждать.

Рассуждения Модьуна сразу пришли в противоречие с его природной вежливостью. Его разум говорил: очевидно, что-то не так. Правда заключалась в том, что, если бы он и Нунули никогда больше ни о чем не беседовали, Модьун ничего бы не потерял. Но, конечно, никто бы и не выиграл. Но Модьун всегда был любезен, даже в противовес разуму. Так получилось и теперь.

Модьун сказал:

— Я раздет. Я могу одеться прежде чем отвечу?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. Я всегда раздет, как вы знаете. Ваше тело безобразно, но я могу вынести его вид.

"Смотрите-ка, кто кого называет безобразным", — подумал Модьун, когда пошел открывать дверь. Нунули проскользнул в его каюту с удивительной поспешностью. Он подошел к кровати и опустился на нее.

— У нас возникла небольшая проблема, — сказал он. — Я хотел бы знать, не поделитесь ли вы со мной своими соображениями.

— В чем проблема? — спросил Модьун. Он пока не хотел давать никаких обещаний.

Нунули встал с кровати.

— Может быть, вы могли бы одеться и сойти со мной вниз.

— То я должен одеться, то не должен. Решите же, наконец, — сказал Модьун.

— Оденьтесь. Температура внизу около нуля. Мы, кажется, опустились на холодную часть планеты.

Когда Модьун одевался, он подумал, а потом, наконец, сказал, что для него в любом случае было бы неразумно покидать корабль.

— Я нахожусь на борту без вашего разрешения, — подчеркнул он. — Насколько я знаю, если я сойду здесь, вы просто отдадите приказ улететь из этого района космоса, а я останусь здесь. Я даже не знаю, где это "здесь".

— Я думал, что вас не заботит, где вы находитесь, — последовал резкий ответ.

— Мое тело устало от того, что оно заполнено простыми устройствами, — сказал Модьун. — И я очень мало интересуюсь той неразберихой, которую вы пытаетесь создать вокруг меня.

Нунули смирился с возражением человека. Он сказал коротко:

— Внизу идет битва, и поэтому я прошу, чтобы вы воспользовались одной из ваших систем восприятия и спасли нашу армию.

Модьун был изумлен неправильным представлением собеседника. Он подчеркнул, что системы восприятия строго ограничены и в такой ситуации неприменимы вообще.

— Они обеспечивают, — сказал он,— ограниченное управление элементарными силами в ограниченном пространстве. Если бы вы, Нунули, действительно захотели убить меня, вы, вероятно, смогли бы это сделать. Но вы должны были бы приготовиться к тому, что силы, которые вы используете, обратятся персонально против вас. Таким способом работают мои системы.

Если бы можно было сказать, что масса похожих на червей щупалец и гладкое, как стекло, лицо имеют отсутствующее выражение, то именно так Нунули реагировал на его объяснение. Инопланетянин казался задумчивым. Наконец, он сказал:

— Каким способом вы могли бы отразить атаку врага на корабль?

— Забрать ваших людей на борт и улететь, — просто ответил Модьун.

— Это проблема, с которой я сам никогда не сталкивался, — признался Нунули. — Должен сказать, что я сбит с толку тем, что так неадекватно оценил Ганиан по прежним посещениям. Я мог бы поклясться, что сложная техника не понадобится и что мы просто сможем прибыть с нашим мощным оружием, и сокрушить все на своем пути.

Он объяснил:

— Это всегда самый простой способ. Дело делается сразу, и больше нет помех. Мы создаем правительство, подчиненное нам, и ждем указаний от комитета.

Он покачал головой.

— Но не так, как на вашей Земле. Помните? Там нам противостояла атомная цивилизация, и мы должны были применить метод, который требует нескольких сотен тысяч лет.

Вдруг он вспомнил о своей главной цели.

— Ситуация очень серьезная. Даже вам скоро могут начать причинять неудобство энергетические заряды Ганиан, если вы не поможете нам.

Его голос звучал серьезно и убедительно.

— Что же именно произошло? — спросил Модьун.

После паузы Нунули сказал откровенно:

— Наши наземные силы остановлены, а большие силы Ганиан — может быть, равные двум дивизиям — захватили всю заднюю секцию корабля, включая большой парк. Они сделали это способом, который непонятен мне и моим техническим советникам.

— Может быть, — сказал Модьун, — я мог бы помочь. Почему бы нам не пойти в заднюю секцию корабля? Я полагаю, вы теперь хотите отказаться от атаки?

— Да, конечно.

Существо казалось расстроенным.

— Но сначала мы должны освободить и вернуть наши наземные силы. Там внизу добрых двести тысяч существ.

Модьун был поражен.

— Это, конечно, большое количество существ, и, вероятно, туда входят четверо моих друзей-животных. Они говорили мне, что все они были выбраны по методу жеребьевки.

— Я ничего не знаю о таких подробностях, — поспешно сказал Нунули.

Модьун, который уже взялся одной рукой за дверь, повернулся и хмуро посмотрел на инопланетянина.

— То, как вы говорите об этом, — медленно произнес он, — дает мне повод усомниться в системе "жеребьевки". Может быть, она такая же честная, как и обсуждение пункта назначения этого корабля на Земле? — Глаза Модьуна сузились. — Может быть, моих друзей выбрали умышленно и поручили им самые опасные задания в надежде, что их ранят или убьют?

— Нет, нет, клянусь, — прошептал Нунули. — Этого не могло быть.

Он заволновался.

— Если ваши друзья внизу, то, чем скорее вы вмешаетесь, тем лучше. Я заверяю вас: это — кошмар. Нужно что-то делать, или наши войска будут сметены.

— Я даже не могу себе представить, что делать, — сказал Модьун, — но так как цель — прекратить атаку, то давайте пойдем и посмотрим.

С этими словами он открыл дверь и вышел в коридор. Нунули не отставал.

ГЛАВА XXIV

Почти сразу им стало трудно двигаться.

Сзади шли толпы людей-животных. Раздавались пронзительные крики и топот ног, когда мужчины и женщины с волнением стремились в переднюю часть корабля.

— Держитесь прямо за мной, — убеждая Нунули, Модьун поставил свое большое тело между слабым инопланетянином и несколькими большими людьми-животными, которые спешили мимо, толкали их и пробегали, как будто их здесь не было. Это была обезумевшая толпа, которая ничего не знала о двух существах, пытающихся идти в противоположном направлении. К счастью, толпа была неоднородной. Иногда в ней встречались большие пустоты, попав в которые человек и Нунули быстро продвигались вперед.

Наконец, они пришли туда, где на полу лежали раненые и мертвые. Среди стонов раненых и умирающих Модьун почувствовал, как его сзади потянули за локоть.

— Куда вы идете? — спросил Нунули. Его гладкое лицо немного изменилось, как будто его серый цвет стал не

таким ярким, как обычно. И, казалось, маленькие червячки на его голове свернулись в крошечные узелки и очень ровно разлеглись на его черепе.

— Я думаю, мы можем пойти и поговорить с предводителем армии Ганиан, которая поднялась на борт.

Нунули оживленно заметил:

— Я не разрешаю делать это именно сейчас. Было бы довольно глупо, если бы я, как хозяин корабля, отдался на их милость.

— Сомневаюсь, что тут возникла бы проблема, — сказал Модьун. Его немного удивил отказ. — Они, наверное, будут счастливы, когда узнают, что вы готовитесь отказаться от атаки. Правда, не так ли?

— Абсолютная, — создание говорило искренне. — Действительно, если вы сможете убедить их позволить нам забрать наши наземные силы, то скажите им, что мы сразу улетим.

— Мне очень приятно слышать это от вас, — сказал Модьун. — Но я думаю, будет лучше, если вы сами скажете это.

Нунули начал отступать.

— Думаю, что я должен находиться в центре управления, выстроить наши войска, чтобы они защищали переднюю часть корабля в случае, если враг начнет штурм прежде, чем вы сможете поговорить с ними. Я заметил, что никто этим не занимается.

Это была правда. Модьуну пришло в голову, что тела вокруг них, и мертвые и живые, принадлежали людям-животным, которые как-то выбрались или выползли из бойни дальше к задней части. А Ганианские войска, наверное, маневрировали в нескольких больших парках в задней части корабля.

— Хорошо, — согласился Модьун. — Может быть, то, что вы сказали, — хорошая идея. Могут начаться не очень согласованные действия и трудности в коммуникации. Чтобы спасти живых, а это самое главное. (Он помнил, как интересовало его четверых друзей продление жизни, когда они были приговорены к смертной казни.) Это ваша забота.

Ярко-серая окраска Нунули восстановилась.

— Собственно говоря, — сказал он, — я имею указание комитета не подвергать опасности свою личность без необходимости. В своем стремлении к миру я должен поступить именно так. Поэтому я лучше быстро уйду.

— Я не знаю ничего о вас и мире, к которому вы стремитесь, — начал Модьун. И остановился. Он обращался к быстро уходящему Нунули, который через несколько секунд юркнул в боковой коридор и исчез.

Модьун продолжил прерванный путь. Из любопытства он включил систему восприятия, хотя это не было нужно. В столь замкнутом пространстве его защита сработает автоматически. Почти немедленно поступил первый сигнал обратной связи. Смысл заключался в том, что за Модьуном следили с помощью довольно сложных приборов, которые могут создавать изображение, непосредственно не видя цель.

Вскоре он увидел, что двери мягко открываются и что он уже на территории, контролируемой Ганианами. Множество живых существ, вероятно, солдат, вышло в коридор из комнат позади него, отрезая ему путь к отступлению.

"Хорошо, — подумал он. — Надеюсь, они увидели, что я приближаюсь к ним с определенной целью".

Вдруг в его мозгу возникло ощущение воздействия. Что-то яркое промелькнуло мимо плеча.

Модьун не повернулся и продолжал идти тем же самым быстрым шагом, следя только за тем, чтобы не споткнуться о мертвое тело. Другая вспышка промелькнула мимо головы, потом еще одна. Его мозг работал. Но он заметил, что по своей природе затраты были минимальными. Это была защита, а не сопротивление.

Создания не целились непосредственно в него. Он подозревал, что они проверяли его решимость двигаться в выбранном направлении.

Так же внезапно, как началась, энергетическая стрельба прекратилась. Через несколько минут после того, как он приблизился к пересечению коридоров, полдюжины существ вышло с каждой стороны и преградило ему путь.

Модьун остановился. Он подумал, что сейчас точно узнает, какова цена дальнейшего прогресса.

Существа, которые противостояли ему, были грубыми и коренастыми. У них были головы, тела и руки, но вы-

глядели они так, словно их грубые человеческие тела ростом немного меньше шести футов были вырублены из мрамора.

"Человек сделан из мягкой глины; Ганиане из твердого коричневатого мрамора", — подумал Модьун.

Одно из шести созданий, преградивших ему путь, что-то показывало ему жестами. Повелительные движения. Казалось, существо что-то приказывает. Закончив жестикуляцию, Ганианин издал резкий звук. Неожиданно он и пять его спутников разделились на две группы по три. Одна группа заняла положение слева, а другая — справа от Модьуна. Модьун подумал, что он понял. И, действительно, когда он снова пошел вперед, две группы пошли вместе с ним.

Его сопровождали. Куда? Он надеялся, что на командный пост.

Внезапно индивидуум, который уже показал, что он обладает некоторой властью, отделился от своей тройки и неуклюже побежал вперед, туда, где перед открытой дверью по стойке "смирно" стояло несколько Ганиан. Он произнес какие-то звуки, а затем повернулся, внимательно посмотрел глубоко посаженными глазами в спокойные глаза Модьуна и показал на открытую дверь.

Снова Модьун подумал, что он понял. И вошел в дверь.

Он увидел, что вошел в огромный зал, который выглядел, как театр. Здесь была сцена и три яруса стульев для публики, по меньшей мере для шести тысяч, небольшая галерка высоко под потолком могла вместить еще пару сотен.

Несколько Ганиан, вероятно, солдат, — потому что у них было то, что выглядело как металлические прутья — настороженно смотрели на сцену, расположенную ниже, с высокой выгодной позиции. Все остальные, находящиеся в зале, были на большой сцене. Позади сцены около сотни Ганиан выстроились в три ряда. Они стояли и тоже держали наготове металлические прутья. Перед ними сидела вторая группа. В этой группе было по меньшей мере три дюжины существ. Индивидуум, который не отличался от других в этой меньшей группе, стоял и, очевидно, что-то рассказывал сидящим.

Все сто тридцать Ганиан внимательно смотрели на экран, который поднимался вертикально перед сценой. Но с того места у двери, где остановился Модьун, не было видно, что происходило на экране.

ГЛАВА XXV

На сцене все мгновенно изменилось, когда существа увидели Модьуна.

Индивидуум, который обращался к другим, замолчал. Он сделал несколько тяжелых шагов к краю сцены, ближе к Модьуну, и заговорил громким голосом. Слова были адресованы тем, кто сопровождал человека; так как их слышали многие, то и Модьун мог слушать их, не боясь быть невежливым. Поэтому он включил индикатор мыслей, и до него донеслись значения слов в грубой редакции перевода:

— Поставьте передо мной эту свинью!

Животное, название которого соответствовало представлению о неизмененных земных свиньях, валяющихся в грязи, было больше похоже на маленькую рогатую корову на изображении, которое Модьун получил из мозга противника.

Модьун обиженно улыбнулся при мысли о таком неприемлемом сравнении. Итак он говорил и одновременно принимал мысли:

— Я пришел сюда по своей доброй воле. Если вы захотите, чтобы я прошел на сцену, я с удовольствием это сделаю.

— Ты говоришь на нашем языке! — Ганианский командир был удивлен. — Я рад, что мы можем с кем-то поговорить.

Модьун решил, что слишком сложно объяснять природу восприятия мысли, которая при использовании в сочетании с произносимыми словами создавала впечатление, что собеседник слышит речь. В этом методе особенно хорошо то, что он ограничивал вторжение в мысли другой личности значением произносимых слов.

Думая так, он быстро шел вперед. Шестеро сопровождающих неуклюже бежали рядом и старались не отставать.

Из-за кулис на сцену вели широкие ступени. Когда Модьун поднялся по ним, он впервые увидел, что было на большом экране перед сценой: прекрасный вид внизу, часть планеты Ганиан, очевидно, непосредственно под земным кораблем. Никто не мешал ему, когда он зашагал по сцене к тому месту, откуда мог видеть все.

Внизу был день. Светлый, яркий; все было хорошо видно, казалось, события разворачивались лишь в полумиле внизу. С одной стороны от корабля текла река, неожиданно появляясь на огромной равнине под кораблем, вынырнув из леса. На этой равнине, простирающейся по обе стороны реки, была армия Землян. Она не окопалась; неправильное впечатление возникло из-за ее отчаянного положения. Но она не могла отступить.

К северу, востоку, югу и западу были Ганианские армии. Они теснили войска Землян, сжимая их в кольцо на площади около двух квадратных миль. Две квадратные мили — очень мало для четверти миллиона людей-животных и их снаряжения.

Между Землянами и Ганианами шла битва. Среди людей-животных Земли появлялись гигантские вспышки яркого цветного огня, и пятна сверкающего пламени возникали в непрерывных брызгах огня среди отдаленных Ганианских армий.

Вот и все, что успел оглядеть Модьун прежде, чем резко отвернуться от экрана. Зрелище было очень жестоким и беспощадным.

— Мы должны как можно скорее прекратить эту битву. Для армий Гании и Земли нет необходимости продолжать эту резню.

— Кто вы? — резко спросил командир Ганиан.

— Меня зовут Модьун. А вас?

— Я генерал. Мое имя Дуэр.

— Генерал Дуэр, я представляю Нунули, хозяина этого Земного корабля. Давайте прекратим резню.

Последовала долгая пауза. И непреклонный ответ:

— Битва прекратится только при полном уничтожении или при полной капитуляции вторгшейся армии.

Модьун вздохнул так, как это делал Игтдооз, открыв рот и выдохнув. Наконец, он сказал:

— Это не нужно. Кроме того, мы оба знаем, что страдают только простые люди. Естественно, руководители не капитулируют и не позволят уничтожить себя. Поэтому ваше предложение нереально.

— Наказание должно соответствовать преступлению, — последовал беспощадный ответ. — Они члены вторгшейся агрессивной армии, и их целью было завоевание Ганнии.

— У простых людей не было таких намерений, — сказал Модьун. — Кроме того, какой бы ни была индивидуальная ответственность, условия изменились. Теперь они хотят уйти с этой планеты и отказаться от атаки, если ваша передовая группа покинет корабль и нам позволят забрать своих людей.

Позиция существа, которое стояло перед Модьуном, оставалась все такой же неумолимой.

— Если война началась, ее не так легко прекратить,— сказало существо. — Мы требуем полной капитуляции этого корабля и планеты, — вы назвали ее Землей? — которая осмелилась послать армию для захвата Ганнии.

Модьун покачал головой.

— Это неправильно, — сказал он. — Война не устраивает ни ту, ни другую сторону. Прежде всего, она никогда не должна начинаться. Но, если она началась, ее нужно прекратить как можно скорее. Вам повезло, что атака не удалась. Чем скорее вы подумаете об этом с такой точки зрения, тем скорее вы увидите, что ничего не выиграете своим непреклонным ответом. Прекратите войну, пока моя армия чувствует себя побежденной. Они могут что-то придумать или у них появятся такие же желания, как у вас. Тогда они не сдадутся.

Последовала долгая пауза. Генерал Дуэр стоял и смотрел на Модьуна глубоко посаженными глазами. Казалось, он пытается понять значение того, что сказал человек. Наконец, он спросил:

— Мы обсуждаем тот же вопрос?

Модьун был удивлен. Ему казалось, что он изложил свою позицию, как обычно, по существу. Но, сталкиваясь с неразумными личностями, он уже обнаружил, что они стремятся исказить основную истину. Поэтому он сказал, четко выговаривая слова:

— Предмет моего разговора — отвод ваших армий с этого корабля и мирная посадка наших наземных сил. Взамен хозяин Нунули соглашается отказаться от агрессии против Гании.

— О! — с сарказмом сказал генерал. — Я не могу быть уверен в этом. У меня создалось впечатление, что враг прислал в качестве посредника ненормального.

— Здравомыслие, конечно, относительное понятие, — начал Модьун.

Его резко прервали.

— Ваши армии и ваш корабль полностью в нашей власти. Но вы пришли сюда и действуете, как будто все обстоит иначе. Кто вы, черт побери? И что значит вся эта болтовня?

Это, конечно, не точный перевод, а только вежливая интерпретация его грубой речи.

— Я пассажир, — сказал Модьун. — То есть...

Он замолчал, размышляя, должен ли он сказать о своем положении последнего человека на Земле. Его роль на корабле: непрошеный гость, которого не считают опасным, но не могут убить. Модьун полагал, что нужно найти Судлил и побеседовать с членом комитета, поэтому закончил объяснение, скрыв неопределенность.

— Я не участвую во всем этом. — Он махнул рукой на Ганианских солдат, захватывая и огромный экран. — Я хотел поговорить с вами. Но, если вы думаете так, как вы сказали, то в дальнейшей беседе нет необходимости. Если вас нельзя убедить, а, очевидно, так оно и есть, то я вернусь в свою часть корабля.

— Нет, — многозначительно сказало создание, стоящее перед ним. — Вы никуда не пойдете. На Гании мы отсылаем головы неудачливых посредников их начальникам.

Другие существа на сцене стали издавать какие-то звуки. Модьун понял, что это смех.

Он с упреком покачал головой.

— Должен предупредить вас, что мое тело не выносит персональных угроз. Для меня было открытием, что древние люди, действительно, не могли жить с пассивной философией. Я пытался проанализировать, как можно справиться с такой автоматической подавляющей реакцией, и решил, что в такой критической ситуации, как эта, это

будет умышленное мягкое нарушение тайны вашего мозга. Заранее извиняюсь и прежде, чем я сделаю это, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что я единственный на борту, кто может говорить на вашем языке. И вы уверены, что можете угрожать переводчику, который?..

Он замолчал.

Потому что именно в этот момент почувствовал сильное тепло в одном из своих воспринимающих центров, повернулся и посмотрел в том направлении, откуда исходило тепло. Когда он сделал это, лампы в зале начали мигать.

У него было время подумать:

"Боже мой, это... в такой отсталой культуре, как Ганианская".

Потом он подумал, что их знания этого явления, очевидно, не полные и они не понимают, что нельзя использовать такие источники энергии на поверхности планеты.

Дальнейшие критические размышления были невозможны.

Но Модьуну было интересно все, что в каждое конкретное мгновение мог воспринимать его мозг.

ГЛАВА XXVI

Модьун не думал, что делать дальше. Если бы такая мысль и появилась, он бы заколебался, а при сверхскоростях это могло оказаться фатальным. То, что случилось, было для него энергетическим явлением. И он просто заинтересовался — и очень сильно — наблюдением пространственного явления, которое он никогда не видел, но о котором слышал.

В самое первое мгновение его мозг отметил появление черной дыры. Действительный размер, который он для нее определил, был восемь километров.

Очень маленькая.

Еще Модьун заметил, что первоначально она была голубым солнцем. После сгорания всего водорода она увеличилось до красного гиганта и быстро — необычайно быстро — исчерпало свой гелий, углерод, кислород, кремний и так

далее до того момента (в понятиях звездного времени), когда дело дошло до железа и возникло устойчивое положение. Но железо тоже было исчерпано. Большая звезда искала и нашла другое короткое устойчивое состояние — в качестве белого карлика.

Следующая катастрофа стала неправдоподобным безумием нейтронной звезды. Но установить равновесие даже для такой малой массы, как Земная луна, невозможно за короткий период. Возникла особая область пространства диаметром восемь километров.

Гравитационная дыра.

Модьун думал, пораженный:

"Эти Ганиане должны были выходить в ближайший космос. Поэтому они изучили некоторые его законы и собираются нанести поражение комитету".

Это казалось невероятным. Трудно представить себе, что у них, в самом деле, могла быть столь передовая технология. Но какие могут быть вопросы, если они управляют этой гравитацией.

Вот почему сухопутное войско потеряло подвижность и не может подняться с земли на корабль. Их удерживает уровень гравитации красного гигантского солнца.

Пока Модьун думал, прошло около десяти секунд. Но прошло уже слишком много времени и для микрокосмоса черной дыры.

Он чувствовал, как корабль содрогается под ним, а его компьютеры пытаются подстроиться к непрерывному сдвигу в гравитационном (и магнитном) потоке. Компьютеры пытались противостоять особенности пространства, безумию вещества и энергии. Что, конечно, невозможно.

За десять секунд гравитационные силы преодолели уравновешивающую силу гигантских машин корабля. Модьун не мог найти равновесие.

Большой корабль сразу начал падать.

Модьун вспомнил, что гравитация — не сила. Это даже не поле в обычном магнитном смысле этого термина. Для двух тел в пространстве легче стремиться к сближению, чем отталкиваться друг от друга. Это была единственная причина, по которой такой огромный корабль мог приблизиться к поверхности планеты. Да, легче стремиться к сближению, но такая связь не должна существовать. Дви-

гатели корабля стремились создать поле, в котором каждая частица корпуса корабля игнорировала бы присутствие планеты.

Силой можно было управлять и регулировать ее с большой точностью. Так корабль и маневрировал раньше в гравитационном равновесии на высоте примерно полумили над поверхностью Гании.

Использование гравитации черной дыры нарушило равновесие.

Но корабль все еще падал только со скоростью свободного падения в атмосфере. На Земле — шестнадцать футов в первую секунду, тридцать два — во вторую. На Гании примерно то же самое.

Не существует систем восприятия, которые могут иметь дело непосредственно с такими колоссальными силами.

"Кто-то делает это, — подумал Модьун. — И с ним или с ними нужно установить контакт".

Он все еще не думал о происходящем, как о битве. Он просто привел в исполнение свое прежнее решение: получить информацию от генерала Дуэра. Модьун обнаружил растерянность. Страх. Мозг и тело Ганианина выражали уверенность в надвигающемся несчастье.

— Хорошо, хорошо, — кричал в темноте руководитель Ганиан, — мы уйдем. Но, ради Бога, не разрушайте корабль!

"Он не знает!"

Модьун удивился и предпринял следующий шаг: включил систему восприятия сознания окружающего пространства.

И увидел лицо.

Не человек. Не Ганианин. Не Нунули.

Лицо, полное решимости. Треугольная голова. Два узких глаза цвета крови. Эти удлиненные глаза, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна. На короткое мгновение их взгляды встретились в грубом физическом смысле. За эти бесконечно малые мгновения мозг инопланетянина не понял, что за ним наблюдают.

За это время Модьун послал мысль и сказал:

— Кто вы? Зачем вы это делаете?

Автоматически пришел ответ:

— Я член комитета — специальный агент — который уничтожил людей за барьером. А теперь, другим методом равной силы, знание которого принадлежит исключительно членам комитета, я...

В этот момент существо начало осознавать присутствие Модьуна. Автоматический поток его мысли прекратился.

Модьун был поражен этим отключением.

В темноте вокруг него Ганиане в смятении карабкались и издавали бессвязные хриплые звуки. Корабль падал. В желудке Модьуна возникло ощущение, которое бывает в слишком быстро опускающемся лифте.

Для Модьуна эти события были второстепенными. В этот момент он так жаждал информации, что потребовал общий насильственный ответ от далекого члена комитета, не замечая, что это нарушение тайны мозга инопланетянина.

Когда сила его требования достигла максимума, странное решительное лицо не стало более ясным, а, наоборот, поблекло. Вместо него, словно в замутненном пруду, появилась чья-то голова и плечи и золотые волосы. Видение мерцало, потом стало устойчивым, и он увидел — Судлил.

Модьун чувствовал, что между ним и женщиной огромное расстояние. Но ее синие глаза смотрели прямо в его глаза, как будто между ними было всего несколько дюймов. И ее мысли доходили до его приемника мыслей, четкие и безошибочные, но удивительно грустные.

— Модьун, мне нужна твоя помощь. Зувгайт, член комитета, заманил меня в ловушку...

Связь закончилась. Ее изображение на таком удалении оставалось четким, но, если она еще и передавала мысли, то они не доходили. Теперь Модьун вспомнил, что рассказал ему Нунули о методе Зувга одностороннего управления разумом.

Это правда!

Невероятно, чтобы один Зувгайт без посторонней помощи был способен на столь интенсивный односторонний мысленный поток, что... создавал препятствия и задержки для передачи мыслей.

ГЛАВА XXVII

Модьун проделал то, что для него было необычно: он поверил в то, что неожиданное появление изображения Судлил вместо изображения члена комитета было согласо-

вано. Это был план. Навязанная причинно-следственная связь, в чем Модьун отдавал себе отчет, потому что он должен был постепенно подстраивать свой мозг к искаженным целям существ с тайными мотивами.

Когда он стал сознавать происходящее, то увидел вокруг себя темноту, в которой Модьун угадал совершенно неосвещенный корабль. Корабль немного наклонился, как это случается с большими телами, которые падают в воздухе. Словно огромная масса атмосферы, которая раздвигалась в стороны падающим чудовищем, бурей пронеслась по нижним палубам корабля, нашла выемки и выпуклости, которые вызвали дисбаланс в скорости падения отдельных частей. Пол начал клониться вперед. Модьун должен был стоять, как на склоне, — одна нога слегка согнута, а вторая напряжена, чтобы удержаться.

Стоя немного неуклюже, он рассуждал:

"Мое внимание к трудному положению Судлил привлекли в тот момент для того, чтобы занять меня на то время, пока корабль не упадет на землю... Что и произойдет теперь через несколько дюжин секунд... Ловко придумано".

Его тело ощутило тепло. Лицо стало горячим, глаза напряглись и горели, зубы были крепко сжаты. Он думал:

"Член комитета, действительно, еще здесь, прячется за изображением Судлил".

Остается только одно. И — он потребовал всю правду.

Снова, казалось, все случилось мгновенно, но прошло несколько секунд. И в течение всего этого времени сила его требования продолжала взаимодействовать с членом комитета и с образом, который он старался сохранить.

Вдруг лицо Судлил затуманилось. Снова возникло чувство расстояния — Модьун даже почувствовал, как она отдаляется от него.

Она ушла. Где она была с ее странной просьбой о помощи?..

Пустота.

В большом театральном зале огни вспыхнули и снова включились. Одновременно возникло ощущение, как в останавливающемся лифте. Остановка напоминала прыжок с десяти или пятнадцати футов. Падение на глинистую отмель. У Модьуна перехватило дыхание. Его колени подогнулись, и он неловко упал на пол.

"Лифт" снова включился. Скорость имела импульс свободного падения и удерживала Модьуна прижатым к полу. Пока он лежал, мгновенно став беспомощным, он обдумывал, что случилось. Чтобы избежать выполнения требования Модьуна, член комитета должен был отступить. Отказаться от того, что он делал. Отсечь черную дыру.

Итак, что-то происходило.

Подъемная система большого корабля автоматически восстанавливала прежнюю связь с планетой под ним. Напряжение было ужасным. Конструкции корабля стонали. Каждая молекула изменялась, теоретически одинаково, но, на самом деле, между различными элементами существовали незначительные различия. Полы скрипели, стены сотрясались, все немного изгибалось и поворачивалось.

К несчастью, то, что происходило, слабо напоминало реальную опасность. Черная дыра была в непосредственной близости от планеты. Там она пыталась восстановить свое равновесие. Когда это, наконец, обернется против макрокосмоса, то произойдут невероятно сильные возмущения.

Модьун поднялся на ноги, как только смог. Он увидел, что генерал Дуэр тоже пытается восстановить равновесие. Быстро. Смело. Но первые слова Ганианина оказались глупыми. Он сказал:

— Я знаю, вы не обрушите корабль на свою армию внизу.

Неподходящий момент, чтобы объяснять полевому командиру его ошибку.

Модьун сказал:

— Свяжите меня с вашим главным начальником.

Он потребовал мгновенного согласия.

Менее чем через полминуты другой Ганианин с суровым лицом, изображение которого мгновенно появилось на экране, слушал, как Модьун рассказывал историю Зувгайтов, о намерениях комитета захватить галактику и пытался описать гравитационный вихрь, который был черной дырой.

Последним советом Модьуна было: "Передайте предупреждение по радио всему миру. Скажите, чтобы ваши люди забрались под прочные укрепленные объекты, например, под дома с бетонными фундаментами, заделанными в почву. Под полом закрепите матрацы или что-нибудь мяг-

кое, чтобы, когда внезапно придет разрушительная, направленная вверх сила гравитации, людей прижало к матрацам. Так как время в черной дыре течет очень медленно, то первая реакция, вероятно, не наступит еще несколько часов.

Он закончил связь требованием общего согласия.

Сработает ли какой-нибудь метод защиты? Модьун не был уверен. Он предвидел вероятность того, что твердые куски Гании разлетятся по всему космосу.

Действительно, перспективы для Ганиан были ужасными, о чем Модьун и сказал генералу Дуэру:

— Я думаю, что ваши войска должны остаться на борту, и, если возможно, возьмите сюда такое же количество женщин-ганианок. Но сейчас проводите меня с вашей территории туда, откуда я смогу установить связь с пунктом управления кораблем. Я чувствую, что они отделились от этой части корабля.

Когда это произошло, он не стал дожидаться, чтобы попасть к передающему устройству. Вместо этого, двигаясь по коридору, он включил систему восприятия и, таким образом, обнаружил Нунули.

Включил передачу мысли. И снова согласие.

— ... пусть войска поднимутся на борт. Поднимайтесь медленно и удерживайте позицию в сотне миль над армией. Передайте по кораблю предупреждение, что мы можем подвергнуться влиянию различных гравитационных сил, направленных вверх. Каждый должен спать, привязанный ремнями.

Это было все, что он мог сделать.

Модьун вернулся в каюту. Теперь его мучило чувство вины.

"Разве раньше я когда-нибудь нарушал тайну мысли других существ?"

Он спал беспокойно с этим чувством вины.

ГЛАВА XXVIII

Модьуна разбудил глухой звук, и он испугался. Звук доносился через стены его каюты, снаружи, из коридора. У Модьуна промелькнула мысль:

"Где был Нунули, когда я обнаружил его, чтобы отдать ему эти приказы?"

Он вспомнил, что это было не обычное место обитания Нунули. Конечно, как обычно, Модьун не склонен был подглядывать за действиями другой личности, кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо для его целей.

"Но я должен помнить, что все это (то, что случилось) было сделано из-за меня. Из-за меня, Модьуна, землянина, Зувгайты пытались уничтожить корабль".

Когда эта мысль сформировалась, Модьун встал с кровати. Он помнил, что уже разрабатывается другой план его уничтожения. Пока он обдумал смысл этого, он полностью оделся.

* * *

Модьун открыл дверь.

Его встретил сумасшедший дом.

По крайней мере, таким было первое впечатление. Звуками сумасшедшего дома были непрерывный рев голосов и непрерывный топот ног.

Зрелище? Коридор был забит грязными людьми-животными, которые держали мешки и электрические ружья.

Здесь стоял запах (по-видимому, Ганианской) грязи, смешанной с запахами неземной растительной жизни. Каждый из людей-животных, очевидно, провел часть времени, лежа на траве, на листьях и кустах, и испачкал одежду. А теперь она воняла.

Когда Модьун смотрел на эту живую реку из вернувшихся солдат, он ощущал удовлетворение, которое переполняло его тело: может быть, в таком вмешательстве, в самом деле, нет ничего плохого. Такими были его мысли.

Но он еще помнил, как раньше пытался пройти вперед по этому коридору: как трудно было продвигаться ему и Нунули, борясь против такого же потока людей-животных.

"Хочу ли я, действительно, чтобы меня снова втянули в это?"

Тысячелетия невмешательства человека в дела земные говорили ему "нет". Но внутри у него возникло новое

сильное чувство; особая горячая решимость, которая происходила из убеждения, что он должен, по крайней мере, побеседовать с комитетом прежде, чем принимать решение о своем будущем. Это чувство гнало его вперед.

Модьун пробрался к первому ярусу лифтов, и его внесли в переполненный лифт, направляющийся вверх. Он поднялся на самый верх, и к этому времени в лифте, кроме него, остался только офицер-гиена с золотыми нашивками (которого Модьун никогда раньше не видел).

Модьун был немного удивлен, когда его попутчик прошел по фойе к тому же лифту второго яруса, что и он. Это казалось удивительным, и Модьун повернулся, посмотрел на офицера-гиену и впервые заметил, что его форма без единого пятнышка. Очевидно, он не был среди тех, кто сражался внизу на грязной Гании.

Оба молча стояли перед дверью лифта. Пока дверь не открылась, офицер молчал. Он, очевидно, изучал Модьуна и думал о чем-то своем.

— Вы уверены, что должны подняться наверх? — спросил он. — Это служебная зона.

— Да, — сказал Модьун. Он говорил небрежно, потому что решился, а сопротивление на этой стадии, конечно, не имело значения.

— Могу поклясться, — сказал человек-гиена, — что обезьян не пускают в эту секцию.

— Меня пускают, — сказал Модьун. Он ответил спокойно и сразу после этого вошел в лифт. Он чувствовал, что офицер следует за ним, и понимал, что тот с сомнением смотрит на него. Когда лифт поехал вверх, человек-гиена замер, не шевелясь, видимо, в растерянности. Модьуна, который был поглощен своим намерением, заключавшемся просто в том, чтобы найти Нунули и поговорить с ним, все больше тревожила разворачивающаяся борьба. Возможно, умное замечание прогонит сомнение. Он сказал вежливо:

— Я собираюсь поговорить с хозяином Нунули.

Он говорил и наблюдал за коричневатым дубленым лицом попутчика. Здесь не было вопросов: здесь правила иерархия. Он знает Нунули. Офицер сказал удивленным тоном:

— Тогда вы имеете право идти.

— Да, — сказал Модьун. И потребовал дополнительную информацию. — Когда мы взлетим?

— Еще должно пройти примерно двенадцать часов, — был ответ. Человек-гиена добавил, не замечая, что выдает тайну, которую, без сомнения, ему запретили обсуждать с кем-либо. — Ученые уже устанавливают водородную бомбу, которая должна быть взорвана дистанционно после взлета. Им еще предстоит подняться на борт.

Модьун чуть не пропустил это, чуть не пошел спать до утра. Чуть... но не совсем.

"Хорошо, я был близок к безрассудству, — подумал он мрачно. — Чуть не позволил взорвать миллион существ группе, которая хочет принести в жертву сколько угодно индивидуумов, чтобы уничтожить одного человека. В известном смысле, это, конечно, не имеет значения. Они все смертны и, в конечном счете, все равно умрут".

Но Модьуна волновало преимущество, которое нечестно получал комитет благодаря использованию высших знаний и науки. Злоупотребление силой — вот как это называлось. Он чувствовал враждебную реакцию своего тела по отношению к этой несправедливости.

Он подумал, что исправить эту несправедливость — его первоначальная программа.

Лифт останавливался, и у Модьуна не было времени на дальнейшие размышления. Дверь открылась; и тут, на расстоянии нескольких ярдов, он безошибочно узнал воздушный шлюз большого корабля.

Там он видел Нунули во время предыдущей встречи.

Корабль, который он видел, почти весь скрывался за стенами конструкции для запуска, но Модьун мог видеть его изогнутые контуры. Двери шлюза были открыты, и Модьун с офицером-гиеной вошли бок о бок. Первым, кого увидел Модьун, когда прошел через вторую дверь, был хозяин Нунули.

Инопланетянин стоял спиной к двери и говорил что-то о необходимости быстрого отправления. Его замечание вызвало вежливый ответ полдюжины гиен-инженеров. Они все поклонились. Один сказал:

— Мы готовы к старту, сэр. Закрыть двери, включить три выключателя, — и мы взлетим.

— Тогда займите свои места, — скомандовал Нунули. — Я сам подожду здесь последних прибывающих и...

Говоря это, он отвернулся. И замолчал, потому что в этот момент увидел Модьуна.

Возникла долгая минута неловкого молчания. Затем Модьун спокойно сказал:

— Как я вижу, пора выяснить, нет ли нового заговора против меня, включая этот, и, конечно, не нужно давать дополнительные команды, пока мы не пройдем через черную дыру.

— Пока мы не пройдем через что? — спросил Нунули.

— Я, действительно, считаю, что у меня нет времени объяснять, — сказал Модьун. — Но мне интересно, что вас держат в неведении. Они хотят принести вас в жертву тоже, не правда ли? Тот факт, что вы пришли в мою каюту за помощью, доказывает, что вы не знали, что произойдет.

Модьун повернулся, собираясь уйти, когда Нунули настойчиво позвал:

— Подождите!

Модьун любезно остановился.

Инопланетянин продолжал:

— Наверное, я должен все сказать вам. Мне сообщили, что ввиду новых обстоятельств член комитета хочет объяснить вам долговременную программу комитета.

Модьуна поразили слова.

— Ввиду каких новых обстоятельств? — спросил он.

Инопланетянин казался удивленным.

— То, что вы пришли сюда, на этот корабль, свело к нулю окончательное логическое решение, которое, как мы надеялись, решило бы проблему последнего мужчины раз и навсегда.

Модьун все еще старался понять смысл слов Нунули.

— Дайте мне понять. Член комитета теперь хочет поговорить прямо со мной?

— Да.

Модьун стоял, озадаченный и потрясенный, но ощущал приятное тепло, появившееся в нервном центре в нижней половине тела. Победа? Похоже. Было приятно.

— Я снова увижу Судлил...

Впервые Модьун предположил, что ее отъезд очень сильно взволновал его. Он подумал:

"Может быть, в эти часы я даже смогу снять сенсорные блоки, которые установил, когда выходил из-за барьера".

Это было то, чего не удалось сделать Судлил. И поэтому она была вынуждена из-за постоянного стремления к движению пойти гулять в тот первый день. В результате она очутилась где-то, в дальней части галактики, и чувствовалось, что, действительно, она далеко, потерялась и попала в ловушку. Трудно узнать, как они смогли обмануть ее и оставили ее в живых, но ее мольба о помощи подтверждала справедливость и того, и другого.

Помня об этом, Модьун подумал, какие меры предосторожности нужно принять, чтобы гарантировать, что встреча с Зувгом не будет сама по себе очередным заговором против него, и сказал:

— Когда мы пойдем? Я готов в любое время.

— Вы сошли с ума! — Когда инопланетянин говорил, он должно быть понимал причину неправильного представления Модьуна и продолжал: — Я имел в виду, что член комитета согласится поговорить с вами, если вы когда-нибудь узнаете, где он находится.

Вдруг инопланетянин смягчился.

— Это большая уступка. Вы теперь имеете предварительную договоренность о том, что член комитета хочет поговорить с вами.

Модьун вежливо ждал, пока собеседник закончит, потом сказал:

— Я считал это само собой разумеющимся. Найти его — это не проблема, как я ее понимаю. Я знаю три отдельных метода; ведь определение местонахождения в пространстве — это одна из моих телепатических способностей, как вы, наверное, знаете...

Модьун замолчал. Он стоял, слегка повернув голову. Красивое решительное лицо было живым. Глаза немного сузились.

— Начинается, — сказал Модьун. — Скоро все перевернется вверх тормашками. Возьмите подушку и привяжите себя к потолку до того, как придет время.

Когда Модьун еще раз повернулся к двери, его снова остановил голос Нунули.

— Какое время и когда наступит? — спросил Нунули встревоженным тоном. — Что начинается?

— Мы входим в черную дыру,— объяснил Модьун. — Я думаю, что мы пройдем сквозь нее по прямой. Помните, что я сказал вам: передайте общее предупреждение. Корабль может подвергаться перекрестным гравитационным давлениям в течение всей ночи.

— Но почему?

— Я считаю, — сказал Модьун, — что такой прекрасной маленькой черной дыре — всего восемь километров в диаметре — никогда не позволят уйти далеко от места, с которого ею сможет с легкостью управлять ее владелец.

Смысл этого, вероятно, дошел до Нунули, потому что его глаза затуманились и вдруг стали почти синего цвета.

— О Господи! — сказал он на языке животных.

— Итак, — сказал человек, — когда фейерверки закончатся, мы обнаружим, что втянуты в атмосферу планеты Зувг... это мой прогноз. Чуть меньше или чуть больше, чем один Земной день. Спокойной ночи.

И он поспешно ушел.

ГЛАВА XXIX

Запыхавшись, Модьун зашел в свою каюту и подумал:

"Теперь, когда Нунули не может действовать против меня, я должен ждать непосредственно нападения комитета".

Он разделся, лег в постель, привязался ремнями и уснул.

... и проснулся от того, что ремни врезались в его тело. Он определил силу тяжести в три G.

Модьуну было тревожно, но ... если подойти к событиям философски... Теоретически, силы давления-растяжения в черной дыре могли быть в тысячу раз больше силы тяжести. Хотя машины корабля были рассчитаны на случай экстремального притяжения, в сочетании с огромными скоростями это делало возможным деформацию предметов

вверх, вниз, влево, вправо. И встроенное устройство всегда найдет положение минимального напряжения.

"... Не следует волноваться. Нужно доверять".

Всего четыре раза наваливалась максимальная сила тяжести. Модьун же лежал в темноте — или скорее плыл — и сознавал колоссальное ускорение корабля, а потом торможение; а гигантский корабль пролетал расстояние, эквивалентное множеству парсеков.

И пролетел через черную дыру.

В момент выхода из дыры Модьун спал. Он мысленно видел Судлил без одежды, как в первый день, когда не испытывал никаких чувств. Во сне подсознание расшевелило в нем прежде не реализованное чувство. Модьун уже собирался исследовать, что это могло быть за чувство, когда вдруг понял, что он, человек, действительно видит сон.

Модьун проснулся, удивленный. Сон! У него? Но животные видят сны, чтобы подсознательно решить свои проблемы и избавиться от конфликтов прошлого дня.

"Я умираю..." — Это была волнующая мысль. Сон стал первым симптомом того, что здравый, философски настроенный разум не справляется.

Сначала Модьун не обратил внимания на содержание сна. Его испугал сам факт сновидения. Но скоро он понял, что сон возбудил его половой орган. Раньше он видел такое только у животных-самцов.

"Интересно. Так вот как это происходит?"

Он встал и изучал это явление в зеркале ванной комнаты. Но он не мог вынести такое исследование. После осмотра состояние полового члена ухудшилось.

Когда же Модьун одевался, ему стало весело. Он мысленно проиграл сон несколько раз, точно повторяя то, что, как он понял, имело эротическое содержание. Он причесывался, когда, с опозданием, ему пришло в голову, что необычное событие, похожее на сон, могло иметь и другой смысл.

Новое нападение?

Может быть, когда его мозг был поглощен первой страстью, происходило действие, которое он и не заметил. В тревоге он активизировал систему восприятия.

Но корабль мирно плыл в обычном космосе, направляясь к ближайшей солнечной системе. А в поле, охваченном его

умственной энергией, была только одна темная область: Нунули. Даже она не была такой темной, как раньше.

"Если что-то случилось, — с грустью подумал Модьун, — то это уже произошло. И это не такое важное событие, чтобы о нем думать".

Конечно, такой сон был бы идеальной атакой.

Модьун закончил одеваться, все еще размышляя о возможной природе нападения, когда в дверь позвонили. У Модьуна была мгновенная реакция, и он пошел к двери. Почти сразу у него возникло чувство тревоги — и он остановился.

"Я перестаю быть безупречным и понимаю, что их план направлен против одного человека — против меня. Кажется невероятным, но не подлежит сомнению. Это началось с двух первых нападений людей-гиен и достигло высшей точки в мощном явлении черной дыры, где человеческая раса, которую олицетворял один мужчина, была мишенью".

Они вызвали этот сон о природе сексуального возбуждения. Очевидно, им нужно было что-то, что полностью отвлекло бы внимание Модьуна, пока они не подготовили очередного нападения. Модьун сделал так, что Нунули, хозяин корабля, не мог предпринять ничего против него.

Все еще трудно признать, что Зувгайт проявляет персональный интерес к судьбе одного мужчины с небольшой планеты. Но в этом нет сомнений. Злобное создание с красными глазами, которое вошло с ним в контакт на такой короткий миг во время атаки черной дыры, позволило увидеть себя. Так же важно, что Зувгайты хотели, чтобы их слуга Нунули погиб вместе с кораблем, и не дали ему никаких преимуществ, не предупредили об атаке. Фантастическая реальность, но правда.

"Что бы ни было, я готов как никогда".

Остановившись, Модьун настроил все уровни восприятия, чтобы, если сработает один, включились бы все остальные.

Уверенно он пошел к двери и открыл ее. Там, как он и чувствовал, стояли все четверо его друзей-животных, глуповато ухмыляясь.

— Эй, — позвал Модьун, — входите.

В то время, как он произносил эти слова, он уже боролся за свою жизнь.

ГЛАВА XXX

У дула ружья промелькнула яркая вспышка. Заряд, сверкая, пролетел по коридору как молния, вызывая ужасный треск. Он попал в пол, преодолев несколько дюжин футов.

— Игтдооз, — раздраженно сказал Руузб, — смотри, что делаешь.

Тот повернулся к Модьуну.

— Эге, — сказал он, усмехаясь.

Все кончилось быстро. Попытка выжечь его мозг. И, когда она не удалась, мгновенно использовали разрушающий механизм.

Теперь он не сможет проанализировать, какой метод они противопоставляют человеческой системе восприятия. Но с какой отчаянной решимостью они воспользовались шансом показать ему, что у них есть такой метод.

У Модьуна не было времени, чтобы сразу подумать об этом. Потому что, когда вошел Дуулдн, он схватил и обнял Модьуна, а потом по очереди его обнял каждый человек-животное.

— Приятель, как же мы рады видеть тебя!

Ему неистово трясли руку. Нежная рука Неррла обняла его шею и плечи, а затем толкнула его на могучую грудь Руузба, который так сжал Модьуна, что у того перехватило дыхание.

— Эй, — сказал Модьун, — хватит, друзья!

Через некоторое время он узнал, что они довольно хорошо оправились от переживаний. Но все четверо были еще возбуждены.

— Друг! — сказал человек-медведь, качая головой. — Здесь внизу гнездо гремучих змей. Мы взяли на борт больше существ чем можно. Чем скорее мы улетим от этой планеты, тем больше мне это будет нравиться.

Он добавил:

— Мы сумели освободиться и забрали наши войска на борт, но...

С мрачным видом он замолчал.

Огромный корабль, действительно, был достаточно далеко от Ганнии, но Модьун знал об этом не больше, чем они. "Место внизу" теперь стало другим. Значительно более интересным. Поэтому Модьун ничего не сказал.

Стоявший рядом с Модьуном человек-лиса издал нечленораздельный звук, когда человек-медведь закончил говорить. Модьун посмотрел на него.

— Что случилось, Неррл?

По щеке человека-лисы скатилась слеза.

— Смешно, но я никогда не думал об этом, как о путешествии с целью завоевания. Предположим, мы завоевали этих — как их там? Что бы мы с ними делали?

— Все проклятые люди-гиены, — заворчал Игтдооз. — Все, как говорил Модьун: группа захватчиков с неправильными идеями.

Слушая их, Модьун почувствовал себя немножко лучше. Они, по-настоящему, считали виновными людей-гиен, которые были лишь немного менее глупыми, чем эти, и, конечно, они никогда не нападут на Ганию снова. Но в силе их протеста заключалась надежда, что, возможно, и у других людей-животных на борту можно так же легко вызвать протест.

Это была только промелькнувшая несерьезная мысль. Хотя это выглядело, как решение — словно человек мог снова вернуть себе власть над людьми-животными Земли.

Он понимал, что такое намерение слишком преждевременно и спросил:

— Вы, четверо, не собираетесь снова идти вниз? В следующий раз будет очередь кого-то другого, да?

— Тогда почему нас позвали сегодня утром и сказали, чтобы мы носили электрические ружья до дальнейших указаний? — пожаловался Дуулдн.

Так вот как это было сделано.

— Какие-нибудь проблемы с вашими ружьями? — небрежно спросил Модьун.

Руузб пожал плечами.

— Офицер-гиена обнаружил неполадку в ружье Игтдооза и позвал нас сюда, чтобы мы его починили. Но, может быть...

Его большие коричневые наивные глаза расширились.

— Может быть, оно еще не отремонтировано как следует. Может быть, поэтому оно разрядилось здесь, у двери? Как ты думаешь, Игтдооз?

Человек-гиппопотам согласился с таким объяснением. После этого Модьун почувствовал, что теперь он много знает, благодаря простоте заговора (вероятно, член комитета обошел Нунули и непосредственно воздействовал на человека-гиену), и сказал:

— Ну, после всего что случилось, то, что вас попросили держать ваши ружья при себе, всего лишь естественная предосторожность. Совсем не значит, что вас пошлют вниз в следующий раз.

Очевидно, такая возможность не приходила им в голову. Они сразу просияли и скоро весело рассказывали о своих тяжелых переживаниях на Гании. Теперь, когда все закончилось, их смех звучал громко, словно они успокаивались, подробно рассказывая и смеясь над отвратительными, опасными моментами высадки.

Скоро Модьуну показалось, что прошло достаточно времени. Пока они выговаривались, он думал.

И принял решение.

Он поднялся. Теперь настал подходящий момент. Он повернулся, посмотрел на четверых друзей, поднял руку, чтобы привлечь их внимание, и сказал:

— Друзья, я должен сообщить вам нечто важное.

Стоя здесь, он объяснил им простыми словами, кто он, что сделал и какие проблемы остались. Когда он закончил, все долго молчали. Наконец, Руузб встал, подошел и молча пожал ему руку. Это было сигналом для других, которые сделали то же самое.

Потом его друзья сидели, глядя на него блестящими глазами и ожидая, что будет дальше. Руузб сказал рассудительно:

— Итак, ты здесь с твоими способностями, присущими существам, которых ныне уничтожили.

Модьун должен был согласиться, что это правда.

— Есть только одна вещь, которую я не понимаю, — сказал он. — Без сомнения, то, что, как они показали,

они могут сделать сейчас со мной, они могли сделать и с Судлил. Но они не убили ее. Почему?

— Они сохранили ее, чтобы использовать против тебя, как ты сказал, — мрачно сказал Неррл. — Этот Зувг держит ее перед собой, чтобы ты не мог нанести ему удар.

— Но, если они, действительно, могут мысленно воздействовать на живых существ, — возразил Модьун, — зачем им нужно заниматься всей этой чепухой?

Дуулдн, который до сих пор молчал, вдруг сказал:

— Я не вижу реальной проблемы в будущем. Ты должен просто держаться подальше от этих Зувгов и их хитрого метода управления твоим мозгом, и — он махнул рукой — проблема будет решена.

— Да! — согласился Игтдооз.

Руузб и Неррл просияли.

— Да, это так, — сказал человек-лиса.

— Нну... — протянул Модьун, колеблясь.

Пауза, которая последовала за этим, смущала его. То, что они предлагали, люди не делают, даже для того, чтобы чего-то избежать. Он считал само собой разумеющимся, что человек — высшая форма жизни.

Перед ним никогда не стояла проблема: может ли он или посмеет ли? Модьун никогда не пренебрегал опасностью настолько, чтобы у него пропадало чувство страха. Если он избегал какой-либо ситуации, то только из философских соображений, а теперь это стало неприемлемо. В этой ситуации он решил поговорить с членом комитета. Он объяснил свое решение друзьям.

— Кто-то должен пойти и выяснить, что они затевают, и убедить их отказаться от этого, если они не смогут дать подходящее объяснение. А я, честно, не понимаю, как они могут это сделать. Например, они взяли сюда миллион существ с Земли для оккупации новой планеты. Кто-то должен сказать им, какой неподходящей была такая программа для всех, кто в ней участвовал: для тех, на кого нападали, и для тех, кто нападал, для тех, кого убили там за несколько мгновений. Вам ведь было не смешно, когда вы ползали там в ганианской грязи, не правда ли?

Четверо друзей согласились.

— Вот что я имею в виду, — продолжал Модьун. — Я хочу совершить посадку вблизи одного из зданий внизу, войти и поговорить с членом комитета.

— Но он воздействует своей телепатией на твои способности, — запротестовал Неррл. — Он заманит тебя в ловушку.

Модьун махнул рукой, как часто делал Неррл.

— Это неважно, — сказал он.

— Господи! Ты спятил? — вспылил Дуулдн.

Он повернулся к остальным.

— Друзья, у этих людей размягчение мозгов.

Это была реакция, разрушающая барьер.

Они испытывали трепет. Человек. Потомок их древнего Создателя! И они подчинились. Вспышка человека-ягуара освободила их.

Руузб проворчал:

— Послушай, друг, у тебя добрые намерения, но с такой философией ты никогда не уйдешь от Зувга живым.

— Послушай, — заговорил Неррл, — ты овладел всеми научными знаниями Земли. Нельзя ли узнать, уязвимы ли Зувги?

Вопрос человека-лисы удивил Модьуна. Он сказал, помедлив:

— Собственно говоря, если я позволю себе думать о насилии, то, действительно, окажется, что комитет не знает столько о черной дыре, например, сколько знали люди, использовавшие такие вещи.

Дуулдн вскочил на ноги.

— Никогда не занимайся бесполезными рассуждениями, — сказал он. — У тебя есть мысль, которую можно практически использовать?

Модьун глубоко вздохнул.

— Третий закон движения, — сказал он тихо, — работает и в обычном пространстве, конечно, с той разницей, что тут это волна, сохраняющая энергию.

— Что это значит? — спросил Игтдооз, сильно наклоняясь вперед.

Дуулдн сказал нетерпеливо:

— Действие и противодействие равны и направлены в противоположные стороны.

Он объяснил это другим и сказал Модьуну:

— В чем же смысл?

— Они не должны были взрывать город людей за барьером. Где-то там еще продолжаются ядерные реакции.

Модьун с упреком покачал головой.

— Если кто-то когда-нибудь найдет того, кто знает о таких вещах...

— А ты знаешь? — задумчиво спросил Руузб.

— Я? — Модьун был потрясен.

Он стоял, взволнованный. Он представил объем известной ему информации, не обращаясь ни к кому и, меньше всего, к себе. Теперь он сглотнул слюну.

— Я не мог бы сделать это, — сказал он. — Это ведь массовое убийство.

— Послушайте его, — с возмущением фыркнул Иггдооз.

Руузб встал. Он сказал:

— Мы пойдем вниз с тобой и прикроем тебя нашими электрическими ружьями. Позже мы сможем обсудить, что делать.

— Думаю, — предположил Модьун, — что мы должны сначала высадить армию. Не для того, чтобы стрелять, или для чего-то подобного. А просто высадить ее. Трудно будет предпринять что-либо против такого количества существ, особенно, когда они будут именно там, где находятся Зувги.

Дуулдн одобрил эту идею.

ГЛАВА XXXI

Они позавтракали. Затем во главе четырех людей-животных, испытывающих какой-то благоговейный трепет перед ним, Модьун пошел на пункт управления.

— Может быть, они не захотят впустить нас? — сказал с сомнением Неррл, когда они подошли к большой двери, сдвинутой глубоко в большую нишу. Везде вокруг двери горели цветные лампочки, а на металлической панели было написано: "Посторонним вход воспрещен".

Мысленно Модьун разрушил все эти препятствия. Он разогнал существ, которые были внутри: гиен-инженеров и техников. Когда персонал ушел, Модьун осмотрел запоры на всех дверях.

Через несколько минут здесь появился Зувг!

На огромном видеоустройстве пункта управления виднелся туманный светящийся круг, закрытый облаками, который выделялся на черном небе. При увеличении стал виден небольшой городок в горах, место, где жили Зувгайты.

Комитет!

На этом расстоянии не было видно свечения защитного барьера, который окружал городок. Но Модьун, конечно, узнал барьер, так что остальное не имело значения.

Внизу ничего не было видно. Отвесные скалы и ущелья. Длинные тени и темные овраги. Тут и там мелькали здания. Одно стояло высоко на вершине горы, другое — на дне тысячефутовой пропасти.

Наблюдая эту сцену, Модьун сдерживал дрожь, возникающую по всему телу, а не только в одном месте. Иногда это была нога, иногда плечо и рука... желудок и внутренности, бедра, легкие и так далее, назад и вперед по кругу.

Дрожь не исчезала ни на секунду.

Модьун открылся для восприятия и последующей стимуляции внутренних сил.

Он чувствовал давление пола на подошвы и пятки, шероховатость ткани брюк на ногах; вдыхал воздух, который немного щекотал горло, проходя весь путь до легких. Его лицо горело от постоянного чувства — страха? Модьун не знал точно, какое это чувство, но что-то подталкивало его.

Чтобы проверить, какое это чувство, Модьун повторил свое старое кредо: (1) Люди такие, как они есть, и жизнь такая, как есть — имеющая смысл. (2) Если вы доверяете людям, они будут доверять вам. (3) Дайте им любовь, и они ответят любовью. (4) Жизнь, в принципе, хороша. Никогда не делайте угрожающих движений, и вы поразитесь, насколько мирной будет ваша жизнь. (5) Всегда подставляйте другую щеку.

Он осмыслил каждое из высказываний. В голове его приятно кружились мысли, которые, без сомнения, были

правильными по смыслу, но не точными по форме. А Нунули, очевидно, не были такими, и Зувгайты тоже. Даже некоторые люди-животные на Земле. Может быть, позже, в будущем, они станут, как люди. Но не теперь.

Он должен быть внимательным. Он еще не может убивать. У него есть еще много других запретов. Это то, что Зувгайты должны знать о нем.

Он и его друзья-животные большую часть дня наблюдали, как огромная армия высаживалась в горах внутри барьера, двигалась, не встречая сопротивления.

"Итак, они ждут меня", — Модьун был в этом совершенно уверен. Его ноги пустились в пляс, что было непосредственным выражением удовольствия.

"Я, действительно, открыл внутренние барьеры..." Все его приказы тело исполняло немедленно.

Позже, когда они сели поесть, стало очевидно, что другие наблюдали за ним. Наконец, Дуулдн сказал:

— Сколько же ты знаешь на самом деле? Где ты узнал все эти вещи, как например, о черной дыре?

— Системы восприятия могут непосредственно воспринимать все явления природы, — объяснил Модьун и добавил сдержанно:

— Это не значит, что я безупречен как личность. Нунули сделали нас такими. Я не умнее, не лучше, чем любой другой — я просто обладаю особыми способностями.

Руузб, который ел в своей обычной энергичной манере, поднял голову.

— Это, должно быть, правда, друзья. Большинство поступков нашего приятеля с тех пор, как мы его узнали, были очень наивными. У него хорошее сердце, но не острый ум. Хотя, конечно, он придумал кое-что интересное. Правда, Модьун?

Модьуна не обрадовала такая характеристика, полученная от человека-медведя. Но он очень хотел, чтобы его друзья-животные по-доброму принимали его; поэтому теперь он энергично кивнул.

— Правильно, — согласился он. — И тем не менее, — добавил он через минуту, — я не так наивен, как кажется.

— Мы посмотрим, — сказал Руузб. Он взглянул на Модьуна. — Не обижайся, друг. Я только констатирую факты. Например, — он грустно покачал головой, — представь себе, что ты позволил украсть путем простого заговора единственную женщину, оставшуюся в мире. И ты даже не собираешься что-нибудь сделать.

— Но я знаю, где она, — защищался Модьун.

— Где? — немедленно спросил Руузб.

— Она с этим Зувгайтом.

Человек-медведь повернулся к другим и беспомощно развел руками.

— Видите, что я имею в виду, — сказал он.

Неррл усмехнулся через стол Модьуну.

— Я помню женщину, которой я очень увлекался. Прежде чем я был готов бросить ее, она поменяла меня на другого, у которого хорошо подвешен язык. Я знал, где она была после этого, правильно.

— А я, — сказал Иггдооз, — имел друга, который решил пересечь океан на лодке. Она попала в шторм, и он утонул. Я знаю, где он. То, что осталось от него, внизу, на глубине две мили, под водой.

— Видишь, Модьун, — Руузб посмотрел на человека, — ты говоришь так, что порой кажется, что ты не можешь сложить два и два.

Их дружеская атака сильно обидела Модьуна. Он уже начал понимать, что тут что-то неправильно... "Человек потерпел поражение", — подумал он. — "Буквально уничтожен, кроме последнего мужчины и женщины. А я все еще говорю и действую как победитель".

Очень смешно. И все же...

Когда они, наконец, закончили трапезу, Модьун сказал:

— Давайте лучше ляжем спать. Возможно, ночью мы получим сообщение, что дело дошло до той точки, когда внизу у меня может состояться встреча. Если мы отдохнем, то когда придет решающий момент, наши тела будут чувствовать себя лучше.

Дуулдн недоверчиво посмотрел на него:

— У тебя есть план? — спросил он.

— Я сказал, что я не так наивен, как кажется, — запротестовал Модьун. — У нашей армии внизу нет продовольствия, а они не привыкли обходиться без еды.

Короткое сообщение пришло в три часа ночи по корабельному времени.

ГЛАВА XXXII

По видеоустройству они увидели, что к их месту назначения нельзя приблизиться непосредственно, если не приземляться на крышу здания. Здание было плотно прижато к отвесной скале, которая поднималась перпендикулярно позади него. Впереди возвышался крутой склон. Он не был чересчур отвесным и не уходил далеко вниз — не более чем на две сотни футов.

Ниже здания была плоская равнина, но ее украшали аллеи и изгороди, которые вели среди кустарников и вдоль реки к краю леса, удаленного от здания примерно на двести ярдов. Чтобы приземлиться где-нибудь на этой равнине, нужно было разрушить аллею или изгородь, а это, конечно, было бы очень неправильно.

Модьун мог подняться по лестнице, ведущей по склону горы из сада внизу (если это было садом) к зданию наверху. Но совершенно очевидно: здание и местность внизу являлись частью одного и того же архитектурного и паркового комплекса.

По склону горы двигалось много фигур: армия животных, безусловно, наступала. Но они находились далеко справа и должны были еще подниматься. До их прихода пройдет, наверное, час. Модьун с волнением подсчитывал. Может быть, он должен немного задержаться.

Другой ближайший луг располагался на довольно крутом склоне на четверть мили ниже. Именно сюда Модьун и посадил свою спасательную шлюпку и отсюда он повел своих четверых друзей к зданию.

Ласковый ветерок дул вниз по склону. Для тех, кто был чувствителен, как Модьун, воздух казался сильно насыщенным кислородом; судя по данным компьютера, 35 процентов атмосферы составлял кислород. Веселый квин-

тет скоро вошел под сень деревьев. Здесь они впервые увидели живых существ.

Те, кого они увидели, напоминали птиц; маленькие крылатые создания порхали по верхним ветвям деревьев. Модьун активизировал восприятие и ощутил мимолетные толчки простых форм мысли. Он наблюдал картины веток, шумящих вокруг, и вид неба, каким его видели маленькие блестящие глаза.

Но никаких помыслов. Существа были тем, чем казались. И вокруг — дикая природа. Все естественно, даже примитивно.

"Почему тот, кто живет в таком раю, чувствует необходимость связи с другими планетами и хочет управлять ими? — удивленно спрашивал себя Модьун. — Все, что они могут надеяться получить от такого господства, — это особое сознание, что они оказывают влияние на жизнь в отдаленном неизвестном месте, и очень маловероятно, а, может быть, и невозможно, что они посетят больше, чем несколько планет, которыми управляют. Поэтому полное удовлетворение зависит от их собственного представления хода событий".

Зачем им это нужно?

Все это выглядело очень грустно и бесполезно.

Пока Модьун размышлял, он и его друзья пришли к краю сада. Прямо перед ними была первая светлая аллея; Модьун осторожно ступил на нее, остановился и повернулся к друзьям.

— Я думаю, вы должны подождать здесь, — сказал он. — Спрячьтесь среди кустов.

Его голос громко звучал в тишине.

— Моей системы защиты хватит на такое расстояние, и все, что я смогу сделать для себя, я смогу сделать и для вас — на этом расстоянии. Но, если я не выйду раньше, чем придут солдаты, идите в спасательную шлюпку. Может быть, мне понадобится ваша помощь.

Четверо необычно легко подчинились. Модьун посмотрел на их человекоподобные лица и увидел на них отражение растущей тревоги.

Наконец, Руузб сказал хриплым шепотом:

— Поняли.

Он пожал руку Модьуну и пробормотал:

— Удачи! Забей гол в их ворота.

Все по очереди подошли и пожали ему руку. Дуулдн заметил:

— Не торопись, друг.

Модьун кивнул и пошел вперед.

Сверху все казалось сказочно близким. С земли площадка, похожая на сад, казалась более плоской, чем с неба. Теперь можно было видеть, что то, что выглядело, как грязь, очевидно, было пластиком, на котором собралась пыль. Такая же пыль лежала на дорожках, но она была другого цвета. Над рекой повисло несколько мостиков, украшенных орнаментом. Что означал орнамент, было непонятно, если он вообще что-то означал.

Землянин шел вперед, не оглядываясь, и скоро перешел речку по одному из мостиков. Издалека мостик, как и другие, выглядел хрупким, хотя под ногами был прочным, как сталь. Через минуту Модьун поднимался по лестнице, ведущей наверх, к строению, похожему на дворец.

Модьун поднялся наверх, немного запыхавшись, и увидел покрытую пылью дорожку, которая вела к прозрачной, как стекло, двери, находившейся менее чем в двух дюжинах футов от края обрыва.

Теперь Модьун в первый раз оглянулся и посмотрел вниз на фигуры своих друзей. Они стояли внизу, глядя на него.

Он помахал им рукой. Они ответили.

Вот и все. Когда он оглянулся, у него на глаза навернулись слезы.

"Когда у вас появляется тело, — подумал он, — у вас может появиться привязанность к людям".

Это, конечно, был неподходящий момент для таких чувств. Поэтому он пошел к двери, стараясь не думать ни о чем. Когда он приблизился, дверь автоматически открылась.

И, когда Модьун вошел, она закрылась за ним.

ГЛАВА XXXIII

Модьун проснулся и подумал: "Я полагаю, что самоубийство было бы самым простым решением. Таким же эффективным является простое убеждение, что не стоит заводить детей".

Как-то и каким-то путем человек должен закончить свою жизнь.

Он зевнул, потянулся и сел на кровати в маленькой комнате, которая примыкала к пункту управления спасательной шлюпки. Включился "дневной" свет. Наверное, это произошло потому, что он проснулся. В глубине его мозга возник вопрос, удивление. Чувство было слишком слабым, чтобы в данный момент Модьун обратил на него внимание.

Он чуть не упал с кровати на Руузба, который лежал на полу и крепко спал.

— Эй! — позвал Модьун.

Другие фигуры, которые он заметил, лежали на полу рядом с Руузбом. Они зашевелились и сели. Модьун узнал Дуулдна, Неррла и Игтдооза. Трое людей-животных вскочили на ноги и бросились к Модьуну, по очереди спотыкаясь о Руузба.

Неррл первым подбежал к человеку.

— Все в порядке, приятель? — спросил он.

Модьун был удивлен.

— Конечно. Что со мной должно случиться?

Дуулдн, который остановился, чтобы потрясти Руузба, отказался от своей попытки и выпрямился.

— Я думаю, что он борется с древним инстинктом зимней спячки. Это происходит с ним каждый год в определенное время.

Его слова, очевидно, относились к человеку-медведю, но, дойдя до этого места, он с опозданием осознал, что сказал Модьун.

— Что должно с тобой случиться? — повторил он и продолжал агрессивно: — Послушай, прошлой ночью ты сказал, что утром объяснишь, что случилось. Теперь утро, друг.

— Как ты сказал? — человек был поражен. — Объясню что?

Он замолчал. Воспоминание молнией пронеслось в его мозгу.

— Я прошел в ту дверь... — пробормотал он.

— Да, а что потом? — проворчал Игтдооз.

Модьун оглядел своих друзей. Даже Руузб сел и сонно смотрел на него. Модьун покачал головой; он понимал, что сидит, широко раскрыв испуганные глаза.

— Я не помню. Как я попал сюда?

Человек-медведь сказал:

— Расскажи ты, Неррл. У тебя хорошо подвешен язык.

— Нечего рассказывать, — сказал Неррл. — Ты вошел; мы видели тебя. Потом прошло немного больше часа. За это время армия Землян заполнила площадку, вскарабкалась по ступенькам и вошла в здание. Потом мы получили от тебя команду прийти и взять Судлил, и мы это сделали. А потом ты сказал, что должен вернуться, чтобы сдержать какое-то обещание, но, так как наступала ночь, мы убедили, чтоб ты остался до утра, — и вот мы здесь.

— Зачем я должен был вернуться? — Модьун ничего не помнил. — Какое обещание?

— Ты не сказал.

Модьун медленно опустился на кровать.

— Похоже на самопроизвольную потерю памяти, — медленно сказал он. — Я должен хорошо подумать, как быть дальше.

Дуулдн сказал взволнованным голосом:

— Ты имеешь в виду гипноз?

Человек сдержанно кивнул.

— Они, наверное, обошли мою защиту.

Модьун едва мог сдержать удивление.

— Будь я проклят! — Он объяснил: — Это их метод управления. Они внушают необходимость какого-то действия и потом управляют вашими поступками.

Модьун собирался продолжать, но вспомнил мысль, с которой он проснулся. Он сказал:

— Послушайте, я же собирался убить себя. Нет! — поправил он. — Я должен убедиться, что у Судлил и у меня не будет потомства. Тогда человеческий род должен прекратиться.

Он снова замолчал. У Модьуна возникло слишком много мыслей одновременно. Сидя здесь, на краю кровати, он старался разобраться.

— Судлил! — он произнес ее имя. — Вы сказали, что принесли ее сюда. Где она?

Люди-животные многозначительно посмотрели друг на друга, потом печально покачали головами.

— Этот малый, действительно, пропал, — сказал Дуулдн.

Руузб тихо сказал:

— Модьун, посмотри на кровать позади себя.

Модьун медленно повернулся, не совсем веря, что он мог быть таким бесчувственным. Прошло несколько секунд, пока он понял. Он лежал так, что лицо было повернуто в сторону, и его первым побуждением было встать. Он лежал спиной к Судлил.

Разобравшись, он посмотрел на женщину. Те же самые золотые волосы... ее лицо не изменилось с тех пор, как Модьун впервые увидел ее... Даже во сне она излучала жизнерадостность, нельзя было подобрать лучшего слова.

"Не думаю, что я когда-нибудь выглядел бы так хорошо, как она", — такая мысль впервые промелькнула в его мозгу. Каким он кажется тем, кто видит его?

Не отрывая взгляда от женщины, он спросил:

— Что с ней?

— Ты сказал нам, что она без сознания. Поэтому мы сделали носилки и принесли ее сюда, — сказал Неррл. — А она не приходила в себя с тех пор, как мы принесли ее.

Модьун был очень удивлен.

— Я говорил это все прошлой ночью, словно я знал? Почему я не привел ее в сознание?

Выяснилось, что он хотел, чтобы она проснулась сама, и считал, что это произойдет вечером.

— Я полагаю, — сказал Модьун расстроенным тоном, — прошлой ночью я знал, что делаю. Поэтому я лучше не буду спешить.

— Я думаю, — раздался голос Руузба, — мы лучше соберем военный совет или что-нибудь в этом роде.

"Что-нибудь, непременно", — подумал Модьун.

Прошел час. Они поели. И спокойно сидели в пункте управления. Модьун глубоко вздохнул и сказал:

— Я вижу, как я иду к этой двери. Теперь я собираюсь включить систему памяти. Я попытаюсь рассказать вам, что случилось...

ГЛАВА XXXIV

Когда Модьун вошел, из-за стола напротив двери, находящегося на расстоянии около двадцати футов, поднялся Нунули.

— Распишитесь здесь, — сказал он.

В одной руке он держал что-то, похожее на ручку, а другой показывал вниз на то, что выглядело как книга для записи гостей. Модьун остановился прямо у входа. Он сознательно сдержал побуждение сразу выполнить то, что требовал Нунули, остался на своем месте и огляделся вокруг. Небольшая высокая комната. Стены, казалось, были сделаны из мерцающего светлого пластика, как аллеи и изгороди снаружи. В помещении было две двери, кроме той, через которую он вошел; эти двери находились по обе стороны от того, для чего Модьун теперь не мог подобрать лучшего слова, чем конторка портье. Двери были огромными — не менее десяти футов высотой — и богато украшены узором из золотых листьев. Помещение было ярко освещено. Модьун не пытался проанализировать метод, с помощью которого это сделано.

Удовлетворенный поверхностным осмотром, он медленно пошел вперед. Все воспринимающие рецепторы внутри него включились. Он чувствовал твердый пол под ногами и трение ткани брюк на ногах и бедрах. Рубашка царапала его грудь и руки. Теплый воздух пощипывал легкие — ему нравился избыток кислорода. От его тела исходило множество ощущений и каждое говорило: "все хорошо".

Вскоре он оказался у конторки и посмотрел на чистую страницу. Изучая ее, краем глаза он увидел, что ручка в вытянутой руке Нунули была лишь в нескольких дюймах от него.

Модьун замер. У него возникло две мысли. Обе выражали критическое отношение к происходящему. Первая мысль: "Эта обстановка создана для человека с Земли. Приемная, конторка, книга для записи гостей — все невероятно упрощено (и, без сомнения, создано впопыхах) как когда-то в конторе у людей. Он предположил, что знакомая сцена должна усыпить его бдительность. Очевидно, они ожидают, что он автоматически проделает все процедуры, связанные с такой обстановкой. Вторая мысль вытекала из первой. Он подумал:

"Если они уделили этому столько внимания, значит, теперь против него разрабатывается другой план?"

Все системы восприятия в его мозгу были готовы включиться. Но Модьун не хотел, чтобы его втянули на уровень, который был ниже уровня Зувга. Поэтому он покачал головой, как делали животные, желая сказать "нет".

— Я условился о встрече, — сказал он.

Нунули не стал возражать.

— Сюда.

Он показал на дверь слева от Модьуна.

Модьун не двигался. Слова Нунули вызвали у него не одно, а множество ощущений. Тон, то, как Нунули держался, когда говорил, легкие движения мускулов. И, самое главное, чувство (своего рода лицемерие), которое поступало к нему через "шум" в мозгу Нунули.

Еще один заговор? Что это может быть? Сначала чувство, что не нужно расписываться в книге для записи гостей, а теперь такое же чувство, что не нужно входить в указанную комнату.

От Модьуна потребовалось определенное усилие, чтобы удержаться от желания из простого любопытства посмотреть, что же находится за левой дверью. Он подумал: "Позже я должен буду пройти через эту дверь и расписаться в книге для гостей".

Он должен знать, какая здесь есть связь.

Модьун сказал громко:

— Я могу сначала войти в ту комнату? — и показал на дверь справа.

— Конечно, — последовал вежливый ответ.

Звуки, чувства, вибрации — все говорило: "правильно".

Нунули подошел к двери, открыл ее и придержал. Когда Модьун шел к ней, он заметил, что сразу перед дверью небольшая ниша. Сама комната, очевидно, находилась дальше вправо. Он не видел комнату. Модьун подошел к порогу, не останавливаясь, перешагнул через него и вошел.

Два события произошли почти одновременно: дверь захлопнулась за ним с металлическим звуком, и лампы впереди погасли.

В неожиданно наступившей темноте, в сердце Зувгской цитадели он заколебался. Но только на секунду. Затем он прошел десять футов, повернул влево и направился к стулу, присутствие которого ощущал с помощью комбинированного сознания. Он прошел четырнадцать шагов до него и сел.

Голос из темноты сказал:

— Итак, вы позволили заманить себя в ловушку.

Несколько мгновений после того, как были произнесены эти слова, внимание Модьуна занимал тот факт, что

Зувгайт, как и Нунули в приемной, говорил на универсальном Земном языке.

Как они беспокоятся из-за одного человека.

Постепенно приходило понимание. И проявился зловещий смысл слов, неважно, на каком языке они были сказаны. Модьун продолжал доверять своему первоначальному ощущению, что он правильно сделал, войдя в эту комнату. Что касается слов, он обдумывал их и изучал окружающую обстановку.

В то же мгновение, когда Модьун вошел, он ощутил тепло в теле и присутствие в помещении другого живого существа. Только одно существо находилось примерно в дюжине футов перед стулом и немного слева. В комнате стоял легкий запах инопланетян. Модьун чувствовал, что существо, от которого исходит запах, стоит и говорит с высоты по меньшей мере на один фут выше, чем рост Модьуна.

Стоял ли член комитета на возвышении? Проникающее сквозь темноту сознание Модьуна не могло сказать этого. Отсюда он сделал вывод, что Зувг — гигант ростом девять или девять с половиной футов.

Интересно!

Чувствуя теперь, что член комитета пристально смотрит на него из непроглядной тьмы, как будто он обладал каким-то особым зрением, Модьун обратил внимание на его слова.

"Стал ли я жертвой мгновенного убеждения, для которого Зувг использовал огромную силу?"

Как Модьун помнил, голос этого существа был не похож на другие, которые он слышал. И, конечно, существо говорило с поразительной прямотой. Он попал в ловушку!

Модьун закончил самоисследование. "Еще ничего плохого не случилось... Меня пока не трогают".

Когда Модьун так подумал, у него появилось другое чувство: досада. Встреча с членом комитета оказалась не такой, как он себе представлял: открытый диалог лицом к лицу. Освещение не изменялось, и темнота по-прежнему действовала ослепляюще (Модьун должен был это признать). При таком противостоянии они начали не с начала, а на пике интенсивности.

Модьун сам провел небольшое исследование.

— К несчастью, я понимаю, — сказал он, — что ваши слова и манера поведения означают, что вы не собираетесь отказаться от захвата галактики.

Первый ответ Зувга заключался в том, что он подошел ближе и теперь стоял рядом в темноте и смотрел на человека, сидящего на стуле. Потом он сказал:

— Мы, кажется, неправильно понимаем друг друга. У нас нет планов захвата. Откуда у вас такая мысль?

Модьун откинулся на спинку стула, с опозданием вспомнив, что эти же слова говорил Нунули, хозяин корабля. Тогда он представил себе последствия того, что делали люди-слуги: суетливо захватывали планеты от имени Зувгов. На Земле люди исчезли. Ганию безжалостно атаковали.

Внезапно Модьун заговорил и, констатировав неумолимые факты, сделал вывод:

— У меня создалось впечатление, что вы применяли свои методы в различных вариантах к десяткам тысяч других планет.

— То, что мы делаем, — не захват, — сказал Зувг. — Мы просто и решительно уничтожаем случайные эволюционные проявления неправильных форм жизни. Как только на планете устанавливается правильное направление эволюции, мы допускаем развитие на некоторое время, под руководством, но, в конечном счете, без дополнительного вмешательства. Никоим образом нельзя считать это захватом.

Изумленный Модьун открыл рот. И снова закрыл. В потоке слов, которые он услышал, было — объяснение.

"Господи, — подумал он, — всюду они нападают на самых приспособленных, которые пережили эволюционный отбор на своей планете".

Удивительная идея.

Даже когда человек изменял животных, такая идея не обсуждалась. И позже, когда человеческие существа, подстрекаемые Нунули, изменяли себя, они хотели только подчеркнуть черты, которые уже проявились в мутном потоке естественного отбора.

— По каким и чьим нормам проведен отбор подходящих расовых черт? — спросил Модьун.

— На каждой планете, — ответил Зувгайт, — мы выводим форму с самым большим естественным сроком жиз-

ни. Вы можете придумать лучшую норму отбора, чем долговечность?

Голос умолк. Модьун вежливо ждал, когда существо выскажется подробнее. Когда прошло несколько секунд, то по спокойному дыханию собеседника он определил, что дополнительного объяснения не будет.

— Послушайте... — начал он неопределенно. Он замолчал, посидел еще несколько секунд, а потом спросил: — Вы долгоживущая раса, правда?

— Долгоживущая — это неправильное определение. Мы бессмертны. — Голос звучал гордо. — Это одно из двух наших самых важных качеств.

Модьун предположил, что вторым важным качеством была способность Зувгайта управлять разумом других существ. Но он решил не отвлекаться на это.

И он сказал:

— Короче говоря, вы выбрали в качестве критерия качество, которое ваша раса, очевидно, приобрела путем естественного отбора без изменения. Я сказал "очевидно", потому что хочу снова вернуться к этому вопросу.

Член комитета оставался спокойным.

— Мы совершенно объективны. Мы изучали всевозможные положительные черты сотен рас...

— И, наконец, решили, что ваши собственные — самые лучшие, — взорвался Модьун, — не спрашивая, как это случилось.

— Я повторяю, вы можете придумать лучшее качество, чем долгая жизнь? — был ли в его тоне намек на раздражение?

— Да, по человеческой системе оценок, — сказал Модьун. — Но философия человека: жить и давать жить другим. — Потом он внезапно поменял тему. — Видите ли, я думаю о чертах человека, а вы о чертах Зувга. Мы оба очень субъективны, не правда ли?

Последовал холодный ответ:

— Ваши слова говорят мне, что так, как вы находитесь здесь полностью под нашим контролем, дальнейшая беседа является только тратой времени.

Итак, с этим покончено.

Модьун очень тихо сидел на стуле, пытаясь разобраться в происходящем. И, насколько он мог определить, ничего

не изменилось. И в эти минуты, которые становились итогом всего, в его нервной системе не было волнения. Значит, что бы они ни делали, он этого не чувствовал. И единое психическое пространство, и космос молчали... Все ближайшее пространство двигалось в пределах атомной и молекулярной логики, не потревоженное вмешательством умов, и это наводило на мысль, что проблема внутри Модьуна, а не снаружи.

Когда Модьун с тревогой обдумывал такую возможность, ему пришло в голову, что настало время делать то, что он намеревался сделать. Правда, он не знал, с чего начать.

"Я пришел, чтобы побеседовать. Это я сделал. И беседа ни к чему не привела..."

Не зная точно, что предпринять, Модьун сказал для пробы:

— Биология — это предмет, который в результате того, что нас усовершенствовали Нунули, мы начали понимать лучше, чем кто-нибудь еще.

Из темноты послышался звук. Его издавало огромное существо, стоящее перед Модьуном. Никаких слов, только звук. Иронический смех?

Зувгайт заговорил спокойным тоном.

— В принципе, мы не должны сейчас ничего делать. Контроль над вами установлен очень давно. Вы должны знать, что никто ничего не может сделать против своего образа жизни. Индивидуум может даже понять природу битвы, которую должен вести — это своеобразный этап развития, до которого вы, кажется, дошли — но вас навсегда связывает тот факт, что ваша кожа может быть пробита, сердце может остановиться, — группа клеток вашего мозга обладает специальными свойствами — только и всего. Например, несмотря на вашу систему восприятия, продолжительность жизни, которой вы достигли, менее чем две тысячи Земных лет. Даже этим вы обязаны Нунули, которые усовершенствовали человека.

— Правда, — признал человек. — Однако я собираюсь исследовать это для вас и...

Зувгайт прервал его.

— Чтобы показать вам, как уверенно мы себя чувствуем, мы предлагаем вам использовать вашу систему вос-

приятия против нас. Вы увидите, что не сможете этого сделать.

— Вы просите то, что невозможно, — запротестовал Модьун. — Слово "против" для моего мозга не имеет смысла. Я не против вас.

— Точно, как запрограммировала вас раса наших слуг, — с удовлетворением сказал Зувгайт.

— Для меня было бы безмерно трудно умышленно напасть на кого бы то ни было, — сказал человек.

— Вот именно, — радостно сказал член комитета. — Таков ваш характер. Как я сказал, вы нерешительно боретесь с внешними обстоятельствами, но, в сущности, вы не сможете сделать ничего, кроме как идти по предложенному пути.

— Гмммм, — сказал Модьун. — Я вижу, мы не полностью понимаем друг друга.

Затем он повторил то, что однажды сказал Руузб к большому неудовольствию Дуулдна:

— Есть несколько способов содрать шкуру с кота.

— Я не понимаю этого, — сказал Зувгайт.

Модьун не ответил.

* * *

Дальше он не мог вспомнить. Он снова был в спасательной шлюпке и ничего не помнил.

— Это все, — сказал он раздраженно.

— Но с какого кота и каким способом ты собирался содрать шкуру? — спросил Руузб, лукаво взглянув на покрасневшего Дуулдна.

— Прости, что я использовал это сравнение, — сказал Модьун, который сидел за столом в столовой против человека-ягуара. — Мои извинения, Дуулдн.

— Ладно, — пробормотал большой человек-кот. — Я напуган, но не потерял голову. Так вот каков тот Зувгайт!

Игтдооз покачал головой, сердито посмотрел на Модьуна и сказал:

— Друзья, он не боится, но я уверен, что он просто не умеет драться.

— Я собирался начать учиться, — запротестовал Модьун.

— Тогда ты говоришь что-то не то. Ты сказал Зувгайту, что ничего не можешь сделать. А нам теперь говоришь, что можешь.

Все они с осуждением смотрели на Модьуна.

— Ну, где же правда? — спросил Неррл.

Руузб сказал:

— Мы всегда ценили тебя за честность. А теперь ты сказал ему пустые слова. Пойми меня правильно, — поспешно закончил человек-медведь. — Мы хотим победить этих сукиных детей.

— Я собирался напасть на них с помощью единого психического пространства, — объяснил Модьун, — и единственным честным способом, который открыт для меня. Послушайте...

Когда Модьун закончил объяснение, Дуулдн сказал решительно:

— И ты думаешь, это то, что ты должен был сделать?

— Да.

— Но в тот момент, когда ты сделал это, закончились твои воспоминания об этих событиях.

Модьун должен был согласиться, что, действительно, так и случилось.

— Думаю, они должны были предпринять контратаку.

Неррл вступил в разговор:

— Энергия единого психического пространства могла бы убить Зувгайтов?

Модьун был потрясен.

— Конечно, нет. Это было бы убийство.

Дуулдн вскинул руки.

— Послушайте его! — зарычал он.

С усилием он взял себя в руки и сказал:

— Ты можешь обнаружить другую энергию, подобную энергии единого психического пространства?

Модьун покачал головой.

— Наверное, такие существуют. Но я знаю только об одной. Вы должны помнить, что единое психическое пространство так же велико, как космос, только в нем нет времени.

— Ты говоришь, что использовал все, что знаешь? — настаивал человек-ягуар.

— Так я собирался сделать, — защищаясь согласился Модьун.

Лицо Дуулдна стало кирпично-красным, когда он отклонился на спинку стула.

— Я лучше не буду больше ничего говорить, — пробормотал он. — Величайшая возможность в истории галактики, упущенная из-за мягкосердечия.

Модьун казался побежденным и закончил слабым голосом:

— Друзья, возьмите бразды правления в свои руки!

Руузб заговорил дипломатично:

— Хорошо, Модьун, почему ты не активизируешь свои системы восприятия? Мы могли бы также узнать, что случилось.

ГЛАВА XXXV

Модьун провел испытание. Он провел его на самом деле. Понимая, что у него не будет второй возможности, он провел эсперимент до конца. Как генерал, у которого появилась новая идея о том, как выиграть битву, он проверял ее не на предварительных маневрах, а в бою.

Очевидно, он не может атаковать тысячу могучих умов, соединенных с его мозгом линией односторонней связи, когда несколько гипнотизеров объединяются вместе, чтобы победить одного человека. Поэтому он действовал не прямо. Вместо этого Модьун использовал свою систему восприятия, чтобы узнать, нет ли в едином психическом пространстве уже существующего источника энергии, включенного в соответствии с неизменными законами.

Так как процесс поиска был фактически мгновенным, Модьун не удивился, когда ночную тишину комнаты разорвал Зувг, заявив:

— Если верить нашим приборам, вы активизировали систему восприятия. Но еще ничего не случилось.

Зувг продолжал тем же раздраженным тоном:

— Мы все ощущаем незначительные физические воздействия на уровне единого психического пространства. Но все знают, что в едином психическом пространстве ничего

не может начаться без предварительного планирования. Естественно, на это не требуется время, но оно требуется на переход в наш пространственный мир. А у вас нет столько времени.

Итак, они что-то почуяли. И Модьун смог, вдобавок, узнать, что его попытки неизбежно обнаружат.

Модьун сказал с намеком на прежнюю вежливость:

— То, что постепенно происходит, это, конечно, физиологический процесс. Пусть он ускорится, не нужно волноваться. Но нужно сказать, что, когда произойдет изменение направления, сдвинутся химические связи. Это создаст особое...

Модьун замолчал, почувствовав внезапное напряжение в комнате. Из темноты зловеще зазвучал голос:

— Вы говорите, что вы физически управляете мной — нами — каким-то способом?

— Все, что я делаю, — вежливо признал Модьун, — это пытаюсь использовать энергию, которую вы первоначально заложили в единое психическое пространство; использовать ее в качестве носителя для активизации биологической перестройки. Это подействует на всех существ, связанных с вами. Теперь ...

— Какую первоначальную энергию?

— Взрыв в едином психическом пространстве, посредством которого вы уничтожили людей за барьером, — сказал Модьун. — Откуда вы узнали о едином психическом пространстве?

— От расы, которая теперь вымерла, — неохотно сказал Зувгайт.

— Другое неправильное эволюционное развитие, я полагаю, — сказал Модьун. — Я собираюсь рассказать вам, что их знания о едином психическом пространстве были правильными. Поэтому я смог использовать реактивную энергию взрыва, которая включает в себя все комбинации жизненных энергий, и вы должны будете со мной согласиться.

— И для чего используется эта энергия? — грубо прервало существо.

Модьун глубоко вздохнул.

— Теперь раса Зувга пойдет вперед по правильному эволюционному пути. В течение нескольких следующих

тысячелетий продолжительность жизни каждого будет — я думаю — семьдесят-восемьдесят земных лет.

Когда Модьун говорил, он постепенно начал чувствовать, как растет эмоциональное напряжение существа, которое возвышается над ним в темной комнате. Вдруг...

Зувгайт сказал неестественным голосом:

— Это изменение направления в нас, которое вы включили... Один из моих коллег только что спросил, можно ли отменить эту настройку и восстановить первоначальное направление?

Модьун колебался. Его испугала скорость реакции. Он нанес им такое сильное поражение — и все же еще можно было мгновенно все исправить.

Он подумал, что контратака пришла с опозданием. Модьун уже использовал преимущество, которое появилось у него только из-за их незнания. Теперь дело сделано, и больше ничего не оставалось. Осталась только его ловушка, которую они теперь осознали.

Естественно, он должен был честно ответить на их вопрос.

— Я, действительно, не думал об этом, но полагаю, что можно ответить "да". Но восстанавливать вас нужно по одному, и требуется много времени. Я должен сказать вам, что не намерен...

Снова ответ пришел сразу со скоростью, бьющей по мозгу; это показывало, насколько сильным был их шок.

— Мы — единственная бессмертная раса в космосе, — сказал Зувгайт, — а вы сделали нас смертными. Это несправедливо.

В известном смысле, это была правда. Вероятно, не следовало покушаться на что-то столь уникальное, как бессмертие.

"Но они покушались на многое, — доказывал себе Модьун. — Их доводы несущественны теперь".

Зувгайт настаивал:

— Нет ничего неприкосновенного в естественном отборе. На Земле вы, люди, вмешались в него, когда изменяли животных...

Голос говорил что-то еще. Но пока это было все, что слышал Модьун. Он устал. Перестал видеть. Звуки превратились в бормотание в его мозгу. Дальним уголком мозга

он следил за происходящим и с легким изумлением думал: "Мной управляют именно сейчас, этими словами. Возможно ли, что я собираюсь так сильно рисковать, требуя себе гарантий?"

Когда у него возникла эта тревожная мысль, он заметил, что беспокойство, кажется, уменьшается. Не было ничего, кроме головокружения, ничего смертоносного. Ему пришло в голову, что оскорбления, и плохое обращение, и заговоры этих существ нарушили чистоту его реакции. "Я прошел долгий путь, — подумал он, — вероятно, большую его часть в неправильном направлении". Но при данных обстоятельствах он не грустил.

К тому времени, как Модьун начал это понимать, он настолько оправился, что снова стал воспринимать голос члена комитета.

— ... Мой коллега, — говорил Зувгайт, — предлагает, чтобы мы вернули вам женщину в обмен на наше восстановление. Как он объясняет, эта женщина нужна вам для выживания вашего собственного рода. Она без сознания и в опасности. Поэтому он считает, что у вас нет выбора.

Модьун был ошеломлен безупречностью их логики. Они допустили роковую ошибку. А потом это же сделали люди. Зувгайты уже выигрывали. Не было полной уверенности, что человек...

"Они добрались до меня, — думал он. — Я не могу использовать свое восприятие, чтобы получить информацию, потому что они могут подменить ее. Но теперь они не осмелятся действительно сделать что-то против меня, пока я единственный, кто может им помочь..."

Полное равновесие сил между человеком и его самым опасным противником. В этом положении была какая-то зловещая красота.

Конечно, проблемы еще оставались.

— Я хочу восстановить вас. Но не знаю, как это можно сделать. Видите ли, — он протянул руки, как часто делал Неррл, — когда я верну хотя бы одного члена комитета в его прежнее состояние, он будет свободен. После этого его не будет связывать никакой договор о защите Судлил. — Он замолчал. — Я признаю, что она

в вашей власти. Она позволила заманить себя в ловушку. Я представляю, что она с ее философией, не признающей насилия, и пассивной женской позицией была чрезвычайно доверчивой.

— Точно, — нетерпеливо прервал Зувг. — Мы смогли привести ее тело в бессознательное состояние, но, конечно, не хотели непосредственно воздействовать на систему восприятия. Но теперь есть причина для того, чтобы вы быстро принимали решение. Мы одобряем вашу настойчивость и решили не терять времени и согласились, что человек с вашей... гмм... безупречной философией, какой бы она ни была неправильной, сдержит данное обещание. Поэтому, если вы пообещаете восстановить наше первоначальное состояние в течение следующей недели или даже раньше, мы точно скажем, где находится Судлил.

"Итак, мною управляют". Это казалось единственным правдоподобным объяснением.

Ему было все равно. Он чувствовал, что может свободно принимать решение.

"... Я могу пообещать, а потом нарушить обещание..." Такое чувство было у него внутри.

А они действовали так, как будто он не мог не сдержать слова.

Зувгайт сказал настойчиво:

— Решайте. Это необходимо для безопасности женщины.

Во всяком случае, решение больше не было проблемой. Модьун просто сказал:

— Очень хорошо, я обещаю. Где она?

— Она в комнате, куда можно пройти через левую дверь в приемной, — выпалил собеседник. — Мы сделали так, что, если бы вы вошли, вы бы увидели ее. В момент умственного погружения в ее состояние мы все напали бы на вас.

Глаза Модьуна расширились.

— Гммм, — сказал он, — интересно, сработало бы это?

Пока он обдумывал, у него появилась другая мысль.

— Тысяча... — проговорил он. — Как вы, Зувгайты, уменьшили свое количество до такого числа?

— Мы одна семья, — объяснил член комитета. Казалось, он думал о другом. — Очевидно, там, где много семей, одна должна, в конце концов, уничтожить другие. Это случилось очень давно...

ГЛАВА XXXVI

Модьун встал в спасательной шлюпке.

— Когда пришли животные-солдаты, Нунули и Зувг убежали по коридору, ведущему внутрь горы. А я поспешно вышел из приемной и стал караулить перед левой дверью. Несколько солдат хотели выбить дверь, но я только приказал им уходить.

Он стал задумчивым.

— Это была, на самом деле, очень мирная компания. Но я могу себе представить, какими дикими они казались членам комитета, которые никогда никого не пускали за свой барьер и не имели защиты против большого количества врагов. Какова бы ни была проблема, она должна была решиться, когда я дал указание людям-животным. Они были голодны, как никогда раньше не были в условиях изнеженной жизни на Земле. Они выстроились внизу, как хорошо воспитанные граждане. Как только я это увидел, я позвал вас, друзья, и вы пришли с носилками для Судлил.

Руузб сказал торжествующе:

— Я хочу отметить, что на этот раз ты вспомнил все до конца. Значит, они не повредили тебе своим гипнозом.

— Я заметил, — сказал Модьун.

Он пошел к пульту управления и, понимая, что все наблюдают за ним, нажал кнопку, которая открыла шлюз.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Модьун направился к двойной двери, остановился у входа и сказал:

— Я вернусь завтра утром. Поэтому просто подождите меня, хорошо?

Говоря это, он шагнул наружу и стал взбираться по склону, по тропинке, которая должна была скоро привести его к саду и зданию Зувгайта в полумиле отсюда. Он про-

шел около двухсот футов, когда увидел, что четверо людей-животных появились из спасательной шлюпки и бегут к нему. Модьун продолжал свой путь, потому что они не окликали его, но он не был удивлен, когда они зашагали рядом, тяжело дыша.

— Куда ты идешь? — спросил Неррл, задыхаясь.

Модьун остановился. Он сказал о своем обещании Зувгайтам.

— Вы же знаете, куда я собираюсь идти и что делать.

Он собирался продолжить свой путь, когда увидел на лице Дуулдна странное выражение.

Человек-ягуар сказал подавленным тоном:

— Хочешь, чтоб тебя снова одурачили?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Модьун.

— Ты же не собираешься выполнить такое обещание, данное самым большим сукиным детям, которые когда-либо жили?

— Обещание есть обещание, — сказал Модьун. Затем он сказал возбужденно:

— Эй!

Они схватили его.

— Ты никуда не пойдешь, — зарычал Руузб.

Они потащили его назад к спасательной шлюпке, прежде чем Модьун ясно понял их намерение.

— Смотрите, друзья, — предупредил он тогда, — я должен буду использовать против вас свой метод воздействия, если вы не остановитесь.

— Хорошо, — вызывающе сказал Дуулдн. — Если ты сможешь сделать это против нас, своих единственных друзей, тогда приступай.

— Но мое обещание, — неуверенно начал Модьун.

Дуулдн прервал его.

— Помнишь, ты когда-то спросил меня, что я делал до этой экспедиции? А я не хотел говорить.

Модьун помнил. Но это казалось не относящимся к делу.

— Ну? — спросил он.

— Хорошо, — сказал Дуулдн. — Я был охранником в госпитале для душевнобольных.

Больше он ничего не говорил.

Четверо людей-животных продолжали крепко держать Модьуна. Они вели его, подталкивали его сопротивляюще-

ется тело, не обращая внимания на его протесты, подзадоривая его, чтобы он подавил их своей системой воздействия — и это было единственное, что он не мог заставить себя сделать. Они подвели его прямо к стулу у пульта управления и посадили; и держали его там, пока он неохотно манипулировал приборами. И, наконец, они полетели назад к большому кораблю, который ждал их на орбите на высоте свыше 23 000 миль.

Когда Модьун сделал это, он почувствовал возбуждение в системе восприятия... Сверхбыстрая часть его мозга определила чувство возбуждения как сравнительно безобидное.

"У меня разыгрывается воображение... Они в отчаянии, потому что видят, как я улетаю. Может, мне включить другую систему, которая будет реагировать, если мне будут как-то угрожать? Но посмотрим, что будет дальше".

Да.

Сразу начались галлюцинации: он снова был в приемной здания Зувгайта. В его правой руке была ручка и он склонился над книгой для записи посетителей. Как-то он понял значение происходившего. Восприятие его мозга, которому мешали, было сигналом, что все идет правильно.

Хорошо.

В воображении он, действительно, поставил подпись и даже начал выпрямляться, когда...

* * *

Модьун проснулся в темноте, вспомнил, что сказал Дуулдн, и понял: "Черт возьми! Мои друзья-животные обращаются со мной, как с ненормальным".

Его волновало то, что он видел, и во сне все шло правильно.

"Я был запрограммирован. Я результат расового усовершенствования". И до недавнего времени он никогда не использовал свой интеллект, чтобы перейти эти границы. Если это не сумасшествие, то что же?

Модьун лежал в полной темноте; но теперь, когда его глаза привыкли, он увидел, что он в своей каюте на борту большого земного корабля. Смутно он мог разглядеть фигуры двух существ, которые сидели на стульях рядом с

кроватью. Через некоторое время он смог даже узнать, что эти двое были Руузб и Дуулдн. "Они охраняют меня". У него появилось теплое грустное чувство. Грустное потому, что он подозревал, что они чувствовали бы себя плохо, если бы последний мужчина и женщина сделали то, что должны были сделать: ушли из жизни.

Он подозревал, что эта мысль была внушена ему, когда Нунули много лет назад программировали человека. Но он понимал, что источник правдивой информации не имеет значения.

Внутри каждого мужчины есть тайная, ускользающая, упрямая бессмысленная умственно-эмоциональная жилка, которая делает его самым отвратительным созданием в галактике.

В давние времена, при малейшем удобном случае он полностью использовал преимущества любой случайности, чтобы подняться за счет других человеческих существ. Никакая политическая система не могла сдержать его. И не было предела его алчности.

Зувгайты правы. Человеческая раса должна исчезнуть.

С опозданием Модьуну пришло в голову, что инопланетяне, вероятно, внушили ему эту цель во время того головокружения, которое он испытал. Возникшее у него чувство, что все закончилось, было ошибочным. Внушенная иллюзия.

"Это была настоящая битва. Они победили, потом я победил. Теперь они нанесли сокрушительный удар, отомстив".

Обе расы никуда не годятся. Но, конечно, то, что делают с собой Зувгайты, его не касается. Поэтому он должен отменить то, что сделал с ними. Очевидно.

Из темноты раздался голос Руузба:

— Дуулдн, мне кажется, что наш друг проснулся.

— Уфф! — Человек-ягуар несколько минут выглядел смущенным. Потом он неуклюже поднялся на ноги.

Он собирается включить свет... Модьун непроизвольно напрягся. Когда зажегся свет, он моргнул и зажмурился.

— Да, правильно, он проснулся, — сказал Дуулдн. Оба человека-животных подошли к кровати и склонились над ним.

Руузб сказал мрачно:

— Мы воспринимали твои мысли. Судлил показала, как держать связь с твоим разумом, прежде чем уйти на танцы. Пропащая твоя душа!

— Почему пропащая? — Модьун говорил автоматически. — Какие танцы?

Человек-медведь не обратил внимания на его вопросы:

— Судлил сказала, что ты сам справишься с их гипнозом. Для нее сделать это означало бы посягнуть на твои тайны.

— Правильно, — согласился Модьун. Он думал. — А что вы скажете насчет того, что она соединила вас со мной, умники? Это тоже посягательство.

— Она считает, что это наше дело, — объяснил Дуулдн с удовлетворением. — И у нас нет угрызений совести. Согласен, Руузб?

— Согласен, — возбужденно ответил человек-медведь.

— Слушай, друг, — сказал Дуулдн, — ты должен принять решение. Либо убить нас — так установила Судлил, по нашей просьбе, — либо дать нам указание убрать последствия гипноза Зувгайта из твоей нервной системы. Готовься сражаться за свою жизнь.

Модьун сел на кровати и быстро оглядел полные решимости лица. Взволнованный тем, что он увидел, он сказал:

— Я должен буду активизировать свое восприятие, направив его против вас.

— Это убьет нас тем способом, который установила Судлил, — сказал Руузб.

Он немедленно ударил Модьуна большим кулаком в грудь. Удар оказался таким сильным, что у человека перехватило дыхание.

— Ради Бога, — с трудом произнес он. Он не мог закончить. В это мгновение Дуулдн нанес ему страшный удар в голову.

— Активизируй восприятие, чтобы избавиться от гипноза! — зарычал человек-ягуар.

— Послушайте, — пронзительно закричал Модьун, — это нечестно.

Кулак Руузба попал ему прямо в челюсть, и человек издал странный звук.

— Это несправедливо, — пробормотал Модьун.

— Их бессмертие, — Дуулдн остановился, чтобы нанести предательский удар в желудок. — Активизируй восприятие!

Модьун начал защищаться. Позже он был удивлен, обнаружив, что стоит на коленях у двери, а Руузб душит его и кричит:

— Активизируй восприятие, ублюдок!

Наконец, Модьун подумал несколько неопределенно, что внушение, действительно, может принимать разные формы. Такой метод очень убедительный.

Примерно через минуту после этого он лежал на полу, Дуулдн сидел верхом на его ногах, а Руузб коленями прижимал его бицепсы. Кулак человека-медведя был поднят и, казалось, что он намерен нанести сокрушительный удар в лицо Модьуна.

Это было слишком. Человек съежился.

— Не бейте меня! — сказал он. — Я сделаю все.

В уголке его мозга возникло удивление. Он думал о том, что Зувгайты, действительно, никогда не рассчитывали, что кого-то будет заботить, что случится с людьми.

Кулак, занесенный над ним, ослабел.

— Хорошо, активизируй восприятие.

Модьун сделал это, а потом вздохнул:

— Это все равно неправильно, но дело сделано.

Они подняли его на ноги. Обнимали его. Руузб чуть не плакал. Он обнял Модьуна.

— Парень, это самое трудное, что я когда-либо делал. Но теперь, — он остановился, — ты должен сделать еще одну вещь. Четыре миллиарда людей решили, что жизнь не стоит того, чтобы жить, так?

Модьун ждал. Он чувствовал, что ответ не нужен. И, действительно, человек-медведь продолжал:

— Поэтому ты, наверное, так думал, уходя в себя, и помогая гипнозу Зувгайта. Так?

Это была правда.

— Поэтому должны были действовать твои друзья, чтобы убедиться, что ничего не случится, — сказал человек-медведь. — Теперь, слушай. Ты хочешь, чтобы эта женщина забеременела в следующие несколько недель, а мы останемся здесь, чтобы видеть, что все сделано; или мы побьем тебя сильнее, чем в этот раз?

— Ннуу... — сказал Модьун с сомнением. — Я думаю, так будет правильно. Кроме того, она моя жена.

* * *

Модьун смеялся и плясал. Все люди-животные вокруг него весело плясали. Он был самый свободный из них. Всегда его двигательные центры имели сознательные ограничения, а теперь на некоторое время они исчезли. Ритмичная музыка звучала в его ушах и побуждала тело к движению. Результатом был быстрый, но удивительно изящный танец.

Он умело двигался в толпе пока, наконец, еще раз закружившись, он не оказался лицом к лицу с женщиной и схватил ее в тот самый момент, когда она, также засмеявшись, повернулась к нему.

Она была счастлива и смеялась, когда он обнял ее, и отдалась танцу.

И тут впервые за все время она посмотрела ему в лицо.

ГЛАВА XXXVII

Еще раз мысль — или, скорее, новый ее вариант промелькнул в мозгу Модьуна: "Все это очень убедительно".

Он заметил эту мысль, когда она промелькнула.

В это мгновение он с ужасом понял: все это недостаточно убедительно. На женском лице появилась нерешительность. Они продолжали танец. Иллюзия — как сейчас воспринимал это Модьун — удерживала его.

Хотя он больше не верил в нее. Он с любопытством ждал правильного восприятия. И он не был особенно удивлен, когда следующее проявление его "я" было не реальностью, а другой галлюцинацией: из всех людей Банлт, человек-крыса, и он вдруг оказались стоящими лицом к лицу. И Банлт заговорил с ним неуверенно:

— Моя ... философия? Какая философия?

Они стояли вдвоем, высокий могучий человек и высокий более худой человек-крыса... стояли там в сверкающем мраморном вестибюле здания суда на Земле, когда

Модьун объяснял, что философия — это причина действий. Поэтому...

— Какая была у вас причина украсть тот автомобиль?

— Я говорил вам, я представил, что получил столько же прав...

Банлт замолчал, беспомощно глядя, протянул руки и ждал.

— Тогда вы на самом деле говорите, что в этом мире, созданном людьми, люди-гиены могут взять на себя законное управление планетой, а остальные люди втягиваются в раздоры из-за незначительных нарушений равенства, которые они замечают рядом?

Человек-крыса моргал.

— Эй, — сказал он.— Разве я это сказал?

Он казался удивленным.

Когда Банлт закончил, его изображение и вестибюль суда побледнели, как сцена в фильме.

Но, хотя Модьун был во власти галлюцинации, его ноги твердо держали его тело. Он терпеливо переносил это состояние, убежденный, что его мозг все еще стремится окончательно проснуться, очевидно, преодолевая сопротивление. Короткий диалог между Банлтом и Модьуном, которого никогда не было в реальной жизни, был еще одной попыткой со стороны Зувгайтов ослабить человека. Они еще раз показали ему, что человек и его разумные животные — неисправимо испорченные и нелогичные существа.

"Действительно, — подумал Модьун, — положение человека было значительно хуже, чем продемонстрировал Банлт. За обычным сопротивлением по поводу чьих-либо льгот таится эгоцентричное безумие".

Импульс затаившейся перед прыжком пантеры. Если в этом запрограммированном сопротивлении промывке мозгов на мгновение выдавалась пауза, как это иногда случалось, если вдруг на мгновение ждущий безумец видел путь, он устремлялся по этому пути. Что бы ни вело его — желание царствовать, деньги, имущество, власть, какими бы путями — с помощью убийства, пыток или арестов всех противников без сострадания — он должен получить это.

А женщина желала быть именно здесь, рядом с божеством как бездумная принцесса, никогда не спрашиваю-

щая, как человек достиг такого положения, требующая только, чтобы он был на вершине... и делал все, что нужно, чтобы оставаться там.

Те мужчины и женщины, которые не сделали этого, ждали, расстроенные и нетерпеливые, своей возможности.

Зувгайты правы. Человеческая раса недостойна того, чтобы существовать...

Модьун не удивился, что это, казалось, не волновало его. Он начинал постепенно осознавать изменения в самом себе.

Вся эта борьба... Такая длительная. Враги были безжалостны и полны решимости; поэтому своим воздействием они навязали ему новую программу действий, начиная с автоматической активизации защиты его тела против тех первых людей-гиен... через грандиозную битву (которую он считал грандиозной) с черной дырой и теперь, наконец, путем беспощадного нападения на него, как на личность...

"Тупые идиоты, — думал Модьун, — они превратили меня в воина так, что я не заметил".

Когда он так подумал, его сознание ... прояснилось.

Он увидел, что стоит перед прозрачной дверью здания Зувга. Вокруг была тишина.

"Конечно, — подумал он, — что же еще?"

Он только что прибыл.

Зувгайты предприняли коллективную попытку контроля над его разумом в первые мгновения его прихода сюда. И все эти ужасные секунды его мозг и его способности, так прекрасно усовершенствованные Нунули, вели молчаливую битву за выживание на уровне подсознания, где, увы, действительно, действует человек.

Бесконечность сокрытых глубинных сил человеческого разума, которые привели людской род на край пропасти, с никогда ничего не спрашивающей и со всем соглашающейся глупостью мгновенных настроений, которые привели к точке, где один мужчина и одна женщина теперь стояли одни перед лицом вечности...

Еще раз Модьун оглядел горный пейзаж, а потом снова посмотрел на двери и заглянул внутрь себя. У него не было сомнений. Он чувствовал, что все это реально. "На этот раз я здесь".

Оставалось только его решение о его будущем.

Не спеша, Модьун открыл дверь и вошел в приемную. Хозяин Нунули, который ждал за конторкой в двадцати футах, протянул ручку и показал на книгу для записи гостей.

Модьун взял ручку и наклонился, и твердо, без колебаний расписался. Он написал:

"Модьун, человек с Земли, находится здесь, чтобы обсудить условия постоянного мира, которые победитель в битве диктует побежденному врагу..."

Только когда он написал эти слова, он заметил, что они, по существу, были полным отрицанием его жизненной философии. "Ну, — подумал он, — твои внутренние чувства изменились. Ты, на самом деле, стал другим".

То, что он чувствовал, свидетельствовало о том, что любая раса делает все, что нужно для того, чтобы выжить. В таких рамках несогласные личности могли ожидать, что рост и изменение, возможно, уничтожат неприятные черты, возникающие в результате эволюционного приспособления расы к окружающей среде. Но человеческий род никогда не согласится с таким качественным ограничением.

Раса принимала жизнь.

Да, это было другое чувство. Да, да, да, да.

После минутного размышления Модьун еще раз взял ручку и к тем словам, которые написал, добавил: "чтобы жить и, на самом деле, давать жить другим".

Он подчеркнул ключевую мысль: "на самом деле".

Потом Модьун выпрямился в полный рост, понимая при этом, что испытывает чувство, которого не знал никогда раньше, своеобразное ликование, потому что процесс письма не повлек за собой никаких последствий.

— Какая дверь? — спросил Модьун, и его голос громко прозвучал в тишине приемной.

Последовала длинная пауза. Странное, напряженное, испуганное выражение появилось на гладком сером лице Нунули. "Он получает инструкции", — подумал Модьун.

Медленно, с неохотой Нунули поднял руку и указал на дверь справа.

Ликуя, как победитель, Модьун вошел в комнату за дверью.

ОБИТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

The House that stood still

Galaxy Publishing Corporetion
New-York ✦ 1960

ПРОЛОГ

Первое, что он услышал, придя в себя, был тихий мужской голос, пришедший откуда-то из темноты:

— О ранах такого рода мне приходилось слышать, доктор, но вижу я такое впервые.

Тут он четко осознал, что пуля, которую в него выпустили со стороны аллеи, только ранила его, но не убила. Он жив!.. Ощущение счастья словно обволокло все его тело, и он снова погрузился в сон. Когда сознание вновь вернулось, до него донесся женский голос:

— Таннахил... Артур Таннахил из Альмиранта — города в Калифорнии.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я секретарь его дяди и хорошо знаю этого молодого человека.

Так он вспомнил свое имя и место жительства и почувствовал себя увереннее. Потом он услышал чей-то шепот:

— Выносите его через окно, только осторожно.

Он ощутил, что его тело раскачивается, медленно опускаясь куда-то. Затем последовали отрывистый мужской смех и слова, произнесенные женским голосом:

— Если корабль не придет вовремя, то я...

Следующее, что он почувствовал, было снова движение вниз, но на этот раз стремительное, кровь в его висках бешено застучала. Потом — снова мужской голос из темноты:

— Организация похорон займет немало времени. Очень важно, чтобы на церемонии он выглядел совсем как мертвый.

Его охватило возмущение при мысли, что он стал беспомощной игрушкой в чьих-то руках.

Затем — полный паралич и звуки похоронной музыки. Он услышал глухой звук удара над головой — это крышка деревянного ящика (гроба! — с ужасом понял он). Очевидно, на крышку упали комья земли. Мозг его снова погрузился во тьму, но что-то внутри него продолжало отчаянно сопротивляться. Кто и по какому праву распоряжается его жизнью?

Внезапно он почувствовал, как его лица коснулась прохладная струя свежего воздуха. В полной темноте Таннахил протянул руку, она наткнулась на преграду из мягкого атласа. Он оцепенел от ужаса, но через мгновение услышал какие-то знакомые звуки. Звуки ударов лопатой!

Его могилу вскрывали. Он успел еще воспринять слова, произнесенные мужским голосом:

— Отлично. Скорее поднимайте гроб. Корабль ждет.

Он попытался осмыслить их, но не смог. В следующий раз сознание вернулось к нему уже в больничной палате.

ГЛАВА I

До Рождества оставалось всего три дня, и Стивенс задерживался на службе допоздна, чтобы закончить все неотложные дела и получить в награду полноценный отдых во время праздников.

Позже он понял, что на этот раз его задержка была величайшим из совпадений, которые могут произойти в жизни человека. Стивенс уже складывал в ящик стола свои книги по юриспруденции, когда раздался телефонный звонок. Он снял трубку и, как обычно, назвал себя:

— Алисон Стивенс.

— Вестерн Юнион, — произнес женский голос. — Вам срочная телеграмма от Уолтера Пили из Лос-Анджелеса.

Уолтер Пили был главным поверенным в делах семьи Таннахилов. Это он в свое время назначил Стивенса местным управляющим их делами. "С чего бы это?" — подумал Стивенс и попросил прочесть телеграмму.

Девушка размеренно прочитала:

— Артур Таннахил прибывает сегодня в Альмирант. Будьте наготове, но не набрасывайтесь на него сразу с делами. Лучше будет, если вы представитесь ему после Рождества. Мистер Таннахил продолжительное время провел в больнице в результате несчастного случая. Теперь он очень замкнут. Планирует пока жить в Альмиранте. По его словам, хочет там кое-то выяснить. Помогайте ему всем, чем сможете. Что касается налаживания взаимоотношений с ним, полагайтесь на свой опыт общения с людь-

ми. Мистеру Таннахилу чуть больше тридцати, как и вам, что облегчит установление контакта. Помните, что в главной резиденции Таннахилов — Грэнд Хаузе, не утвердят вас окончательно в вашей должности без его особого распоряжения. Желаю успеха...

Девушка закончила.

— Это все. Прочитать еще раз?

— Нет, я все понял. Спасибо.

Он повесил трубку, запер ящик стола и, подойдя к огромному окну, залюбовался ночным небом. Переведя взгляд ниже, он увидел немногочисленные рассеянные огоньки, основная часть Альмиранта осталась слева, вне поля его зрения. Было тихо, и ничто не указывало на то, что всего в одной трети мили отсюда находится Тихий океан.

Стивенс размышлял. Информация его встревожила. Весь тон телеграммы говорил о том, что и сам Пили был неуверен и обеспокоен. Конечно, его совет был разумным. Если наследник Таннахилов ведет себя странно, то его адвокаты просто обязаны быть настороже. Обидно было бы потерять работу в конторе только из-за каприза молодого человека, которому придет в голову, что Стивенс ни на что не годен.

"Позвоню ему завтра, — решил он, — и предложу свои услуги. Если даже это его рассердит, то мне здесь все равно не служить".

Стивенс задержался у дверей своего кабинета, чтобы повернуть несколько раз ручку и удостовериться в том, что дверь заперта. Вдруг он ясно услышал женский крик, доносившийся явно изнутри здания.

Стивенс прислушался.

Тишина. Успокоившись, он уловил лишь неясный шум из разных отсеков здания, не переставшего еще реагировать на отсутствие дневных человеческих толп, понижение температуры и увеличение влажности воздуха. Слегка поскрипывали деревянные полы, шуршали шторы на открытых окнах, постукивали двери. Однако ничего, указывающего на человеческое присутствие.

"Как отвечающий здесь за законность, — подумал он, нахмурившись, — я должен провести расследование".

Контора состояла из разветвленной структуры офисов, часть которых располагалась ниже уровня земли. Длинный

коридор, где находился кабинет Стивенса, освещался двумя, правда, довольно тусклыми светильниками. В среднем коридоре горели три светильника, в дальнем — два. Никого и ничего необычного видно не было.

Стивенс стремительно вошел в лифт и нажал на кнопку с надписью "Вверх". Реакция машины была мгновенной: дверь лифта хлопнула, двигатель жалобно заскулил. Когда двери разъехались, открывшись, Стивенс увидел Дженкинса, дежурного вахтера, который приветливо произнес:

— Поздновато возвращаетесь домой, мистер Стивенс.

— Билл, кто еще остался наверху? — спросил Стивенс.

— Да только эти религиозные индейцы из триста двадцать второй комнаты. Они... А что случилось, сэр?

Стивенс нехотя объяснил. Его опасения были напрасными. Религиозные индейцы! Он смутно представил себе триста двадцать вторую комнату, но помнил, что она занята какой-то мексиканской фирмой.

— Они не совсем индейцы, — продолжил между тем словоохотливый Дженкинс. — Лица у них у всех белые, за исключением разве что двух. Мадж говорит, что здесь полно каменных индейских символов.

Стивенс рассеянно кивнул. Основу состояния Таннахилов частично составила богатейшая коллекция ранней мексиканской скульптуры, и, став здесь управляющим, Стивенс специально изучал ее. Нельзя сказать, чтобы это доставило ему удовольствие, тем более он не стремился к общению с индейцами. Бедные жалкие варвары — вот что он думал об этих людях. Раздавшийся в здании несколькими минутами раньше крик теперь вполне объясним. Очевидно, он сопровождал отправление одного из их многочисленных культов, сопровождаемого стонами, завываниями, криками и визгами, которые периодически раздаются в любом большом городе западного побережья.

— Думаю, — все же сказал Стивенс, — что нам лучше постучать и...

Второй крик, сдавленный, но продолжительный, ошеломляющий своей невыносимой мукой, заставил его умолкнуть на полуслове. Он бросил растерянный взгляд на Дженкинса, лицо которого стало серым.

— Схожу-ка я за полицией, — быстро произнес тот.

Дверь лифта захлопнулась, клеть со скрипом упала в пропасть, и Стивенс остался один. Надо было идти. Он пошел с неохотой, как человек, которому трудно заставить себя вмешиваться во что-либо, что может нарушить принятый распорядок его жизни.

Табличка на дверях гласила: "Мексиканская импортирующая компания". Через стеклянную панель в мутном свете просматривались довольно многочисленные плавно скользящие тени. Вид такого большого количества людей в этот поздний час насторожил Стивенса. Он слегка нажал на ручку. Дверь, конечно, была заперта. Послышался низкий сердитый мужской голос. Не все слова можно было разобрать, но смысл Стивенс уловил:

— Отдельной от нас деятельности быть не может. Вы или с нами, или против нас. Группа функционирует как в пределах обитания нашего народа, так и вне их...

Раздались одобрительные возгласы. Затем тот же голос продолжил:

— Решайтесь!

Теперь из-за двери донесся взволнованный женский голос:

— Мы должны остаться, даже если начнется атомная война, и вы должны будете убить меня, прежде чем...

Раздался щелчок, а за ним последовал крик боли. Мужчина грязно выругался, но Стивенс не понял, что его рассердило. Он забарабанил в дверь кулаком. Внутри все стихло. Одна тень отделилась от группы и направилась к двери. Щелкнул замок, дверь открылась. Маленький желтолицый человек с огромным носом вперился взглядом в Алисона Стивенса.

— Вы опоздали... — начал было он, но вдруг осекся, изумленно уставившись в лицо незнакомца.

Желтолицый пытался закрыть дверь, но Стивенс подставил ногу и всем своим весом навалился на дверь со своей стороны. Несмотря на отчаянное сопротивление изнутри, Стивенс все-таки открыл ее. Мгновением позже он ступил на порог и громко объявил:

— Я управляющий этой конторой. Что здесь происходит?

Вопрос прозвучал глупо. То, что там происходило, было вполне очевидным. Девять мужчин и четыре женщины

застыли, стоя или сидя в напряженных позах. Одна из женщин, удивительно красивая блондинка, была раздета до пояса, сидела, привязанная веревками к стулу. На ее загорелой спине проступили кровавые полосы, на полу рядом с ней лежал кнут. Краем глаза Стивенс уловил, что маленький человечек с большим носом вытягивает из кармана какой-то длинный и тонкий предмет. У Стивенса не было времени рассматривать его. Он бросился вперед и ребром лодони ударил человечка по запястью. Оружие, если это было оно, — сверкнуло в воздухе и ударилось об пол, издав какой-то необыкновенный мелодичный звук, и закатилось под стол, исчезнув из виду. Человечек выругался. В его руках мгновенно появился нож. Но прежде чем он успел им воспользоваться, другой, стоявший рядом с ним мужчина властно осадил его:

— Тезла, прекрати! — и громко добавил, обращаясь к остальным:

— Освободите ее! Пусть она оденется!

Стивенс, который отпрянул от ножа скорее изумленный, чем испуганный, возмущенно заявил:

— Оставайтесь на местах. Сейчас здесь будет полиция.

Мужчина, пытавшийся навести порядок, внимательно посмотрел на Стивенса и в задумчивости произнес:

— Так вы управляющий конторой... Алисон Стивенс... капитан военно-морских сил, получивший звание два года назад. Окончил юридический факультет университета. Что ж, все это прекрасно, но мне бы хотелось знать, что вы здесь делаете в это время.

Он резко отвернулся, не дожидаясь ответа. Ни он, ни другие больше не обращали на Стивенса внимания. Мужчина и две женщины развязали пленницу. Четверо мужчин, стоявшие в углу возле своих каменных идолов, тихо разговаривали. Тезла стоял на коленях и пытался достать из-под стола тонкий и длинный предмет, который несколькими минутами раньше был у него в руках. Прошло еще несколько секунд, потом кто-то сказал: "Пошли!" Все они начали выходить из комнаты, проходя мимо Стивенса, который, чувствуя превосходство противника в численности, не пытался никого остановить.

— Задняя лестница, — спокойно произнес мужской голос, когда все уже были в коридоре.

Через минуту Стивенс остался в обществе молодой белой женщины, которая продолжала судорожно застегивать пуговицы на блузке. Наконец она преуспела в этом и схватила меховое пальто, которое валялось на полу возле стола. Нагибаясь за ним, она слегка покачнулась.

— Осторожно, — сказал Стивенс.

Она быстро накинула пальто. Ее глаза сузились:

— Занимайтесь своим делом! — бросила она и направилась к двери.

В этот момент раздался звук остановившегося в коридоре лифта, и женщина замерла. Постояв мгновение, она угрюмо произнесла:

— Я должна поблагодарить вас.

Но в ее зеленых глазах не было ни тени дружелюбия. Стивенс, который уже начал успокаиваться — хотя и был удивлен ее поведением, — насмешливо парировал:

— Надеюсь, ваше решение поблагодарить меня не связано с появлением полиции.

Шаги быстро приближались. Наконец в дверях вырос патрульный полицейский, за ним маячила фигура Дженкинса, который участливо спросил:

— Все в порядке, мистер Стивенс?

— Что здесь происходило? — рявкнул полицейский.

Стивенс повернулся к девушке:

— Может быть, леди объяснит.

Она покачала головой.

— Не имею понятия, зачем вас вызвали, сэр. Очевидно, кто-то сделал это по ошибке.

Стивенс заморгал от изумления.

— По ошибке?! — воскликнул он.

Она пристально смотрела на него. Ее глаза казались зелеными озерами невинности:

— Не знаю, что вы подумали, но здесь просто проходила небольшая церемония исполнения ритуала, как вдруг... — она повернулась к полицейскому, — ...этот человек начал барабанить в дверь... — И она показала на Стивенса.

— Церемония?.. — переспросил патрульный, обводя глазами комнату и задержавшись взглядом на каменных фигурах.

Стивенс догадывался, что подумал о нем этот человек, но ему не в чем было упрекнуть полицейского. Удивлен-

ный тем, что девушка все отрицает, он почувствовал себя неловко, и ему захотелось побыстрее покончить со всем этим странным делом. Однако он все-таки объяснил, что слышал крики, доносившиеся из этой комнаты. Патрульный повернулся к девушке:

— Что вы скажете на это, мадам?

— Это недоразумение. Мы исполняли ритуал... — Она пожала плечами и неохотно продолжила: — Впрочем, я понимаю, что у мистера Стивенса имелись основания для беспокойства.

Стивенсу было ясно, что ситуация исчерпала себя. Полицейский осведомился у него, не хочет ли он выдвинуть какое-либо обвинение, но с его стороны это было простое соблюдение формальностей. Без свидетельских показаний жертвы никакому обвинению все равно не дали бы ходу. Девушка положила всему конец, осведомившись:

— Я могу идти, сэр?

Даже не дождавшись ответа, она тихонько проскользнула мимо полицейского в коридор. Постукивание ее каблучков вскоре замерло вдали.

Дженкинс уже пришел в себя и сказал:

— Я, пожалуй, вернусь на свой пост.

Полицейский тоже поспешил уйти. Оставшись один, Стивенс обвел глазами комнату и подумал: "Что же здесь произошло?" Каменные фигурки божков тупо глядели на него своими каменными глазами. Стало совсем тихо.

Стивенс уже выходил из комнаты и собирался щелкнуть выключателем, когда увидел на том месте, где лежало пальто девушки, дамскую сумочку. Он, не колеблясь, поднял ее и открыл. В ней лежало удостоверение личности на имя Мистры Ланет. Он еще раз обвел глазами кабинет "Мексиканской импортирующей компании", и в голову ему пришла мысль: какие политические соображения могли натолкнуть мексиканцев на то, чтобы стегать кнутом участниц своей религиозной группы в связи с "атомной войной"?

Задумавшись, Стивенс направился в свой кабинет, прихватив свою находку. Затем он спустился на лифте вниз, к посту Дженкинса.

— Едете в резиденцию Таннахилов? — поинтересовался вахтер.

Стивенс встрепенулся. Неужели Дженкинсу уже известно о возвращении молодого Таннахила домой? Он осторожно спросил:

— А зачем мне туда ехать?

— Вы разве не слышали?

— Не слышал что?

— Об убийстве.

— О Боже! — воскликнул он, вообразив, что убит молодой Таннахил. Но Дженкинс тут же продолжил:

— Полиция обнаружила в одном из старых заброшенных колодцев позади дома тело сторожа-негра, который присматривал за зданием.

— Ох, — с облегчением произнес Стивенс, но тут же нахмурился, вспомнив о телеграмме Пили.

Он посмотрел на часы. Половина первого. Едва ли это удобное время, чтобы представляться наследнику Таннахилов.

Он вышел на улицу и прошел до угла, откуда хорошо просматривался Грэнд Хауз. На фоне ночного неба вырисовывались смутные очертания дома, возвышавшегося над горой. Стивенс не заметил там ни единого пятна света. Решив, что резиденция пуста, он сел в свою машину и поехал домой.

Дома, отправляясь в свою спальню, Стивенс остановился, чтобы постучать в дверь экономки и попросить подать завтрак пораньше, но тут же вспомнил, что дал ей двухнедельный отпуск для посещения родных. Она уехала днем раньше.

Стивенс переоделся в пижаму и халат. Когда он чистил зубы в ванной комнате, у входной двери три раза подряд быстро позвонили. Стивенс уже был в холле, когда в замке повернулся ключ. Дверь распахнулась, и в нее стремительно проскользнула Мистра Ланет. Она тяжело дышала. Девушка быстро захлопнула дверь и закрыла ее на засов. Затем она виновато взглянула на Стивенса.

— Я не могла больше ждать, — выдохнула она. — Они гонятся за мной. Погасите, пожалуйста, свет, заприте заднюю дверь и выходы на балкон и срочно звоните в полицию.

Он растерянно топтался на кухне. До его ушей донесся звук открываемого дверного засова. Ее тревога передалась

Стивенсу. Он быстро запер двери, ведущие на балкон из спальни и прилегающего к ней кабинета. Мистра тем временем начала выключать везде свет. Менее чем через минуту они оказались в полной темноте. Но она все еще продолжала опережать его действия. Стивенс услышал, как она набирает номер, но, очевидно, безуспешно.

— Тишина, — прошептала она напряженным голосом. — 8 Линия, кажется, не работает. Они отрезали нас от...

Она помолчала, потом произнесла просительным тоном:

— Вы не могли бы поухаживать за мной? У меня в боку горит, как от укола иглой. Очень больно.

ГЛАВА II

Алисон Стивенс в темноте на ощупь пробрался к дивану в гостиной. "Укол иглой! — думал он. — Что все это значит?" А вслух спросил:

— Где вы?

— Я на полу, — ответила она тихо.

Стивенс встал возле нее на колени. Он очень волновался. Царившая вокруг кромешная мгла делала ситуацию еще более пугающей. Он представил себе людей, которые сейчас еще на улице, но в любой момент могут вломиться в дом, и внезапно почувствовал сильнейшую неприязнь к девушке: ему совсем не хотелось быть замешанным в неприятностях, которые его не касались.

Стивенс вспомнил о своем оружии. Вскочив на ноги, он бросился в спальню, где хранил отличный автоматический пистолет, схватил его, так же быстро вернулся в гостиную и снова встал на колени возле Мистры Ланет.

К нему вернулась уверенность в себе, и он твердо решил держаться до конца.

— Куда вас ранили?

— В бок, — прошептала девушка.

То, что она была в состоянии разговаривать, вселило в него надежду. Он вспомнил, как она металась по дому еще несколько минут назад. Правда, тогда, очевидно, страх придал ей силы.

— Может, я отнесу вас в комнату моей экономки? — предложил Стивенс. — Там окна выходят на овраг. Чтобы добраться туда, им понадобится лестница. Мы могли бы включить там свет.

Стивенс не стал ждать, когда она ответит. Он на ощупь нашел ее в темноте, замер на мгновение, случайно дотронувшись до обнаженного бедра девушки, — вероятно, платье у нее задралось, — потом быстро поднял ее.

— Держитесь, — ободряюще сказал он.

Она весила меньше, чем он предполагал. Стивенс положил ее на кровать, а сам пошел включить свет. Когда он повернулся к девушке, то увидел, что от двери к кровати тянется длинный кровавый след. Она была очень бледна, когда Стивенс начал расстегивать ей блузку, которая уже сильно промокла от крови. Пятна крови он заметил и на ее костюме, и даже на пальто.

Стивенс бросился в кухню, взял нож и, вернувшись, быстрым движением разрезал рубашку под блузой. Наконец он добрался до раны. Пуля прошла почти по поверхности. Но ему показалось странным, что и вход, и выход пули, находившиеся не более чем в четырех дюймах друг от друга, были как бы прижжены, и из них тонкой струйкой вытекала кровь. Осмотрев рану, Стивенс подумал, что девушка потеряла не так уж много крови.

Такое ранение не могло представлять серьезной опасности. Ему приходилось видеть людей, которые чуть ли не плавали в собственной крови и тем не менее не умирали. Девушка наклонила голову, чтобы рассмотреть рану. На лице у нее появилось раздражение.

— Будь я проклята, если они не промахнулись. А я уже до смерти испугалась.

— Я принесу бинт и сделаю перевязку, — сказал Стивенс.

Стивенс перевязывал ее быстро и аккуратно, не забывая о том, что нужно постоянно прислушиваться ко всем посторонним звукам. Когда Стивенс, наконец, закончил и отступил на шаг назад, чтобы рассмотреть результаты своей работы, в доме было по-прежнему тихо.

— Почему же они ничего не предпринимают? — спросил он.

Девушка откинулась на подушку. Она изучающе смотрела на него, потом слегка нахмурилась.

— Я у вас уже дважды в долгу, — произнесла она.

Стивенса мало интересовал ее долг.

— Как вы думаете, что они будут делать? — допытывался он.

На этот раз она отреагировала на его вопрос:

— Это зависит от того, кто там еще, кроме Кахуньи. Я знаю, что Кахунья там есть, потому что он единственный, кто может выстрелить. Но когда речь идет о его собственной шкуре, он предельно осторожен. Однако если с ними Тезлакодонал, они не остановятся. Они все боятся Тезлу. Он злейшая из гадюк, которые когда-либо жили на свете. — Она улыбнулась ему с легкой насмешкой. — Кажется, я так и не ответила на ваш вопрос.

Стивенс почти не слышал ее. Он думал об опасности, которая им грозит. Ему казалось, что если бы врагов было много, они бы давно предприняли попытку вломиться в дом. Он быстро пошел в холл.

— Я сейчас вернусь, — бросил он через плечо.

Стивенс направился к входной двери и, остановившись возле нее, начал пристально вглядываться в темноту за стеклом окна, находившегося рядом. Небо все еще было покрыто тучами. Ничего и никого не было видно. Он еще раз проверил, хорошо ли закрыты все окна и двери — все было в порядке. Немного успокоившись, он вернулся в комнату экономки.

Девушка открыла глаза и устало улыбнулась ему, но ничего не сказала.

— Моя комната находится в конце коридора, — сказал ей Стивенс. — Я оставлю дверь открытой и постараюсь не заснуть.

Она кивнула, но опять ничего не сказала. Он направился в свою спальню, выключил свет и лежал так некоторое время, держа под рукой пистолет. Ни единого звука: ни в доме, ни на улице. Стивенс задремал, проснулся, снова задремал, снова проснулся. Когда он заснул в третий раз, его разбудил голос Мистры:

— Мистер Стивенс!

— Да? — сонно спросил он, а потом сел на диване, стряхивая с себя остатки сна. — Что случилось?

Он видел смутные очертания ее фигуры, приближающейся к кровати.

— Я пришла заплатить свой долг тем способом, который более всего предпочитают мужчины, — заявила она, и в темноте раздался ее мелодичный смех.

Не успел он открыть рот, чтобы что-то ответить, как она скользнула к нему в постель. Стивенс протянул вперед руку и наткнулся на ее голое тело. Он поспешно отпрянул.

— Не бойтесь, — прошептала она. — Вы можете приласкать меня. Но только поаккуратней с моим боком... и спиной. Они здорово исполосовали ее.

— Это совсем необязательно, — растерянно ответил Стивенс. — Вы мне ничего не должны.

Мгновение она молчала. Потом — спросила:

— Вы отталкиваете меня? А я думала, что вы мужчина. Или я ошиблась?

Она задела его за живое. Дело в том, что Стивенс считал себя первоклассным любовником и во что бы то ни стало решил доказать ей, что он умеет удовлетворить женщину сексуально.

У нее было удивительно сильное тело. Она держала его в объятиях так же крепко, как и он ее. Когда все было кончено, Мистра несколько секунд молча лежала рядом, потом — потянулась и встала. Он увидел, как ее фигура тенью удаляется по направлению к двери. Вдруг девушка остановилась и сказала:

— Никак не могу понять, кто из нас получил больше удовольствия. Но, очевидно, никто же никому ничего не должен. — После небольшой паузы она добавила: — Да, кстати, если нам доведется встретиться когда-либо в будущем, не считайте, что сегодняшняя близость сделала нас друзьями.

— Спокойной ночи, — ответил Стивенс.

Теперь ему еще сильнее хотелось спать, но он чувствовал удовлетворение от того, что послала ему сегодня судьба. "Лучше мне все-таки пересилить себя и не спать", — подумал он. Поднявшись и прихватив пистолет, Стивенс прошел в гостиную. Там он и провел остаток ночи в полудреме, и только на рассвете сон окончательно сморил его.

Стивенс проснулся с мыслью о том, что солнце уже высоко. Он глянул на часы: было пять минут второго. Он вздохнул, а потом на цыпочках пошел по коридору в свою спальню. Проходя мимо комнаты экономки, Стивенс увидел, что дверь закрыта: а он оставил ее приоткрытой.

Стивенс застыл. Потом — постучал. Никакого ответа. Он снова постучал, а потом тронул ручку. Дверь оказалась незапертой, комната — пустой. Стивенс простоял там несколько минут, раздраженный тем, что чувствует себя, как будто его предали. У него было такое впечатление, что он пережил нечто очень приятное, но теперь будет тяжело вспоминать об этом, потому что это приятное больше никогда не повторится.

У него уже было такое однажды из-за женщины. В Сан-Франциско он встречался с девушкой — такой же красивой, как Мистра Ланет.

Это было давно... Но сейчас Стивенс искал в женщине нечто большее, чем просто эффектную внешность. И вряд ли он мог бы влюбиться в незнакомку.

Стивенс подумал, что все же пожалел Мистру. Девушка была так замучена. Как загнанное животное, она искала убежища у человека, который был ей совсем не знаком. Однако в ее мужестве Стивенс не сомневался. Даже когда ее били кнутом и у нее не было ни малейшей надежды, что кто-то придет на помощь, она возражала своим мучителям.

Продолжая размышлять о происшедшем, Стивенс открыл входную дверь и вышел на улицу. Ярко сияло солнце, издалека доносился плеск морских волн. Бунгало, где жил Стивенс, было собственностью Таннахилов. Оно располагалось довольно далеко от главного шоссе и от других резиденций отделялось цепочкой низких холмов. Здесь были бассейн с обогревом, гараж на три автомобиля и четыре спальни с прилегающими к ним ванными комнатами. Стивенс платил за свое жилище шестьдесят пять долларов в месяц. Он снял его по совету Пили.

Сначала ему было не по себе среди этой роскоши, но постепенно он привык к своей жизни в этом доме, и бунгало стало непременным условием его комфортного существования с тех пор, как он работал управляющим у Таннахилов.

Идя вдоль автодороги, Стивенс заметил следы от колес машины, которая, судя по всему, заезжала на тротуар, а потом разворачивалась. Он с удовлетворением отметил, что по следам колес может определить размеры автомоби-

ля и даже приблизительно его марку: это был "кадиллак" или "линкольн".

Вернувшись к дому, Стивенс начал осматривать телефонный провод и обнаружил, что его перерезали на уровне земли. Нужно сообщить об этом телефонной компании. Хорошо бы еще связаться с Таннахилом, но, очевидно, еще не время.

Стивенс снял халат и пижаму и нырнул в бассейн. Вода была прохладной, и он поторопился выйти из нее. Он поднимался по ступенькам из бассейна, когда его взгляд упал на лицо, таращившее на него глаза из воды. На мгновение он в ужасе застыл. Ему показалось, что это лицо трупа, но нырнув в воду, он обнаружил... маску.

Она была скользкой и казалось, что вот-вот расползется прямо у него в руках. Стивенс осторожно вытащил ее из воды и положил на бетон. Маска была сделана из поразительно тонкого материала, но не это удивило его. У нее были знакомые ему черты лица! По краям маска была немного повреждена, но Стивенс уже не сомневался, где видел эти черты. Это было лицо человека, который остановил Тезлу, когда тот вытащил нож.

Стивенс оставил маску на бетоне, оделся и отправился в свой офис. По дороге он вспомнил, что в его кабинете лежит сумочка Мистры. Накануне он плохо рассмотрел ее содержимое, не исключено, что в ней мог оказаться адрес девушки.

Ему хотелось узнать побольше об индейских идолопоклонниках, которые вели беседы об атомной войне, нещадно хлестали членов своей секты и, не задумываясь, пускали в ход оружие.

Но прежде всего надо выяснить, кто такая Мистра. Она, став загнанным животным, наверняка является ключом к разгадке.

Через четверть часа Стивенс уже сидел за своим столом, на котором было разложено содержимое сумки. Портсигар, кошелек, ключи, футляр для визитных карточек, дорогой носовой платок и маленькая матерчатая косметичка. Стивенс внимательно рассмотрел каждый предмет — и был очень разочарован. Ни на одной из вещей не оказалось даже инициалов. Стивенс открыл косметичку. Внутри не было ни помады, ни пудры, ни какой-либо другой кос-

метики. Единственный предмет, который она содержала — маска женского лица! Она выглядела удивительно естественно, но лицо было ему незнакомо. Маска испачкала его руки: с нее стекала краска. Он на мгновение растерялся, но затем успокоился и внимательно рассмотрел ее: она была тонкой и полупрозрачной.

Стивенс тяжело вздохнул. Он понятия не имел, что все это значит. Делать выводы слишком рано. Ему нужна была дополнительная информация, и притом срочно. События грозили выйти из-под контроля. Нельзя было забывать о том, что он стал свидетелем издевательства над Мистрой и чуть ли не попытки убийства ее.

Вдруг Стивенсу пришло в голову, что у него есть еще один источник информации. Ни минуты не колеблясь, он вышел из своего кабинета и вдоль по коридору направился в помещение "Мексиканской импортирующей компании".

Дверь была заперта. Он открыл ее своим универсальным ключом. Внутри все выглядело так же, как вчера. При более близком рассмотрении каменных фигурок божков Стивенс обнаружил, что они глиняные и, вероятнее всего, полые. Он поднял одну из них и взвесил на руке. Фигурка оказалась тяжелее, чем он мог предположить. Он уже собирался положить ее на место, когда обнаружил, что от ее основания отходит электрический шнур. Он вставил его в розетку.

Ничего не произошло. Стивенс отсоединил шнур и повернул фигурку боком. Провод исчез в крошечной щели. Стивенс не мог видеть, что находится внутри и что произошло в результате электрического соединения. Он поставил фигурку на место и начал рассматривать письменный стол. Все ящики были заперты, но один из них ему удалось открыть ключом, который нашелся в сумочке Мистры. Внутри оказались бланки счетов, учетные книги и стопка писем, которые начинались словами: "Дорогой сэр, мы посылаем Вам произведения искусства стоимостью..."; другая стопка писем на копировальной бумаге содержала набор подтверждений, квитанций о получении грузов; третья — накладные на транспортные перевозки, в которых имелись фамилии адресатов — тех, кому были проданы "произведения искусства", в основном это были мексиканские фамилии.

Стивенс насчитал двадцать семь раз название "Вальдфорд Армс" и вдруг вспомнил, что ему приходилось проезжать мимо здания с таким названием. Это был пятиэтажный дом в престижном районе, очень вычурной архитектуры и, насколько он помнил, с ограниченным доступом посетителей.

Ни на одном из бланков с этим названием не оказалось фамилий, но он все-таки выписал дюжину адресов людей, живших там.

Вернувшись в свой кабинет, Стивенс вспомнил о Таннахиле и позвонил в Грэнд Хауз. Трубку сняли немедленно, и недовольный голос резко произнес: "Кто говорит?" Стивенс назвал свое имя, изумленный грубостью тона. Неужели это наследник Таннахилов? Однако его собеседник быстро рассеял его сомнения:

— А, адвокат! Таннахила нет, мистер Стивенс. Я охранник из полиции, сержант Грэй, — я здесь один, за исключением электриков, которые только что пришли. Вы слышали об убийстве?

— Да.

— Так вот, мистер Таннахил ушел в суд поговорить по этому поводу с мистером Хаулэндом.

Стивенс сдержал готовое сорваться с губ восклицание. По его глубокому убеждению, молодой Таннахил не будет в особом восторге от того, чем ему приходится здесь заниматься вместо своих адвокатов.

Стивенс поспешил поблагодарить полицейского и положил трубку. Несколькими минутами позже он уже был на пути к офису окружного прокурора.

ГЛАВА III

Войдя в безлюдное фойе суда, Стивенс услышал веселые крики, раздававшиеся где-то внутри здания. Но только нажав кнопку вызова лифта, он вспомнил, что рождественский вечер в полном разгаре.

Стивенс поднялся вверх по лестнице и увидел, что дверь одного из кабинетов открыта. Там на краешках письменных столов сидели мужчины и женщины, все вок-

руг было заставлено бутылками и полными стаканами. Собравшиеся держались одной компанией, так что если Таннахил был здесь, то он, вероятно, праздновал Рождество вместе с ними.

Фрэнк Хаулэнд сидел на полу в дальнем углу комнаты. Стивенс налил себе и решил подождать, пока окружной прокурор со стаканом коричневой жидкости в руке наконец заметит его. Ждать пришлось несколько секунд. Увидев Стивенса, Хаулэнд издал пронзительный крик: "Привет, Стивенс!", с трудом встал на ноги и нетвердой походкой направился к нему. Хаулэнд был высокий человек, ростом под стать Стивенсу. Не успел адвокат перевести дух, как Хаулэнд снова обнял его и повернул лицом к собравшимся.

— Ребята! — начал он. — Хочу вам представить своего старого приятеля, Алисона Стивенса. Этот парень очень преуспел в делах — до сих пор не понимаю, как ему это удалось. Он здесь управляет делами семьи, которой принадлежит все в этой чертовой округе.

Хаулэнд взмахнул рукой, в которой держал стакан, и все его содержимое выплеснулось Стивенсу на брюки и рубашку. Прокурор даже не заметил этого, а Стивенс выругался про себя. Хаулэнд между тем продолжал низким баритоном:

— Я хочу, чтобы все вы усвоили, что Стивенс — мой друг, и я приглашаю его отпраздновать с нами Рождество. Отнеситесь к нему тоже как к другу. Ладно, Стивенс, позже у нас с тобой будет один разговорчик, а сейчас присоединяйся...

Улыбаясь, Хаулэнд потащил Стивенса к группе девушек.

— Ну, девчонки, не теряйтесь. Он еще холостой.

Девушки восприняли заявление прокурора с воодушевлением. Одна из них достала платок и начала вытирать пятна с рубашки Стивенса, бормоча себе под нос:

— Актеришка чертов. Он же раньше был актером — вы знаете?

Стивенс немного выпил и поболтал с женщинами. Наконец, ему удалось сбежать от них. Он нашел Хаулэнда на полу: тот обнимал высокую девицу, и Стивенс едва оторвал его руки от ее талии.

— Пошел вон, — пробормотала она. — Хочу спать.

И тотчас же уснула. Мгновение Хаулэнд не мог понять, что произошло, а потом заорал:

— Какого черта ты влез? Эта красотка так долго была холодна со мной, что я и думать о ней перестал. И теперь, когда она уже почти согласилась, ты... — Хаулэнд замолчал. Пьяно уставившись на Стивенса, он всхлипнул несколько раз, а потом, ухватив его за руку, тяжело поднялся. — Кстати, ты мне нужен. Покажу тебе кое-что. Хотел показать Таннахилу, но он так и не появился. Сегодня утром пришло со специальной почтой... Продувная бестия твой босс. Я бы доллара не пожалел, чтобы узнать, в какие игры он играет. Идем в мой кабинет.

Когда они вошли, Хаулэнд отпер ящик своего стола и достал оттуда сложенный вдвое листок бумаги. Стивенс развернул и стал читать, все больше и больше хмурясь. Письмо было напечатано на машинке, подпись отсутствовала.

"Уважаемый мистер Хаулэнд!

Если вы найдете нужным вскрыть могилу Ньютона Таннахила, то обнаружите, что гроб пуст. Сходство между дядей и племянником потрясающее, не так ли? А теперь делайте свои выводы по поводу убийства сторожа-негра, труп которого был обнаружен сегодня утром".

Сжав губы, Стивенс перечитал письмо, пытаясь понять, какое отношение оно имеет к недавно произошедшим событиям. Правда в нем была или нет, неизвестно, но несомненно одно: кто-то пытался извлечь выгоду из загадочных событий. В кабинет доносился пьяный смех дюжины глоток. Кто-то безудержно кричал. Раздавался звон стаканов.

Стивенс облизал пересохшие губы и посмотрел на Хаулэнда. Подбородок прокурора уткнулся в грудь: казалось, он спал. Внезапно он дернулся и пробормотал:

— Непонятно. К чему имитировать свои собственные похороны, если деньги и так принадлежат тебе? Неясно. И как ему удалось так резко помолодеть?

Тут он снова сник и засопел. Стивенс покачал головой и сунул письмо в тот ящик, где оно лежало. Затем он запер ящик, а ключ положил в карман пиджака прокурора. Хаулэнд не шевельнулся.

Пьяные крики сопровождали Стивенса до самого выхода из здания, пока Стивенс не закрыл плотно дверь и не вышел на улицу. Он сел в машину и стал раздумывать над тем, что делать дальше. "Нужно все-таки увидеться с Таннахилом", — решил он.

Включив зажигание, он подъехал к газетному киоску. В газете, которую он купил, сообщение об убийстве уместилось в одну короткую колонку, где было сказано о том, что тело сторожа-негра Джона Форда нашел в одном из колодцев позади своего дома приехавший Артур Таннахил. Вся остальная информация посвящалась его приезду в Альмирант. Там же была напечатана фотография наследника, с которой на Стивенса смотрело красивое, утонченное, но уставшее лицо. В газете объяснялось, почему Таннахил выглядит таким изнуренным: почти два года он провел в клинике, где его лечили после серьезной травмы головы, которую он получил в результате несчастного случая. Наследник поправлялся очень медленно.

Рассказ о семье Таннахилов продолжался на следующей странице. Стивенс, который уже познакомился с подобной, но только более подробной информацией в Альмирантской публичной библиотеке, свернул газету и задал себе вопрос: что же дальше?

Он решил снова позвонить в Грэнд Хауз. Ответил сержант Грэй:

— Нет, еще не вернулся.

Стивенс пошел обедать в ресторан. Он ощущал чувство досады, оттого что не справлялся с задачей. И при этом Таннахил, возможно, ничего не знает о грозящей ему опасности. А главное то, что сам Стивенс не знает, что это за опасность.

Он закончил обед, выпил дополнительную чашку кофе и снова погрузился в чтение все той же статьи о Таннахиле. Одно место привлекло его внимание: "...Молодой мистер Таннахил не знаком своим согражданам, потому что посещал Альмирант всего два раза, когда был еще ребенком. Затем он учился в Нью-Йорке и в Европе.

Травма его была такой тяжелой, что он находился без сознания год и семнадцать дней, за исключением промежутка времени с 24 апреля по 5 мая этого года, когда, очевидно, в шоковом состоянии он ушел из больницы. Выздо-

ровление молодого мистера Таннахила проходит очень медленно, и, к сожаления, он до сих пор не может вспомнить некоторые события своей жизни".

Даты, в промежутке между которыми Таннахил отсутствовал в больнице, поразили Стивенса. "Теперь я могу кое-что проверить," — подумал он и, взволнованный, устремился к выходу.

Было уже темно. Стивенсу не очень-то хотелось ехать на кладбище, но необходимо было проверить, насколько его подозрения соответствуют истине. Будучи адвокатом Таннахилов, Стивенс просто обязан был узнать все, что было в его силах. Он поехал в северо-западную часть города, где находилось кладбище. Минут через пять Стивенс уже прибыл на место и рассматривал карту кладбища, которая была изображена на стене сторожки смотрителя. Подъехав к участку, где были захоронены Таннахилы, он припарковал машину и направился вдоль темной аллеи к северному заграждению. Дойдя до него, Стивенс повернул на восток и вскоре нашел место, которое искал. Он прошел вдоль металлической ограды и открыл зарешеченную сверху калитку. Осветив фонариком решетку, он увидел металлические буквы, составляющие фамилию Таннахилов. Внутри оказалось около дюжины надгробий. Он склонился над ближайшим из них. На испанском языке было написано:

"Франциско де Таннехила и Мерида 4 февраля 1709 г — 3 июля 1770 г"

Следующее имя тоже было написано по-испански, даты жизни обозначались как 1740 — 1803. На третьем надгробии впервые появился английский вариант написания имени: "Таннехил", с "е" вместо "а". Этот предок семьи умер в 1852 году — свидетель начала золотой лихорадки.

Стивенс теперь двигался медленнее: он отказался от своего первоначального намерения быстро рассмотреть все и исчезнуть. Возраст могил произвел на него впечатление, он почувствовал нечто вроде гордости, оттого что связан с семьей с такой древней историей. Он попытался представить себе Франциско де Таннехила, родившегося в незапамятные времена и похороненного здесь солнечным днем 1770 года. "Еще до революции, — подумал Стивенс. — Корни Таннахилов уходят в глубокое прошлое".

Он вдруг почувствовал, что стало прохладно. С моря дул ветер, шуршали листья деревьев, нашептывая свою песнь, которую пели с тех пор, как были вырыты эти могилы. Стивенс наклонился пониже и осветил фонариком еще одно надгробие, на котором было выгравировано:

"Ньютон Таннахил".

Он перечитал даты жизни и смерти и почувствовал себя человеком, который нашел наконец то, что долго и мучительно искал. Ньютон Таннахил, дядя, был похоронен третьего мая. С двадцать четвертого апреля по пятое мая Артур Таннахил отсутствовал в больнице. Стивенс уже поворачивался в сторону выхода, когда за спиной услышал слабый звук. Что-то твердое и тугое уперлось ему в спину, мужской голос тихо сказал: "Осторожно, не шевелись!" Мгновение Стивенс колебался, но, поняв, что у него нет иного выхода, подчинился.

ГЛАВА IV

Ветер затих. На кладбище стало очень тихо. Стивенс думал о том, есть ли у него хоть какой-нибудь шанс изменить ситуацию в свою пользу. Во всяком случае, если его начнут связывать, он будет защищаться, решил он. Тихий голос за его спиной произнес:

— Садись на землю и подожми под себя ноги. Если будешь делать то, что я говорю, с тобой ничего не случится.

Стивенс несколько успокоился. Он боялся, что их несколько. Но слово "я" имело подтекст, не оставляющий никакого сомнения: человек был один. И Стивенсу не захотелось слепо подчиняться ему:

— Что вам нужно?

— Поговорить с тобой.

— А почему не поговорить без усаживания на землю?

Раздался смешок:

— А потому что тогда у тебя не будет возможности напасть на меня. Быстро садись!

— О чем вы хотите говорить?

— На землю!

Тон голоса человека был настолько устрашающим, а тупой предмет так врезался в спину, что Стивенс, проклиная все на свете, решил повиноваться. Он присел, думая, что теперь напавший на него бандит успокоится.

— Какого черта вам надо? — раздраженно спросил он.

— Как тебя зовут? — голос снова стал тихим.

Когда Стивенс назвал свое имя, — его собеседник несколько секунд помолчал.

— Кажется, я где-то слышал это имя. Чем ты занимаешься?

Стивенс ответил.

— Адвокат? Ну теперь я, кажется, вспомнил. Пили говорил мне о вас. А я не обратил на это особого внимания.

— Пили? — переспросил Стивенс, и тут же догадался: — Боже, вы Таннахил!

— Да.

У Стивенса гора с плеч свалилась. Он поднялся на ноги и быстро произнес:

— Мистер Таннахил, я везде ищу вас.

— Не поворачивайтесь!

Стивенс замер, каблуки его туфель глубоко вдавились в грязь. Он был поражен враждебностью тона своего босса. После небольшой паузы Таннахил пояснил:

— Мистер Стивенс, я никому не доверяю только по внешнему виду, так что оставайтесь в той же позе, пока мы кое-что не выясним.

— Мне, без сомнения, удастся убедить вас, что я являюсь вашим поверенным в делах в этом округе и действую в ваших интересах, — отозвался Стивенс.

Он начинал понимать, что подразумевал Пили, когда советовал ему быть поосторожнее с наследником.

— Посмотрим, — последовал уклончивый ответ. — Вы говорите, что ищете меня.

— Да.

— И поэтому вы пришли сюда?

Стивенс понял, к чему клонит Таннахил. Он живо представил себя с фонариком в руке разглядывающим семейные надгробия. Что мог подумать о нем Таннахил, явившийся свидетелем этого? Стивенс понял также, что прежде чем он начнет задавать боссу какие-то вопросы, он

должен будет сам дать объяснения по поводу своего вмешательства в дела его семьи.

Стивенс коротко рассказал о том, что произошло с ним с того момента, когда сегодня днем он уехал из дому. Дойдя до письма, которое показал ему Хаулэнд, он заметил:

— У меня возникла одна мысль. Она привела меня сюда. Я решил проверить кое-какие даты.

Таннахил слушал молча, не подавая никаких реплик. Стивенс закончил, он еще в задумчивости молчал целую минуту. Потом — сказал:

— Давайте присядем вон под теми деревьями, и теперь я вам кое-что расскажу.

Стивенс заметил, что Таннахил сильно хромает. Но ему показалось, что боли при этом он не испытывает: во всяком случае присесть ему удалось без видимого труда. Когда Стивенс пристроился рядом, молодой человек заговорил снова:

— Вы думаете, они вскроют могилу?

Стивенс был поражен. Он не думал, что все рассказанное им произведет на Таннахила такое впечатление. Неужели могила действительно пуста?.. Ему пришло в голову, что окружной прокурор Фрэнк Хаулэнд, смещенный в свое время с должности управляющего делами Таннахилов в этом округе, вполне может навредить своему бывшему боссу. Он медленно произнес:

— Боюсь, сэр, что я не смогу ответить на этот вопрос. Я звонил Пили и пригласил его сюда. Как только он прибудет, мы сможем встретиться с Хаулэндом и поинтересоваться, не удалось ли ему найти автора письма. Кстати, вы никого не подозреваете?

— Вопросы буду задавать я, — отрывисто ответил Таннахил.

Стивенс прикусил губу. Помолчав, он продолжил:

— Я был бы рад ответить на все ваши вопросы, мистер Таннахил. Я хорошо знаю здешние порядки и надеюсь скоро докопаться до истины.

— Стивенс, моя роль во всем этом очень мала. Я долгое время находился в клинике с полностью парализованной левой стороной. После несчастного случая я более года был без сознания. В конце апреля я исчез из больницы и пятого мая меня нашли на ее ступеньках без сознания. Я

пришел в себя лишь неделю спустя. Через три недели я получил письмо от женщины, подписавшейся именем Мистры Ланет... В чем дело?

Стивенс, который не смог сдержать восклицания, произнес только одно:

— Продолжайте, сэр.

Таннахил заколебался, но потом продолжил:

— Мисс Ланет назвалась секретарем Ньютона Таннахила, который, очевидно, умер и, благодаря странному совпадению, был похоронен в то время, когда я отсутствовал в клинике. Она писала, что вскоре меня поставят в известность о том, что я являюсь единственным наследником семьи. Действительно, через несколько дней я был уведомлен, что наследую одно из крупнейших состояний в Калифорнии. Я должен был переезжать сюда и мог нанять целый штат медицинского персонала, который присматривал бы за мной здесь. Но я никуда не поехал сразу по двум причинам. Первая — это моя большая вера во врача, который лечил меня в клинике. Благодаря ему я могу передвигаться. Медленно, но передвигаться. Однако он ни за какие деньги не согласился переехать сюда. Вторая причина связана с теми смутными воспоминаниями, которые остались у меня о том времени, которое я провел вне клиники, впрочем, я ничего не могу сказать вам об этом. Важно только одно: я понял, что, когда приеду сюда, со мной не будут обращаться как с больным. — Он сделал глубокий вдох. — События, похоже, подтверждают этот мой вывод. — Некоторое время он молчал, а потом заговорил, как Стивенсу показалось, более сердито:

— На следующее утро после того, как я приехал сюда, — я еще жил в гостинице, ко мне пришли три человека, судя по всему, мексиканцы. Они делали вид, что являются моими старыми друзьями. Один из них, индеец небольшого роста с огромным носом назвал себя Тезлакодоналом, второй — похоже, полукровка, — Кахуньей, а имени третьего я не запомнил, хотя он тоже представился. Они настойчиво обращались ко мне как к Ньютону Таннахилу. Вы знаете, что так звали моего дядю. Я не боялся их, но, чтобы выиграть время и провести свое расследование, я подписал письмо, которое они принесли мне.

— Письмо? — переспросил Стивенс.

— Оно было адресовано Пили. В нем я обязывал его продолжать платежи Клубу пан-американ. Я пообещал им также, что буду подтверждать необходимость дальнейших платежей каждые полгода. Понятия не имею, о чем шла речь, но думаю, что еще легко отделался.

— Вы чувствовали, что вашей жизни что-то угрожает?

— Н-нет. Просто было странно, что они ко мне обращались так, как будто я — мой дядя, Ньютон Таннахил.

Стивенс еще раз прокрутил в голове все то, что Таннахил рассказал о письме.

— Фраза "продолжать ранее осуществлявшиеся платежи" действитеьно именно так и звучала?

— Да.

— Ну, это указывает на то, что какое-то сотрудничество осуществлялось и раньше. Можно спросить об этом мистера Пили... Но почему они называли вас именем вашего дяди? Он ведь по крайней мере на двадцать лет старше вас...

Таннахил ответил не сразу. Когда он заговорил снова, его голос звучал как-то отрешенно, и в нем уже не было сердитых ноток.

— Стивенс, мне снятся кошмары. В больнице у меня были странные сны, в которых действовали фантастические действующие лица. Однажды мне приснилось, что я в гробу. В другой раз я увидел себя в Альмиранте на берегу моря. Я смутно помню дом: он виделся мне как сквозь дымку. Правда, перед этим Пили присылал мне несколько книг об Альмиранте, возможно, сны были навеяны их чтением. Из этих книг я узнал, что Альмирант возник еще до прихода белых. Архитектура здешних строений порой напоминает древние постройки. Глядя на длинные ступени фасадов, невольно думаешь, что это скорее храм, чем дом, хотя внутри он очень хорошо приспособлен для нужд современного человека. Когда я был в гробу...

Он замолчал. На кладбище было очень темно и стояла абсолютная тишина.

— Ну, если вы читали газеты, то знаете остальное, — закончил он.

— Вы упомянули Мистру Ланет. Она действительно была секретарем вашего дяди?

— Да.

Стивенс был потрясен. Ему никогда бы не пришло в голову связать "Мексиканскую импортирующую компанию" с Таннахилом. Об этом стоило подумать. Но сейчас, когда наследник еще не верит ему безоговорочно, не стоило рассказывать ему об индейцах-идолопоклонниках.Стивенс решил, что ничего подобного не нужно рассказывать и в суде, если он состоится.

— Мистер Таннахил, — сказал Стивенс серьезно, — нам нужно докопаться до истины. У меня есть подозрение, что кто-то хочет навесить на вас убийство негра-сторожа. Не знаю, прав я или нет, но мы должны быть готовы ко всему. Уже несколько раз вы упомянули, что помните, как были погребены живым. Что вы имели в виду?

Ответом было молчание.

— Мистер Таннахил, я считаю, что вам не стоит что-либо утаивать от меня.

И снова он не дождался ответа.

Стивенс сдался:

— Ну, может, вы хотите подождать, пока приедет мистер Пили, и мы сможем побеседовать втроем.

На этот раз Таннахил заговорил. Его голос звучал, как будто издалека, и казалось, что мысли его точно так же далеки отсюда:

— Это был сон. Мне снилось, что меня похоронили живым. Я же говорил вам, что мучаюсь кошмарами... А теперь, Стивенс, пора нам закончить. У меня есть кое-какие соображения, и я поделюсь ими с вами завтра, если вы приедете в Грэнд Хауз. Может, к этому времени вам уже удастся увидеться с Пили. Попросите его как можно скорее связаться со мной.

Он медленно встал и оперся на свою трость.

— Думаю, мистер Стивенс, — сказал он, — что нам лучше уйти порознь. Не нужно давать Хаулэнду шанс обнаружить... — он помедлил, а затем спокойно прибавил, — что наследник Таннахилов и его адвокат вместе приходили на кладбище сопоставить кое-какие даты.

— Сэр, мне бы хотелось предупредить вас еще об одном. Надеюсь, у вас есть разрешение на ношение оружия, иначе у вас могут быть...

— Я не ношу оружия.

— Но...

В темноте раздался приглушенный смех, и в грудь Стивенсу уперся твердый набалдашник трости.

— Ну как? — спросил Таннахил.

— Ого!

— Позвоните мне завтра утром, думаю, что еще до конца рождественских праздников мы договоримся о встрече. Вы хотите спросить о чем-нибудь еще?

— Да. — Стивенс заколебался. У него был еще один вопрос, ответ на который мог бы стать ключом к разгадке. Все равно рано или поздно Таннахилу придется на него ответить. Он медленно проговорил: — В газетах написано, что травма серьезно повлияла на вашу память. Что вы сами думаете по этому поводу?

Воцарилось молчание. Наконец Таннахил все же заговорил:

— Я ничего не помню из того, что было со мной до прихода в сознание в больнице. Я в состоянии говорить, думать, рассуждать, но ничего не помню. Я даже не знал, как меня зовут, пока мне этого не сказали. — Он напряженно засмеялся. — Конечно, все это усложняет ситуацию. А теперь, мистер Стивенс... — он помолчал, потом очень серьезно продолжил: — Надеюсь, что вы понимаете, какую важную информацию я вам сообщил. Об этом не знает ни одна живая душа. Я сделал это, потому что вы мне кажетесь честным человеком, а мне нужны честные помощники.

— Вы всегда можете рассчитывать на меня, — произнес Стивенс.

— Вы никому не дадите этих сведений без моего согласия?

— Никому.

Стивенс вернулся в машину и несколько минут сидел в ней, размышляя о том, что предпринять дальше. Он чувствовал себя утомленным, но — одновременно — полным желания продолжать начатое. Слишком много вопросов еще оставалось без ответа. Почему кто-то пытается утверждать, что дядя и племянник — одно и то же лицо? И почему все — даже он — считали это возможным, вместо того, чтобы со смехом отмести эту нелепую мысль? Только потому, что дядя ушел из жизни в те дни, когда племянник исчез из больницы? Какое отношение ко всему этому

имели маски, которые (он мог поклясться) можно было носить без страха быть узнанными? На мгновение Стивенсу показалось, что он грезит наяву.

Но один ключ у него уже был, это упоминание Таннахила о Мистре Ланет.

Стивенс завел машину и поехал в сторону Вальдорф Армс. У него не было никакого конкретного плана, но была непоколебимая убежденность в том, что этот дом может быть центром, из которого осуществлялось руководство: иначе он не упоминался бы так часто в документах "Мексиканской импортирующей компании".

Он припарковал машину возле Вальдорф Армс, но вышел не сразу. В темноте перед ним смутно вырисовывались очертания необычной куполообразной постройки. Со стороны фасада, однако, это было вполне обыкновенное здание, немного старомодное, построенное из кирпича. Стивенс уже собирался выйти из машины, когда увидел, что к дому быстро направляется маленький человек. Он сразу же узнал коротышку с огромным носом, который вчера набросился на него с ножом. Когда Стивенс выбрался на тротуар, нервы его были натянуты до предела: он уже знал, что ступил на опасную стезю.

ГЛАВА V

Стивенс наблюдал, как коротышка быстро достиг входа и вошел внутрь. Стремительно двинувшись за ним, адвокат бесшумно остановился у двери и через стекло начал рассматривать холл. Индеец стоял у стойки с периодикой и читал газету, название которой с небольшого расстояния можно было рассмотреть: "Альмирант геральд". Стивенсу удалось понять, что коротышку заинтересовала статья о Таннахиле. Дочитав, Тезлакодонал сунул газету под мышку и двинулся в сторону лифта. Он кивнул лифтеру, но прошел мимо него и направился дальше в глубь холла. Там индеец остановился у одной из дверей, достал ключ, повозился мгновение с замком и исчез. Больше он не появлялся.

Стивенс перелез через заграждение и медленно пошел вдоль здания. Он остановился у окна, через закрытые жа-

люзи которого пробивался тусклый свет. Окно было открыто, и жалюзи трепетали от ветра. Это было единственное движение внутри помещения: ничто не указывало на то, что там кто-то есть.

Прождав полчаса, Стивенс начал сомневаться в том, что он правильно оценил расстояние, которое должен был преодолеть коротышка внутри здания. Стивенс двинулся назад, останавливаясь возле каждого окна. Шторы всюду были полуоткрыты, и адвокат получил возможность убедиться в том, что все эти комнаты составляют одну квартиру.

Стивенс спрятался в тень кустарника и снова приготовился ждать. Время тянулось медленно. Становилось все холоднее. Над деревьями взошла луна: тонкий кусочек лимона, забравшийся высоко в небо. Стивенса стали одолевать невеселые мысли. Он подумал о том, как нелегко адвокатам зарабатывать себе на жизнь.

Свет за жалюзи продолжал тускло гореть. Стивенс отчаянно проклинал и Тезлакодонала за то, что тот не ложится спать, и себя за то, что продолжает здесь ждать, хотя не уверен в том, что у коротышки нет привычки спать с зажженным светом.

Наконец Стивенс решился приблизиться к открытому окну и, отодвинув жалюзи, заглянуть внутрь. Он увидел диван, красный ковер, стул и открытую дверь, через которую и пробивался свет. Он шел от лампы, стоявшей на письменном столе. Над столом были подвешены книжные полки, на одной из них стояли глиняные фигурки идолов.

Стивенс подошел к противоположному краю и осторожно отодвинул там жалюзи. Он увидел стулья; двери, из которой шел свет, видно не было. И снова — ни единого звука, ни малейшего признака присутствия человека.

Стивенс оставил свои сомнения. Он бесшумно взобрался на подоконник и, подняв жалюзи, скользнул на находившийся прямо под ним диван, а затем — на красный ковер. Всего пять шагов — и он уже стоял у таинственной двери.

Эта комната тоже оказалась пустой, но вторая дверь, которая вела в соседнюю комнату, была приоткрыта. Подкравшись к ней, он прислушался и уловил звук равномерного дыхания спящего человека. Стивенс замер.

Что, собственно, он надеялся здесь найти? Какого рода информацию он ожидал получить? Стивенс решительно обвел глазами комнату. Очевидно, она служила кабинетом. Полки над столом оказались книжным шкафом. Стивенс скользнул взглядом по корешкам книг. Название одной из них привлекло его внимание: "Танекила Отважный". Это была тонкая книжица, и адвокату ничего не стоило сунуть ее в карман. Теперь он начал внимательнее рассматривать названия книг. Почти все они были на испанском языке, познания в котором у Стивенса оставляли желать лучшего. Но он обнаружил и три книги на английском языке. Осторожно достав их, он вернулся в гостиную и, не мешкая, выбрался наружу.

Придя домой, адвокат обнаружил, что телефон у него работает, и сразу же набрал номер телефонной компании. С Пили его пообещали вскоре соединить. Приготовившись ждать, он надел пижаму и халат и, удобно расположившись в кресле своей гостиной, начал рассматривать книги. Все они повествовали о Грэнд Хаузе и семье, которая в нем проживала. Стивенс не мог вспомнить, что видел хоть одну из них в Альмирантской публичной библиотеке.

Первая книга называлась "История Грэнд Хауза". На форзаце Стивенс прочел пометку:

"Первое издание, ограниченное,
отпечатано пятьдесят три экземпляра,
распространено в узком кругу,
январь тысяча восемьсот семидесятого года".

Перевернув страницу, он прочитал начальный абзац первой главы:

"Более тысячи лет стоит на высоком склоне горы замечательный дом, выходящий окнами на море. Точных сведений о том, кто его построил, — нет".

Стивенс скользнул взглядом по следующей странице, потом — дальше, пытаясь вникнуть в суть написанного. Манера изложения напоминала исторические романы. Воображение автора рисовало подробности периода, который, несомненно, являлся наименее известным в истории человечества: Мексика и Южная Калифорния с десятого столетия до прихода испанцев.

Чрезмерная занимательность событий навела Стивенса на мысль о некоторой надуманности повествования. Он

был неплохо знаком с историей майя и ацтеков и, кроме того, хорошо понимал, что настоящий научный труд должен основываться лишь на кропотливом изучении достоверных фактов. Книга же изобиловала именами каких-то жрецов, наемных солдат. Одна из историй рассказывала о человеке по имени Уксулакс, пронзенном стрелами за преступление, которого он не совершал. Около тысячи лет назад этот несчастный, по свидетельству автора, был казнен и похоронен на *"восточной стороне склона в сосновой роще, которую потом вырубили ацтеки"* — вот так в двух предложениях и без всякой мотивировки поступков и ссылок на документы.

Однако Стивенс продолжал чтение:

"Когда изнуренные тяжелым переходом и жарой ранней осени сюда пришли ацтеки, они хотели сначала разрушить Грэнд Хауз. Но, как и у других завоевателей, дошедших ценой больших потерь до этой отдаленной границы, у них не оказалось орудий, с помощью которых можно было бы демонтировать мраморную постройку.

Обследовав здания, ацтеки сделали неожиданное открытие: им никогда не приходилось пользоваться такими бытовыми удобствами, которые были присущи этому дому, брошенному при попытке спастись бегством их предыдущими владельцами, укрывшимися далеко на севере в деревеньке Пуэбло. Жрецы воздвигли на искусственной насыпи деревянный храм (так, что он возвышался над домом) и поселились в доме со своими женами. Фавориткой верховных жрецов была..."

Имя женщины было залито черными чернилами. Стивенс в недоумении обследовал кляксу; чернила были настолько темными, что сквозь них не проступала ни одна буква. Он пожал плечами и продолжил чтение, которое все больше и больше захватывало его. Изобилие подробностей создавало неповторимую картину исторического прошлого, быта и настроений людей, живших тогда.

"Проходил год за годом, а подкрепления тем силам ацтеков, которые пришли первыми, все не поступало. Так начался кризис власти: верховный жрец, просидевший в резиденции десять лет, был тупым эгоистом и... (снова вымарка) *решил, что правителя нужно лишить жизни, дабы он не открыл в конце концов секрета Грэнд Хауза".*

Стивенс глянул на первые строки следующей страницы и остановился. Ему показалось, что дальнейшая информация никак не связана с предыдущей, но он сразу понял, в чем дело. Одиннадцатая и двенадцатая страницы, посвященные описанию убийства, содержали, вероятно, и описание таинственного "секрета", и поэтому были вырваны.

Стивенс отложил книгу и взялся за биографию Таннахилов. Название ее — "Танекила Отважный" — заинтересовало Стивенса. Начальные главы содержали повествование о ранних годах жизни капитана Танекилы: его рождении на севере Испании, первых экспедициях вдоль побережья Африки, о не слишком честных путях его обогащения и, наконец, о путешествии в Америку, которое закончилось кораблекрушением его флагмана "Альмирант" у берегов Калифорнии в 1643 году, то есть более трехсот лет назад.

Стивенс начал вспоминать даты жизни и смерти того Танекилы, который был похоронен на кладбище. Если ему не изменяла память, тот умер в 1770 году. Значит, погребенный не был основателем рода. Следовательно, род Таннахилов был старше более чем на сто лет.

Стивенс перевернул страницу. Следующая глава называлась "После кораблекрушения". И если Стивенс лишь бегло просматривал предыдущие главы, то эту он прочитал он начала до конца.

"После кораблекрушения

К полудню мы уже все выбрались на берег — все выжившие. Исчезли Эспанта, де Куржиль, Марчино и Керати, и мы понятия не имели, утонули они или нет. Мне было жаль только Марчино. Конечно, и он был порядочным негодяем, но остальные трое были еще хуже. Надеюсь, на том свете эти мерзавцы будут жариться в аду за те гадости, которые учиняли мне на корабле. Но чтобы сделать приятное экипажу, я должен буду прочесть литанию за упокой их душ, а пока я успокоил людей тем, что начертил на песке крест и пробормотал пару молитвенных слов. После этого они взялись за работу.

Мы не могли терять ни минуты. Алонсо уже видел нескольких туземцев, расхаживавших вблизи от берега, и у нас не было уверенности в том, что это обычный глу-

пый дружественный скот. Нам необходимо было забрать оружие с тонущего "Альмиранта".

Около двух часов пополудни Кахунья заметил, что шторм стихает, поэтому я послал его и еще двенадцать человек на двух лодках начать работы по разгрузке и разборке корабля. Ветер постепенно совсем прекратился, и к вечеру море успокоилось. Вечером у нас на берегу были две 37-миллиметровые пушки и несколько мушкетов, так что я перестал опасаться туземцев. На следующее утро я отправил людей, чтобы найти их и установить с ними дружеские отношения: конечно же, с целью добыть пищу.

Берег, на котором мы высадились, был диким и пустынным. Со всех сторон нас окружали низкие склоны, поросшие сочной зеленью: как раз накануне прошел сильный дождь. Неподалеку от нашего лагеря мы обнаружили два болота, над которыми летали стаи птиц. Их громкие пронзительные крики не смолкали ни на минуту. Группа людей, которых я послал на поиски еды, вернулась с тремя подстреленными оленями и съедобными кореньями. Приготовленным мясом, а также продуктами, спасенными с корабля, мы удовлетворили становившийся уже мучительным голод. В дальнейшем мы не испытывали недостатка в пище. Я никогда не видел земли, которая была бы столь богата, и климата, который был бы столь благоприятен. Это один из самых прекрасных садов планеты, который цветет круглый год.

На пятый день часовые привели в лагерь индейца — маленького, некрасивого человека, отлично говорившего по-испански. Он наверняка был негодяем, и мне хотелось сначала выслушать его, а потом утопить. Но он оказался слишком хорошим переводчиком, а кроме того — принес добрые вести. Он рассказал, что дальше на севере есть деревня Пуэбло и что верховный вождь, живущий в доме на высоком холме, приглашает нас быть его гостями. К сожалению, ему придется уехать ненадолго — поэтому он не сможет встретить нас лично. Это приглашение особенно обрадовало женщин, которые устали жить на открытом воздухе. Но я подозревал неладное. Какой умный человек (достаточно умный, чтобы стать вождем) мог пойти на то, чтоб пригласить в свой дом группу испанцев? Ведь это

непременно значило, что в день, когда они прибудут, ему придется расстаться со своей властью.

Правда, меня это не сильно испугало. Будучи вооруженными, мы вполне могли защитить себя в случае необходимости. Кроме того, было очевидным, что так называемый верховный вождь слишком поздно осознает угрозу, которую мы представляем, потому что будет далеко. Я решил убить его, как только он соизволит вернуться.

Захват прошел даже проще, чем мы ожидали. Мы расположили свои пушки за каменной насыпью вокруг вершины холма, откуда хорошо просматривалась вся местность. Через неделю мы уже так укрепились, что только вооруженные до зубов европейцы могли рискнуть напасть на нас. Никто не сопротивлялся. Вассалы неизвестно где находящегося верховного вождя восприняли наше размещение в доме как нечто вполне естественное, и никто из них не удивлялся тому, что я занял спальню бывшего владельца.

Недели шли за неделями, и я начал понимать, что мы засели там надолго. Зная капитанов других судов и помня о нашем договоре относительно доли каждого в прибыли, я не сомневался в том, что они следят за мной. К счастью, стычек избегали все. Я был почти уверен в том, что вскоре они уберутся отсюда, отплыв к мысу Горн, а потом вернутся в Испанию, и пройдет не один год, прежде чем на этом берегу появится следующий корабль. Именно поэтому я решил покрепче привязать членов экипажа к тамошней жизни.

Я сам лично спустился в деревню, раскинувшуюся у подножия холма, на котором возвышался мой дом, и приказал выстроить перед собой в ряды мужчин, женщин и даже девушек. Выбрать тридцать, самых привлекательных из них, а потом быстро убить и похоронить их мужей не составило труда. Среди вдов и нескольких незамужних члены экипажа выбрали себе жен, я сочетал их браком с помощью Библии, и они расселились в тех домах, где женщины жили со своими предыдущими мужьями. Конечно, оставалась проблема индейских детей, родившихся раньше, но я предоставил решать ее каждому мужчине так, как он найдет нужным. В течение месяца жизнь в деревне вполне упорядочилась.

В следующем году моей главной заботой стала разработка земли. Чтобы достичь максимально хороших результатов, я отказался от мысли сделать рабами местное население. Вместо этого я отправлял отряды захватывать пленников, причем в наиболее отдаленных местах. Взятые в плен узнавали о своих обязанностях от туземцев нашей деревни, которая стала называться Альмирант. "Альмирантцы" выступали в роли надсмотрщиков. Они, казалось, не замечали, что плоды трудов тех, за которыми они надзирали, доставались не им, а мне. К концу года почва была обработана. Бывший владелец не появился и к концу второго года, из чего я сделал вывод, что в свое время он правильно оценил ситуацию, и его целью было не дать нам разрушить дом. Мы не нашли никаких следов ацтекских храмов, которые, по легенде, возвышались над домом. Их, вероятно, снесли, а все, что осталось от них, уничтожили. Мне казалось, что дом построен согласно канонам архитектуры майя: он замечателен и внутри, и снаружи, но отличается от всего того, что я видел в Центральной Америке.

Проблемы архитектуры мало занимали меня в то время, а к концу третьего года и вовсе выветрились из моей головы. Тогда начали предприниматься первые попытки убийств. Нас спасло только то, что мы правильно поняли ситуацию: убийства были не результатом случайностей, а следствием продуманных действий бывшего владельца, который решил, что пора избавляться от оккупантов. Нож, который сунул мне в спину Тезлакодонал (индеец, который первым появился в нашем лагере), мог бы убить меня, если бы у него хватило сил добить свою жертву. Стрела, которую выпустили в Кахунью, не попала в его правое легкое, благодаря чистейшей случайности. А вот Алонсо повезло меньше: его жена-индианка Джико Айне успешно заколола его ножом.

Джико и Тезлакодонал сбежали вместе. За ними последовали еще двое, но одного из них мы поймали и убили. Это были первые из впоследствии многочисленных попыток уничтожить нас. О них я напишу поподробнее в другой главе, так как без них мы бы не пришли к случайному открытию тайны Грэнд Хауза. Тайна эта..."

Следующая страница была вырвана. Стивенс перелистал книгу в надежде найти недостающую страницу, но

вместо этого обнаружил еще семь мест с вырванными листами. Внимательно прочитав все, что предшествовало пропускам, он понял, что во всех случаях речь заходила о тайне Грэнд Хауза. Так и не найдя никаких объяснений по этому поводу, Стивенс вернулся к главе, в которой упоминался Тезлакодонал: интересно, что у него оказались потомки. Стивенс думал об этом, или же ему казалось, что он об этом думает, когда неожиданно проснулся.

ГЛАВА VI

В комнату еле-еле пробивался рассвет. Было еще настолько темно, что ему удалось разглядеть только очертания фигур двух людей, стоявших возле него. Он уставился на них, напрягшись всем телом, приготовившись защищаться.

— Стивенс, не двигаться! — приказал мужской голос.

Тон, которым это было сказано, заставил Стивенса замереть. В нем была угроза. Стивенс нервно сглотнул и только теперь, когда его глаза привыкли к темноте, увидел, что людей в комнате не менее дюжины. Это почему-то заставило его вздохнуть с облегчением: поначалу он боялся, что какие-то два бандита забрались в дом, чтобы убить его. Но это было явно что-то другое. Вместе с тем Стивенс не мог понять, зачем понадобилось такой толпе врываться к нему в дом посреди ночи. Он решил взять себя в руки и не показывать свой страх. К тому же, Стивенс вдруг понял, что это те самые люди, которые били кнутом Мистру!

Двое стоявших около него мужчин сели. Тот, который уже успел заговорить, предупредил Стивенса:

— Ни единого движения! На нас очки ночного видения, так что мы видим каждый твой шаг. — Последовала пауза, а потом — вопрос: — Стивенс, кто ты?

Вопрос удивил Стивенса еще больше, чем сообщение о странных очках. Он невольно переспросил:

— Кто я? Что вы имеете в виду?

Тревога вернулась к нему: люди из "Мексиканской импортирующей компании" не могли задать ему такой глупый вопрос; они знали, кто он.

— А кто вы такие? — парировал Стивенс.

Из темноты раздался вздох и голос женщины:

— Я уже почти нащупала его мозг. Мне кажется, он невинен.

Мужчина, который говорил от всей группы, не обратил на ее слова никакого внимания. Он продолжил:

— Стивенс, нам не нравится то, что ты участвуешь в этом деле. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то я посоветовал бы тебе честно ответить на все наши вопросы. Если же нет, то ты, конечно же, попытаешься нас обмануть.

Стивенс слушал его, стараясь сохранять спокойствие. В словах этого человека был какой-то скрытый смысл, но Стивенс не понимал, какой. У него было ощущение, что все это происходит не с ним. Внезапно ему пришла в голову мысль, что как адвокат Таннахила он должен постараться выудить у них как можно больше информации.

— Я не знаю, к чему вы клоните, но продолжайте, — сказал он.

Из темноты раздался тихий смех женщины, которую несколько минут назад прервали:

— Он думает, что сможет что-то узнать у нас.

Мужчина с раздражением попытался остановить ее:

— Дорогая, мы ценим ваше умение читать мысли, но, пожалуйста, старайтесь избегать ненужных комментариев.

— А сейчас он испуган, как ребенок, — сообщила женщина, но тут же добавила: — Хорошо, я замолкаю.

Воцарилась тишина. Стивенс напряженно думал. Телепатия! Это было бы смешно в другой обстановке, но сейчас соответствовало правилам игры, в которую его втянули. Стивенса снова охватила тревога, и он подумал, что стоит здесь перед этими людьми, как на суде, не понимая, в чем его обвиняют. Прежде чем он успел что-то сказать, мужчина заговорил вновь:

— Стивенс, мы изучили твою биографию и установили, что действительно существовал ребенок по имени Алисон Стивенсон, родившийся в Сан-Франциско, а в 1942 году Алисон Стивенс попал в морскую пехоту.

Мужчина замолчал, а Стивенс, перед глазами которого вдруг промелькнула вся его жизнь: город, где он родился и вырос, потом — тот случай в школе, затем — служба, — кивнул и принялся ждать. Молчание затянулось, и Стивенс понял, что они нарочно давали возможность своей телепатке прощупать его мозг.

Внезапно в сознании Стивенса вспыхнула мысль, которая до этого не приходила ему на ум, и он громко произнес:

— А кем же я, по-вашему, могу быть еще?

Отозвалась женщина:

— Думаю, нам не стоит продолжать. Я чувствую, что мысль, которая только что пришла ему в голову, полностью соответствует тому естественному удивлению, которое прозвучало в его голосе.

Заговорил уже другой мужчина:

— Зачем же он пробрался в квартиру Тезлакодонала?

Тут же вступил первый:

— Ответь, Стивенс, и мы оставим тебя в покое!

Стивенс решил рассказать им, как увидел Тезлу возле Вальдорф Армс, но не успел, потому что снова заговорила женщина:

— Он сейчас очень сердит и думает о том, как у нас хватило нахальства прийти сюда и допрашивать его, словно мы имеем на это право.

Все засмеялись. Когда смех утих, тот, кто его допрашивал, снова властно спросил:

— И все же, почему он пошел туда? Ну, Стивенс, не давай своему раздражению заглушить голос здравого рассудка. Отвечай!

Стивенс колебался. С ним явно не шутили. А почему бы и не сказать им кое-что? Если только одно слово может избавить его от этих опасных людей, почему бы не признаться? Он тихо произнес:

— У меня была беседа с мистером Таннахилом, и он сказал, что Мистра Ланет была секретарем его дяди. Я сразу вспомнил о вашей группе, поэтому, когда я увидел... — тут Стивенс запнулся, — я забыл его имя...

Женщина прервала его:

— Я чувствую, что он здесь чего-то не договаривает. Он надеялся найти Мистру. Похоже, что мистер влюбился в нее.

Все начали подниматься со своих мест. Главный тихо приказал:

— Заберите книги, которые он унес с собой.

Потом они направились к двери, и вскоре Стивенс услышал, как одновременно заводятся несколько машин, а через мгновение шум их растаял вдали. Адвокат осмотрел замок двери. Сначала Мистра открыла его без труда, а потом —

эти люди. "Нужно заменить замок, — подумал он, — хотя неплохо было бы узнать, откуда у них взялся ключ". Стивенс вернулся в спальню, и тут ему пришло в голову, что их телепатка упустила одну очень важную деталь. Она не поняла, что Стивенс узнал о том, где живет Тезла, из бумаг "Мексиканской импортирующей компании". Допустив эту серьезную оплошность, женщина оставила ему возможность проверить другие адреса, по которым он непременно поедет завтра утром. Может, по одному из них проживает Мистра. Такая перспектива очень обрадовала его, и, засыпая, Стивенс думал: "Она прекрасна... прекрасна... прекрасна..."

В девять часов утра адвокат уже подъезжал к дому, адрес которого выписал первым. Это был небольшой особняк, находившийся довольно далеко от шоссе и огороженный высоким металлическим забором. Маленький мальчик, проходивший мимо, сказал, что это дом судьи Адамса. "Судьи Адамса? — озадаченно подумал Стивенс. — Но это же смешно! Судья Адамс никогда бы не..."

До одиннадцати часов утра адвокат объехал уже все двенадцать адресов. Люди, проживавшие по ним, были все без исключения наиболее влиятельными гражданами Альмиранта: судья Уильям Адамс, судья Альден Портер, Джон Кареуэл и Мартин Гран — владельцы двух ежедневных газет, затем — владельцы трех строительных концернов, Маделин Мэлори, которой принадлежал единственный частный банк в Альмиранте, две очень известные общественные деятельницы и один крупный импортер. Последней, но не менее значительной фигурой был Дж. Ансуэлл Дорди, владелец большой сталелитейной компании на востоке страны; еще молодой, но уже очень уважаемый человек, переехавший в Альмирант по причинам, связанным со здоровьем.

Список был впечатляющим, у Стивенса возникло убеждение, что он потревожил осиное гнездо. Его первой мыслью было попытаться разоблачить этих людей, если они возьмутся преследовать Таннахила, но по трезвому размышлению он понял, что лучше затаиться: город явно контролировался какой-то сильной группировкой. Он поехал в библиотеку одной из двух крупнейших газет города и провел там более часа, внимательно изучая фотографии знатных альмирантцев. Стивенс не запрашивал никаких снимков, сделанных

по особым случаям, и обнаружил только семь фотографий людей, которые стали объектами его расследования.

Стивенс рассмотрел эти лица, пытаясь понять, могли ли они в масках превратиться в лица тех, кто проник в его дом прошлой ночью. Если бы он мог увидеть их воочию и услышать их голоса... Впрочем, очевидно, этого тоже было бы недостаточно. Один актер рассказывал Стивенсу, что голос имитировать очень легко. Что же касается внешности, то, не имея возможности сравнивать лица, одного человека можно вполне принять за другого, если это люди одного телосложения.

Стивенс вышел из библиотеки, раздумывая над тем, что ему делать дальше. Было 24 декабря — не самый удачный день для получения сведений. Магазины будут работать до девяти часов вечера, но большинство офисов уже закрыто. Стивенсу не терпелось начать поиски отпечатков пальцев Ньютона Таннахила, хотя он плохо представлял, как их можно найти без помощи полиции. Сразу после праздника Стивенс попросит мисс Чейнер внимательно изучить документы, подписанные старшим Таннахилом. Может, ему также удастся снять с них отпечатки пальцев, хотя выделить нужные ему будет нелегко, вероятнее всего, даже невозможно. И все же он сделает первый шаг.

Стивенс поехал было домой, но в последний момент свернул на дорогу в сторону Вальдорф Армс. Он подумал, что может припарковаться в пятидесяти-шестидесяти ярдах от здания и понаблюдать за входом будет небесполезно.

Он просидел в машине минут десять, когда дверца внезапно распахнулась и рядом с ним, тяжело дыша, плюхнулась Мистра Ланет.

— Проводите меня домой, — попросила она. — Я не отваживаюсь вступать в борьбу одна.

ГЛАВА VII

Стивенс сидел, не шелохнувшись. Его охватило смешанное чувство радости и злости. Ему, конечно, приятно было видеть ее, но одновременно его раздражала ее бесце-

ремонная манера вторгаться в его жизнь. Отчасти ее оправдывало лишь то, что в прошлый раз у нее не было другого выхода.

— Как ваш бок? — поинтересовался он, стараясь придать своему тону выражение равнодушия.

Мистра отмахнулась:

— Ерунда, все уже прошло.

На девушке был зеленый костюм, который удивительно шел ей, сочетаясь с цветом глаз. Эффект был потрясающим: от Мистры словно исходило какое-то особое тепло. Стивенс с трудом сдержался, чтобы не сказать ей об этом. Вслух он произнес:

— Надеюсь, вы прежде всего объяснитесь.

Девушка внимательно смотрела в сторону входа в здание. Так и не взглянув на него, она сказала:

— Мы сможем поговорить, когда войдем внутрь. Пожалуйста, давайте не будем терять время.

— Вы хотите сказать, что кто-то не дает вам войти в вашу собственную квартиру?

— Мне нужно, чтобы со мной был мужчина. — Она проворно вышла из машины. — Идемте же!

Никто не пытался остановить их. Стивенс, который был слишком занят прошлой ночью, чтобы рассматривать интерьер, поразился увиденному. Высокие потолки с искусной отделкой, на полу — ковры, стоившие тысячи долларов.

Лифт остановился на третьем этаже, и они пошли по коридору, освещенному роскошными светильниками, отбрасывавшими голубые блики на стены и потолок. Мистра остановилась у прозрачной стеклянной двери. За ней находилась другая дверь — металлическая и непрозрачная. Ключ бесшумно вошел в незаметный с первого взгляда замок наружной двери, и она открылась, издав свистящий звук. Мистра вошла первой. Она остановилась в проеме, подождала, пока войдет Стивенс, и проследила, чтобы он захлопнул наружную дверь. Потом девушка отперла внутреннюю дверь. Стивенс последовал за ней и увидел коридор с необычайно высоким потолком — пятнадцать ярдов, не меньше. Высота комнаты, последовавшей за коридором, была такой же. Мистра бросила свою сумку и меховую накидку на стул и подошла к чему-то, похожему на встроенный бар. Стивенс достал свой пистолет:

— Может, лучше осмотреть квартиру?

— В этом нет необходимости, — ответила девушка. — Здесь мы в безопасности.

Но Стивенс не разделял ее уверенности. Он стремительно вышел в коридор и устремился в две спальни, к каждой из которых примыкали ванные комнаты. В конце холла находилась лестница. Он быстро поднялся по ней и наткнулся на массивную металлическую дверь, которая была заперта. Вернувшись в гостиную, адвокат вышел через дверь, за которой оказался второй коридор, а потом очутился в комнате, являвшейся, по-видимому, музыкальным салоном. У стен стояли стеллажи с пластинками. Ими было уставлено все пространство до потолка. Справа от Стивенса размещалась встроеная электронная аппаратура: проигрыватель, телевизор, радио — он не сразу это заметил — устройства для радиовещания: трансформаторы и панель управления. Адвокат покачал головой, повернулся и увидел по левую сторону от себя шкафы с многочисленными рядами книг. Ему стало интересно: каковы читательские интересы Мистры? На ближайших к нему полках стояла техническая научная литература — сотни томов. Потом он увидел книги по истории, половина из них — на испанском языке: "История испанцев в Америке", "Популь Вух", "Испанское влияние на древнюю Мексику", "Начало Альмиранта", "Танекила Отважный", "История Грэнд Хауза"...

Звон бокалов со стороны гостиной прервал его осмотр. Он напомнил Стивенсу о том, что красивую женщину нельзя оставлять надолго одну, потому что ее интерес к нему может ослабеть. Мистра стояла возле бара и расставляла бутылки.

— Вы предпочитаете сначала выпить или лечь в постель? — дружелюбно спросила она.

Стивенс вновь поразился ее чрезмерной раскованности. Он осведомился дрогнувшим голосом:

— А что, вы снова у меня в долгу?

— Просто я вижу, что в данный момент спиртное не очень привлекает вас. — Она пошла навстречу ему. — Надеюсь, что мы выпьем позже. Вы же останетесь со мной на Рождество? — Она потянула его за руку: — Пойдемте в мою спальню.

Позднее, в постели женщина прошептала:

— Все мои синяки уже исчезли, так что не нужно обращаться со мной, как с фарфоровой чашкой, которая может разбиться.

Стивенс с досадой произнес:

— Почему бы тебе не оставаться женщиной, вместо того, чтобы отдавать мне приказы? Ты отлично чувствуешь, что я стараюсь, чтобы тебе было хорошо.

— Да, ты специалист, — признала она после короткой паузы. — У тебя, наверняка, большой опыт.

— Не такой большой, как мне бы хотелось, — сказал он. — Я так рад, что мы встретились сегодня.

— Надеюсь, что я и дальше не разочарую тебя. — Это было сказано таким серьезным тоном, что Стивенс подумал: "Она позволяет мне ласкать ее только потому, что не хочет оставаться одна". Сам же он не был уверен, что помог бы ей сегодня, если бы не воспоминание об их первой ночи и не надежда на повторение сладостной любви.

— Не одевайся. Надень только халат.

Сама она скользнула в легкий голубой пеньюар, который отнюдь не скрывал ее формы. Вернувшись к бару, Мистра налила в два бокала темную коричневую жидкость и спросила:

— Ты хочешь сказать, что в Альмиранте я единственная женщина, которая была удостоена твоей любви?

Это была не вполне правда, но в то мгновение Стивенсу казалось, что так оно и есть. У него был роман с одной женщиной, которая ушла от мужа и детей, узнав, что у ее супруга есть любовница. Она стала возлюбленной Стивенса вскоре после того, как он приехал в Альмирант. Женщина очень заботилась о том, чтобы скрыть их отношения, и при встречах постоянно рассказывала о своей семье. За две недели до Рождества она сказала Стивенсу, что муж просит ее вернуться и что она больше не может жить без своих детей. У Стивенса было ощущение, что за все то время, пока они жили вместе, она ни разу серьезно не подумала о нем.

Мистра подала Стивенсу один из бокалов.

— Выпей это, — предложила она. — Ты ничего подобного никогда не пробовал.

Стивенс присел на табурет и внимательно рассмотрел бокал. Напиток был похож на плохо обесцвеченную воду.

— Что это?

— Попробуй.

Когда Стивенс сделал первый глоток, у него возникло ощущение, что во рту зажгли спичку. Потом огонь обжег горло и переместился в пищевод. Ему пришлось поставить бокал, глотая ртом воздух. Из глаз полились слезы.

Стивенс сидел неподвижно, испытывая чувство стыда. Напиток чуть не лишил его сознания, в то время как на Мистру он, казалось, не произвел ни малейшего впечатления!

— Не сдавайся, — сказала она ободряюще. — У него же вкус классической музыки. Хорошо снимает напряжение. — Она улыбнулась. — Лучше, чем любой другой напиток.

Стивенс сделал еще одни глоток и снова почувствовал жжение. Но на этот раз он никак не выдал себя и, глянув Мистре в глаза, заметил:

— Я не сдался. Так все-таки что это?

— Октли. Древний напиток майя. Конечно, версия рецепта моя собственая.

Слово "майя" напомнило Стивенсу о книгах, которые он так и не рассмотрел. Он сделал еще один глоток, снова едва не поперхнулся, а потом медленно спросил:

— Что это все за история? Кто эти люди, которые били тебя?

— А!.. — она пожала плечами. — Члены клуба.

— Какого клуба?

— Самого невероятного клуба на свете, — ответила она и тихо засмеялась.

— Кто же может вступить в него? — настаивал Стивенс, хотя у него было ощущение, что девушка смеется над ним.

— Для этого нужно быть бессмертным. — Мистра снова засмеялась. Ее глаза вспыхнули зелеными огнями, лицо заискрилось весельем.

Стивенс понял, что он не получит удовлетворительного ответа, если сам не станет более искренним с ней.

— Послушай, о чем все эти твои книги? В чем тайна Грэнд Хауз?

Мистра долго смотрела на него, не мигая. Глаза ее стали особенно лучистыми. Наконец она произнесла:

— Так ты был в библиотеке. И много ты прочитал?

— Ничего. Послушай меня.

И Стивенс рассказал ей о книгах, которые обнаружил в квартире Тезлакодонала. Мистра понимающе кивнула, и на ее лице появилось озабоченное выражение.

— Эти страницы, — сказала она, — в моих экземплярах отсутствуют тоже.

— А вымаранные слова есть?

Она кивнула. Минуту они молча пили, и у Стивенса появилось ощущение, что девушка собирается сказать ему что-то еще.

— Мне случайно известны вымаранные имена, — решилась наконец она. — Это имена, которые приняли люди из нашего маленького... — она улыбнулась, лукаво посмотрела на него и закончила: — ...клуба.

Стивенс кивнул. Внезапно он почувствовал, что голова его отяжелела.

— Вот как, — пробормотал он, увидев, что Мистра вновь наполняет бокалы.

Сделав первый глоток, он снова пришел в себя и воскликнул:

— Что, черт возьми, происходит с Калифорнией? Куда ни глянь, везде эти идиотские культы... так называемых ранних мексиканских цивилизаций. Мексиканцы словно утратили свою душу и теперь судорожно пытаются найти ее.

Глаза Мистры зажглись, как два ярких бриллианта, но очертания ее лица стали расплываться, как будто у Стивенса внезапно испортилось зрение. Он мрачно продолжил:

— Из всех кровожадных народов древние мексиканцы — самые кровожадные. Ежегодно они приносили в жертву своим отвратительным богам и богиням более пятидесяти тысяч человеческих жизней. Дьяволы проклятые! Больные ненавидящие умы! Позор земли.

Стивенс вдруг обратил внимание на то, что его бокал както незаметно опустел. Он, шатаясь, встал на ноги и сказал:

— Ладно, давай не будем говорить об этом. Поговорим о тебе. И больше не наливай мне, пожалуйста. Еще один глоток — и я свалюсь с ног.

Стивенс подошел к Мистре и обнял ее. Она не сопротивлялась его поцелуям и, спустя мгновение, начала отвечать на них, они долго стояли, обнявшись, и целовались. Потом он отпустил ее и отступил на шаг.

— Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо встречал.

Стивенс увидел, что она смотрит на него пристальным взглядом, словно ждет он него чего-то. Внезапно Стивенс покачнулся, и комната поплыла у него перед глазами. Он оперся рукой на бар и в замешательстве произнес:

— Я пьян.

Он вдруг оказался в центре комнаты, покачиваясь, уставившись на девушку сквозь странную дымку, застилавшую ему глаза.

— Я подмешала кое-что в напиток, — призналась Мистра.

Стивенс неуклюже сделал шаг к ней навстречу, и ему показалось, что пол сильно качнулся под ним. Шок от падения на мгновение отрезвил его:

— Но почему? Что...

Это было не последнее, что он помнил. Но это было последнее, что он помнил отчетливо.

ГЛАВА VIII

Когда Стивенс проснулся, было уже светло. Он долго лежал, уставившись затуманенными глазами в потолок незнакомой комнаты, пока память не вернулась к нему. Вскочив с кровати, он на мгновение почувствовал страх, но постепенно успокоился. Он был жив. И что бы она ни подсыпала ему в бокал, это не было ядом.

Одежда Стивенса лежала на стуле. Он быстро оделся и выглянул за дверь. Насколько он помнил, там, по коридору, в нескольких ярдах, находилась еще одна спальня. Стараясь не шуметь, он осторожно подкрался к ней, обнаружил, что дверь открыта, и заглянул внутрь.

Несколько секунд он стоял неподвижно, рассматривая спящую Мистру. Лицо ее во сне было удивительно молодым. Если бы ему не был известен ее возраст, он подумал бы, что она намного моложе: казалось, что ей не тридцать, а чуть больше двадцати.

Стивенс смутно помнил, что ночью он слышал ее голос. Он не мог сказать наверняка, в какой комнате они находились, но он много раз слышал ее крики, а иногда она что-то шептала о Грэнд Хаузе. Многое из того, что она говорила, Стивенс помнил плохо, но кое-что очень отчетливо. В его мозгу это запечатлелось так же ясно, как в горле — ощущение жжения от октли. Его коробило от воспоминаний, и он уже собрался выйти из спальни, когда увидел, что глаза Мистры открыты, и она смотрит на него. Наблюдает за ним. Стивенс невольно отступил, заметив, что глаза ее вспыхнули, сделавшись яркими, как звезды. Он помнил этот странный яркий свет ее глаз, даже тогда, когда провалился в темноту.

Неожиданно у него появилось ощущение, что этой женщине не меньше, а гораздо больше тридцати. Он вспомнил, что она вчера говорила что-то о бессмертии. "Дом такой старый, — возбужденно шептала она в темноте ночи, словно перед ее глазами вставали какие-то страшные образы древней жизни. — Такой старый, такой старый..."

Стоя теперь перед ней, Стивенс вдруг подумал, что уже знает тайну Грэнд Хауза. Холодок пробежал у него по спине, когда в ее глазах он прочитал, что она поняла его догадку. Губы Мистры слегка приоткрылись, и она приподнялась в кровати, как будто захотела быть ближе к нему. Ее глаза напоминали горящие озера, а мышцы лица так напряглись, что черты застыли, как будто их изваяли из камня. Тело ее мгновенно сделалось некрасивым, напряженным и скованным.

Но через мгновение она уже была такой же, как и прежде. Потянувшись в кровати, она улыбнулась и лениво произнесла:

— В чем дело? Решил незаметно подкрасться ко мне?

Видение исчезло, и Стивенс, вместо фантастических образов, представил, что стоит посреди спальни девушки, смущенный ее взглядом и словами.

— Нет, — пробормотал он. — Я хочу побриться.

Бритье было чем-то реальным, а ему хотелось сбежать от нее хоть в какую-то реальность.

— Принадлежности для бритья в ванной комнате.

Бреясь, Стивенс вспомнил, что сегодня Рождество. Но его мысли недолго задержались на этом. Он снова подумал о Мистре. Из ее спальни не доносилось никаких звуков: вся квартира погрузилась в тишину, — и ему был слышен только звук собственного дыхания. Он думал о том, верна ли разгадка тайны Грэнд Хауза. Закончив одеваться, он направился в библиотеку. "Мне нужно почитать эти книги", — решил он.

"Истории Грэнд Хауза" на месте не оказалось, и, поискав ее на других полках, Стивенс понял, что она исчезла. Пропали также книги "Начало Альмиранта" и "Танекила Отважный". Ему показалось невероятным, что Мистра могла спрятать их. Он стоял в раздумье, в то же время невольно прислушиваясь к шуму воды в ванной наверху. Она была там.

Стивенс поднялся в гостиную, а потом пошел в сторону спальни Мистры. Солнце сквозь все окна заливало квартиру, и от темных мыслей Стивенса не осталось и следа. Он почувствовал себя идиотом: как такие фантазии, как бессмертие, могли прийти ему в голову?! Но все-таки ему очень хотелось выяснить кое-что.

Дверь в спальню была открыта. Стивенс постучался достаточно громко, чтобы приличия были соблюдены, но не слишком громко, чтобы это услышала Мистра из-за шума льющейся воды. Заглянув в спальню, он увидел, что дверь в ванную открыта, и из нее выползает белый пар. Шум воды тут же прекратился, за ним последовало шлепанье босых ног, а через мгновение в дверях появилась Мистра, завернутая в необъятно большой халат. Она задумчиво посмотрела на Стивенса, но ничего не сказала, потом села за туалетный столик и начала приводить в порядок волосы.

Стивенс ждал. Он чувствовал, что ощущение страха, испытанное перед ней недавно, снова возвращается.

Мистра была красивой женщиной, если под красотой понимать эффектную внешность — лицо и тело — и уверенность в себе. По ее русым волосам, ярким зеленым гла-

зам, тонко очерченному лицу и светлой коже можно было сделать вывод, что в ней есть европейская кровь, хотя Стивенс не сомневался, что предки девушки смешивались не только с европейцами. Ему казалось, что в ее жилах течет кровь благородных и отважных людей. Глядя на нее, он на минуту совсем забыл, зачем пришел сюда, но все же ему удалось сформулировать свой вопрос:

— Ночью вы, кажется, беспокоились по поводу того, где добывался мрамор для постройки Грэнд Хауза. Кому об этом известно? — Стивенс видел в зеркале ее лицо и задумчивые глаза. Когда женщина перевела на него взгляд, ему показалось, что она не собирается отвечать. Но она ответила:

— Значит, ночью у меня были какие-то видения, вызванные октли? — Она засмеялась и добавила: — Думаю, мне нужно прекратить пить его.

Стивенс подумал, что она не похожа на человека, которому смешно, а кроме того, она так и не ответила на его вопрос. Он подождал, когда она перестанет смеяться, и попытался настаивать:

— Этот мрамор... — начал он, но она резко оборвала его.

— Откуда я знаю? Чертовому дому больше тысячи лет.

Стивенс не сдавался:

— Из первого абзаца книги о Грэнд Хаузе я узнал, что никому не известно, кто построил дом, но, может быть, сведения о том, откуда брался мрамор, есть.

Она иронически улыбнулась:

— Люди, которые ведут себя так, как вы, уже давно не удивляют меня. Вот вы стоите здесь, имея в руках множество нитей, ведущих к разгадке. По вашему лицу и вопросам я вижу, что мои доводы представляются вам разумными, но вы продолжаете рваться в бой. И вам, кажется, наплевать, что я намеренно одурманила вас.

— А зачем вы одурманили меня?

— Чтобы дезориентировать. Я хотела побольше узнать о вас, выиграв время.

— Не понимаю.

Она пожала плечами:

— Я хотела узнать, не тот ли вы человек, которого все боятся.

Прошло немало секунд, прежде чем Стивенс, ошеломленный ее заявлением, смог продолжать:

— Какой человек?

— Разве не понятно? Ведь кто-то же должен был построить Грэнд Хауз. Кто? Все эти годы мы не переставали думать об этом.

Стивенс почувствовал разочарование. Ее объяснение было полнейшим безумием. Мистра между тем продолжила:

— Если вы... — строитель, — то вам удалось скрыть это от меня. Хотя вам вряд ли повредит то, что вы останетесь предметом их внимания.

Ее слова поразили Стивенса. Ведь — из-за безумия или нет — один человек уже был убит. Почему бы за ним не последовать Алисону Стивенсу, если они сочтут его опасным? Быть убитым только потому, что какому-то сумасшедшему пришло в голову измерять возраст Стивенса тысячелетиями?!

— Кто убил Джона Форда? — спросил он. — Его убийство ведь имеет отношение к вашей группе?

Она покачала головой, а потом серьезно сказала:

— Ни один член группы не виноват в этом. Наш экстрасенс прощупал мозг каждого из пятидесяти трех.

— Пятидесяти трех! — воскликнул Стивенс. Он не ожидал, что их так много.

Казалось, Мистра не слышала его восклицания.

— Это простое убийство. — Она замолчала на мгновение. — Хотя, может быть, его следует использовать в своих целях. Пока не знаю.

В ее целях! Стивенс напрягся. Это было именно то, что ему необходимо было узнать. Не особенно надеясь получить ответ, он все же спросил:

— А какова твоя цель?

Воцарилось долгое молчание. Она размышляла. Наконец медленно наклонилась к ящику столика, открыла его и достала один-единственный лист. Не глядя на него, она сказала:

— Это ультиматум, который я очень скоро передам по радио правительству Лорилии. Срок выполнения будет окончательно установлен днем, когда сообщение поступит в эфир. Моя ссылка на Марс связана с психологическими

причинами. Я хочу привести их в смятение, поколебать их уверенность в себе, чтобы они немедленно эвакуировали те заводы, о которых говорится в ультиматуме. Послушай!

Она медленно начала читать уверенным и решительным голосом:

— Рабочие, занятые в проекте "Туман"! Ровно через два часа все ваши заводы будут снесены с лица земли энергетическими потоками с космического корабля. Это акция обитателей планеты Марс, которым хорошо известны планы ваших правителей, готовящих внезапный атомный удар по Соединенным Штатам.

Немедленно расходитесь по домам. Не дайте никому остановить вас. К полудню на заводах не должно остаться никого. Помните: защитить вы себя не сможете.

Нет атомной войне на Земле!

Мистра внимательно посмотрела на Стивенса и сказала:

— Может быть, я изменю время, но все остальное будет так, как здесь написано. Что ты думаешь об этом?

Стивенс не услышал вопроса. В голове у него была какая-то каша. С трудом придя в себя, он произнес срывающимся голосом:

— Ты что, сошла с ума?

Она не обратила на его слова никакого внимания и добавила:

— Я думаю, что мне придетсяч прибегнуть к твоей помощи. Никто в одиночку не может взять штурмом хорошо укрепленную крепость.

— Если вы атакуете Лорилию, там подумают, что это дело рук Соединенных Штатов, и предпримут ответный удар.

— Они и так планировали осуществить внезапную бомбардировку, а потом собирались отрицать свою ответственность.

— Если все так, как ты говоришь, они не выйдут сухими из воды.

— Выйдут. — Она продолжала уже очень спокойно: — Если основные города США будут мгновенно уничтожены, разрушатся их промышленный хребет и их сердце. Кто им объявит войну, если их первые бомбы упадут на Вашингтон во время работы Конгресса? — Мистра покачала голо-

вой, ее взгляд стал тверже. — Мой друг, ты не хочешь мыслить рационально. Уверяю тебя, что наша группа никогда бы не пошла на то, чтобы покинуть Землю, если бы не исключительные обстоятельства.

Стивенс вдруг подумал: "Я реагирую так, как будто действительно верю в то, что у них есть космические корабли". Его взгляд упал на листок бумаги, и он попросил:

— Дай-ка мне посмотреть ультиматум.

Мистра протянула ему листок с загадочной улыбкой. Стивенс взял его, бросил на него взгляд и понял, почему она улыбается: текст бы написан на иностранном языке. Стивенс был не настолько компетентен, чтобы утверждать, что это — лорилианский, но, скорее всего, это был именно он. Мистра снова заговорила:

— Вот это и есть причина моего разлада с группой. Они хотят разобрать Грэнд Хауз и увезти его с Земли. До тех пор, пока буря здесь не утихнет. А я думаю, что мы несем ответственность за судьбу Земли, что мы не можем позволить себе использовать свои знания только для своего собственного удовольствия, как это было раньше.

— Куда они хотят отвезти его? — задав этот вопрос, Стивенс обнаружил, что стоит, наклонившись к ней, и с замиранием ждет ответа. Она, казалось, не замечала его возбуждения.

— На Марс. — Мистра произнесла эти два слова как ни в чем не бывало. — У нас там есть подземный центр, где дом будет в безопасности.

— Вы все отправитесь туда?

— Да, но только на время войны.

— А у вас имеются действительно серьезные причины для опасений? Почему вы считаете, что они сбросят бомбу в Альмиранте?

— Дело не только в этом. Если прибрежные воды Лос-Анджелеса или Сан-Франциско будут заражены, на Альмирант это тоже окажет воздействие. Радиоактивность может повлиять на структуру мрамора, благодаря которому дом так долго стоит. Даже те в нашей группе, кто против полета, понимают, какой большой опасности подвергается Грэнд Хауз.

— Значит, есть кто-то еще, кроме тебя, кто не согласен с тем, чтобы улетать с Земли? Почему же они не помогают тебе?

Губы Мистры сжались:

— Таннахил тоже возражал против этого, естественно. Здесь он законный владелец дома, а на Марсе нет законов, которые будут защищать его права на собственность. Он потеряет свое преимущество перед нами.

— Понятно. — Стивенс кивнул. Теперь он знал кое-что о своем хозяине. — Непонятно только, для чего понадобилось группе покушение на его жизнь.

— Мы к покушению не имеем никакого отношения. — Она говорила быстро и нетерпеливо. — Что же касается права собственности на Грэнд Хауз, то все было продумано. Группа получала от Таннахила полное финансовое обеспечение. Каждый отписал все, что имел, Таннахилу, дабы укрепить Грэнд Хауз в правовом и финансовом отношении, а за это получал доход. Любой, кто потом начал бы претендовать на владение домом, был бы наказан.

— Но ведь это только деньги, — возразил Стивенс. — Если же дом имеет какую-то особую силу, значит, он бесценен.

— Не забывай, что речь идет именно о том, чтобы уберечь дом от какого-либо ущерба. И все члены группы неукоснительно придерживались установленного закона. Даже когда Таннахил был практически убит, они ждали, пока он окажется в безопасности, пройдет через фальшивые похороны и снова вступит по праву наследства во владение дома. Чтобы к моменту, когда он придет в сознание и подпишет свой отказ на право владения Грэнд Хаузом, они успели все подготовить для отлета.

Лицо Стивенса прояснилось:

— Понятно. Значит, Таннахил и его дядя — одно и то же лицо? А когда он пришел в себя, то забыл свое прошлое?

— Это я помогла ему, — безразличным тоном произнесла она. — Пробралась в больницу и дала ему наркотик.

— Ты... дала наркотик... Таннахилу и уничтожила его память?!

Это был не вопрос. Стивенс верил ей, хотя все сказанное этой железной женщиной поставило его в тупик. Все

это было выше его понимания. И вдруг он подумал: "Я же доверенное лицо Таннахила, и я слушаю все это".

У Стивенса и в мыслях не было использовать информацию, которую он получил от Мистры, против нее. Он думал, что ее вину было бы слишком трудно доказать, ведь воздействие на сознание Таннахила произошло в результате использования какого-то еще не известного человечеству химического вещества. И кто поверит всему этому?

Мистра снова заговорила:

— Дело в том, что в механизм человеческой памяти вобще-то вмешаться очень легко. Тут хорошо работает глубокий гипноз. А то, что я ему дала, просто оказывает более длительное действие. Хотя в любой момент я могу нейтрализовать его антидотом.

— Почему же другие не сделают этого?

— Потому что, — слегка улыбнулась девушка, — они не знают, какую дозу я ему дала. И какой наркотик. А навредить Таннахилу ни в коем случае нельзя.

Стивенс недоумевающе покачал головой. Потом озабоченно спросил:

— Но если не ты стреляла в Таннахила, то кто же?

— Я же сказала, произошла случайность, несчастный случай. Наш экстрасенс заявила, что в группе никто к этому не причастен.

Стивенс вспомнил, что их телепатка не смогла полностью прощупать его сознание, допустив одну важную ошибку.

— Кажется, вы все слишком полагаетесь на нее. Я имею в виду, что тяжело поверить в случайность, когда речь идет о владельце Грэнд Хауза. Может быть, кто-то еще возражал против отлета?

— Еще один. Но он в конце концов передумал, как и Таннахил.

— Как и, очевидно, Таннахил, ты хочешь сказать.

— Тризель выяснила это.

— Тризель — так зовут телепатку?

— Да. — Мистра замолчала. — Ты недооцениваешь роль несчастных случаев. Эта штука — наш кошмар. Всякого рода крушения, пьяные шоферы, пожары, перестрелки бандитов. Война.

Помолчав, Стивенс спохватился:

— Этот разговор о Таннахиле напоминает мне о том, что я плохо справляюсь со своими обязанностями. Надо мне позвонить ему, хоть сегодня и Рождество.

— Рождество! — повторила Мистра, удивленно глянув на него. — Это наркотик так сильно одурманил тебя. Сегодня уже двадцать шестое. Разве ты не помнишь?

— Что?

Когда прошел первый шок, Стивенс попытался напрячь память. Но ему ничего не удалось вспомнить, кроме того, что уже вспоминалось ему: длинная ночь и сон, прерывающийся криками Мистры.

— Тем более, надо позвонить немедленно.

Стивенс поспешил в гостиную, где, как он помнил, находился телефон. Он набрал номер, уже приговаривая в уме слова извинения. Но это оказалось лишним. Услышав его голос, Таннахил сразу сказал:

— Я как раз собирался позвонить вам. Я хочу познакомить вас кое с кем. Мы будем у вас дома через час. Надеюсь, вы хорошо отпраздновали Рождество.

Стивенс ответил, что — да, он хорошо провел время, что его не было дома, но он немедленно вернется туда. Положив трубку, он облегченно вздохнул. Голос Таннахила звучал спокойно: значит, ничего неожиданного не произошло. Потом он набрал номер офиса, услышал щелчок, а за ним — голос своей секретарши.

— Мисс Чейнер, я хотел...

Но девушка внезапно прервала его:

— Ой, мистер Стивенс, как хорошо, что вы позвонили. У нас произошло убийство. Убит мистер Дженкинс, вахтер. В канун Рождества.

ГЛАВА IX

— Убит! — повторил ошеломленный Стивенс.

Связано ли это убийство с его расследованием? По сути, Дженкинс был служащим Таннахилла. Но втиснуть прискорбный факт его смерти в цепочку других событий, имевших недавно место, пока не представлялось Стивенсу

возможным. Хотя, он чувствовал, связь здесь должна была быть: сначала охранник, потом — вахтер. Кто-то действовал очень решительно и последовательно. Если не члены группы, то кто?

Он начал задавать мисс Чейнер вопросы. Фактов оказалось немного. Дженкинс был найден с ножом в спине возле лифта. Так как имелись некоторые основания подозревать ревнивую супругу, женщину арестовали. Стивенс чувствовал себя отвратительно. Ему нравился Дженкинс.

— Я сегодня буду попозже, — предупредил он секретаршу. — До встречи.

Он повесил трубку и нахмурился. Что-то происходило. Но что все это значит? От Мистры он знал, что группа придает значение убийству охранника постольку, поскольку убитый имел какое-то отношение к Таннахиллу. Вряд ли им придет в голову, что между Таннахилом и Дженкинсом тоже может быть какая-то связь. Стивенс решил, что в данном вопросе он, пожалуй, осведомлен лучше их. Надо только проанализировать и сопоставить все факты.

Стивенс вернулся через гостиную к комнате Мистры и постучал в дверь. Через мгновение дверь открылась. Мистра вопросительно посмотрела на него. Адвокат объяснил, что уходит, чтобы встретиться с Таннахилом.

— А что ты будешь делать? — спросил он.

— У меня все будет в порядке, — спокойно ответила она.

— Может, тебя проводить куда-нибудь отсюда?

— Нет, — холодно произнесла женщина. — Меня нужно было проводить сюда. Здесь я в безопасности.

Стивенс стоял в нерешительности, думая о том, что до сих пор не знает, чего она боялась и боится до сих пор.

— Почему же войти сюда одной было проблемой?

— Потому что они не хотят, чтобы у меня был корабль.

Корабль! Стивенс не знал, как реагировать, и почел за благо поменять тему.

— Я скоро вернусь и, возможно, снова смогу быть тебе чем-нибудь полезен.

— Спасибо, — ее голос звучал равнодушно. — Но меня здесь не будет.

Стивенс понял, что, к его величайшему сожалению, от него отмахиваются самым решительным образом. Он внимательно посмотрел ей в глаза и спросил:

— Ты боишься, что я расскажу кому-нибудь о том, что узнал от тебя?

— О нет, ведь тогда люди подумают, что ты сошел с ума. — Она засмеялась.

Ему все же не хотелось уходить.

— Мы еще увидимся?

— Возможно.

Стивенс попрощался с ней и вышел из спальни, надеясь, что она все же окликнет его и что-нибудь скажет. Но женщина этого не сделала. Он открыл обе двери и закрыл их за собой, спустился на лифте вниз и, выйдя на улицу, зажмурился от яркого дневного солнца. Его часы остановились, но ему казалось, что сейчас не больше часа дня. Домой Стивенс добрался без всяких происшествий.

Таннахил прибыл через десять минут, один. Стивенс открыл дверь, ему пришло в голову, что это их первая встреча в дневное время. И все же он узнал бы Таннахила где угодно и когда угодно: бледный высокий молодой человек со впалыми щеками, передвигавшийся с помощью палки. Стивенс предложил ему руку, чтобы помочь войти, но Таннахил с раздражением отмахнулся от нее.

— Мы решили прийти порознь, — объяснил он. — Поэтому я пришел раньше.

Так и не назвав человека, которого он сюда пригласил, Таннахил проковылял в гостиную и присел. Стивенс внимательно изучал его. Он думал о том, что представлял из себя этот человек. Танекила Отважный, проницательнейший из капитанов испанских судов семнадцатого столетия. Трудно было представить себе Таннахила смущенным или несчастным.

Таннахил опустил глаза, глубоко вздохнул и произнес:

— Должен вам признаться, Стивенс, что в ночь нашей встречи вы узнали обо мне больше, чем любой другой человек на свете. Место, где мы встретились, всегда располагает к искренности.

Он замолчал и испытующе посмотрел на Стивенса, который немедленно твердо заверил его:

— Я могу повторить еще раз: в любой ситуации я на страже ваших интересов.

Таннахил продолжил:

— Я хочу открыть вам очень большой секрет, — он снова замолчал. — Стивенс, я помню, что находился в гробу.

Адвокат молча ждал: он боялся спугнуть человека, решившего довериться ему. Тот продолжал:

— Я попытаюсь кратко описать вам мои впечатления, пока нас не прервали.

В нескольких словах он рассказал Стивенсу, как его вытащили из больничной койки, перевезли на космический корабль, с которого он попал на свои похороны, а потом вернули в больницу.

Таннахил закончил, и в большой гостиной воцарилась тишина. Поколебавшись, адвокат спросил:

— А на каком этаже вы располагались в больнице?

— Прийдя в себя после всего этого, я обнаружил себя на пятом. А на каком я был до моего похищения — не знаю.

— Нужно проверить, — сказал Стивенс. — Интересно, как им удалось спустить вас по лестнице.

Он собрался было поподробнее расспросить о корабле, но передумал. Ему не хотелось даже думать о том, что межпланетные корабли существуют. Ведь если это так, то бессмертные, которые летают на них, должны обладать гораздо более высоким уровнем развития науки и техники, чем люди. Стивенс поймал себя на мысли, что все же верит всему, о чем говорила Мистра.

Звук приближающегося автомобиля вывел адвоката из оцепенения. Машина уже была на дороге, идущей в гору, и подъезжала прямо к его дому. Стивенс вопросительно глянул на Таннахила, который поспешно сказал:

— Когда я был в Лос-Анджелесе, то нанял детектива. Это, наверное, он. Что ему можно рассказать?

— Детектива? — воскликнул Стивенс. Ему никогда бы не пришла в голову мысль, что Таннахил пойдет на это. Он разочарованно и без всякой заинтересованности произнес: — Все зависит от того, каков этот человек.

Снаружи уже заглох мотор, и на ступеньках раздались шаги. Потом раздался звонок в дверь. Через мгновение Стивенсу был представлен маленький крепкий человек.

— Билл Ригс? — переспросил Стивенс.

— Билл Ригс, — кивнул весь покрытый веснушками молодой человек.

Такое имя легко запоминалось. Стивенс пожал протянутую руку и приготовился слушать вполуха, так как не надеялся услышать ничего особенно ценного.

— Послушайте меня оба несколько минут и скажите, насколько правильно я понимаю ситуацию.

Таннахил кивнул, Стивенс оставался безучастным. Когда Ригс закончил, Таннахил повернулся к адвокату, который мобилизовал все силы, чтобы не выдать своего недоверия к детективу.

— Так что вы об этом думаете, Стивенс?

— Скажите, вам кто-либо порекомендовал нанять мистера Ригса?

— Нет. Я сам нашел его, когда мне потребовался человек его профессии.

Стивенс решил, что детектив, по крайней мере, лицо не подосланное и не заинтересованное.

"Хорошо было бы, если бы он нашел того, кто послал записку Хаулэнду", — подумал адвокат, а вслух сказал:

— Ну тогда можно рассказать ему все.

Таннахил последовал его совету без малейших колебаний. Когда он закончил, Ригс спросил:

— А вы проверяли отпечатки пальцев?

— Пока нет, — ответил Стивенс, предусмотрительно умалчивая о том, что узнал от Мистры.

Ригс кивнул и медленно произнес:

— Если дело дойдет до суда, поменьше настаивайте на своей амнезии. Я понимаю, что вы чувствуете и что вы испытали, но в делах, связанных с убийством, доводы такого рода всегда вызывают подозрение. — Он помолчал. — Но что же, думаю, мне пора заняться делом.

Ригс поднялся и направился к выходу, но на полпути обернулся:

— Естественно, я навел о вас, мистер Таннахил, кое-какие справки в городе — совершенно конфиденциально. Я узнал, что вам принадлежит четверть Калифорнии, но в Альмиранте вас практически никто не знает.

— И что же?

— Сэр, то, что вас никто не знает, — плохо. Первая реакция людей по отношению к человеку с деньгами — зависть. Мой вам совет: преподнесите им на блюде кое-что из своих доходов. Многие станут думать, что вы способны принести пользу городу. И если начнется суд, горожане будут смотреть на дело с точки зрения своей выгоды. Они будут считать, что в вашем лице преследуют человека, от которого зависят их материальные интересы.

— Дельный совет, — кивнул Таннахил. — Мистер Стивенс, надо немедленно продумать, как это осуществить.

Уже в дверях Ригс снова обернулся к ним:

— Я вам позвоню. Первые козыри у меня на руках уже есть.

Из окна Стивенс увидел, как старенький "седан" детектива вырулил на шоссе, обогнул место, густо поросшее деревьями, и скрылся. Эта встреча произвела на адвоката более благоприятное впечатление, чем он ожидал.

— Думаю, что вы выбрали нужного человека, — сказал он.

Но полное спокойствие не возвращалось к Стивенсу. Как можно быть спокойным, узнав о том, что совсем рядом стоит дом, который дарует своим обитателям вечную жизнь? Ведь если это правда, то проблема законного владения Грэнд Хаузом очень серьезна. Разоружив законного владельца, Мистра, например, нарушила устоявшийся образ жизни всей группы "бессмертных".

— Стивенс, позвоните в агентство "Ильвер имплоимент" и спросите, есть ли у них что-нибудь для меня, — прервал молчание Таннахил. — А где у вас тут кухня? Мне нужно выпить глоток воды.

Стивенс показал и сразу же позвонил в агентство:

— Я звоню по поручению мистера Таннахила.

— Да-да. Для него имеется сообщение. Скажите мистеру Таннахилу, что мы нашли ему экономку.

Стивенс записал сообщение. Оказалось, что агентство двадцать восьмого числа обеспечивает двух опытных слуг для обслуживания гостей на приеме, организуемом наследником.

Стивенс закончил разговор, когда вошел Таннахил. Адвокат передал ему содержание сообщения. Тот кивнул и пояснил:

— Я хочу устроить небольшой праздник для альмирантцев, на котором каждая капля спиртного будет за счет Таннахила. — Его впалые щеки порозовели. — Мне нужны единомышленники. Люди, на которых я могу положиться. Придете?

Стивенс покачал головой:

— Мне лучше остаться дома и вновь попытаться связаться с Пили. Если это удастся, я еще успею присоединиться к вам.

Стивенс проводил Таннахила, посмотрел на часы — было уже начало четвертого — и позвонил в телефонную компанию.

— У нас есть ваш заказ, мистер Стивенс, — отозвался женский голос. — Мы уже несколько раз соединялись с домом и офисом мистера Пили, но его нет. Хотите поговорить с кем-нибудь из его семьи?

— Конечно! — воскликнул адвокат.

Минуту спустя, трубку взял человек, назвавшийся слугой:

— Мистер Пили уехал на праздник, сэр... Нет, сэр, мы не знаем адреса... Мы все беспокоимся... Мистер Пили обещал позвонить, но до настоящего момента мы не получили от него никаких известий. У нас имеется ваша телеграмма.

Стивенс просил передать мистеру Пили, как только он появится, чтобы он срочно связался либо с мистером Таннахилом, либо с мистером Стивенсом.

Небо было, как голубой бархат, а воздух — прохладен и свеж, когда Стивенс ехал на своей машине в город. В здании конторы уже работал новый вахтер, в котором адвокат узнал тестя охранника. Старик временно исполнял обязанности вахтера.

Тело Дженкинса убрали сразу же, но Стивенс попросил, чтобы охранник показал, где оно лежало. Труп обнаружили за лифтом возле лестницы, ведущей в подвал. Стивенс не нашел никаких следов, свидетельствовавших о том, что Дженкинс боролся за свою жизнь. Слегка разочарованный, он успокоил себя тем, что это только начало поисков.

Стивенс прошел в свой кабинет. Найдя адрес Дженкинса, он поехал к его дому кратчайшим путем. Это был бед-

нейший из районов города... высокие пальмы... бунгало со следами штукатурки.

Стивенс позвонил, но никто не ответил; тогда он пошел к черному ходу с задней стороны и увидел в дальнем конце огороженного забором участка гараж, а под деревом с северной стороны — маленький трайлер. Тонкая струйка дыма тянулась из металлической трубы, выступавшей из его крыши. Стивенс подошел туда и постучал.

Дверь открыла женщина, в которой он узнал одну из уборщиц своей конторы. Кажется, ее звали Мадж. Увидев его, женщина всплеснула руками:

— Это вы, мистер Стивенс!

— Я ищу мисис Дженкинс, — солгал Стивенс.

Худое, дряблое лицо Мадж приняло удивленное выражение:

— Да ее же арестовали. Полиция думает, что она порешила мужа.

— А что вы думаете, Мадж? Она могла это сделать?

Бойкий взгляд живых глаз остановился на Стивенсе:

— Не... На черта ей это нужно было? Из-за того, думаете, что у нее был другой мужик? Это те, у кого много мужиков, должны глядеть в оба.

По-видимому, самой Мадж глядеть в оба не грозило. Уборщице очень хотелось поговорить, а так как болтливый Дженкинс ничего от нее не утаивал, Стивенсу показалось разумным попытаться выведать у нее хоть что-нибудь.

— Мадж, — сказал он решительно, — не могли бы вы припомнить все, что происходило накануне убийства Дженкинса? Может быть, он вам о чем-то рассказывал? Меня интересует любая, пусть самая маленькая деталь.

Мадж пожала плечами:

— Да какой с меня толк, мистер Стивенс! Билл мне рассказывал как вы вдвоем слыхали крики этих индейцев. — Она захихикала. — А когда позднее пришел мистер Пили, Бил сказал...

— Пили?! — воскликнул пораженный Стивенс. — Вы имеете в виду Уолтера Пили, адвоката из Лос-Анджелеса?

— Да, его. Он всегда давал Биллу хорошие чаевые. Мировой парень!

В голове Стивенса ярко вспыхнула вся картина. Он вспомнил, что в ту ночь Тезлакодонал, открывая ему

дверь офиса "Мексиканской импортирующей компании", ожидал увидеть какого-то другого человека. Неужели Пили можем быть связан с ними? Вслух он произнес:

— Послушайте, Мадж, если вы что-нибудь вспомните, скажите об этом сначала мне. Хорошо?

— Конечно, — согласилась Мадж.

Стивенс уходил с мыслью о том, имеет ли Пили отношение к убийству Дженкинса. Пили мог и не волноваться о том, что его узнают. Ему незачем было объяснять свое поведение — ни Алисону Стивенсу, ни кому-либо другому.

Адвокат направился в центр города. Было уже начало шестого. Он пообедал, а потом более двух часов просидел у входа в Вальдорф Армс, наблюдая за входящими и выходящими из здания. У Стивенса уже имелась версия относительно намерений жильцов дома. Все они были членами группы, которых ему следовало запомнить.

За то время, пока Стивенс наблюдал, у входа появилось пять человек. Адвокат хорошо рассмотрел двух из них — оба белые, с запоминающейся внешностью, раньше он их не видел.

Незадолго до того, как пробило девять, Стивенс, бросив последний взгляд на вход в необычное здание, решил вернуться в свой офис.

Стивенс испытал одновременно разочарование и облегчение, увидев, что в окнах помещения "Мексиканской импортирующей компании" нет света. Он постоял у дверей офиса некоторое время, прислушиваясь, пока не убедился, что все абсолютно тихо. Воспользовавшись своим универсальным ключом, Стивенс отпер дверь, щелкнул выключателем и убедился, что находится в помещении один. Адвокат сразу же нашел книгу с адресами, ради которой пришел. Он выписал еще двадцать два адреса людей, с которыми "Мексиканская импортирующая компания" имела деловые отношения.

Закончив, Стивенс взял одну из глиняных фигурок, положил ее на бок и начал внимательно изучать, придумывая, как бы ему рассмотреть механизм изнутри. Вдруг его внимание привлек какой-то звук. Стивенс поспешно обернулся: в дверях стоял человек и пристально смотрел на него. Незнакомец был высок, хорошо сложен и удивительно похож на какого-то знакомого Стивенса. И все же адвока-

ту пришлось еще немало раздумывать, прежде чем он понял, что видит своего двойника: на мужчине была маска лица Алисона Стивенса, и у адвоката возникло ощущение, что он смотрит в зеркало. В следующее мгновение в мозгу Стивенса словно погас свет.

ГЛАВА X

Очнувшись, Стивенс обнаружил, что находится в полной темноте. Ему показалось, что он лежил на голом земляном полу и, ощупав пространство вокруг себя, он понял, что догадка верна. Он начал вспоминать, как потерял сознание, и пришел к выводу, что ему нанесли удар сзади. Стивенс ощупал затылок, но не обнаружил повреждения. Изумленный, он полез в карман за своим пистолетом и с облегчением вздохнул: пистолет оказался на месте. Вскочив на ноги, адвокат вытащил из кармана спички и зажег одну из них, но она сразу же погасла, так что с первого раза он ничего не увидел. Стивенс зажег вторую спичку и убедился в том, что и над головой, и под ногами у него земля.

Пещера!

В голову ему пришла бесспорная, по его мнению, мысль: он не мог находиться далеко от своей конторы. Это придало ему сил. Стивенс посветил на часы: было без пяти десять. Спичка вспыхнула и погасла, а он решительно направился вперед в полной темноте. Двигаясь очень осторожно, держась за стенку, Стивенс, прежде чем сделать шаг, тщательно ощупывал ногой место, на которое ступает. Вскоре он понял, что поднимается вверх.

Прошло полчаса. "Боже мой, — думал он, — где же это я? Куда иду?" Он пытался представить, какая местность может быть над ним, и вдруг его осенило. Ну конечно же! Он идет в сторону Грэнд Хауза, который находится на возвышенной местности. Очевидно, это подземный ход. Через час Стивенс вышел за пределы пещеры. Он шел по покрытому ковром полу и прислушивался. Ни единого звука. Адвокат зажег еще одну спичку и обнаружил, что находится в небольшой комнате. В углу, в отго-

роженной части помещалась кровать, а у стены — стол, на котором стояли причудливые лампы, похожие на керосиновые. Стивенс снял стекло с одной из них, чтобы зажечь, но только попусту истратил несколько спичек: фитиль не загорался. Ощупывая в темноте гладкую поверхность чашеобразной части лампы, он обнаружил кнопку. Нажав на нее, адвокат отпрянул: сердцевина лампы ярко загорелась, и стало светло как днем. В комнате было три стула и еще кое-какая разрозненная мебель. Стивенсу хотелось осмотреть все подробно, но он слишком нервничал, понимая, что его пребывание здесь не случайно.

Заглянув за занавеску, он обнаружил за ней узкий коридор. Неся перед собой лампу, адвокат пошел вперед и дошел до небольшой лестницы. Поднявшись вверх по ступенькам, он увидел перед собой глухую металлическую дверь. Стивенс толкнул ее, но дверь не открылась, и он начал искать механизм, с помощью которого можно было бы ее открыть, но вдруг передумал, оставил поиски и вернулся в комнату. На этот раз он осмотрел ее более тщательно.

Было заметно, что в комнате давно никто не жил. Все было покрыто пылью, даже покрывало из декоративной ткани на кровати потемнело от грязи, а на нем лежал тоже запыленный экземпляр "Истории Грэнд Хауза". Стивенс схватил томик, и из него выпал листок бумаги. На листке он увидел много фантастических рисунков, а также надпись, сделанную уже выцветшими чернилами:

"Лучше перевести это. Я постепенно забываю язык".

Стивенс сразу же вспомнил все, о чем узнал из "Истории" при первом чтении. Ему стало интересно, и он сразу забыл обо всем, кроме книги. Вот о чем она рассказала ему на этот раз.

Испанская экспедиция, предпринявшая путешествие из Мексики к заливу Сан-Франциско, так и не обнаружила Грэнд Хауз, благодаря смелым действиям Тезлакодонала. Индеец спустился на берег, чтобы встретить корабль. Он без промедления оклеветал уже нанятых членами команды индейцев-проводников, заявив, что они агенты диких племен убийц, и предложил свои услуги. Его отличное знание испанского языка ввело в заблуждение де Порталу, к тому времени губернатора обеих Калифорний. Этот не-

далекийчеловек имел глупость безгранично довериться своему новому проводнику, так никогда и не узнав истинного положения вещей. Большая экспедиция вместе со своим военым эскортом была уведена в глубь суши, потом Тезлакодонал привел ее снова к побережью, но Грэнд Хауз на этот раз оказался далеко от них. За это время владельцы получили возможность подумать, что делать дальше с домом. Обмазав Грэнд Хауз глиной и посадив перед ним деревья, они укрыли его от посторонних взглядов со стороны моря. Но теперь перед ними встала более серьезная проблема: спрятать дом от взоров испанских авантюристов и священников, которых было здесь теперь даже больше, чем членов экспедиции.

Тогда решили создать видимость разрушения Грэнд Хауза.

Индейцы — жители деревни вдруг обнаружили, что им уже не разрешается подниматься на холм. На всех подступах к дому были поставлены надежные часовые. С севера привели сотни рабочих и расселили в хорошо охраняемом бункере. Днем мужчины и женщины дома, вооруженные и готовые в любой момент к бою, сторожили рабочих, пока те возили с восточного склона большие массы земли и заваливали ими Грэнд Хауз.

Замаскировать дом удалось в обстановке строжайшей секретности, и те, кто жил в деревне у подножия холма, не подозревали, что делается наверху. Работы длились год и два месяца, а после их окончания рабочие вернулись в свои дома. Но не прошло и дня, как в результате четко организованного нападения армии индейцев-головорезов из-за холма они были уничтожены все: каждый мужчина, женщина, даже ребенок. Таким образом одним ударом были уничтожены все, кто знал об операции по захоронению Грэнд Хауза.

В тот же вечер жители Альмиранта проснулись от громадного зарева, которое было видно со стороны холма. Огонь бушевал почти всю ночь, а утром они увидели огромные мраморные плиты, лежавшие на земле и покрытые сажей. Все как будто свидетельствовало о том, что Грэнд Хауз сгорел.

На верху укрытого землей дома была сооружена легкая испанская гасиенда — небольшое поместье, и снова было

посажено много деревьев. После этого Танекила отправился в Мехико-Сити и организовал там большое количество роскошных приемов, угощая местных высокопоставленных чиновников. Он недолго оставался там, чтобы не возбуждать излишнюю зависть, но губернатор, которому очень понравились его угощения, успел пожаловать ему большие земельные владения, своевременно зарегистрированные Танекилой в Мадриде. Через несколько лет его право на эти владения было ратифицировано американским правительством.

На этом Стивенс прервал чтение, мысленно представляя себе, как Таннахил играл роль добродушного хозяина перед людьми, которые уже два века были мертвы. Тут его поразила мысль о том, что он принимает все это как должное, ничему не удивляясь. Наконец он снова вернулся к действительности, пытаясь понять, как он мог забыть о том, что с ним произошло.

Все дело было в книге. Она словно устанавливала связь между пещерой и Грэнд Хаузом. По какой-то причине член группы привел его в эту тайную пещеру, предполагая, что он обнаружит комнату с книгой. Зачем? И почему этот человек скрылся?

На этой мысли Стивенс споткнулся. Он не мог найти ответа на эти вопросы. Нервничая, адвокат прислушался: было тихо. Он запихнул книгу в карман куртки, поднял лампу и остановился в нерешительности. Куда же ему идти?

Наконец Стивенс откинул занавеску и, спотыкаясь от волнения, вновь прошел по узкому коридору, заканчивающемуся лестницей и глухой металлической дверью, которую он уже осматривал. Стивенс опустил лампу на пол и налег на дверь. Со второй попытки дверь вдруг бесшумно поддалась. За ней находилась длинная комната, в которой Стивенсу сразу бросились в глаза стеклянные шкафы с глиняными фигурками божков. Он поднял лампу и шагнул в комнату. Она оказалась больше, чем ему показалось с первого взгляда, и в одном из ее углов он увидел лестницу. Стивенс поспешил к ней по проходу между рядами стеклянных шкафов. На полках была выставлена целая коллекция маленьких фигурок и причудливых украшений из драгоценных камней. Это, скорее всего, был музей, но

у Стивенса не было времени внимательно разглядывать его экспозицию.

Когда он поднимался вверх по лестнице, у него появилось ощущение, что место ему знакомо. Мгновение спустя, находясь уже на самом верху лестницы, он увидел перед собой плохо освещенную переднюю Грэнд Хауза. Стивенс медленно пошел вперед. Через стеклянную входную дверь не проникал ни один луч света, и адвокат облегченно вздохнул: он боялся, что часы показывают уже дневное время. "Значит, сейчас все-таки ночь, — подумал он, — и я был без сознания всего несколько минут". Он заглянул в гостиную, потом в комнату, уставленную книжными шкафами, а затем — в спальню. Нигде не было ни души. "Вряд ли это удобный момент, чтобы надолго оставаться здесь", — решил он и пошел назад к лестнице, по которой поднялся сюда. Спустившись по ступенькам в музей, Стивенс возратился к металлической двери. Ему удалось закрыть ее за собой без особых усилий, и он вновь очутился в маленькой комнате, в которой незадолго до этого обнаружил книгу. Он не задержался здесь, быстро пошел дальше в пещеру. Он собирался повнимательнее осмотреть ее. Стивенс посмотрел на часы: четверть первого.

Немного поколебавшись, Стивенс двинулся вперед, на этот раз по боковому тоннелю, освещая себе лампой путь. Из-за того, что извилистая дорожка круто спускалась вниз, ему приходилось почти бежать. Тоннель закончился другим — поперечным тоннелем, и Стивенс остановился, осматриваясь и размышляя, в какую сторону идти дальше. Он стоял так довольно долго, как вдруг его внимание неожиданно привлек тусклый отблеск стены напротив. Шагнув вперед и дотронувшись до нее, адвокат понял, что стена металлическая. Он вспомнил, что был уже здесь, когда выбирался из пещеры, но тогда подумал, что это — скалистая порода. Стивенс пошел сначала сто ярдов в одну сторону, уткнувшись в тупик, а потом, вернувшись к металлической стене, — приблизительно ярдов сто пятьдесят в другую сторону, также дойдя до тупика. Он снова вернулся к своему металлическому ориентиру и пошел назад по тому же тоннелю, который привел его сюда. На полпути вверх, слева от себя, он нащупал металлическую дверь. Уверенный в том, что здесь есть выход, адвокат начал

скользить пальцами по поверхности двери, надеясь открыть ее. Вдруг дверь легко сдвинулась влево, открывая широкий проем. Сделав шаг вперед, Стивенс определил, что находится в подвале здания своей конторы. Несколько минут он прислушивался, потом зажег электрический свет и выключил лампу. Он положил ее на грязный пол с той стороны двери, откуда пришел, и заметил, что с его стороны дверь покрыта бетоном: таким образом она была надежно замаскирована (стены подвала также были бетонными). Стивенс несколько раз открыл и закрыл дверь, а после этого направился в офис мексиканской компании.

В комнате ничего не изменилось с тех пор, как он побывал здесь несколько часов назад. Дверь была открыта, свет зажжен, глиняная фигурка лежала в том положении, в каком он оставил ее.

ГЛАВА XI

Был уже почти час ночи, когда адвокат отправился на поиски Таннахила.

Он обнаружил наследника вместе с большой компанией подвыпивших веселых молодых людей в ночном клубе под названием "Пристанище любителя выпить". Официант немедленно поднес ему бокал.

— Не беспокойтесь, — сказал он Стивенсу. — Это за счет миллионов Таннахила.

Огромная, тускло освещенная комната, забитая людьми, гудела от восторга. Адвокат медленно направился к боссу, который сидел в отдельном кабинете напротив двери, улавливая по пути обрывки разговоров: "Вы знаете, что счет, выписанный в...", "Восемьсот девяносто шесть долларов...", "Мне говорили, что он дал каждому официанту по пятьдесят долларов чаевых", "Говорят, что Таннахилы всегда устраивали пышные праздники. Надеюсь, традиция возродится...". Кто-то толкнул Стивенса сзади. Обернувшись, адвокат увидел, что это Ригс.

— Хотел вам дать знать, что я здесь, поблизости. Еще увидимся, — прошептал он и скрылся.

Вслед за Таннахилом Стивенс прошел в бар рядом. У дверей их встретил один из распорядителей, которого, очевидно, предупредили заранее о том, что наследник заглянет сюда. Громко и отчетливо он представил Таннахила большой компании присутствовавших. После этого не менее дюжины молодых девиц предприняли небезуспешные попытки расцеловать щедрого хозяина. Таннахилу это, как видно, понравилось. И Стивенс, стоя за его спиной, подумал, что вряд ли можно упрекать за это человека, который столько времени провел в больнице. Он решил не мешать боссу наслаждаться обществом, но и не терять его из виду.

Через час, когда адвокат уже собрался уходить домой, возле него возникла женщина. У нее были черные как смоль волосы и полное, но не лишенное прелести лицо. Она была небольшого роста, одета в красное платье, в ее ушах сверкали крупные рубины, а на пальцах — бриллианты. Украшением ее платья служили орнаменты, выполненные тоже из драгоценных камней. Она сказала:

— Мистер Таннахил прислал меня. Он хочет, чтобы вы отдали окончательные распоряжения.

Стивенс удивленно уставился на нее. Женщина тихо засмеялась.

— Я уже осматривала дом, — продолжила она. — Для начала мне потребуется в помощь несколько девушек. Для них нужно найти жилье неподалеку от дома. Но я сама буду жить в доме. Подходит?

Экономка! Стивенс совсем забыл об этом. А ведь он сам принимал сообщение от агента "Ильтвер имплоимент" о том, что они подыскали экономку Таннахилу. Босс с большим нетерпением ожидал момента, когда вся прислуга будет нанята.

— Если мистер Таннахил одобрит вашу кандидатуру, — сказал Стивенс, — то мы вас возьмем. Когда вы сможете приступить к своим обязанностям?

— Мистер Таннахил хочет, чтобы я начала службу завтра утром. Но я могу только послезавтра. Так складываются обстоятельства. — Женщина говорила очень решительно.

— Вы имеете в виду — двадцать девятого?

— Мистер Таннахил предложил мне премию в сто долларов, если я начну завтра, и пятьдесят — если я начну

послезавтра. — Она весело рассмеялась. — Я выбираю пятьдесят.

Когда Стивенс наконец узнал, как зовут женщину, — Джико Айне, — ему пришлось долго напрягать память, чтобы вспомнить, где он встречал это имя. Ну конечно! В "Танекиле Отважном" была следующая фраза: "Алонсо не повезло. Его жена, индианка по имени Джико Айне, заколола его ножом".

Стивенс не переставал думать о женщине, когда приехал домой и обнаружил, что уже четыре часа утра. "Значит, члены клуба пытаются проникнуть в Грэнд Хауз," — сделал он заключение.

Адвокат разделся в гостиной и пошел в спальню. Не включая света, он забрался под одеяло, и его тело тут же соприкоснулось с теплым обнаженным женским телом.

— Не бойся, — произнес голос Мистры Ланет.

— Господи Боже мой! — только и смог воскликнуть Стивенс.

— Ты ведь рад, что я здесь, правда? — спросила она.

И в первый раз ему показалось, что она хочет оправдаться.

Стивенс должен был признать, что действительно рад ее приходу. Он притянул женщину к себе.

— А какой долг ты платишь мне сейчас? — улыбнулся он.

— Прекрати. Ты единственный мужчина, с которым мне хорошо. Мне неприятно говорить тебе, что все это ненадолго, поэтому давай наслаждаться мгновением. — Она тихо засмеялась. — Может, я даю тебе пока небольшой кредит.

Усталости его, как не бывало. Стивенс почувствовал себя сильным, полным жизни, счастливым. Какова бы ни была причина ее прихода, он ощущал, что держит в объятиях женщину удивительного ума и чувственности, способную удовлетворить сильнейшее сексуальное влечение мужчины. Очень возможно, что он при этом лил воду на мельницу интересов группы, к которой она принадлежала. Стивенс припомнил, что Кахунья был, кажется, ее возлюбленным. Она что-то говорила об этом в их первую ночь...

Его захлестнула волна ревности, но уже через мгновение он отогнал неприятное чувство и забыл о прошлом женщины, которую так неистово любил сейчас. Позднее, когда они тихо лежали рядом, Мистра сказала:

— Говорят, что мужчина и женщина, испытывающие друг к другу одно только сексуальное влечение, не могут быть счастливы. Сейчас я готова оспаривать это утверждение.

Стивенс внезапно почувствовал себя очень уставшим.

— Извини меня, — сказал он, — но я смертельно хочу спать. — Он завернулся в одеяло и через мгновение провалился в небытие.

Было уже совсем светло, когда Стивенс проснулся от шума посуды на кухне. В первое мгновенине он подумал, что это его экономка, но тут же вспомнил прошедшую ночь, поглядел на то место, где рядом с ним спала Мистра, и все понял. Надев халат, Стивенс зашел на кухню.

Мистра стояла возле открытого посудного шкафа. Она обернулась и, спокойно посмотрев на него, объяснила:

— Я готовлю завтрак.

От безразличного тона ее голоса у Стивенса все внутри дрогнуло. Все было так, как будто ночью они не любили друг друга.

Попытавшись взять себя в руки, он просительно посмотрел ей в глаза, понимая, что эта женщина имеет над ним огромную власть, хотя для нее их отношения, возможно, всего лишь мимолетная связь. Стивенс медленно пошел к ней.

— Прошлой ночью, — начал он, — я так быстро увлекся, что не успел подумать, чем вызвано еще одно появление дамы, даже не обещавшей мне, что мы когда-либо увидимся. Что еще у тебя стряслось?

Мистра тянулась к верхней полке. Она взяла какую-то посуду, а потом, повернувшись к нему со слабой улыбкой, произнесла:

— К чему эти вопросы? Я думала, ты рад меня видеть, или я произвела на тебя прошлой ночью плохое впечатление?

Ее близость вдруг ударила его, как электрическим током. Он бросился к ней и прижал к себе, ощущая за тонкой тканью пижамы податливое тело. Губы Мистры откры-

лись для поцелуя, но в них не было столько страсти, сколько в его губах. Почувствовав это, Стивенс отпустил ее. Женщина сказала:

— Я думаю, что прежде чем лечь в постель, нам следует позавтракать.

— Я не собирался... — смешался он.

— А почему бы и нет? Ведь это так приятно. Ты можешь заниматься со мной любовью столько, сколько захочешь.

Никакой другой ответ из ее уст не доставил бы Стивенсу, столько удовольствия, как этот. Все его раздражение мгновенно прошло. Он спросил:

— При выходе из Вальдорф Армс проблем не было?

Она покачала головой:

— Я поднялась на сотню миль вверх на корабле, а вниз вернулась на шлюпке.

Ответ был очень неожиданным. Стивенс спросил:

— У вас есть корабли?

— Ты ведь был в одном из них, — ответила Мистра, не глядя на него, занятая приготовлением завтрака.

Стивенс уставился на нее, чувствуя, что его раздражение возвращается. Одновременно он вернулся мыслями к квартире Мистры в здании со странным куполом и вообще причудливой архитектурой. Ему трудно было поверить в то, что Мистра говорит правду, хотя он слышал от нее и более невероятные вещи.

— Как же это происходит? — допытывался он. — Купол открывается в туманные ночи, и корабль взмывает в темноту?

— Я понимаю, что это звучит странно для тебя. Но именно так механизм и работает. — Она замолчала. — А сейчас мне нужно одеться. Мы поговорим за едой. Это очень срочно.

Стивенс побрился, оделся, и все это время чувствовал, что неприятное чувство не покидает его. Но не успел он приняться за завтрак — французские тосты, бекон и кофе, как настроение улучшилось. Глядя на Мистру Ланет, он видел ее ясные зеленые глаза, аккуратно убранные волосы и лицо... Внезапно он нахмурился, вспомнив маску, которую обнаружил в сумочке женщины. Мысль о том, что она может носить маску (маску настоящей Мистры Ланет!) на-

сторожила Стивенса. Заметив, что она наблюдает за выражением его лица, Стивенс улыбнулся. Она улыбнулась в ответ — и на щеках появились морщинки. Он сразу подумал, что маска вряд ли могла быть такой чувствительной к каждому движению мускулов на лице. Стивенс спросил ее:

— В чем секрет вашего бессмертия?

Мистра пожала плечами.

— В Грэнд Хаузе.

— Но каким образом дом воздействует на тело? — настаивал он.

— Клетки кожи остаются неизменными.

Стивенс удивленно посмотрел на собеседницу. В ответ на его взгляд Мистра пояснила:

— Клетки кожи остаются молодыми. Они, в свою очередь, воздействуют на весь организм... Ну в общем, именно поэтому мы очень медленно стареем.

— Но почему именно клетки кожи? Почему тогда не стареют другие системы организма?

— Все дело в коже. Если кожа остается молодой, время останавливает свой бег.

— Ты хочешь сказать, что все эти косметологи, которые вечно твердят о необходимости ухаживать за кожей, правы?

Она пожала плечами.

— То благотворное влияние, которое оказывает хорошая кожа на организм, — бесспорно, важно для всех процессов жизнедеятельности. Но она также играет существенную роль в процессе дедифференциации...

Стивенс недоуменно взглянул на собеседницу, услышав незнакомое слово.

— Ты же слышал о таких формах жизни, которые способны восстанавливать конечности? — продолжила она. — Это и есть дедифференциация, и она осуществляется клетками кожи. — Мистра помолчала.

— Когда-нибудь я подробней объясню тебе это. А сейчас у меня мало времени. Мне срочно нужен адвокат.

Лицо ее мгновенно приняло серьезное выражение, глаза сузились. Она наклонилась к нему и стала рассказывать:

— Вчера днем мне позвонил мистер Хаулэнд. Он попросил меня прийти завтра до двенадцати часов дня в его

офис и дать свидетельские показания по делу об убийстве Джона Форда, охранника Грэнд Хауза. Мне крайне необходимо, чтобы со мной был адвокат.

Стивенс подумал о том, в какой неприятной ситуации оказались члены их группы. Во-первых, все планы этих людей срывались из-за того, что дом продолжал оставаться собственностью Таннахила. Во-вторых, Мистра вынуждена была дать кое-какие сведения о них представителю закона. Она, конечно, могла сбежать, надев на себя маску и представ перед всеми другим человеком. Но изменение документов влекло за собой различные конфликты с законом: любое ведение дел, связанное с переходом имущества или денег от одного лица к другому, рано или поздно попадало под юрисдикцию правительственных чиновников и наименьшим злом здесь мог оказаться сборщик налогов. Хороший адвокат был им просто необходим!

— Ты возьмешься представлять мои интересы? — спросила Мистра.

Стивенс, очнувшись от своих раздумий, поспешил ответить:

— Я думаю, что да. Нет, подожди!

Он сидел, напряженно размышляя. Будучи представителем адвокатской конторы, распоряжавшейся делами Таннахила в Альмиранте, мог ли он взять в клиенты кого-нибудь, не спросив разрешения у хозяина? Минуту спустя, он продолжил:

— А как тебя угораздило вляпаться в дело об убийстве? Я плохо знаю, как там все произошло, поэтому расскажи мне все с самого начала.

— Я была секретарем последнего Ньютона Таннахила и находилась в доме до тех пор, пока несколько недель назад мне не пришлось уехать по личному делу. Вот и все.

— Тогда ты в последний раз и видела Джона Форда?

— Я встретила его на улице около недели назад.

— Понятно, — сказал Стивенс. — Ну что ж, я буду сопровождать тебя на свидетельский допрос к окружному прокурору, но, если дело дойдет до суда, я вряд ли смогу помочь. С моей стороны это будет неэтично... Нам нужно придумать подробную историю, которую ты расскажешь Хаулэнду и... — он усмехнулся — она должна быть очень правдоподобной.

— Я расскажу тебе о себе, — предложила она.

Стивенс приготовился внимательно слушать.

Мистра начала с событий пятилетней давности, когда она поступила на работу к Ньютону Таннахилу. Она рассказала, что тогда в ее обязанности входило составление каталога коллекции произведений искусства босса. Постепенно круг ее обязанностей расширился, она стала заниматься самыми разнообразными делами дома и решала многие возникавшие вопросы, если Таннахила не было в городе.

В логической цепи, которую выстроила Мистра, отсутствовало очень важное объяснение: как она, еще несколько лет назад нуждавшаяся в работе, могла сейчас позволить себе носить норковые пальто и ездить в самых дорогих автомобилях. Женщина упустила также и то, почему несколько недель назад внезапно отказалась от работы. На эти вопросы Хаулэнд заставит ее ответить непременно.

Поэтому Стивенс предложил ей эти вопросы заблаговременно.

— Ты спрашиваешь, откуда у меня деньги? — воскликнула она удивленно, как будто раньше это не приходило ей в голову. — Ну, у меня были сделаны, по совету мистера Таннахила, некоторые вложения. У него на этот счет всегда было чутье.

— Почему же ты не оставила работу, когда у тебя появились большие деньги?

— Я была предана мистеру Ньютону Таннахилу. Но, естественно, моя преданность не обязательно должна была распространяться на его наследника.

Подумав мгновение, Стивенс кивнул и заметил:

— Звучит правдоподобно. Ты уверена, что не существует ничего другого, на чем Хаулэнд мог бы поймать тебя?

Мистра задумалась, потом покачала головой:

— Ничего, что ему могло бы быть известно.

— Ну, тогда я иду звонить окружному прокурору. Может, мне удастся получить отсрочку.

— Я пока вымою посуду, — сказала Мистра.

Стивенс мгновение наблюдал, как она быстро убирает со стола. Было в этой сцене что-то уютно-успокоительное. Когда Мистра прошла рядом, Стивенс инстинктивно взял

ее за руку. Она вырвала руку и насмешливо-серьезным тоном произнесла:

— Ты идешь звонить?

Стивенс улыбнулся, встал и пошел звонить Хаулэнду. Секретарь сразу же соединила его, и Стивенсу быстро стало ясно, что окружной прокурор не допустит отсрочки.

— Она должна быть в офисе сегодня же. Я не шучу, Стивенс.

— А тебе не кажется, что ты несколько превышаешь свои полномочия? В конце концов, мисс Ланет никуда не уезжает, и с ней можно встретиться в любое удобное для нее время.

— Если она сегодня не явится, — отрывисто произнес Хаулэнд, — я выпишу ордер на ее арест.

Стивенс не пытался скрыть удивления:

— Я протестую против такого обращения с моей клиенткой. Но если ты настаиваешь, мы приедем.

— Я настаиваю, — заявил Хаулэнд. — А сейчас, если ты не возражаешь, я хочу задать тебе вопрос. — Голос его стал еще более строгим. — Об убийстве Джона Форда.

— Да? — Стивенс терпеливо ждал.

— Мисс Ланет — твоя единственная связь с этим делом?

"Ну уж нет, — подумал адвокат, — ты ничего из меня не вытянешь, даже и не пытайся", а вслух сказал:

— На что ты намекаешь?

— Больше никто не пытался вовлечь тебя в это дело?

— Еще нет. А что, ты меня кому-то рекомендовал?

— Ну ты шутник, — рассмеялся Хаулэнд. — А если серьезно, Стивенс, кто-то ведь должен ответить за убийство этого ниггера, и, похоже, что игра здесь идет покрупному. У меня имеются основания полагать, что убийца уже принял определенные меры и, очевидно, нанял себе адвоката.

— В таком случае ты знаешь, кто он. Так? — жестко спросил Стивенс.

— Думаю, что знаю. Вопрос в том, чтобы найти доказательства и понять мотивы преступления, хоть есть и кое-что другое, о чем я тебе, конечно же, не скажу. А теперь... — тон голоса Хаулэнда стал покровительственным. — Срочно

приводи эту дамочку, если хочешь, чтобы все было в порядке. До встречи!

Стивенс положил трубку и сразу же снова снял ее, чтобы набрать номер Грэнд Хауза. Дойдя до последней цифры, он сделал сбой. "Подожди, — сказал он себе, — лучше после допроса. У меня появится хоть какая-то информация". В этот момент в комнату вошла Мистра и весело сказала:

— Возьмем мою машину. Сегодня я буду твоим шофером.

У Мистры был новенький блестящий "кадиллак". Сидя рядом с ней в комфортабельном салоне, он снова поймал себя на мысли о том, откуда у его возлюбленной столько денег. Всего пять лет назад она была обыкновенной секретаршей, а теперь — поглядите-ка! Все это будет нелегко объяснить прокурору.

Они доехали до здания суда без происшествий, и Хаулэнд сразу же принял их. Окружной прокурор встал и пошел им навстречу, внимательно рассматривая Мистру. Его взгляд перебегал с ее дорогих туфель на норковую горжетку, с горжетки на великолепную дорогостоящую шляпу. По взгляду Хаулэнда можно было догадаться, что он оценил не только красоту здорового крепкого тела женщины. По его лицу скользнула удовлетворенная улыбка, и он задал свой первый вопрос:

— Мисс Ланетт, вы были возлюбленной Ньютона Таннахила?

Мистра, казалось, была удивлена, но сразу же решительно ответила:

— Нет!

— Если это так, — вкрадчиво начал Хаулэнд, — то как объяснить тот факт, что с тех пор, как вы стали служащей мистера Таннахила, вам ежемесячно выплачивалось жалованье размером в двенадцать тысяч долларов, и так все пять лет? Неплохая сумма для секретарши, которую наняли для того, чтобы заниматься каталогами коллекции!

Стивенс стоял рядом с Мистрой, чтобы видеть ее реакцию. Действительно, как можно объяснить это? До него вдруг дошел смысл цифры, которую назвал Хаулэнд. Все его спокойствие мгновенно улетучилось. Стивенс почувст-

вовал себя человеком, стоящим над пропастью. Теперь он уже верил всему и ясно осознавал, что эта группа бессмертных мужчин и женщин веками проживала в вечном доме, возвышавшемся над древним океаном. Он знал, что эти люди использовали достижения самой передовой науки и техники и что они обладали несметным богатством.

Стивенс еще раз попытался осмыслить размер жалованья Мистры. Да это же сто сорок четыре тысячи в год! Он никогда не был слишком меркантильным человеком, но эта цифра его потрясла. Как будто издалека до него донеслись слова Хаулэнда:

— ...мисс Ланет, думаю, понимает, что ей не следует вступать в конфликт с властями. Уверен, что ей никогда не приходило в голову, что тот небольшой обман, с которого все началось, закончится убийством. Естественно, она хорошо понимает, к чему я веду. Итак, мисс Ланет?

— У меня нет ни малейшего представления о том, что вы имеете в виду. Я отрицаю все ваши обвинения и подозрения, какими бы они ни были. Мне ничего не известно о смерти Джона Форда.

Хаулэнд начал терять терпение.

— Подумайте, мисс Ланет. Вам необходимо поскорее понять, в какое положение вы попали. Я все еще настроен по отношению к вам дружественно. Я все еще готов заключить с вами соглашение, благодаря которому против вас не будет выдвинуто обвинение в соучастии в преступлении.

Стивенс решил, что настал момент ему вмешаться.

— Что вам нужно от мисс Ланет? — начал он официальным тоном. — Из ваших вопросов следует, что вы хотите знать, как умер Ньютон Таннахил.

Хаулэнд насмешливо посмотрел на Мистру:

— Да, мисс Ланет, как он умер?

— Сердечный приступ, — объяснила она спокойно. — Доктор де лас Сьенгас сможет больше вам сообщить об этом. Он осмотрел тело. И, кроме того, я думаю, что свидетельству о смерти, которое выписано в Нью-Йорке, есть основания доверять.

— Ну, конечно, — насмешливо сказал Хаулэнд. — А кто его видел, это нью-йоркское свидетельство о смерти? Оно вообще когда-то существовало? — Он взмахнул своей

огромной рукой. — Ну ладно. Теперь это уже не имеет значения. Мисс Ланет! — В голосе окружного прокурора появились ехидные нотки.

Стивенс, глянув на Мистру, понял, что она тоже уловила изменение в тоне Хаулэнда.

— Да? — голос ее стал жестким.

— Вы не возражаете против встречи с Артуром Таннахилом, владельцем города?

Мистра помолчала в нерешительности.

— У меня нет ни малейшего желания встречаться с ним, — в конце концов бросила она.

Хаулэнд вскочил с кресла.

— Не связано ли ваше нежелажние встречаться с ним лицом к лицу с тем фактом, что, когда сегодня утром мы вскрыли могилу Ньютона Таннахила, гроб оказался пустым?

Хаулэнд обошел вокруг стола.

— Если у вас теперь нет возражений, — саркастически сказал он, — я немедленно отвезу вас в Грэнд Хауз и представлю мистеру Таннахилу. Идет?

Стивенс, который уже достаточно хорошо оценил ситуацию, быстро сказал:

— Я сам позвоню мистеру Таннахилу и все объясню ему.

Хаулэнд оскалился:

— Ты ничего ему не скажешь. Хочешь предупредить его, чтобы туда наехала вся полиция города? Нет уж! Я хочу устроить сюрприз.

Стивенс разъярился:

— Послушай! Ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Никогда, — решительно парировал Хаулэнд, — я не был более уверен в своей правоте.

— Ради Бога, вспомни, что у тебя есть мозги. Вспомни, что ты втягиваешь во все это Таннахила. А отпечатки? Их можно проверить, и тогда все выяснится, а ты останешься в дураках.

Стивенс чувствовал себя неловко, когда говорил это. Если Мистра сказала ему правду, то отпечатки дяди и племянника совпадут. Невероятно, что их группа не подумала об этом. Если бы они это предусмотрели, то отпечатки были бы уже под рукой.

— Мы проверили уже все агентства, в которых могли быть отпечатки пальцев Ньютона Таннахила, — сообщил Хаулэнд. — И нигде — ничего. К сожалению, мы можем полагаться только на официальные инстанции.

Стивенс и сам не знал, принесла ли ему эта информация облегчение.

— И все же, — просительно начал он, — позволь мне позвонить мистеру Таннахилу, и я думаю, что все это можно будет выяснить без лишних осложнений.

Хаулэнд покачал головой.

— К черту Таннахила! — сказал он грубо. — Все равны перед законом, ни у кого нет никаких преимуществ. Вы едете или я звоню в полицию, чтобы тебя продержали здесь, пока мы с мисс Ланет не приедем в Грэнд Хауз.

Следуя за Хаулэндом, Стивенс думал: "Это из-за того, что его лишили места управляющего в конторе. Он все же решил отомстить".

По крайней мере, во всем этом был один обнадеживающий аспект. Пока интересы Стивенса и интересы Таннахила в основном совпадали.

ГЛАВА XII

Машина поднималась в гору. Стивенс обернулся. Солнце освещало безбрежный океан. Справа и слева окраины Альмиранта плавно переходили в цепь холмов, покрытых зеленью. Далеко на юге сверкала серебряная колея, по которой периодически из поросшей кустами равнины выползал и поворачивал в сторону океана поезд.

Машина сделала крутой поворот, выровнялась на последнем выступе горы и очутилась возле дома.

Первое, что увидел Стивенс, заставило его на какое-то мгновение застыть в машине: он совсем забыл об эффекте ступеней или, может быть, просто этот дом не значил для него так много, когда он в последний раз видел его с фасада. Ряды деревьев были посажены так, чтобы дом как можно меньше бросался в глаза. Они скрывали ступеньки. Прохожие могли видеть Грэнд Хауз в том случае, если

поднимали головы. А над деревьями виднелся только один этаж. Ни одна ступенька не была видна снизу, а их было — двадцать пять. Ступеньки набегали на дом по всей ширине его фасада по крайней мере футов на сто. Они заканчивались широкой мраморной террасой, в центре которой располагалась двойная дверь из толстого стекла.

Ступеньки были из мрамора. Сам дом был построен из хорошо отполированных плит того же материала, и на расстоянии его стены создавали иллюзию удивительной белизны. Вблизи из-под верхнего блестящего серовато-беловатого слоя просвечивал зеленый оттенок.

Стивенс вышел из машины вслед за Хаулэндом и Мистрой и медленно последовал за ними на террасу, где остановился позади них, ожидая, когда ответят на звонок. Позвонил Хаулэнд.

Окружной прокурор повторил звонок еще раз пять, но никто не откликнулся.

Стивенс первым отошел от двери. Он последовал вдоль террасы, молча глядя по сторонам. Слабый ветерок коснулся его щеки, и его поразила мысль о женщине — до сих пор живущей: неужели тысячу лет назад она так же стояла на этой мраморной террасе, а ветер точно так же ласкал ее лицо, и был точно такой же зимний калифорнийский день?

Тогда эта местность еще не называлась Калифорнией. Это было еще до того, как пришли испанцы (часть их направилась в сторону низменности, часть — в сторону гор), даже до того, как пришли ацтеки.

Стивенс глянул вниз, где зеленая земля сливалась с сине-зеленым океаном... Почти пятьдесят поколений смотрели с этого места на его величественные воды, на незнакомых мужчин и женщин, приходивших сюда из далеких стран за горизонтом. Стивенс почувствовал внезапную грусть и острое нежелание стать старым и умереть, в то время как бессмертный дом будет продолжать жить и стоять здесь, под вечно теплыми небесами Калифорнии.

Стивенс в задумчивости перевел взгляд на мраморную террасу. Боковые стороны ступенек были отполированы до такого же блеска, как и их основания. Но все же то тут, то там виднелись небольшие выщербины. Стивенс поду-

мал, не являются ли они последствиями давних битв: швыряния камней, метания стрел.

В чем же заключалась тайна этого места? Каким образом дом помогал людям жить вечно? Стивенс встал на колени и, нагнувшись, поднял кусочек мрамора, отколовшийся от одной из ступенек. Адвокат положил его в карман с намерением позже сделать анализ материала. Потом он обернулся и увидел, что Мистра стоит в двух шагах от него. Их глаза встретились; Стивенс смущенно опустил голову, увидев удивленное выражение на ее лице.

Мгновение спустя, Стивенс услышал шум открывающейся двери и услышал голос Таннахила. Он поспешил к хозяину.

— Мистер Таннахил, — сказал он уныло, — я хотел позвонить вам, но мне пригрозили арестом, если я сделаю это.

Таннахил посмотрел на него сузившимися глазами, потом перевел взгляд на Хаулэнда.

— Что ж, проходите все вместе, — наконец пригласил он, а потом добавил:

— Я дремал, а слуг в доме пока еще нет.

Стивенс вошел последним. Они очутились в огромной передней. Полы были отполированы до блеска. Далеко впереди виднелась лестница, которая вела на площадку. С каждой стены передней было по шесть дубовых дверей. Таннахил повел их к ближайшей слева.

Стивенс замешкался у дверей, намереваясь отстать от Хаулэнда и Мистры. Он успел шепнуть боссу:

— Дела плохи.

— Я ожидал этого, — кивнул Таннахил.

В гостиной хозяин предложил всем сесть. Его взгляд задержался на Мистре:

— А, мисс Ланет. Молодая леди, которая уволилась без объяснений как раз перед моим приездом. Вы были секретарем дяди. Почему вы так поступили?

Хаулэнд прервал Таннахила:

— Я могу дать возможное объяснение ее поведения. Причина, вероятно, в том, что мисс Ланет была возлюбленной... эээ... вашего дяди. Несколько лет назад он в сущности бросил ее, из-за чего она и решила причинить вам некоторые неудобства. Особый способ мести.

— Давайте прекратим сплетничать. Вы вскрывали могилу? — спросил Таннахил.

— Да.

— Что-то нашли?

— Гроб был пуст.

— Вы намерены выдвинуть против меня обвинения в убийстве?

— Да, намерен, — ответил Хаулэнд.

— Но это же идиотизм! — сказал Таннахил, но Стивенс увидел, что он побледнел.

Воцарилось молчание. Стивенс не шелохнулся. У него было ощущение, что Таннахил избрал правильный метод, предложив играть в открытую. Никто лучше Стивенса не знал, что Хаулэнд пошел ва-банк и теперь немало удивлен тем, как спокойно встретили его здесь, перейдя сразу к откровенному разговору.

Таннахил проковылял к креслу и тяжело опустился в него. В кресле напротив расположился Хаулэнд, который снова рвался в бой. Он обратился к Мистре:

— Ну что, мисс Ланет, поиграем в мячик?

Краска прилила к щекам Таннахила. Он тоже посмотрел на Мистру.

— Мне бы хотелось задать мисс Ланет несколько вопросов.

Хаулэнд грубо прервал его:

— Можете устроить ей перекрестный допрос, когда она будет стоять на свидетельском месте в суде. А мне сейчас нужно только...

— Хаулэнд! — громко произнес Стивенс. — Я хочу выяснить, какое обвинение вы выдвигаете против мистера Таннахила. Вы собираетесь обвинить его в убийствах дяди и Джона Форда?

— Мы посмотрим, как сформулировать обвинение, когда будем его арестовывать, — ответил окружной прокурор.

— Думаю, — мрачно заметил Стивенс, — что мотивы поведения бывшего адвоката Таннахилов могут быть неправильно истолкованы, когда он в качестве шефа прокуратуры начнет выдвигать обвинения против бывшего клиента. Вы меня понимаете? Вы готовы к тому, что ваши поступки станут притчей во языцех?

Однако Хаулэнд, очевидно, не относился к типу людей, которые заботятся о своей репутации. Он небрежно махнул рукой.

— Естественно, — сказал он, — что арест будет произведен, когда расследование придет к концу. Мы ждем подтверждений из больницы о факте исчезновения больного третьего мая этого года. И это еще не все. Я настоятельно советую мистеру Таннахилу не предпринимать ни малейших попыток покинуть город.

Таннахил встал с кресла. Он выглядел устало.

— Мне кажется, — сказал он, — что мистер Хаулэнд делает ошибку, пытаясь отличиться на службе без, скажем так, учета местных финансовых интересов, которые ему могли бы быть обеспечены, если бы он рассматривал кое-какие вопросы под правильным углом зрения. Это все, что я могу ему сказать, — он пристально посмотрел Хаулэнду в глаза. — Если он решится на тот шаг, о котором говорил, — Таннахил заколебался, — то есть, выдвинуть против меня это смехотворное обвинение, то ему придется вступить в схватку, из которой он вряд ли выйдет победителем. — Он закончил очень тихо: — До свидания, мистер Хаулэнд, надеюсь, мы еще увидимся.

— Я уверен в этом, — иронически отпарировал Хаулэнд.

Он встал и посмотрел на Мистру:

— Вы идете, мисс Ланет?

Женщина быстро встала и подошла к Стивенсу:

— Я отвезу господина окружного покурора, а потом вернусь за вами.

Не дождавшись его ответа, она повернулась и направилась к двери. Они с Хаулэндом вышли. Стивенс посмотрел в сторону Таннахила и увидел, что тот наблюдает за ним.

Молчание прервал Таннахил.

— Что вы имели в виду, когда говорили о Хаулэнде как о бывшем управляющем делами?

Когда Стивенс объяснил, Таннахилл долго сидел, не говоря ни слова и сжав губы. Наконец он заговорил:

— Люди, в общем, не любят чувствовать себя подкупленными. Не сердитесь, если я подразню Хаулэнда, предложив ему прежний пост. Он его, конечно, не займет, как вы понимаете. Ни я, ни он после того, что здесь сегодня

произошло, уже не сможем доверять друг другу. Но возможность получить значительный доход при невозможности принять место, которое его обеспечивает, будет отравлять жизнь этому джентльмену.

Стивенсу не слишком понравилась эта идея, так как он не разделял уверенности хозяина в том, что Хаулэнд не ответит согласием на предложение. Однако он не собирался обсуждать эту тему. Вместо этого он задал вопрос, который его давно мучил:

— Мистер Таннахил, можете ли вы как-то объяснить, зачем человеку нужно притворяться умершим, заплатить огромный налог за право вступления во владение своим собственным имуществом, а потом вернуться в свой собственный дом, назвавшись своим собственным племянником?

— Не говорите глупостей. У меня есть своя версия на этот счет. Очевидно, меня положили в гроб вместо моего дяди, потому что его тело найдено не было. — Таннахил наклонился вперед и серьезно спросил: — Какое еще разумное объяснение здесь может быть? За его убийством последовала целая цепь событий. Тот, кто его убил, был заинтересован в том, чтобы состоялись официальные похороны. Меня в бессознательном состоянии выкрали из больницы, чтобы я сыграл роль исчезнувшего покойника. Сходство между нами, вероятно, было. А так как я был без сознания, то, конечно же, ничего не могу помнить.

— Значит, мы будем строить защиту на этих доводах? — с сомнением спросил Стивенс.

Таннахил нахмурился:

— А что мисс Ланет?

— Как секретарь вашего дяди она, без сомнения, будет главным свидетелем на суде. Но меня не так волнует то, что она скажет там, как то, какие факты могут всплыть в связи с этим. Например, ее положение в доме, ее большое состояние и так далее.

— Понятно, — кивнул Таннахил.

— К сожалению, дела складываются пока не в вашу пользу, — извиняющимся тоном добавил Стивенс.

Таннахил встал и четко произнес:

— У меня есть одно предположение относительно того, чего хочет мисс Ланет. Если будет нужно, я дам ей то, что она хочет. — Его голос напрягся: — Я хочу, чтобы

вы, Стивенс, тоже поняли одну вещь. Нет ничего такого, что может оказаться мне не по силам. Из истории своей семьи я вынес убеждение, что мужественный и решительный человек способен преодолеть любые преграды, когда попадает в трудную ситуацию.

Стивенсу было любопытно узнать, какие книги об истории своей семьи прочитал Таннахил, но он не решился на расспросы. Адвокат услышал шум автомобиля, поднимающегося в гору, и подумал, что Мистра уже возвращается. Поколебавшись, он сказал:

— Мистер Таннахил, я полагаю, что самое главное для нас сейчас — избежать ареста. Если нам это удастся, мы сумеем оправдаться в глазах города. Мы должны убедить газеты стать на нашу сторону и пока ничего не опубликовывать из фактов, которые будут им сообщать. Нам следует их предостеречь против этого.

— Вы полагаете, что пора переходить к безотлагательным мерам?

— Да. Нужно позвонить судьям Портеру и Адамсу. Думаю, они не осведомлены о том, что затевает Хаулэнд.

Сам он верил в это толко наполовину. Возможно, что группа в целом не осознавала, какие опасности ей грозят. С одной стороны — Мистра, которой группа не могла доверять и у которой были свои собственные планы. С другой — Хаулэнд.

Таннахил протянул Стивенсу руку:

— А вы знаете, мне эта история начинает нравиться все больше и больше.

Пожав протянутую руку, адвокат сказал:

— Если случится неприятное, нашим главным оружием будет убийца, которого необходимо нам самим разыскать. Я позвоню вам, если появится какая-либо информация.

Стивенс остановился на самом верху лестницы с мраморными ступеньками и посмотрел по сторонам. Мистра как раз сворачивала на дорогу, прямо ведущую к Грэнд Хаузу. Ветер усиливался, и Стивенс замер, пораженный красотой открывшегося перед ним вида. Полуденное небо было ослепительно ярким. Океан переливался всеми цветами драгоценных камней. Раскинувшийся внизу город зеленел роскошным убранством деревьев.

Мистра притормозила рядом со Стивенсом. Когда он наклонился, чтобы открыть дверцу, она его опередила и крикнула:

— Быстрее, пожалуйста!

Обеспокоенный ее тоном и выражением лица, Стивенс быстро забрался внутрь и спросил:

— Что случилось?

Она не ответила, а вместо этого рванула машину вперед. Когда они доехали до развилки, то вместо того, чтобы повернуть в ту сторону, откуда она приехала, женщина резко развернула машину и бросила ее на узкую дорожку, пролегавшую вдоль высокой изгороди. Скорость машины так быстро увеличивалась, что Стивенс мог только прошептать:

— Мистра, ради Бога...

Вдруг машина резко остановилась. Дорога закончилась в ста футах от обрыва. Стивенс повернулся к Мистре и с удивлением обнаружил, что к своему носу и рту она приложила какой-то прозрачный щит. В это же время он почувствовал острый запах в машине.

Бензин!

Эта мысль продолжала смутно витать в мозгу, когда на его голову обрушился тяжелый удар. Органы чувств Стивенса работали еще ровно мгновение, потом — все перестало существовать.

ГЛАВА XIII

Едва Стивенс открыл глаза, как услышал голос Мистры:

— Если ты хочешь связаться с мистером Таннахилом, можешь позвонить ему.

Слова эти показались Стивенсу бессмысленными, но, вспомнив их автомобильную гонку и остановку на краю обрыва, а потом — вспышку перед глазами, он инстинктивно потянулся к экстренному тормозу.

Но его на месте не оказалось.

Пораженный, Стивенс начал осматриваться по сторонам и обнаружил, что находится в квартире Мистры.

Справа был бар. Слева — коридор, который вел в спальни, и окно, из которого падал солнечный свет. В углу что-то тихо бормотало радио, и Мистра, которая успела куда-то выйти, через мгновение появилась рядом с ним, держа в руках два бокала.

Женщина внимательно посмотрела на Стивенса и настойчиво повторила:

— Уверяю тебя, ты можешь позвонить отсюда. Этот телефон подключен к универсальной коммуникационной системе и через нее — ко всем телефонным линиям.

Стивенс посмотрел на телефон, потом — покачал головой, не желая признаваться, что не понимает, о чем говорит Мистра. Он дважды пытался прокрутить в голове то, что произошло с ними, и каждый раз, когда он доходил до того момента, как их машина остановилась у края пропасти, он не мог вспомнить, что было дальше.

Но в конце концов его внезапно озарило.

Стивенс обвиняюще глянул на Мистру и спросил:

— Чем ты оглушила меня?

— Извини, — виновато улыбнулась Мистра, — но у меня совсем не было времени объясняться с тобой. Ты мог оказать сопротивление.

Стивенс раздраженно продолжил:

— Насколько я помню, ты должна была отвезти Хаулэнда в его офис и...

Мистра скороговоркой начала объяснения:

— Я связалась с группой и рассказала о намерениях Хаулэнда. Было решено, что нужно тщательно скрыть все, а для этого оказать давление на окружного прокурора. Хотя я не думаю, что это сработает.

Стивенс начал вспоминать всех важных особ в городе, которые, предположительно, являлись членами группы. Многие из них могли бы оказать давление на Хаулэнда.

— Почему же нет? — удивился он.

— Дорогой, ты не понимаешь. У окружного прокурора политические амбиции. Если его друзья начнут на него давить, это вызовет у него протест. Такое уже один раз произошло в нашей истории, в результате чего мы потеряли контроль над городом на целые несколько лет. Мы не можем допустить, чтобы это случилось еще раз.

— Как же планирует действовать группа?

— Для начала все-таки нужно попытаться отговорить Хаулэнда от каких- либо действий. Если это не получится и он начнет осуществлять свой план, нам придется уничтожить его.

— Ты хочешь сказать, что вы позволите ему арестовать Таннахила? — Стивенс упрямо покачал головой. — Извини, но я все еще надеюсь предотвратить это.

— Почему?

— Мне не может нравиться, — начал Стивенс, — что женщина, однажды уже чуть не отравившая моего босса, продолжает делать все, чтобы окончательно утопить его. И если группа тоже плохо к нему относится, то ситуация может разрешиться не в пользу наследника. Она закончится чем-то вроде открытого линчевания. Я отказываюсь играть в такие игры.

— Группа, может, и плохо относится к нему, — сказала Мистра, — но это совершенно не оказало влияния на ее решение. Все понимают, что смена владельца — очень сложный процесс. Наследников у семьи нет, и мы можем вообще потерять дом.

— Здесь что-то не так. Ты можешь поклясться, что вы не замышляете принести в жертву Таннахилла?

— Я не могу поклясться в этом, но верю в то, что этого не произойдет.

Стивенс вынужден был признать, что Мистра ответила ему честно. Она не могла отвечать за каждого из членов группы, чьи тайные намерения были известны только им самим или же их телепатке.

— Я думаю, — продолжил он, — что мы должны попытаться оградить Таннахила от ареста. А если уж это произойдет, немедленно освободить под залог. И я не вижу причин для того, чтобы позволить Хаулэнду вести себя, как ему вздумается.

— Тогда лучше звони Таннахилу. Думаю, что на окружного прокурора уже начали оказывать давление. Если он заартачится, то ордер на арест Таннахила будет готов не долее, чем через час.

— Что?!

Стивенс вскочил и уже через мгновение разговаривал с Таннахилом по телефону. Он объяснил ситуацию, не выдавая источника информации, и предложил план действий:

— У вас наверняка найдется какая-нибудь служебная машина, по которой нелегко будет сразу вас распознать. Воспользуйтесь ею. И, если возможно, когда придется идти пешком, старайтесь ходить без палки... наложите усы... и... мы сможем снова увидеться на том же месте и в то же время.

Таннахил, казалось, нисколько не был обеспокоен.

— Это хороший совет, Стивенс, — сказал он. — Я воспользуюсь им.

Адвокат, облегченно вздохнув, положил трубку, и в этот момент он услышал убитый голос Мистры:

— А теперь, пожалуйста, выгляни в окно.

— В окно? — удивленно переспросил он.

Стивенс подошел к окну, отодвинул занавески и, несмотря на то, что он не мог поверить своим глазам, почувствовал близкий обморок.

— Господи! — вырвалось у него.

Вокруг простиралась огромная, подернутая темной дымкой пустота. Первоначальное чувство ужаса постепенно утихло, и он попытался рассмотреть мир, раскинувшийся перед ним, не имеющий ни формы, ни размеров, ни жизни...

Стивенс припомнил, где он видел нечто подобное: фотографии, отснятые с борта самолета на высоте сотен миль, давали приблизительно такой же эффект.

Стивенс отпрянул от окна и, не обращая внимания на стоявшую рядом Мистру, бросился в сторону коридора, который вел в комнату, являвшуюся одновременно библиотекой и музыкальным салоном. Вбежав в нее, он сразу же увидел, что металлическая дверь на вершине лестницы, которая во время его первого визита была заперта, — теперь открыта. Он мгновенно взобрался наверх, туда, где как он уже догадался, находилась рубка управления космического корабля.

Стивенс увидел там четыре прикрепленных к полу кресла. Они располагались в ряд вдоль огромной панели управления. Через ряд окон можно было наблюдать за работой каких-то машин и механизмов. Над окнами и прямо над креслами управления располагались плоские телевизионные мониторы, на одном из которых запечатлелась картина раскинувшегося внизу мира.

Казалось, что корабль двигался очень плавно, внутри движение его вообще не осущалось. У Стивенса возникла мысль, что под огромным куполом над Вальдорф Армс скрывается ангар корабля. Мистра в этом не обманывала его.

Почему он так долго сопротивлялся очевидности? По сути, ситуация была ясна и так, но ему непременно необходимо увидеть все своими глазами. Вот теперь он и увидел...

Мысли Стивенса обратились к угрозе атомной войны... Медленно ступая, он направился обратно в гостиную. Женщина сидела на диване, на столе перед ней стояли два бокала с напитком. Она испытывающе посмотрела на адвоката.

— Ты все еще отказываешься помогать мне?

— Я не могу.

— Почему?

Стивенс чувствовал острое желание объяснить свою позицию, но убедительных аргументов не возникало. В конце концов он спросил:

— Зачем я тебе нужен?

Мистра спокойно объяснила:

— В годы последней войны на бомбардировщиках во время полета обязанности были четко распределены между членами экипажа. Я смоделировала здесь такие условия, при которых одна смогу справиться с любой из задач, исключение составляет лишь случай массированной огневой атаки на корабль.

— Тебе придется опустить корабль так низко?

Мистра кивнула.

— Некоторое время придется лететь в зоне мощнейшей противовоздушной обороны. Но мой корабль не полностью приспособлен к условиям войны. Вот почему они оставили мне его.

— Ты намерена рисковать жизнью?

— Элисон, мы должны попробовать. Другого выхода нет.

Стивенс начал подыскивать подходящий ответ и, не найдя его, с досадой выговорил:

— Но к чему такая спешка?

— Я получила важные известия. Атака на Соединенные Штаты планируется вместо января на октябрь.

— Еще восемь месяцев, а ты уже волнуешься.

— Ты не понимаешь, — продолжила Мистра. — Пока атомные боеголовки хранятся на складах. Но в течение следующей недели они будут доставлены на воздушные и морские базы. После этого можно будет оказывать только психологическое воздействие. — Женщина замолчала, а через мгновение произнесла: — Элисон, я не скрываю от тебя опасности, на которую мы оба идем. Но это залог твоего входа в дом.

Предложение Мистры прозвучало очень неожиданно для Стивенса, хотя, в общем-то, он должен был догадаться о том, что она пообещает ему это. В конце концов после всего того, что он узнал, группа могла с ним поступить лишь двумя способами. Его либо приняли бы в свои ряды — либо убили бы! Сейчас Мистра обещала ему, что за определенную услугу с его стороны она сможет добиться его приема в группу и входа в Грэнд Хауз.

Стивенсу очень хотелось этого, но, осознавая опасность их теперешнего положения, он понимал, что надежды мало. Кроме того, он сомневался в ее возможностях, что и высказал ей:

— Не думаю, что ты одна можешь открыть передо мной двери Грэнд Хауза.

— Не сомневайся, — спокойно ответила она и, не глядя на Стивенса, продолжила: — Дорогой мой, долгая жизнь имеет и свои грустные моменты. Ужас вечных вопросов для нас становится особенно безысходным. Элисон, я играла с крошечными детьми, а спустя девяносто лет, стояла, нетронутая временем, над их могилами и думала: в чем был смысл их жизни и зачем живу я? Это нелегко, должна тебе сказать. Некоторые из нас стали закоренелыми циниками и попытались уйти от мыслей о бессмысленности существования в бесшабашность разгульной жизни. Я тоже на протяжении некоторого времени вела подобный образ жизни: имела несчетное количество любовников, бросала одного за другим, как только обнаруживала в них признаки старения. Но это прошло. Потом я жила как монахиня. Но и это не принесло моей душе умиротворения. Постепенно я начала строить свою собственную философию жизни — долгой жизни. Я поняла, что хорошо в основном то, что связано с хорошим здоровьем; что тело и

дух должны жить в согласии; и многое, многое другое, что, может, звучит тривиально, но не перестает быть истиной. Однако есть одно оправдание существования, самое важное для женщины. У меня его пока нет. Ты догадываешься, что я имею в виду?

Стивенс нежно посмотрел на Мистру, тронутый теплотой и серьезностью, прозвучавшими в ее низком голосе. Понимание и сочувствие наполнили его волнением.

— У тебя никогда не было детей. Так?

Мистра кивнула.

— Правилом группы — было никогда не заводить детей. Очень давно родились несколько, но их исключили из нашего круга. Это было безжалостно, но я понимала и принимала такую жестокость, связанную с необходимостью сохранения группы в определенных границах... Теперь же мое мнение изменилось. Уже десять лет я ищу человека, от которого могла бы родить ребенка.

Она замолчала. Потом, глубоко вдохнув, произнесла:

— Элисон, думаю, ты уже догадался. Я хочу, чтобы ты стал отцом моего ребенка.

Сказав это, Мистра нежно коснулась его руки. Ее неожиданное прикосновение было для него как удар током, пробежавшим по всему телу. Он схватил ее руку и жадно поцеловал.

Без единого слова они начали раздеваться. Несколькими мгновениями спустя, он легко поднял ее и на руках отнес в спальню. Когда Стивенс уже держал ее в объятиях, его внезапно ударила мысль: "А что, если она своим телом покупает его помощь — и больше ничего?" Но его опасение быстро потеряло свою остроту. Что ж! В каком-то смысле это было правдой. Но факт оставался фактом: сейчас эта женщина принадлежала ему без остатка. Их обоих одинаково охватило любовное желание. Стивенс даже готов был поверить в то, что на протяжении множества лет она никого не любила так, как его.

Но действительно ли может существовать любовь между смертным мужчиной и бессмертной женщиной? Ведь, когда он постареет, она будет оставаться молодой, прекрасной и вечно желанной. Ему не хотелось думать об этом. Сейчас же между ними происходил акт любви — любви зрелого мужчины и здоровой женщины, которые с каждой

новой встречей все неоспоримее доказывали друг другу, как удивительно хорошо им вместе.

Когда они оделись, Мистра повела Стивенса к бару. Остановившись возле него и резко повернувшись к своему возлюбленному лицом, женщина произнесла:

— Элисон, я точно знаю: то, что я чувствую по отношению к тебе, — это моя первая настоящая любовь.

В голосе ее звучала нежность. Стивенс поцеловал ее, все еще не до конца веря тому, что она сказала. В их поцелуе было столько неподдельного чувства, что теперь он уже не сомневался в ее искренности.

— Мистра, — сказал он. — Ты прекрасна.

Она рассмеялась.

— Это тебе я гарантирую навсегда. Поверь мне.

Ее смех вернул его к реальности. Внезапно ужасная мысль пронзила его мозг. Он отнял от себя ее руки и тихо спросил:

— Ты говорила о спасении планеты. Почему же ты не думаешь о тысячах тех жизней, которые будут уничтожены твоим ударом?

— Ведь я показала тебе предупреждение, с которым мы обратимся к населению.

. — Они не обратят на него внимания. Ты это прекрасно знаешь.

— Элисон, атаку нужно предпринять. Несмотря ни на что. И ты должен помочь мне... Ты ведь не хочешь упустить свой шанс — войти в дом и приобрести мою вечную любовь? Я клянусь тебе, что мы сделаем все, чтобы предупредить этих людей.

Стивенс не ответил, но его мозг отчаянно работал. Если он согласится на этот шаг, то уже никогда не сможет быть независимым. Эта женщина навсегда лишит его свободы самому решать за себя. Он должен идти или назад, или вперед. Даже любя, нельзя отказываться от своих убеждений.

Мистра глубоко верила в правоту своего дела. Но он точно знал, что она сбросит бомбы на тысячи невинных людей, работающих на военных заводах, и обречет их на смерть.

Сомнений у Стивенса больше не было. Одна женщина и один мужчина не имеют права вести войну против це-

лого народа. Когда он закончил объяснять ей свою точку зрения, Мистра грустно произнесла:

— Как только стемнет, я отвезу тебя обратно в Альмирант.

ГЛАВА XIV

Ночь была темной, и если бы не постоянные вздохи океанского бриза, на кладбище царила бы абсолютная тишина. Прождав Таннахила целый час, Стивенс и Мистра заволновались. Сидя рядом с адвокатом в машине, женщина тихо произнесла:

— Наверное, полиция задержала его.

Стивенс ничего не ответил, но подумал, что она, скорее всего, права. Отдав приказ об аресте Таннахила, Хаулэнд вряд ли повернет назад.

Прошло еще полчаса. Была уже почти полночь, когда Мистра снова заговорила:

— Может, я побуду здесь, а ты пойдешь позвонить в полицию и узнать, не задержали ли они его?

— Пока нет. Его могло что-нибудь задержать.

В следующий раз молчание прервал Стивенс.

— Я много думал о вашей группе. А вы раньше часто ссорились?

— Нет, пока среди нас не появилась двести лет назад ясновидящая.

— Я хотел спросить у тебя, почему у вас только один человек с такими способностями. Я всегда считал, что чтение мыслей — просто результат долгой жизни.

— Нет, — возразила она. — Один из членов нашей группы вошел в одну семью, живущую в Европе, в которой все обладали удивительным талантом ясновидения. Мы проводили эксперимент по получению такого человеческого экземпляра, в котором этот талант проявился бы наиболее мощно. Эксперимент продолжался два поколения подряд, пока не родился ребенок...

— И ты считаешь, что эксперимент прошел удачно?

— Что ты имеешь в виду?

Ему и самому трудно было сформулировать это. Он пытался связать воедино все нити, но очень многое все еще оставалось непонятным. Взять хотя бы ту же телепатку. Ведь Мистра наверняка обезоружила ясновидящую группы, когда у нее появился собственный план, противоречащий плану группы, стремившейся покинуть Землю. Ясновидящая должна была заблаговременно узнать о ее "предательстве" и предупредить остальных.

В группе считалось невероятным, что кто-то на какое-то время может скрыть что-то от ясновидящей. Может быть, допускалась возможность утаивания каких-то личных мыслей, но не более. Поэтому-то они и поверили ясновидящей, которая утверждала, что убийства совершались не членами группы, а посторонними людьми.

Но ведь Стивенс сам убедился, что от женщины, читавшей мысли, можно скрыть нечто очень важное. Не обнаружив в его мозгу информации об адресах "клиентов" "Мексиканской импортирующей компании", она лишь распознала ту его слабость, которая и без ясновидения могла стать понятной всем.

Стивенс медленно произнес:

— Был ли кто-то, у кого возникли возражения по поводу введения в группу человека с телепатическими способностями?

— Да. — Тон ее голоса стал ироничным. — Поначалу все, кроме того, кто обнаружил возможность заполучить такого человека.

— И кто это был?

— Таннахил.

— У него, наверное, были на это причины?

— Да, самые веские. Он подозревал, что в группе зреет недовольство его руководством, и хотел, чтобы домом управлял совет директоров, то раз это невозможно (а оказалось, что это действительно невозможно), мы предпочитаем Таннахила. Он вызывает некоторую неприязнь, но зато мы хорошо знаем его позицию. Любой другой владелец принес бы с собой что-то свое, нам неизвестное, и, скорее всего, стало бы еще хуже. Поэтому-то мы и согласились принять в свои ряды телепатку, чтобы она оказывала некое стабилизирующее влияние на группу. Она прочитала

мысли самых непокорных. После этого результаты голосования были единодушными. — Она невесело засмеялась.

— Были ли попытки отобрать дом у Таннахила?

— Да, у предыдущего владельца.

— Ты имеешь в виду таинственного вождя, который занимал Грэнд Хауз, когда появился Таннахил? Он вернулся? Выжил?

— Да, и многие из нас вернулись вместе с ним.

— Ты тоже была среди этих людей? — изумился Стивенс. — Так ты жила еще до Таннахила?

— Элисон, — спокойно начала Мистра, — ты не понимаешь, сколько лет я живу на свете. Я была среди пассажиров корабля, которые вынуждены были защищать себя во время бунта гребцов-рабов. Мы одолели мятежников, но сразу после этого попали в шторм, а среди нас не было никого, кто умел бы как следует управлять судном. Наше судно несло мимо берегов экваториальной Африки, а потом — Южной Америки, — в конце концов мы совсем заблудились.

— А как ты оказалась на этом корабле? Куда он следовал? — Стивенс с растущим интересом следил за ее рассказом.

— В то время я была дочерью римского чиновника.

Стивенс сглотнул, а потом спросил:

— Когда это было?

— В трехсотом году нашей эры.

— Дом такой старый?

— Намного старше. Нас наконец прибило к берегам нынешней Калифорнии, все мужчины были убиты владельцами, которые жили в доме уже несколько столетий.

— Но кто же построил Грэнд Хауз?

— Мы сами бы хотели это знать, — невесело сказала Мистра. — Одно время мы подозревали, что это ты. Помнишь?

Стивенс задумался, но через несколько минут снова начал допытываться:

— Мистра, тем великим вождем был Пили?

— Не знаю; кстати, Пили был одним из немногих сторонников идеи ввести в группу ясновидицу. Он первый присоединился к мнению Таннахила. Думаю, ты на ложном пути, подозревая его.

— Если только ему не известен способ утаивать каким-то образом свои мысли. Кроме того, ему удалось стать главным поверенным в делах Таннахила.

— Конечно, это дает ему определенные возможности, но не такие большие, как тебе кажется. Мы все были очень осторожны. Не случайно офисом Таннахила в Альмиранте уже много лет руководят люди со стороны — ты, Хаулэнд, другие до вас.

— А почему Хаулэнда отстранили от должности?

— Он заметил, что подпись на каком-то документе столетней давности точно такая же, как и на тех, с которыми ему пришлось иметь дело.

Стивенс иронично рассмеялся.

— И его заменили человеком, которого посвятили в массу тайн.

— Я посвятила тебя в эти тайны. Не группа... Элисон, уже час ночи. Если ты не пойдешь звонить, пойду я. Мне не очень хочется просидеть на кладбище всю ночь.

Стивенс неохотно вылез из машины.

— Думаю, ты права, — сказал он. — Я зайду в ближайшую аптеку в двух кварталах отсюда, а если она закрыта, двинусь дальше по направлению к центру.

Стивенсу показалось, что она кивнула, ничего не сказав. Он наклонился и поцеловал ее. Сначала ее губы не отвечали на поцелуй, но внезапно она обняла его за шею. Он прошептал:

— Тебе, наверное, лучше выйти из машины и где-нибудь укрыться. Там, где у тебя будет возможность увидеть каждого, кто будет приближаться.

— Не волнуйся за меня, — ответила Мистра. — У меня есть пистолет. — В ее руке сверкнул металл.

Стивенс спокойно направился к воротам кладбища. Выйдя на улицу, он осмотрелся, но, не увидев никаких признаков присутствия человека, поспешил в тень деревьев, которые росли вдоль дороги. Первая аптека, как он и предполагал, оказалась уже закрыта. Вторая — тоже. Было уже без десяти два, когда он вошел в какое-то ночное кафе и позвонил в полицию. Ему ответили, что Артур Таннахил арестован не был.

Стивенс побрел к стоянке такси в двух кварталах от кафе. Проехав два квартала назад к кладбищу, он распла-

тился с таксистом и побежал к воротам, а затем, не останавливаясь, по территории кладбища. Наконец, изумленный, он остановился.

"Машина стояла рядом с участком захоронения Таннахилов", — прошептал он самому себе.

Стивенс прошел еще немного вперед и снова остановился. Несмотря на темноту, он хорошо различал очертания ограды: она находилась в нескольких футах справа от него. Ни впереди, ни позади него никого не было. Может, Мистра спрятала свой "кадиллак" где-то поблизости под деревьями? Но он мало верил в это.

— Мистра! Мистра! — позвал он.

Никакого ответа. Ни единого звука, кроме гулких ударов его собственного сердца.

Стивенс обыскал все те места поблизости, где можно было спрятать машину. Через пятнадцать минут он уже был окончательно убежден, что Мистры на кладбище нет.

Измученный и удрученный, он вернулся на стоянку такси, взял машину и поехал к ее дому, но убедился, что там ее нет. Не было ее и у него дома. Он позвонил в Грэнд Хауз. Снова никакого ответа. Отпустив такси, он вывел из гаража свою машину и снова поехал в центр. В половине четвертого он добрался до своей конторы.

Единственный огонек горел в фойе как раз возле лифта, но двери были заперты. Это, конечно, ничего не значило. У Пили есть ключи — и он единственный, кроме охранника, имеет право в любой момент воспользоваться ими.

Стивенс вставил ключ в замок, но остановился в нерешительности. Что ему нужно было здесь? У него был пистолет, и в случае неприятностей он сможет постоять за себя. Однако действительно ли он хочет, чтобы Пили увидел его здесь? Конечно, нет, но если Мистру держат пленницей...

Очень тихо Стивенс вошел в здание. Он направился к задней двери и по ступенькам поднялся на третий этаж. В офисе мексиканской компании было темно. Он несколько минут прислушивался у двери, а потом медленно двинулся вниз по лестнице, намереваясь спуститься в подвал.

Несколько минут ушло на то, чтобы обнаружить ту стену, в которой находилась металлическая дверь, служив-

шая входом в пещеру. Лампа стояла на том же месте, где Стивенс оставил ее. Он закрыл за собой потайную дверь и начал всматриваться в слабо освещенное помещение. Пещера была единственным местом, которое могло ему помочь в расследовании, прежде чем он примется за жилища людей, адреса которых обнаружил в офисе "Мексиканской импортирующей компании".

Стивенс двинулся вперед. Тоннель постепенно перешел в спуск, потом поверхность под ногами выровнялась. Когда до Грэнд Хауза оставалось менее трети мили, Стивенс ускорил шаг. Спустя двадцать минут, он достиг второго тоннеля, в который шагнул без колебаний. Подойдя к длинной металлической двери, он увидел, что большая ее часть поднята, а за ней простирается коридор. Адвокат резко остановился, выключил лампу и прислушался, но, кроме бешеного стука своего сердца, ничего не услышал. Мгновение спустя, он бросился вперед и увидел блеклое отражение тускло освещавшего коридор света. Медлить он не имел права. Вдруг Мистра в опасности?

Стивенс снова включил лампу и с пистолетом наготове двинулся вперед. Он очутился в просторном коридоре, отделанном по всей длине прозрачными стеклянными плитами. Стивенс несколько раз останавливался, чтобы пощупать материал, но так и не понял, что это такое. Ему удалось установить только, что "стекло" не бьется.

Коридор привел его в просторный зал с куполообразным потолком, и он увидел, откуда исходит странный свет. В углу стоял глобус, который тускло светился зеленоватым светом.

Стивенс осмотрелся. У него возникло ощущение, что прямо над порогом зала что-то вибрирует: как будто работает механизм какой-то скрытой от глаз машины. Он увидел другие коридоры, отходившие от зала, но не стал осматривать их, а подошел к глобусу. Оттенки света, исходящего от него, все время менялись: зеленый превратился в кремовый, потом — в белый. И вдруг Стивенсу показалось, что глобус увеличивается в объеме. Он различил знакомые очертания Северной и Южной Америк, Испанского полуострова.

Планета Земля! В этот момент Стивенс словно наблюдал вид Земли с приближающегося к ней космического корабля. Он узнал простертую руку Нижней Калифорнии, а через мгновение на экране начали отражаться все более мелкие детали. Вдруг появилось впечатление, что плавное движение корабля нарушилось, словно управление вышло из-под контроля. Он увидел стремительно приближавшийся океан, потом — горы, а мгновение спустя — удар и полная темнота. Кто был на его борту? А на "экране" начала складываться другая пульсирующая картинка...

Два часа подряд Стивенс не мог оторваться от удивительного глобуса. Стивенсу пришло в голову, что он смотрит видеозапись о том, как в каком-то непонятном прошлом, возможно многие тысячелетия назад, у берегов нынешней Калифорнии потерпел аварию космический корабль.

Постепенно он получил довольно полное представление о том, что произошло.

Неизвестно в какой момент прошлого управляемый роботами космический корабль, получивший какие-то повреждения, врезался в скалу.

Роботосистема уцелела, а поскольку она обладала способностью как читать мысли, так и передавать на расстояние свои собственные, независимо от языковых барьеров, она смогла установить контакт с небольшой группой туземцев. Роботы обнаружили, что в мозгу туземцев доминируют страх и преклонение перед высшими силами, поэтому они имплантировали в сознание этих людей приказ открыть им доступ к выходу наружу и попытались восстановить свой корабль. Однако повреждения оказались слишком серьезными. Тогда они внедрили в сознание туземцев еще один приказ: построить храм, каждый камень которого перед использованием для постройки должен быть отнесен на корабль для специальной обработки.

Обработка сопровождалась яркими вспышками, что производило на туземцев впечатление действия сверхъестественных сил. На самом деле плиты для постройки бомбардировались внутриатомными частицами очень редких искусственных элементов, после чего они получали

способность выделять особые вещества, препятствующие старению клеток живых организмов. Целью роботосистемы было продлить жизни тех, кто стал свидетелями крушения, чтобы в дальнейшем они, получив определенные знания, помогли отремонтировать корабли.

Вся группа туземцев прожила очень долго, но потом была почти полностью истреблена в одной из местных войн. Среди тех, кто заменил погибших, Стивенс в изумлении увидел знакомую фигуру высокого светлокожего мужчины. Это, без сомнения, Уолтер Пили.

Именно Пили и маленький человечек — единственный выживший из первой группы — поняли, что корабль не является обителью богов. Роботы приняли их на корабль и начали обучать.

Кроме всего прочего, они узнали, где именно на корабле находятся части мозга, осуществлявшие чтение мыслей и их передачу, и попытались использовать это знание для того, чтобы подчинить себе роботосистему. Для начала они отключили передатчик мыслей, с помощью которого роботы могли управлять туземцами, находящимися снаружи.

Удар был неожиданным. Роботы поняли, что враждебность жрецов исходит из самой глубины их человеческого естества.

Защищаясь, роботы пустили внутрь корабля газ. Кашляя, извиваясь в судорогах от боли, эти двое бежали. Дверь за ними закрылась.

Больше внутрь корабля их не пускали. Они начали думать, как им захватить корабль.

Роботам удалось прощупать сознание этих двоих, и они обнаружили, что маленький человек является инициатором борьбы против них, а Пили отчасти сопротивляется ему.

Планы простирались дальше, чем простой захват дома и установление своей власти над ним. Он мечтал о власти над всей планетой...

Лицо заговорщика было незнакомо Стивенсу. Если он когда-то и видел его, то тот, наверняка, носил маску.

Когда показ картин прекратился, Стивенс несколько минут рассматривал "груз" корабля, находившийся там

же. По фильму — а Стивенс считал, что ему показали запись фильма, — длинные, закрытые полки на корабле были нагружены маленькими блестящими капсулами, в каждой из которых содержалось небольшое количество некоего искусственного элемента в чистой форме.

Это был элемент, не известный на Земле, который в таблице Менделеева стоял бы настолько выше над ураном, что открытие его стало бы величайшим в истории человечества.

Но Стивенсу пока не приходило в голову, как можно было использовать это вещество в данной ситуации.

Было уже четверть шестого, когда Стивенс, уставший, снова вошел в подвал здания своей комнаты и начал подниматься вверх по ступенькам в фойе. Больше всего его волновало то, что он не получил ни единого указания на то, кем был партнер Пили.

Очень важно было обнаружить этого человека и показать группе.

Адвокат дошел до лифта и направился в офис. Пройдя полпути, он увидел тень человека. Выхватив из кармана пистолет, Стивенс взвел курок.

— Спокойно, — произнес человек, — это я, Билл Ригз.

ГЛАВА XV

— Итак, мистер Стивенс, — начал Билл Ригз, когда они закрылись в кабинете адвоката, — я располагаю секретными данными о похоронах Ньютона Таннахила. Ими занималось похоронное бюро "Альмирант мортуори", которым тогда владел Норман Моксли. Он купил бюро за несколько месяцев до похорон и сразу после совершения обряда продал его.

Ригз замолчал. Стивенс подумал, что по сравнению с тем, что ему известно теперь, информацию Ригза нельзя назвать сенсационной. И все же она имела определенное значение — как все, что касалось босса. Стивенса продолжало тревожить обвинение, которое Хаулэнд выдвигал против Таннахила.

Вычислить Моксли, при желании, очевидно, было возможно. Можно было попытаться узнать, кто из членов таинственной группы отсутствовал в Альмиранте, пока здесь был Моксли, а потом путем постепенного отсеивания найти того, кто сыграл его роль. Но вряд ли удастся доказать, что подобный маскарад имел место.

Выйдя из задумчивости, Стивенс понял, что детектив ждет его реакции на свое сообщение, и сказал:

— Плохие новости. Боюсь, что окружной прокурор может использовать эту информацию против мистера Таннахила.

— Да, хорошего мало, — согласился Ригз, — а то, что я узнал о враче, еще менее утешительно. Его зовут Хаим де лас Сьенгас. Он окончил медицинский факультет пятнадцать лет назад, но частную практику начал только в декабре прошлого года, когда поселился в Альмиранте. Пятнадцатого мая он продал свою практику за сотню долларов и на следующий день уехал.

— Откуда у вас эта информация? — полюбопытствовал Стивенс.

— "Альмирант мортуари" сейчас называется "Похоронное бюро Бенсон Бразас". Я зашел к хозяину и узнал, что, когда он покупал бюро, их финансовые дела вело местное отделение "Банк оф Америка". От управляющего банком мне стало известно, сколько Моксли заплатил за место. Кстати, и хозяин бюро, и управляющий банком описали мистера Моксли: высокий англичанин, сдержанный, вежливый, с изысканными манерами. Ходили слухи, что у него страсть к азартным играм, но наверняка никто ничего не знает. На вид ему лет сорок.

— А врач? — спросил Стивенс, раздумывая над тем, как поудачнее использовать эту информацию против Пили.

— Я узнал кое-что о нем от секретаря местного отделения Медицинской ассоциации. Доктор был очень дружелюбным человеком, и коллеги его любили. Между прочим, у него интересное хобби: яды. Доктор де лас Сьенгас собрал огромную библиотеку по этому предмету, но, поскольку яды нас ни под каким углом зрения не интересуют, я дальше не занимался этим вопросом.

Ригз замолчал и вопрошающе посмотрел на Стивенса. Глаза детектива слегка сузились, и у адвоката создалось впечатление, что собеседник внимательно следит за его реакцией. Стивенсу показалось, что Ригз чего-то не договаривает, он, наверняка, не слишком уверен в том, что яды их ни под каким углом зрения не интересуют.

Что же касается Стивенса, то он хорошо понимал, как группа могла использовать яды — например, для амнезии. Об этом следует подумать. Но не сейчас. Позже. Сейчас Стивенсу не мешало бы придумать вразумительное объяснение причины его нахождения в здании конторы в такую рань.

— Мистер Ригз, — начал адвокат, — мы с мистером Таннахилом пришли в конце концов к выводу, что во всей этой истории задействованы большая группа людей и большие деньги. Ситуация, по-моему, очень сложная. — И Стивенс рассказал детективу о том, что сказал Хаулэнд о доходе Мистры, потом снова упомянул письмо, которое Таннахил был вынужден подписать. Он ничего не сказал о том, что узнал от мисс Ланет, но высказал якобы свое мнение о финансовой зависимости группы от Таннахила. Он рассказал детективу и о пещере, но не упомянул, кто его привел туда: Стивенс якобы сам случайно наткнулся на нее.

Разумеется, в разговоре с Ригзом адвокат не стал вспоминать о космическом корабле, бессмертии, масках и о том, как он узнал о таинственной группе людей. В заключение Стивенс сказал:

— Наше положение, мистер Ригз, — довольно щекотливое. С одной стороны, нам нужно попытаться пролить свет на секретную деятельность группы, но, с другой стороны, постараться не навредить при этом нашему работодателю. Мы обязаны проявлять крайнюю осторожность, чтобы своими действиями не увеличить количество врагов мистера Таннахила. Возможно, нам самим придется искать настоящего убийцу.

Ригз кивнул и задумался.

— Эта пещера, — произнес он наконец, — не в ней ли ключ к разгадке?

— Сомневаюсь, — солгал Стивенс.

— Ну тогда забудем об этом, — сказал Ригз. — Признаюсь, все эти упоминания об амнезии, тайных пещерах и религиозных бандах очень пугают меня. Думаю, нам следует выставлять все, что нам об этом известно, "на обозрение публики", — Ригз замолчал и через мгновение продолжил: — А теперь хочу быть с вами откровенным и признаться, что я следил за вами.

— Следили за мной?! — воскликнул Стивенс.

Он заволновался, перебирая в памяти события минувшей ночи. За исключением того, что он долго находился в пещере, Стивенс не мог вспомнить ничего такого, из-за чего Ригз начал бы подозревать его в чем-то. Успокоившись, адвокат заметил:

— Вы меня удивляете.

— А как иначе я мог убедиться, что вы не находитесь в лагере врагов? Да, я решил последить за вами. Правду сказать, скучновато было на кладбище, где мы все четверо сидели, затаясь, и ничего не делали.

— Четверо?! — изумленно вскричал Стивенс, подпрыгнув в кресле. — Вы сказали — четверо?

— Не знаю, понравится вам это или нет, но он несколько часов ждал, пока вы уйдете...

— Кто?

— Таннахил. У меня создалось впечатление, что они с девушкой обо всем договорились заранее. Во всяком случае, когда вы ушли, он подошел к ней. Таннахил спросил ее, правильно ли он понял ее заверения. Она ответила, что выйдет за него замуж. Потом они сели в машину и направились в Лас-Вегас. — Ригз замолчал; его голубые глаза светились сочувствием. — Вижу, вам это неприятно. Простите.

Стивенс внезапно осознал, что сидит, словно прикованный к креслу, мускулы лица — напряжены, зубы — сжаты, глаза — болят. Несколько раз он сглотнул слюну, и с каждым разом в горле пекло все больше и больше. Наконец огромным усилием воли Стивенс овладел собой.

— И что же было дальше? — спросил он.

— Вы вернулись, и я продолжил слежку за вами. К сожалению, зайдя в здание конторы, вы заперли за собой дверь. Я битый час пытался проникнуть внутрь, и, как

только я влез в окно третьего этажа, я сразу же увидел вас.

Стивенс кивнул и с трудом выдавил из себя:

— Думаю, нам обоим нужно хорошо выспаться.

Адвокат лихорадочно обдумывал ситуацию. Ему предстояло слишком многое сделать: добиться права поручительства за клиента (если возникнет необходимость), продумать детали защиты, подготовить материал для прессы. Все это он сможет делать открыто. Но ему еще нужно продумать, как вступить в контакт с группой. Он должен быть хорошо подготовлен к этому.

Попрощавшись с Ригзом, Стивенс начал думать о Мистре и пришел к выводу, что ее действия явились результатом его отказа. Не добившись от него согласия помогать ей, Мистра предприняла решительный шаг. Она считала, что спасение Земли намного важнее, чем их любовь.

Теперь у нее был Таннахил. Через него она могла воздействовать на группу.

Стивенс устало растянулся на кушетке в комнате отдыха, находившейся недалеко от его кабинета. Он так и не смог уснуть. Когда в восемь тридцать появилась мисс Чейнер, Стивенс встал и направился в парикмахерскую. Побрившись, он позавтракал в ресторане напротив и, возвращаясь в офис, вдруг увидел вывеску пробирной палаты, находившейся поблизости. Он и раньше видел ее, но никогда не думал, что когда-нибудь придется воспользоваться услугами такого заведения. Рука Стивенса скользнула в карман куртки и извлекла из него кусочек мрамора, который адвокат подобрал на ступенях Грэнд Хауза. Стивенс вошел в помещение палаты и уже через минуту протягивал служащему образец.

— Как скоро вы сможете произвести анализ этого образца? — осведомился он.

— А как скоро он вам нужен? — ответил вопросом худощавый, стареющий мужчина в очках с золотой оправой. Он что-то промямлил насчет праздников. Стивенс прервал его:

— Я плачу двойную цену, если анализ будет готов завтра.

Служащий немедленно выписал квитанцию.

— Приходите завтра в десять.

Выходя из палаты, Стивенс услышал выкрики мальчишки-газетчика:

— Читайте о нападении на Лорилию!

ГЛАВА XVI

Стивенс дрожащими руками взял газету. Крупные заголовки кричали: *"Лорилия обвиняет Соединенные Штаты в нападении!" Ниже, буквами помельче, писалось: "Посол передает ноту протеста в госдепартамент".*

Статья начиналась словами: *"Правительство Соединенных Штатов категорически отрицает, что сегодня, в полдень (по лорилианскому времени), самолеты американских военно-воздушных сил совершили налет на промышленные объекты Лорилии. Госсекретарь Уолтер Блейк заявил об отклонении протеста американским правительством..."*

Взгляд Стивенса перебегал от строки к строке в поисках информации, более важной, чем обвинения и протесты. Наконец, он нашел то, что искал:

"Политические обозреватели приведены в полное недоумение обвинением, выдвинутым правительством Лорилии, при этом мало кто действительно поверил в его истинность. Однако из Антуллы сообщают, что военные летчики Лорилии не смогли сбить самолеты, которым удалось скрыться после атаки. Военные эксперты Антуллы высказали предположение, что на летчиков было оказано какого-то рода воздействие, хотя ни одни из них не погиб".

Стивенс продолжал лихорадочно просматривать газету. Он представил себе Мистру, пытающуюся вывести свой корабль из-под обстрела реактивными снарядами с управляемых ракет. Газеты утверждали, что ей это удалось. Она рискнула своим бессмертным телом — ради чего? Ради мира, который так никогда и не узнает, что стоял на грани катастрофы?

В нападении, без сомнения, участвовал не один корабль. Группа, вероятно, капитулировала перед Мистрой, испугавшись за судьбу Таннахила и боясь целого ряда ос-

ложнений, которые возникнут, если с ним что-то случится. Поэтому они и помогли ей осуществить ее план.

Это был крутой поворот в стратегической деятельности группы. Грэнд Хауз теперь останется на Земле. Группа тоже останется на планете. Потерявшие значительную часть ядерных запасов лорилийцы не посмеют начать войну.

В полдень Стивенс позвонил в офис окружного прокурора. Его тут же соединили с Хоулэндом.

— Вы понимаете, что исчезновение мистера Таннахила — свидетельство его виновности? Это доказывает, что я был прав, выписывая ордер на его арест, — холодно начал окружной прокурор.

Стивенс, услышав характерные щелчки подслушивающего устройства, постарался придать своему голосу как можно больше удивления.

— В конце концов, — очень отчетливо произнес он, — вряд ли можно обвинять в побеге человека, который даже не знал о существовании ордера на его арест.

— Послушайте, Стивенс, — попытался остановить его раздраженный Хаулэнд, — я...

— Вполне возможно, — не дал себя сбить Стивенс, — что мистер Таннахил уехал встречать Рождество в Сан-Франциско. Он говорил мне, что хочет немного развлечься. Как только я получу от него какие-то известия, я сообщу ему о ваших действиях. Что касается меня, то я немедленно обращусь к судье Адамсу за разрешением об освобождении моего клиента под залог и попрошу начать слушание дела.

После обеда в ресторане Стивенс, возвращаясь к себе в офис, зашел в центральный книжный магазин и попросил служащего найти ему книги по проблема долголетия.

— Вы имеете в виду книги по гериактрии? — уточнил продавец.

Стивенс кивнул, хотя и слышал это слово впервые. Он последовал за продавцом, разглядывая названия сотен томов, уместившихся на огромном количестве полок.

— Вот! — служащий снял с полки тоненькую брошюрку, — "Продление жизни". Автор — русский, Богомолец. Он советует пить болгарский йогурт, в котором содержится бактерия, убивающая токсины в человеческом организме. Я постоянно пью этот йогурт, но, честно говоря, совсем не

чувствую, чтобы он оказывал на меня какое-то благотворное воздействие. — Продавец рассмеялся. — Вот еще брошюра, изданная в Нью-Йорке Комитетом общественного здоровья. Называется "Долгой вам жизни и радости". Главная мысль — постоянные медицинские осмотры. Если у вас что-то обнаружили — не жалейте денег и сил на лечение! Ваша молодость — заложница жизнедеятельности самого больного из ваших органов.

Стивенс полистал брошюру и сказал, что возьмет ее. Потом несколько неуверенно спросил:

— А нет ли у вас литературы по вопросу дедифференциации?

Он объяснил, как понимает этот термин, но служащий отрицательно покачал головой.

— Хотя... — задумался он. — Есть книга о хамелеонах. Очень занимательная.

Стивенс купил книгу о хамелеонах вместе с нью-йоркской брошюрой и трактатом Богомольца.

Вернувшись к себе в офис и вновь — в который раз! — перебирая в памяти события, произошедшие с момента приезда Таннахила, он впервые во всей полноте осознал свою ответственность за ход их развития. Стивенс начал думать о Фрэнке Хаулэнде — единственном человеке, который мог легально вступить в борьбу с группой. Проблема состояла только в том, чтобы передавать ему понемногу информацию, но так, чтобы он не узнал всей правды.

Фрэнк Хаулэнд... его соратник. Стивенс засмеялся и решил про себя, что завтра обязательно ему позвонит. Потом он взял трубку, набрал номер аэропорта и заказал себе индивидуальный ночной рейс в Лос-Анджелес. Выйдя из офиса, Стивенс зашел в магазин купить лопату и киркомотыгу. Он должен сегодня же проверить, верна ли самая важная из его догадок. Эти люди, может быть, и бессмертны, но нельзя никому верить на слово.

Вернувшись в контору, Стивенс задумался о своих дальнейших шагах.

Да, очень многое еще нужно расследовать. Но как ко всему этому подступиться? Все еще ничего не известно об убийствах Дженкинса и негра-охранника. Не известно также, кто прислал записку Хаулэнду. Непонятны планы Пили и его партнера — индейца-коротышки. Почему коро-

тышка воспротивился намерению группы покинуть Землю, вплоть до попытки убийства Таннахила, когда последний уже дал свое согласие увезти Грэнд Хауз?

В конце концов адвокат пришел к выводу: его главная цель — наиболее оптимальным образом использовать известную информацию, чтобы поймать убийцу, нанести поражение группе и спасти Грэнд Хауз — для себя, для Мистры, для всего мира.

Стивенс посмотрел на часы: без пяти четыре. Еще можно кое-что успеть сделать.

Он посетил морг, который в Альмиранте находился прямо возле похоронного бюро, и убедился в том, что Форд погиб от пулевого ранения, а Дженкинс — от ножевого.

— Интересная история с этой ножевой раной, — поделился с ним врач-патологоанатом. — Ее края сплошь покрыты волдырями, как-будто лезвие было сильно раскалено.

Игольный луч!

Стивенс оторопел. Остаток дня он провел, проверяя адреса, которые выписал себе из отчетов мексиканской компании. Большинство людей оказались промышленными и финансовыми магнатами.

Никогда Стивенс не чувствовал себя столь слабым и беззащитным, как сейчас — перед лицом этой мощи.

Пообедав, он поехал домой, надел спортивные брюки, теплую рубашку и свитер. Ночь была темной, благодаря чему ему удалось незамеченным пробраться на кладбище. В его намерения входило вскрыть две могилы Таннахилов: Франциско Таннахилы, который скончался в 1770 году, и любую другую на пробу. Почва была такой твердой, что он целых два часа трудился над первой, пока лопата не наткнулась на деревянную плиту. Дерево уже почти сгнило, а под ним находилась дюжина булыжников общим весом около ста восьмидесяти фунтов. В гробу больше ничего не было. Отдохнув немного, Стивенс решил, что нужно обязательно вскрыть еще какую-нибудь могилу. Он попробовал лопатой землю и выбрал ту, на которой земля была наиболее мягкой. Вырыв яму всего лишь в фут глубиной, он тут же наткнулся на что-

то. Стивенс присел и начал разрывать землю руками. То, на что наткнулась его лопата, оказалось головой человека. Лицо трупа было обезображено до неузнаваемости. Справившись с тошнотой, подступившей к горлу, адвокат все-таки решил продолжить работу. Нащупав руку трупа, он поднес ее указательный палец к одной стороне стекла солнцезащитных очков, которые прихватил с собой, а мизинец — к другой. Положив очки в футляр, Стивенс спрятал его в карман.

Очень осторожно он зарыл могилы и отправился домой. Было уже за полночь, а ему еще нужно было добраться до аэропорта.

Дома он принял ванну и оделся.

Через полчаса полета самолет приземлился в лос-анжелесском аэропорту. Такси доставило Стивенса к офису Пили. Окна были темными, а подступавшие со всех сторон к офису магазины в это время ночи — безлюдными. Адвокат хотел уже взломать дверь, но неожиданно вспомнил о связке ключей, которую он обнаружил в сумочке Мистры. Один из ее ключей подошел. Найти письмо, которое подписал Таннахил, доверяя Пили продолжить выплаты членам "Пан-американского клуба", не составило труда.

Большую часть времени по пути в Альмирант Стивенс проспал, а приехав домой, тут же отправился досыпать в спальню.

В центре города он был к полудню. Осмотрев еще ночью солнцезащитные очки, к стеклам которых он приложил пальцы трупа, Стивенс пришел к выводу о том, что отпечатки достаточно четкие. Теперь при свете дня он осмотрел их еще раз; в их четкости сомневаться не приходилось. Достав платок, Стивенс стер части отпечатков по краям, потому что для полиции совсем необязательно было демонстрировать их четкость — это могло показаться подозрительным, и направился в полицейский участок.

Там он объяснил дежурному офицеру:

— Несколько дней назад я заявлял о том, что хулиганы перерезали провода у моего дома. Сегодня утром я случайно нашел на газоне эти очки. Я подумал, что вы можете сфотографировать отпечатки пальцев и проверить их.

— Конечно, — ответил лейтенант, осматривая очки. — Мы это обязательно сделаем. Мы позвоним, когда будем располагать результатами проверки.

— А сколько времени уйдет на это?

— Боюсь, нам придется пересылать их в Сакраменто. Не меньше недели.

— Вы, наверное, можете передать фото телеграфом?

— Из-за хулигана? — изумленно спросил офицер.

— Для меня этот случай очень важен, и я не хочу оставлять его без расследования. Я оплачу телеграфные расходы.

После этого Стивенс отправился в пробирную палату.

— Странный вы человек, — встретил его служащий. — Платите за срочность, чтобы работа была выполнена к десяти, а сами не являетесь в срок.

— Я был слишком занят.

Старик перешел к делу.

— Химически в образце нет ничего особенного. Это обыкновенный карбонат кальция в форме мрамора.

— Это все, что вы можете сказать о нем? — разочарованно спросил Стивенс.

— Не так быстро, — усмехнулся старик. — Я еще не закончил.

Стивенс насторожился.

— Позже, продолжая проверять материал уже на содержание урана, мы провели опыты с электроскопом и обнаружили, что состав радиоактивен. — Старик значительно взглянул на Стивенса и повторил: — Радиоактивен... Очень незначительно, конечно. Я не смог обнаружить никакого остатка. Когда материал был разложен отдельно на кальций, углерод и кислород, оказалось, что сам по себе ни один из этих элементов не радиоактивен. Очень интересно, правда?

Выйдя на улицу, адвокат задумался. Радиоактивность... Ею можно было объяснить и все, и ничего. Это был тот аспект природы, который человек исследовал вроде бы достаточно скрупулезно. И все же...

Стивенс вдруг увидел перед собой человеческий род, строящий себе дома из такого радиоактивного материала,

обеспечивая себе бессмертие. Можно ли процессы, происходящие в подобранном Стивенсом на лестнице Грэнд Хауза образце мрамора, усилить, чтобы то, к чему они приводят, послужило не привилегированной кучке людей, а всему человечеству?

ГЛАВА XVII

Стивенс поехал в издательство "Альмирант Герольд", но Кеавелла, его владельца, с которым он намеревался встретиться, не оказалось. Позвонив судье Портеру, потом судье Адамсу и десятку других членов группы, он получил приблизительно такие же ответы: "Уехал", "Будет завтра". Каждый раз Стивенс оставлял отсутствующему сообщение с просьбой позвонить ему в любое время дня или ночи, как только у того появится возможность.

Зайдя в свой офис, адвокат сел за стол и подумал, что он в очередной раз начал опасную игру. Ведь для всех этих людей он в конце концов просто чужак, который слишком много знает. Не лишним было бы как-то обезопасить себя.

Его мысли прервала мисс Чейнер:

— Мистер Стивенс, с вами хочет поговорить мистер Хаулэнд. Он у телефона.

"Вот кстати, — подумал адвокат, — это, пожалуй, выход номер один. В чрезвычайных ситуациях полиция может оказаться очень полезной".

— Мне нужно, чтобы ты подъехал ко мне в офис сегодня днем, — прозвучал, спустя мгновение, в трубке голос Хаулэнда. — Сможешь?

— Смогу прямо сейчас.

— Отлично.

Стивенс повесил трубку. Шаг вперед был сделан. Отступать — некуда. Он еще раз позвонил издателям и судьям, с которыми хотел встретиться. Их по-прежнему на месте не было. Стивенс еще раз назвался, прежде чем положить трубку.

Прибыв в суд, он направился прямо в кабинет Хаулэнда, который его немедленно принял. Пожав его руку, ок-

ружной прокурор предложил Стивенсу сесть. Сам Хаулэнд, плюхнувшись в свое кресло, немедля перешел к делу.

— Мы проверили отпечатки пальцев Ньютона Таннахила. Они не совпадают с отпечатками его племянника. Так что я допустил ошибку, приказав арестовать твоего клиента.

Он замолчал и, казалось, начал изучать Стивенса, пытаясь угадать в нем ответную реакцию. Стивенс постарался придать лицу выражение холодной самоуверенности:

— Я говорил тебе, что спешка в этом деле неуместна.

— Черт, — с досадой выругался Хаулэнд, — почему же мы раньше нигде не смогли обнаружить отпечатки Ньютона Таннахила? — Успокоившись, он признался: — Мне нужна твоя помощь.

Но Стивенс его уже не слышал. Первой его реакцией было изумление: группа, вероятно, все же решила проблему отпечатков, но как она это сделала — об этом ему оставалось только гадать. Может, их метод был частью процесса дедифференциации. Если клетки благодаря этому процессу вновь обретают молодость, то — почему бы им не изменяться полностью? Другое объяснение Стивенсу просто не приходило в голову.

Тем временем Хаулэнд, наклонившись к нему, сказал:

— Я готов забыть прошлое. Что было — то прошло. Но теперь я должен подумать о себе. В этом вся проблема. Если я просто сниму обвинение, я распишусь в своей некомпетентности. Придумай что-нибудь, как я мог бы выкрутиться из этой ситуации. Обещаю, что тоже буду тебе полезен.

Сердце Стивенса подпрыгнуло от радости: он не мог себе представить, что так быстро предоставится возможность использовать Хаулэнда.

— Я объясню тебе, как мы сможем оправдать мистера Таннахила.

— Давай!

Стивенс обстоятельно рассказал ему, как стал свидетелем истязаний над Мистрой. Он не назвал никаких имен, не упомянул о роботах, космических кораблях, пещере и группе бессмертных. Он представил дело так, будто девуш-

ку пытали члены индейской религиозной секты, которые стремятся вытянуть из Таннахила деньги.

Только этим, подчеркнул он, можно, вероятно, объяснить также убийство охранника и последовавшие за ним события.

Когда Стивенс выходил из кабинета Хаулэнда, у него было такое чувство, что он сделал еще один шаг в неизвестность.

После этого он поехал в Грэнд Хауз. Обогнув ряды деревьев, Стивенс увидел величественную лестницу. Ни единого признака присутствия в доме человека не было заметно. Он позвонил в дверь, — тишина. Он мог бы отпереть дверь, воспользовавшись ключами Мистры, но не стал торопиться. Вместо этого, дойдя до конца террасы, спрыгнул на траву и начал огибать дом.

В свете голубого неба и синего сверкающего моря дом вырисовывался очень четко. Мирная тишина распространялась на прилегавшие к дому земли. Над домом ярко светило солнце. Трудно было себе представить, что с ним связано столько убийств, интриг, тайн жизни и смерти, что уже сотни лет здесь тянется длинная-длинная кровавая история.

Все постройки, находившиеся на территории поместья, были отделены от Грэнд Хауза несколькими цветниками и длинной полосой высоких кустарников. Деревья были посажены так умело, что отлично скрывали убогость этих построек от глаз жильцов дома.

Стивенс поднялся на восточный склон холма. Перед ним простиралась величественная долина, а вдалеке — среди деревьев — притаился домик фермера с зеленой крышей. За ним к горизонту поднимались новые холмы. Стивенс проследовал к тому участку дороги, который заканчивался обрывом, — к утесу, на котором Мистра затормозила, когда они вдвоем уезжали из Граэнд Хауза.

Возвратившись к тому месту, где начинались служебные постройки, Стивенс уже имел полное представление о расположении всего поместья. Солнце уже клонилось к горизонту, готовое слиться со сверкающей равниной океана. Стивенс подумал, что вряд ли есть смысл осматривать постройки. Значение имел только дом.

Он вошел в Грэнд Хауз через парадную дверь и внимательно изучил все его двенадцать комнат: восемь спален, просторную библиотеку, столовую, гостиную и огромную кухню. Каждая из комнат выходила в закрытый коридор. Стивенс пришел к выводу, что дом спланирован очень удобно: по две комнаты в каждой секции.

Уже темнело, когда адвокат, разочарованный, уезжал из поместья. Ему не удалось найти ничего, что указывало бы на то, кем был индеец — единственный выживший из первой группы бессмертных.

Пообедав в городе, Стивенс поехал домой. Он уже поставил свою машину в гараж и шел к дому, когда из-за кустов вылетел канат и начал обматываться вокруг его плеч и рук, мгновенно сбив Стивенса с ног. Не в состоянии сопротивляться, будучи скованным по рукам и ногам, он почувствовал, что в рот ему вставили кляп.

ГЛАВА XVIII

— Ладно, Стивен, вставай и пошли!

Он вскочил на ноги, но снова упал, не сумев сохранить равновесия: руки его были крепко связаны за спиной. Чьи-то сильные руки подхватили его, сорвав с него пиджак и разорвав рубашку. Полураздетого, его привязали к дереву.

Прошло всего несколько секунд, как раздались протяжные свистящие звуки: это на его голые плечи начал опускаться кнут. Было больно так, как будто его полосовали ножом. У Стивенса перехватило дыхание. Он в ужасе ждал, что сейчас кнут пройдется по его лицу и глазам. Сжав зубы, он крепче прижал к дереву затылок. Боже! Так они мстят ему!

Все время, пока Стивенса избивали, его сверлила мысль о том, как бы посчитаться со своими мучителями. Внезапно боль потеряла свою остроту, колени начали подкашиваться, а в голове стало темно. Когда его перестали бить, Стивенс услышал голос:

— Мы могли бы тебя и убить. Это первое предупреждение. Если ты когда-нибудь еще хоть раз сунешь нос в

наши дела, мы тебя ослепим и разрежем твою симпатичную мордашку на ленточки.

Они, наверное, ушли, потому что внезапно стало очень тихо. Силы медленно возвращались к нему, а когда на востоке появился первый луч солнца, Стивенс почувствовал, что он в состоянии подняться. Протянув руку к тому месту, где должны были находиться концы привязывавшего его к дереву каната, он обнаружил, что один из них ослаблен. Для Стивенса не составило большого труда отвязаться от дерева.

Упав на землю, он долго лежал, прерывисто дыша. Наконец ему удалось подняться на ноги и доковылять до дома. Отперев дверь, он прошел в гостиную и лег на диван. Спустя некоторое время, он встал и направился в спальню, достал лечебную мазь и осторожно обмазал ею раны. Потом он наложил на них повязки и сварил себе кофе. Выпив первую чашку, он почувствовал себя лучше и увереннее.

Все утро и часть дня он провел в постели. Способность анализировать понемногу возвращалась к нему. Стивенс решил, что группе все-таки неизвестно, насколько много он знает о них. Иначе они поступили бы с ним еще хуже.

Ставки в этой игре были слишком высоки. Бессмертные, тайно проживавшие на Земле, вдруг оказались под угрозой раскрытия своей тайны, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Сейчас, не будучи знакомыми с планами таинственного индейца, они пытаются сомкнуть ряды и оградить себя от опасности. Если им это удастся, события, произошедшие недавно, забудутся, и очень скоро Элисон Стивенс канет в Лету, вслед за Джоном Фордом и Уильямом Дженкинсом, пополнив список жертв. Несколько лет, десятилетий — всего лишь мгновение для вечности. И никто никогда не узнает, что он жертвовал своей жизнью для того, чтобы подарить человечеству бессмертие.

К половине третьего Стивенс почувствовал себя настолько окрепшим, что смог встать, побриться, одеться и пообедать. Потом он набрал номер Грэнд Хауза. Он долго ждал ответа, наконец в трубке раздался щелчок, и женский голос произнес:

— Это экономка. Кто звонит?

Голос принадлежал Джико Айне!

Стивенс назвался, подождал у телефона, а потом услышал, как она сухо сказала:

— Мистер Таннахил просит меня передать, что он уже все сказал вам в своем письме, отправленном на адрес офиса.

— В письме? — изумился Стивенс, а через мгновение, овладел собой, спросил: — А мисс Ланет есть?

— Мисс Ланет не может подойти к телефону, — ответила женщина и положила трубку.

Стивенс немедленно поехал в офис. Войдя в свой кабинет, он услышал от мисс Чейнер:

— Вам заказное, доставленное по спецпочте, письмо. На нем штамп "лично", поэтому я не открывала его.

— Спасибо, — автоматически ответил Стивенс.

Сжав губы, он прочитал:

— *"Мистер Стивенс, ставлю вас в известность, что с настоящего момента ваша служба в качестве управляющего делами моей семьи окончена. Прошу вас переслать ключи в Грэнд Хауз и покинуть свой кабинет в течение часа. Материальная компенсация вам будет выплачена в положенный срок.*

С уважением, Артур Таннахил".

Стивенс сложил письмо и положил его во внутренний карман пиджака. Оно его расстроило, но нельзя сказать, что это было для него неожиданным ударом. Группа пыталась обезвредить его. И это не последний их шаг. Даже ссылка на "материальную компенсацию" была тактической уловкой. Может быть, если бы он согласился уехать из Альмиранта, его "выходное пособие" увеличилось бы.

Стивенс позвонил в отель Ригзу, его соединили немедленно.

— Извините, мистер Стивенс, — начал детектив, — я не звонил вам по той причине, что получил письмо от мистера Таннахила, в котором он мне сообщил, что вы больше у него не работаете и отношения к интересующему нас делу не имеете.

— Вы получили только письмо? Никакой личной встречи не было?

— Нет.

— Телефонного разговора тоже не было?

— На что вы намекаете? — голос Ригза зазвучал встревожено.

— Послушайте, Билл, — тон голоса Стивенса стал очень серьезным, — у меня есть веские основания полагать, что мистер Таннахил действует по принуждению. Вы тоже получили уведомление об освобождении от работы?

— Ну... в письме говорилось, что во мне больше не нуждаются и что мне пришлют чек... Черт, так вы считаете, что нас провели? А я уже упаковывал вещи.

— Лучше распакуйте их — если, конечно, у вас есть желание продолжать расследование.

— Решено: я остаюсь. Где мы встретимся?

— Не будем пока договариваться о месте. Я собираюсь заставить одних очень опасных людей раскрыть свои карты. И мне нужна будет очень большая помощь...

Стивенс позвонил в издательства. Ни Кеавелла, ни Гранта до сих пор не было — во всяком случае, ему так сказали. На этот раз он решил поговорить с редакторами газет. Обоим он сообщил примерно одно и то же: "Передайте вашему издателю, что сегодня вечером произойдет очень серьезное событие. Он знает, где оно произойдет. Кроме того, он единственный из издателей, кто будет приглашен, и должен присутствовать лично. Скажите ему, что все остальные члены группы тоже должны быть на месте".

Потом Стивенс позвонил судьям Портеру и Адамсу и, не получив возможности поговорить с ними лично, передал им то же самое через секретарей. Это были единственные члены группы, которых он оповестил лично. Остальные узнают сами и явятся без приглашения. Стивенс был уверен, что так оно и будет. Явится и убийца, и связанная с ним группа. Маньяк и его будущие жертвы. Тот, кто хотел добиться единоличного господства над всей планетой, и те, кто думают, что этого можно избежать.

Человек этот шел на очень большой риск. В любой момент остальные члены группы могли узнать о его деятельности, и, безусловно, потянулась бы вереница преступлений. Он должен был бы убить их всех, чтобы спасти себя.

Мысль об убийстве напомнила Стивенсу о том трупе, который он обнаружил на кладбище в могиле одного из Таннахилов. Он позвонил в полицию и узнал, что результаты экспертизы отпечатков еще не пришли. Стивенс тя-

жело вздохнул и повесил трубку. Он планировал сразиться с группой именно в эту ночь, а такого важного доказательства их вины, какое могли представить отпечатки, у него на руках не оказалось.

Кем же мог быть убитый? И связано ли это убийство с деятельностью бессмертных? Скорее всего, связано, не случайно для его захоронения использована одна из пустых могил Таннахилов. Но кто он? Стивенс представил себе труп неизвестного мужчины из разрытой могилы. Пожалуй, телосложением он походил на Уолтера Пили.

Внезапно перед его мысленным взором выстроились в стройную цепочку факты, казавшиеся до сих пор разрозненными: Пили исчез неделю назад; Дженкинс видел его в ту ночь, когда избивали Мистру; несмотря на многочисленные попытки найти Пили, его так никто нигде не обнаружил.

Мозг робота-корабля идентифицировал Пили как человека, противящегося агрессивным планам партнера. Вполне вероятно, что теперь, когда назрел кризис в группе, партнер убил своего излишне щепетильного товарища, несмотря на то, что Пили был крайне осторожен.

Стивенс был уверен в том, что теперь убийца обязательно сделает следующие шаги. Обезвредить его необходимо немедленно.

Неожиданно дверь открылась, вошла мисс Чейнер и объявила:

— Вас хочет видеть мисс Ланет.

Когда Мистра вошла, мисс Чейнер как будто растворилась в воздухе. Стивенс изумленно глядел в лучистые глаза женщины. Направляясь к стулу, она холодно осведомилась:

— Мне можно сесть?

Внимательно изучая ее и боясь какого-нибудь подвоха, Стивенс наконец произнес:

— Вижу, что ты выиграла, осуществив налет на Лорилию.

— Это тебя удивляет?

Он покачал головой:

— Я все равно не мог участвовать в нем, но если ты считаешь, что была права... Скажи, ты, правда, вышла замуж за Таннахила?

— Откуда ты узнал об этом? — после долгого молчания спросила она.

У Стивенса не было желания выдавать Ригза — особенно сейчас, когда тот мог сыграть важную роль в разоблачении убийцы.

— Это вытекало из логики событий. Выйти замуж за Таннахила и автоматически получить половину его собственности по закону Калифорнии.

Мистра некоторое время хранила молчание, потом сказала:

— Мне нужна назад моя сумочка. Та, которую я забыла в первую ночь.

Она ничего не отрицала и не подтверждала, просто отмахнулась от его вопроса. Стивенса глубоко ранило ее равнодушие. Он тут же отодвинул ящик стола и, не говоря ни слова, протянул ей сумку. Она положила ее на стол, перебрала предмет за предметом, потом подняла на него глаза:

— А где ключи?

— Ах, да, — спохватился он, опустил руку в карман, достал связку ключей и отдал ей.

— Сегодня вечером я собираюсь встретиться со всеми вами. Ты, наверное, слышала, — сказал он.

Она как-то странно посмотрела на него:

— Тебе, очевидно, интересно будет узнать, что к мистеру Таннахилу вернулась память. И в связи с этим у тебя уже друзей в группе не осталось.

— Ни одного?

— Ни одного, — ответила она ровным тоном.

Стивенс криво улыбнулся. Его разоружали постепенно, шаг за шагом. Но они не понимали, что окончательно его можно обезвредить, только отняв дыхание.

— Можешь передать мистеру Таннахилу, — начал он, — что он не имеет права уволить меня. Я подчиняюсь непосредственно Уолтеру Пили. Когда Пили освободит меня от должности, я буду официально уволен.

В душе Стивенс посмеялся над своими словами. Если это Пили лежал в той могиле, то немало времени уйдет на то, чтобы уволить Элисона Стивенса.

— Хорошо, — кивнула Мистра. — Мы попросим мистера Пили известить тебя официально.

— А как же мы? Когда ты говорила, что любишь меня, — ты лгала? Это было частью твоего плана?

— Нет, — ответила она, на лице ее не дрогнул ни единый мускул. — Но я справлюсь с этим — у меня на это уйдет не одна сотня лет, но все же, может быть, когда-нибудь появится другой.

Отчужденность женщины разозлила его, ему захотелось и ей сделать больно.

— А ваша ясновидица все еще в группе?

Она утвердительно кивнула.

— Увольте ее. Она плохо знает свое дело.

— Ты никак не можешь переключиться с темы Пили.

— Кстати, а где Пили? Он уже появился?

Она ответила не сразу:

— Еще нет. Но если он что-то против нас замышляет...

— Не думаю, — усмехнулся Стивенс.

— Тогда кто же?

— Не знаю. Но... — Он наклонился к ней и очень серьезно произнес: — Мистра, вы все в опасности. Вас всех могут убить.

Мистра покачала головой и иронично улыбнулась:

— Элисон, ты ведешь себя по-детски. Хочешь запугать группу, чтобы самому пробраться в ее ряды. Ничего у тебя не выйдет. Мы никогда не были так осторожны и бдительны, как сейчас.

Она начала надевать перчатки.

— Мистра, подожди! — воскликнул Стивенс.

Женщина снова медленно опустилась в кресло. Ее зеленые глаза вопросительно смотрели на него.

— Неужели ты не видишь, — сказал Стивенс, — что я пытаюсь помочь тебе? Я располагаю важными фактами.

У адвоката не было желания делиться с этой ставшей ему чужой женщиной тем, что он узнал от роботосистемы корабля.

Но в его планы входило оказание как можно большего давления на группу, а для этого ему нужна была информация. Он спросил у нее:

— Мистра, Грэнд Хауз может быть разрушен?

Она засмеялась:

— Ты думаешь, я кому-нибудь скажу об этом?

— Ради своей собственной безопасности, подумай над ответом. Лучше тебе сказать.

— Но это просто смешно! — Ее глаза расширились. — Ты думаешь, что кто-то из нас может быть так глуп? Грэнд Хауз — все, что у нас есть.

— Исходя из некоторых ставших мне известными фактов, я предполагаю, что его разрушение — это именно то, к чему стремится предатель. Следовательно, у вас имеется нечто такое, посредством чего дом может быть разрушен, причем очень быстро. Я не имею в виду атомную бомбу. Скорее всего, это что-то такое, что можно пронести в кармане.

Мистра заколебалась, но потом кивнула.

— Ладно, не вижу смысла в том, чтобы скрывать это от тебя. Ты все равно не сможешь воспользоваться своим знанием. Элемент сто шестьдесят седьмой дестабилизирует физическую структуру мрамора. Выделенный в виде тончайшего порошка, он разрушает атомное строение материала, из-за чего его первоначальная форма уже никогда не сможет быть восстановлена.

— Элемент сто шестьдесят седьмой? И больше ничего?

— Это все, что мне известно.

— Спасибо, — произнес Стивенс и замолчал. — Извини, но пока я не могу в точности сказать тебе о том, кто предатель. Расскажи еще немного о ваших людях. Сколько их всего в городе?

— Сорок один.

— Из пятидесяти трех, — задумчиво произнес Стивенс. — Для него было бы большой удачей накрыть их всех. — Помолчав, он решительно сказал: — Они все должны прийти. Он должен думать, что это его единственная возможность. Другого способа заставить его раскрыться нет. Понимаешь?

Мистра поднялась с кресла. Надев перчатки, она сказала:

— Я могу только пообещать тебе, что все будут извещены. Но если ты не сможешь ничего доказать, ты конченый человек. — Голос ее звучал тихо и серьезно: — Вернув Таннахилу память, мне удалось склонить его на свою сторону. Так что я выиграла. Но для тебя я ничего

не смогу сделать. И даже не буду пытаться. Так что полагайся только на самого себя.

Она направилась к двери. Не выдержав, Стивенс окликнул ее. Наверное, в его голосе прозвучало столько чувства, что она сразу же обернулась и сказала:

— Постарайся только не усложнять ситуацию.

— И это все, что ты хочешь сказать человеку, который был твоей единственной любовью?

— Ты подвел меня, помнишь? Мне пришлось искать другой выход. Ты сам отказался от меня и нашего будущего.

Стивенс стоял и смотрел на нее. Она подошла к нему, бросила взгляд на диван, где он иногда отдыхал, когда оставался допоздна на работе, а потом, махнув в сторону двери, спросила:

— Мы можем закрыться здесь?

— Господи Боже мой, Мистра, ты с ума сошла!

— Конечно. А ты разве нет?

Когда они занимались любовью на узком диване, женщина издавала непроизвольные крики, которые всегда сопровождали их физическую близость. Неожиданно она замолчала и тихонько рассмеялась.

— Интересно, что мисс Чейнер думает о нас. Ты знаешь, она влюблена в тебя.

— Мисс Чейнер? — недоверчиво спросил Стивенс, но тут же забыл об этом.

Когда они одевались, он, вспомнив ее реплику, спросил:

— Ты думаешь, она слышала нас?

— Конечно.

Стивенс смутился.

— Мистра, ты шокируешь меня, — произнес он.

Однако, несмотря на неловкость ситуации, он чувствовал себя удивительно бодро. Их физическая близость была совершенной. И Мистра не оплачивала ему никакой долг. Она просто отдавала ему себя, и Стивенсу радостно было это осознавать.

Мистра приводила себя в порядок. Когда она закончила, Стивенс отпер дверь, и они вышли в приемную. Мисс Чейнер не подняла на них глаз, сосредоточенно изучая лежавший перед ней документ. Но Стивенс заметил, что ее лицо и шея стали пунцовыми.

Стивенс проводил Мистру, а вернувшись в приемную, сказал мисс Чейнер, не глядя ей в глаза:

— Если кто-нибудь будет спрашивать меня, скажите, что я вернусь к шести.

Он спустился вниз и, выждав нужный момент, пробрался в подвал — так, чтобы его никто не увидел. Очутившись в пещере, он уверенно направился к кораблю роботов. По мере приближения к цели напряжение Стивенса возрастало. Примут ли его роботы?

Он облегченно вздохнул, когда увидел, что дверь открыта: значит, ему все еще доверяли. Когда он приблизился к зеленоватому глобусу, там немедленно сформировалась картинка. Стивенсу показывали, в каком конкретном месте в хранилище он сможет найти элемент сто шестьдесят седьмой, а также элемент, который в соединении с ним способен свести его разрушительное действие на нет, — газ, элемент двести двадцать первый.

Стивенс аккуратно извлек тюбики с обоими элементами и снова подошел к глобусу. Но картинок больше не было: очевидно, мозг робота полагал, что он вряд ли сможет помочь Стивенсу чем-то большим. Если в могиле одного из Таннахилов и лежит Пили, то машина не в состоянии подтвердить это.

Стивенс, мрачный и задумчивый, вернулся в свой офис. Мисс Чейнер уже ушла, а как только Стивенс вошел в свой кабинет, то сразу же увидел посетителя.

За его столом сидел Уолтер Пили.

ГЛАВА XIX

После того как они обменялись приветствиями, Стивенс сел и озадаченно уставился на своего гостя. Появление Пили — в то время, как Стивенс уже успел определить его на роль погибшего, — поразило его. Конечно, тот факт, что Пили оказался жив, не мог изменить планы адвоката, но он создал брешь в его концепции.

Если это не Пили был в могиле... то кто же?

Пили никогда, по мнению Стивенса, не выглядел лучше, чем сейчас. На его лице, в котором едва-едва угады-

вались черты индейца, — что обычно так резко бросается в глаза у других людей, имеющих эту кровь, — разливался румянец.

— Я только что имел разговор с Фрэнком Хаулэндом, — начал Пили. — Он сообщил мне, что вы оба имеете намерение арестовать большую часть группы, которая много лет пользуется финансовой поддержкой Таннахила.

Услышав это, Стивенс замер. Его поразило то, что окружной прокурор так легко выболтал их секрет. Стивенс осторожно спросил:

— Что еще вам стало известно?

Выслушав Пили, Стивенс понял, что Хаулэнд рассказал все, предав его. Но теперь это уже не имело особого значения.

Пили, несомненно, сам что-то замышляет против группы. Так что вполне возможно, что он ничего не расскажет своим коллегам.

Пили предложил Стивенсу пообедать вместе. Во время еды у адвоката появилась новая неожиданная мысль. Не мог ли человек в могиле, исследованной им, оказаться Фрэнком Хаулэндом? Чем больше он думал над своим предположением, тем более вероятным оно ему казалось...

Убив его, Пили принял определенные меры предосторожности против своего предателя-партнера.

Сильной стороной в рассуждениях Стивенса было то, что Пили сам нанял Хаулэнда — человека одного с ним телосложения. Став управляющим Грэнд Хаузом, Хаулэнд заметил сходство между подписями на документах восемнадцатого и двадцатого веков, — тогда-то группа и стала свидетелем того, как решительно способен Пили расправиться со своим служащим. Потом он нанял Элисона Стивенса — тоже одного с ним телосложения. Если наступит критический момент, Пили уберет и этого управляющего, а сам, живя и работая в Лос-Анджелесе, всегда сможет надеть маску одного или другого убитого и сыграть роль каждого из них в зависимости от ситуации.

Извинившись, Стивенс пошел позвонить в офис Хаулэнда. Ему ответили, что босс уехал. Позвонив Хаулэнду домой, он услышал женский голос:

— Он будет поздно.

Стивенсу очень хотелось спросить миссис Хаулэнд (скорее всего, это была она), не заметила ли она в последние несколько дней чего-то необычного в поведении мужа. Но тут же отказавшись от этой затеи, он повесил трубку и, не торопясь, вернулся за стол. Он не получил ни подтверждения, ни опровержения своей догадки, однако меры предосторожности принять следовало.

"Я покажу ему письмо, в котором Таннахил уведомляет меня об увольнении, — подумал адвокат. — Может быть, это убедит его в том, что убивать меня не имеет смысла".

Стивенс все еще раздумывал над тем, показать ли Пили письмо, когда услышал:

— Мне бы хотелось, чтобы после обеда мы поехали к вам домой, где вы представите устный отчет о сложившейся в Грэнд Хаузе ситуации.

Стивенс представил себя наедине с Пили в отдаленном загородном доме — и содрогнулся. Он тут же достал письмо Таннахила.

Пили прочитал письмо и вернул его Стивенсу. В машине по дороге к Стивенсу он был очень задумчив.

После того как адвокат предложил гостю виски с содовой, тот попросил еще раз показать писмо. Внимательно перечитав его, он спросил:

— Чем вы ему насолили?

— Не имею ни малейшего представления. И сегодня вечером я надеюсь сделать то, что считаю необходимым.

— Так вы не отказываетесь от своего плана?

— Я уже не имею права. Я вовлек в него Хаулэнда, и теперь слишком поздно.

То, что человек, стоявший перед ним, мог иметь в кармане маску Фрэнка Хаулэнда и в любой момент достать ее, уже ничего не меняло.

Следующий час они провели в разговоре о поместье. Пили слушал с нескрываемым интересом: наверное, ему важно было узнать мнение о происходящем от человека, не являвшегося членом группы.

В четверть десятого зазвонил телефон. От неожиданного звука звонка Стивенс нервно вздрогнул. Взяв трубку, он услышал:

— Мистер Стивенс, вам звонят из полиции по поводу отпечатков, которые вы приносили. Мы идентифицировали их.

— И что же? — спокойно спросил адвокат, хотя сердце у него вырывалось из груди.

Услышав ответ, он, сразу же почувствовав себя опустошенным, повесил трубку. Но уже через мгновение, взяв себя в руки, подумал о том, что теперь ему действительно ничего не остается, кроме как привести свой план в исполнение. Он начнет с Уолтера Пили. А потом будет то, что повергнет группу в шок. А потом...

Стивенс задумчиво покачал головой. Реакция их, конечно же, будет ужасной.

ГЛАВА XX

Припарковав машину, Стивенс увидел машину Мистры и еще несколько знакомых машин. Поднявшись вверх по лестнице вслед за Пили, он обратил внимание на то, что весь дом ярко освещен. На звонок в дверь ответила Джико Айне, которая на этот раз была без своих драгоценностей и выглядела как-то совсем по-другому. Она молча провела их в гостиную, где уже находилось одиннадцать человек. Стивенс узнал судей Адамса и Портера, Кеавелла, Гранта, Таннахила и Мистру. Две другие женщины и трое мужчин были не знакомы ему.

Вперед с презрительной усмешкой на губах выступил Таннахил, который, не поздоровавшись, холодно осведомился:

— Вы Стивенс? — словно Таннахил не был уверен в этом.

Стивенс, удивленно подняв брови, кивнул и повернулся лицом к собравшимся. Ему не терпелось начать. Он намеренно явился раньше Хаулэнда, чтобы успеть ввести группу в курс дела и даже, может быть, склонить хотя бы часть ее членов на свою сторону.

Стивенс открыл свой дипломат, достал из него бумаги и окинул взглядом присутствующих. Ему хотелось увидеть, где находится ясновидящая: не из-за опасения, что

она прочитает его мысли — план его был слишком сложен, чтобы его можно было разгадать таким образом, он хотел, чтобы женщина поняла, прощупав его сознание, что он только собирается оказать на группу давление, но главная опасность исходит не от него.

Начал он с заявления:

— Моей первейшей заботой, естественно, является служение мистеру Таннахилу.

Уголком глаза Стивенс уловил мрачную улыбку на лице Таннахила, но спокойно продолжил:

— Заканчивая свою службу, я хочу представить доказательства, которые, думаю, убедят присутствующих в том, что мистер Таннахил не виновен в преступлениях, совершенных в последнее время.

Стивенс заметил, что Мистра, сидя в дальнем углу комнаты, пытается поймать его взгляд. Но он продолжал смотреть в сторону мужчин, которые собрались у входной двери.

Стивенс выдвинул обвинение против Пили и серьезно обосновал его. С каждым его словом становилось все более ясно, насколько убедительно прозвучат эти факты в зале суда: тайные поездки в Альмирант, связь с бандой, выплаты огромных сумм денег из кармана Таннахила. Но наиболее убедительным, по утверждению Стивенса, станет тот факт, что после предварительного слушания дела Пили навсегда уйдет со сцены. И его уход окончательно докажет его вину.

Несколько раз во время своего выступления Стивенс смотрел в сторону Пили. Тот сидел, нахмурившись, глядя в пол, и явно нервничал.

В обвинении, выдвинутом Стивенсом, не упоминались ни бессмертные, ни космические корабли, ни атомная война. Прежде всего было важно увязать факты, лежавшие на поверхности. "Ньютон Таннахил был убит, потому что обнаружил, что его обкрадывают на большие суммы денег, — заявил Стивенс, а затем представил такие красноречивые факты, как исчезновение врача и директора похоронного бюро. — Вместо дяди был похоронен племянник. Почему? Потому что тело дяди, вероятно, было изуродовано".

Причина, по которой был убит Джон Форд, тоже вытекала из логического анализа. Его убрали, чтобы добрать-

ся до Таннахила и заставить его подписать документ, по которому Пили мог продолжать получать выплаты.

Дженкинс? Вахтер был убит, потому что увидел Пили в ту ночь, — он мог проболтаться, что тот был в городе.

Стивенс закончил свое обвинение словами:

— В мои намерения не входило раскрытие обстоятельств, которые заставили мистера Пили выуживать из кармана мистера Таннахила большие суммы денег и пойти на ряд убийств. Могу сказать только одно: нельзя недооценивать здесь того факта, что мировоззрение его сформировалось под воздействием верований древних народов Центральной Америки. Леди и джентльмены, я закончил свое обвинение против Уолтера Пили.

После этого Стивенс в первый раз открыто взглянул в сторону Мистры. В ее холодных глазах застыло изумление. Стивенс улыбнулся и направился к свободному стулу.

ГЛАВА XXI

Молчание нарушил судья Портер:

— Итак, мистер Пили, — спросил он, — что вы можете сказать в свое оправдание?

Пили не произнес ни слова. Он сидел в кресле, безвольно опустив руки, лицо его выражало смятение, бросив быстрый взгляд на Стивенса, он тут же отвернулся. Наконец, вздохнув, он произнес:

— Так вот, что вы затевали...

Снова воцарилось молчание. Пили понимал, что все за ним внимательно наблюдают. Он нервно засмеялся, достал из кармана сигарету и закурил.

— Мне хотелось бы, чтобы вы еще раз объяснили, зачем мне понадобилось совершать убийства, — сказал он.

Когда Стивенс еще раз рассказал о письме, которое вынужден был подписать Таннахил, Пили снова засмеялся, еще более неприятным смехом. Он был похож на человека, которого ожесточила близость грозящей опасности.

— Идиот! — бросил он Стивенсу. — Вы же сами сказали, что письмо, подписанное Таннахилом, давало мне полномочия продолжать — понимаете? — продолжать пе-

редавать большие суммы нужным мне людям. Из письма ясно, что Таннахил знал цель выплат не хуже, чем я.

— Письмо с вами? — вкрадчивым голосом осведомился Стивенс.

Его тон произвел впечатление. До этого самого мгновения Пили, наверное, еще полагал, что сможет приуменьшить значение письма. Теперь же его лицо выражало одновременно изумление и злость.

— Ах ты негодяй! Ты шпионил в моем офисе в Лос-Анджелесе!

— Надеюсь, вы хорошо понимаете, что любая попытка отрицать существование письма и его значение не убедит этих людей, — парировал Стивенс.

Пили сел. Ему с трудом удалось овладеть собой, и теперь он спокойно оглядывал присутствующих. Судья Портер решил, что настал момент подвести некоторые итоги:

— Вы оказались в весьма сложном положении, Пили. Создается впечатление, что те опасения, которые у нас возникли относительно вас в последнее время, небезосновательны. Вам необходимо снять с себя обвинение. В конце концов, мы не можем позволить, чтобы управляющий Грэнд Хаузом был под подозрением.

Потом, взглянув на издателей, судья спросил: — А что вы думаете, джентльмены?

Кеавелл, высокий сухопарый человек, шептавшийся с Грантом, поднялся со своего места.

— В утреннем выпуске моей газеты мистер Таннахил будет полностью реабилитирован. Я имею в виду — вся семья Таннахилов, которая много поколений подряд была кровью и плотью Альмиранта. Наша газета, имеющая долгую и славную историю, не позволит втоптать в грязь семью, так глубоко уходящую корнями в американскую почву. Особенно сейчас, когда в мире столько проблем, когда его подспудно разрушают аморальные выскочки, существа без роду без племени... И на этом дела об убийствах закроем.

Мистра встала и кивком головы подозвала к себе Стивенса. Когда он подошел, она отвела его в угол и тихо спросила:

— Это и есть твое разоблачение? Я думала, ты действительно нашел убийцу и предателя.

— Так где же ваша чертова телепатка? Приведешь ты ее сюда или нет? — рассердился Стивенс.

Не говоря ни слова, Мистра поспешила выйти и вернулась в сопровождении миловидной девушки. Стивенс сразу понял, что она обладает удивительной для своих лет мудростью, которая читалась в ее спокойном взгляде.

— Это Тризель, — представила девушку Мистра.

Тризель взяла Стивенса за руку и замерла.

— У вас наготове еще один удар, но я не знаю, какой.

— А что еще вам удалось установить?

— Я не знаю, кто ваш информант. — Она заколебалась. — Передо мной просто темная картина. И все же — кто бы вас не информировал, он допустил ошибку. Человека, которого вы ищете, не существует.

— Давайте не будем спорить. Есть ли у вас ощущение надвигающейся опасности?

— Не могу понять... — Тризель умолкла.

— Ну что?

— Очень смутное.

— От кого она исходит?

— Я... не знаю! — И девушка закусила губу. — Я не могу сказать даже приблизительно.

Стивенс беспомощно посмотрел на Мистру, которая в ответ покачала головой.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Но у меня всегда возникает такое же ощущение, когда Тризель с кем-то мысленно общается.

Стивенс молчал. Тризель, оказывается, намного лучше, чем он полагал, умела читать мысли. Но кто-то на протяжении многих лет дурачил ее, приобретя, в конце концов, отличную сноровку скрывать свои мысли. Стивенс снова посмотрел на девушку, она покачала головой и ответила на его размышление:

— Многие здесь пытались делать это. Они часами разговаривали со мной, используя то один, то другой метод сокрытия мыслей. Иногда мне казалось, что они в этом преуспевают, но точно я не знала никогда.

Стивенс кивнул.

— А кто именно пытался скрывать свои мысли?

Девушка вздохнула.

— Я вижу, вы меня не поняли. По сути, все они. Даже вам удалось скрыть от меня в ту ночь важную информацию.

В этот момент Пили, сидевший в дальнем углу комнаты, встал.

— Вот что, друзья мои, мне нужно сейчас уйти, чтобы начать поиски настоящего убийцы и оправдать себя. Я возьмусь за это дело сам.

Стивенс в один момент оказался в центре комнаты.

— Сядьте, мистер Пили, — вежливо предложил он. — Мне нужно еще кое-что сообщить. Относительно вас.

Повернувшись лицом к группе, Стивенс рассказал о своих предположениях относительно того, почему на должность управляющего Грэнд Хаузом были выбраны Фрэнк Хаулэнд и он сам.

— Я могу с уверенностью сказать что, выйдя отсюда, мистер Пили немедленно превратится во Фрэнка Хаулэнда, — закончил он.

Стивенс обвел взглядом слушающих и понял, что его удар не достиг цели.

Таннахил насмешливо обратисля к Пили:

— Снова взялись за свои старые штучки?

— Уолтер, вы неисправимы, — добавил судья Портер.

— Мы с мистером Хаулэндом, — снова пошел в атаку Стивенс, — разработали план разоблачить членов вашей группы, использующих в своих преступных целях маски, с помощью которых можно выступать от имени других людей. Мы полагали, что многие перестанут считаться именитыми гражданами города, когда их выведут на чистую воду.

Судья Портер покачал головой:

— Не очень умно. А ты, Уолтер, меня просто удивляешь.

Стивенс был поражен. Эти люди за долгие столетия жизни стали поистине невозмутимыми. Их уже не могла по-настоящему взволновать даже попытка одного из членов их сообщества захватить Грэнд Хауз.

— Что ж, — не сдавался Стивенс,— кажется, пора начинать последний акт драмы. Должен сказать, что планы мистера Пили все же были расстроены. Представьте себе: он убивает Джона Форда, потом пишет письмо Хаулэнду, потом его видит Дженкинс, которого мистер Пили тоже решается убить. При этом он использует игольный луч, который вряд ли вступил бы в дело, если бы не чрезвычайные обстотельства. И в самом конце он допускает роковую ошибку.

— Я ухожу, — сказал Пили. — Не люблю мелодрам.

— Прежде чем вы уйдете, — ответил Стивенс, — снимите-ка маску!

Вытащив из кармана свой пистолет, адвокат нацелил его на Пили. Появление оружия не смутило присутствующих. Однако их встревожила последняя фраза, сказанная Стивенсом. Несколько человек вскочили со своих мест. Таннахил впился взглядом в того, кого все присутствующие считали Уолтером Пили, и воскликнул:

— Маска?!

Стивенс подождал, пока снова воцарится молчание, потом повторил:

— Снимите ее, мой друг. Вы действовали в целях самозащиты. Обещаю вам, что, независимо от того, понравится это присутствующим или нет, вы уйдете отсюда целым и невредимым. Пусть кто-нибудь поможет ему, — обратился он к окружающим. — Должен же быть какой-то быстрый способ снять маску.

Вперед выступила Тризель. В руках она держала флакон бесцветной жидкости.

— Протяните руки, — предложила она человеку в маске.

Тот пожал плечами и протянул ей руки ладонями вверх, позволив налить на них несколько капель жидкости. Его руки поднялись, потом — опустились.

Перед собравшимися предстал Фрэнк Хаулэнд.

Нахмурившись, он сказал:

— Что ж, мне нужно было быть осторожным, когда я начал играть против вас. Я действительно убил Пили, — но исключительно в целях самообороны. Что же касается других убийств, я к ним не имею никакого отношения.

Стивенс пристально смотрел на него.

— Хаулэнд, — начал он, — что вы знаете о деятельности... этих людей?

Хаулэнд выглядел озадаченным.

— Но ты же сам рассказал мне о них... Впрочем, теперь это не имеет значения.

Стивенс обвел взглядом комнату. Таннахил довольно безразлично наблюдал за ними, судья Портер о чем-то размышлял, Мистра и Тризель тихо шептались. Адвокат понял, что группа не видит в Хаулэнде угрозы.

Но Стивенс не успокаивался.

— Хаулэнд, откуда у вас маска Пили?

Все с интересом уставились на окружного прокурора, ожидая его объяснений.

— Мне ее прислали по почте. — На лбу у него выступили капельки пота. — В сопроводительном письме объяснялось, как ею пользоваться, напоминалось, что моя карьера находится в опасности и предлагалось воспользоваться способностью имитировать голоса. В противном случае, указывал автор письма, в полицию сообщат, где похоронен Пили.

— А как вы должны были объяснить, почему используете маску, если вас разоблачат?

— Из-за денег. Хотя, честно говоря, я вообще не должен был допускать разоблачения. Но в крайнем случае мне оставалось бы только сказать правду.

Стивенс изучал выражение лица окружного прокурора. Он не сомневался в том, что Хаулэнд говорит правду, но ему трудно представить, что тот мог попасть в такую ситуацию. Может, его просто одурманили чем-то, заставив поверить в то, что он убил Пили? На этот вопрос придется дать ответ позже.

Стивенс проводил Хаулэнда до входной двери и на прощание сказал:

— Увидимся и обсудим все это завтра.

Окружной прокурор кивнул. На лице его появились красные пятна.

— Боже мой, — взволнованно проговорил он. — Не верится, что ухожу отсюда живым.

Стивенс не ответил. Его занимала уже другая мысль, мысль о серьезной опасности. Он поинтересовался у Хаулэнда:

— Где ты разместил полицейских?

— Что? Думаешь, я такой дурак, что вмешаю во все это полицию?

Огромным усилием воли Стивенс подавил волнение. В его мозгу быстро пронеслась картина вызова наряда полиции. Нет, они не успеют: слишком много времени уйдет на разъяснения.

Он увидел, как Хаулэнд спускается вниз по ступенькам. Быстро пройдя через холл, Стивенс оказался на одной из террас дома. Он тихо свистнул и принялся ждать.

Из темноты появилась фигура Ригза. Он сунул в руку Стивенса записку и исчез. Развернув записку, адвокат всматривался в нее в свете ближайшего освещенного окна.

— Все решено, — прошептал он.

Стивенс скомкал записку, сунул ее в карман и вернулся в гостиную.

В это время человек небольшого роста, сняв с себя маску лица Ригза, легко проник в дом через одну из многочисленных дверей, ведущих на террасу.

ГЛАВА XXII

Пока Стивенса не было, к присутствующим присоединилось еще несколько человек. Все общество теперь находилось в гостиной с дубовыми панелями, из которой на террасу выходили стройным рядом французские двери. Все они, кроме одной, были закрыты.

Стивенс насчитал в комнате двенадцать мужчин, не считая его самого, и шесть женщин. Все они выжидающе смотрели на него. Не обращая на них внимания, адвокат направился туда, где стояла телепатка. Девушка покачала головой и сказала:

— Угроза как будто увеличилась десять минут назад, но сейчас снова исчезла. То, чего вы опасаетесь, я понимаю уже более отчетливо, но не до конца.

Стивенс посмотрел на Мистру:

— Сколько людей сейчас находится в Грэнд Хаузе?

— Кого не хватает?

— Ты говорила, что в городе находится сорок один человек?

— Я имела в виду еще и Пили, — просто ответила женщина.

— И они все здесь в данную минуту?

Ответила Стивенсу Тризель:

— Нет, двадцать минут назад Тезла вышел, чтобы посмотреть, все ли вокруг спокойно.

"Итак, в комнате находится восемнадцать бессмертных", — подумал Стивенс. Он внимательно рассмотрел каждого. Несмотря на свои дорогие одежды, мужчины не производили внушительного впечатления. Судьба не слишком позаботилась о том, чтобы наделить этих избранников впечатляющей внешностью. Женщины же, наоборот, были красивы все без исключения — этим и объяснялось то, почему выбрали именно их.

После реплики телепатки насчет маленького индейца, прозвучавшей достаточно громко, чтобы ее услышали все, присутствующие зашевелились и зашушукали друг с другом. Стивенс выждал, пока они немного успокоились, и громко сказал:

— Я просматривал пленку, на которой были отсняты Пили и еще один человек, телосложения Тезлы, но лицо у него было совсем другое. — Не сдержавшись, Стивенс вскричал: — Чертовы маски! Благодаря им, любой может стать тем, кем захочет! Я дважды видел Тезлу. Это был он или маска?

— Маска! — ответил Таннахил.

Стивенс громко выругался, потом спросил:

— Он действительно индеец?

— Да.

Стало абсолютно тихо, но через мгновение тишину прервал вопрос Таннахила:

— Где вы видели фильм, о котором говорите?

— Этому фильму около двух тысяч лет, — ответил Стивенс, одновременно отвечая и не отвечая на вопрос.

— Обыщите все подступы к дому! Проверьте каждую дверь! Приведите его сюда, если он где-то здесь! Мы немедленно все выясним! — начал отдавать приказы Таннахил.

— Подождите!

Голос Стивенса прозвучал так неожиданно резко, что все, бросившиеся к дверям, сразу же остановились и повернулись к нему. В это решающее мгновение в хозяине Гренд Хауза вскипела кровь его предков. Губы Таннахила растянулись в злобной ухмылке, а глаза сузились в щелки. Эти глаза Танекилы Отважного бурили Стивенса испепеляющим взглядом.

— Что это значит, что ты здесь распоряжаешься? — осведомился он умышленно тихим голосом.

— Открытие любой из этих дверей послужит сигналом для моего партнера начать забрасывать мраморные стены дома элементом сто шестьдесят седьмым. — Остановившись на мгновение, Стивенс быстро продолжил: — Причин для того, чтобы бить тревогу, — нет, если мы правильно идентифицировали нужного нам человека. Я предлагаю обращаться с ним...

— Мы сами знаем, как с ним обращаться, — прервал адвоката Таннахил. — Согласно нашей традиции.

— Вы будете вести себя с ним так, как я скажу, — заявил Стивенс. — Должен также сообщить вам, мистер

Таннахил, что ваше безраздельное царствование здесь подошло к концу. В моем дипломате более пятидесяти экземпляров документа, который вы подпишите, и согласно которому дом перейдет в собственность группы. Группа образует совет директоров новой компании. Ваше имя стоит в этом списке первым, я включил в него и свое имя. Вам лучше начать побыстрее подписывать. Я не позову сюда своего человека до тех пор, пока каждый член группы не получит подписанного документа. Вытащите же кто-нибудь бумаги!

Распоряжение Стивенса выполнила Мистра, достав бумаги и разложив их на столе перед Таннахилом, который сердито смотрел на них и уже собирался что-то сказать, но адвокат упредил его:

— Быстрее же! Спросите вашу телепатку, правду ли я говорю. У меня действительно есть элемент сто шестьдесят седьмой, а возле дома находится мой человек, который в случае необходимости выполнит мое распоряжение.

— Тризель! — позвала Мистра. — Это правда?

— Да.

Таннахил криво усмехнулся:

— Почему же ты нас не предупредила?

— Потому что он пришел с добрыми намерениями, — тихо ответила девушка. — И неужели вы думаете, что я помешала бы ему искать среди нас человека, который...

Стивенс прервал ее.

— Мы должны разумно разобраться с Тезлой. Помните, что на протяжении сотен лет у него сложилась непоколебимая убежденность в том, что как первый из ставших бессмертными он вправе претендовать на роль правителя. Сейчас он уже играет в открытую. Мы сможем одолеть его лишь в том случае, если сумеем избавиться от подозрительности и вражды, царящих в рядах группы. Таннахил, подписывайте! Не забывайте, что нам еще нужно найти Тезлу. Мы обязаны убедить его не совершать безрассудств.

На этот раз правитель Грэнд Хауза не сопротивлялся. Он схватил ручку и начал нацарапывать на бумагах свою подпись.

Стивенс вручал по экземляру членам группы. Когда было подписано уже десять документов, когда один из них уже лег в его собственный нагрудный карман, — только тогда Стивенс пошел звать Ригза. Когда малень-

кий детектив вошел, все в ожидании взглянули на него и Стивенса.

— Что ж, сэр, — начал Ригз. — Вижу, что план нам удается. Что-нибудь еще?

— Отдай мне капсулу.

Ригз протянул капсулу Стивенсу, который сразу же пошел к Мистре и отдал ее ей.

— Тезла в состоянии достать этот элемент из ваших секретных лабораторий, — предупредил адвокат. — Насколько я понимаю разработанный им план, его единственной целью является убедить меня взойти на корабль...

— Корабль? — переспросила Мистра.

Стивенс запнулся, но тут же решил, что теперь, когда документы подписаны, он может рассказать им о корабле, который прилетел со звезд две тысячи лет назад.

— ...взойти на корабль, чтобы посмотреть, работает ли до сих пор мозг роботосистемы.

— Мозг роботосистемы? Элисон, о чем ты говоришь?

— И если он работает, — продолжал Стивенс, — Тезла уничтожит дом, потому что только после этого мозг вступит с ним в контакт. У него не будет другого выхода...

Стивенс вдруг увидел, что рядом с ним стоит Тризель.

— А кто этот маленький человечек, который вошел в гостиную, а сейчас вышел?

— Не волнуйся по поводу Ригза, — ответил он, — если кто и безвреден для нас, так это...

Адвокат внезапно замолчал, пораженный возникшей у него мыслью. Он вспомнил, что Таннахил нашел детектива случайно в телефонной книге Лос-Анджелеса. Стивенс тут же спросил у Тризель:

— Какие мысли от него исходят?

— Мысли его спокойны, хотя есть небольшое волнение. И если он скрывает свою решимость разрушить Грэнд Хауз, то делает это замечательно.

Стивенс подошел к Таннахилу, который тут же заговорил:

— Я не очень отчетливо помню тот период времени. Помню только, что мы вместе сидели в баре и он предложил мне чего-то выпить...

— Но после этого вы первым позвонили ему?

— Позвонил ему? Нет, конечно, нет.

Стивенс огляделся по сторонам. Ригза в поле зрения не было.

Стивенс выбежал из комнаты и увидел, что и в холле Ригза нет. Он бросился к ступенькам, которые вели в подвал. Бесшумно спустившись, Стивенс оказался у стеклянной двери, через которую увидел Ригза, поднимавшего крышку одного из дисплей-устройств. Опустив руку в карман, адвокат нащупал маленькую трубочку, которую унес с корабля-робота. Сжав ее в руках, он смело открыл дверь и шагнул в сторону Ригза.

Тот поспешно обернулся.

— Я как раз рассматривал этот образец ацтекского искусства. Замечательно выполнено, — сказал он.

— Ригз—Тезла, ты еще можешь спасти свою жизнь. Ты проиграл. Сдавайся!

Наступило долгое молчание. Потом человечек посмотрел Стивенсу прямо в глаза и проговорил:

— Мы с тобой можем получить возможность править миром.

— Но не без Грэнд Хауза. Закрывай крышку!

— Нам не нужен дом — разве ты не понимаешь? У нас есть корабль. Мы возьмем с него **все**, что нам необходимо. Если никто не будет стоять на нашем пути, он...

Из-под приподнятой крышки появилось голубоватое сияние.

— Закрой ее немедленно, закрой элемент! — закричал Стивенс.

— Это будет стоить мне только руки. Слушай!

— Твоя рука или твоя жизнь! Быстрее! У меня здесь элемент двести двадцать первый, которому в мире нет аналогов. При соединении с твоим сто шестьдесят седьмым...

Его палец нащупал на трубочке "сброс" элемента как раз в тот момент, когда в руках Тезлы сверкнул игольный луч. Швырнув свое оружие в маленького индейца, Стивенс пригнулся и изо всех сил бросился назад, в сторону ступенек. Комната позади него задрожала, лестницу начал окутывать голубой дым.

— ...Согласны ли вы, Мистра Ланет, взять в законные супруги этого человека?

— Да, — решительно прозвучало в ответ.

Позже, у себя в машине она сказала Стивенсу:

— Я ужасно волновалась. Я ведь в первый раз вышла замуж. Понимаешь?

Стивенс не ответил. Он думал о корабле, который столько веков был похоронен под стенами дома и который очень скоро отправится домой, к звездам. Стивенсу очень хотелось полететь на нем вместе с Мистрой.

— Лично я, — внезапно услышал он, очнувшись от раздумий, — хочу девочку. Конечно, мальчики — это тоже неплохо, но...

Стивенс вздохнул: ох уж эти женщины с их вечным стремлением иметь семью и детей! Перед ними с Мистрой может открыться целый мир, если они полетят с роботами, но она, по-видимому, меньше всего стремится к этому.

Когда они приехали к Стивенсу домой, он внес внутрь чемоданы жены и уже открыл было рот, чтобы поговорить с ней о космическом путешествии, как... снова закрыл его. Мечта Стивенса о звездных просторах утонула в нежности ее взгляда. В зелени глаз женщины для него было заключено больше миров, чем существовало во Вселенной.

Когда они были в постели и их тела слились, Стивенс спросил:

— Откуда ты знаешь, что сможешь родить ребенка?

— Я это чувствую. И знаешь, почему я выбрала для свадьбы именно сегодняшний день? — улыбнулась Мистра. — У меня начинается благоприятный для беременности период. У меня за века накопилось столько сил для материнства, что мне кажется, я могу родить целую дюжину детей. Может быть, — с надеждой добавила она, — для начала я рожу сразу пятерых — и всех девочек.

— Трех девочек и двух мальчиков, — возразил он, снова найдя ее губы.

Их желание могло поспорить с их бессмертием, и он знал, что всегда будет ждать мгновения, которое они переживали сейчас.

БИБЛИЯ ПТА

The Book of Ptath

New-York ✦ 1947

ГЛАВА I
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он — Пта.

Он не думал, что это его имя. Нет. Пта — это он весь, его мысли и тело, зоркие глаза и чуткие уши, сильные руки и ноги, которые уверенно шли по земле. И земля... Нет, земля не Пта, но он связан с ней чем-то прочным, хотя и неясным для сознания. Он был Пта и шел по земле, направляясь к Пта, возвращаясь в столицу Пта, столицу его империи Гонволейн после долгого отсутствия.

То немногое, что он осознавал, не вызывало никаких возражений разума, было очень важно. Он ощущал необходимость пройти весь путь и передвигался монотонным, но быстрым шагом, желая увидеть следующий поворот русла реки и повернуть к западу.

На западе он видел огромную долину, покрытую травой и редкими деревьями. Вдали, подернутые дымкой тумана, маячили горные вершины. Там цель его пути.

Его раздражала река, русло которой извивалось по долине и преграждало путь к цели, отнимая силы и время. Его тело и смутное сознание жаждали быстрее манящих гор. И там смеяться, кричать во весь голос, скакать от восторга.

Надо идти... Идти туда... иду туда!

Вдруг в сознании промелькнула неуверенность в себе самом.

Он Пта, возвращающийся к своему народу. Как выглядит Гонволейн, на кого похожи его жители?

Этого он не может вспомнить. Искал в памяти и не находил ответов на эти вопросы. Это было за пределами его сознания.

Сейчас ему предстоит пересечь реку, которая уже знакома. Дважды он ступал на мокрый песок у кромки воды и каждый раз отступал, пораженный враждебным противодействием. Пришла неожиданная боль от осознания мысли, что ему неизвестно, что было до того, как Пта вышел из тьмы.

Растерянно он смотрел во все стороны на юг, восток, север. Везде были такие же горы, как на западе. Нет, совсем другие! Туда его не влекло.

И снова он смотрел на западные горы. Ему необходимо идти туда, не обращая внимания на противодействие реки. Ничто не может остановить его. Через реку, вперед к цели... Величественный мир манил Пта.

Он ступил в воду, шаг назад и снова вперед, в темный бурлящий поток. Река охватила его. Она казалась живой. Она тоже двигалась по земле и не была частью земли... И не была частью Пта.

Мысль оборвалась, когда он провалился в глубокую яму. Вода жадно взметнулась вверх, проникая в рот, нос, уши. Судорожно затрепетали легкие, дыхание перехватило. Он присел на дно и резко оттолкнулся от него ногами, опираясь ладонями на густую массу реки. Еще и еще пытался он выбраться на мелкое место. Удалось.

Он не испугался. Просто все происходило так, как хотел его разум. Надо идти к горам, а река пытается остановить его. Но он не позволит реке задержать Пта. Если и будет кому-то плохо и больно, то реке, а не ему. Смело вперед.

Он не обращал внимания на спазмы, сдавившие горло. Шел прямо, преодолевая сопротивление темной, бурлящей жидкости. Он сильнее реки и боли. С этой мыслью боль ушла. Вода уже не тащила его вниз с такой силой, омывала ноги после того, как он отталкивался от мягкого дна.

Каждый раз, как голова его возвышалась над бурлящим потоком, он видел: горы приближаются.

Резкая волна боли снова прошла сквозь тело, когда он почти достиг берега. Вода снова устремилась через рот внутрь тела и повлекла вниз. Он судорожно закашлялся, скрылся под водой и вышел на берег, опираясь на дно руками и ногами. Пройдя полосу мокрого песка, тело Пта рухнуло на траву.

Приступ кашля прекратился, он встал и посмотрел на мрачный бурлящий поток. Отворачиваясь, он познал одну истину — он не любил воду.

Дорога, на которую он вступил, поставила перед сознанием еще одну загадку. Она давала Пта возможность без препятствий идти прямо на запад. Ясно, что она ведет его к цели. Но куда? Не ясно. Снова мысль вернулась к реке, которая бурлила, извиваясь. Но она никуда не текла, не стремилась к своей цели, и можно было не познавать ее сущности до конца.

Надо идти дальше!

Когда он принял это решение, то раздался какой-то незнакомый звук.

Он прислушался. Звук приближался с севера, откуда пришла дорога, обогнув поросший деревьями холм. Источник звука не был виден, затем его глаза увидели нечто. Часть его была похожа на тело Пта. Эта часть была сверху, имела руки, ноги, голову и все остальное, что было у него. Но светлым было только лицо, остальное было темнее. Другая часть, которая была внизу, была ему совсем не знакома. Она состояла из кусков дерева и по бокам имела большие круги, катившиеся по земле. А впереди всего этого было еще что-то. Свирепого вида животное с четырьмя ногами и одним большим рогом, торчащим посередине лба.

Пта направился к этому зверю, широко открыв глаза и стараясь запечатлеть в мозгу все, что он видит. Уши ощутили, что верхняя часть приближавшегося объекта внимания пронзительно закричала, морда животного уперлась ему в грудь, рог застыл на уровне лица. Страшное нечто перестало двигаться.

Пта почувствовал растущее раздражение. Часть, похожая на человеческое тело, продолжала орать на него. Ос-

мысление происходящего продолжалось. Пришло понимание, что части целого могут существовать отдельно. Стало ясно, что он слышит слова общения людей.

— Что с тобой? Лезешь прямо под повозку! Ты больной? Только идиоту придет мысль шляться нагишом! Хочешь повстречать воинов богинь в таком виде?

Слишком много нового смысла было в том, что он слышал. Слова роились у него в голове, мешая друг другу. Он с трудом улавливал суть. Усилие понять фразу вытеснило чувство раздражения.

Он произнес равнодушно:

— Повозка. Болен.

Человек с ухмылкой уставился на него и уже тихо произнес:

— Ты болен. Поехали со мной в Линн. Это всего в пяти канбах отсюда. Там есть замок, где тебя накормят и вылечат. Иди сюда, я помогу влезть на повозку.

Когда повозка тронулась, человек спросил:

— Где твоя одежда?

— Одежда? — наивно переспросил Пта.

— Ты хочешь сказать, что не сознаешь срама наготы. Ты не понимаешь, что раздет? Ну-ка не отводи глаза в сторону.

Пта тяжело повернулся. В тоне, каким была сказана последняя фраза, он ощутил особый смысл, а именно предположение, что с ним не все в порядке. Что-то должно быть по-другому.

— Раздет? Одежда? — в голосе появилась злость.

— Не психуй, — поспешно сказал спутник. — Посмотри... Одежда... вот такая... как у меня.

Человек снял свой пиджак и поднес его ближе к Пта.

Злость ушла из сознания. Пта всматривался в человека, пытавшегося объяснить, что он вовсе не темный ниже головы, просто покрыл свое тело чем-то темным, что не есть часть человека. Пта потрогал пиджак, развел руками в стороны, осмотрев их. Эта часть одежды шуршала и мялась в пальцах свободно. Пта засмеялся.

Человек снова повысил голос:

— Эй, ты что это...

Пта удивленно посмотрел на него и подумал, что это создание, такое шумное и беспокойное, задержало его,

чтобы показать свою одежду. Случайно его ладони наткнулись на дырку в спине, плохо прикрепленную заплатой. Он просунул палец в отверстие и широко улыбнулся.

Глаза человека сузились, губы сжались, и он прошипел:

— Значит, ты не знаешь, что такое одежда? Ну-ну! Ты совсем болен. Ты издеваешься надо мной...

По лицу человека было ясно, что он принял новое решение. Внезапно он рванул пиджак на себя и хлеснул им животное. Оно резко рванулось вперед, повозка подпрыгнула на кочке. Пта не был готов к этому и упал на дорогу.

Он лежал, а повозка быстро уносилась на запад. Все дальше и дальше, туда, куда надо идти. Возница стоял на ней и пиджаком хлестал животное, которое скакало все быстрее.

Пта шел по дороге и со злостью думал, что передвигаться в повозке, которую тащит животное, быстрее, легче и приятнее.

Он шел довольно долго, прежде чем увидел впереди много огромных зверей. Он следил за ними с возрастающим интересом, особенно тогда, когда заметил, что на них сидят люди. Наездники передвигались быстро, и расстояние, разделявшее их, сокращалось с каждой минутой. Он ждал, дрожа от нетерпения. Хорошо рассмотреть наездников удалось тогда, когда четыре животных приблизились на десять шагов.

Животные были крупнее, чем он предполагал. Они были в два раза выше человека и очень массивные. Их шеи были длинны и оканчивались головами с тремя лошадиными мордами. Ярко-желтые шеи резко выделялись на фоне темно-зеленых тел, которые сзади несли длинные и пышные хвосты фиолетового цвета. Они нетерпеливо топтались на месте, осажеваемые седоками. Огромная масса не мешала им двигаться легко и быстро, поднимая клубы пыли.

— Это он, — сказал один из седоков, — тот псих, о котором рассказывал крестьянин.

— Малый прекрасно выглядит. Прямо просится под арест... Скоро ты, приятель, попадешь в тюрьму, не волнуйся, — добавил второй.

А третий всадник задумчиво произнес:

— Где-то я его видел... Точно! Но где, не могу вспомнить.

Они приехали сюда потому, что о Пта им рассказал человек из повозки. Значит, он был враг. Такая мысль не была до конца логичной, но возникала невольно. Неполное понимание происходящего раздражало Пта. Осознание было приятнее догадок.

Длинный хвост животного давал ему прекрасную возможность взобраться на спину зверя, и такое желание возникло. Очевидно, о нем догадывались наездники, и сделать это было не просто. Но на животном он быстрее доберется до цели.

Пта сказал:

— Помогите мне. До Линна пять канб. Там в замке меня накормят и вылечат. Спуститесь и помогите мне подняться на животное. Я болен и без одежды.

Такая длинная фраза убедила бы даже Пта. Он ждал реакции на свои слова, изучая каждый жест, запоминая слова, звучавшие из уст всадников. Ему надо знать язык этих людей. Люди переглянулись. Один из них с улыбкой сказал:

— Будь спокоен, парень, мы поднимем тебя на спину гримбса и увезем в город. Мы этого тоже хотим и приехали забрать тебя с собой.

Другой добавил:

— Ты не совсем прав, незнакомец. До Линна не пять, а три канба. Твое счастье, что ты такой простак... Мы ожидали встретить мятежника... Дальярд, брось ему сверток с одеждой.

На траву у дороги что-то упало. Пта с недоумением разглядывал одежду, стараясь сравнить ее с тем, во что были облачены всадники. Но их одежда была совсем не похожа на ту, которая лежала перед ним.

— Ты что, совсем кретин? — Грубо сказал тот, кто бросил одежду. — Не знаешь, как это одевается или издеваться вздумал? Вот это надень первым... это наверх.

Мозг Пта начал работать быстрее. Теперь он знал больше и мог понять, что надо делать. Подгоняемый сердитыми возгласами, он оделся. Подошел к животному,

на котором сидел ругавший его больше всех и названный Дальярдом.

— Наверх, — сказал он, — помоги мне подняться наверх.

Он был уверен, что ему помогут, и не ошибся.

— Держись за руку и забирайся в седло.

Это было легко. Совсем легко. Одну руку всаднику, другой помогать, держась за кожаную ленту. Как только он очутился в одном из седел, он легко выбросил из другого на землю человека, который говорил с ним грубо.

Пока тот вставал, выкрикивая проклятия, Пта хлестнул своего скакуна вожжами и направил его на запад. Он поехал туда, где исчезла вдали повозка крестьянина, ставшего его первым обидчиком.

Быстрая езда доставляла наслаждение. Он не ощущал ни монотонной тряски, ни толчков, подобных тому, который сбросил его с повозки. Все происходило плавно, ритм бега животного успокаивал. Он решил, что это лучший способ достичь цели.

Смотреть на ноги скачущего животного было интересно. Фиолетовый хвост колыхался в воздухе и, казалось, ограждал от пыли, клубившейся сзади.

Сквозь пыль он заметил, что за ним скачут еще трое животных и несут четырех седоков. Со стороны это должно было выглядеть великолепно. Гонки по долине. На огромной скорости несется первое животное, но его настигают трое других, даже последнее, несущее двух седоков... Они все ближе, ближе. Пта понял, что ошибся, ему не догнать того, в повозке. Придется иметь дело с теми, кого крестьянин назвал воинами богинь. Их крики раздавались совсем рядом.

С нарастающим раздражением Пта следил, как его окружают. Возможно, его животное было не столь резвым, как остальные. А может быть его преследователи знали способ более быстрой езды. Они так направляли своих животных, что их желтые шеи почти касались его и лошадиные морды дышали в плечи.

Животное под ним резко встало на задние ноги, и он чуть не вылетел из седла, затем остановилось.

Пта сидел сердитый, ожидая, когда его преследователи развернутся лицом к нему. Ситуация была абсолютно не-

знакома, и мозг не подсказывал, что надо делать. Он стал обдумывать, как следует поступать, если его будут стаскивать вниз.

Один из всадников сказал:

— Наконец догнали. Что будем делать с этим придурком?

— Предоставьте его мне! — крикнул Дальярд. — Эту смазливую рожу надо умыть кровью! Он сейчас будет плевать зубами!

Пта смотрел на кричавшего. Он не был уверен, что правильно понимает все слова, но его мускулы встрепенулись и напряглись. В мозгу стал возникать порядок действий, которые надо было предпринять. Подъехать к каждому сбоку, вышибить из седла и продолжить путь на запад.

Он увидел, как один из воинов вытащил из длинного кожаного чехла какой-то предмет с острым концом. Когда острый конец поднялся вверх, то в острие сверкнул луч солнца.

— Слезай! — закричал этот всадник. — Вниз, или я воткну копье прямо в шею, на которой ты зря носишь голову.

— Проткни его, проткни! — кричал Дальярд сбоку. — Научи, как вести себя со стражниками.

Мозг Пта наполнился яростью, расширившей его возможности. Он решал, как поступить. Надо вышибить из седла Дальярда и его напарника первыми. Одного рукой, другого ногой. Затем обезоружить держащего копье. Останется только один. Его тоже на землю надо.

Кулак обрушился на лицо Пта.

Это было неприятно, но боли он не почувствовал. Просто ощутил то, что еще не было осознано. Это заставило действовать решительно. Его нога устремилась в лицо человека, сидевшего сзади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Человек, глухо вскрикнув, откинулся назад и скользнул на землю, не попытавшись даже смягчить удар. Так же резко Пта вышвырнул из седла Дальярда, тот грохнулся под ноги животного, но не остался лежать без движения, а закричал:

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна.

Пта отпрянул в сторону, пригнулся и стал ждать боль. Но ничего не произошло. Человек с копьем и еще один стражник были уже далеко. Дорога уходила в лощину. Он подстегнул свое животное и бросился вдогонку. Когда он добрался до начала лощины, где скрылись преследуемые, то увидел, как вдалеке мелькнули среди деревьев и скрылись силуэты беглецов. Проехав лощину, он увидел, что дорога поворачивает вправо. С обеих сторон на полях работали какие-то люди. Уничтожают сорняки — осознал Пта. Но то, что он заметил несколько минут спустя, не было еще доступно его сознанию.

Одна дорога разделилась на две равные части. Это абсурд. Так не должно быть. Есть одна цель, должна быть и одна дорога. Изумленный Пта остановил животное, расслабился. Только что была одна дорога. Теперь их две. Одна снова поворачивает направо, другая — налево, в большую равнину. Закрыл глаза... Куда влечет?.. На запад!

Он ехал долго и спокойно, приближаясь к цели, которая манила Пта.

Где-то наверху раздался характерный звук. Что там в небе?

Едва не задев его огромными лапами, над головой пронесся летающий зверь. Его огромные серо-голубые крылья с шумом рассекали воздух, удлиненная, почти треугольная голова свешивалась, всматриваясь вниз пылающими от ярости глазами. Когда птица пролетела чуть вперед и стала делать вираж на повороте, то выяснилось, что на ее спине два седока, и один из них — Бир. Пта застыл на месте.

Его очередной враг на необычном летающем чудовище будет снова мешать ему, находясь в безопасности. Это преследование становится невыносимым.

Пта поднял руки, сжал кулаки и, грозя ими, закричал, что всадников птицы ждет участь всадников на длинношеих животных.

Летающий зверь сделал еще один круг над головой, затем поднялся выше и медленно полетел в западном направлении. Вот он уже превратился в точку на фоне заходящего солнца, затем вообще исчез.

Пта снова поскакал туда, где горел закат. Он не обращал внимания на солнце, почти достигшее линии горизон-

та, но понял, что оно непонятно быстро стало меркнуть в густом облаке пыли. Пыль приближалась, и вот уже стала различима лавина большого числа животных, каждое из которых несло седока. Появились в небе и серо-голубые крылатые звери.

Огромный табун несся навстречу, и вот уже он окружен сплошной стеной, издающей крики, топот. Хаос вокруг привел его в смятение.

Куда смотреть... что анализировать?

Что-то очень тонкое и длинное, похожее на уздечку, обвилось вокруг туловища, спеленало руки. Рывок, и он упал на землю.

Придя в себя, Пта встал, освободился от лассо. Он понял, что уже не может ехать дальше на животном. Надо снова стать всадником, повторить то, что уже ему удалось раньше. Начал искать глазами Бира. Не нашел, значит, эти всадники не знакомы с его хитростью. Он выдержал паузу, заметив, что толпа вокруг притихла в ожидании дальнейшего развития событий. Припомнил нужную фразу и произнес, обратившись к ближайшему воину:

— Спуститесь и помогите мне снова сесть на животное... До. Линна три канба... Там меня накормят и вылечат. Я... — Тут он осекся. На одном из животных сидел необычный человек... не мужчина. Он был почти такой же, как остальные, но вместо шорт на нем было длинное темное платье. Женщина... Она сидела не в седле, а в каком-то ящике со спинкой и не управляла животным. Это делал другой человек, сидевший в седле перед ящиком. Голос женщины зазвучал звонко и певуче.

— Мой лорд, он так странно произносит слова. Неужели он действительно сумасшедший?

Высокий мужчина с волосами серо-стального цвета ответил ей:

— Думаю, да. К тому же стражник, который рассказал нам об этом идиоте, доложил, что этот парень убил воина, — и, обратившись к одному из мужчин, добавил, — капитан, вы лично отвечаете за безопасность принцессы.

Пта с интересом слушал этот разговор. Его внимание привлекали все слова, услышанные впервые, которые не вызывали ассоциаций с образом предметов или знакомыми понятиями. Он чувствовал, что угроза нарастает. Все люди

пытаются задержать его, каждый по-своему. Мысли о крестьянской повозке, воинах-стражниках раздражали. Этот лорд тоже хочет помешать... Главное препятствие — река. Она позади. Поступки людей повторяются и всегда без результата, на них можно не обращать внимания. Решено, он идет дальше.

Пта повернулся лицом к западу и, огибая зеленые туши, направился к цели. Он выбрался из кольца окруживших его воинов, ощутил дуновение прохладного ветра и с наслаждением вдохнул воздух, не несущий в себе запах животных.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как был сбит с ног и очутился на траве у дороги. Снова его окружили животные и люди, снова воздух не доставлял удовольствия. Только крики не повторились.

Женщина сказала спокойным голосом:

— Даже для сумасшедшего логика его поведения слишком необычна. Что ты намерен с ним сделать, мой лорд?

Человек, к которому она обратилась, пожал плечами:

— Наверное, казню. Убийца есть убийца, — и, посмотрев в сторону капитана, добавил, — выдели шесть человек. Пусть оттащат его в поле и зароют подальше от дороги. Думаю, глубже трех футов копать не стоит, затоптать могилу плотнее и все. Выполняйте приказ.

Пта с улыбкой смотрел, как шестеро слезли на землю и направились к нему. Слова "мой лорд" наконец приобрели определенный смысл, но общая картина, стоявшая за услышанным, не была до конца понятной. Столько новой информации сразу не усваивалось. Но серьезность происходящего и общее состояние окружающих подсказывали, что положение угрожающее.

Ясность пришла в тот момент, когда двое всадников незаметно зашли за спину, резко схватили за оба локтя одновременно и попытались заломить руки. Это было так неприятно и оскорбительно, что он в мгновение отшвырнул нападавших в грязь у дороги. Пта повернулся, и в тот момент третий нападавший попытался схватить его за ноги. Когда его плечо опустилось, а руки коснулись колен, два мощных кулака обрушились на голову воина. Бедолага

рухнул на землю и остался недвижим, странно раскинув руки, лицом вниз.

Пта сообразил, что его нога против воли наступила на голову врага и удивился своему движению. В этот момент два всадника схватили его за руки, а третий одновременно вцепился в ноги и пытался обмотать их ремнем. Все боровшиеся потеряли равновесие, очутились на земле и подняли вокруг себя облако пыли. И это стало совсем невыносимо. Пта напрягся, высвободил одну ногу и пнул в грудь того, который суетился с ремнем. Один из нападавших уже не мешал, вставая на ноги; Пта поднял и двух других, с силой столкнул их лбами и отшвырнул в разные стороны.

Затем он посмотрел на лорда... на женщину... опять на лорда. Переводя свой яростный взгляд с одного врага на другого, Пта оценивал расстояние, отделяющее от них его тело, и молчал.

Молча следили за его движениями и окружавшие воины.

Всех поразил исход схватки.

Первой заговорила опять женщина:

— Кажется, его лицо мне знакомо. Как тебя зовут, человек? Как твое имя?

Прозвучавший вопрос расслабил мышцы и остановил его порыв к борьбе. Его имя?.. Конечно, Пта. Пта из Гонволейна. Вопрос удивил тем, что ответ на него очевиден. Он, подняв обе руки, произнес:

— Пта, Трижды Величайший.

Вдруг закричали все люди. И те, которые помогали поднять на спины животных поверженных в драке воинов, и те, которые сидели верхом на животных. Смысл крика не был ясен. Лорд махал руками, тыкал пальцем в его сторону и повторял много раз слово "стрелы". Что оно означает? И тут острая боль прошла в левой части груди.

Пта опустил голову и увидел, что из тела торчит тонкая деревяшка. С удивлением он выдернул ее и бросил под ноги. Вторая стрела пригвоздила ладонь к бедру. Он выдернул и ее, затем медленно повернулся к человеку, доставлявшему стрелами такое беспокойство, и услышал срывающийся от напряжения голос женщины:

— Лорд, останови их! Останови их всех! Неужели ты не слышал, что он сказал?! Неужели не видишь?!

— Чего? — мужчина повернулся к ней.

— Не видишь, что это тот, чья сила неисчерпаема, кто не ведает усталости, не знает страха...

— Бред, — раздался жесткий ответ. — Этот миф создал ум толпы. Мы тысячу раз говорили тебе, что богиня Инезия использует легенду о Пта для пропаганды своего величия. И потом, живой Пта — это невозможно.

Женщина снова крикнула:

— Останови их! Он вернулся к своему народу через века. Посмотри! Его лицо! Он похож на статую в замке.

— Принцесса, он похож не на статую. Грязный, голый. Если его помыть и одеть, пожалуй, он станет похожим. Он почти точная копия принца Инезио — любовника богини. Не мешай. Надо его прикончить. Хватит для замка одного фаворита.

Истерика изменила лицо женщины, глаза сузились. Она крикнула резко и повелительно.

— Не здесь! Доставь его в замок.

Лорд нехотя махнул рукой, подождал, пока Пта выдернет все стрелы из тела и сказал, обращаясь к нему:

— Ты пойдешь с нами в замок Линн. Мы накормим и вылечим тебя, потом дадим летающего скрира, который доставит тебя куда пожелаешь. Согласен?

ГЛАВА II
БОГИНЯ В ЦЕПЯХ

В застенках громадного замка города Пта мрачно вздыхала темноволосая женщина. Ее облик был величественным, но она лежала полуобнаженная на сыром и холодном каменном полу. Красивое тело было опутано тяжелыми цепями, которые не позволяли даже выпрямить изящные ноги. Многие века она томилась в заключении, не подвластная ни смерти, ни болезням. Это была Богиня.

Взгляд темноволосой Богини был направлен в сторону кресла, на котором сидела не менее величественная золо-

товолосая красавица с торжествующей улыбкой на лице. По всему казематy звенел ее мягкий смех с оттенком сарказма. И вот зазвучал ее приятный чистый голос:

— Ты все еще сомневаешься в моих способностях, дорогая Лоони? Века тебе не прибавили мудрости. Помнишь время, когда ты не верила, что я смогу заточить тебя в темницу. Но ты же здесь...

После паузы блондинка продолжала:

— Вспомни, когда я впервые спустилась сюда поведать о намерении лишить Пта его могущества, а ты напомнила, что только мы вдвоем способны отбросить его в прошлое. Что для этого мне нужно опереться на твой полюс Власти, а ты не дашь на это согласия. Пойми, пока ты с простодушной надеждой ждешь своего Пта, проживающего миллиарды человеческих жизней, я познаю пределы божественной силы, которую он нам дал, и расширяю их.

Брюнетка шевельнулась, и сквозь шум цепей вместо тяжелого вздоха послышалось:

— Ты изменница, Инезия.

В полумраке на губах сидевшей в кресле снова заиграла лучезарная улыбка.

— Святая простота, — произнесла она нежно, — твои слова только доказательство моей неизменной победы. Это обвинение — пустой звук, потому что Пта мертв и ты мертва. Навсегда.

Брюнетка приподняла плечи над полом. Дух ее окреп, дыхание стало ровным, и она произнесла:

— Никто из нас еще не умер. Слова мне раскрыли, что появилась причина беспокойства. В твоих глазах подтверждение моей правоты. Говори что угодно, Инезия, я не поверю. Ты отправила его в далекое прошлое Гонволейна, лишила его власти, совершила насилие над его личностью. Но многоликая и безгранично трансформирующаяся сущность Пта не может тебе позволить полностью верить в осуществление коварного плана... — не услышав ответа, Богиня-узница продолжала. — Помни, дорогая Инезия, строя любые коварные планы, помни о чарах. Столько веков они оберегают Пта от твоих злых помыслов. Сейчас ты наслаждаешься уверенностью в своей победе. Напрасно. Семь защит прикрывают его, Инезия. Не больше и не

меньше, а как прежде — семь. Снять их, при этом не лишив нас могущества, может только он сам.

Ответа вновь не последовало, и Лоони закончила уже с иронией:

— Не пытайся заставить Пта делать то, что ты хочешь. Его воля порывиста и неукротима. С каждой твоей попыткой он становится более искусным и мудрым. Движется время, Инезия, оно драгоценно, необратимо, оно уходит.

Смех блондинки снова заполнил темницу, и голос Лоони угас. Внезапное понимание, что она зря расходует силы, заставило принять прежнее положение. Голова и плечи легли на холодные камни, руки расслабились.

На детском личике златоволосой Инезии отразился восторг, как у зверька, который удачно спровоцировал свою жертву на безнадежную попытку скрыться от противника. Наконец, она произнесла с напускным сожалением:

— Как странно. То, что ты пророчествуешь, известно мне, но я продолжаю свое дело. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта развиваться свободно, изучать мир обычным способом и как Пта.

Возможно, ты забыла, что у него много человеческих обликов с разной личностью. Я выберу одну из них, перенесу в наше время и буду господствовать над ней, запутывать ощущения, лишать воли... Ох уж эти наивные чары — семь защит. Как легко они рухнут! Вспомни божественный трон во дворце Нушира Нуширвана. Чтобы достичь его, Пта должен будет завоевать Нуширван. А я лишу его человеческую личность изобретательности, окружу огромными армиями. У меня теперь не один план, как раньше, а несколько, и все предусмотрено. Ты знаешь, пока трон существует, я не могу обладать абсолютной властью в Гонволейне. Этот трон — тайная основа его главенства. Но не навсегда.

Богиня Лоони никак не реагировала на рассуждения своей соперницы, но та продолжала:

— Я должна убедить или заставить Пта пересечь реку кипящей грязи. Эта река раньше мне не давала добраться до трона. Но в этот раз я смогу добиться своего. Теперь я

знаю, как за несколько часов уничтожить его божественность...

... Мои чары опутают волю Пта. Он меня снова полюбит, признает мою божественность. И под могучей волной молитвенного экстаза даст мне право лишить тебя, дорогая Лоони, божественной жизни. Он пройдет через царство Тьмы и снова пересечет реку кипящей грязи. Он сам поможет победить его могущество...

... А теперь, дорогая Лоони, я вынуждена оставить тебя. Многое из того, что я тебе рассказала, уже исполнилось. Процессия, сопровождающая Пта, приближается к замку Линн. Мне нужно подчинить его мозг моей воле, быть рядом с ним в гуще событий и управлять всем происходящим.

Лоони открыла глаза и следила, как Инезия удобнее расположилась в кресле, и ее тело стало неподвижным. Давление присутствия ее личности ослабло, исчезло совсем.

Два тела, сидящей Инезии и опутанной цепями Лоони, казалось, беззвучно заполняли темнотой холодное помещение.

Опускалась ночь. День проходил.

ГЛАВА III
ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ

Замок был местом, угнетавшим сознание. Низкие потолки угрюмо нависали над головой, из полумрака помещений почти не было возможности видеть пространство, окружавшее мрачное строение. Подавленный этой атмосферой, Пта стоял у стола и смотрел на пищу, лежавшую между его мощными, но безвольными руками.

От нее исходило тепло, пар и острейший аромат, который приятно раздражал обоняние. Ноздри ловили этот запах и отвлекали от происходящего. С дальнего конца стола раздался голос, принадлежавший лорду. Озадаченный происходящим, Пта принял предложение сесть, точнее, подчинился ему.

Он ничего не упустил из виду во время путешествия в замок Линн. Его чувства, обостренные опытом происходившего и новыми мыслями, отмечали все.

Замок был очень высоким. Его стены сложены из белого камня, который за многие века приобрел грязно-серый цвет. Наверно, раньше замок светился надеждой на лучшее для всех жителей города. Но сейчас он мрачно возвышался над городскими кварталами и был отделен от них широким пространством, заполненным деревьями. Замок производил неприятное впечатление и давно нуждался в ремонте.

Пта увидел, что он не один за столом. Среди других людей были лорд и принцесса, чьи волосы переливались и сверкали как вода, причинявшая боль. Но неприязнь к этим золотистым локонам не ощущалась. Пта видел теперь и группу мужчин, сидевших в глубине комнаты. Для него это были безымянные существа, которые, не двигаясь с места, с бесстрастными лицами следили за его движениями только уголками черных глаз.

— Так и должно быть, — раздался женский голос, — он видит пищу впервые.

Пта быстро взглянул в ее сторону. Что-то в манере, с которой была произнесена фраза, ему не понравилось. Но взгляд натолкнулся на очаровательную улыбку и раздражение отступило.

Лорд сказал шепотом:

— Внимание. Давайте есть. Посмотрим, станет ли он нам подражать.

Принцесса ответила нормальным и спокойным голосом:

— Я уверена, что нет необходимости шептаться. Он вернулся без памяти и пока ничего не знает. Посмотрите, как он начинает есть.

Это был первый вкус, который испытал Пта в новой жизни. Он поглощал пищу, не обращая внимания на окружающих. Каждый кусок был приятен языку и грел руки, рот, желудок. Ложки, вилки и ножи, лежавшие рядом, не пригодились. Отодвинув в сторону пустую тарелку, Пта, вытирая руки об одежду, произнес:

— Где скрир? Теперь я полечу в Пта!

Женщина улыбнулась.

— Пойдем со мной...

Лорд положил ей руку на плечо.

— А ты уверена...

Она быстро ответила:

— Не волнуйся. Мы можем потерять только голову, но если добьемся своего, то наградой будет превращение нашего замка в королевский, Линн станет столицей огромной империи. Уверяю, я знаю, что делаю. Не сомневайся.

Принцесса улыбнулась Пта, который следил за происходящим, почти не понимая его смысл.

— Сюда! — сказала она. Ее голос был таким уверенным и чувственным, что спрашивать ничего не хотелось. — Скрир ждет тебя внизу у входа. Нужно спуститься ступеньками. — Ее улыбка манила, и он согласился. В мыслях он уже летел по воздуху, как это делал Бир. Воображаемая картинка была яркой и устойчивой.

Ступеньки вели гораздо ниже, чем это можно было предположить. Память подсказывала, что поднимаясь вверх от входа, пришлось меньше переступать ногами. Но это была другая лестница. Наконец, они пришли на этаж, где пол был из камня. По всей длине коридора виднелись факелы, торчавшие через ровные интервалы в одной из стен. С обеих сторон было множество закрытых дверей. Женщина остановилась перед открытой.

— Иди, — улыбнулась она. И мягко прикоснулась к нему ладонью. Ее тело было мягким и теплым. Все тело Пта затрепетало от желания прижать к себе женщину.

Пта переступил порог и оказался в крохотной комнате без окон с низким каменным потолком. Кроме факела здесь ничего не было. За спиной раздался резкий звук. Пта медленно обернулся и увидел, что дверь закрыта. В ней открылось маленькое отверстие, где он заметил женское лицо.

— Не беспокойся. Мы выбрали иное решение. Скоро сюда прибудет твоя жена, величественная Инезия, и заберет тебя в великую столицу.

— В Аккадистан! — раздался в коридоре голос лорда. — Неужели ты надеешься, что он будет ждать спокойно...

Окно и двери резко захлопнулись. Голос оборвался на середине фразы. Факел потух. Наступила тишина.

Пта растерянно стоял в темноте. Он ждал, что дверь откроется и объявят о прибытии той, имя которой произнесла принцесса. Величественная Инезия придет и заберет его в Пта. Он помнил все, что ему пообещали.

Время шло. Нетерпение нарастало в нем, убеждая, что в Пта можно добраться и пешком, только надо идти без остановок. Мысль о путешествии, которое не начинается, заставила сесть. Пол был жестким и холодным, но он ждал, ждал...

В сознании непрерывно возникали туманные образы. Они были странные, хаотичные, незаконченные, лишенные конкретного смысла. Пришла только одна ясная мысль — безумие.

Что-то было неверным. Он должен действовать. У него отнимали время, не давали принять решение. Переполненный яростью, Пта встал и с ужасной силой обрушился на дверь. Но та даже не шелохнулась под тяжестью его тела.

Он опять сел на пол и был удивлен этим. Он не помнил, что когда-то сидел в такой позе.

Время шло. Темнота и тишина существовали отдельно. Неведомые силы раздирали его тело на части, побеждали сознание. Очередные образы возникали в его голове.

— Танк не должен стоять. Что с двигателем... Мы почти... Мы почти у... Внимание... Штурмовик пикирует... Он над нами...

Сознание рухнуло в темноту.

* * *

Много веков душа Холройда боролась против тьмы, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, а только оболочка из сырого камня, которая слепо и беспощадно сжигала его тело. Неумолимая сила давила его плоть, медленно, но уверенно безжалостный холод тьмы высасывал из него тепло.

Холройд очнулся. Он ощутил усталость после кошмарного сна. Словно это был не сон. Его пальцы вновь ощутили грубый каменный пол, который не давала видеть глазу обволакивающая тьма.

Он попытался сесть. Получилось не сразу, разум отказывался признавать окружающую черноту и реальность этого помещения. Наконец, он окончательно пришел в себя и смог оторвать туловище от камней.

Сев в позу, которая была незнакома, он внезапно ощутил волну ярости, захлестнувшую сознание, которое отказывалось признать необходимость пребывания в этом месте.

— К чертям весь этот бред! — повторил он вслух свою мысль.

Раньше в голове не возникали слова, теперь они начали выплывать из тумана, и он разразился тирадой:

— Здесь ничто не похоже на Соединенные Штаты. Это не Германия, где мы сражались. Может, Северная Африка?.. Нет! Здесь безумие, фантастическое безумие, пронизывающее мир, замки больше похожи на крепости и тюрьмы. Безумны мысли и действия, и все происходящее.

Его мозг продолжал работать в темноте ночи, может быть, дня. Неопределенные, не связанные воедино образы теснились в сознании. Хаос воспоминаний, событий, географических понятий, знакомых и незнакомых языков. В голове наиболее часто возникали слова — Америка, Германия, Северная Африка. Все эти понятия били в его мозг как тяжелый, все сокрушающий молот.

— Отзовись, тот, который зовет себя Пта, — это был мужской голос, звучавший в темноте глухо, но не вызывающий раздражения. Обращались к нему.

Холройд резко обернулся. Холод обволакивал все тело, словно оно было вморожено в ледяную глыбу, занимавшую все пространство камеры, где он очутился. Мозг лихорадочно искал слова для ответа. Губы шевельнулись, и он пробормотал:

— Холройд-Пта. Нет, неверно. Надо Пта-Холройд. Нет. Холройд — американец... Питер Холройд, капитан 29 танковой бригады... но кто же Пта?

Вопрос, с таким трудом прозвучавший из его уст, послужил ключем, приоткрывшим дверь памяти. Нахлынули воспоминания. С удивлением он произнес, но уже увереннее и громче:

— Я — сумасшедший?

Пта, Трижды Великий Бог Гонволейна, чье последнее воплощение было Питером Холройдом, капитаном танковых войск США. Эта истина выплыла из глубины подсознания и породила стрессовое состояние... После паузы он снова пришел в себя:

— Черт возьми! Я — Холройд. И я ...

Горло перехватил спазм ужаса. Его тело трепетало от невообразимого страха перед своей половиной. Вновь вернулась мысль о безумии. Кошмар! Полное безумие...

Спустя минуту он все же заставил себя успокоиться. Темная комната, вероятно, тюремная камера. В мозгу не одно, а два сознания. Но он жив. Жив, несмотря на прямое попадание в танк. И еще внутренний голос говорил, что теперь он — Пта.

Нет, это не совсем верно. Только что ему сказали: "Тот, который зовет себя Пта". В этой фразе не все ясно. И мозг смог уловить эту неопределенность. Лежа на полу, он спокойно стал вспоминать все, что произошло по дороге в замок Линн.

Опять нахлынула волна беспокойства, переросла в страх. Ужас снова рвался в его мозг. Но стресс и в этот раз принес спокойствие, оставив осознание двойственности, заключенной в нем.

Она не ощущалась физически. Но Пта был частью его, или, скорее всего, он был частью Пта. Но сейчас доминировал Холройд, его мысли, его личность. Почему было так, он не мог понять. Но пришло облегчение. Его могучие мышцы расслабились, стали по силе равны человеческим. Темную тишину тревожило только его прерывистое дыхание. Вдруг показалось, что мелькнул лучик света. Где же он, показалось, что в углу снизу.

Действительно, оттуда все больше и больше стал струиться ослепительно белый свет. Небольшая камера стала видна вся. Тот же мрачный и гнетущий потолок, закрытая дверь и монолитный пол из камня. Нет, камни не везде одинаковы, а одна плита у дверей исчезла. Очевидно, это туннель.

Медленно, прилагая все силы, Холройд повернул свое тело и стал следить за источником света, находившимся в

туннеле. Почти сразу он заметил стоявшего рядом с отверстием в полу человека очень маленького роста. Он был в шортах и рубашке навыпуск. Выражение его округлого лица было добродушным. Сверкающие от любопытства глаза обежали всю комнату и снова остановились на Холройде. Их взгляды встретились.

— Вижу, — сказал он. — Ты неважно выглядишь. Я не знал, в какую камеру тебя поместили, а то пришел бы раньше. Ждешь, когда принесут еду? — сжал губы и снова осмотрелся. — Не приносили еще, ну, ну... Ладно, не волнуйся. У меня есть суп, он тебе понравится.

Человек исчез в дыре...

Через некоторое время он снова появился и протянул Холройду котелок:

— Это тебя подкрепит.

Еда была теплой, и тело стало оживать. Суп щекотал язык и огнем растекался по рукам, ногам, оживил задеревеневшие пальцы. Ужасное чувство холода покинуло плоть, пришло успокоение и даже блаженство. Холройд стал прислушиваться к нагромождению слов, которые маленький человечек произносил все время, пока еда еще была в котелке.

— От имени всех узников замка Линн приветствую тебя. Меня зовут Тар. Добро пожаловать в наши ряды. Узники создали свой союз. Организацию, которая действует заодно с мятежниками. Предательство у нас карается смертью. Это ты должен знать. Мы о тебе знаем все. Называть себя Пта, это гениальная идея. Никто еще до такого не додумывался. Ты выбрал хорошую линию поведения. Это ново.

После паузы человечек продолжил:

— Возможно, мятежники и согласятся использовать твое положение. Но надо им рассказать, что ты можешь сделать. Крестьянин сказал, что у тебя была полная потеря памяти. Это правда?

Холройд все это время наслаждался, утоляя голод, и упивался теплом, растекавшимся по телу. Слова незнакомца звучали не для него, но внезапно он осознал, что вторая половина его сознания все воспринимает. Кто-то использовал его мозг... познавал назначение фраз... внима-

тельно анализировал происходящее. И эта вторая половина тоже был он. Он сам слушал и понимал Тара.

Холройд снова ощутил холод камня, на который опирался рукой, согретой съеденным супом. Вокруг была мрачная тюрьма, из которой надо выбираться. С этого момента и сам Холройд стал ясно осознавать свое положение. Тот, другой, который слился с ним, понял это чуть раньше. Две личности слились в одном желании, но оставались при этом самостоятельны в мыслях. Холройд вздохнул. Нет, это нельзя называть потерей памяти... когда помнишь о своей другой половине. Он сосредоточился, пытаясь распутать логический клубок истины, познать двойственную суть собственной личности и фактов, которые ему уже были известны.

Принцесса сказала, что послала за той, кого называют Богиней Инезией. Это имя снова всплыло из глубины памяти. Теперь это не кажется обычным воспоминанием о слове. Мозг замер. Послали за ней?

Надо раскрыть сущность этого понятия — Богиня Инезия!

Этот титул заполнил весь разум, проник во все закоулки сознания. Затем сверкнул тонкий луч догадки, будто острый нож воткнулся в мягкий плод.

Он должен выбраться из тюрьмы. Питер Холройд не мог этого сделать. А что может Пта? Он должен освободиться. Должен! Если еще не поздно.

Глаза Пта широко раскрылись и яростно засверкали. Каждый мускул затрепетал, наливаясь силой. Он свирепо вглядывался в Тара.

— Сколько времени я нахожусь здесь? — голос Пта эхом отозвался в его же ушах. Произнося эти слова, он понял, что прервал говорившего, но тот уже отвечал ему.

— Вот что я скажу... вам. Говорят, что вы сильны, как гримбс, но уже семь дней... ничего не ели и не пили... не могу спорить с тем, что говорят... Вы умерли здесь...

Он говорил еще что-то, но Холройд уже не слушал.

Семь дней, — думал он... Семь дней Бог Пта в безумии лежал на камнях подземелья, и его смогли низвергнуть

так низко, что он вернулся в свое последнее воплощение. И мозг восстал, потому что... сильное истощение... через семь дней? Невозможно...

Прошло более семи лет или даже столетий. Пта не был подвластен времени, он существовал как Бог, и этот срок мог пройти для него не так, как для людей. Может, намного быстрее. Можно ли так объяснить то, что произошло с его телом и сознанием?

Снова мысль Пта прервалась. Он сел, удивленный этим, в привычную теперь позу. Что за безумие нахлынуло на него. Семьсот лет, семь дней? Облизнув пересохшие губы, он стал думать о семи днях.

— Сколько займет, — громко произнес он, — займет времени... — мозг двадцатого столетия пытался подобрать слова, соответствующие ситуации, затем он решил спросить просто. — Сколько понадобится времени для полета на скрире в город Пта и обратно?

Яркие глаза Тара внимательно изучали его.

— Ты парень с юмором, — наконец произнес он, — говорят, что ты шел в Пта пешком. Это только доказывает, что с разумом у тебя было не все в порядке, когда тебя посадили в подземелье.

Он покачал головой, и Холройд понял, что Тар разочарован. У него возникло желание схватить собеседника и вытрясти из него ответ на вопрос. Он поборол дикое чувство, но почувствовал, что снова наливается яростью. Сдерживая себя, он угрожающе повторил:

— Сколько времени... Сколько времени уйдет на это?

— Поймите, этот вопрос не имеет смысла. Нет такого скрира, который мог бы долететь от Линна до Пта не отдыхая. Это слишком далеко. Наша принцесса уже побывала там. Но вначале она летела до прибрежного города Тамардин, затем через Ланисар, великолепный Гэй и другие города вдоль побережья. Ее путешествие заняло два месяца. Хотя существуют быстрокрылые птицы. Говорят, что некоторые из посланцев богини на специально обученных скрирах долетают в другой конец Гонволейна за восемь дней без остановок. А до Пта — за шесть дней. Но послушай...

Холройд вздохнул.

Шесть дней туда, шесть обратно. Богиня уже целый день знает о нем. Через пять дней она будет здесь. Пять дней в запасе, чтобы выбраться из тюрьмы.

ГЛАВА IV
200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ СПУСТЯ

Какое-то время Холройд вовсе не чувствовал себя подавленным, но почти не двигался и совсем прекратил мыслить, пока Тар не принес еще один котелок с супом. Его запах и вкус снова пробудили сознание. Вернулись страх и смятение.

Одна часть сознания спокойно ждала прибытия богини. Эта холодная и неприрученная сила обладала возможностями, пределы которых были неведомы Холройду. Он начинал сознавать, что воля Пта решает, когда телом и мыслями может владеть человек двадцатого века, а когда главенство переходит к божественной сущности.

Понимание этого было ясным и не допускало тени сомнения. Пта, могучий Бог Гонволейна, знакомый с миром людей не больше, чем ребенок, и умудренный опытом участия в мировой войне американский офицер Питер Холройд были в одном теле. И Бог считал боевого танкиста только частью своей сущности. Холройд вздрогнул и ощутил уже собственную ярость, направленную на Пта.

— Ты, идиот! — вскрикнул он. — Не ты ли сам породил хаос, который смешал нас вместе. Это ты, а не я позволил смазливому личику двумя улыбками заманить нас в темницу! Самому распоследнему олуху... одного взгляда на эту систему тирании... с ее удельными принцами в замках, королями, императорами... какой-то богиней на вершине пирамиды власти... только взгляда достаточно, чтобы понять: — твое прибытие — это мина под ее фундамент. Ты не можешь...

На этих словах он осекся. Голос гулко отражался от низкого потолка, эхо последнего звука угасло в маленькой камере. В наступившей тишине Холройд охватил руками

перекошенное яростью лицо и понял, что это истерика безнадежности, безумный крик самому себе. Успокоившись, он почувствовал себя лучше. Более того, он даже ощутил, что все же способен быть полным хозяином своего тела, мыслей и поступков.

Божественная сущность Пта доверяла ему, не наказывала болью за своеволие. Не было боли и тогда, когда пришло осознание двойственности духа в одном теле. Сомнения нет, он имеет право на свободу. И он чувствует себя бессмертным.

Еще раз появился Тар. На этот раз он принес большие зеленые фрукты, похожие по запаху на цитрусовые. Они были на удивление сочные и сладкие, по вкусу не напоминали те, что были знакомы Холройду прежде. Незнакомые фрукты поставили перед ним простой вопрос, который почему-то раньше не приходил в голову. Где находится Гонволейн? Что это за страна с городами Пта, Тамардин, Ланизар и Гэй? Прекрасный Гэй, сказал Тар. Холройд попробовал представить себе незнакомый город на незнакомом побережье... и не смог. У него названия этих городов не вызывали никаких ассоциаций. Картина, вставшая перед глазами, отображала виденные им на Земле в 1944 году города с их руинами, опустевшими улицами, угасшей экономикой. Он начал громко произносить незнакомые слова: Гонволейн, Пта, Тамардин...

В них был своеобразный ритм, странная притягательность, музыкальная гармония. Надо узнать о них как можно больше. Холройд хотел попросить Тара рассказать о стране Гонволейн, обернулся и увидел, что находится в камере один. Камень, загораживающий вход в подземелье, вернулся на место.

Холройд долго лежал на твердом полу. Наконец, камень сдвинулся, и снова вышел Тар. В этот раз он принес еще фрукты и кусок мягкого белого хлеба, совсем недавно испеченного. Увидев первую знакомую пищу, Холройд схватил драгоценный кусок, запихал его в рот, и слезы застлали его глаза. Боевому офицеру было стыдно рыдать над куском хлеба перед этим маленьким хозяином подземелья. Слезы пересохли, стыд отступил. Может, в Гонволейне много хлеба и всего остального. Он представил знакомые картины безграничных пшеничных полей, которые

способны прокормить много людей. Холройд уже проглотил кусок хлеба и не успел раскрыть рот, как услышал голос Тара:

— Меня удивляет полная потеря памяти у такого физически крепкого человека. Стальные мускулы и слабый мозг. Если бы вы могли читать книги, то быстрее бы вспомнили, кем были раньше.

— Читать книги? — эхом отозвался Холройд. Ему раньше и не приходило в голову, что в Гонволейне могут быть книги.

— Конечно, смотри, — и Тар ловко выдернул из внутреннего кармана своей одежды обыкновенную брошюру, похожую на памятки солдата в ту, последнюю мировую... последнюю... которая была известна Холройду. Только те памятки были грязными, согнутыми и потрепанными. А эта совсем новая, не залапанная грубыми пальцами механика танка или наводчика орудия.

Холройд взял брошюру, и после камня ее обложка показалась теплой, шелковисто-гладкой. Он вгляделся в слова на обложке.

"Воин, бей врага на его территории" (возможность нападения на Аккадистан). По стилю похоже на памятки союзников. Дядюшка Джон и его мудрецы любили такие выражения.

... Грязная акция царя Аккадистана, использующего территорию нейтрального Нуширвана для содержания пленных граждан Гонволейна, требует отмщения, войны до полного разгрома врага. Правительство богини Инезии должно сокрушительным ударом ответить на эти вероломные действия подлого врага.

Следует прежде всего добиться того,чтобы их люди не соблюдали свои обеты. Это угрожает божественной власти богини. Люди должны...

— Отлично, вы умеете читать, — маленький человечек отвел в сторону ладонь Холройда, желавшего перелистнуть страницы. — Не отрицайте, я видел, как вы шевелили губами, читая в уме. Для начала надо взять что-то попроще.

Он нырнул в дыру, но вернулся очень быстро, неся под мышкой две обыкновенные книги с обложками, явно побывавшие в руках других читателей.

— Я буду приносить вам книги по утрам, вместе с едой. Читайте их, когда не будет хотеться спать. Может быть, они помогут вернуть память, может, и нет, но надо попытаться. А я пока уберу здесь на полу. Столько шкурок от фруктов, можно поскользнуться.

Минутой позже Холройд уже перелистывал дрожащими пальцами страницы обеих книг. Первую просто пролистал. Он спешил увидеть все сразу, бросал жадные взгляды на рисунки и не обращал внимания на текст. Все иллюстрации были цветными и сделаны с такой четкостью, как фотографии. Каждая деталь была различима, цвета не отличались от натуральных. Текст тоже был очень четким. Аккуратные черные буквы на ярко-белом фоне. Бумага почти не гнулась и была очень гладкой, но не давала бликов от света факела, который зажег Тар. Книга называлась "История Гонволейна с древнейших времен". Читать ее Холройд решил с первой страницы.

"В начале был Сияющий Единственный Пта, Бог Земли, моря и пространства, которые не были разделены. Глубоко религиозный народ Гонволейна миллионы лет верит, что Пта вернется, чтобы слиться с людьми, которых он создал для их же величия и укрепления его могущества. О, Даяна, о, Колла, о, божественный Рэд..."

Холройд вчитывался в слова, почти не понимая их. Затем вернулся к тому месту, где говорилось о миллионах лет и улыбнулся. В этой фразе автора книги угадывалась тонкая, но циничная ирония. Следующий абзац вроде подтвердил эту догадку.

"... Земля — древняя планета, издавна заселенная людьми. Континенты и моря за миллионы лет не были всегда одинаковыми. Страшные катаклизмы меняли их облик. Первый из этих катаклизмов разделил материк Гондвану на несколько частей и раздвинул их в разные стороны..."

Холройд прочел всю книгу до конца на одном дыхании, отложив ее в сторону и сразу взялся за вторую. Это была "История мира в картах и описаниях".

Картографы воспроизводили всю картину трансформации материков в различные эпохи истории планеты Земля. Четкость изображения была настолько неправдоподобной, что не позволяла оторваться от двигателей, отвлекая от об-

щей картины. На четвертом листе была карта мира, которую он помнил. Дальше было все непривычно. Исчезла Япония, так им и надо. Нет Англии, это неприятно. Очертания материков изменились неузнаваемо.

В самом конце книги был изображен современный Гонволейн. Это был большой и очень вытянутый континент, занимавший большую половину южного полушария. В левой части он был прогнут к северу, а слева — на востоке — был более широким и кончался на том месте, где, судя по комментариям, более миллиона лет назад находилась древняя Аведралия.

Гонволейн простирался на одиннадцать тысяч канб в длину и пять тысяч канб в ширину. В северной части от Нуширвана его отделял узкий, не более тысячи канб шириной, гористый перешеек. Холройд прикинул в уме размеры Земли и цифры, нанесенные на карту. Получалось, что один канб составлял милю с четвертью. Это должно быть так, если планета не изменилась в размерах.

Севернее Нуширванского перешейка, где ранее располагались континенты, называвшиеся историками Америка и Бретония, располагались земли Аккадистана. На месте Атлантического океана была отмечена только группа крупных озер. А водное пространство между Аккадистаном и Гонволейном именовалось морем Тета. Больше всего Холройда поразили не изменения очертаний суши и ее привычных названий, а численность жителей новых стран. В Гонволейне было пятьдесят четыре миллиарда жителей, в Аккадистане — девятнадцать миллиардов. В самом молодом государстве — Нуширване, на территории, которая поднялась со дна моря всего около тридцати миллионов лет назад, проживало пять миллиардов человек.

Карта показала, что замок Линн и город, где он находится, расположены в юго-восточной части континента. От него надо лететь на скрире к северо-западу и, пролетев восемьдесят канб, птица принесет седока в город Пта. Великая столица находится на берегу моря Тета в бухте Большой скалы. Пролив, отделяющий город от ближайшего мыса государства Нуширван, не больше двадцати сотен канб.

Пораженный прочитанным, Холройд вскочил на ноги и стал ходить по камере из угла в угол, держа книгу перед глазами. Он снова перечитывал главы, описывающие империю, управляемую богиней. Она была так огромна для масштабов двадцатого века, что представить это было сложно. Медленно его мозг стала заполнять мысль, что бравый танкист в 1944 году погиб, и сейчас ему не следует так волноваться, созерцая новую картину цивилизации.

Он был мертв. Если не считать Бога Пта, то тело его покоится в сгоревшем танке на поле боя. Прошло столько времени, что душа наверняка покинула тело и забыла о его существовании. Последняя мысль показалась нелепой, даже смешной.

Раздался шорох. Камень, загораживающий лаз в полу, шевельнулся. Холройд шагнул к нему порывисто, без видимых усилий, поднял гранитную глыбу, затем медленно положил ее у дверей. Сознание принесло чувство уверенности и готовность к решительным действиям. План был предельно прост. Голова Тара просунулась в отверстие.

— Благодарю, — пропыхтел он. — Эту плиту толкать снизу довольно тяжело. У меня для вас завтрак.

— У тебя для меня... что? — воскликнул Холройд. Вся его воля сконцентрировалась, и думать он мог только о побеге. Он не спал уже сутки. Всю ночь не сомкнул глаз и даже не вспомнил о сне. Поняв это, он глубоко вздохнул. Боги не спят, по крайней мере, не испытывают в этом необходимости. Может, он бы и уснул, если бы устало тело.

Тар удивленно смотрел на узника:

— О чем вы спросили?

Холройд энергично потряс головой.

— Не обращай внимания. Я просто не разобрал слов... Слишком долго спал.

Маленький человечек ухмыльнулся.

— Это хороший признак. Вы чувствуете себя значительно лучше. Завтрак я оставлю. Поешьте, потом я хочу с вами поговорить.

— Я тоже, — ответил Холройд.

Тар нырнул в подземелье, но остановился и оглянулся назад, внимательно глядя на собеседника. Ка-

кое-то время он пристально изучал Холройда, затем произнес:

— Для человека, который вчера был почти мертв, вы проявляете слишком большой интерес к жизни. Что вы задумали?

— Поем, отвечу, — насмешливо произнес Холройд. — Это связано с тем, о чем ты сам упоминал.

— Я упоминал только об одном, — прозвучал удивительно равнодушный голос Тара, — о том, в чем вы можете быть заинтересованы, учитывая сложившееся положение. Я сказал, что мятежники могут найти вас и использовать то, что вы называете себя Пта. Только это.

Холройд молчал. Он не думал о пудинге, стоявшем на полу в грубой миске. Он был удивлен. Раньше казалось, что Тар тоже узник замка Линн. Надо попытаться понять об этом больше, чем приходило в голову. Тар связан с внешним миром.

— Что еще? — спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извините, что я больше не говорил об этом. Но они не заинтересовались. Они не знают, как можно это использовать с пользой для их замыслов. А для вас будет очень просто исчезнуть потом. Теперь я сказал все как есть.

— Они могут освободить меня?

Человечек окаменел, словно почувствовал свою смерть в словах, которые только что прозвучали.

Его глаза настороженно смотрели на Пта. Наконец, он нерешительно кивнул.

— Хорошо, — воскликнул Холройд. — Скажи, чтобы они меня забрали этой ночью.

Тар рассмеялся. Смех разрушил гнетущую тишину тюрьмы. Когда его голова почти скрылась в темном квадрате норы, он еще раз обернулся. Его глаза прищурились, губы стали тонкими, выражение лица приобрело агрессивный оттенок, как у зверя перед прыжком на жертву. Он колючим голосом произнес:

— Чтобы потом ты рассказывал всем, как наша организация спасла тебе жизнь, а ты улизнул?

Справедливость этих слов ужалила самолюбие. Но Холройд был уверен, что мораль здесь не пользуется особой

популярностью. В этом было и преимущество Пта. Трижды Величайший Пта выше любой этики и морали, он Бог.

— Послушай, — сказал он, — вожди восставших зря так решили. Они не учли мой характер, мою личность. Они думают, что я безумец и не смогу понять их цели. Безумный человек, конечно, ничего не стоит.

Он перевел дыхание и продолжил.

— Передай им, что я могу играть роль Пта так, как никто другой, на высшем уровне. Если они так сильны, что смогут захватить замок, то здесь и будет моя штаб-квартира. Передай им, что они не смогут сами собрать такую армию, которая сплотится вокруг меня. Воины будут идти в бой за мной, как за Богом. Я знаю достаточно, чтобы одурачить всех, включая... — Он уже хотел произнести "включая Богиню", но вовремя остановился. Такое заявление было бы слишком самоуверенным и могло породить недоверие — ... включая людей довольно высокого ранга.

Тар холодно произнес:

— Пустая болтовня человека, который хочет выкрутиться из опасной ситуации.

— Я был болен, очень болен...

— Хорошо. Я постараюсь еще раз связаться с мятежниками. Но не раньше, чем через неделю.

Холройд покачал головой, всем своим видом показывая, что такой срок его не устраивает. Ссора с Таром была нежелательна. Но с побегом надо спешить. Богиня уже на пути сюда и очень скоро прилетит в Линн. Он был уверен в этом.

— Только этой ночью! — сказал он и не услышал ответа. Собеседник исчез в норе. Холройд заглянул вниз, затем выпрямился, мрачно улыбаясь. Почти сразу появился Тар, выставил на пол суп, фрукты, хлеб и спокойно произнес:

— Помоги поставить камень на место. Я подумаю, что можно сделать для тебя.

Холройд, удивленный такой переменой его настроения, с улыбкой ответил:

— Извини. Но я увидел, что камень держится на слабых опорах и может в любое время упасть вниз. Что, если

в это время ты будешь в подземелье. Да и мне будет спокойнее, если подпереть им двери.

Вместо ответа Тар бросил на него долгий пристальный взгляд и удалился. Он приходил еще с обедом и ужином, но никак не реагировал на попытки продолжить разговор о побеге. Оставалось действовать самому.

ГЛАВА V
ПОДЗЕМЕЛЬЕ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

В узком туннеле были светлые участки и провалы ужасающей темноты. Крохотные факелы торчали у самого потолка, но Холройду приходилось сгибаться почти вдвое, чтобы не задеть их головой. По сторонам разбегались туннели еще меньшего размера. В их черные дыры не мог пролезть человек обычного роста. На них не следовало обращать внимания. Главное не заблудиться в лабиринте туннелей побольше. Он должен идти только по этому, главному коридору.

Холройд обратил внимание на один из факелов. Как и другие, он был деревянным... и холодным. Холройд лишь дотронулся до факела, и свет исчез, будто повернули выключатель. На ощупь он обнаружил шарнир, к которому был прикреплен кусок дерева, изображавший факел... чуть повернул его, затем еще... еще... свет снова вспыхнул только тогда, когда факел вернулся в прежнее положение.

Холройд уже собирался тронуться в путь, когда заметил у основания факела табличку, на ней было написано:

КАМЕРА 17
Имя: случай амнезии. Отметки: заключенный, никакой информации.

У следующего светильника он прочитал:

КАМЕРА 16
Имя: Нрад. Отметки: заключенный, одиночное нападение на стражников.

Мрачными глазами Холройд изучил эту лаконичную фразу. Пока он был способен только оценить бессмысленность поступков этого неведомого Нрада.

Последний из цепочки светильников был у камеры 1. Здесь кончался освещенный коридор, и Холройд, интуитивно шагнув в темноту, обнаружил на ощупь крутые ступени. Он крадучись стал подниматься наверх. По тускло освещенным коридорам от лестницы в глубину здания, он считал этажи. Окон рядом с лестницей не было, и беглец мысленно пытался представить, как выглядел на фоне темно-голубого неба замок, когда его взяли сюда лорд, принцесса и стражники. Сколько было этажей выше поверхности, сколько вросло в землю. Сколько из двухсот миллионов лет, прошедших со дня рождения Холройда, простояли эти стены. Время сбивало логику рассуждений, оно было более враждебно, чем смерть. Забавно, теперь все, что произошло с ним до смерти — ничего не значит. Надо только взобраться по лестнице до самого верха... Десятый этаж, одиннадцатый... двенадцатый.

Лестница закончилась, выхода наружу нет. Придется идти в сумеречный коридор, выход должен быть, надо только соблюдать осторожность.

Потолки здесь были немного выше, чем в подземелье, и не надо было клонить голову на ходу, но Холройд шел, сутулясь и кланяясь каждому светильнику. Здесь тоже туннели в стенах, уходящие в темноту. Только по прямым светлым коридорам, но крадучись, и не прозевать окно наружу. Здесь тоже были таблички на дверях:

Имя: Садра. Отметки: кухарка, сочувствует мятежникам,
любовник — младший сержант Гэн.
Доступ к смотровой щели, без права выхода.

Надписи были похожи. В каждой жили служанки, большинство имели любовников, и все сочувствовали каким-то бунтовщикам. И все спали. А выхода не было.

На одиннадцатом спали только слуги. Еще ниже — опять слуги, затем стражники. На восьмом жили представители общественного зоса, на седьмом — общественный

фазос. Разглядев через маленькое отверстие в дверях раскиданную по их комнатам темную одежду, Холройд понял, что это монахи и монахини.

На четвертом этаже были покои лорда-принца и его охраны. Рядом с его спальней была дверь, на которой весела табличка:

"Принцесса Гия,
любимая дочь и наследница лорда-принца".

Значит, эту спесивую красавицу зовут Гия, подумал Холройд. Коварная, алчущая власти и способная на любую подлость Гия. Сцепив зубы, он стал вглядываться в окошко на ее двери, которое было прикрыто занавеской недостаточно плотно. Сквозь щель он увидел большие апартаменты, убранные коврами, заставленные креслами, столами, тумбами. В дальнем конце на правой стене зала была дверь в спальню, которая освещалась большим количеством светильников. Принцесса не спала.

Холройд увидел часть кровати, длинный и узкий полированный стол, в конце которого было закреплено зеркало. Через него можно было видеть кресло, расположенное в стороне от двери за стеной. Там сидела принцесса Гия, и ее губы шевелились.

Прильнув ухом к замочной скважине, Холройд услышал невнятные звуки, создающие монотонную мелодию. Они звучали почти беспрерывно, но смысл слов, произносимых принцессой, был ему недоступен.

Кем бы ни была эта женщина, что бы ни бормотала, но это не помогает ему выбраться из замка Линн.

Холройд еще долго бродил по этажам, увы, сбился со счета и, вновь очутившись перед дверью принцессы, понял — это снова четвертый этаж и она все еще говорит.

Справа от двери в апартаменты коварной Гии была еще одна, правда, без окна, но из замочной скважины пробивался тонкий луч света. Присев на корточки, Холройд взглянул туда. Кресло загораживало говорившую, и он снова попытался разобрать слова:

— ... сделай, чтобы его минуты стали днями, часы годами, дни — веками. Дай ему познать бесконечность времени, пока он не вышел из тьмы... его минуты — днями, ... его часы... годы...

Это молитва! Сначала Холройд не пытался вникнуть в ее смысл. Верующие могут без конца повторять заученные догмы, не несущие конкретного значения для мира людей. Монотонный ритм убаюкивал сознание, но Холройд продолжал слушать.

Постепенно его мозг стал воспринимать происходящее более четко, но одновременно закружилась голова, светильники начали слепить глаза. В тело проник ужас, пришла и утвердилась в сознании всеобъемлющая, пронзившая эмоции, как смертоносный клинок, мысль.

"Пусть его дни станут веками".

Они уже стали такими... для Пта!

Слишком поздно Холройд ощутил, что его собственный разум перестал контролировать тело. Теперь над ним властвовал другой разум, не ведающий страха и поступающий безошибочно в любой ситуации. Руки, уже помимо его воли, надавили на дверь, и дело было сделано. Он вошел в спальню принцессы, и та, услышав сухой треск лопнувшего запора, вскочила из кресла.

Паника человека, который привык быть чрезмерно самоуверенным, должна выглядеть смешной, — подумал Пта-Холройд, — доказательство этой истины перед глазами. Но вдруг движения женщины стали нечеловечески легки и быстры, изменилось выражение лица, и взгляд приобрел уверенность в собственной безопасности.

Пта осознал, что произошло на его глазах. Слишком мало он ведал об окружающем мире, но понял — теперь перед ним стоит богиня. Вспышка сознания молившейся принцессы Гии, понявшей, кто стоит у дверей ее спальни, пронеслась через восемь тысяч триста канб к столице Пта, и в ту же секунду богиня Инезия завладела ее телом.

Но Пта в это мгновение позволил Холройду подумать о Таре, которого он предал, оставив камень в полу открытым. Тайные ходы заговорщиков теперь будут раскрыты. Холройд был зол на ту дикую силу, которая снесла дверь, использовала побег из заточения в своих интересах, пренебрегая опасностями и не думая о последствиях. Но перед ним богиня.

Злость ушла из сознания, остался только облик спокойной и красивой женщины, стоявшей перед ним. Память Питера Холройда подсказывала, что ее облик при первой встрече произвел не такое впечатление. Но она тогда ус-

тупила ему и первой улыбнулась. Вот и сейчас улыбка ее обезоруживает. Холройд понимал, что Пта не просто поразить улыбкой даже такого очаровательного существа, но если он слит со смертным человеком, то красота и гармония не так уж бессильны.

Эта женщина божественно красива. Это уже не принцесса Гия, а богиня. Из ее глаз струится свет, тело окружено мерцающим ореолом, способным затмить свет всех светильников. Лорд-принц не узнал бы сейчас свою дочь Гию. Мягкий голос богини прозвучал с такой страстью и проникновением, что казался нереальным.

— Питер Холройд. О, Пта! Этот миг — главный в нашей жизни. Не бойся того, что я знаю тайну твоей личности. Мы одержали первую победу, смогли сделать ее реальной. Но это не конец борьбы. Богиня Инезия все еще может уничтожить тебя. Она извлекла тебя из параллельного времени с одной целью — убить Пта окончательно. Без божественной мудрости, лишенной абсолютного могущества, ты можешь быть материализован и уничтожен.

— Подожди! Не говори сейчас ничего, — эта фраза прозвучала резко, голос зазвенел как натянутая струна. Холройд закрыл рот, не успев произнести ни единого звука. "Не Богиня!" — подумал он. Это не Богиня Инезия. И это было самое удивительное во всем происходящем.

Красавица заговорила быстрее и каждым словом пыталась убедить Пта в истинности ее рассказа.

— Ее первый замысел я расстроила. Собрав остаток божественной силы, о котором Инезия не знала, я направила тебя в самый отдаленный от столицы город Гонволейна. Мне пришлось проникнуть в тело принцессы, когда вы впервые встретились. Твой дух в глубине мозга постоянно испытывает угнетение от действия личности твоего же последнего воплощения. В этой борьбе вы оба можете быть уничтожены, — затем ее голос окреп, и каждое слово, как удары колокола, стало проникать во все самые спокойные точки сознания, — Питер Холройд, начинается и твоя борьба за жизнь. Действуй так, будто кругом враги. Будь сверхподозрителен ко всему окружающему, забудь все свои планы и намерения. Тебе предстоит завоевать Нушырван. Используй любые средства, которые будут доступ-

ны. Этой ночью ты полетишь в столицу Пта. Твоему мозгу не понадобится много времени, чтобы осознать необходимость захвата Нуширвана.

Она одарила его печальной улыбкой и продолжила:

— Это все, что я могу тебе сказать. На моих губах те же оковы, которые опутывают мое настоящее тело в темнице замка Пта уже много веков, что я не способна их сосчитать. Пта... Питер Холройд... твоя вторая жена, забытая тобой Лоони, попытается сделать больше... не только защитить от происходящего. Поторопись! Через мой балкон к пернатым скрирам и...

Ее голос дрогнул, взгляд устремился через плечо Холройда. Он обернулся и увидел голову Тара, выглядывающую из-за дверного проема и сверлящего глазами полуобнаженную грудь принцессы. Холройд-Пта шагнул к принцессе, схватил ее за руки, но она улыбнулась мягко и нежно, шепнув:

— Хорошо, что это тело умрет. Иначе оно запомнит... слишком много. Удачи!

Тар закричал:

— Торопись, парень. Пора уносить ноги.

Вдалеке послышались другие крики и приближающийся топот многих ног.

Вид прекрасного женского тела, которое только что покинуло пламя жизни, стоял перед глазами Холройда до тех пор, пока он не очутился в седле, расположенном на спине огромного скрира. Его руки ощутили жесткие перья, и зрительная память пережитых событий подсказала — держаться надо только за седло. В первом седле уже был Тар.

Могучие крылья птицы с шумом распрямились, их первые взмахи породили ветер, пригнувший ветви деревьев. Резкий крик Тара уколол сознание, скрир взмыл в ночное небо.

В памяти Холройда отпечаталась картина звездного неба и спина маленького человека, из которой торчала стрела. С каждым взмахом крыльев добровольный погонщик скрира сползал в сторону, но не выпускал поводья из рук. Выдирая огромные перья, Холройд стал карабкаться по спине птицы к Тару, но не успел. Тот соскользнул вниз, еще держа в одной руке поводья.

Голова птицы резко рванулась вниз, но сразу выпрямилась. Крик устремился вниз и утас.

Холройд-Пта остался один на неуправляемом скрипе посреди огромного и странного мира.

ГЛАВА VI
ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ

Луна просматривалась через причудливые облака. Холройд подумал, что ее диск слишком велик. Будто Земля и ее серебряная дочь сошлись друг с другом гораздо ближе, чем были в далеком двадцатом веке. Сияние огромного лунного диска сочилось сквозь ночь и позволило последний раз взглянуть на Линн.

Башня замка, где он недавно был пленником, возвышалась над темными домами, как белая и чистая колонна. Он еще успел различить кольцо деревьев, ближние дома. Но город быстро превратился в фантасмагорический сгусток теней и затерялся вдали, слился с бескрайней темной плоскостью.

Холройд попытался сосредоточиться и оценить ситуацию, в которой очутился. Но в мозгу снова возник образ женщины, которая умерла у него на руках. Красота лежавшего на ковре тела, его мягкость, тепло, и... необъяснимая смерть. Все это вместе настолько поразило воображение, что он инстинктивно пытался стереть из памяти эту картину, но не мог.

На своем веку Холройд пережил немало смертей. Погибали однополчане, приходилось наблюдать агонию врага. Но даже тогда, когда пушка его танка разносила людей в клочья, отправляя в ад, он знал, что личной ответственности за смерть человека не несет. Война есть война.

Но в замке Линн умер друг. Больше чем друг — освободитель, сознательно отдавший жизнь за свободу другого человека. Холройд думал... Еще одна жизнь прошла. Еще одно тело станет прахом. Оно было прекрасно. Сколько же их вступило в ужасный союз с Землей за эти двести миллионов лет? Эта мысль потрясла так сильно, что осознавать ее значение в полной мере мозг отказывался.

Ветер трепал одежду, путал волосы, размазывал по лицу слезы. Мускулистые крылья скрира монотонно вздымались и с шумом рассекали воздух. Ночь казалась бесконечной. В кромешной тьме возникла ярость.

"Черт побери! Пта! Куда ты стремишься? Что делаешь? Сколько можно балансировать на спине, покрытой перьями? День... Год... века... сплошного мрака?"

Мысли Холройда-Пта вновь вернулись к событиям в замке Линн. Что-то тревожило, было необъяснимым и казалось нарушением обычной логики. Почему там все спали, пока он бродил по коридорам. Побег прошел слишком гладко и не казался результатом собственных усилий. Да и в полете сквозь бесконечную ночь была какая-то фальшь.

Холройд грузно ворочался в седле, безуспешно пытался разглядеть, болтаются ли снизу поводья, позволяющие управлять полетом птицы. Но свет луны только тускло мерцал на перьях, до которых могли дотянуться руки. Не удавалось даже разглядеть голову птицы на фоне черного неба.

Лоони, кем бы она ни была, обещала помогать. Нет ли подвоха в этой неожиданной помощи? Мало вероятно. Зачем нападать на Нуширван? Каких изменников надо уничтожить? Мозг Холройда пылал мыслями, приходящими одна за другой.

ОН ДОЛЖЕН напасть на Нуширван. На страну, где живет пять миллиардов человек. Где огромная армия. Где горы будут помогать своим и мешать ему. Представив себя полководцем, он ухмыльнулся. Короткий возглас сорвался с губ и унесся в бесконечность ночи. Но мысли остались. И он понял, что такое возможно. Лоони говорила о реальных вещах.

Во все века поступки отдельных людей, способных принимать решения, правили ходом истории. Огромные толпы выполняли волю единиц. Вполне логично допустить, что полубог Пта-Холройд способен достичь границы Нуширвана, подчинить своей воле огромную армию и разгромить это неведомое государство прежде, чем богиня Инезия поймет, что происходит.

Его сердце забилось в груди, дыхание стало прерывистым. Мысли потекли в едином направлении.

Надо наладить связь с мятежниками, в первую очередь найти главарей. Очевидно, это группа офицеров.

Надо понять, что означает фраза из книги, которую давал Тар: "Божественная сила богини всегда приходила к ней от верующих". Если это правда, то откуда черпает свои силы Пта?

Сознание явно наталкивалось на какое-то препятствие. Необъяснимость подобных истин двадцатого века доминировала в теле и душе бога Гонволейна. Она не давала постичь и бесконечность ночи, которой не было конца.

Рассвет пришел внезапно. Солнце вздыбилось над горизонтом и почти сразу оторвалось от поверхности земли, осветив лучами лес, напоминающий тропические джунгли. Внизу можно было увидеть признаки жизни. Маленькие поселения, фермы, обработанные поля. Эта земля была обжитой и плодородной.

Далеко на севере сверкали волны темного моря, а впереди был огромный город. Утренняя дымка не позволила четко разглядеть все постройки. Хорошо различался лишь гигантский утес на берегу, похожий на башни средневекового замка. Утес?

Холройд нахмурился. Столица Пта — город огромного утеса. Скрир не мог за одну ночь преодолеть расстояние от города Линн до столицы. Тар говорил, что самому быстрому требовалось семь дней полета. Это не могло быть реальностью. Но бесконечность ночи подсказывала, что пришедшая мысль верна. Кто-то подтолкнул его к Пта. Может быть, Лоони?

Сознание подсказывало, что надо найти способ, как заставить скрира приземлиться, использовать любой шанс. Он должен посадить зверептицу на землю. Сейчас. Здесь. Немедленно!

И в это мгновение скрир, словно гигантский ястреб, сложив крылья, устремился вниз, направляясь к границе джунглей.

В этом месте, где, должно быть, закончится парение птицы, Холройд не видел признаков жилья. Лишь в последний момент ему удалось разглядеть под зелеными ветвями деревьев одинокий домик. Почти задев лапами огромные, похожие на листья пальмы, ветви, массивный скрир спланировал к самой опушке, взмахнув несколько

раз крыльями, и плавно опустился на траву. Его голова поднялась. Перед глазами очутились хохолки перьев, торчавших из складок толстой кожи, покрытой крупными бугорками. Это было неожиданно. В двадцатом веке Холройд знал не более десятка названий птиц. Сейчас он пытался вспомнить, на кого из знакомых обитателей Земли похож скрир. Кто был предком этого монстра? Слишком много времени прошло, слишком большой период эволюции этого существа был неизвестен. Его мысли прервал звонкий смех женщины:

— Питер Холройд-Пта. Ты поступишь разумно, если немедленно спустишься вниз.

Холройд вздрогнул, и руки непроизвольно вцепились в жесткое седло. Футах в двадцати от птицы на узенькой тропинке спокойно стояла девушка. В ее смуглых глазах светилась уверенность, а выражение лица напоминало печальный образ, который нельзя было не узнать:

— Лоони!

— Быстрее! Летающий скрир долго не стоит на одном месте. Будь осторожен, не приближайся к голове птицы. Ее клюв может убить. Прошу тебя, Пта, торопись. У нас есть всего один час, и не стоит терять время.

Очутившись на земле, Холройд почувствовал смущение. Трудно было даже сразу определить, чем вызвано такое необычное чувство. Затем он пошел. Лоони безоговорочно воспринимает его только как Пта, не замечая, что телом владеет слабый разум Питера Холройда. Но это не доставляло каких-либо неудобств. Пта сейчас действительно был больше Холройдом.

Возможно, это был Холройд, взявший от истинного хозяина тела чуть больше, чем следовало. Холройд, устремившийся в сферу гонволейнского варианта безумия... Если он действительно жил в СОБСТВЕННОМ теле.

Слияние Бога и человека в теле сейчас было таким, что божественный дух затуманился в сознании человека, ощущавшего близость женщины. Он медленно приблизился к ее влекущей плоти. Бог уступал дорогу любви.

Лоони стояла не шелохнувшись. Ее темные глаза ярко сверкали, черные волосы волнами покрывали плечи и небрежно спадали еще ниже. Это была простая сельская де-

вушка, юное тело которой дышало жизнью. Холройд видел, что его желание не осталось незамеченным, загадочная улыбка озарила лицо красавицы. Наконец, она произнесла:

— Питер Холройд, не смотри так на мое тело. Это крестьянская девушка по имени Мора. Она живет здесь с отцом и матерью. Их домик в четверти канбы. Не обращай внимания на форму.

Не обращать внимания? Эту просьбу он не мог выполнить. Когда девушка повернулась, направившись по тропинке, он вздрогнул. Ее движения были так грациозны, так пленительны. Каждым мускулом своим Холройд ощутил ее молодость, невинность, весеннее пробуждение женского начала в каждом движении.

Несколько минут он молча следовал за юной Морой, потом решился задать вопрос:

— Куда мы идем? Что будет со скриром? Ответа не было. Они вошли в лес. Тропа огибала деревья, густые листья которых лишь изредка пропускали косые лучи утреннего солнца. Их окружил таинственный полумрак мира, пронизанного мистической сущностью. Холройд осмотрелся вокруг и снова спросил:

— Как получилось, что я смог долететь до столицы Пта за один ночной перелет?

— Потом все поймешь сам. А скрир тебе уже не понадобится.

Девушка продолжала идти вперед не оборачиваясь. Холройд стал снова вспоминать бесконечность ночи, сквозь которую перенесла его гигантская птица. В сознании зарождалось чувство приближающейся опасности. Оно возрастало с каждым шагом. Стало казаться, что в любую минуту может произойти непредвиденное. Неужели эта женщина заманивает его в ловушку?

Размышляя об этом, Холройд следил глазами за изящными движениями бедер, грациозной походкой спутницы. Потом перевел взгляд на свои ноги и решился задать еще один вопрос:

— Куда... — подняв голову, он увидел маленький домик, стоявший в дальнем конце поляны, залитой лучами утреннего солнца. Здесь царили тишина и спокойствие. Наверное, это именно тот домик, который промелькнул

перед его глазами перед посадкой скрира. Продолжать вопрос не было смысла.

В домике тоже было тихо. Девушка прошла через открытое пространство и перешагнула порог. Постройка, в которую она вошла, была из тесаных бревен и произвела на Холройда хорошее впечатление. Подойдя ближе, он решил, что здесь жили приятные люди, все казалось ухоженным, опрятным, без каких-либо излишеств...

"Жили... Почему нет хозяев сейчас? О коврик на пороге, кажется, давно никто не вытирал ноги, неужели и в доме жизнь замерла?" — с этой мыслью Холройд заглянул внутрь и снова увидел девушку Мору.

— Я рада, что ты не решаешься входить сюда. Постарайся понять меня. В замке Линн Пта надо было заманить в темницу. Только так можно было разбудить сознание Холройда. Теперь я всегда буду идти первой туда, куда позову тебя. Будь уверен в этом.

"Действительно, все произошло так, как она говорит. Но зачем они пришли сюда?" — подумал Холройд, шагнул вперед и осмотрелся.

Обстановка в комнате была более чем скромной. Три стула, стол, сундук, ковер на полу... На потолке деревянный светильник... В дальнем углу какой-то помост, из центра которого торчит металлический стержень... Он окружен тусклым фиолетовым ореолом...

Холройд понял, что девушка перехватила его взгляд.

— Это молитвенный жезл, — сказала она. Молитвенный жезл... Источник божественной силы Инезии...

Холройд подошел к помосту и сконцентрировал мысли на желании понять назначение жезла и возможность его использования. Но сознание молчало, он растерянно взглянул на девушку и догадался, что та продолжала говорить все это время не останавливаясь:

— Родители Моры уехали в город. Пта, мы здесь одни. Ты и я впервые одни.

Заметив, что он теперь слушает внимательно, красавица продолжала:

— Время не имеет значения. Его прошло столько, что я умирала сто миллионов раз ради тебя. Сегодня ты будешь со мной, как с крестьянкой Морой, завтра — как с прелестной горожанкой из серебряного города Триано, ко-

торую увидишь на улице. В следующий раз заключишь в объятия придворную красавицу. Но каждый раз это буду я, твоя счастливая жена. Все будет так же, как и в далеком прошлом. Все повторится... Если только нашему счастью не помешает коварная Инезия.

Последние слова Холройд почти не расслышал. Но все, что она сказала, вошло в мозг. Значение слов было мало понятно. Не смог он определить и смысл знаков на помосте, рядом с молитвенным жезлом. В голове была одна мысль, достойная только солдата Второй мировой войны. И Пта-Холройд произнес:

— Неужели тебе будет приятно, если я стану наслаждаться с другими женщинами...

Пленительное выражение лица Моры сменилось разочарованием:

— О, Пта. Неужели ты так изменился. Неужели сейчас ты считаешь, что в прошлом нам было плохо? Что мы не были счастливы тогда? Ты же всегда был таким раскрепощенным. И я не противилась твоим желаниям. Исполняла волю мужа всегда так, как он этого хотел.

На эти слова трудно было ответить. Если это было так, то она обиделась не напрасно. Можно было услышать любую отповедь на такой бестактный вопрос, но эта просто обезоружила солдатскую логику американца. Женщина, которая способна из любви выполнять любые прихоти супруга, даже самые абсурдные — богиня.

"Лоони! Лоони считает своей чужую плоть. Ее настоящее тело заковано в темнице дворца Пта. Узница хочет получить хоть немного удовольствия, если все ей не доступно", — подумав так, он произнес уже вслух:

— Послушай, неужели ты перенесла меня сюда только для того, чтобы заниматься любовью? Но сначала я хочу узнать, как ты это сделала. Почему скрир летел именно туда, где была только крестьянская девушка Мора? И объясни мне, будь добра... тот карлик, который хотел управлять полетом скрира... Тар... стрела в спине, это случайно или...

— Все объясню, — ее голос прозвучал резко. Все... по порядку... сначала ты узнаешь о молитвенном жезле. Ты хотел понять, как он действует.

Холройд заметил, что свечение вокруг жезла усилилось. Он действительно из металла. Вроде бы из обычной

стали. Память явно свидетельствовала, что это первый металл, который попался на глаза со времени пребывания в Гонволейне. И он произнес уверенным голосом:

— Говори, я слушаю!

Девушка сейчас была серьезной, но от взгляда Холройда не ускользнул мимолетный смешливый прищур темных глаз. "Надо быть настороже с этой красоткой. Женский характер не поддается анализу мужской логики". Так он думал, инстинктивно ощущая, что девушка тоже в уме оценивает возможные варианты его поступков. Очевидно, она не боится его, если в её глазах неуловимо-насмешливый вызов. "Твои опасения смешны, парень. Мы же здесь одни".

Спустя мгновение она шагнула на помост, где светился молитвенный жезл, и молитвенным голосом произнесла:

— Возьми мою руку. Я покажу, как молятся крестьяне. Очень важно, чтобы Пта научился делать это именно здесь. От миллиардов подобных молитвенных жезлов этот отличается тем, что способен установить наличие божественной силы в молящемся.

Холройд молча кивнул. Говорить не было смысла. Он чувствовал, как воля и понимание растут. Теперь он был уверен, что не совершит неверного шага, не поверит чьим бы то ни было интригам, избежит сомнительных соблазнов. Он шагнул к ней, но внезапно остановился.

"Надо еще несколько дней, чтобы понять происходящее, определить, как надо действовать". Сознание подсказывало также, что Лоони понимает, почему он не решается подойти поближе.

Девушка поспешила навстречу и нетерпеливо произнесла:

— Не будь глупцом. Нет времени ждать. Промедление может все погубить.

Это могло быть верно. Любая ошибка увеличивала опасность, могла помешать достижению цели. Не в характере Холройда было пассивно ждать, чем же закончится трансформация его сознания. Сопротивляться девушке, которая влекла его к жезлу, не было смысла.

— Идем, — говорила она. — Тебе не надо будет ничего делать. Ты должен просто научиться этому.

Ее руки были сильны, но Холройд стоял на месте.

— Мне кажется, что прежде, чем совершить что-то другое, следует отправиться в столицу Пта, — произнес он, и, высвободив свою руку, молча пошел к двери.

Проходя поляну, он дважды обернулся. В доме не ощущалось никаких признаков жизни. Кругом было так тихо, как могло быть только в могиле. Это ощущение еще больше усилилось, когда Холройд-Пта шагнул в тень густой листвы.

ГЛАВА VII
ЦАРСТВО ТЬМЫ

В джунглях было душно. Тяжелый влажный воздух, полумрак и тишина угнетали. Он хотел быстрее избавиться от неприятных ощущений и непрерывно шел на запад, не выбирая дороги. Взобравшись на высокий холм, где почти не было деревьев, он остановился. Впереди было видно бесчисленное множество таких же холмов, возвышавшихся над джунглями. Город Пта не был виден, на севере была видна еле различимая темная полоса. Это море, догадался Холройд.

Затем он увидел, что, спустившись с холма, можно попасть в большую долину, где нет зарослей пальмовых деревьев. Там...

Там был огромный военный лагерь. Всюду много воинов, животных... и женщин.

Присутствие женщин в армии сначала удивило, затем он сообразил, что это огромное войско не на маневрах. Это — поселение, где семьи некоторых воинов живут в постройках, похожих на казармы.

Повсюду можно было видеть, как происходят учения отдельных подразделений. Вот равнодушно галопирует слоноподобная кавалерия. Всадники держат перед собой длинные пики, и главная их забота — не нарушить строй. Будничная картина надоевших всем маневров, без которых немыслима регулярная армия. Издалека было видно, как отдельные всадники покидают свои отряды, подъезжают к женщинам, но затем возвращаются в строй. Это нарушило стройность рядов, но было по-человечески объяснимо. На

дальнем краю долины виднелись другие казармы, рядом с которыми маршировала пехота.

Путь на запад лежал через эту долину, кишащую воинами. Холройд решил, что надо идти дальше и вести себя как Пта. А, может, на него просто не обратят внимания. Вся долина протянулась миль на пять, и пройти ее можно часа за полтора, если не останавливаться.

Он прошел треть пути и приблизился к группе мужчин и женщин, готовивших пищу, когда сбоку услышал тяжелый топот целого строя всадников на грузных животных-гримбсах. Первая шеренга остановилась в десяти футах от него. Всадники с насмешливыми улыбками следили за Пта-Холройдом. Тот, который был одет лучше всех, поднял руку и, отделившись от строя, направил своего гримбса к Холройду. Лицо его вытянулось в изумлении. Он снял шляпу, украшенную цветными перьями и, взмахнув ею, прокричал:

— Принц Инезио! Ваше удивительное посещение нашего полка вдохновит всю армию. Один, без свиты. Это подвиг! Разрешите информировать маршала о вашем визите.

Он умчался прочь, оставив Холройда посреди огромной толпы мужчин и женщин с мыслью, что кроме статуи во дворце на него похож еще человек по имени Инезио... Принц Инезио. Такое сходство тревожило.

Холройд попытался оценить положение, в котором он очутился. По всей долине маневрировали отряды наездников и пеших воинов. У каждой казармы выстраивались шеренги. А вокруг собралась масса мужчин в шляпах с перьями и женщин. Значит, это офицеры и их жены. Путь на запад перекрыт.

Ничего не оставалось иного, как играть роль принца Инезио. К тому же, здесь можно изучить, на что способна такая армия, как надлежит ею управлять. А затем... Вперед на завоевание Нуширвана!

Внезапно он осознал рискованность своих планов, но нетерпение нарастало. Он был возбужден возможностью приблизиться к цели.

Почти наверняка он похож на принца Инезио не только внешне, но и голосом, манерами. Но главное в другом. Он был Пта. Трижды Величайшим Пта. Пта всего Гонво-

лейна. Осознание близости к Богу гулко отозвалось во всех уголках его тела.

Холройд надменно окинул взглядом окружавших его женщин, офицеров, ждавших распоряжений главнокомандующего, и самоуверенным тоном произнес:

— Готовьтесь к войне. Я буду наблюдать за маневрами. Продолжайте!

По реакции окружающих он понял, что эта фраза прозвучала убедительно. Это сказал не Холройд, а Пта. Скорее, это сказал высокомерный принц Инезио. Пта становился все мудрее, набирался опыта и шел к цели.

Толпа вокруг вела себя естественно. Молоденькие и миловидные жены офицеров смотрели на принца с нескрываемым любопытством. Высокий мужчина средних лет в шляпе с десятью белыми и пятью красными перьями вышел вперед и с достоинством произнес:

— Мы все польщены, повелитель. Я сохранил в памяти тот день, когда был представлен вам во дворце. Разрешите напомнить мое имя — маршал Нанд. Все 9430 усиленных корпусов, которыми мне поручено командовать, готовы хоть сегодня отправиться к границам Нуширвана.

Его речь продолжалась. Холройд хотел ее дослушать до конца, но не мог. Всплеск личности Пта начал быстро угасать, а мысль Холройда закружилась в водовороте подсчета численности армии.

"Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов. Если в каждом от сорока до девяноста тысяч человек, как было раньше (а в этой долине, кажется, маршируют больше ста тысяч человек). Даже если всего сорок тысяч, то во всех корпусах наберется четыреста миллионов воинов. Это трудно представить".

Шоковое состояние проходило. Наверное, для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек это не очень большая армия. Даже Нуширван, с его пятью миллиардами населения, был способен вывести на поле боя миллиард своих воинов. Холройд пытался сдерживать учащенное дыхание. Его переполнил восторг полководца, получившего в подчинение армию, возможности которой невообразимо велики. Надо подумать о тактике блицкрига. Скриры — авиация. Гримбсы — танки. Пехота способна захватить любую территорию противника.

С каждой минутой неведомая и огромная страна становилась все более понятой. Здесь можно не умирать, а жить вечно. Он должен жить в этой стране, Холройд-Пта, божественный правитель Гонволейна.

— Ваша светлость, извольте пожаловать со мной. Если Вам будет угодно, я распоряжусь провести парадное перестроение всего корпуса. Если это доставит Вам удовольствие, то каждый из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и солдат...

— Из скольких? — тихо спросил Холройд. Сознание снова захлебнулось грандиозностью прозвучавшего числа воинов. Мозг снова отказывался воспринимать информацию. Он ошибся ровно в девять раз. В армии Гонволейна может воевать три с половиной миллиарда человек. В год смерти Холройда на всей планете жило почти в два раза меньше людей.

Величайшая армия могучего государства. Его армия. Его земля. Надо только завладеть ею до конца, спутать планы богини. Овладеть тем, что принадлежит ему по праву.

Где-то сзади, за спиной, раздался мягкий женский голос:

— Я здесь, Пта, в новом теле. Чтобы помогать... советовать тебе...

Эти слова произвели странный эффект. Появилось чувство абсурдности происходящего. Питер Холройд, простой американец, демократ и вдруг владыка мира. Чертовски недемократический бред. Сможет ли он убедить свое второе "я" отказаться от таких намерений. Сомнения охладили разум, и Холройд угрюмо взглянул на новый облик Лоони. Теперь она была в пухлом теле женщины среднего возраста. Он не успел ничего произнести в ответ и снова услышал ее шепот:

Я — жена маршала Нанда. Та, что слева, его любовница, не обращай внимания. Пта, армия должна быть преобразована. Раньше женщинам не разрешали жить вместе с мужьями. Но Инезия решила уничтожить тебя и привела все войска в такое состояние. Многие офицеры понимали, что это расхолаживает солдат и продолжали проводить учения. Дисциплина в армии не так плоха, но Инезия не знает об этом.

— Моя дорогая, — раздался голос маршала, не отвлекай его высочество от государственных дел.

— Я говорю принцу Инезио очень важные вещи. Правда, Ваша светлость?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал вернувшуюся уверенность. Ответ женщины был дипломатичен и вполне удовлетворял окружающих. Это была жизнь, открывающая каждый миг очередную грань своего многообразия.

В действиях Лоони было много такого, что не нравилось. Но она пыталась помочь ему.

Надо снова попытаться оценить все происходящее, понять логику развития событий. Ее тело, ее настоящее тело, заключено в темницу, оковано цепями. Но она до смешного просто попадает в другое тело. Из-за нее Пта должен идти на риск. Нет, ему еще многое неясно, так же туманно выглядят мысли о нападении на Нуширван. Где тюрьма, в которой заключена Лоони? Почему она не все может говорить ему? Кто мог запечатать уста богини?

Действительно, до нападения на Нуширван еще далеко. Но... оно возможно. Дорога к цели казалась открывшейся на долгое время. Возможно, сознание противится действию из-за сочувствия и уважения перед истинным телом Лоони. И вновь зазвучал ее голос:

— Пта! Ты не должен оставаться здесь. Ты увидел все, что имеет решающее значение. Ты уже знаешь главные недостатки армии. Дисциплина падает потому, что в каждой солдатской хижине есть любовница, офицеров отвлекают от дел жены. Богиня Инезия хочет уничтожить тебя. Теперь ты знаешь и это. Не теряй время на эту мизерную часть твоей армии. Клянусь тебе, каждый час, каждая минута твоей жизни важны.

Помни, Пта, мое тело все время лежит во мраке темницы. Если Инезия увидит мою плоть без души, то сможет уничтожить ее. Тогда вернуть мне все способности сможет только Пта, обладающий абсолютным могуществом. Ради твоего и моего спасения, позволь провести тебя через пространство тьмы. Ты должен познать и ее. Это необходимо для победы над коварством Инезии.

Холройд слушал ее напряженно, но неохотно. Он был почти уверен, что сам смог бы оценить недостатки армии,

но услышав последнюю просьбу Лоони, с изумлением повторил ее слова:

— Пространство тьмы!

Она нетерпеливо взмахнула руками.

— Это всего лишь возможность покинуть долину. То, что ты открыл сегодня, можно было узнать еще вчера. Утро началось. Ты узнал, что надо исправить в армии. Знай, что у Инезии есть человек, необыкновенно похожий на тебя, даже голоса у вас неразличимы. За эти несколько минут я не смогла рассказать тебе все, что должна... Пта, проведи все утро со мной. Выслушай все, чему я должна научить тебя. А затем иди своим путем. Пта, скажи, что ты будешь желать, проходя через пространство тьмы. Ты должен сказать это... Если бы я могла, то заставила бы тебя сказать это немедленно.

Холройд перестал ощущать нерешительность и заинтересовался. Она была права. Из всех проблем, возникавших с момента прибытия в Гонволейн, сложнее всего было накопить необходимое количество знаний. Познать сущность этого мира. Внутреннее сопротивление выполнению некоторых желаний Лоони не мешало провести с ней несколько часов в простой беседе. Может, он поспешил в прошлый раз, покинув ее так невежливо в лесной избушке.

В это время маршал Нанд отчетливо произнес:

— Войска построены! Принц, назовите любое подразделение, которое вы желаете увидеть в действии.

Назвать подразделение! Холройд презрительно ухмыльнулся. Только назвать, и все. Произнести его точное наименование по уставу армии Гонволейна. Только раскрыть рот и продемонстрировать его полнейшее невежество, незнание командующим прописных истин. Он повернулся к жене маршала и поспешно прошептал:

— Я согласен пройти через пространство тьмы. Что делать?

Ответ не прозвучал. Все вокруг исчезло. Сплошная темнота. Она была густой и непроницаемой. Через мгновение он ощутил, что Лоони рядом. Он и эта женщина были тенями в ночи. Тени, темнее кромешной тьмы.

К А К Д А Л Е К О ?

Слова коснулись его мозга, хотя они не прозвучали в ушах и не были адресованы ему. Он не осознал, откуда

пришла эта мысль, но она пришла. Все было ясно. Он существовал в этом пространстве тьмы. Его мозг обладал сверхчеловеческими способностями и ждал ответа на вопрос. Сознание звенело, как перетянутая струна.

Ответ пришел издалека. Все пространство и время вздохнули ответной мыслью, отзвуки которой пересытили черный водоворот тьмы, уходя снова вдаль быстрее, чем летели тени мужчины и женщины.

ГРЯДЕТ РАБ!

ГОДЫ ВСЕГДА ДЛИННЫ!

ОНИ БУДУТ ДЛИННЕЕ!

Ночь времени углублялась. Века растворились во тьме. К Холройду пришло бездонное чувство, что вечность так же близка, как эта всеокружающая ночь. Он осознал, что сознание женской тени тоже было двойственным. Одна сущность корчилась в бессильной ярости, подчиняя своим желаниям тело, другая была рабски безвольна, зависела от прихоти растущей.

Лишенная даже искорки света, вселенная пульсировала, переполненная страхом, горевшим в угнетенной части ее сознания, потерявшей надежду. Надежда может умереть в этом черном НИГДЕ. Эта мысль пришла резко и отчетливо прозвучала в сознании.

КАК ДАЛЕКО?

ДАЛЬШЕ, ГЛУПЕЦ!

СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ?

ДАЛЬШЕ... О, ГОРАЗДО ДАЛЬШЕ.

Порабощенный женский ум успокоился, доверился силе, властвовавшей над ним. Длинная ночь завершилась.

Холройд все еще продолжал грезить пространством тьмы, балансируя на грани подсознания и окружающей реальности. Мозг был в смятении. Что произошло? Он слабо попытался стряхнуть со своего тела что-то лишнее, необычное, раздражающее. Ночь смыла чувство обладания телом, но оно продолжало существовать.

Наконец, он открыл глаза. Тело вовсе не лежало, как ему казалось. Ноги стояли на полу лесной избушки. А рядом стояла крестьянка Мора. В той же позе, в какой он оставил ее несколько часов назад. Мозг Холройда окунулся в воспоминания. Назад, сюда. В джунгли, в знакомый домик на поляне, где не чувствуется жизнь.

Она перенесла его назад — через пространство тьмы. Назад, в прошлое. Но как? И Холройд растерянно спросил:

— Я сплю?

— Это было воспоминание,— спокойно ответила девушка.

Смысл фразы был непонятен. Холройд взглядом изучал выражение лица девушки, но оно было бесстрастным. Потом она произнесла:

— Это было воспоминание о том, как Пта был впервые перенесен в Гонволейн. Только с твоего разрешения и очень кратко я смогу показать тебе, что случилось. Ты ведь желаешь познать эту ценную истину.

Холройд не спешил, пытаясь вспомнить все пережитое им в Гонволейне. Наконец, он произнес:

— Но и ты была в моем воспоминании! — На мгновение его пронизала уверенность, что он пробил брешь в окружавшей его фантасмагории. — Это ты перенесла меня!

Он замолк и заново попытался представить, как одна часть сознания девушки корчилась от боли, мятежно пытаясь освободиться от влияния второй сущности. Мягкий голос девушки прервал эти мысли:

— Да, я была тогда с тобой. Но не по своей воле. Возможно, теперь ты сможешь представить могущество силы, противостоящей тебе...

Холройд кивнул. Неприятная дрожь медленной волной хлынула по всему телу. Ее объяснения совпадали с догадками, но не воспринимались как реальность...

Женщина, существо из пространства тьмы, властвующее над временем... Богиня Инезия! Да, это точно.

Впервые Холройд полностью осознал, что он действительно должен драться за свою новую жизнь... Уже дерется.

Импульсивно Холройд шагнул к помосту, из которого торчал молитвенный жезл. Подойдя вплотную, он вопросительно оглянулся. Затем шагнул на помост.

Она кивнула и рванулась вперед. Ее нетерпение заставило Холройда улыбнуться, и он уступил дорогу девушке, как бы извиняясь за то, что в прошлый раз убежал. Уж очень спешила Мора тогда продемонстрировать божественную силу жезла, показать, как он действует. Она не могла знать, о чем думал Холройд уходя, и должна подумать,

что Холройд-Пта действительно извиняется. Риск есть, но он неуловимо мал. Девушка хочет помочь, но почему она так нетерпеливо рванулась вперед?

Стоя у жезла, крестьянка Мора говорила:

— Молитвенный жезл имеет большой смысл. Но прежде надо понять — тебе надо владеть Гонволейном. Пусть тебя не удивляет, что для этого надо покорить Нуширван. Там находится Великий Трон Власти. Раньше он стоял в твоем дворце, в крепости Пта. Инезия перевезла его в столицу Нуширвана по разрешению Нушира. Но это даже хорошо. Ведь все могущество придет сразу, как только ты, Пта, сядешь в него. И в Гонволейн вернется Лучезарный Единственный Пта.

Инезия верит, что сможет уничтожить тебя прежде, чем ты доберешься до Трона и овладеешь им. Пта, умоляю, поверь мне. Только вторжение в Нуширван во главе самой могучей армии позволит тебе сесть в Божественный Трон Пта.

Девушка умолкла, будто уже не хватало сил произносить слова, отягченные таким глубоким значением. Переведя дыхание, она продолжила с возросшей энергией:

— Пришло время действовать решительно. Нам нельзя останавливаться. Как только ты познаешь действие молитвенного жезла, я объясню, что еще ты должен совершить. Возьми меня за руку.

Холройд осторожно дотронулся до ее ладони и ощутил тепло охвативших его кисть пальцев. Жизненная энергия пульсировала в теле девушки, обволакивая и его плоть, волосы шевелились, будто наэлектризованные. Пришла мысль поцеловать Мору прямо сейчас. Поцеловать! А не сама ли она внушает ему это желание? Неужели это ее мысль через пальцы струится в мозг Холройда-Пта? Да нет, он и сам способен был так реагировать на тело крестьянки.

С любопытством он наблюдал, как девушка коснулась верхушки молитвенного жезла, охватила его пальцами, на мгновение застыла, обернулась и, глядя в глаза Холройду, стала опускать руку, говоря при этом:

— Хочу повторить, действуй уверенно. Ты практически неотличим от принца Инезио, даже манера говорить, оттенки голоса совпадают.

— Почему...

Холройд осекся, когда пальцы девушки достигли места, где молитвенный жезл соприкасался с помостом. В это мгновение он ощутил, что держится не за теплую руку женщины, а будто за высоковольтный кабель без изоляции.

Тело Холройда-Пта корчилось в конвульсиях. Он пытался высвободиться, но его усилия были тщетны. Телом владела вливающаяся в него огромная энергия. Сознание пронзала острая, как игла, мысль: Обман!

ГЛАВА VIII
ЛИАНА НА УТЕСЕ

Последние несколько дней Лоони в любое время могла увидеть плоть Инезии. Плененной богине достаточно было приподнять голову над каменным полом и повернуться в сторону кресла, где покоилось полуосвещенное тело.

В очередной раз открыв глаза, Лоони увидела слабое сияние золотых кудрей, покрывающих изящный силуэт фигуры. Голова склонена набок, руки безвольно повисли — души Инезии в теле не было.

Поняв это, Лоони тут же ощутила нарастающее напряжение, словно ментальный ветер всколыхнул полумрак темницы. Его нарастающее давление заполнило все пространство. Темнота растворялась, и неведомая сила прижала цепи, опутавшие ее тело, к холодному полу. Ее голова рухнула на камни, только темные волосы смягчили удар.

В этот же момент золотоволосая женщина шевельнулась в кресле. Ее глаза открылись, и улыбка осветила лицо. Инезия посмотрела на пол, увидела темноволосую красавицу в цепях и произнесла звонким голосом, переполненным триумфом победительницы:

— Милая Лоони, все происходит так, как я задумала. Он считает, что я — это ты. Он позволил взять его душу и тело в пространство тьмы. Чары, не позволявшие показать Пта его путь в Гонволейн, разрушены. К тому же Великий Пта познал могущество молитвенного жезла не так,

как надлежит Богу — прямым течением. Энергия, способная оживить его память, отфильтрована моим духом.

В камере зазвенел мелодичный смех златовласой богини. Тело Лоони не шевельнулось. Инезия продолжала нарочито громко:

— Я намерена сломить гармонию духа Пта. Уже разрушено три уровня защиты. Еще три слоя чар будет сломлено до нападения на Нуширван. Пта сам поможет это сделать. Последний уровень защиты я способна уничтожить сама, надо только раньше Пта добраться до Трона. Думаю, что ему даже не придется сесть на трон...

Кстати, дорогая, чуть не забыла сказать одну важную деталь. Твое имя включено в список людей, которых казнят по приказу принца Инезио. И Пта подпишет его... Даже если он не решится, то список заговорщиков сделает реальным нападение на Нуширван...

Лоони уже спокойно наблюдала за выражением лица своей мучительницы. Юное личико златовласки торжествовало. Глаза широко открыты, губы сжаты. Инезия не могла за маской безразличной уверенности в своих действиях полностью скрыть азарт и риск борьбы между мужским и женским величием.

Богиня Лоони поняла, что сломлено только две защиты. Две из семи. Но насколько искусно это проделала Инезия, выдав себя за Лоони? Она позволила памяти Пта начать возрождаться в той области, где не было ощущения противостояния, привлекла его доверие и сняла два слоя чар, хранящих его жизнь. Пта сам пошел по дороге смерти.

Не без усилия Лоони придала своему голосу оттенок насмешливого сарказма:

— Так ты хочешь стать и мною тоже? Несчастная Инезия! Как это трудно — быть двумя богинями одновременно. Я не верю, что Пта уже любил тебя. Ты не способна так быстро снять эти чары без моей помощи. А я тебе не помогала.

Золотые кудри дрогнули.

— Эту неудачу я не собираюсь скрывать. Этот идиот Холройд — целомудренный моралист.

— Но ведь и Пта был таким. Неужели ты, его жена, забыла это, — голос Лоони звучал увереннее. — Он ни-

когда не соблазнялся телами, украденными тобой у других женщин.

В глазах Инезии вспыхнул огонь, дыхание прервалось. Гнев охватил все ее существо, но это продолжалось недолго. Ответная реплика прозвучала грубо, но не гневно, а с насмешкой:

— Ты, кажется, не осознаешь, что Пта идет к смерти во времена Гонволейна, а его телом управляет разум из далекого прошлого, не принадлежащий Богу. Человеческий ум силен, но не настолько, чтобы полностью приспособиться к миру Гонволейна и миновать все ловушки, расставленные мною на пути к цели...

Он проснется завтра с мыслью, что принц Инезио не может не стать любовником Инезии. Он будет думать, что ты изменила планы, чтобы доказать неизбежность войны с Нуширваном. Его психика не устоит перед моим очарованием. Пта овладеет телом, в котором буду я, а не ты. Он познает мои права...

В голосе Инезии появились нотки грусти. Колени сжались, изящные руки судорожно вцепились в подлокотники кресла. Затем она расслабилась и насмешливо продолжала:

— Неужели ты думаешь, что он способен устоять перед моим желанием. Один, в роскошных апартаментах дворца, окруженный чужим миром. Он будет уверен, что назваться принцем Инезио — единственная надежда уцелеть. Теперь тебе ясно, почему этот идиот стал принцем. И я баловала его настолько, что даже позволила носить мое имя все эти годы. Теперь его сходство с Пта сыграет свою роль...

Лоони, я ухожу. Пора забрать его во дворец принца Инезио. Еще день он будет возвращаться к сознанию. Пусть это происходит там, так лучше. Меня беспокоит уходящее время, но за равновесие Пта-Холройда надо бороться без лишнего риска.

Каменная стена за креслом, в котором сидела богиня Инезия, дрогнула. Ее половинки распахнулись, как ворота и в щель вошли четверо мужчин в темных одеждах. Они молча обогнули кресло и опустились на колени перед златовласой красавицей. Та указала рукой в дальний угол темницы, который скованная богиня не могла видеть. Монахи молча направились туда, пронесли рядом с Лоони безжизненное тело Холройда и скрылись в проеме стены.

Инезия встала и также направилась к выходу, но обернулась:

— Дорогая, я обязана предостеречь тебя от безрассудных поступков. Сейчас мне нужно опираться и на твой круг власти. Поэтому впервые за долгие века тебе возвращена часть могущества. Советую не покидать свое тело. Я буду иногда заходить сюда. Если в этой плоти не окажется души, то она немедленно будет уничтожена. Ты знаешь, чем это грозит. Оставайся хозяйкой своей судьбы. Ты в полной зависимости от сил, которые не вернулись в тело Лоони. А те, которые пришли, угасают с каждой минутой. Лоони не сможет вернуться в свою плоть и умрет в теле, которое не сможет покинуть. Смерть человека страшна агонией ухода из жизни. Ты не понимаешь, что не сможешь вселиться в живое тело любого жителя Гонволейна, тем более из дворцовой прислуги, так, чтобы мне это не стало известно.

... И не питай призрачной надежды на могущество духа Пта. Он сейчас не способен восстановить чары, хранящие божественный дух или воспользоваться какой-либо мелкой оплошностью с моей стороны. На любом шаге по дороге к божественной смерти я смогу уничтожить тело Пта и попытаться повторить попытку в следующем его воплощении. На этот раз я смогу добиться своего. Я стану единым и вечным правителем Гонволейна. Оставляю тебя с этой приятной мыслью.

Последние слова она произнесла, уже скрывшись в темной щели каменных ворот, которые бесшумно закрывались. Свет в помещении угас, тело Лоони вновь ощутило холод пола и тяжесть цепей.

Она долго лежала без движений, не пытаясь поднять головы. Даже мысли ее замерли. Но в сознании нарастало чувство невозможности бездействия. В висках застучало: "Ты не богиня, а хвастливая дура. Он в апартаментах принца Инезио. Ко мне не вернулось столько могущества, чтобы победить соперницу, тут Инезия права. Но мне хватит сил убить тело Холройда и спасти Пта, чтобы он снова мог родиться с полной защитой".

Тело было покидать намного сложнее, чем рассчитывала Лоони. Усилие сохранить свою плоть в человеческом облике отняло больше сил, чем раньше. Мизерная доля

вернувшегося могущества истощилась. В тюрьме было невероятно холодно. Каждая минута жизни, каждый градус теплоты тела требовал расходовать ограниченные возможности. Но она покинула плоть, ощущая свое тело лежащим внизу, в непроглядной тьме. Глаза, уши, осязание уже не требовались. Дух снова ощутил великое чувство восторга божественной сутью, бывшей основой ее существования.

Раньше она могла управлять покинутым телом, контролировать его чувства на расстоянии. Но сейчас это было невозможно. Надо рисковать. Лоони, Инезия, Пта находятся на грани, отделяющей Бога от человека. Пта должен быть спасен любовью.

Пройти сквозь стену было достаточно легко. Дорога была знакома. Как часто в далеком прошлом Лоони проходила через глыбу утеса, вонзаясь в воду, которая принимала тела самоубийц и благополучно выносила их на скалистый берег во время прилива.

Она проникала через гранит медленнее обычного, но чувствовала неотвратимое приближение к воде. Все ближе... ближе. Вот и берег. Вода влекла дальше, там есть человеческое тело. Их там много. Дважды она ошиблась, устремив свой слабый дух к мужчинам. Надо не спешить... С трудом она определила необходимое направление, влечение было слишком слабым. Смерть наступила давно.

Затем... у Лоони появилось тело. Невозможно было определить, когда погибла девушка, но аура жизни, хранившаяся в клетках тела, была еще сильной, резко отличавшейся от мертвой материи воды, проникшей внутрь организма.

Существо Лоони заполняло мертвые нервные ткани. Тело облегало ее, вяло сопротивляясь приходящей жизни, будто песок поглощал густую жидкость. Смерть для человеческого существа была окончательным исходом. Даже божественный дух мог вернуть жизнь телу только на время.

Как долго лежало окруженное безвременьем тело Лоони на скалистом побережье, определить было невозможно. Время замерло. Истерзанное тело освобождалось от смерти.

Ощущение жизни возвращалось, приходя с каждой волной прибоя, омывавшего девушку. Судорога, пробегавшая по телу каждый раз, эхом откликалась в сознании богини Лоони. Она ждала.

Медленно возникали ощущения острых камней, врезающихся в кожу..., галька..., песок..., брызги, летящие в лицо... Вернулась возможность двигаться. Мышцы рук напряглись, ноги согнулись в коленях. Ощущения человеческого тела пробуждались после смертельного сна.

Последним вернулось зрение. Лоони видела ночное небо со зловещими облаками. Утес, возвышавшийся почти до облаков. Звезды. Ее тело находилось в глубине лагуны среди острых камней. На другом берегу лагуны виднелись огни ночного города, ностальгически манившие новое тело.

Одна рука все еще полностью была во власти бушующей бездны моря и безвольно колебалась вместе с пеной прибоя. Увидев это, Лоони подумала, что человеческим мышцам не под силу без ее помощи доставить тело на верх утеса. Но выбраться из этой пропасти было необходимо. Она должна убить, чтобы спасти себя и Пта.

Девушка встала на ноги и пошла к месту, где много веков лежало спрятанное оружие. Она не обращала внимание на воду, стекавшую с волос, одежды. Раньше она часто гуляла по этому берегу, когда ей надоедали холодные стены тюрьмы. Здесь всегда были тела утопленниц, которые не успел поглотить древний океан. Как давно она была здесь. Но память сохранила каждый камень, каждую песчинку. Оружие было на месте.

Девушка начала взбираться вверх по острым безжизненным скалам. Ночь продолжалась. Мокрая одежда прилипала к телу. Облака неслись над заливом к северо-западу. Звезды мерцали холодным светом, а луна помогала различать щели в граните. Скоро можно будет держаться за лианы, которыми был опутан утес вверху. Внезапно ветер переменил направление и облака устремились обратно, темнея с каждой секундой. Они впитывали столько дождя, сколько могли, и возвращались мучить тело. И хлынул ливень... Струи дождя слепили глаза... Сделали тело снова холодным... Руки скользили по камням... Ноги с трудом находили опору... Девушка приближалась к лианам...

Дождь прекратился с первыми лучами восходящего солнца. Зарево над горизонтом еще не согревало, но надежда добраться до вершины утеса в этом теле окрепла.

Самый трудный этап был преодолен, хотя необходимо еще много сил, а тело утомлено. Руки отказываются подчиняться воле. Они боятся возвращения смерти, но надежда не умерла. Даже у самого тяжелого пути есть конец. И он приближается.

ГЛАВА IX
ДВОРЕЦ-КРЕПОСТЬ

Время для Холройда остановилось. Он сразу начал бороться, сопротивляясь ужасающей энергии, заполнявшей все тело. Эта необузданная сила исходила с ужасающей неотвратимостью от руки девушки, державшей молитвенный жезл.

Затем пришло понимание, что он лежит на полу огромного зала, залитого солнечным светом. Холройду еще не доводилось видеть таких больших залов. Футов сто на двести, и ни одной опоры для потолка, кроме стен. Но уже через мгновение его поражали не размеры, а изысканное великолепие окружения.

Ослепительный свет из больших окон потоками заливал все пространство. Мебель сверкала безукоризненным лаком. Розовые отблески играли на креслах, шкафах, изящных столиках, созданных умелыми мастерами. Панели стен были задрапированы тканями голубых тонов. Их узоры отражались повсюду. В дальнем конце зала он заметил несколько дверей, каждая из которых вызвала бы восторг у любого ценителя искусства. Лучи света рисовали на стеклах дверных проемов миражи фантастических деревьев, что в действительности располагалось за ними, было неразличимо.

Восхищенный Холройд смотрел на иллюзорные пейзажи и только краем глаза ощутил движение в зале. Та, которая шла к нему, была самым главным украшением зала. Юная золотоволосая красавица с голубыми глазами. Ее тело, достойное античной богини, было облечено в снежно-белое платье. Голос оказался сладострастным, но тревожным:

— Инезио! Что произошло? Ты рухнул, как подстреленный врил.

Ангельски красивая женщина стояла перед Холройдом, ожидая ответа. А он лихорадочно искал в сознании правильную линию поведения, пытаясь сосредоточиться. Мозг уловил имя, которое прозвучало. Он понял, что перенесен во дворец и заменил собой принца Инезио.

Лоони просила действовать решительно. Эта мысль прибавила самообладания, вернула мужество, и Холройд произнес:

— Просто подвернулась нога. Извини, если испугал.

Юная златовласка помогла встать принцу. Оказалось, что ее нежные руки достаточно сильны.

Наблюдая за движениями уходящей девушки, Холройд невольно сравнил пластику движений тела в белом платье с изяществом львицы. Уже в самых дверях девушка обернулась и произнесла:

— Сегодня утром Бекир собирался принести тебе список мятежников, которых надо приговорить к казни. Будь добр, подпиши его. Мне очень хочется покончить со лжепатриотами, ведущими Гонволейн к войне с Нуширваном. Даже с Аккадистаном они не хотят мира. Но об этом поговорим позднее.

Она ушла. Холройд опустил руки, не зная, как удержать красавицу. О чем она говорила? Списки отправляемых на казнь. Мятежники... Мятежники... Война...

Лоони перенесла его во дворец. Он — принц Инезио. Зачем? Предотвратить казнь? Познать новые истины, позволяющие избежать смерти? Одно было ясно. Он во дворце-крепости.

Холройд шагал по роскошному ковру, размышляя о необходимости в очередной раз покориться обстоятельствам. Он должен осознать свое новое положение, выбрать верный путь к цели. Очутившись у дверей, он распахнул радужные стекла, смягчавшие солнечный свет.

Перед ним была терраса, украшенная клумбами пышных цветов, окруженная стрижеными деревьями, за которыми виднелись городские крыши. Над головой — чистое голубое небо.

В лицо пахнул теплый ветер, пропитанный ароматом цветов и запахом моря. Больше всего Холройда заинтересовал город Пта. Он заполнял все видимое пространство побережья как слева, так и справа, далеко впереди вид-

нелся зелено-голубой океан. Причудливый силуэт крыш затейливо переплетался с кронами высоких деревьев. Столица Пта утопала в зелени.

Под ногами тоже зеленела мягкая трава. Холройд шагнул на террасу, сделал несколько шагов и заметил тонкий ручеек. Вода весело журчала, струясь по каменистому дну, и бежала вперед. Ветерок уронил в ручей несколько лепестков розового цвета, и Холройд пошел вслед за ними от дворца. Вдруг ручей исчез внизу, забрав с собой розовые искорки.

Трава стала редкой, а вместо плодородной земли вокруг виднелись камни. Холройд осторожно сделал несколько шагов туда, где скрылись лепестки, споткнулся и замер в изумлении. Под ногами разверзлась бездна... Он на краю пропасти.

Опершись на камни, Холройд-Пта следил за уходящим в глубину маленьким водопадом. Сколько лететь лепесткам до земли, полмили, милю? Это место могло быть только Великим Утесом. Узкий залив внизу был окружен скалами, и вода в бессильной ярости разбивалась об острые гранитные глыбы. Ни один корабль не мог бы пристать к этому берегу. Уши уловили шум прибоя. Вода пенилась по всей поверхности залива. На противоположном берегу тоже были дома. Это тоже столица Гонволейна или другого города?

Море-океан, Великий Утес, бездна под ногами. Все отпечаталось в памяти и ушло в подсознание. Город. Город. Он был белым... и голубым, и красным, и желтым — разноцветным. Под лучами яркого солнца город выглядел, как драгоценный камень невероятных размеров... Нет, это впечатление обманчиво.

Колокольни, купола, шпили соборов, замки. Их линия изгибалась вместе с берегом океана и уходила за горизонт. Далеко за всеми крышами виднелся и лес. Где-то там домик в джунглях, молитвенный жезл и Мора.

Холройд ухмыльнулся. С этой Лоони надо быть начеку. Дважды она завлекала в ловушку, обещая защищать.

В камень, на который опиралась мужская рука, впилась стрела. Она как бы прилипла к чему-то липкому, но все же не удержалась и, набирая скорость, исчезла в бездне пропасти. Холройд взглянул вниз и застыл в изумлении.

Футах в пятистах от края террасы, цепляясь за сплетения лиан, карабкалась человеческая фигура. Рука соскользнула с камня. Это спасло Холройда. Не пригнись он сейчас, вторая стрела попала бы в голову. В него стреляла молодая, довольно высокая и худая брюнетка.

Шок прошел. Холройд-Пта внимательно следил, как женщина цепляется за корни, лианы, выступы утеса, неумолимо приближаясь к нему. Лук, выпустивший стрелы, был перекинут через плечо и не представлял опасности. Широкий кожаный пояс обвивал талию женщины и держал ножны с кривой саблей. Телу Холройда передавалось каждое усилие чужих мышц, пальцы искали малейшей опоры на отвесной скале. Мозг ощущал жажду к жизни, пронизавшую тело женщины.

— Кто ты? Чего хочешь? — крикнул Холройд.

Снизу было слышно только хриплое дыхание. Внезапно в мозг вонзилась мысль об одиночестве. Он одинок в этом мире. Она одинока на отвесной скале. И каждый борется со смертью.

Вокруг все чужое. И город... И море... И дворец. Обернувшись назад, Холройд увидел часть дворца, дверь в роскошный зал. Стены дворца были обвиты такими же лианами, как и утес. Дворец-крепость не был виден целиком. Мешали кроны деревьев. Белый дворец, покрытый зелеными пятнами. Никаких признаков жизни, никаких звуков. Дворец-призрак. Старый и мертвый. Только он сам жив. Только он... и эта женщина, которая хочет убить... Все остальное нереально.

Посмотрев в бездну, Холройд увидел, что нападавшая отдыхает на выступе скалы и внимательно смотрит вверх. Их взгляды встретились.

— Не удивляйся моему появлению. И прости. Именем Бога, Пта, прости меня. Я думала, что ты стражник. Я очень устала, и глаза обманули меня.

Холройд улыбнулся. Бессмертный Пта не боится стрел. Зачем эта отважная мученица хотела убить принца Инезио? Почему она извиняется?

Мужчина и женщина следили друг за другом. Она уже была в футах десяти. Грязная, исцарапанная. Жалкое существо в серых шортах, изорванной блузе, с водорослями во всклокоченных черных волосах. Брызги водопада попа-

дали на камни, которые предстояло преодолеть женщине, делали их скользкими. А силы у нее на пределе.

Холройд нахмурился, что с ней делать? А если она снова начнет стрелять? Тело Пта не погибнет, но психика Холройда не утратила инстинкт самосохранения. Ему будет больно.

Женщина достигла границы, отделявшей отвесную стену от террасы. Холройд спокойно произнес:

— Будет лучше, если ты бросишь наверх свое оружие. Лук мешает тебя вытащить. Быстрее. И не бойся. Я помогу.

Женщина уверенно ответила:

— Саблю не отдам. Лучше прыгнуть вниз с Утеса, чем живой попасть в руки дворцовых стражников. Я брошу тебе лук и стрелы. Ты будешь в безопасности. Но сабля будет у меня.

Взяв лук и стрелы, Холройд хотел положить их подальше от края пропасти, шагнул в сторону и сообразил, что женщина уже стоит рядом.

Странная брюнетка не знала равных по ловкости передвижения. Каждый жест был быстр и точен. Она устремилась к дворцу, но это оказалось лишь поползновением скрыть от глаз мужчины попытку вытащить саблю из ножен. Холройд отпрянул в сторону, выронил лук, рассыпал стрелы по траве. Одним движением женщина сбросила сразу все стрелы в пропасть и бросилась к своему врагу. Худое тело извивалось, пытаясь вонзить оружие в сердце Пта. Ей это не удалось. Холройд уклонился и сделал попытку схватить яростную фурию.

К изумлению, и его действия оказались неудачными. Женщина также смогла ускользнуть от быстрых рук Холройда-Пта, который вдруг осознал, что сабля не металлическая. Неужели она из дерева? Полированное дерево!

Такая мысль на мгновение ослабила внимание. Острие вонзилось в правый бок. Холройд почти не ощутил боли. Он инстинктивно схватил кривое лезвие и вырвал саблю из рук нападавшей.

Перед ним уже стояла не яростная фурия, а женщина, изумленная всем происходящим гораздо больше самого Холройда.

— Магический укол... Он не убил тебя, — смущенно бормотали ее губы.

— Какой укол?

Холройд уже не ждал ответа на свой вопрос. Лезвие сабли пульсировало в его руках. Оно было живым. От сабельного клинка исходил поток, напомнивший тот, который вошел в тело Пта через руку Лоони от молитвенного жезла. Острый конец сабли еще находился в теле Пта, и это место пылало огнем. Бросив саблю на камни, Холройд-Пта рванул на себе одежду и посмотрел на место, где должна была зиять рана. Увидев, что кожа цела, он перевел взгляд на саблю. Женщина взяла ее за рукоятку, вложила в ножны. Затем сняла пояс и бросила его вместе с ножнами вниз. Магическая сабля вернулась к подножию Великого Утеса.

— Слушай внимательно, — произнесла она, — магический укол должен был убить тебя. Но ты жив. Значит, некоторые женщины Гонволейна долгие века хранили веру в могущество Пта и сейчас молятся у своих жезлов. Правда их мало. Много времени прошло с тех пор, как жены перестали молиться за жизнь своих мужей. Но некоторые любят их и молятся за тебя, Великий Пта. Это дает им новую надежду. Пта, не забывай об этом, ты должен...

— Пта! — повторил Холройд. До этого момента он считал, что женщина пытается убить принца Инезио. Как настоящий принц должен реагировать на имя Пта? Теперь каждая травинка здесь знает его тайну.

Незнакомка пыталась убить Пта! Это потрясло сознание. Мозг отказывался понимать происходящее. Он смотрел женщине прямо в глаза и молчал. Наверное, выражение его лица выглядело очень глупым, потому что он услышал:

— Не делай больше глупостей. Можешь убить меня хоть сейчас, но это ничего не даст... Очнись... и слушай.

— Я могла бы... помочь тебе. Но не здесь, и не сейчас. Я должна покинуть тебя... Если ты дашь мне документы, написанные перьями скрира... Они там... в апартаментах принца. Иди за мной.

Холройд шел, будто во сне. Женщина знает, что говорит с Пта. Она хотела убить Пта. Она точно знает, что

надо делать Пта. Она способна подчинить Холройда-Пта своей воле.

Незнакомка шла быстро и немного опередила Холройда. Когда он вошел в зал, женщина уже держала в руках лист плотной бумаги, украшенной гербами, чудную стеклянную ручку в форме пера и массивный металлический перстень.

— Надень это, — сказала она, протянув Холройду перстень, — это большая печать принца. Она дает власть над людьми, вторую по могуществу после Инезии.

— Кто эта незнакомка, зовущая богиню просто по имени? Как вести себя с ней? — Так думал Холройд, приняв перстень. Мозг продолжал анализировать ситуацию.

Это не Лоони. Она ведет себя слишком просто, не так, как прежде.

Женщина написала что-то стеклянным пером на бумаге с гербом и спокойно произнесла:

— Поставь печать вот сюда.

Холройд взял бумагу в руки и молча исполнил просьбу, но ощущение опасности не покидало его. А вдруг женщина, знающая о нем больше других, подослана со злым умыслом? Нельзя позволить ей уйти просто так. Кто она? Это надо выяснить прежде, чем документ попадет в ее руки.

Гулкие шаги раздались за стенами зала. Женщина выхватила документ, метнулась к двери, ведущей на террасу, распахнула стеклянные створки и быстро заговорила:

— Прости, Пта, что успела сказать так мало. На моих устах печать, запрещающая раскрыть тебе...

Она стояла между двумя фантастическими деревьями. Высокая, худая, в грязных лохмотьях, совсем чужая среди дворцового великолепия. Голос снова вернулся к ней.

— Пта, будь осторожен! Ты пока не способен до конца осознать опасность ее поступков. Если сможешь познать все могущество божественной силы, то поймешь и свою личность. Только тогда сможешь делать все, что захочешь сам. И с ней тоже. Но ты должен познать могущество первым. Думай...

И снова она онемела, виновато улыбнувшись. Потрясла головой и, преодолевая невидимое сопротивление, продолжала:

— Видишь, здесь я не могу тебе больше помочь. К тебе идут. Удачи, Пта.

Дверь на террасу закрылась, и в эту же секунду раздался стук в другую дверь.

Раздражение охватило мозг. Кто посмел его беспокоить. Он — Пта. И он сам решает, как поступать, что делать, каким путем идти. Холройд — это Пта. Любая победа Пта будет и его победой. Он обязан победить.

По телу пробежала дрожь, которую остановил второй стук в дверь. Холройд почти крикнул:

— Войди!

Вошла высокая плотная женщина в одежде воина. Отсалютовав копьем и щелкнув пятками сандалий, необычная стражница доложила:

— Великий принц Инезио! Купец Миров заявил, что прибыл сюда по желанию богини и просит принять его немедленно. Приказывайте.

Холройд стоял посреди зала невозмутимый и чувствовал, как тело наливается сверхъестественной силой. Решив, что возможности Пта сейчас не понадобятся, он жестом приказал открыть дверь.

Купец? Чем торгует? Посылая сюда Холройда-Пта, Лоони наверняка знала, что принц встретит купцов. Значит, из общения с ними можно узнать что-то важное о Гонволейне, о пути достижения цели. Он будет познавать мир.

ГЛАВА X
КНИГА СМЕРТИ

В коридоре послышалось хриплое сопение и шаркающие шаги. Звуки приближались, и вот на пороге появился тучный мужчина, явно страдающий одышкой. С грацией слона он раскланялся, прошлепал несколько шагов по ковру, низко склонил голову и забубнил, не поднимая глаз:

— Принц Инезио! Ваше Высочество!

Холройд холодно глянул на толстяка.

— Ну?

Дверь в зал закрылась, и с пришедшего вмиг слетело подобострастие, будто он получил разрешение снять маску и показаться в истинном облике. Однако голос его не пре-

терпел особых изменений и сохранил интонации просителя.

— Мой повелитель! Вы всегда держите данное слово. Исполните и в этот раз то, что обещали. Уже три дня мне оказывают почести как посланцу Зард. И только сегодня я случайно встретил богиню Инезию. Ее божественность сообщила мне, что Вы сможете уделить мне внимание сегодня. Могу ли я надеяться на это?

— Да, — ответил Холройд-Пта.

Он чувствовал одиночество и безразличие к происходящему. Вникать в тонкости происходящего не хотелось. Смысл встречи с торговцем пока был неясен, надо узнать больше и только потом делать выводы.

Грушевидный субъект расплывался в улыбке.

— Ваше Величество, разрешите сопровождать Вас в торговую палату. Там Вы сможете поставить свою печать на свиток, как положено по ритуалу.

В коридоре Холройд обратил внимание, что дверь в его апартáменты охраняли только женщины. У других дверей охрану несли уже мужчины. Толстяк привел в белую, без всяких украшений комнату, в центре которой стояли огромные каменные весы. Рядом стоял человек с носом, как клюв попугая, и манерами подхалима. Он услужливо поправил стул и произнес:

— Ваша светлость! Мы начнем сразу, как только вы займете свое место.

Мужчина начал взвешивать на весах тяжелые коричневые камни, а носатый делал какие-то пометки. Холройд понял, что учитывается каждый кусок, а взвешивается не что иное, как железная руда.

Железо — особая ценность. Вот зачем Лоони свела его с купцом. В Гонволейне нет железа, его привозят из страны, где правит Зард. Из металла делают молитвенные жезлы, поддерживающие и укрепляющие власть богини Инезии. За двести миллионов лет человеческая цивилизация почти исчерпала рудные залежи планеты.

— Где свиток? — спросил Холройд у сопевшего рядом толстяка. Тот растерянно улыбнулся, а носатый учетчик быстро вынул из кармана два свитка сразу и залебезил:

— Благодарю, Высокочтимый принц Инезио, за оказанное доверие. Все сокровища будут немедленно доставлены

в казну. Вот свиток для отправки в Аккадистан, а этот — для хранения в покоях Вашей Светлости, как это предусмотрено ритуалом.

Купец Миров провожал Холройда до самых покоев и по дороге бормотал:

— Теперь я уверен, что получу сполна за все железо... Высокочтимый принц Инезио так справедлив... Сегодня же пошлю посыльного к Зард, передать, что Вы дали обещание и сдержите слово, как было всегда... Кого я вижу, военный министр Бенар. Мое почтение и наилучшие пожелания, дорогой Бенар.

Холройд кивком поздоровался с тем, кого торговец железом назвал военным министром. Это был почти старик с темными пятнами под глазами, дряблой кожей и обиженным выражением лица. Министр поприветствовал принца Инезио почти так же сухо, как иностранного торговца. А в мозгу Холройда вязко ворочалась одна из последних фраз Мирова:

— Зард Аккадистанская будет довольна... его обещанием.

Купец остался у дверей, а старик-министр вошел в покои принца вместе с Холройдом и заговорил об угрозе Зард Аккадистанской... угрозе возвращения за обещание... Что было в книжке, которую Тар приносил в подземелье? Зард Аккадистанская незаконно похищала людей? Это был памфлет или памятка солдатам и офицерам?.. Вернет за обещание?..

А голос Бенара все дребезжал над ухом:

— Я рад, что вы согласились. Истребить шайку — единственный способ.

— О чем это ты? — резко спросил Холройд.

Старик вздрогнул, глянул на дверь и напыщенно произнес:

— Хирургическая операция необходима. Список уже готов. Туда включены все офицеры, дважды публично призывавшие к нападению на Нуширван. Каждый случай доказан, и это снимает с нас все обвинения. Казнь — только способ выполнить наши обещания. После такого решения наша армия не станет вмешиваться в конфликт, когда войска Зард захватят всех изменников вместе с семьями.

Равнодушие Холройда будто ветром сдуло. Стало ясно, какую проблему надо решать Пта. Пока еще оставалась

неопределенность мотивов поведения, это беспокоило, но желание действовать стало явным. Перед ним во мраке стояла невидимая стена, преодолеть которую можно только разрушив ее.

Военный министр пригласил принца войти в дверь, которую еще не приходилось открывать. В большой комнате, где они очутились, стены закрывали огромные карты. Невольно взглянув на них, Холройд узнал очертания, знакомые по книгам Тара. Стена Гонволейна, стена Нуширвана, стена Аккадистана. Имел ли хотя бы один из главнокомандующих времен Второй мировой войны такие подробные карты военных действий?

В центре комнаты, на столе, лежала огромная книга. Что в ней? Имена и фамилии призывавших к войне. Перелистывая страницы, человек-Бог анализировал ситуацию.

Зард прислала дары, стоимость которых выражается не только деньгами. В цену входят и те люди, которых она собирается похитить из Гонволейна, причем без развязывания войны. Богиня Инезия предает своих подданных.

Мороз пробежал по телу Холройда. Опасность! О ней предупреждала Лоони и та, которая хотела убить Пта! Он очутился здесь, чтобы принять решение. Лоони считает, что Холройд-Пта не осознает всей ответственности за нападение на Нуширван. И это так. В чем смысл такой войны?

Бенар произнес:

— Как видите, принц, список велик. Мы не забыли никого...

Он ждет благодарности за усердие, подумал Холройд. Напоминает о старании доносчиков, но рассчитывает на похвалу в свой адрес. Как во все времена. Сколько же они вписали сюда имен? По десять колонок на каждой странице, в каждой по сорок имен. Писцы умудрились втиснуть на лист бумаги четыреста жизней. Такой мелкий почерк, что трудно прочесть. И всех их хотят убить! Знает ли военный министр, сколько своих офицеров он собирается отдать палачам?

— Сколько страниц в книге?

— Тысяча восемьсот. Уверяю вас, принц, мы старались. Надо вырвать с корнем всю крамолу. Она слишком быстро размножается.

Сколько трупов? Тысяча восемьсот на четыреста... Только офицеры... Сколько же... Шестнадцать дюймов на десять и еще на четыре... В этой книге шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд поднял книгу и ощутил ее тяжесть. Пришла мысль. Непроизвольно его уста произнесли:

— Я беру книгу с собой. Некоторых можно не казнить. Проверка не займет много времени.

Вдогонку Холройду звучал старческий фальцет Бенара:

— Клянусь, Ваше Высочество, имена и доказательства вины офицеров высшего круга власти, старших чинов и всех, кто вам был предъявлен, проверялись с особой тщательностью. Здесь вписаны только генерал Маарин и полковник Дилин. Применен принцип разумной достаточности.

— Тем не менее, я беру книгу в свои апартаменты. Решение будет принято там. Вас оповестят.

Закрыв за собой дверь, Холройд обернулся и увидел у окна маленький столик, переполненный яствами. За ним сидела золотоволосая богиня Инезия и ласково улыбалась. Указав на одно из кресел, она произнесла:

— Садись, дорогой Инезио. Я хочу поговорить о новом пути успокоения народа. Министр полиции предложил восхитительный вариант. Надо тебе самому поехать на Нуширванский фронт и объявить о начале войны, но не начинать наступления. Несколько ложных выпадов, два-три боя и мятежники будут удовлетворены. Давай обсудим это предложение за чашкой нира...

ГЛАВА XI
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЛАСТИ

Улыбка богини опустошила сознание Холройда. Он не сразу понял, о чем идет речь. Но ощущение пустоты в мозгу проходило. Правда, его эмоции были направлены в иное русло. Решительность противостоять казни офицеров сменилась раздражением от бесцеремонного вторжения ситательной красавицы в его апартаменты.

Память подносила все новые детали пребывания во дворце, складывая, как мозаику, общую картину новой действительности. Он отчетливо представил первую встречу с богиней. Детское личико, миниатюрное тело без малейшего изъяна, голубые глаза, мантия, величаво плывущая по белому мрамору и коврам. Раньше она казалась фантастическим существом, порожденным игрой воображения. Сейчас она была реальна. За столом сидела живая богиня Инезия и говорила с ним мягким голосом:

— Милый Инезио. Ты сегодня утром очень задумчив. Меня удивляет необычность твоего поведения.

— Я размышляю над предложением министра полиции, — услышал из своих уст Холройд. Он действительно еще не решил, как действовать дальше. Свои слова его удовлетворили. Нужно быть внимательным и осторожным. В голубых глазах, внимательно следивших за каждым его жестом и выражением лица, было отнюдь не детское любопытство. Что-то неуловимо в облике златовласки тревожило. Но что?

Понимание источника тревоги пришло не сразу. "Осторожнее! Ты несусветный идиот! Это не просто женщина! Она обладает огромной властью."

Но сознание было скована. Новая ситуация приводила в смятение. Наверное, надо протестовать, не соглашаться с тем, что поступки принца "необычны". Смутное ощущение неведомой опасности не только заставляло трепетать мозг, но и мешало принимать решения. Нельзя долго молчать.

— Ты хочешь послать меня на войну, которая не начинается? Нападение на Нуширван будет ложным?

Наконец он понял, что предложила богиня. Он шагнул к столу, и мозг сразу стал оценивать возможные варианты. Холройд-Пта ощущал, что появляется возможность использовать ситуацию для достижения своей цели. Контролировать ход событий будет не сложно.

Богиня звонким голосом объяснила суть своих замыслов:

— Я отправлю гонцов во все замки лордов-принцев. Они объявят, что ты со штабом завтра отправляешься на фронт. Всем прикажут поддержать твои планы, призвать и вооружить ополчение. По всем дорогам к фронту повезут

запасы пищи, военное снаряжение. Надо убедить народ, что предстоит долгая война. Всех бунтовщиков надо направить на левый фланг фронта, где их уничтожит противник или они сами погибнут во время маршей по горам. Там сотни квадратных канб ущелий, вулканов и никаких дорог. Пойдем, я покажу эти места на карте.

Холройд воспринимал каждое слово, но не совсем ясно понимал, как использовать ситуацию и не подвергаться опасности. В голове ощущался мягкий и теплый туман, пронизывающий радостью и яростью одновременно. Некоторые мимолетные мысли приносили боль, которая затем растекалась удовлетворением. Остальные эмоциональные всплески не соединялись в буйство дьявольского восторга.

"Ложная атака на Нуширван... О, Даяна! О, Колла! О, божественный Рэд!... Нападение на страну Нушира по желанию богини, а не Пта. Надо его готовить так, чтобы никто не догадался, что оно будет настоящим".

Мысли привели к логическому концу и застопорились на этой идее. Изящная белая рука указывала пальцем на его лоб и отвлекала от дальнейших рассуждений.

— Ты их наведешь сам. Пошли, я покажу где это будет.

Рука красавицы парила перед глазами и тревожила. Холройд сдержал порыв отпрянуть назад. Он боялся выдать свои мысли или совершить неверный поступок. Перед ним богиня, чья власть так велика, что даже Лоони, способная владеть временем и пространством, боится Инезию.

Палец коснулся лба!

— ИДИ ЗА МНОЙ!

Холройд не двинулся с места. Их взгляды встретились. Стали различимы мелкие морщинки в уголках синих глаз. Ее изящные губки дрогнули:

— Странно. Ты способен сопроти...

Рука богини опустилась, она почти рухнула обратно в кресло, и Холройд услышал собственный спокойный голос:

— Что случилось?

— Ничего, ничего.

Было неясно, отвечает ли Инезия на вопрос или успокаивает себя, говоря против воли...

Холройд ждал. Происшедшее не было понятно. Откуда этот теплый туман в сознании? Что так поразило Инезию? Может, он начал овладевать могуществом Пта? Пта, вдавленного в личность Питера Холройда. Богочеловек, видимо, не способен совершать чисто человеческие поступки. И ему нельзя приказывать безнаказанно. Но она тоже богиня? Она требовала повиновения принца Инезио, а не Пта. Это не одно и то же. Божественная сила должна понять, с кем она имеет дело. Пта может быть разоблачен. В сознании возник сгусток огня, затем холод пронизал все мысли, и напряжение снялось.

— Инезио, чем ты занимался после того, как мы расстались в последний раз?

Фраза прозвучала резко, и не ответить было нельзя. Голубые глаза излучали искрящийся поток света, озаривший мерцающими бликами все вокруг. Смотреть на богиню было тяжело. Перед ним была голубая вода, смешанная с лучами солнца. Лицо Инезии загораживала пульсирующая стена света, заполнившего все пространство.

Как эхо Богине ответил голос Холройда:

— После того, как мы расстались в последний раз... Сейчас вспомню... Я ходил в сад... туда, где ручей... Приходил толстый Миров... Мы считали сокровища, присланные Зард... Потом...

Глаза Инезии снова изменились. Теперь они приобрели цвет моря под небом, затянутым грозовыми тучами и рассекаемым беспрерывными сполохами синих молний. Зрачки смотрели уже не на лицо, а на руки. На его левую руку.

— Кто дал тебе это? — гневно спросила Инезия.

— Перстень?

Холройд вглядывался в перстень с таким же удивлением, как и Богиня. Надо было объяснить, но мозг не подсказывал нужных слов. Он неуверенно произнес:

— А разве я сам...

Звонкий женский смех дал понять, что продолжать бессмысленно. Звонкий смех напомнил, что юное лицо и грациозное тело принадлежат той, которая может убить Пта. Она снова прекрасна, и глаза уже не свинцовые, правда, не такие, как при первой встрече. Они сверкают адской яростью, на которую человек не способен.

— Кто дал его тебе? Кто? Кто? — кричала Инезия.

Холройд был потрясен переменой поведения золотоволосой красавицы, но чувствовал, что сейчас он владеет ситуацией. Этот взрыв негодования, демонические глаза и почти истерический крик не подавили волю Пта, и он спокойно сказал:

— Все очень просто. Купец Миров спросил, где моя печать. Надо было опечатать свиток с перечнем даров Зард. Может быть в спешке я перепутал и надел другой перстень.

Он понимал, что ответ не прозвучал убедительно. Кольцо было не в комнате с сокровищами, а там, где его взяла незнакомая женщина, там, где были слитки с именным гербом Пта. Зачем эта странная гостья заставила одеть этот перстень принца Инезио? Он принес опасность, гнев богини. Кажется, богиня уже не так разгневана. Глаза снова становятся нормальными, спокойными. Голос тоже прозвучал мягко и без раздражения:

— Прости меня, Инезио! Я не смогла сдержать своих чувств. Есть силы, о которых ты еще не знаешь, не все мои планы осуществлятся, и это слишком взволновало меня. Сними перстень и я возьму тебя в путешествие умов, — она улыбнулась удивительно нежно и продолжала. — А потом мы будем любить друг друга и расстанемся, как любовники. Ну, а пока положи перстень обратно...

Туда, где он лежал раньше.

Холройд медленно пошел к одним из дверей, открыл их и понял, что интуиция подвела. На столике в этой комнате лежали листы бумаги с гербами. Темноволосая незнакомка взяла перстень здесь. Он закрыл за собой дверь и почувствовал желание убежать отсюда немедленно. Он узнал это ощущение. Так же произошло тогда, в маленьком домике среди джунглей. Словно кто-то толкал в спину. Уходи. Уходи.

Надо брать тайм-аут, оценить ситуацию. Но только не теперь. Позднее. Есть возможность узнать что-то важное. Он решился вновь испытать судьбу, но все еще стоял с перстнем в руках.

Путешествие умов. После него любовь богини. Это будет нелегко. До появления в Гонволейне Холройду было тридцать три года и его фамилия не могла быть занесена

в список безгрешных мужчин. Любовь сама по себе не пугала, но почему-то казалась невозможной. Мешал Пта, он всегда был рядом. Холройд желал интимной любви.

"Но если она будет настаивать... Глупости... А вот путешествие умов беспокоит. Что это означает?.. Инезия говорила, что бунтовщиков поглотят ущелья и вулканы Нушрвана. И потом она сказала... что она сказала?"

Холройд пытался вспомнить, но время работало не в его пользу. Надо было возвращаться в апартаменты, там ждала Богиня. Он заметил маленькую нишу в стене прямо над столом с гербовыми бумагами и сунул перстень внутрь.

ГЛАВА XII
СТРАНИЦА ВЫРВАНА

Богиня стояла в центре зала спиной к Холройду. И он шел по ковру, спокойно оценив всю прелесть ее фигуры. Глядя глаза в глаза, это не удалось бы сделать объективно. Она была ростом не выше пяти футов. Золотые волосы венчали голову, как корона, придавая величие юной красавице. Шелковистые локоны мерцали мягким блеском. Казалось, она была способна только на детские шалости, не более. Но это ощущение вмиг улетучилось, когда она села в кресло, положив на колени толстую книгу. Там были вписаны имена тех, чьей смерти желала богиня. "Надо быть осторожным", — подумал Холройд и сел рядом с ней в кресло. Равнодушно перелистав страницы страшной книги, она задумчиво глянула на принца и тихо произнесла:

— Инезио, дорогой. Нельзя быть таким нерешительным, ты еще не подписал список. Жаль.

Холройд хотел как-нибудь ответить на эту реплику, но это не понадобилось. Она продолжала:

— Наверное, ты не понимаешь всю важность этой акции или плохо знаешь простых людей. Все наше молодое поколение не хранит верности религии. Они ничему не верят, думают только о себе и крайне нетерпеливы. Надо перекрыть этот источник крамольных мыслей, уничтожить всех вождей мятежников, сорвать их планы. Не давать им

опоры в психологии толпы. Сейчас есть возможность сделать их виновными во всех бедах.

Инезия говорила долго и старалась убедить Холройда-Пта в том, что все беды от пренебрежения к молитвам, что надо вернуть миллионы людей к жезлам, и жизнь вернется в старое русло. Она убеждена, что мятежный дух отступничества не продержится после казни главарей больше двух поколений.

Холройд спокойно слушал, затем взял кубок, стоявший рядом. Нир был еще горячим, и это доставило удовольствие. Он отхлебнул несколько глотков и удивился, вкус напитка оказался странным. В мозгу стали возникать фантасмагорические картины. Мужчины... Женщины... Их души, раздавленные катастрофой, отброшенные назад, в старые времена. В мрачные могилы, без надежд выбраться из них, пока золотоволосая богиня продолжает жить. Пока замки с принцами, лордами, императорами продолжают охранять власть над людьми. Рабство без проблеска надежды. Все это напоминало ад. АД!

Он почти физически ощущал схватку сознания с воображением. Мозг яростно, словно конь, закусивший тугие удила, рвался к познанию истины, которой не было. Ее просто не могло быть. Но он боролся.

Богиня продолжала говорить:

— Наверное, ты прав. Всех сразу подвергать наказанию может и не нужно. Но здесь есть страница, которую тебе следует все же подписать. Инезио, я этого хочу. Это необходимо! Каждое имя, внесенное туда, принадлежит убийце. Пока они живы, законы попираются. Народ презирает мое правительство за нерешительность. Ты подпишешь эту страницу, не так ли?

Холройд не шелохнулся, и она повысила голос:

— Инезио! Не заставляй меня злиться. Ты же знаешь, кто дал власть тебе, всем министрам, принцам и генералам. Правьте народом, но самые важные решения принимать буду я. И это — одно из них. Ты должен подписать этот лист.

Ответ Холройда прозвучал тихо, но уверенно.

— Подумай. Ты хочешь успокоить души людей, но решение убить столько людей может лишить веры тех, кто еще не потерял ее навсегда.

Инезия вскочила, схватила стеклянную ручку в форме пера скрира, ткнула ею в раскрытую страницу и воскликнула:

— Подпиши здесь!

Она вырвала страницу из книги, что-то написала на полях и подвинула скомканный лист к рукам Холройда.

— Я даю им отсрочку казни на шесть месяцев. Всем! Пиши!

Не выдержав ее взгляда, Холройд взял стеклянное перо, прочитал новую надпись. Действительно, казнь откладывалась на полгода. И он подписался именем Инезио под колонками имен.

Через шесть месяцев он будет сидеть в божественном кресле. Он станет Пта, а может, погибнет вместе с Богом. Из тысячи восьмисот страниц он подписал только одну. Пожалуй, это был самый безобидный вариант развития событий. Удалось спасти даже больше людей, чем он рассчитывал.

Палец коснулся лба Холройда. Голос богини снова стал ласковым:

— Пошли со мной, принц Инезио!

ГЛАВА XIII
ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ

Холройд ожидал чувства боли, но оно не возникло. Текли секунды. В сознании родилось ощущение полета с огромной скоростью. Все быстрее... быстрее... и вдруг остановка, такая резкая, что дыхание перехватило. Он смотрел с высоты на горную страну.

Горы, горы... вулканы. Огнедышащие жерла кратеров извергали клубы грязного дыма в пасмурное небо. Сотни пиков, сотни вулканов... Везде, где глаза видели землю, картина была одинаковой. Из черных трещин в истерзанной земле клубился желтоватый пар.

Нуширван, — подумал Холройд. Тут же в мозгу появилась боль. Сюда не надо посылать людей. Приглядевшись, он понял, что не совсем прав. Внизу была не безжизненная земля. Склоны гор у подножий зеленели ви-

ноградными плантациями, фруктовыми садами. Люди жили в этой стране и не умирали. Достаточно большая армия способна покорить эту страну. Где же жилища? Вот они, у берегов горных рек, в долинах, рядом с плантациями. А там впереди, на горизонте, большой город. Крыши домов, шпили соборов, башни крепостей. Мозг требовал:

— Надо лететь туда! Сейчас!

Так же мысленно пришел ответ:

— Это невозможно. Я не могу пересечь реку кипящей грязи.

— Почему?

На сей раз ответа не было. Холройд сам пытался понять... Река кипящей грязи! Эти слова породили в голове неприятные воспоминания. Как он не заметил этого раньше. Всю долину, которая была под ними, пересекала змееподобная темно-серая лента, шириной около четверти мили. С высоты не было заметно бешенство воды, несущей Бога. Страшная река. Сюда не надо посылать людей. Преодолевая сопротивление, в сознании возникла мысль о мосте. Воображение нарисовало картину как по понтонам, словно танковые колонны, идут тяжелые гримбсы с наездниками, марширует пехота. Летают скриры. Каждый солдат, и тем более офицер, во Вторую мировую преодолевал еще более опасные реки, да еще под огнем артиллерии и бомбами врага. А в Гонволейне нет бомб и снарядов.

Маршрут путешествия умов проходил вдоль реки, кипящей грязью. Судя по ощущениям Холройда, они с богиней летали со скоростью не менее четырехсот миль в час. Пейзаж внизу менялся достаточно быстро. Интерес к познанию предстоящего поля боя не угасал. Сначала река текла на запад. Сейчас полет продолжался в северном направлении. Река змеилась, но общее направление движения было почти круговым. Поток кипящей грязи большим кольцом окружал столицу Нуширвана. Для командующего армиями это была ценная информация, но почему этот барьер не может преодолеть Инезия?

Время летело вместе с ними. Солнце уже опускалось за горизонт. Его лучи рисовали отчетливые тени от горных вершин, долины и ущелья погрузились во мрак. Ужасная страна, здесь не хочется жить вечно.

Снова налетел вихрь, такой же, как в начале полета, и Холройд очутился в апартаментах принца Инезио. Путешествие умов завершилось, но тайна реки кипящей грязи не была открыта.

В зале уже было сумеречно. Огромные окна выходили на восточную сторону дворца-крепости. Кресло скрипнуло под весом тела Холройда. Богиня, сидевшая напротив, смотрела на своего спутника с забавной улыбкой на губах. Ее глаза были безмятежны.

— Ну вот ты и познакомился с окраинами Нуширвана. От того места, где мы были, недалеко до страны Зард — Аккадистана. Путешествие умов дало знания, которые будут нужны на войне.

Холройд понимал, что армии Гонволейна, привыкшие к плоскогорьям, не сразу приспособятся к действиям в горах. Но тайна реки его беспокоила. Что из увиденного было новостью для принца Инезио? Что он уже знал раньше?

Принц Инезио задавал богине много лишних вопросов о Нуширване. Она нехотя отвечала. Наконец, прозвучал вопрос:

— Эта река кипящей грязи... Почему мы не могли пролететь дальше ее берегов?

Женщина тряхнула головой. Золотистый ореол волос испустил снопы искр. Голос Инезии был нежен и ласков.

— Есть вещи, дорогой Инезио, о которых даже ты не должен спрашивать. Да и мои возможности сейчас не беспредельны.

Она встала. Обошла вокруг стола. Теплые и мягкие руки обвились вокруг его шеи. Сначала губы показались холодными, но они быстро согрелись. Вопросы, роившиеся в мозгу растерянного Холройда, улетели во тьму, которую не освещали золотые локоны. Он думал:

— Не сейчас. Обдумаю все потом... Богиня...

Холройд взял ручку-перо и начал писать:

"Величайшим могуществом в Гонволейне сейчас обладает богиня Инезия. Перед тем, как был убит Пта, она принесла его сюда. Как это произошло, мне показали".

Написав этот абзац, он почувствовал удовлетворение. Возможность видеть эту истину написанной придавала уверенности. Весь вчерашний день он пытался обрести уве-

ренность в себе. Каждое утро замедляло течение времени. Надо спешить.

Холройд сидел за письменным столом и обдумывал, что надо сделать. Будничная обстановка позволяла не отвлекаться и размышлять спокойно. Казалось, его положение начинает проясняться.

Лоони послали против ее воли вернуть Пта в Гонволейн, и она сделала это. Так все началось. Если все воспоминания записать, то из этой мозаики можно сложить всю картину. Надо писать дальше.

"Вторым величайшим могуществом в Гонволейне, правда, очень ограниченным, обладает Лоони. Она сорвала попытку богини Инезии лишить Пта защиты от опасности. Как это было, мне показали..."

Холройд перестал писать. Нет, ему не показывали этого, только сказали, и то не обо всем. Он тихо присвистнул и начал писать, макая стеклянное перо в чернильницу и уже не сомневаясь в своих догадках.

"Женщина, которую я принимал за Лоони, конечно же, была Инезией. Значит, то, о чем мне говорила принцесса Гия, крестьянка Мора, жена маршала Нанда — лишь искаженная картина истины, может, даже ее полная противоположность. А та, худая и грязная женщина с темными волосами, которая стремилась убить Пта и не могла говорить обо всем до конца, должна быть настоящей Лоони. Она дала перстень власти".

Холройд бросил перо и вглядывался в написанные слова. Он был потрясен. Тысячи новых вопросов теснились в голове, требовали ответа, приводя в изумление...

"Зачем... Зачем они поступают так, как поступают?"

Ответа на этот вопрос не существует. Инезия не пожелала дать ключ к разгадке всех тайн. Так она и должна была поступать. Пта готовился вновь слиться со своим народом, и он был не глуп. Он сохранил свою защиту. Защита имеет несколько уровней. Холройд стал их выписывать на листы бумаги.

"Первый: Пта позволил пробудиться личности человека, чье воплощение достигло Гонволейна. Он вернул Холройду сознание. Для Бога это слишком низкий уровень. Но Пта пожелал этого. Такова первая защита.

Второй: Область тьмы должна быть показана. Не зная истинного пути, Пта не может быть уничтожен как Бог.

Третий: Молитвенный жезл должен дать истинную, чистую силу.

Четвертый: Путешествие умов раскрыло простую вещь. Богиня не способна пересечь реку кипящей грязи, окружающую трон.

Пятый..."

Холройд задумался. В чем его смысл. Здесь нельзя ошибаться. Инезия добивалась еще чего-то и очень настойчиво...

Домик в джунглях и желание овладеть крестьянкой Морой... И здесь, во дворце, она добилась своего. Холройд понимал, что это произошло помимо воли, но очень естественно. И это понятно.

Секс был великой основой жизни. В мире людей, если не нарушать гармонии чувств, то женщина становилась богиней, мужчина — богом. В мире, где секс способен на это, он может быть силой, дающей власть над любым народом, даже если в нем пятьдесят четыре миллиарда индивидуальностей. Мужской характер склонен к возданию всяких почестей героям, королям. Они не всегда верят в существование богов, но боготворят любимых. В этом и состоит пятый уровень защиты.

"Шестой: Он связан с книгой смерти, именами людей, которых так хочет казнить Инезия. Иначе она не была бы так настойчива, когда требовала подписать хотя бы один лист."

Холройд нахмурился. Озарение пришло внезапно, молнией сверкнув в сознании. Острая боль пронизала тело. Как безумец, он вскочил и заметался по апартаментам принца... Вот эта страшная книга. Все имена по алфавиту. Как мелко написано. Где буква "Л"? Он прав? Страница вырвана здесь. Предыдущая кончается именем Линра, следующая начинается неким Лотибаром.

Он не ошибся. Его заставили подписать приговор Лоони. Мрачный и растерянный, Холройд старался оценить последствия своего поступка. Только слабая надежда теплилась в сознании. Он все же добился отсрочки казни на шесть месяцев.

Медленно приходило понимание, что не все потеряно. Он еще не садился на божественный трон. Река кипящей грязи не подвластна Инезии. Что же делать с нападением на Нуширван?

Стук в дверь прервал его рассуждения. Женщина-стражник доложила:

— Маршал Горо передает слова почтения принцу Инезио и желает сообщить, что генеральный штаб готов отправиться на Нуширванский фронт.

Надо было действовать так, чтобы найти выход из дворца, не заблудившись в лабиринте его коридоров. Принц Инезио не может так оконфузиться. И Холройд громко произнес фразу, придуманную заранее.

— Пришлите сюда эскорт для торжественного отъезда на войну. Отправление немедленно.

Стражницы бегом удалились, а он вернулся в комнату, где писал, собрал заметки и застыл на месте, пораженный мыслью, пришедшей только сейчас. Мозг медленно наполнялся холодом и решимостью. Он обошел стол, сунул руку в нишу, где по настоянию Инезии оставил таинственный перстень и спрятал его в карман. В большом зале Холройд забрал огромный том со списком заговорщиков. Книга могла еще пригодиться.

В сознании возник образ Бога, способного нести смерть. Проживший столько веков, Пта не мог быть так глуп, чтобы не расставить западню для бунтовщиков. Значит, надо продолжать действовать по выработанному плану, пока не придет более мудрое решение проблем.

Напасть на Нуширван. Захватить так называемый божественный трон, но не садиться в него. Хотя можно и сесть, если не будет другого выхода. Времени мало и пора действовать. Осторожность не выигрывает сражений. К тому же иного плана в сознании просто нет.

ГЛАВА XIV
ТРИУМФ ЗОЛОТОВОЛОСОЙ БОГИНИ

Ручей струился и пенился. Лоони сидела на траве, пытаясь привести в порядок волосы. Мокрая одежда лежала рядом, а худое, долговязое тело, пережившее смерть, пе-

реливалось коричневыми и белыми бликами. Рассматривая свое отражение, Лоони удовлетворенно улыбалась.

Тело, которое она заняла почти неделю назад, успело загореть и уже не напоминало о судьбе его прежней хозяйки. Теплое солнце и божественный дух превращали утопленницу в миловидную девушку. Волосы, так тщательно вымытые и приглаженные гребнем, сверкали темным сиянием. Зеленые глаза смотрели более уверенно, и вода отражала их, будто два изумруда, сиявших мягким светом. Лицо...

Лоони вздохнула. Она сделает его получше, но... слишком выступают скулы. Девушка будет выглядеть простушкой.

Все еще вглядывалась Лоони в свое отражение, но ощущение присутствия чужого духа внезапно заставило поднять голову. В десяти футах от нее, над водой из ничего возник голубой смерч. Вращающийся сгусток цвета и света уже отбрасывал тень и становился менее прозрачным, приобретая форму женского тела. Из ничего возникла Инезия. Маленькое, изящное, обнаженное тело пульсировало, проходя материализацию на отмели. Вода у ее ног бурлила. Ручей боролся с новым препятствием нехотя и без надежды на успех.

Не спеша Инезия вышла на берег и села в двух ярдах от своей соперницы. Лоони насмешливо смотрела на золотоволосую богиню, которая презрительно произнесла:

— Дать ему перстень власти, и ты думаешь, что это разумно?

Лоони пожала плечами. Она хотела ответить, но передумала, поняв, что вопрос прозвучал чисто риторически. Инезия пришла не спрашивать, а утверждать. В выражении лица богини кроме безмятежности было и торжество. Поэтому в ответ на вопрос она также спросила:

— Значит, он подписал приказ о моей смерти. Я ждала твоего появления именно сейчас. Сколько моей жизни еще осталось, дорогая Инезия?

Безмятежность богини рассыпалась звонким смехом.

— Неужели ты надеешься, что я отвечу?

— Тогда я буду продолжать бороться, будто этого не случится никогда.

Видеть, как с изнеженного лица Инезии исчезает выражение самодовольства, было приятно. Маленькая, но победа. Она ответила грубо и надменно:

— По крайней мере, истинное тело я могу уничтожить в любое время, если пожелаю. Хоть сейчас.

Чувство победы угасло. Лоони с трудом произнесла:

— Ты хочешь сказать, что оно еще существует?

Она дрожала, похолодев от ужаса. Истинное тело! Глупо даже надеяться спасти его. Сейчас она не может свободно покинуть новое. Ему не помочь. Лоони была уверена, что ее божественное тело, которое так любил Пта, уже не существует. Поэтому все свои планы она строила, учитывая реальное положение дел... Тело, в котором был полюс божественного могущества, еще не уничтожено. Надо его вернуть, надо действовать быстро и решительно. И она хмуро произнесла:

— Ты умнее, чем я предполагала. Но, дорогая Инезия, тебе не хватило мудрости понять главное. Я буду жить или умру вместе с Пта.

— Вы оба умрете... и очень скоро, — холодно сказала златовласка. — Пять чар из семи уже разрушены. Кажется, Пта уже чувствует опасность, но это теперь не имеет значения. Он попал в мою сеть, скоро падет и шестая защита. Моя маленькая хитрость сработает, любая его мысль может быть полностью независимой. Тем более, что эта идея уже давно вошла в сознание Пта. Новый план действий для него в действительности не нов. Идея в голове Пта возникла по моей воле, и он осуществит ее через день или два. Ты понимаешь, что все твои надежды на вернувшуюся свободу и крохи божественной силы — напрасны?

Лоони устало села. Беседа с глазу на глаз с соперницей могла вести к победе, и прерывать ее не стоило. Она позволила молчанию продлиться, пока не почувствовала возвращение уверенности. Ее преимущество было настолько мало, что почти не помогало бороться с хитрой соперницей. Неделя, которую она провела у ручья в ожидании визита богини, позволила укрепить новое тело, но подавляла волю. Нельзя было отходить от воды, которая позволяла быстрее и с меньшей потерей сил вернуться в истинное тело.

Помогал и характер Инезии. Она всегда была тщеславной, смешно хвасталась даже маленькими победами, надеясь унизить Лоони. Такие беседы помогали сохранить волю и силу духа закованной в цепи сопернице, но Инезия не могла отказать себе в удовольствии унизить соперницу. Так же было и сейчас.

Лоони спокойно сказала:

— Честно говоря, я не верю, что он способен организовать вторжение так, как это надо. Горы, вулканы, совсем не та война, которую он знает. С большими потерями и мучениями ты семь раз попытаешься добраться до трона Пта, и семь раз армия Гонволейна потерпит неудачу.

Инезия нетерпеливо отмахнулась. В ее голове появились интонации триумфа, и Лоони уловила изменение.

— Через день или два, — сказала Инезия, — мой план осуществится. Можешь не сомневаться...

Лоони подумала, что так уверенно Инезия может говорить о будущем только в случае, если оно уже стало прошлым... Или настоящим.

Или настоящим.

— ... Во второй день пребывания на фронте Пта собрал десять тысяч маршалов с женами и долго рассказывал, как следует воевать. Я была одной из жен и знаю, что выбранная стратегия должна привести к победе. Он значительно увеличил количество скриров и гримбсов на передовой линии. Это имеет смысл...

Инезия прервала свои откровения о новой тактике и стратегии армии, улыбнулась и продолжала слащавым голосом:

— Только ты, дорогая Лоони, можешь понять, что это означает. Но твой язык опечатан, не так ли милая? Ты все поймешь, когда услышишь ключевое слово — АККАДИСТАН. И я тебе говорила об этом раньше.

— Дьяволица! Ты убийца! Это подло! — с яростью вскричала Лоони.

В ответ прозвучал звонкий смех, переходящий в сатанинский хохот. Сомнений в безнадежности души и разума Инезии не могло быть. Золотоволосая богиня, ведущая своего мужа и соперницу по дороге смерти, воскликнула:

— Какие мы сентиментальные! Что можно поделать с этим, если всем человеческим существам судьба уготовила смерть еще раньше, чем они родились.

Инезия разлеглась на зеленой траве, раскинув волосы среди цветов. Ее совершенное тело купалось в лучах утреннего солнца. Глаза, напоминавшие голубые льдинки, смотрели на долину, простиравшуюся до северных холмов. Убегающий в глубину пейзажа ручей был достаточно широк. Недалеко стоял огромный скрир Лоони и мелодично погружал свою голову в поток, каждый раз вынимая серебристо-белую рыбу. Длинная шея птицы при этом резко выгибалась, и улов исчезал в клюве.

Лоони сначала показалось, что она может прочесть мысли соперницы, следившей за птицей. Но затем она поняла:

Золотоволосая богиня не пытается прогнать птицу, а думает о решении более сложной задачи. Инезия вздохнула и произнесла с досадой:

— Плохо, что Пта инструктировал армию после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. В его действиях чувствуется уверенность, но и нетерпеливость. Мятежники поверили в серьезность предстоящей войны. Даже я была удивлена его смелым замыслом и манерой отдавать приказы всей огромной армии. Сомневаюсь, что человек Холройд не осознает пределов своей власти. Он наверняка понял, лишь полу-Пта способен был ее получить. Но это уже не важно. Мятежники потерпят поражение благодаря моей небольшой хитрости.

Взгляды женщин встретились. Лоони понимала, что благодушие соперницы не искренне.

— Хитрости? — эхом отчаяния прозвучал ее голос.

— Вчера он отправился с мятежниками офицерами и художниками изучать с воздуха район предстоящей атаки на врагов. Они летели на скрирах, рисовали карты и расположение войск. Сегодня они поедут туда же на гримбсах, уточнять детали.

— Но я не понимаю...

— Поймешь, дорогая Лоони, когда я скажу, что два дня назад в руки бывшего генерала мятежников, а теперь маршала Маарика, попали донесения. Их, якобы, принц Инезио написал мне сам. И он уже знает, что настоящей

войны не будет. Будет только небольшая стычка, где погибнут почти все мятежники, — Инезия лениво поднялась, сверкнув волосами, и продолжила. — Мятежники сегодня утром начнут действовать... И моя хитрость разрушит шестую защиту Пта. Это случится сегодня утром, а вечером божественный трон будет в моей власти.

— Я тебе предоставила на время определенную власть и свободу. Будь счастлива мыслью, что моя спешка связана с тем, чтобы помешать тебе вмешаться в ход событий и не позволить чинить препятствия. Прощай, дорогая!

Она вступила в ручей и исчезла.

Долго смотрела Лоони в то место, где только что была жестокая соперница. Неделю она дала своему новому полуживому телу, чтобы вернуться к жизни. Какой долгой оказалась эта неделя.

Одеваясь, Лоони размышляла о дальнейших действиях. Пта успел приготовиться к войне раньше, чем она предполагала. Надо действовать быстрее. Ее план помощи Холройду-Пта в незнании истины надо приспособить к новой ситуации. Сейчас главное найти Пта. Где бы он ни был, надо найти его немедленно. Штаб мог быть на центральных холмах, противостоящих Нуширванскому городу Триа. Где-то в этой огромной долине среди огромного скопления людей и боевых животных был Пта. ОН В ОПАСНОСТИ.

Лоони завязала сандалии, жестом подозвала скрира, и через минуту птица унесла ее в небо, на север.

Нападение на Нуширван состоится. Но оно не будет логичным. Месть настигнет владыку Аккадистана и Нуширванскую армию, которая похищает граждан Гонволейна. Подлости нет прощения. Великая война начнется через месяц.

Потрясение прошло. Мрачный Холройд спокойно сидел на спине гримбса и смотрел на приближавшегося противника, который вовсе не спешил, видимо, уверен в успехе своего десанта. До первых шеренг оставалось около полумили.

Сегодняшнее могущество Бога Пта не способно было изменить ситуацию. Но он не должен попасть в плен. Надо дать понять этим болванам, что гонволейнской армии необходимо еще три, даже четыре месяца, чтобы подгото-

виться к победоносной войне среди гор и вулканов. Нужно накопить здесь огромные запасы продовольствия, увеличить в несколько раз число грузовых гримбсов и скриров. Горы можно покорить только хорошей организацией снабжения армии, прочным тылом. Жуткие жерла вулканов, пузырящиеся темные зыбучие пески. Кто из этих новоявленных генералов способен организовать марш миллионов животных с грузом через труднопроходимую горную страну? Холройд засмеялся.

Полковник вновь заговорил.

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Их на пятьсот человек больше. Вы не сможете вырваться из этой западни.

Краем глаза Холройд уловил движение на крутом склоне по правую руку. Всадники уже спускались вниз и исчезали среди зарослей. Маневр, достойный подражания. Слева тоже перерезали путь в ущелье. Кольцо смыкается. Противник использовал свое численное преимущество наиболее разумно. Они знают, что Пта не будет идти на прорыв со своим штабом. А одному не вырваться.

Изменить ситуацию вряд ли возможно. Холройд еще раз оценил позицию и определил, что есть два варианта поведения. Он развернул своего гримбса и направился к молодому офицеру, который внимательно следил за противником. Офицер заметил это движение и стал следить уже за Пта, при этом он улыбался. Улыбка положила конец надежде на первый вариант. Поэтому Холройд остановился и крикнул:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассыпаться во всех направлениях. Попробуем сбить с толку этих нуширванцев. Может, кто-нибудь и сможет вырваться из кольца.

Все сопровождавшие принца дружно засмеялись, а маршал вежливо ответил:

— Господин, этим людям сложно приказывать. Вы же знаете, в штабе отборные люди. У каждого из них сестра, брат или мать с отцом в плену. Они знают, Нушир недоверчив, и убеждены, что, пожертвовав собой, они погубят и родных. Если же вы сдадитесь, то это другое дело. Подумайте, как люди с такими мыслями исполнят мой приказ, если он прозвучит громко и от имени великого принца Инезио.

Холройд молчал. Он не знал, как живут родственники мятежников в плену, о чем думают жители провинции Нуширвана, которая раньше принадлежала Гонволейну. Именно эта провинция и послужила началом распри народов. Нельзя не учитывать, что мятежники сейчас так же будут напористы, как немцы во Вторую мировую после первых успехов.

"Нападай на Нуширван", — предложила Лоони. Она действовала коварно. Сначала подала эту мысль, затем пыталась отговорить от нападения, что и дало убеждение в необходимости вторжения. Все ее поведение было обычной хитростью, заставившей Пта самому принять решение о войне с Нуширваном.

Ближайшие всадники были всего лишь в трех сотнях ярдов. Надо торопиться, найти того, кто поможет осуществить второй вариант спасения. Холройд уже открыл рот и хотел подать команду, но заколебался. Все тело ощутило предстоящее чувство, которое Пта хранил в памяти. Он почти физически переживал неприятное ощущение.

Всадники приближались. Оставалось не больше ста ярдов, и Холройд решился.

— Воины Гонволейна! Кто из вас способен пронзить мое сердце стрелой?

Никто не ответил. Блестяще экипированные офицеры только переглядывались между собой, смотрели на приближающегося противника и не двигались с места. Наконец заговорил тот же полковник:

— Видите ли, принц, мы обещали передать вас живым. Только в этом наша надежда.

Чувство безнадежности положения покинуло Холройда. Он решился. Тело пронизал холод, но похищения Пта допустить нельзя. Другого выхода не было. В прошлый раз смертельный удар привел его в ярость. Как будет сейчас?

Он видел, что полковник держит в руках тонкое копье из прочного дерева с каменным наконечником. Офицер уже знал его желание, но Холройд направил своего гримбса к нему. Борьба между ними была короткой. Глаза полковника широко раскрылись, когда копье было вырвано из его рук, точно у слабого ребенка. Холройд торжествующе вскрикнул, копье в его руках совершило несколько кругов, со свистом рассекая воздух.

Тысяча врагов приближалась. Время неумолимо уходило, и Холройд-Пта с силой вонзил копье в свою грудь. Наконечник пронзил сердце человека-Бога, и в глазах потемнело.

Первое мгновение боль была ужасной. Затем агония прекратилась. Холройд ощущал вес копья в том месте, где оно пронзило кожу. Ощущение было омерзительное, но он терпел сколько мог. Только позволил туловищу откинуться на круп животного и медленно сползти набок. Ноги остались в стременах, а руки по-прежнему крепко держали кожаные поводья. Кто-то совсем рядом разразился отборной бранью, он говорил по-гонволейнски.

— Так вот как вы решили передать принца в наши руки. Нушир отплатит вам за это сполна. Не отпускайте этих грязных предателей.

Голос полковника ответил:

— Мы не виноваты. Вы сами видели, как он отнял у меня копье и закололся. Кто мог подумать, что этот изнеженный любимчик богини поступит таким образом.

Холройд невольно проникся симпатией к этому человеку. Недовольные заговорщики были правы. Какая еще группировка решилась бы восстать против бессмертной женщины, религиозного рабства, поддерживаемого могущественными владыками замков Гонволейна. Каждый, кто решился на это, был готов к своей смерти и не верил в мужество принца.

Вождь нуширванцев проревел:

— Живого или мертвого, но мы заберем этого наглеца. Пора отсюда уходить. Ждать здесь я не намерен. Вперед!

Холройд слышал, как тяжелые когтистые лапы царапали землю. Гримбс бежал во всю прыть, ломая кусты, не огибая холмы и овражки. В голове кружилась только одна мысль:"Никто не додумался вынуть копье из груди". Оружие болталось из стороны в сторону. Не может же оно торчать весь день в его сердце. Тело и дух Пта должны быть гармоничны, надо что-то сделать.

Полуоткрыв глаза, Холройд смотрел в небо, покрытое редкими облаками. Поза была неудобной и не позволяла расслабиться. Вдруг на его лицо упала тень. В небе летел одинокий скрир с наездником. Если бы этот глупец на птице мог понять, что случилось внизу, может, он и успел

бы прислать подмогу, перекрыть подступы к границе. Но птица продолжала лететь на север и, наконец, исчезла из виду.

Как же избавиться от копья? Холройд стал потихоньку сползать вниз, будто мертвое тело не могло удержать равновесие на широкой спине гримбса. Он стремился занять такое положение, чтобы рука дотянулась до древка. Затем начал продавливать каменный наконечник глубже. Вернулась боль и отвращение к происходящему. И вот уже копье царапает спину животного. Гримбс споткнулся и сбился с темпа.

Холройд наблюдал сквозь веки за мятежниками, скакавшими рядом. На него обратили внимание. Сквозь боль в мозгу прозвучал чей-то голос:

— Прекратить движение! Эй, ты, вытащи копье. Еще немного и он свалится, а гримбсы затопчут труп так, что никто не узнает принца Инезио.

Омерзительное ощущение исчезло. Холройд ликовал. Вечером он убежит. Темнота поможет обмануть стражников, а силы хватит справиться с десятком людей. Тут раздался крик:

— Командир, смотри! На копье нет крови. Тут что-то не так.

Гримбс остановился. Чьи-то грубые руки стащили тело Холройда на землю и стали ощупывать. Самодовольный голос командира произнес:

— Так я и думал. Нет даже раны. Любовник богини решил пошутить с нами. Вставайте, принц Инезио. Мы знаем, что вы не мертвы.

Не говоря ни слова, Холройд поднялся с земли и взобрался на своего гримбса.

Все нуширванцы вокруг были рослыми и сильными мужчинами. Многие носили усы или бороды. Отборная группа, подумал Холройд. Они должны были смеяться над неудачной хитростью принца Инезио. Но никто не смеялся. Все смотрели на принца с удивлением, но никто из этих силачей не хотел встретиться взглядом с Холройдом.

Отряд снова двинулся в путь. Странная реакция на оживление человека, чье сердце было пронзено копьем. Надо сделать их своими друзьями. Но как? Поведение не-

знакомых воинов не было естественным и предсказать их поведение трудно.

Длинная колонна гримбсов преодолевала вершину очередного холма. Кто-то подал Холройду плетеную корзину с фруктами, другие пленники еды не получили. В корзинке было три вида фруктов. Один из них был незнаком. Круглый плод со шкурой красного цвета, которая снималась как с банана. Толстый, мягкий, около трех дюймов в диаметре. Вкус, как у винограда, и совершенно без запаха. Ни хлеба, ни другой пищи, кроме фруктов, в корзинке не оказалось.

Увидев, что к нему приблизился нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и с улыбкой произнес:

— Если хотите есть, то берите это. Я могу обходиться без пищи... семьсот лет.

— Пошел ты в Аккадистан! — выругался офицер.

Уже смеркалось, а караван пленников все шел вперед. Холройд так и не притронулся к пище. Голодные люди в ней нуждались больше, чем полубог. Но поделиться фруктами можно было только с гримбсами. Холройд обратился к тому, чье имя успел узнать в пути:

— Генерал Ситейл, известно ли вам, сколько пути осталось до реки грязи?

Худой мужчина, лет сорока, с ястребиным носом неохотно ответил:

— Мы достигнем ее раньше, чем стемнеет. Через реку перекинуто двенадцать мостов. По одному из них мы переправимся. Тогда до города Триа останется восемь канб.

Холройд спокойно кивнул в знак благодарности за исчерпывающий ответ. Но в мозгу возникло ощущение беспокойства. Что означает невозможность пересечь реку кипящей грязи для Инезии? Даже в путешествии умов она не способна на это. Надо быстрее понять, что за этим кроется.

Он изучал профиль нуширванского генерала. Весь его вид показывал, что он не намерен вступать в беседу с пленником. Время уходило. А время — это единственное, чего не хватало Холройду-Пта.

Горы вокруг становились выше, чем в начале путешествия. Новые вершины были более острыми, почти не по-

крыты растительностью. Густой смог, извергаемый вулканами, струился по ущельям. Этот мрачный пейзаж гримбсов монотонно издавал гулкие звуки. Холройд решил еще раз поговорить с офицером:

— Клянусь, что не притронусь к еде. Если не хотите есть сами, то отдайте другим воинам, которые не будут знать, что это моя доля. С едой нельзя передать ненависть или предательство.

На этот раз генерал Ситейл взял корзинку и передал ее другому. Холройд не стал следить, кому досталась пища, он продолжил разговор:

— Скажите, если я поклянусь, что прибыл на фронт сражаться до победы и завоевать столицу Нуширвана, то изменит это ваше отношение ко мне? Вы же гонволейнцы из этой провинции, которая сейчас принадлежит Нуширу. Я не ошибся?

— Можете произносить любые клятвы. Все знают, принц Инезио — марионетка в руках богини Инезии.

— Вы правы, — мрачно ответил Холройд, — но я не принц Инезио. Слушайте и верьте, я — Пта.

Генерал внимательно глянул на собеседника, но тут же рассмеялся:

— Хорошо сказано. Но это неправда. Никто не может убедить нас, что эта личность существовала когда-либо. Тем более, это не может быть правдой сейчас. Смотрите, впереди уже река кипящей грязи. Сегодня поздно вечером мы будем в городе Триа.

Когда гримбс топтал каменный мост над рекой, Холройд чувствовал тепло, исходящее из кипящего болота. Караван пересек реку кипящей грязи и углубился на территорию Нуширвана. Пта в плену.

ГЛАВА XV
ГОРОД ТРИА

Как только последний гримбс каравана пересек реку, в сознании Холройда-Пта стало расти чувство радостного возбуждения. Он подумал — так мог радоваться человек, не знающий, что находится на пути к камере пыток.

Мрачная аналогия не задержалась в мозгу, она не была связана с конкретными фактами. Доминировало предчувствие глобальных и великих событий. Мог ли простой смертный человек желать большего. Попасть в двухсотмиллионное будущее Земли и жить в фантастическом мире, как полубог. Сознание Холройда не вмещало все происходящее.

Пта! Могущественный Пта! Если сможет он вернуть великую власть, которой владел раньше, то цивилизация власти лордов-принцев рухнет. Мрачные замки не будут больше тюрьмами для людей.

Мозг трепетал. Чувства, охватившие Холройда-Пта, не были ему знакомы. Они родились после перехода через мост. Сидя на широкой спине гримбса, Холройд постарался расслабиться, очистить мысли от суетных устремлений. Он ждал, высматривал по сторонам знак судьбы, означающий новую, ужасающую силу его личности. Но ощущал только неуклонное движение грузного животного вперед. А впереди неизвестность.

И снова ярость от бессилия охватила полубога. Молнией ударила в мозг мысль о перстне власти. Он нащупал перстень в кармане, вынул его. Как этот кусочек металла мог помешать Инезии? Он пытался вспомнить подобный сюжет из сказок, слышанных или прочитанных в детстве. Криво ухмыльнувшись, Холройд надел перстень на палец, трижды его повернул и громко произнес:

— Повелеваю властью перстня немедленно перенести меня в штаб армии Гонволейна...

Ничего не произошло, и Холройд закатился от хохота. Его рассмешила яростная наивность Пта, гнев исчез. Так и должно было случиться. Божественная сила — это не просто фокус-покус. Она может вырасти только из глубинных, наиболее устойчивых и сверхэмоциональных чувств человека.

Когда-то, давным-давно, король по имени Пта ощутил в себе состояние гениальной божественности. И он смог его сделать реальностью. Это случилось, когда первый вассал пал у ног первосвященника. Бога сделали люди, и некоторые из них помнили об этом.

Как только катастрофическая сила была открыта, то люди с мечами, помня о происхождении величия Бога, на-

чали яростно сражаться за право на власть. Они надеялись подчинить удачу силой оружия. Однажды открытая великая сила не могла исчезнуть, но надежда трансформировать ее, взять в свои руки жила века. Новый божественный правитель занимал место свергнутого. Эта сила никогда не исчезнет из мира людей. Она родилась навечно. Пта верил, что успокоение он может найти, только слившись с расой, которая верила в него, делала Богом.

Почему Пта натворил столько глупостей по дороге к цели? Холройду казалось, что он способен найти ответ на этот вопрос. Но ответ не возникал в сознании. Мозг безмолвствовал. Рой вопросов нарастал, становился бесформенным и колебался в такт шагам гримбса.

Караван конвоиров и пленников поднимался все выше и выше в город.

Холройд уже видел замок. Он без удивления осознал истину, что эта провинция Нуширвана раньше была частью государства Гонволейна. Перед ним был первый замок Пта. Вот почему трон власти находится здесь.

Замок построен из темного камня, высокие башни венчали не шпили, а купола, будто старая ведьма сидела, поджав колени, среди игрушечного города на склоне холма. Место, куда стремился Пта, в воображении Холройда представлялось иначе. Сначала это мешало, но затем в голове начался процесс осмысления. Холройд-Пта начал разрабатывать тактику и стратегию штурма мрачной крепости.

Армия не имеет осадной артиллерии. Значит, эскадрильи скриров должны высадить десант. Волна за волной с неба будут прибывать войска. Надо нарушить сообщение между башнями. Пусть каждая крепость или фронт защищаются в одиночку. Главное — провести всю операцию внезапно и действовать решительно. Можно за три дня до штурма крепости войти в город колоннами гримбсов и парализовать коммуникации врага. В исторических книгах сказано о семи штурмах, но ни один из них не похож на этот план. Хорошо, что несколько высших маршалов уже в курсе дела.

Тени в долине заметно удлинились. Кроваво-красное солнце погружалось в жерло курящего на западе вулкана. Оттуда к городу по дороге полз поток каких-то телег. Он

растекался среди фронтов, казарм и жилых домов, которыми был усеян каждый холм. Внезапно в их рядах появилось оживление. Затем весь конвой принялся громко кричать.

— Нушир! Нушир! Нушир летит в замок Триа! Нушир будет допрашивать принца Инезио! Слава Нуширу!

Минутой позже гримбс достиг вершины холма, откуда был виден весь город Триа. Нуширванцы свою столицу не называли так, но каждому это слово было знакомо. Один из офицеров как-то сказал, что этот город местные жители вслух именуют Уир, Уит или Уик. На военных картах Гонволейна по-прежнему писали Триа. Во всем Нуширване только два города были ближе к границе с государством, от которого откололась эта провинция. Но один из них был далеко на западе, другой так же далеко на востоке. Идея Инезии погубить мятежников в горах этого района толкала Холройда-Пта на кратчайшую дорогу к трону власти.

Город Триа начинался на небольшом плато и карабкался от этого центра на окрестные холмы и склон большого вулкана. В сумерках столица Пта была похожа на город из легенд Эйм. Темная, таинственно искаженная, необыкновенно смутная мечта древности.

Ветер донес шум города, сдул в сторону вонь навоза гримбсов и помета скриров и наполнил ноздри Холройда ароматом кухонь, другими запахами человеческого жилья. Они ощущались на каждой улице, у каждого дома. Растянувшийся по узким улицам конвой поднял облако пыли. Но воздух в городе был привычным и приятным.

— Принц!

Это крикнул генерал Ситейл. Холройд понял, что уже знает, о чем хочет спросить этот вояка с ястребиным носом.

— Там, у реки, вы назвали себя Пта. Почему же сейчас вы не используете свое могущество? Зачем была эта ложь?

Холройд ответил не сразу. Он забыл о попытке вырваться на свободу и сделать конвоиров своими союзниками. Он забыл, что сказал тогда на мосту этому генералу. Надо было объясниться, и Холройд попытался это сделать как можно более естественно.

Генерал Ситейл слушал его внимательно и с удивлением, наконец он воскликнул:

— Вы хотите сказать, что когда река кипящей грязи осталась у нас за спиной, то разрушились чары, не пускавшие богиню Инезию в Нуширван.

— Я не знаю, каким образом это происходит. Она не раскрыла мне этой тайны. Мой разум не смог прорваться через сеть интриг и провокаций.

Было уже темно, и собеседники почти не видели друг друга. Свет исходил от факелов, освещавших двери домов. В окнах было темно. Над городом стоял теплый туман. После марша под палящим солнцем в столице Нуширвана веяло холодом от каждой стены, каждого камня мостовой. Путешествие подходило к концу. Холройд спросил:

— Генерал, что со мной будут делать в первом дворце Пта?

Ответа на этот вопрос не последовало. Пауза затянулась так долго, что оба собеседника были смущены. Нехотя генерал произнес:

— Надеюсь, что вас вместе с остальными отправят в Аккадистан. Вы наверняка знаете, что Зард делает с похищенными. — Голос звучал иронично. — Правительнице Аккадистана нужны колонисты. Но еще ни один из похищенных не смог убежать из колоний. Мы думаем, что там не райская жизнь, подозреваем самое худшее, но никто не знает точно. Говорят такие невероятные вещи, что трудно поверить... Ваше утверждение о тождестве с Пта нас интересует независимо от того, сколько в нем правды. А сведения о мятежниках, которые посылают своих людей в тюрьму замка Линн, когда хотят, мы проверим. Жаль, что карлик Тар погиб, но мы найдем нужных людей. Так что мы поговорили не без пользы. А теперь, принц, разрешите ударить вашего гримбса. Мы отстали от конвоя.

Прибытие в замок прошло спокойно. Гримбсы выстроились вдоль стен, каждый знал свое место. Животное Холройда остановилось у парадного входа и замерло, позволяя седоку спуститься на землю. Стражники окружили пленника, но не позволили грубого обращения.

— Принц Инезио! Вас хочет видеть благородный Нушир.

По длинному мраморному коридору его ввели в огромный зал. Здесь на троне сидел мужчина, рядом с ним на креслах расположились две женщины. Остальные стояли.

ГЛАВА XVI
НУШИР НУШИРВАНСКИЙ

Нушир Нуширванский оказался крупным, упитанным молодым мужчиной с голубыми глазами. Почетные кресла его жен стояли чуть сзади огромного трона, оба по правую руку.

Когда Холройд вошел в зал, обе женщины непроизвольно переглянулись, шепотом перебросились парой фраз и снисходительно закивали. Одна из них была стройной и темноволосой, другая — пухлой блондинкой. Их жесты были такими слаженными, будто жены Нушира думали и говорили в полном согласии. Холройду стоило больших усилий перевести взгляд на владыку Нуширвана и сконцентрировать внимание на его словах. Не оборачиваясь, он понимал, что стражники закрыли за ним дверь.

Пухлый мужчина спросил мягким голосом:

— Ты действительно принц Инезио?

В этих словах ощущалось нетерпение. Нушир встал и сделал два шага навстречу пленнику. Глаза его были почти бесцветными, с голубоватым налетом, и смотрели без выражения. Холройд насторожился и ограничился кивком в ответ. Не было сомнения, что наследственный вождь отколовшейся провинции был в сговоре с мятежными офицерами только по захвату принца в плен.

— И ты не желаешь нападать на мою страну?

По каждому нерву Холройда пробежало понимание ситуации. Он, прищурившись, вгляделся в чересчур упитанного владыку. Такой допрос можно завершить в свою пользу. Если мнение жен может быть решающим, то через десять минут Холройд-Пта может из пленника превратиться в гостя. Он прикинул в уме ситуацию, которую следовало создать. Теперь было понятно, какие чувства окружающих могут привести к этому.

Бледно-голубые глаза излучали презрение, большие пухлые руки сжимали и разжимали пальцы, будто пытались схватить Холройда. Толстые губы обвисли, не давая закрыться рту. Тяжелые ноздри порывисто раздувались. Весь облик владыки раскрывал его мысли. Нушир Нуширванский жаждал узнать все о нападении на его страну. Прошлое вторжение окончилось неудачей для нападавших. Насколько серьезна новая угроза? Вот что волновало этого толстяка. Холройд произнес:

— Если вы предприняли меры к обороне столицы, то бояться нечего.

— Что ты имеешь в виду?

— Вторжение, — равнодушно сказал Холройд, — планируется провести только для успокоения бунтовщиков. Ваша армия могла уничтожить тех, кто призывает к войне. Доводить ее до конца никто не собирается. Захватив меня, вы сыграли на руку людям, жаждущим уничтожить лично вас.

— Он лжет! — Пронзительный голос эхом отозвался в каждом углу тронного зала. Это крикнула брюнетка. Она схватила своего мужа за руку и продолжала:

— Он слишком долго думал, прежде чем ответить. Видишь, как он ведет себя. Он что-то скрывает. Прикажи палачу допросить этого лгуна. Под пытками мы узнаем все.

— Неужели в Нушрване и Гонволейне одинаковые принципы управления государством? — спросил Холройд.

Пустые голубые глаза пристально изучали пленника. В их взгляде была неуверенность. Нушир растерянно пробормотал:

— Объясни свои слова, принц.

— Этими странами правят женщины. Разве ты не понял, что все решают жены, а владыка Нушрвана только исполняет их капризы.

Женщины задохнулись от злости. Они переглянулись, поняв друг друга без слов. Брюнетка снова села в кресло. Обе выглядели растерянными.

Нушир тоже вернулся на трон и бесстрастно ждал, когда закончится эта неприятная пауза. Брюнетка попыталась дотронуться до руки мужа, он никак не среагировал. Так

и не поняв настроение Нушира, она, обращаясь то ли к Холройду, то ли к Нуширу, произнесла:

— В Нуширване только один правитель. Но мы его жены. Его интересы в наших сердцах. Мы блистаем в лучах его величия. Наши советы — это продолжение его мыслей. Мы действуем во благо Нушира и смогли уличить тебя во лжи. Поэтому мы настаиваем на пытках... и немедленно.

Последние слова она почти прошипела, сверля глазами пытающегося быть равнодушным Холройда. Попытка сыграть на самолюбии Нушира и лишить влияния жен была с трудом, но отбита. Брюнетка оказалась достойной соперницей.

Затем в мозгу созрела мысль — никакие пытки не страшны телу Пта. Зря эта брюнетка стремится отослать его к палачам. А вот блондинка смотрит без ярости, даже доброжелательно. Судя по ее поведению и месту, она — младшая жена Нушира. На глазах у Холройда блондинка менялась. Глаза приобретали осмысленное выражение, в них разгорелась жизненная сила. Щеки зарумянились, тело напряглось и приняло более величественную позу. Как бы обдумав происшедшее, она сказала звонким голосом:

— Послушай, Нийа. А если принц говорит правду. Некоторые разведчики тоже докладывали, что готовится ложное нападение. Значит, он наш союзник, а не враг. Давай подождем до утра. А сейчас гостю надо отвести достойные принца апартаменты и предоставить женщину, способную усладить владыку могучего государства.

Наступило молчание. Дважды брюнетка Нийа пыталась возразить, но была настолько поражена предложением партнерши, что так и не решилась произнести что-либо. Обе женщины ждали решение Нушира.

Тот в задумчивости потирал свой гладкий подбородок. Наконец он отважился и принял решение.

— Так и сделаем. Я тоже пришел к этому выводу. Высокий ранг гостя позволяет ему выбрать одну из моих жен на ночь. Беседу продолжим утром. Если она окончится удачно, то почетный эскорт скриров доставит принца в штаб Гонволейнской армии. Достойный Инезио, которая из моих жен тебе более желанна?

Отказ Холройда был равносилен смертельному приговору, и он это понимал. Колебаться долго было тоже нельзя, и он смело произнес:

— Выбираю ту, которую зовут Нийа, и благодарю за честь, великий Нушир. Вы не пожалеете о принятом решении.

Про себя Холройд думал, что глупо оставлять эту скандалистку с мужем. За ночь она настроит владыку против принца Инезио.

Нушир рассмеялся.

— Те, кто раньше удостаивался такой чести, всегда выбирали белокурую Калию. Их соблазняла молодость. Но ты, принц, не ошибся. А для Нийи это будет интересным развлечением. Я согласен.

Он дернул за шелковый шнурок, и тронный зал заполнился стражниками и прислугой. Через десять минут Холройд был уже наедине с брюнеткой в ее апартаментах.

В дальнем конце спальни было окно, украшенное витражами. Темноволосая Нийа пристально наблюдала, как Холройд осматривает панораму города Триа. Столица Нуширвана напоминала город средневековой Европы. Факельное освещение, островерхие крыши домов, редкие стражники на узких улочках. Обманчивое спокойствие.

Чувство возбуждения, возникшее при переходе через реку кипящей грязи, усиливалось. Мозг был окутан удовлетворением от маленькой победы, одержанной сейчас. Холройд-Пта добился свободы. Пусть на время, но за эту ночь можно обдумать ситуацию, найти верное решение. Решится ли Нушир утром отправить его в Гонволейн, как обещал? Равновесие между победой и поражением неустойчиво. Тревожит то, что он пересек реку кипящей грязи. Пта в опасности, но пока свободен. Надо использовать шанс для достижения главной цели. И ни шагу назад. Как сейчас не хватает знаний. Думай Пта, анализируй каждую мелочь.

Холройд сухо рассмеялся. Одинокий человек в мире, о котором он почти ничего не знает. Он жаждет действия, но не в состоянии своевременно учитывать важные обстоятельства. Риск огромен. Но сейчас самое главное — свобода.

Он вспомнил о Нийе. Надо переспать с этой злюкой. Любое пренебрежение с его стороны не останется без внимания. Утром она, наверняка, доложит мужу, что принц пренебрег честью овладеть женой правителя Нуширвана. Не стоит рисковать.

Холройд отвернулся от окна и был немало удивлен увиденной картиной. Брюнетка прислонила ухо к замочной скважине, внимательно вслушиваясь в звуки, исходящие оттуда. Их глаза встретились. Приложив палец к губам, Нийа выпрямилась и плавной походкой подошла к принцу, сказав:

— Нам надо действовать быстро. Ты совершил ошибку, выбрав Нийу вместо Калии, в чье тело я вошла, желая выручить тебя. Теперь я переселилась в тело Нийи, а блондинка пусть смутно, но помнит, что ее принуждали защищать принца Инезио. Поэтому надо спешить. Время уходит.

Она смолкла, а Холройд гневно воскрикнул:

— Что...

Тело словно окаменело, глаза сузились. Еще более грозно он спросил:

— Ты кто?

Женщина прошептала:

— Я та, которая вскарабкалась на утес, чтобы убить тебя. Это я дала тебе перстень Пта. Вспомни, говорил ли ты кому-нибудь об этом? Если нет, то ты поверишь, что я не Инезия.

Холройд попытался что-то сказать, но брюнетка резким жестом не позволила прервать себя.

— Мы не смеем терять время, клянусь. Сейчас Инезия здесь, во дворце Нушира. Она пытается уничтожить божественный трон Пта. Трон — последняя...

Ее голос умолк. Язык распух и стал слишком велик. Она пыталась закончить фразу, но не смогла. Брюнетка села в кресло и руками закрыла лицо. Через минуту она продолжила скороговоркой, говоря явно через силу:

— Мы пойдем туда немедленно. Час, даже минута могут решить все. Пта, я поняла, что ты слишком поглупел, но это тоже может помочь спастись.

Холройду показалось необычным, что все его планы, казавшиеся такими надежными, рухнули в один миг. Сло-

ва женщины были правдой. Он никому не говорил о встрече на террасе замка Линн, Инезия пришла в ярость, увидев перстень Пта на руке Холройда. Даже если она догадалась, кто дал перстень, она не знала, как незнакомка смогла добраться до Пта. Значит, перед ним Лоони. И если она говорит, что нельзя медлить, то в этом нет смысла сомневаться.

Ясно, что в его похищении главным режиссером всего фарса была Инезия. Пта пересек реку кипящей грязи, и кульминация всех ее планов уже не за горами. Защитные чары, которые много веков назад создал Пта, разрушены. Было безумием знать это и оставаться здесь в бездействии. Но он не мог принять какое-либо решение. Пта колебался не без основания.

Ему сказано, что вернуть божественную силу он может только сев на трон. Какая нелепость. Только дети могут поверить в это. Но Лоони и Инезия утверждают это. Зачем Инезия, обманывавшая на каждом шагу, сама сообщила Пта эту великую правду? Зачем вообще она упоминала трон Пта? Она должна была открыть ему эту тайну в силу неведомых причин, связанных со стремлением словом и делом сломать защиту Пта. Кроме того, это был психологически оправданный шаг. Мозг Пта был сфокусирован на эту цель и сокрушал по пути оставленные уровни защиты самостоятельно. Но теперь дорога смерти пришла к финишу. Надо действовать решительно.

Холройд видел, что... Лоони... следила за ним широко раскрытыми и полными печали глазами. Он оценил, что женщина позволила ему самостоятельно размышлять и не перебивала ход мыслей, и решительно произнес:

— Как мы можем попасть туда?

— Изъяви желание совершить прогулку. Теплые одежды сложены в седельных сумках скриров Нийи. Я — жена правителя и могу приказывать охранникам скриров в любое время дня и ночи! Идем!

Холройд направился за ней, затем остановился и воскликнул:

— Погоди! Среди мятежников есть генерал Ситейл. Нельзя ли его освободить и дать скрира. Думаю, что в Гонволейне он может быть нам полезен...

Лоони оборвала его.

— Это невозможно. Он на такое не способен. У нас нет времени. Торопись, Пта.

Через пятнадцать минут они взлетели.

ГЛАВА XVII
СТРАНА ВУЛКАНОВ

Наверху было очень холодно. Звезды на небе были незнакомые, но очень близкие. Вокруг виднелись мрачные силуэты гор, лишенных растительности и других признаков жизни. Но не вся земля внизу была погружена во тьму. Вулканические кратеры пылали тысячами костров. Их кроваво-красное пламя и красно-черные клубы дыма обезображивали ночной пейзаж, делали его ужасным. Каждый конус огня оранжевыми корнями потоков лавы врастал во тьму, которая казалась еще более зловещей. Вершины без кратеров выглядели страшней вулканов. Скрир, на спине которого летели Холройд и Лоони, лавировал среди потоков ядовитых вулканических испарений.

Холройд чувствовал, что маневры птицы-зверя становятся менее уверенными. Они летели на огромной высоте. Дважды внизу промелькнули скриры с наездниками, но они не поднимались и до половины высоты гор. Крылья птицы накапливали усталость, их взмахи становились более медленными.

Холройд невольно думал о конечной цели их полета. Мозг инстинктивно пытался определить события. Скрир начал снижение, и сразу стало теплее. Руки и ноги вновь наливались силой, сознание становилось более четким. Внизу уже не было красных пауков — вулканических кратеров. Изредка попадались огоньки маленьких поселений. И вот внизу разбрызгал свои огни довольно большой город, затем еще один. Города располагались в долинах и были связаны друг с другом цепочками редких огней.

На огромном плоскогорье, плавно переходящем в равнину, виднелись огни множества городов. Воздух стал еще теплее, и Холройд уже не волновался. У птицы хватит сил долететь до цели.

Прошло еще часа полтора, когда Лоони, управлявшая полетом скрира, повернулась и крикнула:

— КОТАХЭЙ! Столица Нуширвана!

Экзотическое название столицы звучало чарующе. Голос Лоони, манера говорить заставляли сердце Холройда биться чаще. Котахэй выглядел так же, как и другие города, разве что был чуть больше. С высотки его огибала широкая река, а на севере уже виднелись другие горные хребты.

Лоони снова заговорила:

— Вчера я металась в панике между двенадцатью мостами через реку кипящей грязи. Надо было найти тебя. Когда я смогла перелететь через реку, стало ясно, что ты разрушил шестую защиту. Мне не удалось найти мост, где это произошло. И я устремилась сначала в Котахэй. Но поняла, что ошиблась и вернулась в Триа. Над этим городом я ощутила твое присутствие. Твое величие исходило от старого замка, и я вошла в тело одной из служанок. Перейти в тело белокурой жены Нушира было очень сложно, и мы встретились.

Холройд жадно слушал ее рассказ. Она открывала новое знание, убирала пробелы в том, что уже было известно раньше. От Лоони исходил поток жизни. А в городе с таинственным именем Котахэй, там внизу, была Инезия, несущая смерть. И там был трон Пта.

Образ златокудрой богини возник перед глазами. Неправдоподобная красота ее тела не вписывалась в эту ночь. Ветер свистел в ушах, прижимая одежду к груди. Холройд-Пта весь отдался движению и молча следил за темными крыльями скрира.

Божественный трон Холройд не мог даже представить. Мозг отказывался представить его образ даже в общих чертах. Но он наверняка существует. Он там, внизу. Лоони верит в это. Инезия строит все свои планы, также считая, что трон — реальность. Это было очень давно. Тогда Пта не было смысла вводить в заблуждение жен, которых он сделал богинями своей волей. Он не должен был обмануть своих любимых.

"Если бы я был Пта... " — подумал Холройд и тут же улыбнулся, осознав абсурдность этой мысли. Он БЫЛ Пта. По крайней мере, другого Пта не было. Но мысль вернулась.

"Если бы я был Пта, то не доверился бы женщинам до конца. Я бы обеспечил надежность своей защиты, оставил себе шанс, о котором не сказал бы ни одной из них". Но в чем этот шанс? Надо попытаться найти его. Продумать все варианты, изобрести способ нарушить любой враждебный план, выработать тактику, гарантирующую от смерти Всемогущего Бога. Не стоит пренебрегать даже ничтожной возможностью действовать самостоятельно. Может, стоит сесть в этот трон, придумать еще что-нибудь.

Скрир стал делать круг над городом, и Холройд увидел, что за ним летела большая группа птиц с наездниками. Это прислуга Нийи. Эскорт стал резко снижаться, скриры протяжно кричали. Внизу замелькали огни, и огромный двор замка наполнился светом. Одна за другой птицы заходили на посадку, пробегая по двору несколько шагов и выстраиваясь вдоль стен. Наконец, приземлился и скрир, доставивший сюда Холройда и Лоони.

Прислуга узнала супругу Нушира. Захлопали двери, вынесли большие факелы.

Лоони-Нийа приказала:

— Придворных будить не надо. Гость Нушира и я войдем во дворец без эскорта.

Проходя по коридорам, весело мерцавшим огнями факелов, отраженных во многочисленных зеркалах, Холройд везде видел воинов-гвардейцев, вытягивающихся по стойке смирно перед женой их господина. Их лица не были враждебны. Холройд прошептал на ухо своей спутнице:

— Ты знаешь, где она? Где трон?

В его сознании возникло чувство приближения к точке, где решалась его судьба.

Лоони также шепотом ответила:

— Я точно знаю. Нийа знала... где трон... дверь в конце коридора. Иди.

Они прошли к массивной деревянной двери, украшенной изумительной резьбой. Холройд попытался ее открыть, но она была заперта изнутри. Всей тяжестью он навалился на дверь, ударил плечом по резному орнаменту. Тяжелая дверь не шелохнулась.

— Не спеши, — сказала Лоони. — Она там, внутри. Стражники по моему приказу взломают дверь. На этот раз

мы хозяева положения. Во дворце нет женского тела, которое по рангу выше Нийи... Ой!

Дверь бесшумно раскрылась. На пороге стояла Инезия. Золотые локоны сверкали, как корона, и спускались на плечи богини, одетой в черное платье. Улыбаясь, она произнесла:

— Входите, я жду вас.

ГЛАВА XVIII
БИТВА БОГИНЬ

Голубые глаза Инезии сверкали крошечными золотыми искорками, а улыбка была, как восковая. Точно не она сама была счастлива, а лучи, исходящие от волос, заставляли радоваться встрече. Она повторила:

— Входите. Я следовала за вами и ждала. Конечно, без воды трудно повелевать духом, если, конечно, он есть в теле. Входите оба. Буду рада рассказать вам об этом.

Пта ощутил в ее голосе торжествующие нотки. Угрюмо улыбаясь, он шагнул в зал и остановился у порога. Нет, его не сковал страх предстоящего. Просто он был удивлен, и чувство нереальности ситуации усилилось. Вместе с ним окрепло и чувство уверенности. Он не грезит. Трон за той дверью в дальней стене.

Минуту все трое стояли молча. Холройд-Пта изучал выражение лица Инезии. Он думал, что даже красавица не выглядит привлекательно, когда злорадствует.

Паузу прервала Инезия.

— Дорогая Лоони. Наступил финал мелодрамы. Он тебе не нравится? Как жаль, ты не хотела проиграть, увы. И не волнуйся. Нас никто не побеспокоит. Смотрите на трон сколько угодно. Но вы опоздали, я здесь почти шесть часов. Ты меня поняла?

"Паук зовет в гости муху, входи, дорогая," — подумал Холройд. Напоминание о троне его не взволновало, мозг решал другую проблему. Почему Инезия так уверена, что никто не войдет сюда. Многие во дворце сейчас не спят. Откровение было внезапным, и он обратился к Лоони:

— Самое удивительное для меня, что вы обе можете входить в любое тело человека. А если...

Лоони внимательно следила за поведением соперницы, старалась не упустить то, что Инезия хотела скрыть от ее интуиции. Она бросила взгляд на Холройда и ответила:

— Не в любое, а только в женское или в самку животного. Есть природный барьер, который...

Фраза оборвалась, потому что Лоони увидела, как тело Инезии обмякло и плавно опустилось на ковер. Из глаз темноволосой богини брызнули слезы.

— Пта, она ушла в другое тело.

Распахнулись двери, и в зал вошли пять женщин. Одна из них что-то прятала в складках платья. Холройд быстро оттолкнул Лоони к трону и, улыбаясь, приблизился к женщинам. Он не ошибся, сверкнуло тонкое лезвие каменного ножа. Отнять его у нападавшей не составляло труда. Полубог, не прекращая улыбаться, бросил оружие к бездыханному телу Инезии. Но чувство опасности не проходило, наоборот, он ощущал его повсюду.

— Быстрее, — торопил он, — прикажи этим женщинам удалиться. Та, которая попытается убить Нийу и захватить тело самой высокопоставленной женщины во дворце, и будет Инезия. Торопись!

Лоони поняла все раньше, чем он закончил фразу, и приказала служанкам удалиться. Трое подчинились и отправились к выходу, а две остались на месте. Одна просто испугалась, а другая закричала:

— Стойте. Это не хозяйка, а самозванка. Мы знаем, что жена Нушира улетела с ним в город Триа.

Говорившая была женщиной мощного телосложения. Судя по одежде, она исполняла во дворце обязанности суперинтенданта.

Одна из уходивших служанок спросила дрожащим голосом:

— Если это правда, почему ты не зовешь гвардейцев?

Лоони шепнула Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Он колебался. Мозг не успел сосредоточиться на этой опасности. Сознание анализировало все варианты. Умение переходить из тела в тело открывало перед богинями практически беспредельную власть над миром. Они проникали

куда угодно: во дворец, в крепость, в любое место, где были женщины. Могли убить кого угодно. Никто не в силах противостоять этим демоническим созданиям. Понимание этого опустошало мозг. Любой замок мог пасть без осады, если в нем загадочно погибали люди.

Холройд-Пта осознал, что независимость государства Нуширван кончилась. Оно беззащитно с тех пор, как Инезия переправилась через реку кипящей грязи. Успела ли она распространить свое влияние на колоссальную территорию Аккадистана? Есть ли у Зард Аккадистанской своя защита? Пта должен попасть в эту страну!

Все, что произошло в этом зале до их прибытия, ясно. Они с Лоони прибыли раньше, чем Инезия завершила свои козни с троном. За шесть часов лишить всего могущества божественный трон она вряд ли смогла. Наверняка она испугалась, когда Пта стал ломиться в двери. Ее улыбка была наигранной. Но дверь открылась очень быстро. Значит, эта коварная бестия имеет запасной план. Вот эти женщины и пришли его реализовать. Пятеро смогут справиться с одной Лоони, если им внушить, что во дворце самозванка. А потом Инезия вернется в свое тело и доведет до конца разрушение мощи трона. Схема простая. Безжалостная Инезия задумала уничтожить тело, в котором находится Лоони, чтобы в этом дворце не было женщин главнее суперинтендантши. Холройд шепнул Лоони:

— Зови гвардейцев. Скажешь, что эскорт может подтвердить, что Нийа прилетела из города Триа.

Стражники сразу схватили всех шестерых женщин. Ошалевшая суперинтендантша не оказала ни малейшего сопротивления. Никто из гвардейцев не сомневался, что выполняет приказы не своей госпожи.

Лоони распорядилась:

— Всех пятерых заприте в их комнатах и поставьте стражу у дверей, но утром освободите. Потом я найду способ наказать их за наглость.

Один из гвардейцев молча наблюдал, как Холройд поднял нож и выкинул его через открытую дверь. В это время тело Инезии дрогнуло. Золотоволосая красавица поднялась с ковра, и уже все стражники смотрели на нее с восторгом. Наконец, старший из них спросил:

— Госпожа Нийа, а что делать с этой?

Лоони улыбнулась и холодно сказала:

— Она останется здесь. Девушка пострадала без вины. Уходите все.

Дверь за гвардейцами закрылась. Из всех троих сейчас улыбнулась только Лоони. А Холройд молча прошел между двумя богинями к двери в дальней стене и остановился у порога. Мозг наполнялся новыми знаниями и анализировал их. Он многое увидел за стеной, снова обернулся к соперницам и спокойно ждал, что произойдет дальше. Первой нарушила молчание Лоони, которая с улыбкой обратилась к Инезии:

— Ну, дорогая, ты превзошла самое себя. Твои хитрости стали слишком наивны для богини. Затем, уже серьезно, она продолжала:

— Не торопись, Пта. Я посмотрю на порог этой двери. Под ковром может быть металл, и она сможет помешать тебе войти.

Лоони опустилась на колени и стала ощупывать ковер у порога двери, ведущей к трону. Инезия метнулась туда же, пытаясь помешать сопернице. Холройд не без труда оттащил золотоволосую фурию в другой конец зала, она гневно кричала:

— Как только пройдут шесть месяцев, я не буду ждать ни секунды. Ты умрешь!

В ответ Лоони рассмеялась:

— Благодарю, моя милая, теперь я знаю, сколько времени у меня в запасе. Можно успеть сделать больше, чем ты думаешь.

Она продолжила, обращаясь уже к Холройду:

— Путь свободен. Идем!

Брюнетка шагнула в дверь, и Холройд услышал ее восторженный крик:

— О, Пта, Пта! Мы не проиграли! Она испугалась моего отказа от божественного тела.

Лоони обернулась, увидела недоуменное лицо Холройда и постаралась объяснить свою мысль:

— Инезия хотела, чтобы принц Инезио напал на Нушырван и недели две, а, может, месяцы пробивался с армией через горы к этому дворцу. Пта пересек реку кипящей грязи, и путь для нее открылся, но время еще есть. За две недели она смогла бы полностью лишить могуще-

ства этот трон. Ее испугал перстень, которым завладел Пта. Это не был перстень власти, а лишь печать принца Инезио. Я только отдала ему часть своей божественной силы. Инезия решила, что война объявлена, и стала спешить. Но и я не теряла времени.

Лоони смеялась так весело, как способна была хозяйка тела Нийи. А Инезия неподвижно стояла в центре тронного зала. Ее лицо стало белым, как мел, из голубых глаз струился леденящий холод. Она глухо промолвила:

— Лоони, ты умрешь, и никто не сможет тебе помочь. Пта не способен взять из трона истинно безграничное могущество. Сила к богам приходит от верующих. А я много веков делала все возможное, чтобы народ о нем забыл. Твоему телу не много осталось времени томиться в цепях.

Голос Инезии зазвучал более уверенно, и она продолжала:

— Может быть, он и получит божественного могущества больше, чем сейчас есть у тебя. Но это меня не страшит. Я покорюсь твоей маленькой победе. Но запомни. Все решится в Аккадистане. Не забывай это слово.

АККАДИСТАН!

— Ты — коварная дьяволица! — вскричала Лоони.

Брюнетка и блондинка с ненавистью смотрели друг на друга. Холройд-Пта перестал слушать их. Он почти не понимал, о чем говорят его жены, и был уверен, что ему сейчас не надо быть рядом с ними. Мужчины обожают наблюдать обнаженные женские тела, но обнаженные души сразу двух женщин его разум не хотел воспринимать.

Затратив определенное усилие, он стряхнул оцепенение не только с тела, но и с сознания.

Холройд-Пта перешагнул порог тронного зала. Он знал, что Лоони следит за его действиями, а Инезия ждет, чем закончится его попытка. Это отвлекало, и он забыл обеих женщин.

ГЛАВА XIX
БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОН

Зал, в котором очутился Холройд, был облицован серым камнем. Здесь не было никакой мебели. Пол, стены... потолок... повсюду серые полированные плиты. Казалось,

что этот зал существовал бесконечно долго. Время не властвовало над этими серыми плитами. Они могли ждать Бога сколько угодно.

Трон был слева. Он сиял. Свет был таким ярким, что глазам было больно смотреть. Мистическое сооружение имело необычные формы. Мерцающие струи кристаллического света сплетались в таинственный узор. Опаловые тона были забрызганы янтарными блесками. Контуры цвета киновари прерывались пятнами бледной охры. В центре этой сложной конструкции, как драгоценный камень, выделялся куб идеальной формы со сторонами около пятнадцати футов. И все это висело над полом, не имея опоры.

Трон не имел связи с окружающей реальностью, манил неясной надеждой. Холройд приблизился к этому мистическому сооружению и замер, восхищенный величием увиденного. Нижняя грань куба находилась, по крайней мере, в десяти футах над головой.

Оцепенение прошло, и он огляделся по сторонам, изучая, что может помешать взойти на трон. Две пары глаз следили за ним. И в каждом взгляде пылал огонь восхищения. Они ждали рождения Бога.

Эти глаза обладали гипнотической силой для Холройда. Он попытался сбросить с себя их влияние. Ощущение, которое он испытал при этом, можно сравнить с падением со скалы в стеклянный шар, который на самом деле был его собственным мозгом. Стекло не разбилось вдребезги, а волнами стало разбегаться вокруг трона. Чары рухнули, и он увидел каменные ступени, выбитые в стене. Они вели к потолку, где начиналась строгая полоса каменных скоб. Последняя скоба была точно над кубом. Даже ребенок смог бы, перебирая руками, добраться до последней скобы и спрыгнуть на трон. У него достаточно силы, чтобы добраться до божественного трона.

Уже поднимаясь по лестнице, он ощутил внутреннее сопротивление, но не отказался от своего намерения. Опасения были выброшены из мозга. Он будет сидеть на троне. Выбора нет. Даже если его поступками руководит одна из богинь, он должен пройти через это, чтобы испытать тело Пта. Но сейчас стало ясно — этого будет недостаточно. Пришло знание, что божественная сила приходит из

молитв людей, один трон не способен превратить его в трижды Величайшего Пта.

Трон — лишь фитиль, детонатор, а, может, аккумулятор божественного начала, которое способно породить истинное могущество Пта, наполнить которое смогут миллиарды верующих женщин через молитвенные жезлы. Инезия много веков изгоняла из женских умов веру в величие Пта. Но религиозные обычаи в человеческой психике были очень устойчивы и жили долго. Надежда теплилась в сознании.

Взойдя по лестнице к потолку, он понимал, что Холройд-Пта сможет победить смерть только защищаясь. Нападать он не способен. Жизнь Пта будет спасена, но Лоони может умереть. Тогда цивилизация, основанная на тирании владельцев замка Гонволейна, останется на века. Стоит ли бороться, зная это?

Он глянул на двух женщин, глаза которых неотрывно следили за каждым движением. Трудно было представить, что когда-то они были его женами. Страстная и капризная златокудрая девчонка Инезия. Смуглая Лоони сейчас дрожит от нетерпения, как выглядит ее истинное тело? Он его не видел со времени изгнания Пта из Гонволейна, такова истина.

Мысли смешались, утратили четкость. Может быть, это произошло оттого, что тело Холройда раскачивалось, как маятник. Перехватывая руками каменные скобы, он то приближался, то удалялся от трона. И вот последняя скоба.

Бриллиантовый свет освещал Холройда. Сверху трон напоминал зеркало, где отражался только он сам. Внизу не было ни потолка, ни скоб. Только будущий Бог имел право отражаться в таинственном кубе. Пальцы разжались. Он на троне власти.

Тело Холройда начало медленно погружаться в куб. Он тонул в троне, исчезал. Вот его уже нет.

Время тянулось медленно. Из нижней грани показались ноги. Также медленно Холройд возвращался в реальный мир. Его тело рухнуло на пол с шестнадцати футов. Еще мгновение куб мерцал, затем раздался слабый хлопок и трон лопнул, словно мыльный пузырь.

Холройд лежал на полу без движения, как труп.

Тишину нарушил звонкий смех Инезии. Лоони резко обернулась и гневно глянула на золотоволосую богиню. Ее глаза расширились. Нескрываемое ликование было на лице соперницы. Слабо вскрикнув, она бросилась к телу, лежащему на полу. Она тормошила Холройда, трясла за плечи, колотила в грудь, пыталась обнять. Затем положила ладони на его лицо и попыталась открыть глаза. Веки, подергиваясь, снова закрылись.

Инезия продолжала смеяться. Лоони встала, щеки ее порозовели и она выдохнула из себя:

— Пта жив! — и снова опустилась на колени рядом с телом.

— Конечно, он еще жив, — откликнулась Инезия. — Я не успела найти источник смертоносной силы, скрытой в троне.

Но божественное могущество не было скрыто так тщательно, и его большую часть удалось уничтожить.

Самодовольный тон Инезии привел Лоони в ярость.

— Не пытайся убедить меня, что ты способна победить божественную силу Пта без него.

— Я и не пытаюсь. То, что случилось, удивило даже меня. Но я не могу. Сама видишь, каким он стал.

Лоони отказывалась верить глазам. Если бы она подозревала такой исход, то наверняка смогла бы предотвратить катастрофу. Глядя в лицо изнеженной и алчной Инезии, она поняла, что та не станет больше отвечать на вопросы. Сейчас она будет только хвастать своими способностями.

Инезия продолжала:

— Мне ясно, что Пта не осмелился сесть на свой трон до того, как получит силу от молитв женщин. Но он с ними практически не мог общаться. Я была во всех телах женщин, говоривших с ним. Отторжение от женского мира сработало. Честно сказать, я не верила, что это его воплощение, даже без моего противодействия, было способно вступить в круг власти.

— Зачем ему было стремиться к трону, если он хотел привлечь веру в него для начала божественной силы? На этот вопрос ты не сможешь мне ответить. Его могущество опиралось на любовь каждой женщины Гонволейна. Не забывай. Пта во все времена был более велик, чем мы обе.

Сколько бы людей тебе ни помогало, он останется непобедим.

Инезия грациозно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони думала, что богиня-правительница сейчас решает свои проблемы. Она борется с желанием закричать от восторга. Щеки ее пылали, пальцы не могли и секунды находиться в покое, все тело ее охватил радостный трепет победы, сравнимый только с любовным экстазом. Было даже удивительно, как ей удавалось говорить тихим, вкрадчивым голосом.

— Если бы Пта перестал бояться, то лишил бы меня шансов на победу. А теперь я перевезу его в Аккадистан, в великую столицу Гадир. Он пройдет дорогой похищенных до конца.

Смех Инезии звучал резко, словно по склону горы катилась гроздь металлических колокольчиков.

— Интересно будет посмотреть, что случится, когда божественное тело Пта расчленят на куски. Когда эти безмозглые бунтовщики начнут вторжение в Нуширван, мои небесные всадники получат приказ действовать.

Побелевшая Лоони не сводила глаз с Инезии. Дважды она пыталась заговорить, но ужас сковал ей язык. Заметив эти попытки, Инезия свирепо произнесла:

— Не пытайся убедить меня, что в этом нет необходимости. Есть только одна возможность объединиться в союз с Аккадистаном — разгромить его армию. Запомни, пока боевые скриры в моей власти, каждый молитвенный жезл Гонволейна будет под контролем. Шансов у вас нет. В Аккадистане я еще позволяю молящимся рожать божественную силу, она укрепляет не его, а мое могущество. Но в Гонволейне молящихся женщин не будет. И Пта умрет.

Она умолкла. Голубые глаза сверкали, лицо было безмятежным. Помолчав немного, она произнесла тоном, не допускающим возражений.

— Какой будет форма правления после уничтожения последних бунтовщиков, еще не решено. Лорды и принцы в замках сильны, но их поведение может породить новые мятежи. Родятся новые наглецы, посягающие на власть сильных.

В голосе Инезии появились мрачные нотки.

— Не терплю, когда мне противоречат. Если на это не обращать внимания и приобрести способности старого Пта вести за собой народ, то можно сохранить замковую цивилизацию, которую он терпел. Но то, что имело смысл при жизни Пта, без него может стать неуправляемым. Помнишь, дорогая, что творилось в стране, когда я свергла тебя? Но мы не могли править вдвоем. Две суверенные богини в одном государстве — это абсурд.

Лоони наконец поняла, куда клонит ее соперница. Она рванулась к ней, но опоздала на мгновение. Инезия яростно набросилась на тело Пта, и оттащить ее было не так просто.

С нескрываемой злобой Инезия кричала:

— Смотри на него, дура! Это все, что ты можешь! Я ухожу...

Лоони знала, что сейчас она ничего не может сделать. Но чувствовала происходящую перемену ситуации.

Вдали от воды процесс шел медленно и тяжело, но через несколько минут началось движение сквозь тьму. И вот она уже летит на твердой земле. Начинается новый день.

ГЛАВА XX
ЗАРД АККАДИСТАНСКАЯ

Лоони ощутила, что атмосфера пронизана ужасом. Но это чувство было не ее. Оно исходило от рыдающих женщин, кричащих детей и надрывного гомона мужских голосов. Все люди были охвачены страхом перед омерзительной реальностью своего существования.

Богиня поднялась с земли, осмотрелась, и вздох надежды вырвался из ее груди. Инезии и здесь не было. А тело Пта лежало рядом на подстилке. Он выглядел, как мертвец, та же поза, ни единого движения. Лоони еще раз внимательно осмотрелась.

Они с Пта находились внутри пространства, размером не меньше квадратной канбы, окруженного высокой стеной и переполненного людьми. За одной из стен можно было видеть боевых скриров, которые группами маневрировали

в небе. Лоони содрогнулась от ужаса. Здесь был один из тысячи полигонов тренировки скриров в нападении на людей. Жертвами наверняка были похищенные гонволейнцы.

Подстилка, на которой был Пта, была одной из многих, разделенных между собой небольшими перегородками. На всех подстилках лежали люди по одному или даже группами. Некоторые вставали и медленно прохаживались по земле, их место немедленно занимали другие.

Дети, женщины, мужчины. И ни одного спокойного лица. Тысячи глаз вокруг, и никто не смотрит на Пта.

Лоони сидела на краю подстилки и ждала. Она понимала, что Инезия медлить не станет. Особенно сейчас, когда тело Пта беззащитно и нельзя даже определить, что он сознает, а что не задевает его чувств. Наверняка она вернула свое истинное тело в столицу. Здесь, где много молитвенных жезлов не под ее контролем, она не станет рисковать красотой. Но душа Инезии в Аккадистане. Конечно, она вошла в тело Зард Аккадистанской и отдает распоряжения в замке Гадира. И воины уже спешат сюда быстро, как способны лететь боевые скриры и скакать гримбсы.

Лоони в отчаяньи стала трясти неподвижное тело и шепотом кричать ему в уши:

— Очнись, Пта!.. Очнись... Пта...

Тело не оживало. Холройд-Пта был в трансе, близком к смерти. Его руки, ноги безвольно принимали любое положение, пальцы Лоони чувствовали только их вес.

Она давно бы отправилась назад, в Нуширван, и оставила тело Нийи. Но страх перед желанием Инезии уничтожить это тело останавливал, искорки надежды не угасли совсем. Пта еще не умер. Сейчас решалась судьба огромных стран, целые континенты приближаются к грани, за которой катастрофа. Надо действовать, но она не могла решиться.

Безжалостное солнце стремилось к зениту. Почти полмиллиона ног поднимали пыль, серым туманом стелившуюся над лагерем пленников. Жара, духота и бездеятельность подавляли волю попавших сюда.

Двое мужчин несли третьего к Лоони. Один из них сказал:

— Отойди, женщина. Мой брат болен, пусть полежит немного.

Другой устало добавил:

— Повезло парню. Он уже не видит, как мы тут маемся.

Даже не посмотрев на Лоони, они посадили больного на землю, прислонив к ограде, и подошли к Холройду-Пта. Лоони встала между ними. Брат потерявшего сознание произнес:

— Надеюсь, вы не возражаете, что этого мы сбросим. Брат еще жив, а вашему уже все равно.

Лоони молчала. Их намерение было таким понятным, но неприемлемым. Не получив ответа, один из мужчин принялся сталкивать безжизненное тело на землю.

Схватив за руки, Лоони с силой отпихнула его в сторону. Но он был сильнее женщины и упрямо добивался своего. Через минуту изнеможденное тело любимой жены Нушира покрылось синяками и выбилось из сил. Только фанатичная верность Пта давала женщине силы продолжать борьбу, но они иссякали.

Хватая нападавших за одежду, пиная ногами, она не удержала равновесие и упала. В глазах потемнело, а уши уловили шепот.

— Отправляйся в Нуширван!

Открыв глаза, она увидела, что брат больного перестал бить ее и произнес:

— Отправляйся в Нуширван. Я встречу тебя во дворце Котахэй... но после...

Лоони похолодела, вскочив на ноги, и вцепилась в одежду сказавшего это. Оба, потрясенные, смотрели в глаза друг другу. Страх и недоумение не давали говорить. Наконец, мужчина выдавил из себя.

— Наверное, я схожу с ума. Я не пойму, как это произошло.

Слишком мало сил осталось в теле Нийи, и оно опустилось на колени, затем женщина легла и поджала ноги. Но тут же выпрямилась.

Тело Пта исчезло.

Шоковое состояние Лоони прошло. Она снова глянула на мужчину, пославшего ее в Нуширван. Как долго Пта боялся проявить себя. Он боялся, что Инезия узнает о его

новых способностях. Божественный Пта прав. Он скрылся в суматохе драки. Это могло пройти незамеченным.

— Если вы не возражаете, то на этой подстилке будет лежать мой брат, — прозвучал знакомый голос.

Лоони вглядывалась в усталое лицо собеседника, но никаких признаков присутствия Пта не было. Может, он только выполняет повеление Бога. И ей тоже Пта уже сказал, что надо делать.

"Отправляйся в Нуширван".

Но Лоони еще колебалась. Инезия наверняка будет их обоих поджидать именно здесь. Пусть убедится, что все идет по ее плану, это тоже важно.

Почти одновременно по верхнему краю высокой стены забегали воины. Внизу тоже все пришло в движение. Стражники с лестницами-стремянками группами бежали в район загородок с подстилками для больных, окружили "больницу". Тех, кто лежал совсем близко от стены, бесцеремонно сбрасывали на землю и отталкивали в сторону. В ход пошли большие пилы, кувалды. Воины разрушали стену.

Минут через десять в стене, отделявшей резервацию для пленников от свободной территории, были проделаны ворота. Через них въехала на огромном гримбсе стройная, с карими глазами женщина. Каждое движение прибывшей подчеркивало ее превосходство над остальными людьми. Карие глаза пылали янтарным блеском. Но в их взгляде было больше спесивого самодовольства, чем истинного величия. Зард Аккадистанской были подвластны более двадцати миллионов человек. Есть ли в ее теле Инезия?

Гримбс остановился в двадцати шагах от Лоони. Зард спустилась на землю по спинам своих охранников. Те окружили ее кольцом. Правительница знала, кто ей нужен из больных, и уверенно направилась к подстилке, где раньше лежал Пта.

Увидев мужчину, лежавшего там, и спокойный взгляд Лоони, она отпрянула назад. Коричневые зрачки расширились от испуга.

Зард пыталась говорить, но не могла. Ее руки непроизвольно тянулись к незнакомцу на подстилке, будто пытаясь изменить его облик. Затем она справилась с волне-

нием и, обращаясь к Лоони, произнесла низким злым голосом:

— Где он? Где этот безумец? Он только что был здесь.

Лоони поняла, что именно сейчас она должна подтвердить обезумевшей правительнице, что ее ложное впечатление о состоянии Пта после пребывания на троне верно. Все ее тело дрожало от возбуждения. Впервые за многие века заключения она могла победить соперницу. Только надо говорить естественно и не раздумывая.

— Ни ты, ни я не можем быть в двух местах одновременно, даже богиням это не подвластно.

Такая фраза позволяла перехватить инициативу в разговоре и легче сделать очередной шаг. После небольшой паузы Лоони продолжала:

— Я решила дать ему столько шансов выжить, сколько имеют другие пленники Зард. Теперь он в толпе этих несчастных мучеников. Ищи его, Инезия, теперь даже я сама не знаю, где Пта...

Лоони умолкла. В ее сознании шла внутренняя борьба. С одной стороны, она боялась действовать излишне самоуверенно, речь шла о жизни и смерти. Но ведь Пта не хочет, чтобы Инезия знала о его истинном состоянии. Значит, он не получил достаточно могущества для борьбы со злом. Ему надо выиграть время, найти выход из тупика. Значит, надо любой ценой отвлечь Инезию. И Лоони продолжила:

— Инезия, благодарю тебя. Пойми, что я хочу сказать. Речь о народе. Благодарю, ты не начала эту бессмысленную войну. Ты победила, и этого достаточно. Властвуй над Гонволейном и Аккадистаном. Объединить их народы теперь можно и без войны. Есть десятки способов. Распорядись, что теперь возможны только смешанные браки, и через поколение страны сольются. Только не надо войны. Это же миллионы трупов. Каждая смерть подданного уменьшает величие правителя. Это истина, с которой не спорят даже богини...

Глаза Зард Аккадистанской менялись медленно, их коричневые зрачки светлели, мерцание становилось не таким зловещим. Они уже не пылали яростью и страхом. Инезия-Зард смотрела на Лоони уже с усмешкой и злорадством.

— Бедняжка! Ты никогда не была способна подняться выше человечности. Какая сентиментальность! Но она родилась из истерики, не забывай об этом. Дорогая моя, богиня должна подобно ветру нести все запахи: и полевых цветов, и ядовитых испарений. Клянусь, я не так свирепа и своенравна, как тебе это кажется. Эти два народа не могут соединиться естественным путем. Но это совершится. Клянусь!

Правительница поняла, что ее не слушают и стала вглядываться в толпу пленников. Огромная масса людей, похожих друг на друга, была подавлена своим жалким существованием, и никто не смотрел в сторону грозной Зард. Инезия злобно прошипела:

— Он ушел туда, пусть так. Но еще никто не смог убежать из резервации. Стражники получат портрет принца Инезио и мне доложат, когда он найдется. Я сама хочу видеть его тело мертвым, — саркастическая улыбка скользнула по лицу правительницы. — Радуйся, дорогая Лоони. Приказ о нападении на Гонволейн армия получила еще утром. Теперь никто не сможет остановить эту силу, даже я. Колесо истории закручено, и у него слишком велика инерция.

Ее улыбка стала демонической.

— Посмотрим, что получится, когда один главнокомандующий в двух телах будет руководить двумя враждующими армиями. Прощай, милая Лоони! Твое тело пока останется невредимым. Я хочу уничтожить вас вместе.

Зард Аккадистанская резко повернулась и пошла к своему гримбсу. Спины охранников услужливо пригнулись. Правительница проследовала по этим ступеням, не оглядываясь. Спустя несколько минут каменщики заделали дыру в стене, и ничто уже не напоминало о происшедшем.

Лоони не могла решить, что же делать. Ее тянуло в толпу узников. Но даже Инезия с ее стражниками не стала искать Пта, эта затея была почти безнадежной. Среди моря людей, потерявших интерес к жизни, найти единственного, способного к борьбе, было почти невозможно. Глупо терять время. Надо отправиться в Нуширван, выполнить то, что задумано. И ждать Пта. Надо сообщить ему о начале войны. Но это можно сделать только там, где они условились встретиться. Что он предпримет, когда

узнает о нападении, предугадать невозможно. Война способна уничтожить ту молитвенную силу, которой он овладел.

Волна безжизненности всколыхнула сознание Лоони. Происшедшее было слишком тяжелым ударом для богини. Приказ о начале войны отдан, близится развязка. Злодейские замыслы Богини Инезии воплощаются медленно, но неуклонно. Ночью хорошо обученные скриры-убийцы перелетят через древнее море Тета. Лоони попыталась избавиться от страшных мыслей. Ей стало жаль несчастное тело Нийи, которому суждено остаться здесь. Пора в Нушир-ван.

ГЛАВА XXI
МЕЖ СТЕН СМЕРТИ

От подстилки, рядом с которой Лоони дралась с мужчинами, до границы "больничной" зоны Холройд добежал за несколько секунд. Он перепрыгивал тела корчившихся от боли, лежавших без сознания. За последним барьером, отделявшим подстилки от общей зоны резервации, он с силой вдавил свое тело в толпу.

Только в узкую щель между чьих-то плеч он заметил, что Лоони еще борется с человеком, который хотел уложить на подстилку больного брата. Остальные продолжали без движения лежать на своих местах. Среди больных были и женщины. Даже если в одном из женских тел богиня Инезия, она не успела бы заметить, куда скрылся Холройд-Пта. Похоже, что непосредственная опасность в данную минуту Пта уже не угрожает.

Он попытался найти место, где не было так тесно. На каждом квадратном футе был человек. Протискиваясь через толпу пленников, Холройд искал свободное место. Ему казалось, что ноги идут по зыбкому песку, как будто он стоял в вязкой жиже. Но это была иллюзия, его угнетало чувство страха и безысходности, пронизывающее все пространство резервации. Наконец Холройд нашел уголок, где между стоящими людьми было немного места. Здесь он успокоился, и в сознании возникла мысль спрятаться в ук-

ромном месте. Необходимо найти тайное убежище и оставить там свое тело. Бессмысленно блуждать в людском океане.

Пришла ночь. Холройд все еще оставался у подножия стены, к которой примыкала "больница". Как и другие, он улегся прямо на землю, ежеминутно его пинали в спину. В поисках свободного места бродили сотни людей, то и дело наступая на лежащих. Грязная босая ступня прижала волосы Холройда к земле. Он резко дернул незнакомца за ногу и поднялся. Потревоживший его спокойствие молча улегся на свободное место и закрыл глаза. Надо искать ворота, через которые можно выбраться из этого каменного мешка, подумал Холройд. Он понимал, что там наверняка много охранников, но это не тревожило.

Холройд бродил, переступая спящих и пытаясь встретить хоть кого-нибудь, способного на побег. Наконец он спросил одного мужчину:

— Как нам отсюда выбраться? Куда идти?

Мужчина глянул на него с интересом, но не ответил. Десятки других глаз безумно следили за теми, кто не находил места для ночлега. Холройд ощущал, что его сознание стремится пробить массивную стену отчуждения и открыть истину этим несчастным, но все попытки тщетны.

Продолжая медленно бродить среди спавших, Холройд искал место, где его тело не будут топтать. Он был подавлен людской массой и сознавал, что место, огражденное от внешнего воздействия, сможет дать покой не только телу, но и мозгу. О своей душе он волновался меньше, чем о плоти. Если телесная оболочка Пта попадет в руки Инезии, то она постарается уничтожить тело. Надо найти какой-то выход, он должен существовать.

Неожиданно в ушах зазвучал голос. Холройд сразу уловил, откуда он исходит. Футах в пятидесяти справа на стене стоял человек с рупором. Над толпой произносились отрывистые фразы:

— Резчики... те, кто обучен уходу за боевыми скрирами... подходите к плотницким ямам... там на склоне холма...

Глашатай прошел футов сто по гребню стены и снова повторил свой призыв. Кто-то из узников произнес:

— Нас заманивают на крутой склон. Это ловушка, я резчик, но не пойду туда.

Холройд понимал, что никто из пленников не знает истинных целей резервации. Коварство ночных глашатаев было более изощренным. Они заманивали жертвы для обучения атаке на людей боевых скриров. Генеральный штаб Аккадистана здесь проводил учения пернатых эскадрилий в условиях, максимально приближенных к реальности. Но рабочие места резчиков могли стать местом, где удастся скрыть свое тело и отправиться в Нуширван. Кроме того, надо узнать о тактике боя с участием дрессированных скриров. Пробраться сквозь толпу к дальней стене не составило большого труда. Там было значительно просторнее. Наиболее отчаянные мужчины и женщины расхаживали по самому краю холма. Дальше был пологий спуск. Надсмотрщики время от времени сталкивали туда тех, кто был ближе. Внизу их строили в колонны по сто человек и подводили к каким-то норам у подножия высокой стены. Вооруженные охранники следили за порядком в колоннах, а безоружные, но физически сильные солдаты впихивали людей в норы. Жертвы кричали от ужаса, но их не было слышно из-за общего шума, стоявшего внизу.

Сверху было видно, что вправо от нор, где исчезали люди, были большие ворота. А за ними начинался ряд стен, перпендикулярных той, которая отгораживала от остального мира. Эти стены были чуть выше основной, и можно было заметить их продолжение за пределами резервации.

Пока Холройд изучал обстановку, воины с копьями дважды пытались спихнуть его со склона, там формировалась новая сотня. Но он каждый раз ускользал от них, и стражники хватали других пленников, которые не сопротивлялись. Решив, что сверху ничего нового не узнать, Холройд сам ринулся вниз. Он бежал по склону, обгоняя тех, кого спихнули стражники, ловко протиснулся сквозь толпу и очутился перед одной из ям. Оттуда доносились глухие удары деревянных и каменных кувалд. Каждый удар будил в сознании Холройда забытое чувство божественной ярости. Он бросился дальше, в сторону ворот.

Раздался крик:

— Назад! В строй! Жди своей очереди, иначе проткну!

Его били, кололи копьями, толкали, но Холройд пробивался к воротам. Словно бульдозер, он протаранил охрану и добрался до цели. Там стояла дюжина мужчин, вооруженных легкими пиками или луками. Стрелы и пики у всех были с каменными наконечниками. Их головные уборы украшали перья. Холройд сообразил:

Долговязый с четырьмя перьями должен быть старшим офицером.

Ярость молнией осветила мозг, и он устремил свое существо в офицера. Сначала тот сопротивлялся... затем...

— Бросьте этого торопыгу в яму, если ему так хочется резать камни, — крикнул он глухим голосом и указал рукой на свое тело, которое стражники крепко держали под руки...

"Как плохо я выгляжу. Грязный, худой, волосы всклокочены. На месте Лоони я бы давно забыл о таком доходяге".

Холройд вернулся в свое тело, когда оно уже лежало на дне ямы, ближней к воротам. Она была размером около двух сотен квадратных ярдов и проходила под стеной. Холройд позволил себе передышку и лежа осмотрелся. Мозг впитывал информацию, как губка.

На дне длинной ямы стояли ряды скамеек, где сидели такие же изможденные люди, как и он сам. Перед каждым стоял небольшой стол, рядом горшок с клеем, в руках пила из светлого металла. Зачарованно смотрел Холройд, как мастера кувалдами разбивали каменные глыбы, выбирали подходящие осколки, обрабатывали их пилой. Как они умудряются не разбить или же не отрезать себе пальцы, думал Холройд. Такое количество мастерских может обеспечить наконечниками копий и стрел всю армию Аккадистана. Из какого металла сделаны эти пилы? Режут камень, как масло. Каким клеем они закрепляют камень к дереву? Много интересного можно узнать здесь, но сейчас важнее другое.

Холройд медленно поднялся и пошел под стену. Какой-то толстяк тут же подбежал к нему, крича на ходу:

— Ты новенький? Почему один?

Он повязал Холройду на левый локоть ленту с номером и продолжил:

— Теперь ты номер триста сорок семь. Ищи себе место. Я потом покажу, что надо делать. Учти, работа тяжелая, но жить будешь дольше. Ленту не потеряй. Кто отказывается работать или теряет ленту, уходит первый. А так будешь ждать своей очереди.

Холройд молча смотрел в глаза говорившему.

— Ну, что уставился? Я старший сотни. Или надеешься, что тебя назначат на мое место? Не рассчитывай прожить лишний месяц и есть три раза в день. Мне еще неделя осталась. Будешь получать свою пайку только утром и последним, я прослежу. Сегодня ушел сто сорок седьмой. Вопросы будут?

Проходя мимо скамеек, Холройд смотрел на номера ленточек резчиков по камню. Свободное место он нашел на краю одной из скамеек. Рядом работал парень с номером сто пятьдесят три. Это означало, что сегодняшний день может оказаться последним в его жизни. Холод проник в мозг, Холройд сел рядом и сказал:

— Добрый человек. Я вижу, ты не трясешься от страха даже перед лицом смерти. Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Крэд, уважаемый.

Затем он обмакнул древка пики в клей, насадил только выточенный наконечник, бросил его в сторону и взглянул на Холройда.

Его лицо расплылось в улыбке:

— Что бы сделали со мной, назови я просто уважаемым того, кто очень похож на тебя. Пошли к старшему нашей сотни.

Пробираясь за парнем, Холройд так же, как он, собирал готовые пики и копья. При этом он продолжал оценивать свое положение.

Он не ошибся, скрыв от богинь знание своего нового могущественного дара, который влился в его тело, побывавшее на троне. Там, на полу, лежал тот, кого привела к цели звериная ярость, переходящая в агонию. Это чувство исчезло. Нет агонии. И нет зверя. Но есть капитан Питер Холройд из танкового корпуса армии США. И он способен перенести свою сущность в любое тело.

Это грандиозно.

Размышляя о стратегии войны с Нуширваном, Холройд понял, что новые возможности дают шанс нарушить планы Инезии, даже если учесть, что она способна посылать свое тело через пространство. Пожалуй, и раньше он вел себя правильно, логика его рассуждения оказалась верной. Трон был всего лишь источником хранившейся части могущества Пта. Оно уже использовано, и дополнить божественную силу могут только молитвы женщин.

Сознание подсказывало, что ситуация требовала практически раздвоения его личности. Необходимо знать, о чем будут говорить, как действовать две богини Гонволейна. Только в их беседе между собой с губ Лоони снимается печать молчания, а Инезия, оправдываясь и хвалясь старыми победами, невольно дает ключ к разгадке новых козней. Теперь у него начинал вырисовываться достаточно мрачный план действий. Инезия намеревается начать наступление. Если предотвратить атаку, то Великий Пта выиграет схватку со смертью в образе златокудрой красавицы.

Полубог был ближе к людям, чем богиня. Он чувствовал — Инезия обречена на гибель. Обладая магической силой, она забывает или презрительно игнорирует одно свойство, присущее каждой личности. Может быть, божественный разум не в силах понять его значение.

Люди способны противостоять божественной мощи, если...

— Мы пришли, — сказал Крэд.

Холройд внимательно смотрел на высокого, сероглазого и абсолютно седого мужчину. Крэд обратился к нему со словами:

— Старший по яме, я привел новенького. Думаю, что ему надо показать.

— Ладно, — равнодушно ответил старик. — Покажи ему.

ГЛАВА XXII
ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ

Сначала Холройд смотрел только на скриров, кружившихся над огромной ареной. Только в подсознании отложилось то, что огромное пространство вокруг заполнено

людьми, наблюдавшими своеобразный спектакль. Он отметил, что в полетах стай огромных птиц есть определенная система. Боевые скриры летали десятками. На спине одного из скриров, составлявших своеобразную эскадрилью, сидел наездник. Остальные летающие чудовища повторяли каждый маневр ведущего скрира, словно самолеты в строю. Внезапно одна из эскадрилий резко спикировала вниз. Только сейчас Холройд понял, что на арене находились сотни мужчин и женщин, предназначенных в пищу птицам, проходившим обучение участию в боях.

Холод сжал мозг, словно металлический обруч. Глаза Холройда не могли оторваться от ужасного зрелища. На арене шло сражение, жертвы пытались защитить свою жизнь. Они держали над головой грибообразные щиты, пытаясь поразить или просто отпугнуть прожорливых врагов длинными пиками. Птицы были неплохо натренированы и ловко уклонялись от уколов пиками, и выклевывали из толпы людей, словно червяков. Кошмарная атака длилась минуты четыре, затем эскадрилья взмыла вверх, унося в клювах и лапах страшный груз. Проследив за полетом, Холройд увидел, что птицы отнесли несчастных к месту, где располагались птенцы боевых скриров и начали их кормить.

— Они откармливают свой молодняк мясом? — спросил Холройд. Старший по яме, казалось, не расслышал вопроса. Крэд собирался ответить, но не успел. В голосе Холройда появилась свирепость.

— Невероятно! Хотел бы я знать, что за дьявол выдумал эти дурацкие щиты?

Крэд в удивлении раскрыл рот, не зная, как реагировать на поведение новичка. Седой старик угрюмо произнес:

— Сначала ты ответь мне...

Взглянув на лицо Холройда, старик осекся. Зрачки его расширились. Потрясенный своим открытием, старший по яме не мог говорить. Затем...

— Принц!.. Принц... Инезио!

Он упал на колени, слезы градом катились по лицу. Старик пытался целовать руку Холройду и бормотал:

— Я знал... Я верил... Богиня должна была прислать помощь... Я знал, что это издевательство над жителями Гонволейна не может продолжаться бесконечно... Принц Инезио! Хвала богине! Хвала богине!

Холройду с трудом удавалось сохранить спокойствие. Мозг переполнялся необузданной яростью, способной разнести на кусочки его тело. До этого мгновения он был способен оставаться холодным и внешне спокойным. Это было спокойствие вулкана, покрытого снежной шапкой, но переполненного бурлящей лавой. Гармония льда и пламени, разума и безрассудства, Бога и человека. Прославление богини этим стариком нарушило неустойчивое равновесие сознания.

Чудовищная, гнусная и лживая истина!.. Хвала богине? За что ее благодарить? Эту бесстыдную, подлую, похотливую ведьму? Эту дьяволицу, жаждущую крови, славы и власти?

Эти мысли не были произнесены, но прозвучав в сознании, погасили волны ярости. Старший по яме узнал в нем принца и поверил в реальность спасения. Вера в богиню может оказать помощь в осуществлении плана. И он спокойно произнес:

— Встаньте! Теперь вы маршал! Храните веру живой. Нас ждут нелегкие дни. Богиня Инезия послала меня сюда и наделила божественной силой для борьбы с этим святотатством.

Старший по яме поднялся, размазывая слезы, и Холройд осознал, что этот маршал теперь верно служит своему главнокомандующему. Можно ли так же надеяться на остальных смертников?

— Неужели, маршал, вы не могли изготовить более надежного оружия, чем эти пики. Да и деревянные зонтики не лучшая защита от боевых скриров. Новоявленный маршал выпрямился, на его лице появилось выражение уверенности. Решительно смахнув последние капли слез, он звонко произнес:

— Ваше Высочество, мы можем делать для наших людей лучшее оружие. Я уже семь лет здесь и кое-что придумал. Мы готовы испытать на следующей сотне мою идею защиты от скриров. Разрешите показать?.. Я сейчас вернусь.

Маршал побежал в яму, а Холройд с Крэдом остались наверху и молча наблюдали за атакой очередной эскадрильи. Страшный спектакль продолжался.

Старик вернулся довольно быстро. В его руках был длинный шест с зазубренным наконечником на одном конце и большим крюком на другом.

— Смотрите, принц, этот шест длиннее пики. Он легкий и крепкий. Мы их можем делать из обычного годового дерева. Когда скрир атакует, то надо крюком захватить его шею или лапу, а другой конец воткнуть в землю. Скрир — птица не очень умная. Даже если скрир ошибется, то он рухнет на землю и раздавит своим телом уколовшего. Потом он поднимется и улетит еще более злым. Один укол пики не убивает такую птицу.

Холройд взял новое оружие в руку, попытался имитировать его применение и произнес:

— Тот, кто зацепит скрира за шею или лапу, неминуемо погибнет.

— Но птица не сможет сразу подняться. Другие успеют своими пиками нанести много ран или стрелой смогут пробить толстую кожу на шее. Мы дадим шанс выжить многим. Если Ваше Высочество не возражает, то я пошлю на арену несколько человек с этим оружием.

Холройд ответил сухо:

— Только двоих. Они не смогут победить сотни птиц сегодня. Время для решительных действий еще не наступило.

Он понимал, что богиня может уловить связь исчезновения Пта со сменой тактики боя жертв гладиаторов.

Когда два человека с новым оружием погибли, Холройд улыбался. Рядом с их трупами бились в агонии четыре огромных птицы.

Идея новоявленного маршала была полезной.

С каждым часом в Холройде росла уверенность в правильности своих действий. На подготовку к схватке надо еще много времени. Не хватает умения командовать, не все известно об армии Аккадистана. Этой ночью надо бежать из резервации. Каждый час, прове-

денный здесь, дает богине шанс обнаружить Пта. Этого допустить нельзя. Он должен выбраться из этого ада. Ночью!

ГЛАВА XXIII
МОРЕ ТЕТА

Для тела Холройда были приготовлены носилки. Старый маршал и Крэд были предупреждены и ничему не удивлялись. Узники резервации умели хранить молчание, не испытывали страха перед смертью и безгранично доверяли принцу, посланному богиней.

Затем было занято тело старшего офицера, командовавшего охранниками, доставившими в яму вечернюю пищу. Аккадистанский офицер — Холройд — спокойно приказал поднять носилки с безжизненным телом. Двое дюжих стражников выполнили команду, остальные молча последовали за ними.

Потом они шли по длинным коридорам, где было много охранников и воздух переполнял малопривлекательный запах пищи. Один из коридоров в этом лабиринте раздваивался, как язык змеи. Почти все стражники и прислуга сворачивали влево, но Холройд приказал нести свое тело в правый коридор. Очутившись перед дверью, офицер распахнул ее и приказал нести носилки с телом дальше. Охранники с носилками стали спускаться по лестнице. Другой офицер внизу встал, глянул на тело, освещаемое тусклым светом факелов. Он не успел произнести ни слова, сущность Холройда перетекла в его мозг.

Офицер крикнул командиру охранников, носивших пищу:

— Веди своих обратно. Эти с носилками вернутся потом.

Он направился дальше, минуя столы, за которыми люди пили какую-то бледно-пурпурную жидкость, похожую на виноградный сок или вино.

Холройд заметил у больших дверей напыщенного субъекта. За этой дверью — выход. Субъект без сопротивления позволил завладеть своим мозгом. Он суетился, от-

сылая офицера, чуть не поскользнулся на ступеньках крыльца, но стражники с копьями в струнку вытянулись перед этим вельможей.

Они вышли на улицу и пошли вдоль стены.

Стена! Внешняя стена резервации. Сознание Холройда встрепенулось. Один из тех, кто ходил по стене, наблюдал за узниками, с ухмылкой глянул на носилки с безжизненным телом Пта. Свобода!

Осмотревшись по сторонам, Холройд приказал стражникам:

— Несите его вниз по этой улице. Ну, что уставились? Там есть повозка, которая заберет эту падаль.

Он шагал уверенно, внимательно изучая все, что попадалось на пути, пытаясь в полумраке выяснить, куда ведет дорога.

Стена, за которой была страшная арена и толпы гладиаторов, окружала огромный холм. Слева, у подножия холма, виднелись редкие дома и целая сеть дорог, ведущих к городу, за которыми виднелась гавань, заполненная кораблями. Город не привлек внимание, а вот гавань...

Добраться туда можно быстро. Надо завладеть телом капитана корабля и... Нет... Нетерпение нарастало. Могущественные способности проникать в любое тело дают возможность завладеть скриром. Плавание на корабле — это потеря времени. Как хорошо, что ни одна из армий не вооружена зенитными орудиями...

Мысль оборвалась, когда Холройд увидел, что стена уже далеко и вокруг никого нет. Он остановился и приказал носильщикам:

— Бросьте его там, в кустах, подальше от глаз. А носилки унесите обратно.

Стражники возвращались по дороге с обычной для людей их профессии уверенностью, что все происшедшее вполне естественно и они точно выполнили приказание старших по званию.

Как только они исчезли из виду, вельможа направился по их следам. Холройд довел его вдоль стены до того крыльца, где проник в его мозг, открыл дверь и громко крикнул:

— Без меня ничего не случилось?

Он не стал выслушивать заискивающие рапорты, что все в порядке, пьяных нет и так далее. Холройд уже был в теле Пта.

Ухмыльнувшись, он вскочил на ноги и быстро направился к подножию холма. Здесь не было никаких строений, свет факелов со стены сюда не доходил. Наступившая ночь сулила удачу.

Идя по дороге, Холройд пытался представить ощущение людей, в которых входило его сознание. Испытывают ли они страх от потери возможности управлять телом, речью, мыслями. Думают ли они вообще в это время? Наверняка офицеры, помогавшие Пта выбраться из резервации, смутно помнят свои действия. Он старался организовать свой побег самым естественным образом. Даже если сама Инезия будет расспрашивать об этом случае, то они не смогут раскрыть ей истину. Поздно вечером забрали труп из ямы, унесли подальше и выбросили, а утром его склевали скриры. Ничего необычного не произошло. Все офицеры могли убедить себя, что действовали по своей воле. В глубине души Холройд надеялся, что так случится.

Он свернул на одну из тропинок, которая вела к зданию, похожему на ферму. До наступления полной темноты осталось не более получаса. Уловив в одной из ферм движение, Холройд направился туда. Открыть дверь загона для скрира было не просто, наконец удалось сдвинуть засов с места и проникнуть внутрь. Пара пылающих глаз раскачивалась в темноте, жесткие перья птицы зловеще шуршали. Сдерживая нетерпение, Холройд приблизился к скриру. Тот вел себя спокойно и не противился неумелым попыткам закрепить седло и удила. Домашние скриры вели себя совсем не так, как боевые убийцы.

Труднее всего оказалось забраться на спину птицы без помощников. Только с третьей попытки Холройду удалось очутиться в седле. Взлетев, птица сделала круг над родным двором, залитым холодным светом луны, и послушно направилась к побережью моря Тета.

Только утром впереди показалась земля. Лес начинался у самого берега. Казалось, среди холмов и нескончаемого леса нет и признаков жилья. Холройд уже два часа летел над землей со скоростью не меньше ста миль в час. Он думал, где лучше спрятать свое тело, когда дух направится

в Нуширван. Внезапно необычная мысль пришла в голову, он оглянулся на огромный хвост скрира. Пусть птица летит над лесом, он может привязать себя к седлу и получит несколько часов свободы духа без особого риска. Через минуту его тело осталось далеко позади.

Сущность Холройда устремилась в пространство. Полет сквозь пространство был уже знаком. При переходе в тела людей там, в резервации, он не успевал ощутить движение. Сейчас его обуяла жажда полета, свобода маневра. Насладившись, он попытался остановиться и ощутить дыхание пространства. Но вокруг не было ни света, ни воздуха. Душа не могла ощущать пространство. Вселенная черна и пуста для нее.

Он вернулся в свое тело, попытался успокоить волнение и понял, что птица продолжает спокойно лететь в сторону Нуширвана.

Что нужно сейчас делать? Как это узнать? О чем говорила Инезия? Что свою истинную сущность нельзя познать до конца, пока она связана с телом. Он помнил первое посещение царства тьмы, сущность должна быть способна управлять телом, находясь вне его. Может быть, мешает высота, или этот вид божественного проявления сейчас недоступен для Пта?

Он заставил себя взглянуть вниз. Сплошной лес, ни города, ни реки, ни озера. Сущность Холройда устремилась в пространство, но не туда, куда продолжало лететь его тело. Наконец, появилось ощущение опоры. Он спускался ниже, и чувство давления усиливалось. Оно знакомо! Вода? Впервые божественный дух, покинувший тело, ощущал что-то, кроме собственных мыслей. Он над морем Тета.

Проверив свою догадку, Холройд заспешил обратно. Должно быть, он летел близко к поверхности, ощущение опоры духа исчезло внезапно. Земля! Тело другого человека можно ощутить в полете так же, как воду. Надо только преодолеть много сотен миль до столицы Нуширвана.

Холройд точно ощутил скопление людей и реку. Снизившись, он чувствовал присутствие живых тел. Он выбрал ближайшее, устремился в него и ощутил потрясение, подобно шоку от удара электрическим разрядом.

Женщина!

"Надо быть осторожнее", — подумал Холройд. Раньше, когда он устремлялся по прямой в тела людей, которых мог видеть, такие ошибки были невозможны. Сейчас сознание улавливало только слабые сигналы, не различая при этом пол, возраст и даже место нахождения человека.

Следующая попытка Холройда была не такой опрометчивой. Он приблизился к источнику ощущения жизни достаточно близко. Не ощутив чужой ауры или сопротивления, он вошел в тело, став чиновником мелкой конторы, перебиравшим бумаги на своем столе. Из этих бумаг следовало, что столица расположена в двадцати пяти канбах севернее.

Следующее тело принадлежало солдату, идущему по торговой улице на окраине столицы Котахэй. Холройд продолжал путь к центру города вместе с солдатом несколько минут. Его мозг должен привыкнуть к ярким краскам, детским крикам, запахам города.

Затем, став усатым молодым человеком крупного телосложения, служившим писцом во дворце Нушира, он узнал, что владыка страны беседует в своих покоях с женой Калией.

Уводя писца от покоев Нушира, Холройд вспомнил младшую жену владыки Нуширвана. Она также светловолосая, как Инезия, но не так зла. Спустя минуту он уже смотрел на Калию глазами Нушира, которая продолжала говорить с мужем:

— Надо ввести во всех замках, крепостях и укреплениях новый порядок. Пусть женщины живут отдельно от военных мужчин и не владеют оружием. Они должны молиться за мужей.

Надо отправить посланников к вождям мятежников, в первую очередь к маршалу Маарику, Оилику, Ларго, Сарату, Клауду. Предложи им освобождение через нашу страну. Объясни, что ты не в состоянии противостоять Зард Аккадистанской, которая действует заодно с Инезией.

Холройд положил руку на плечо младшей жены Нушира и мягко произнес:

— Повремени с наставлениями, Лоони. Я прибыл договориться о встрече с тобой. Где мы можем повидаться, находясь в своих телах?

Сказав это, он широко улыбнулся и стал ждать ответа.

ГЛАВА XXIV
СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ

Лоони долго не отвечала. Глаза пухленькой Калии увлажнились, руки задрожали. Она поднялась с кресла и прошептала:

— О, Пта!

Затем, стряхнув оцепенение, она рванулась к мужу, схватила его за руку и быстро заговорила:

— Пта, она уже отдала приказ! Ты понимаешь? Армии готовятся к войне. Нападение неизбежно!

— Хорошо, — ответил Холройд.

Голос Нушира не смог передать истинное значение этой реплики. Блондинка отшатнулась назад и потрясенно смотрела на Холройда.

— Не будь наивной, — угрюмо продолжал он. — Сейчас мы не можем помешать Инезии осуществить ее замыслы. Но если мои выводы верны, все это обернется в нашу пользу. Мы можем чувствовать симпатию к этим бедолагам, готовящимся к смертельным битвам, но действовать опрометчиво не следует.

Холройд замолчал и дождался, когда с лица Калии-Лоони окончательно исчезнут страх и смятение, затем продолжил:

— Нушир уже знает много наших тайн. Теперь надо точно установить, на чьей стороне будет его армия в будущем. Я надеюсь, что личность, устремившая свои желания к развязыванию войны между Аккадистаном и Гонволейном, не станет тратить времени и усилий на Нушира Нуширванского.

Он способен понять, что обеспечит себе долгую жизнь и спокойную старость, если изменит форму правления в государстве. Чем плоха для него и его потомков конститу-

ционная монархия. Представь парламент, действующий по воле восьмидесяти миллиардов жителей Нуширвана. Сколько бы ни вошло туда людей, они не смогут игнорировать волю своих избирателей. Форму правления в городах можно не менять.

Не вижу причины, чтобы Нушир отказался от этой идеи.

Печальные глаза Лоони напомнили Холройду о его теле, привязанном к спине летящего скрира. Если бы он знал раньше, что приказ о начале войны отдан, то не рискнул совершить этот поступок. Эскадрильи боевых скриров Зард могли уже подняться в воздух. Время уходит.

— Лоони, мне нужна твоя помощь. Нам очень важно соединиться физически. Для этого надо точно определить, где сейчас находится мое тело.

Он стал объяснять, как проходил полет на юг через море Тета, затем на запад через бесконечный лес, к необитаемым берегам Гонволейна. Лоони оборвала этот рассказ:

— Действительно. На востоке от города Пта есть огромный лес, Пта. Если скрир будет продолжать полет прежним курсом, то вскоре прилетит к заливу, где встречаются три реки, текущие в древнее море. В этом заливе есть пять островов. Жди меня на том, который ближе к южному берегу. Я приду в теле, которое ты видел, когда я поднялась на великий утес. Это теперь единственное законное и свободное от души тело, которое я могу занять.

Она смущенно улыбнулась, затем серьезно спросила:

— Пта, у тебя есть план действий? Я имею в виду такой, который приведет к свержению Инезии... и ее смерти.

— Я понял смысл происходящего и верю в разум и здравый смысл людей. Мое новое оружие сбережет миллиарды человеческих жизней. Теперь у меня есть возможность проникать в любой мозг, включая владык, вроде Нушира. Но если Инезия ухитрится овладеть моим настоящим телом прежде, чем я буду готов к действиям, то это обернется бедой для всех. Больше я не могу сейчас сказать.

Он видел, что голубые глаза озабоченно пытаются уловить глубинный смысл слов, но пухлое лицо Нушира ничего не выражало, поэтому Лоони спросила:

— Сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь действовать?

Холройд тяжко вздохнул. На этот вопрос он не мог дать ответ. Слишком сложно было представить все последствия его действий. Ему было необходимо не менее пяти месяцев. Смертельный приговор для Лоони был отсрочен на полгода, но часть отведенного срока уже прошла. Больше пяти месяцев на подготовку тратить нельзя. Эта мысль заставила вздрогнуть обоих.

Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят бойню на севере Гонволейна. Мужчины, женщины, дети будут гибнуть сотнями миллионов. Города не выдержат осады, и захватчики будут кормить телами их жителей боевых скриров и гримбсов. Встающие перед глазами Холройда ужасные сцены похожи на страшный суд, апокалипсис, конец света.

Чтобы осознать весь ужас возможного развития новой истории Земли, Холройд пытался вспомнить 1944 год. Человечество не первый раз получает жестокие уроки.

Надо подавить страх, не поддаваться ему и терпеливо готовиться к сражению с дьяволом. Только за час до решающей битвы надо приготовить оружие и покончить со злом одним, но сокрушающим ударом.

Холройд вытеснил из сознания фантасмагорические картины и быстро произнес:

— Я увижу тебя в дельте трех рек и все объясню. До встречи.

Через десять минут он вернулся в свое тело и увидел, что скрир подлетает к заливу. В него впадало три реки. Вот и острова, описанные Лоони. Сама богиня прибыла сюда только через два дня.

ГЛАВА XXV
ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛЕЙН

Островок, где жили Холройд и Лоони, был маленьким раем для двух тел. Худая и загорелая девушка и высокий мужчина с темными волосами чувствовали себя в полной

безопасности. Холмы и впадины этого острова были покрыты зеленью. В джунглях зрели фрукты, ручьи журчали чистой водой. Мягкая трава всегда была готова служить постелью влюбленным телам.

Они ждали, когда к Холройду потечет могущественная сила, способная дать надежду на спасение. Если женщины начнут молиться у жезлов, то победа над злом свершится.

Шли дни... недели...

Время текло неумолимо. Они вселялись в чужие тела на всех континентах Земли, выбирая наиболее влиятельных людей. Это требовало терпения и настойчивости. Человечество было слишком огромным.

Правители, маршалы, чиновники, удельные владельцы и мятежные командиры, их жены — все они были пронизаны рабской психологией и не хотели перемен. Слишком часто Лоони и Холройд-Пта слышали во всех концах света одни и те же фразы:

"Богиня ничего не говорила. Она бы предупредила народ".

"Война с Аккадистаном не объявлена. Где свиток с печатью Инезии?"

"Твои слова лживы".

Богиня действительно ничего не говорила людям. Но слухи распространялись подобно инфекции болезни, от которой не помогают никакие лекарства. Торговые караваны гримбсов возвращались из странствий пустыми, гонцы на скрирах приносили известия из приграничных районов. Нелегко было верным слугам Инезии утаить от людей подготовку к войне. С севера Гонволейна стали прибывать беженцы, неся вести о терроре захватчиков. Но Богиня молчала.

Холройд пытался представить Инезию в замке Пта. Перед его мысленным взором всегда представали покои принца Инезио и золотоволосая красавица в белом платье. Тогда он не знал, что Инезия способна хладнокровно вести Пта к гибели и хохотать, говоря о миллионах смертей.

Лоони и Холройд направились в столицу Пта. Город словно вымер. Они стояли на высоком холме, с которого открывалась панорама на весь город и море. Супружеская

пара, чьи тела они заняли, проходя по вечерним улицам, на каждом перекрестке читала листовки, наклеенные под факелами.

"Жители Пта!

Бедствие обрушилось на земли Гонволейна.
Безбожные мятежники, обезумев,
напали на Нуширван.
Армия Аккадистана
начинает мстить нам за подлость бунтовщиков.
Ночью в городах не должно быть света.
Не позволим боевым скрирам
Зард Аккадистанской вероломно
напасть на нашу столицу.

Верьте в богиню!"

Верьте в богиню? О, Колла! О, Пта!

Холройд сказал, обращаясь к своей спутнице:

— Удивительно, Инезия только сейчас сообразила, что темнота на руку захватчикам и ничего не дает обороняющимся. Отсюда мы увидим первую атаку.

Лоони молча положила голову на плечо мужу. Темнота сгущалась, в небе тянулись зловещие облака, город погружался в кромешную тьму. Холройд уже не мог видеть крыши домов, башни замка, но чувствовал близость вечного города Пта, столицы света, древнего дома сиятельного Божественного владыки веков.

Столица Пта во тьме! Впервые за все времена там не горел ни один факел.

Пта растворился в ночи и стал подобен бесформенным холмам, видневшимся вокруг.

Через облака пробился лунный свет и осветил печальный облик Лоони. Она прошептала:

— Пта, скажи, что еще надо делать? Неужели мы будем только смотреть на все это. Уже пало девять городов на западе, сорок три на северо-востоке, восточное побережье полностью захвачено Зард, на северном держится только Калурна. Вчера пали восточные столицы провинции Лира, Гали, Ристерн, Танис.

— Этой ночью падет и столица Пта, — спокойно ответил Холройд. — Нет, Лоони, сейчас мы не можем ничего сделать. Даже если вмешаемся в действия идущих на штурм, польза будет минимальной, кроме того...

Он умолк, Лоони ощутила, как напряглось его тело. Затем рука Холройда указала на огромную тучу в северной части неба.

— Смотри и слушай!

Лоони насторожилась, ее слух уловил звуки, подобные тем, что предшествуют приближавшемуся шторму. Это не ветер. Ужасные звуки нарастали. С черного неба доносилось:

С - к - р - р - р - и - и - и - р - р ...

Черная туча оказалась стаей сотен тысяч боевых скриров. Грубые, пронзительные крики заполняли вселенную. Сколько крыльев летающих убийц рождают это шипение в небе — пятьсот тысяч, десять миллионов? Какой десант они принесли?

Сверху донесся пронзительный сигнал. Туча ринулась вниз. Безумная бойня в столице началась.

Очутившись на острове, Холройд в ярости закричал:

— Я разорву ее тело на куски! Я выдерну золотые волосы клочьями! Я...

Сознание подсказывало Холройду, что с Инезией, этим воплощением дьявола, надо поступить по-другому. Ярость погасла.

Битва за Гонволейн шла с переменным успехом.

Не все города переходили в руки врага после первого штурма. В армии на вооружении появились шесты с крюками, восточная группа войск давала отпор аккадистанцам в воздухе. Главный штаб агрессоров уже не мог формировать достаточно крупные стаи боевых скриров для штурма сразу трех городов.

Холройд был уверен, что за всю историю цивилизации на Земле не было столь кровопролитной войны. Огромная армия Гонволейна уже давно не получала достаточно пищи. Огромные массы обезумевших людей, преодолевая отвращение, ели жесткое и противное мясо скриров и гримбсов, стараясь не смотреть друг другу в

глаза. Холройд скрывал от Лоони, что армии уже поговаривали о случаях людоедства. Ожидание было тягостным. И все же единственным средством, дававшим надежду на победу — было ЖДАТЬ.

И они ждали. Много раз богиня в теле однажды умершей девушки и полубог с горящими от ненависти и бессилия глазами обсуждали свои планы и ждали. Они надеялись на любовь.

В одну из ночей, когда они, обнявшись, лежали на мягкой траве, Холройд тихо произнес:

— Знаешь, я понял, что божественное могущество — это очень простая вещь. Сначала появляется возможность направить свою сущность, которую люди называют душой, в любое тело. Потом приходит умение перемещать тело в пространстве или управлять им на расстоянии. Но этого мало, чтобы стать Богом. Власть приходит с умением преодолевать время, отправляясь в прошлое и будущее, преодолевать спираль бытия, вырываться за ее пределы. Я попал в Гонволейн, минуя все витки, накрученные временем за двести миллионов лет. Сработал второй круг божественной власти.

Есть и другие круги власти. Путешествие умов, в которое Инезия была вынуждена направить меня, показало, что чары Пта подобны гипнозу. Даже она не смогла полностью подавить другой разум. Мое могущество не позволило это сделать.

Голос Лоони мягко прозвучал в темноте:

— Древний Пта знал особенности человеческой психики и пределы возможности мозга. Кругов власти шесть. Большее количество нельзя прочно удерживать в одном разуме одновременно. Подумай и согласись, Пта не ошибся, выбирая составные части своей божественной силы.

Холройд устало кивнул. Этой ночью он больше не произнес ни одного слова.

Больше месяца Холройд и Лоони не говорили о божественной силе Пта. Он стал замечать, что с каждым днем тело Лоони становилось все более совершенным, черты лица приобретали благородные пропорции, острые скулы уже не были заметны, глаза сверкали теплым светом. Холройд вспоминал их в первую встречу: водоросли во всклокочен-

ных волосах, сабля, способная поразить Пта, которого забыли женщины Гонволейна. Зачем она делает из нового тела идеал, достойный любви Бога? Все женщины хотят украсить себя, даже богини.

— Скажи, что любил прежний Пта? Почему он стремился слиться с народом? Может, эта его ошибка позволила Инезии низвергнуть его с трона?

Лоони уверенно произнесла:

— Посмотри в свою душу, Питер Холройд! Ты — Пта, я чувствую, я знаю это. Ты прежний Пта, великий, мудрый и мятежный Пта. Посмотри на себя и увидишь, каким был Пта... и каким он будет!

Холройд ничего не ответил, и она продолжила:

— Слияние с народом не может принести зла Богу этого народа. Он мне говорил, что разум иногда порождал темные мысли, чужие желания, жестокие поступки, которые могли быть смыты только в одном источнике — жизненной силе людей. Он не хотел зла и боялся перерождения. Если его страхи были небеспочвенны, то сейчас в Гонволейне происходит не крах веры в богиню, а возрождение надежды на Пта.

Сейчас я знаю, что все желания Пта есть в тебе. В подсознании Холройда уже родилась истина. Грех не должен сковать разум народа. Мы разобьем оковы зла и победим врага его же оружием, не потеряв доброты. Пта! Не терпи пороки, не уменьшай желание творить добро!

Почти не дыша, она ждала ответа, но Холройд молчал. Он смотрел на нее и не видел. Слышал ли он сейчас свою жену?

— Пта, ты почувствовал новое могущество? Оно выросло? Скажи!!!

— Да... я ощущаю... Смотри, Лоони, сегодня должно получиться.

Он шагнул в ручей, и сразу вокруг тела возник сверкающий вихрь. Холройд исчез, но тут же появился рядом с Лоони.

Сто двенадцать дней и ночей они ждали этого момента. Пта теперь способен перемещать свое тело в пространстве. На сто тринадцатое утро он уже смог взять с собой Лоони. Когда солнце поднялось в зенит,

они получили возможность перемещаться вдвоем, не опираясь на воду.

Пришло время действовать.

ГЛАВА XXVI
СВЕРЖЕНИЕ БОГИНИ

Два искрящихся смерча осветили темницу, где было заковано в цепи настоящее тело Лоони.

Холройд потерял много времени, расковывая цепи, которые не могла даже поцарапать любая пила Гонволейна. Затем Лоони помогла ему уложить мертвое тело женщины, к которому успела привыкнуть, на место своего многовекового заключения. Тусклый свет не позволял разглядеть, что цепи уже не прикованы к каменному полу.

Лоони тихо сказала:

— Можно было не терять столько времени. Мое тело не такая ценность, чтобы Бог перед сражением терял столько сил. Потом тебе хватило бы могущества создать мне новое тело, достойное войти в круг божественной власти.

Главное заманить сюда Инезию, когда она узнает, что Пта жив и может действовать. Она явится в темницу, чтобы уничтожить мое истинное тело, вдруг подмена откроется.

— Твоя готовность пожертвовать самым ценным для победы над злом мне известна. Не волнуйся, мы опередим Инезию. Наши тела в соседней камере будут в полной безопасности, не стоит рисковать ими. А эта девушка, которой ты помогла стать красавицей, будет жить своей жизнью. Может быть, вы подружитесь. Этим я займусь потом.

Холройд и Лоони перенесли свои тела сквозь стену, договорились об условленном сигнале, и их сущности стремительно понеслись в Аккадистан.

Самый высокопоставленный сановник во дворце Гадира любовался панорамой столицы Аккадистана, когда в его мозг вошел Пта. Все города Земли сейчас очень похожи.

Всюду камень и мрамор подавляют природу, — подумал он и обернулся. В огромном зале находилась сама Зард Аккадистанская со своей сестрой и всей свитой. Сестра Зард сомкнула пальцы обеих рук, затем развела их в стороны и снова сомкнула, прижав ладонь к ладони. Холройд понял, что Лоони приняла верное решение, выбирая тело. Он повторил условный сигнал и, улыбаясь, приблизился к Зард. Как только их взгляды встретились, он без колебаний вонзил нож в сердце правительницы Аккадистана. Удар был безжалостным и коварным, но она заслужила его. Миллионы людей погибли в войне, начатой Инезией, но нельзя забывать о тех несчастных, чьими телами кормили своих младенцев боевые скриры по велению самой Зард.

Он знал, что убивает тело, которым управляет Инезия. Это надо было сделать, только бы она не попыталась войти в мозг сестры правительницы. Она не осмелилась, понимая, что дворцовые перевороты ведут к смерти всех родственников свергаемых владык. Что она испытала, когда умирало тело?

В зале все кричали.

— Дельд убил владычицу.

— Дельд — убийца!

— Смерть Дельду!

Холройд даже не попытался уклониться от копий, пронизавших тело главного сановника. Его мозг был потрясен страшной болью, нервы трепетали. Но Бог должен познать ужас смерти человека. И он познал это сполна.

Затем Холройд переместился в тело военного министра Зард, изумленного происшедшим, и тот произнес:

— Немедленно созвать всех министров. Генеральному штабу отдать приказ о выводе всех армий из Гонволейна. Стража, убрать всех из этого зала, кроме брата и сестры Зард. Первыми удалите женщин.

Только одна женщина оказала стражникам сопротивление. Она яростно закричала:

— Поздно, Лоони! Ты выжидала слишком долго. Через месяц весь Гонволейн будет захвачен. А твое тело будет немедленно уничтожено! Дура!

Холройд подумал:

"Эта женщина не поняла, что Зард убил сам Пта, а не послушный исполнитель воли Лоони".

Вслух он произнес:

— Уведите эту истеричку. У нее помутился разум.

Сестра Зард подошла к военному министру и прошептала:

— Она еще не подозревает, что ты жив. Это упрощает дело. Настоящее тело Инезии в опечатанной комнате большой башни замка Пта. Ей придется идти до темницы. Мы должны опередить ее.

Так и случилось. Холройд и Лоони в темнице приготовились ждать появления Инезии.

Мерцающий свет возник около кресла, где обычно сидела Инезия. Когда вихрь материализовался, Холройд обвил золотые локоны Богини вокруг своей руки и заставил ее опуститься на колени. Голубые глаза расширились от ужаса.

— Инезия, тебя погубило собственное коварство. Я надеялась, что ты явишься сюда, чтобы уничтожить мое тело. Но в волшебных цепях лежит другая. И не пытайся покинуть свое тело. Тюрьму стерегут одни мужчины, и они пустят сюда только богиню Инезию. Ты сама так распорядилась еще много веков назад. Спеши, Пта! Она пытается растаять. Цепи не позволят ей это сделать.

В безумной ярости Холройд опутывал извивающееся тело тяжелыми цепями. Тошнота подступила к его горлу, когда Лоони принесла раскаленный стержень, молот и кувшин воды. Инезия не могла даже повернуть голову и увидеть, как умело орудует молотком бывший офицер танковых войск США. Она только услышала, как зашипела вода, закалившая раскаленный стержень. Теперь ни один человек не способен без молота освободить из плена бывшую богиню.

Лоони спокойно произнесла:

— Дорогая Инезия, не надо так бояться. Ты хотела нашей смерти, но мы не так жестоки. Оставайся в этой темнице до той поры, пока Пта не наберет столько могущества, сколько требуется для изгнания тебя из круга божественной власти. Ты станешь смертной и будешь жить, как пожелаешь. К тому времени в Гонволейне будут мир и

спокойствие. Могла ли ты рассчитывать на более мягкую кару? Благодари Пта и молись за него!

— Идем отсюда, — пробормотал Холройд. — Мне плохо.

Лоони распахнула стену темницы и вышла. Холройд направился следом, но обернулся и еще раз взглянул в потухшие голубые глаза:

— Инезия, ты не учла, что большая беда всегда возвращала людей к религии. Женщины прятали молитвенные жезлы от твоих воинов, рискуя жизнью. Религия — это не просто вера в богов, это еще и страх. Религия загорается от искры, когда в мозг входит мысль о смерти близкого человека. Вера рождается из тьмы неверия и крепнет от страха за жизнь. Ты начала великую войну, принесшую миллионы смертей. Женщины Гонволейна молились за своих мужей, сыновей, братьев и любимых, сражавшихся с врагом. Не все забыли имя Пта, и они никогда не пожалеют об этом.

Холройд вышел вслед за Лоони. Они вместе закрыли тяжелые каменные двери темницы и трижды опечатали их перстнем Пта.

Прежде, чем они оба исчезли, Лоони тихо произнесла:

— Я не собираюсь ей мстить, Питер.

Пта не ответил.

ЧЕЛОВЕК С ТЫСЯЧЬЮ ИМЕН

The Man with Thorethand Names

Daw Books
New-York ✦ 1971

ГЛАВА I

Стивен Мастерс спустился по трапу космического корабля на поверхность планеты, размышляя, что он при этом должен чувствовать. Унизительно вначале пятиться задом из шлюза, как рядовой астронавт, а затем осторожно сползать по ступенькам.

Снимают ли его на пленку? Интересно, как он выглядит сзади? Ему казалось, что его движения неуклюжи, его даже передернуло от одной этой мысли. И все же — смешанное чувство охватило Стивена... Если люди на Земле следят за ним, то они знают — видят, что он, Стивен Мастерс сейчас, сию минуту спускается по лестнице.

Эта мысль доставила ему удовольствие. Они смотрят на него. Они видят его!

Сейчас он спустится и взберется на тот холм. Оттуда он увидит, как выглядит эта дыра.

Как только его нога коснулась грунта, Стивен попытался осмыслить тот удивительный факт, что именно он первым ступил на новую планету, и это самое главное. Ему стало легче, он оторвался от трапа и внутренне собрался под своим скафандром со всеми его устройствами и приспособлениями.

Сначала он чуть не упал. Шатаясь и спотыкаясь, Стивен с трудом удержался от падения. Боже, чуть не опозорился!

Прошло немало времени, пока он, обливаясь потом, стоял, застыв в нелепом положении, откинувшись назад. Оглянувшись, он увидел, в чем дело. Один из двух крючков, свисавших с плеча, зацепился за ручку канистры, стоявшей у основания лестницы. От неожиданного толчка он и потерял равновесие: шагнув вперед, чуть не опрокинулся назад, не поняв из-за жесткого кокона костюма, что случилось.

Стивен ослабил и освободил крючок. От злости ему бросилась в голову кровь. Он даже на мгновение стал хуже видеть.

Наконец он понял, что вряд ли кто-то из экипажа заметил его промах.

Чувство приподнятости верчулось, а гнев рассеялся, уступив место смущению. В стрессовой ситуации мелькнул слабый лучик истины, пробившись сквозь обычное для него состояние самоупоения. Что-то подсказало ему, что он не приобрел друзей за время полета. Но что поделаешь — лучше не жаловаться.

Он быстро направился к ближайшему из холмов. По мере приближения он отметил, что холмы не вулканические. Пологие склоны, много кустов, в основном, желтых, встречались и зеленые с оттенком голубого. Самое интересное — это их угловатые согнутые листья. Такого нет ни на Земле, ни на любой другой известной планете.

Педагогам удалось вложить в него кое-какой интерес к знаниям, несмотря на все его противодействие. И все же (он не мог скрывать это от себя) ему скучно уже теперь. Да, будут новые растения и много животных. Однако эти детали не имеют значения для сына самого богатого человека на Земле.

Мысленно он увидел всю эту роскошь: причудливые автомобили, блестящий личный самолет, хорошо одетых девушек, стремящихся ублажить наследного красавчика. Элегантные интерьеры, огромные здания, величественные отели, пресмыкающиеся слуги: "Слушаю вас, господин Мастерс... Что-нибудь еще, господин Мастерс? Вывести машину, господин Мастерс?". Он же бросает не глядя: "Я позову вас, если будет нужно". А если слуг не было на месте, то: "Какого черта, где вы шляетесь?!"

Правда, во время полета на Миттенд он обнаружил, что есть вещи, которые нельзя купить за деньги. Положение Мастерса-старшего обеспечило сыну койку на борту корабля, но не могло бы ни снять его с борта, ни повернуть корабль назад после старта, ни заставить спутников относиться к нему с симпатией. Люди не любят, когда деньги прут напролом.

Бог свидетель — он пытался наладить контакты. Но все на борту лишь отвернулись от него. В общем-то, ему наплевать. В определенных эмоциональных состояниях ему никто не был нужен.

Да, скучно. А вы, несчастные маленькие человечки, ищете еще одну зеленую планету? Хотите, затаив дыхание, увидеть маленьких птичек и взять пробы грунта? Боже, его тошнит при мысли о том, что еще три недели придется болтаться в космосе, проведя перед этим месяц на планете.

И пока Стивен шел, скучая, злясь и даже слегка дергаясь от нетерпения на каждом шагу, он смотрел на желто-зеленый мир, который расстилался перед ним внизу, в то время как он поднимался все выше. Содержание кислорода здесь было такое же, как на Земле, он снял шлем и бросил его, не глядя. Так лучше видны и отдаленный лес, и блестящая гладь реки. Он презрительно кривлялся, наблюдая открывшуюся ему, необычайную по своей новизне красоту природы.

И все-таки небольшая частица честолюбия еще оставалась в нем. "Стивен Мастерс отбывает на Миттенд с партией первопроходцев." Этот волнующий заголовок появился после того, как он спьяну признался, что этого хочет. Начитался газетной болтовни о себе, своем отце и захотелось чего-нибудь новенького. А газеты раздули его дурацкое хвастливое замечание на вечеринке.

Стивен мысленно оглянулся назад. Каким идиотом надо было быть! И вот чем закончилось. Он не переживет этого. Это предел!

Предчувствие неприятностей и сознание бесцельности его прогулки не исчезло и тогда, когда с гребня холма он увидел горизонт.

Что-то мимолетно прошло через его сознание в этот момент: "Мать, мы передаем тебе образ этого пришель-

ца. Разрешаешь ли ты заняться им? Даешь ли ты нам силу?"

Иногда Стивена удивлял поток собственного сознания. Но это бывало редко да и в других обстоятельствах. Совершенная бессмыслица промелькнула и исчезла. Осталось раздражение. Перед ним простиралась еще одна гряда холмов, более высоких, чем тот, на котором он стоял. Гряда закрывала западную часть горизонта.

"Хорошо, хорошо, — подумал он, — пойдем и туда". В конце концов, он всегда был упрямым. Чаще всего это касалось девушек. Его бесило, если какая-нибудь смазливая маленькая дрянь начинала нести вздор, когда он тянул ее в ближайшую постель, и он должен был зажимать и лично раздевать ее. И тогда она начинала вздыхать и расслаблялась, очевидно, считая, что теперь уже все идет как положено.

Путь к гребню пролегал вначале через ложбину, затем шел длинный, пологий, но каменистый подъем. Дойдя до нижней части ложбины, Стивен обнаружил там узкий ручеек, почти скрытый высокой кустистой травой. Вода журчала, несло сыростью, в ручье плавали маленькие черные личинки. На мгновение он вспомнил: маленький мальчик на одном из ранчо отца, узкий ручей, совсем как этот, он так же был скрыт травой, и Стивен нашел его так же совершенно неожиданно. Ему было восемь лет. Сколько радости он испытал тогда от этого открытия!

Его мысль задержалась на этой чистой картинке детства. С тех пор прошло пятнадцать лет "созревания", как он сам называл эти годы.

Зрелость?.. Как можно одновременно презирать свое положение сына мультимиллиардера и не упускать ни одной возможности воспользоваться им? Эту проблему Стивен разрешил очень просто. Презирать все человечество! Без исключения. Делать вид, что деньги ничего не значат. Насмехаться над этим тупарем, своим отцом, потратившим свою жизнь на накопление бесполезного барахла и денег. Тратить деньги с циничной расточительностью, поскольку тебе ведь все безразлично.

Стивен перепрыгнул через ручеек и автоматически совершил правильные действия. Во-первых, он начал подни-

маться на гребень, а во-вторых, прикинул расстояние до вершины — оно составляло около четверти мили. Тут проявились два его достоинства: никогда не останавливаться, не сидеть или лежать, словом, не бездействовать и еще — уметь правильно ориентироваться в окружающей обстановке. Он мог оценивать направления и расстояния, как почтовый голубь. На эту его способность не влияли ни тяжелые мысли, ни неприятные воспоминания или цепь образов, которые время от времени возникали в сознании, питая его фантазию и оправдывая его поведение. Бывали случаи, когда он наутро после загула просыпался в незнакомых постелях и тем не менее всегда быстро соображал, где находится.

Он все еще шагал к гребню, от высшей точки которого его отделяла всего сотня футов...

"Мать, он видит нас! Дай нам больше сил!"

Мастерс остановился и покачнулся. Подобное движение однажды спасло ему жизнь. Тогда он хотел перейти дорогу, и только он сошел с тротуара, как паромобиль, черный, словно ночь в степи, тихо, без сигнала пронесся мимо, лишь просвистел воздух, и если бы Стивен вот так же не откачнулся, то погиб бы. Тогда он среагировал быстро, крутнувшись в сторону уходящей машины, заметил номер, а затем судился три года, используя при этом всю мощь денег папы Мастерса. Ему пришлось выдвигать все более и более изощренные обвинения против несчастного владельца паромобиля, пока суд не вынес приговор в пользу Стивена, осудив ответчика на миллион долларов по совершенно ложному обвинению в том, что это было умышленное покушение на жизнь Мастерса-младшего. Лишь Верховный суд пересмотрел этот приговор, но ответчику это все же обошлось в восемьдесят четыре тысячи долларов судебных издержек. К тому времени Стивен уже и сам поверил каждому слову своего вранья. После этой истории он цинично распространялся о том, как трудно богатым людям добиться справедливости.

В других случаях Стивен реагировал на неожиданную угрозу ловким прыжком или другим движением тела, или мгновенным решением. Это всегда случалось моментально. Теперь, когда он отшатнулся в предчувствии

опасности, воспоминания о подобных случаях пронеслись в его мозгу.

Он заметил, что десяток каких-то существ, похожих на людей, появились слева от него и что они не совсем нагие, как ему показалось сразу, — на бедрах у них болтались маленькие повязки.

Стивен Мастерс быстро ощутил, что на этот раз ему не придется получить удовлетворения в суде, это не тот случай, НЕ ТОТ, когда ему удастся расквитаться с сукиными сынами, как он обычно называл своих противников.

Перебирая все эти мысли — некоторые из них были совершенно новыми для него — он по меньшей мере полминуты провел в нерешительности, и наконец — слишком поздно: — начал убегать от этих странных существ, но даже и теперь двигался слишком медленно. При этом Стивен почему-то ощущал нежелание убегать, появилось такое чувство, будто он движется в неверном направлении. Что-то внутри него сопротивлялось каждому его шагу. Через минуту, заметив, что преследователи не слишком спешат, он перешел на шаг.

Стивен шагал быстро, с беспокойством думая о том, что он идет примерно параллельно гребню холмов. Уже сейчас между ним и той первой цепью холмов, которую он пересекал раньше, довольно значительная полоса неровной местности. Совершенно ясно, что попасть к кораблю он сможет, только перевалив холмы в другом месте, поскольку дикари — как он заметил — держали в руках короткие копья и могли захватить его, если бы он пошел назад тем же путем.

Он попытался успокоить себя соображением о том, что дикари не так уж и опасны, потому что находятся на низкой ступени развития. Вокруг простиралась дикая природа, тишину нарушали лишь шаги его ног в грубых ботинках скафандра: части костюма при ходьбе скрипели и, как ему казалось, затрудняли его движения. Подумав об этом, Стивен тут же начал развинчивать детали комбинезона и освобождать стяжки. Конструкция костюма была очень удобной в обращении. Но перед тем, как окончательно скинуть с себя скафандр, Стивен вынужден был остановиться и вытащить вначале одну, а затем другую ногу.

Освободившись наконец от костюма, Стивен заметил, что из лощины впереди, на расстоянии ста ярдов, появилась вторая группа полуобнаженных существ, вооруженных копьями и также направлявшихся к нему.

Стивен вновь перешел на бег, он вынужден был теперь двигаться в направлении пересеченной местности, чего раньше он надеялся избежать.

"Фантастика какая-то", — подумал Стивен.

Неожиданно дорогу ему преградил ручей, довольно широкий и не такой уж мелкий. Поколебавшись лишь мгновение, Стивен прыгнул и погрузился в воду сначала до бедер, затем по пояс, еще мгновение — и он уже выбирался наверх по склону противоположного берега. Промокнув и увязнув по колено в грязи, Стивен опять кинулся бежать, однако тут же споткнулся и упал. Он встал и побежал снова, но, ступив ногой в ямку, почувствовал боль в щиколотке. Он собрался было бежать дальше, пусть даже и хромая, но преследователи тем временем почти настигли свою жертву, практически отрезав его от корабля. Ближайшая к нему группа находилась уже всего в двадцати пяти ярдах, и Стивен мог хорошо видеть их.

В такие моменты кажется, что время останавливается. Стивен на мгновение застыл в неподвижности. И, разглядев их лица, он безошибочно определил, что это лица людей.

Человеческие существа!

Правда, его это не очень поразило. Даже сухарь-антрополог обрадовался бы гораздо более. Эмоциональный же ученый просто затрясся бы от восторга. Как-то он случайно попал на собрание ученых мужей, обсуждавших проблемы рас на других планетах. И вот теперь он сам столкнулся с незнакомой жизнью, которую он наблюдал уже несколько секунд. Однако чувства ученого, делающего мощное открытие, были ему неведомы.

Туземцы Миттенда были почти белыми, так во всяком случае показалось Стивену. Сам он часто, смеясь, называл себя гражданином мира. Его прабабка была метиской, но никого это особенно не волновало, тем более, что она отличалась потрясающей красотой. Дед Стивена тоже же-

нился на очень привлекательной женщине с примесью китайской или таитянской крови. Мать Стивена была германо-китайского происхождения, черноволосая, с испанской внешностью.

Что особенно поразило Стивена, так это то, что... митгендиане были, как бы это сказать... все чем-то похожи на самого Стивена! Когда он разглядел сходство, туземцы были уже совсем близко.

Стивен побежал изо всех сил, задыхаясь, чувствуя, что он долго не выдержит. Он взбирался по склону холма, который казался теперь гораздо круче, чем раньше...

Только сейчас, в этот последний момент, Стивен понял, какую глупость он сделал, отправившись в одиночку. Обычно такие мысли ему в голову не приходили, он всегда делал то, что хотел, и посылал всех при этом к черту.

"Зови на помощь, идиот!" — мелькнуло в мозгу Стивена.

Он попытался крикнуть, но звук его голоса оказался на удивление слабым.

Неудачный призыв о помощи напомнил Стивену, как он закрылся когда-то на верхнем этаже пятиэтажного нью-йоркского дома Мастерса, где хранились всякие припасы и располагались комнаты для слуг.

Никто так никогда и не понял, как Стивен закрылся на этаже. Кто мог себе представить, что юноше в пятнадцать лет придет в голову закрыться изнутри на ключ, а затем выбросить ключ в окно?

Потом он стоял у окна, сгущались сумерки, и Стивен начал звать кого-нибудь. Во всяком случае, он утверждал потом, что звал. Может быть, он звал слишком тихо, может быть, лишь шептал. Об этом он умалчивал при разбирательстве.

Позднее признание получила версия, что один из слуг — Марк Брем — запер мальчика, а затем, стоя внизу на лужайке, смеялся и издевался над ним.

— Он словно сошел с ума, отец. Должно быть, он ненавидит меня, как и всех богатых людей.

Хотя голова Мастерса-старшего была всегда занята массой проблем, на этот раз он так удивился — чем это его

Стивен вызвал ненависть и странную злобу слуг — что несколько минут беседовал с сыном:

— Лучше всего говорить правду. Наказание за ложь или вред, нанесенные другому лицу, наступает автоматически, оно неизбежно. Ты остаешься психологически связанным с тем, кого обидел или кому солгал, и тем самым ограничиваешь свою свободу.

Очевидно, правду знали лишь Бог и Стивен. Но у Стивена правда получила странное преображение.

— Этот слуга ненавидит меня без всякой причины. Я всего лишь два раза говорил с ним за все время, что он служил у нас. Может, он чувствовал себя отверженным, хотел внимания.

Пятнадцатилетний мальчик сказал правду... о себе. Наверное, Стивен нуждался во внимании своего вечно занятого отца.

Мелькнувшее воспоминание, непродолжительное бегство, слабая попытка позвать на помощь — и погоня закончилась, преследователи были уже в нескольких шагах.

Когда его схватили, Стивен содрогнулся. Нечто абсолютно чужое дотронулось до человека впервые с тех пор, как на Земле появилась жизнь. Каждой клеткой своего существа Стивен ощутил отвращение.

Пальцы миттендианина вначале скользнули по правому плечу, затем снова, более надежно схватили его и уже не отпустили.

Глубоко-глубоко внутри Стивена что-то вскрикнуло.

"Мать, прикосновение, ощущение — это невозможно. У него тысяча лиц. Быстрее, перенеси его!.."

... Дзинь!

Стивен уставился на два бокала пива, упавшие на грязноватый пол бара. Резкий голос бармена сзади вывел его из оцепенения.

— Марк, какого черта, проснись!

Стивен обернулся. Он сделал это автоматически, не думая. В первый момент он не понял, что обращаются к нему. Однако кто такой Марк? Марк...

Подняв глаза, он увидел окно бара, на стекле которого с наружной стороны черными буквами было что-то написано. Изнутри это выглядело так:

УЛГУ АН

Еще через мгновение, переживая нестерпимую раздвоенность и не осознавая до конца, что ему придется теперь всегда откликаться на имя Марк Брем, Стивен повалился на пол.

ГЛАВА II

Стивен никогда не находил нужным скрывать свои чувства, ему было на всех наплевать. Поэтому и сейчас он начал орать и орал до тех пор, пока около него не собралась целая толпа. Никто ничего не понимал, для всех припадок официанта был полнейшей неожиданностью. Кто-то с ужасом произнес:

— Он помешался!

Стивен закричал еще громче. Где-то за спинами толпы уже набирали телефонный номер и вызывали полицию, но еще до того, как приехали представители закона, возбужденный баритон (Стивену этот взволнованный голос со всхлипываниями напомнил ослиный крик) вызвал скорую помощь.

Санитарам пришлось попотеть, пока они управились со Стивеном, который выкрикивал свою историю и никак не давал сделать себе инъекцию, отчаянно боясь, что его усыпят. В конце концов два прибывших полисмена справились с ним, и ему ввели снотворное. Стивен еще помнил, как его несли, крепко держа, а потом осторожно положили на носилки в машине.

Ему показалось, что в себя он пришел сразу же. Одного быстрого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что он находится в больничной палате. Он быстро нашел и нажал кнопку. До появления сестры Стивен сообразил, что он должен изменить свое поведение: они снова усыпят его, если он будет шуметь.

Стивен рассказал свою историю вначале одной сестре, затем другой, третьей, потом студенту-практиканту, потом доктору, еще одному доктору... Наконец, пришел психиатр. Какие-то слухи дошли до репортера. И вот еще дважды хриплый голос Марка Брема без признаков усталости подробно поведал о том невероятном несчастье, которое постигло Стивена Мастерса на далеком Миттенде.

Позже сестра принесла ему газету. Там была помещена колонка с его рассказом, а рядом — обзор новостей, где сообщалось, в частности, что космическая связь с астронавтами на Миттенде прервалась рано утром (значит, через двенадцать часов после психического срыва, случившегося с Марком Бремом).

Стивен даже не подумал о том, какая судьба могла постичь его спутников, его это совсем не интересовало. Взгляд Стивена скользил ниже по колонке, пока не остановился на том, что он искал: «Телефонный запрос Ассошиэйтед Пресс в штаб-квартиру Стивена Мастерса-старшего увенчался лишь лаконичным ответом одного из помощников мультимиллиардера: "В данный момент у нас нет комментариев по этому вопросу".»

В данный момент! Подразумевалось, что, возможно, далее что-то последует. Это мгновенно обнадежило Стивена и улучшило его настроение. Всю оставшуюся часть вечера и беспокойную ночь он представлял, как "старушка" — так он называл мать, которая в свое время была очень красива (да и сейчас еще могла представлять некоторый интерес для мужчин) — теребит "старого хрыча".

Он злорадно подумал: "Уж она-то не даст ему заснуть". Мысленно Стивен увидел, как его мать, обуреваемая страхом и самыми худшими предчувствиями, настаивает, чтобы ни одна, даже самая слабая ниточка, ведущая к спасению ее дорогого сына, не осталась не исследованной.

С самого начала, когда он собрался в экспедицию, мать была сама не своя. Если говорить правду, он так донимал всех близких фокусами и капризами...

Она его вытащит отсюда... С этим убеждением Стивен наконец заснул. Разбудили его медсестра — молодая блондинка — и санитар, ворвавшиеся, запыхавшись, в палату для того, чтобы перевести его в отдельную комнату для

интервью с двумя психиатрами и... с самим господином Мастерсом!

Его собирались перенести, но Стивен выпрыгнул из койки и, опираясь на сопротивлявшуюся блондинку и санитара, переместился в большую, ярко освещенную комнату с одной кроватью. Через несколько минут растворилась дверь и...

"Странно, — подумал Стивен, — он не изменился"... Хотя что странного было в том, что органы чувств Марка Брема воспроизвели в точности того Мастерса-старшего, которого знал Стивен? Для Стивена это была новая мысль. Впрочем, все люди выглядят, примерно, одинаково.

Стивен вновь повторил свою историю, но на этот раз спокойно. Впервые за все эти часы он действительно думал о том, что говорит.

Он даже увлекся. Рассказ помог ему высветить в памяти те детали, которые вначале ускользнули от его внимания. Теперь, в процессе рассказа, он сам стал понимать много больше.

Неожиданно что-то снизошло на Стивена. Поток сознания в его мозгу превратился в ревущую реку. Внутри него бушевало, он не мог контролировать свои мысли и память, и лишь малая часть его "я" сохранилась, благодаря чему он видел себя со стороны.

"Я уже наполовину чокнулся". Раньше это ему и в голову не приходило.

Возбуждение спало так же быстро, как и пришло. Он старался держать себя в руках, чтобы такое не повторилось. Еще несколько минут Стивен отвечал на вопросы.

Потом вновь стало скучно. Лежа на спине, Стивен отдыхал, затем перекатился на бок и с вызовом уставился на Мастерса-старшего.

— Отец, зачем ты привел сюда этих умников?

В Стивене закипала злость, и он накручивал себя все больше:

— Какого черта, уведи этих крыс!

Мультимиллиардер поднялся:

— Вы закончили, господа? — с достоинством осведомился он.

Врачи переглянулись и кивнули. Один из них сказал:

— В целом все понятно.

Другой начал анализировать:

— Явный случай параноидальной галлюцинации. Вы заметили появление этой мгновенной враждебности, мнимый перенос сознания? Я, вместе с тем, не думаю, что он опасен.

Стивен прорычал со злобой:

— Чистый идиотизм.

Старшему Мастерсу он сказал:

— И ты хочешь позволить этим пузырям выступить в прессе?

Отец был невозмутим:

— Они составят отчет, а помещать его в газетах или нет, я решу сам.

Стивен смягчился:

— Покажи его хотя бы вначале старушке, а?

Папа-Мастерс не ответил. Он подошел к двери, открыл ее и, уже выходя, остановился. Все замерли. Не поворачивая головы, он произнес:

— Я предлагаю вам покинуть больницу, когда вы почувствуете себя лучше, и возобновить вашу деятельность официанта в баре. Не стройте никаких иллюзий. Ваша история — фантастика. Всего хорошего.

И вышел, а вслед за ним и оба врача. Стивен остался лежать с презрительной усмешкой на лице. Однако заявление Мастерса произвело на него пугающее впечатление. Что-то в голосе этого старого лунатика... Неужели он и в самом деле так думает?

Оставшаяся часть дня тянулась долго. Его отвезли в прежнюю палату, где на других трех кроватях лежали какие-то малоинтересные для Стивена типы. Со Стивеном проделывали какие-то процедуры, он понял, что специальных инструкций относительно него не получено. Настроение его ухудшилось.

Пришла ночь. Вот уже пора спать. А он все еще Марк Брем и все в том же состоянии.

Один.

Стивен свернулся калачиком в темноте, как бы стремясь оградить себя от окружающего. Он лежал, чувствуя

себя отвратительно. Беспросветно... Тело Марка Брема — тяжелое, стареющее — казалось ему уродливым и чужим.

Размышления привели его к мысли о том, что с ним обращаются как с сумасшедшим. Нужно быть осторожным, а то его запрут в каталажку.

Ночь Стивен провел, составляя хитрые планы избавления, то просыпаясь, то вновь засыпая. Как можно притвориться здоровым и нормальным, если Стивен Мастерс втиснут в тело слуги, и притом, человека на четырнадцать лет старше его? Как, как, как? Вот история! Наконец пришло утро.

Когда Стивену принесли завтрак из двух яиц, двух тостов с маслом, клубничного джема и кофе, в палату вошел человек простоватого вида с веселым лицом и блестящими глазками, осмотрелся и направился к Стивену. Сначала Стивен подумал, что он его не знает, но через мгновение узнал. Это был владелец бара "На углу".

Как его звали? Да — Джесс Рихтер.

Массивный, крикливо одетый человек подошел к постели и уставился на Стивена.

— Эй, Марк, — сказал он, — ты уже во всех газетах. К нам валом валят, и я обещал посетителям, что ты будешь наливать как раньше.

— Ну же, — Рихтер стал подмигивать, — как насчет вернуться? Пока будет наплыв — плачу вдвое.

Такое оскорбление уже было трудно пережить. Стивену кровь ударила в голову. Пусть он сдохнет, но сейчас выдаст этому нахалу. Он уже открыл было рот, но...

Минутку... Все планы, взлелеянные бессонной ночью, вновь возродились в его мозгу и придержали язык. Ведь этот болван может вытащить его отсюда. Он отсидится в баре и обдумает, что делать. И кроме того, старый хрыч знает, что может найти его там.

— Да, — согласился Стивен.

А что он мог еще сказать?

— Чудненько — радостно воскликнул Рихтер. — Ты всегда был надежным парнем, Марк. А на этот раз ты превзошел себя!

Стивен усмехнулся.

— Так держать, парень. — Рихтеру явно полегчало. — Не меняй ни слова в своих показаниях, договорились?

— Еще бы! — ухмыльнулся Стивен.

Довольный толстяк попятился к двери, махнул еще раз рукой:

— Пока, Марк, до встречи, парень!

Рихтер отбыл. Теперь уже Стивену стало полегче. Ведь ему все время хотелось врезать в эту жирную морду.

Визит Рихтера подействовал на него угнетающе. Если старый дурак не появится и проглотит все, что ему навешивают те два умника о параноидальном состоянии... Одна мысль о том, что отец не предпримет никаких шагов, была убийственной. Потому что тогда он останется Марком Бремом. Он, которому только что было двадцать три года, станет тридцативосьмилетним.

После ленча пришла сестра и объявила, что его выписывают и он может уходить в любое время. Стивена охватило новое чувство — дела были не так уж плохи. Ведь он мог сейчас находиться на Миттенде в лапах этих дикарей!

Хорошее настроение заметно поубавилось, когда в кассе госпиталя ему выдали чек к уплате на тысячу триста семьдесят восемь долларов и пятьдесят центов. Во всех карманах и в бумажнике Брема нашлось только два доллара бумажками и тридцать восемь центов монетками. К счастью, там оказались и два засаленных чека Пятого национального банка. Не колеблясь, Стивен тут же использовал один из них для оплаты. Вероятность того, что на счету Брема могло не быть такой суммы, его не беспокоила, по крайней мере на данном этапе.

Спустившись по ступенькам, Стивен вышел на улицу. Здесь он остановился. Под вечер в октябре уже довольно прохладно. Когда он однажды лежал в клинике еще ребенком, то его при выпуске вывезли на коляске, погрузили с грузовой рампы в автомобиль и доставили с большой помпой домой, а мать следовала за ними в лимузине.

Сейчас же — ничего похожего. Прескверно чувствуя себя, Стивен побрел по улице в направлении все более убогих районов и остановился около телефонной будки. Дрожа от холода, подавляя злость, он открыл телефонный справочник и стал искать телефон бара "На углу". Ничего лучшего ему пока в голову не приходило.

Октонал стрит, шестнадцать. Где же это? Он позвонил в бар и объяснил Рихтеру свое затруднение. Тот восхитился:

— Ну даешь! Не знает, где находится. Что-то у тебя с головой, Марк. Стой, где стоишь, я пошлю за тобой сына.

Семнадцатилетний сын Рихтера прибыл в дребезжащем фургоне, он привык выполнять всякие поручения отца. Мальчик доставил Стивена в такую же убогую часть города, как и сам бар "На углу", перед входом в который фургон, задребезжав в последний раз, и остановился.

ГЛАВА III

Стивен работал, как автомат.

Такую уловку он придумал очень давно и применял ее, чтобы быстрее проходило время в периоды скуки. Это была особая игра: его тело присутствовало в определенном месте, а сознание отсутствовало.

Нося бокалы на подносах, он двигался, как лунатик, говорил ровным, размеренным голосом, принимал заказы и моментально передавал их хозяину-бармену. Вдобавок, прибавлял все время: "Да, сэр".

Удивительно, но никого это не раздражало. Никто не считал его поведение необычным. Посетители улыбались и еще подначивали его:

— Как там, старик, еще не подъезжает в своем "роллс-ройсе"? Марк, а может, ты Стивен?

И так далее, до бесконечности. Стивен попросту не пропускал эти выпады в свое сознание. Он знал, почему он здесь находится и для чего выполняет всю эту невероятную для него работу. На улице было холодно, а в баре — тепло. Кроме того, ему действительно некуда было пойти. Стивен всегда думал, что бедняки работают именно поэтому и что к нему все это не относилось. Теперь же, вот уже несколько часов он сам был задерганным бедолагой.

Время шло, миновал вечер. В два часа ночи выпроводили последнего завсегдатая, и Рихтер, повозившись за

стойкой, вынул деньги из кассы, надел куртку и пальто. Повернувшись к Стивену, он предупредил:

— Если ты не помнишь, то знай: ты спишь в задней комнатке.

— О'кей, — ответил Стивен.

— Ну, пока.

Толстяк ушел, бросив напоследок от двери:

— Уберешь все к трем часам. Запомни: открываем бар в три!

Стивен проследил, как он уходил. Дверь закрылась. Бар опустел. Часть освещения была отключена, Стивену не пришло в голову выключить остальной свет. Он медленно направился в заднюю комнату, которая оказалась разделенной перегородкой на две части. Слева был небольшой склад, заставленный ящиками со спиртным и несколькими урчащими холодильниками.

Стивен открыл дверь справа, нащупал выключатель. Когда лампочка зажглась, он увидел койку в углу. Что-то показалось ему знакомым. Да, это была его комната.

Стоя в дверях, Стивен пересчитал свои деньги, которые он получил на чай: двадцать восемь долларов и семьдесят центов. Что-то подсказывало ему, что для официанта в коктейль-баре "На углу" — это деньги немалые.

"На проезд автобусом до Нью-Йорка я уже заработал," — подумал Стивен. Хотя он толком и не знал, сколько стоит билет. Ему казалось, что этого достаточно, чтобы добраться до своей квартиры в Нью-Йорке.

Стивен лег на тоненький матрас, не раздеваясь, злость на отца вновь вернулась, он крепко сжал челюсти, вспомнив слова Рихтера об уборке бара с утра.

"Ну и денек будет завтра," — подумал Стивен, тупо глядя перед собой. Вдоль стен были устроены полки, уходившие под потолок. Вторая дверь комнаты вела наружу.

В это время кто-то постучал в нее. Раздался приглушенный женский голос:

— Марк, это я, Лиза. Открой, Марк!

"Ну-ну," — мелькнуло в мозгу Стивена. Он вскочил и открыл дверь. В комнату стремительно вошла худощавая молодая женщина с каштановыми волосами, собранными в пучок. Она выглядела весьма возбужденной.

Заперев дверь, Стивен повернулся и уставился на нее.

— Готова поспорить, что ты не ожидал увидеть меня после той ссоры.

Рассматривая женщину и слыша ее голос, Стивен смутно припоминал, как и в случае с Рихтером, его сыном и задней комнатой, что он уже видел ее раньше. Что-то было ему в ней знакомо, но не более. Вспомнил он только, что ссора действительно была, и, судя по словам женщины, довольно серьезная. Она хотела замуж. А что он ей отвечал? Это было пока неясно. Вроде бы Марк когда-то был женат, сбежал от супруги, но не оформил развод. Естественно, ему невозможно снова жениться.

Почему она решила вернуться сейчас, после скандала с Марком, женщина, очевидно, сама не понимала. Действовала же она спокойно, как и любая другая женщина в подобной ситуации. Свалилась как снег на голову Стивена. Он как-то не подумал, что у Марка Брема была личная жизнь. Конечно, теоретически Стивен мог предполагать, что другие мужчины время от времени встречаются с женщинами. Каждый Адам имеет свою Еву. И Ева, закончив работу в вечернем баре (она была официанткой), едет несколько миль по поверхности планеты, чтобы прийти в объятия Марка Брема в задней комнате другого бара.

Да, другие люди тоже хотят счастья, наслаждения, радости, разных приятных вещей — все это, в общем-то, понятно и объяснимо. Все правильно.

Когда Стивен понял ситуацию, перед ним сразу стал вопрос, что делать дальше. По его стандартам, эта баба стоила немногого. С точки зрения Стивена Мастерса, ее нос, рот, а также нижняя часть подбородка, скулы, наклон лба, прическа были несимпатичны, да и вообще он предпочитал блондинок.

Однако ему пришло в голову, что он может убедить ее отвезти его в Нью- Йорк. Кроме того, все же она молода, у нее гибкое маленькое тело и дружелюбные глаза, и она готова все это отдать Марку Брему.

Женщина оказалась из тех, кто нуждается в авансовых платежах в виде нежностей и нашептывания мелкой приятной лжи. Стивен — учитывая свое положение — решил, что ничего другого ему не остается. Поэтому он и постарался больше обычного, доведя партнершу до того, что она уже не контролировала свои непроизвольные стенания.

Тогда он выключил свет и приступил к тому, что он всегда называл "серьезным сексом".

Выполняя эту функцию, Стивен вдруг услышал голос, который прозвучал в его мозгу: "Сейчас темно. Осторожно достань нож и всади в его левый бок".

Женщина под Стивеном освободила свою правую руку и потянулась... куда-то.

Голос повторил: "Осторожно, помедленнее, чтобы он не заметил".

Стивен судорожно перегруппировал бремовское тело, налег всей тяжестью на ее вытянутую руку и пошарил возле тумбочки, включив настольную лампу.

— В чем дело? — Лиза привстала. — Что такое?

Стивен, сидя, держал ее руку. Другой рукой он отобрал нож, который Лиза уже наполовину вытащила из-под своей одежды, лежавшей рядом на стуле. Она могла спрятать нож только там.

Слишком поздно женщина сделала попытку освободиться:

— Пусти меня, что ты делаешь? Откуда ты взял нож...? Пожалуйста, прошу, не убивай меня! Пожалуйста!

Стивен отпустил ее и положил нож на одну из высоко расположенных полок. Медленно, дрожащими руками, он обыскал ее платье и сумку. Она все время плакала и о чем-то просила Стивена. Он понимал, что она, очевидно, ни в чем не виновата.

"Ее послали убить меня", — думал он. На этот раз голос в сознании командовал, приказывал. Размышления привели Стивена к уверенности: это была сама Мать.

Когда он улегся снова рядом с Лизой, ему захотелось узнать, как они добрались до нее.

— Успокойся, — сказал он. — Кто-то загипнотизировал тебя и приказал прийти сюда и убить меня.

— Нет, нет!

— Но именно ты держала в руке нож, когда я зажег свет. Так что давай с этого начнем. Помнишь ли ты, как искала нож рукой в темноте?

— Нет, нет, никогда!

— Прекрати истерику! — Стивен заговорил резко. — Подумай хорошенько. Что заставило тебя прийти сегодня вечером?

— Я... я вдруг поняла, что больше не сержусь на тебя.

Интервью продолжалось в том же духе. С неохотой Лиза опознала нож, сказав, что такие ножи использовались на кухне ресторана, где она работала. Она не помнила, где подобрала его.

Амнезия. Мать использовала человеческую податливость к гипнозу. Когда-то Стивен ненадолго заинтересовался гипнозом, но вскоре остыл, придя к выводу, что это чушь. Самое интересное и важное было то, что Мать, очевидно, не подозревала о способности Стивена воспринимать ее мысли и сообщения. Это чрезвычайно подняло ему настроение, так как он понял, что может настроиться на эту примитивную, наивную чушь, которую она выдает...

Его триумф сразу же поблек, когда ему в голову пришла другая, убийственная для него, мысль. Может быть, настройка действует лишь вблизи того, кого Марк Брем лично знает? С незнакомыми она может не сработать. Его просто застрелят с расстояния и все.

Сильно потрясенный, Стивен все-таки — уже через несколько мгновений — принял вызов и внутренне собрался. Впервые в жизни он понял, что ему придется начать думать. Но о чем?

Женщина около него робко спросила:

— Может, я оденусь?

— Сиди на месте, — приказал Стивен.

— Вряд ли мы с тобой будем продолжать после того, что произошло, — заметила она.

— Перестань болтать, ты мешаешь мне думать.

Главное — это составить план, свой план относительно... Матери.

В последние годы ни один человек в здравом уме не мог даже предположить, что Стивен Мастерс может иметь цель в жизни. Более того, если бы об этом кто-то заикнулся, Стивен почувствовал бы себя униженным.

То, что он поступил в колледж, уже было смешно. Ему представлялось, однако, что и там можно развлечься, и он посещал занятия, и окончил его. Преподаватели Стивена, правда, из-за этого перестали себя уважать, хотя и отмечали его сообразительность и даже считали, что он мог бы выполнять задания, если бы, конечно, взялся за это. Од-

нако нечего и говорить, что Стивен до этого не унижался. Но во всяком случае, в первое время пребывания сына в колледже Мастерс-старший несколько успокоился и даже вообразил — после нескольких утомительных визитов, — что Стивен выбирает свою будущую профессию между менеджментом и экономикой.

Наверное, после его визитов Стивен нарочно начал пропускать именно эти два предмета.

Больше никто всерьез не предлагал Стивену определиться с выбором. Отрезвевший папа-Мастерс поручил своим поверенным узнать, сколько денег нужно подарить колледжу, чтобы там все успокоились и подлечили нервы. Оказалось, что все профессора имеют свои любимые темы и проекты, которые, если бы Мастерс дал деньги, дали бы такие результаты... Да, им пришлось прикусить языки и выставить Стивену проходной балл, утешая себя тем, что, в конце концов, ему вряд ли доведется практически демонстрировать приобретенные в колледже знания.

Так что же должно было произойти, чтобы Стивен приобрел цель жизни? Совсем немного... Оказаться в теле Марка Брема! Цель жизни — стать снова реальным Стивеном Мастерсом! Правда, желание это не было всепоглощающим. Ему не хотелось и думать о возвращении на Миттенд. Может быть, все еще обойдется, и все устроится само собой?

Через час после того, как любовнице Марка Брема было позволено выскользнуть за дверь, Стивен все еще был зол до предела. Это нашло на него, когда Лиза начала канючить, как идиотка, чтобы он отпустил ее. Стивен так хотел наказать дурочку, что грубо накинулся на нее и брал ее снова и снова. Полудевочка-полуженщина, она почувствовала его настроение и поняла, что надо полностью подчиниться. Чувство вины и страх загипнотизировали ее. Она отдавалась Стивену с такой страстью, которая была почти равна его желанию.

Наконец, Стивен остался один. Он лежал в темноте и злился, умудряясь при этом думать. Собственно, мысль была одна: этот кошмар будет длиться до самой смерти.

Он постарался встряхнуться. Это уже затрагивало его как Стивена Мастерса. В нем начало зарождаться неукротимое желание...

"Боже, ну почему я?" Типичная для Стивена реакция. Пусть такие вещи случаются с кем угодно, но не с ним. Стивен искренне верил, что все мямли знают, какие они мямли, и даже довольны, когда над ними издеваются. Но не он!

Итак, у него появилась цель. Он лежал на спине, уставившись в потолок комнаты Марка Брема — потолок, который был еле виден в тусклом свете, проникавшем сквозь грязную штору от отдаленного мерцающего фонаря на углу. Стивен лежал и думал: "Я должен что-то сделать".

Так он и уснул с этой мыслью. Когда он проснулся, оказалось, что мысль его не покинула. Правда, прежде всего, проанализировав ситуацию, он понял, что беспомощен и находится в безнадежной ситуации.

Но с этого времени мысль о спасении постоянно была с ним, внутри, и она развивалась.

ГЛАВА IV

— Эй, Марк, Стивен — смотри!

Стивен наклонился, чтобы поставить на стойку бокал кенейдиан клаб, когда его позвал Джесс Рихтер. Стивен обернулся. Владелец бара предлагал взглянуть в окно.

К бару подкатил "роллс-ройс".

Не задавая никаких вопросов и ни о чем не думая, Стивен поставил поднос, подошел к двери и открыл ее. Снаружи было холодно. Поежившись, но не промедлив ни секунды, Стивен прошел к машине, откуда выходил шофер, кажется, его звали Брод.

— Привет, Брод. Я Стивен. Тебя послал старик?

Поджарый шофер в униформе, без сомнения, знал историю Марка Брема, но все же несколько смешался. Слишком уж все это было необычно.

— Э-э, привет, — пробормотал он наконец. — Ты тот самый Брем?

— Да.

— Ну, тогда не хочешь ли прокатиться в Нью-Йорк и повидать господина Мастерса?

Стивен шагнул прямо к блестящей задней дверце роскошной машины и остановился, ожидая. Брод колебался. Наконец, он подошел к Стивену. У шофера было абсолютно белое лицо. Он совершенно точно знал, что ожидал бы от него истинный наследник Мастерса. Резким движением Брод открыл дверцу и так же закрыл ее, когда Стивен устроился внутри. Затем ошеломленный Брод прошел к своей дверце, уселся и выжал сцепление.

Стивену пришло в голову оглянуться и помахать всем высыпавшим на улицу завсегдатаям "На углу". Джесс Рихтер напрасно рвался сквозь толпу, чтобы тоже увидеть отъезд Стивена. Его напряженное лицо мелькнуло в задних рядах людей и скрылось. Для такого полнокровного человека он выглядел очень бледным.

... Дверь открывалась комбинированным замком с кодом дня рождения Стивена. Он нажал кнопки и, услышав щелчок язычка, толкнул дверь, и торжественно вошел внутрь.

Мастерс-старший последовал за ним в апартаменты. Понимая, что старик следит за ним, Стивен указывал последовательно на все двери и одновременно перечислял: кухня, три спальни, музыкальный зал, библиотека...

Внезапно возмущение и унижение от того, что он вообще должен этим заниматься, прорвались у Стивена:

— К черту, — выругался он, — если тебе нужны еще доказательства, ищи их сам!

При этом он бросился в одно из больших мягких кресел, где и расположился спиной к отцу, обозвав его мысленно старым болваном. Позади него раздался знакомый звук: папа-Мастерс прочищал горло.

— О, ради Бога, отец, — взмолился Стивен, — неужели ты, сидя на куче денег, не можешь найти врача, который раз и навсегда прочистит тебе горло?

Последовала пауза.

— Человек, о котором ты говоришь так пренебрежительно, — произнес Мастерс в спину Стивену, — заслужил всеобщее уважение своей последовательностью, пониманием человеческой натуры и нежеланием идти на поводу у кого бы то ни было, кроме собственного сына. Ты же, такой умник, своим поведением создал прецедент самой дикой космической истории, и неизвестно, к чему она при-

ведет. Ты можешь оставаться в своем доме до дальнейшего уведомления, деньги на содержание я буду давать. Я думаю, мой адвокат и мои друзья не поверили твоему рассказу, однако, как я уже говорил тебе, Стивен, у меня своя философия...

Стивен не мог удержаться, чтобы не продолжить:

— За каждое зло надо платить. — Он остановился, ему стало скучно, скучно, бесконечно скучно. — Ради Бога, отец, прекрати это! Я загнусь, если ты будешь продолжать.

— Я считаю, — продолжал отец, — что то, что произошло, это возмездие. Ты, очевидно, сделал пакость Марку Брему. — Он немного помолчал. — Ты ведь солгал нам тогда о Марке, не так ли? Он никогда не делал того, в чем ты его обвинил?

— Эй, постой, — изумился Стивен.

Он был ошеломлен. Ранее два эти случая не объединялись в его сознании. Теперь он вспомнил, что думал именно о том, как опорочил репутацию Марка Брема, когда произошел перенос сознания.

Он обернулся к отцу и, злясь на Марка и на своих родных за то, что они наняли такого слугу, быстро и возбужденно рассказал обо всем, что с ним произошло на Миттенде.

— Может, это вот так и происходит — эта штука с Матерью. Они переносят тебя в того, о ком ты думаешь, — закончил Стивен.

Знакомые серые глаза наблюдали за ним и ждали конца его тирады, после которой Мастерс невозмутимо сообщил:

— У меня есть информация, что планируется послать еще одну экспедицию. Мое решение таково. Ты полетишь на одном из спасателей. Когда прибудешь на Миттенд, найдешь оболочку Стивена Мастерса и вызволишь его, в каком бы состоянии ты его ни застал. Его мать настаивает, чтобы я сам летел, но это уже слишком. Имей в виду: если ты говоришь правду, то задание, которое я даю, уникально. Ты отправишься и спасешь — себя! — Черты тяжелого лица разгладились. — Ну, как тебе это нравится? — папа-Мастерс улыбнулся.

Стивену такая настойчивость не понравилась. Малопривлекательное дело, да и тон... Старый ястреб добивает-

ся своего. Стивен сделал непроницаемое лицо, а Мастерс-старший пока достал из нагрудного кармана сложенный документ и аккуратно положил его на колени Стивену.

— Вот заключение психиатров, — сказал он, — думаю, ты найдешь его интересным. — Помолчав, он добавил: — По моей просьбе они согласились с гипотезой, что ты и есть Стивен, и вот результат.

Стивен нехотя взял бумагу и тут же отложил ее на кресло, стоявшее рядом.

— Я прочту позже, — сказал он безразлично, — если найду время.

Отец нахмурился. Он узнавал своего сына. Демонстративно проследовав к двери, он обернулся к Стивену и тихо сказал:

— К тебе будут обращаться разные люди, причастные к подготовке новой экспедиции. Если до меня дойдет, что ты этим не интересуешься или не делаешь того, что нужно, то вылетишь отсюда в двадцать четыре часа.

— Постарайся, чтобы старушка этого не услышала, — ехидно посоветовал Стивен.

Серые глаза смотрели на него холодно, не мигая.

— Да, твоя история, действительно, совершенно фантастична.

Мастерс-старший повернулся на каблуках и вышел, закрыв дверь.

Стивен даже не привстал, задумавшись.

Чем он занимался раньше? Ответить было затруднительно, его дни были заполнены сном, сексом, выпивкой, теннисом, обедами и ночными клубами.

Мыслительная деятельность отсутствовала, он ничем не интересовался, легко поддавался своим импульсам, внезапным вспышкам ярости, ненависти. И еще он постоянно был настороже, ожидая, что кто-нибудь обидит его.

Ему пришло в голову, что если Мать будет преследовать его, у него теперь не останется времени на всю эту чепуху.

Пока он думал, глаза его пробегали по сочинению психиатров. Оно ему не нравилось.

Документ начинался так:

"Настоящее заключение основано на допущении, что основная цель личности заключается в сознании такой ре-

альности, которая позволит индивидууму существовать в окружающем его мире. Принадлежность к высокообеспеченному слою общества создавала для Стивена Мастерса широкий выбор вариантов поведения. Из них Стивен выбрал тот, что точнее всего может быть обозначен как "элефантиазис эго", то есть абсолютная субъективность, модифицирующая реальность осознания опасности потенциальной возможности совершения убийства или нанесения телесных повреждений другим лицам. Таким образом, высокомерно присваивая себе власть над жизнью и смертью, он по существу никогда не был себе хозяином. Однако в пределах этой типоосновы он был безудержен и беспощаден и не выказывал сколько-нибудь заметных пристрастий ни к кому, даже к своим родителям".

Дойдя до этого места в заключении, Стивен подумал: "Эге, должно быть, я насыпал вам соли на хвост в этом госпитале..."

Выходит, Стивену удалось стать выдающейся сволочью своего времени, даже не затрачивая больших усилий...

Он ужасно разозлился. Вы во всем не правы, парни. Все это было совсем не просто. Даже совсем наоборот... На самом деле он всегда спрашивал себя, почему он стал таким же тупым, как и все остальные.

"Совсем не просто, — думал он, задетый за живое, — попробуйте не спать целыми ночами, гоняться за новыми девицами, когда и те, кого вы знаете, всегда готовы лечь с вами. А завтракать в полночь, обедать в девять утра?"

Эта несправедливость так потрясла его, что он снова откинул в сторону заключение.

И все-таки хорошо опять оказаться в своем доме. Стивену стало лучше, он поднялся с кресла и поставил кассеты с любимыми музыкальными записями.

"Может быть, позвонить этой девчонке Марка — Лизе — пригласить ее приехать и остаться со мной?.."

Воспоминание о ноже охладило его. Кровь отхлынула от лица. Он отрицательно покачал головой.

"Нет, — решил он. — Мать до нее добралась. Девчонка несет в себе зло."

Выключив магнитофон, он подумал, что ему надо держаться подальше от друзей Марка Брема.

Снаружи темнело, он слышал, как где-то рядом возились слуги. Это напомнило ему о том, как он орал на них, не стесняясь в выражениях. На двоих мужчин и женщину. А ведь они всегда держались рядом, да и найти у них промах было трудно.

Больше всего Стивена беспокоила мысль о том, что, может быть, где-то, в каком-нибудь вшивом космическом подразделении юридической службы грубые окрики приравниваются к направленным во вред действиям. Предположение, что это подразделение находится где-то в районе его мозжечка, не пришло ему в голову.

Перспектива находиться день и ночь в своих апартаментах наедине с тремя врагами была не из приятных.

Он поспешно ретировался в спальню. Обыскав комнату, заглянув в стенной шкаф, кладовки и ванную, Стивен пристально осмотрел стены в поисках секретных ходов и закрыл все двери, подперев их стульями.

Когда прислуга сообщила по переговорному устройству, что обед готов, Стивен не послал ее по обыкновению, а вежливо ответил:

— Я не буду обедать, спасибо, я не голоден.

ГЛАВА V

На следующее утро Стивен проснулся в необычном состоянии. Очевидно, так просыпался Марк Брем. На душе у него было спокойно, и он ощущал даже некоторую бодрость.

Обычно во сне Стивен скрежетал зубами — так, во всяком случае, говорили его подружки — и, проснувшись, сразу начинал злиться без всякого повода. Сейчас же он открыл глаза и стал рассматривать узоры на полке, настенную лепку, роскошные шторы, величественный стол, бюро, стулья и пуфики, пушистый ковер. Восхищенный, он свернулся калачиком, чувствуя всей кожей белые ирландские простыни и восхитительную мягкость швейцарского одеяла.

Даже когда к нему вернулись его ужасные мысли, он не полностью погрузился в мрачные переживания.

"Я в Нью-Йорке, — думал он, — все-таки я добрался сюда, несмотря на все невообразимые препятствия, всего за пять дней. Я выгляжу по-иному, не как Стивен Мастерс. Но меня здесь принимают. И я еще ни разу не солгал".

Одновременно напуганный и довольный своими поступками, Стивен еще глубже зарылся в постель. За красивыми занавесками уютной комнаты простирался Нью-Йорк. С каждым днем за окнами становится холоднее, а здесь все так же тепло и чудесно. Нужно быть совсем непростым парнем, чтобы получить все это в облике слуги.

А, черт! Мысль о внешности Марка Брема отрезвила Стивена. Он старался не думать об этом. Не смотреть в зеркало, отворачиваться от своего отражения в оконных стеклах.

Но, несмотря на все уловки, Стивен все же краем глаза замечал неприятные чужие черты. Он решил, что все-таки нужно рассмотреть свою теперешнюю внешность.

Оказалось, что встать не так-то легко. Прошел час, а Стивен все лежал. В конце концов около полудня, перекатившись на край своей императорской кровати, Стивен встал и побрел к зеркалу в ванной, где он мог видеть себя во весь свой рост. Приятных неожиданностей не произошло. Что Стивен ожидал увидеть, то он и увидел — правду. Приближавшийся к сорока, Марк был, по меркам Стивена, старым человеком. Лицо его было не худым, загоревшим и красивым, как у Стивена, а довольно мясистым.

В ярко освещенной ванне, Стивен заставил себя внимательно изучить новое свое тело. Наглядевшись до отвращения, он вслух заявил:

— Да, это уж слишком! Хорошо, отец, ладно. Я сдаюсь и лечу на Миттенд.

Он вызвал кухню, заказал завтрак и стал одеваться.

— Сейчас несем, сэр, — вежливо ответил мужской голос.

Отключившись от переговорной связи, Стивен подумал, что несколько необычная вежливость с его стороны и может выглядеть подозрительной.

Ведь эти люди могут на суде заявить, что я не Стивен, не тот Стивен, которого они знали.

Оставалось только пожать плечами: "Черт с ним! Если я буду всего бояться и не смогу никого отпихнуть или отругать, то дальше уже идти некуда".

Ему было крайне неприятно думать, что все эти людишки ждут от него агрессивных поступков, хотя на самом деле это вовсе не так. Ведь все они ничтожны, а разве можно сознательно вредить тем, кого даже не принимаешь во внимание?

Стивен, одеваясь, начал опять накручивать себя. Ему представилось, что где-то в немыслимых глубинах космоса кто-то считает его равным всяким ничтожествам.

Он съел завтрак, который подавали трое слуг с их надоедливыми "да, сэр, нет, сэр, что еще, сэр." Чувствовалось, что они находятся в смятении. Они тут неплохо жили, пока он был на Миттенде, а теперь вновь приходится поработать.

Стивен испытал некоторый шок, когда понял, что его слуги находятся в том же возрасте, что и Марк, а ведь он когда-то не раз говаривал:

— Когда я стану таким же старым, я сам вышибу себе мозги.

Вообще Стивена всегда почти тошнило от тех, кто старше тридцати семи-восьми лет. По его мнению, именно от них весь вред на дорогах, они всегда встревают во всякие происшествия. Все эти старики свыше сорока заполняют хорошие рестораны и вечно суются, куда не следует.

Его ночные страхи уже улетучились. Ему не пришло в голову, что повар Нина или Джозеф и Боб могут быть агентами Матери.

Закончив завтрак, Стивен от скуки забрел в огромную гостиную, а затем в смежный с нею музыкальный зал, одновременно служивший библиотекой. Усевшись перед окном, он заметил валявшееся неподалеку заключение врачей, которое ему вчера передал отец. Он взял его и еще раз прочел первую страницу.

"Боже мой, — с отвращением подумал он, — эти психиатры учились на двенадцать лет дольше меня, а пишут такую муру..."

Он встал и с досадой засунул бумагу в ящик письменного стола. От нечего делать он начал набирать наудачу номера телефонов своих дружков и подруг.

Стивена не могло не раздражать, что каждый разговор начинался одинаково — все колебались, слыша незнакомый голос Марка Брема, который говорил им:

— Это Стивен Мастерс в своем новом теле. Заезжайте.

Как бы ни была коротка пауза после его приглашения, Стивену она казалась слишком длинной. Его так и подмывало взорваться. Затем одни начинали мяться, а другие, наоборот, так и липли.

Отказывались лишь немногие, и к середине дня парочки и одиночки стали прибывать в его дом. Увидев Марка Брема, гости вначале не знали, как вести себя. Но Стивен пил много, и ему постепенно становилось безразлично, как они к нему относятся. Он весело называл тело Брема "эта неуклюжая туша", вроде бы его это не волновало.

Вскоре его апартаменты загудели, как в былое время. В дальней комнате завывала музыка, слышались смех и голоса, звон бокалов с шампанским. Когда далеко за полночь убрался последний гость, осталась лишь одна девушка по имени Стефани.

Она считалась одной из секс-бомбочек Стивена, и поэтому не спорила, когда Марк Брем-Стивен шепнул ей:

— Останешься, о'кей?

Она не сказала "да", но и не отказалась. Когда Стивен вошел в спальню, она уже была там и раздевалась, небрежно разбрасывая свою одежду.

Стивен был не настолько пьян, чтобы забыть, что за ним охотятся. Помня, что гости обычно приводят с собой своих приятелей, он в течение вечера всматривался во все незнакомые лица и пытался угадать, что скрывается за чужими глазами и лбами. Не помешает обыскать помещения перед тем, как улечься.

С этой целью он направился в ближайшую кладовую для одежды. Едва он сделал первый шаг, ему показалось, будто кто-то потянул его за рукав. Это было неожиданно, и Стивен слегка обернулся.

Это, несомненно, и спасло его жизнь. Протрещала короткая очередь, и, к удивлению Стивена, от двери рядом с ним отлетело несколько щепок.

Стивен не смог моментально среагировать, прошло несколько мгновений, пока он не развернулся полностью, и в тот же миг последовала вспышка из-за дивана, стоявшего в углу спальни.

Сидя на кровати, Стефани изо всей силы швырнула туфельку на шпильке в голову, торчавшую над спинкой дивана. Конечно, она промахнулась, но прятавшийся человек уловил, должно быть, краем глаза что-то летящее в него и нырнул за диван. Это была спасительная для Стивена секунда.

Стивен схватил стул и бросился вперед, выставив его перед собой. Когда голова вновь высунулась, стул с треском шарахнулся в лицо стрелявшего, грузное тело Марка Брема придало силу удару.

Человек, которого Стивен вытащил из-за дивана, оказался одним из тех, кого он с подозрением изучал во время вечеринки.

Незнакомец зашевелился, и девушка предложила связать его, ведь в книгах пишут, что преступников связывают, Стивен торопливо оторвал несколько полос от простыни и тщательно связал нападавшего.

Теперь неудачливый убийца лежал и, широко раскрыв глаза, глядел на Стивена и Стефани.

— Говорить не буду, — мрачно заявил он, когда Стивен начал выспрашивать его имя, адрес и занятие.

Это был человек примерно двадцати шести лет, среднего роста, с угрюмым лицом и сердитыми упрямыми серыми глазами. В бумажнике его лежали водительские права на имя Питера И.Эпли. Судя по адресу, жил он в восточной части города, ближе к морю. Нашлась и его визитка, на которой он значился членом ассоциации фотографов.

Что-то шевельнулось в памяти Стивена.

— Эй, — спросил он, — не ты ли тот тип, чью камеру я как-то разбил и...

Он остановился, припоминая в подробностях этот случай. Да, это, наверное, еще одно последствие его прошлых выходок...

"Но, минутку, а этот-то что, совсем чист? — бесился Стивен. — Эта сволочь с фотокамерой следила за мной днем и ночью, с опасностью для своей жизни карабкалась по стене, чтобы заглянуть в мое окно, прикручивала телеобъектив и прочие штучки к своей камере, чтобы добыть на меня компромат, да еще крупным планом".

Стивен взвинчивал себя против фотографа, и еще одно воспоминание всплыло в памяти. Ну да, это точно он! Дело было так: Стивен разбил камеру, дорогую камеру, а потом, не изменяя своему правилу — око за око, нанял детектива, который выяснил все о личной жизни этого парня, который оказался женатым и имел любовницу на стороне. Рассказать жене о проделках мужа было не лишено приятности. Когда семейный скандал разгорелся как следует, Стивен квалифицированно соблазнил сначала его жену, потом любовницу, причем проделал все это на грани искусства, умело играя на чувствах своих жертв.

Обе женщины не могли и предположить, что в его постели таких, как они, побывало никак не меньше тысячи. Конечно, Стивен, добившись победы, тут же избавился от них. Но если бы жена или любовница сохранили после этого хоть какие-то чувства к Питеру Эпли, то Стивен решил бы, что полностью дисквалифицировался, а об этом пока речи не было.

Стивен давно забыл свои злые чувства к бедняге.

— Как поживает Сью? — спросил он, глядя в лицо Эпли.

Но тот не прореагировал. Пожав плечами, Стивен подумал:"Должно быть, я спутал — так звали жену какого-нибудь другого шиза..."

Он встал и проследовал в библиотеку, где в сейфе хранилась заветная книга с именами и адресами. Да, он вел полный учет своих "доблестей". Открыв солидный том, Стивен посмотрел букву "Э". Вот, он точно помнил — Эпли. Жену звали не Сью, а Сара. А любовницу — Анна Карли.

Стивен удовлетворенно кивнул, закрыл потрепанную книгу и спрятал ее в сейф. Вернувшись в спальню, он спросил у девушки:

— Что будем делать с ним?

— Почему бы тебе не вытащить его в холл? Я как-то читала, что...

Стивену в голову не пришло вызвать полицию. Он был убежден, что Эпли — еще один агент далекой, смертельно опасной, но пока что ничего не добившейся Матери, что парень действует не по своей воле и лично не виновен ни в чем.

Уже в начале пятого часа утра Стивен, в общем-то довольный, уложил Питера И.Эпли, связанного и с кляпом во рту, в один из лифтов. Двери кабины автоматически закрылись, теперь его не обнаружат до тех пор, пока кто-нибудь не вызовет лифт снизу.

Стивен вернулся в апартаменты.

ГЛАВА VI

Здесь на него нахлынули прежние заботы и тревоги.

Он вдруг сообразил, что именно Стивен плохо поступил с Эпли, что Брем здесь ни при чем.

Следует принять меры предосторожности.

Во время его отсутствия блондинка Стефани уже забралась под одеяло и лежала на спине, выжидающе глядя на него. Глаза у нее были карие, и Стивен, стоя над ней, подумал, что и раньше сочетание карих глаз и светлых волос казалось ему негармоничным. Ему представлялось, что настоящие блондинки всегда голубоглазы, и он заподозрил, что внешность Стефани — скорее продукт искусства салона красоты, чем природы. Впрочем, странно то, что он ничего о ней не знает.

На свой лад, Стивен был человек практичный. Он ставил себе цели и обычно добивался их, давно поняв, что люди, во всяком случае большинство, привыкли к грубому обращению. Правда, некоторые из них потом избегали его, зато остальные старались поступать так, как хотел Стивен, как будто признавая его определенное право на злость и грубость.

Стефани всегда старалась подстроиться под него и шла ему навстречу. Однако для него это не такое уж

ценное качество. Стивен припомнил, что ее история обычна: два раза замужем, второго мужа оставила потому, что возомнила, будто Стивен увлекся ею. На ее месте могла быть любая из девяноста трех других его блондинок.

Стивен сделал еще шаг к постели и сдернул простыню. Несколько секунд он смотрел на нагое тело Стефани, а потом коротко бросил:

— Сядь!

Став коленями на кровать и не обращая внимания на женские прелести, находившиеся всего в нескольких дюймах от него, он расшвырял подушки. Под одной из них лежала косметичка. Вывернув ее содержимое на постель, Стивен не увидел ни ножа, ни другого оружия, только женские вещи. Отбросив косметичку, Стивен обшарил простыни, а потом поднял и перетряс подушки.

Наконец он набросил простыню на девушку.

— Я сделал тебе что-нибудь плохое? — нахмурившись, спросил он.

— Ты имеешь в виду Стивена?

Этот вопрос сразу же напомнил Стивену его вчерашние телефонные разговоры с друзьями.

— Кого же еще, глупышка? — процедил он.

Последовала пауза.

— Ты плохо относишься ко мне сейчас, называя меня глупой.

— О, это чепуха, — Стивен качнул головой, — я имею в виду, не бил ли я тебя хоть раз?

— Пару раз ты швырнул меня, и с твоей стороны это было нехорошо, — плаксиво протянула Стефани.

Стивен оторопел. Для человека, который бил женщин сразу же, как только они начинали, по его выражению, "сучиться", было непривычно то состояние, в котором он сейчас оказался: ему очень хотелось примириться с ней, но не потерять при этом своей главенствующей роли.

— И только-то? Всего пару тумаков? — обрадовался Стивен.

— Ну... — она задумалась, и на лице ее отразились умственные усилия. Видно было, что это давалось ей не-

легко. Она поежилась под простыней и жалобно продолжала: — Я подозреваю, что ты изменял мне.

— О Боже! — вырвалось у Стивена.

Он снова встревожился. Ему показалось, что он присутствует при рождении комплекса обиды. До этого момента женщина даже не смела подумать, что он не имел права так поступать с ней. А теперь, когда Стефани почуяла, что он смягчился, она решила сразу же использовать свое преимущество...

— Слушай, — решительно сказал Стивен, — а если я извинюсь?

— О, я прощу, — в ее голосе появилась надежда.

— Я никогда больше не буду грубо обращаться с тобой и бить. Обещаю.

— Я так рада! — В ее больших карих глазах появились слезы, и девушка всхлипнула. — Ты обещаешь не изменять мне больше?

От неожиданности Стивен застыл на месте. Мысленно он подивился тому, как быстро произошло превращение в этой женщине, как только она поверила, что парень попался на крючок. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы преодолеть возникшее в нем сопротивление.

— Совершенно точно, — произнес он самым убедительным тоном.

— Я не верю тебе, — голос ее стал враждебным. — Ты лжешь, я не верю тебе, Стивен!

Ситуация становилась неуправляемой. А у него были и другие дела. Стивен начал уговаривать:

— Послушай, Стефани, я хочу обыскать помещение. Если здесь мог спрятаться один убийца, то может и другой, верно? Подожди здесь — я быстро вернусь.

Девушка начала что-то говорить, но Стивен уже отошел и не слушал ее. Сначала он заглянул за диван. Там лежал пистолет, из которого его чуть не прикончили. В обойме было еще два заряда. Значит, в стволе был патрон. Достаточно для того, чтобы Стивен в случае опасности мог обойтись этим оружием, не открывая свой секретер, где лежали еще два пистолета.

Держа оружие наготове, Стивен открыл сначала один стенной шкаф, а затем другой. Перейдя в другую комнату,

он заглянул за стулья и диваны, в кладовую, гардеробную. Он даже обыскал кухню и прочие кладовки. Нехотя он отказался от мысли поднять слуг, решив, что если в их комнатах и есть какие-нибудь "гости", то их можно будет обнаружить и утром.

Можно ведь запереться со Стефани в спальне.

Когда он направился, наконец, в спальню, его внутреннее беспокойство не утихло, скорее, даже наоборот усилилось. Нападение Эпли показало, что Мать могла направить против Стивена не только тех, кому причинил вред Марк Брем.

Эпли стал жертвой ряда поступков, которые совершил не Марк Брем, а Стивен.

Вот новость! Оказалось, что подлости обоих были объединены.

Стивен подумал об этом перед тем, как войти в спальню. Он вынул патроны из пистолета и спрятал их под мягкое сиденье одного из стульев, а пистолет — под сиденье другого.

Успокоившись и вспомнив, наконец, об ожидавшей его женщине, Стивен в предвкушении удовольствия открыл дверь спальни...

... И застыл на пороге, пораженный.

Стефани не было. Он обшарил взглядом всю комнату: ни женщины, ни ее одежды не было.

— Черт меня побери! — громко и четко выругался Стивен.

Конечно, он не сразу свыкся с ее отсутствием.

Но что было делать? За какие-то пять минут он обнадежил, а затем разочаровал легко поддающуюся влиянию женщину, одну из тех, кто извечно ведет наивную игру, надеясь, что ее полное подчинение сыну богатейшего в мире человека принесет ей его любовь и она из Золушки превратится в прекрасную принцессу... Вместо этого он оттолкнул ее от себя.

Однако все не так уж печально. Стивен вымотался и поэтому заснул, едва коснувшись подушки.

Проснулся он около полудня от звонка телефона. Звонили из одного правительственного учреждения:

— Хотим установить с вами контакт, сэр. Не могли бы вы приехать к нам после ленча в удобное время, гос-

подин Мастерс? Да, в отдел электромагнитных явлений, Биологический институт Центра военно-космических исследований. Когда приедете, спросите доктора Мартелла.

Вспомнив, чем ему пригрозил вчера отец, Стивен вынужден был согласиться, тем более, учитывая, что уже два раза на него покушались.

Он презирал ученых так же, как и других людей, однако, возможно, они имели важную информацию, которой Стивен мог бы воспользоваться.

Наконец-то он в ком-то начал нуждаться.

ГЛАВА VII

Стивена начали учить обратной биологической связи.

— Наша цель... — произнес Мартелл и остановился. Он посмотрел на потолок и вздернул плечо. Глаза его приобрели бессмысленное выражение, одной рукой он начал проделывать такие движения, как будто что-то закручивал. — Цель — это, — его подбородок отвис, и ученый простоял так не меньше десяти секунд, а затем, очевидно, даже забыв что не договорил фразы, попросил: — Наденьте эту штуку, — тут Мартелл начал смеяться, как будто он схохмил или в слово "штука" вкладывал известный только ему комический смысл, — на голову.

Стивен расположился полулежа, со шлемом на голове в указанном кресле. Мысленно попытался успокоить себя: "Говорят, что ученый может знать свое дело и при этом не выглядеть идиотом".

В жизни часто встречаются парадоксальные явления. Например, преподаватель колледжа, который вел занятия психологического кружка, был специалистом в области психологии брака, хотя студенты знали о его домашних неприятностях. Кстати сказать, Стивен в силу своей испорченности получал наслаждение от лекций, если компетентность преподавателя была сомнительна или, что еще лучше, его репутация основательно подмочена. Ради таких

лекций он даже выползал из постели после бессонной ночи рано утром.

Точно так же, продолжал он размышлять, физик не может наладить дома свой мигающий телевизор, хотя хорошо знает, как его починить. Равным образом и химик, который точно смешивает вещества и получает химические шедевры, зачастую чашку кофе сварить не умеет. А личный доктор Стивена страдал постоянным насморком.

Стивен убеждал себя, что нелепая частная жизнь и извращенные натуры ученых не должны служить непременным доказательством их некомпетентности в науке.

Теперь, сидя в длинной и узкой комнате и проходя специальное обучение, он успокоился в надежде обрести свое прежнее тело.

— Подумайте о чем-нибудь успокоительном, чтобы эта лампочка загорелась зеленым светом! — предложил ему какой-то сотрудник в белом халате.

Стивен подумал: в мозгу у него пронеслось неясное воспоминание о фильме, который он видел в детстве. Пока он думал об этом фильме, лампочка горела зеленым светом.

— Хорошо, а теперь попробуйте заставить включиться синюю лампочку!

На этот раз он вспомнил, как влюбился в женщину старше себя, когда ему было шестнадцать (мужчиной он стал в тринадцать с половиной). Она отвергла его, что Стивена возмутило.

До тех пор, пока он удерживал в голове это воспоминание и переживал прошлую злость, синяя лампочка горела, хотя и слегка мигала. Далее все повторялось в том же порядке: зеленая, синяя, затем красная — одним словом, биологическая обратная связь, как они это называли.

Придется ему, думал Стивен, в конце концов носить шлем постоянно. Если он научится удерживать определенные мысли, то соединенный со шлемом компьютер сможет передавать сигналы в космос и получать ответы — какие?

Ему не говорили, какие. "Поживем — увидим", — вот что они отвечали. У Стивена создалось впечатление, что

эти несчастные олухи полагают, что наткнулись на крупное открытие. Мартелл, похоже, подавлял в себе волнение, что-то бормоча, от чего Стивену хотелось спрятаться, хотя живший в Стивене двойник испытывал некое извращенное удовольствие, глядя на этого неврастеника.

ГЛАВА VIII

В момент телерепортации сознания реальный Марк Брем пытался выполнить те движения, которые он обычно делал на работе: ставил два бокала с пенящимся пивом на маленький столик. Внутренне он уже предвкушал получение чаевых, обычно ему совали не так уж мало. Марк ощущал гладкость монет, которые он опустит в свой предназначенный для чаевых карман.

И вдруг что-то произошло: он бежит, нагие люди подгоняют его, над головой ярко-синее небо, вокруг раскинулась холмистая местность, бежать очень тяжело.

В эти первые минуты сожаление об утерянных деньгах оказалось сильнее всех других ощущений. Брем чувствовал себя, как чувствует официант, покидающий смену, не набрав достаточно чаевых. Эти недополученные деньги все еще мнились ему, когда его гнали со связанными сзади руками по достаточно живописной равнине. Марку показалось, что эта местность напоминает западные штаты США, особенно их пустынные районы.

Резкое изменение существования прошло для Марка не так уж трудно. Он даже не очень-то поразился.

"Как бы сообразить, — думал он, — где и когда мне дали эти капли, от которых я вырубился, и куда меня занесло".

В жизни Марка не происходило ничего таинственного. Поэтому его ничто никогда не удивляло. Все объяснимо. Ничто не происходит без причины. Мир таков, каков он есть, а люди в нем — тут он имел свое собственное мнение — овцы. Придет время, и он узнает, кто его захватил в плен, и что ему готовят.

Пока он размышлял на бегу, преследователи пригнали его к лесу, где они перешли на быстрый шаг.

Марк перевел дух и успокоился на удивление быстро. Конечно, он еще не подозревал, что у него теперь гораздо более молодое и сильное тело. (Стивен всегда компенсировал свои ночные излишества дневным теннисом, но не потому, что заботился о форме, а потому, что просто любил теннис и хорошо играл).

Здесь, в тени раскидистых деревьев, Марк решил, что его просто приняли за кого-то другого. Механика этого дела представилась ему так: зачем-то ему дали какое-то лекарство, после чего он выключился, так и не успев получить желанных чаевых. Далее тоже все можно было объяснить логически. Тот, кто приехал за ним в скорой помощи, вошел в сговор со злоумышленниками и перевез его сюда, чтобы передать... А вот кому?

Марк еще раз оглядел местность и нагих людей, которые окружали его со всех сторон.

Господи, кто же это? Чем скорее Марк докажет им, что он не тот, за кого они его принимают, тем скорее вернется на свою службу.

— Эй! — громко позвал он.

Никто не обернулся к нему, никто даже, как ему показалось, не услышал его. Вся группа продолжала продвигаться вперед по тропинке между густо росшими деревьями.

"Ладно, скоты", — мрачно подумал Марк. Он остановился, упершись ногой в невысокий выступ в грунте и откинулся назад. Он ждал, что его погонщики, которые держали концы обвязывавших его веревок, сейчас дернут за них, он заорал:

— Эй, давайте поговорим! А-а-а!

Он застонал, так сильно его дернули вперед. Сопровождающие даже не сбавили шаг. Неумолимо, со странным выражением лиц, они волокли его все дальше, не обратив внимания на его жалкую попытку остановиться. Они протащили его не менее десяти метров, прежде чем он восстановил равновесие...

В течение этого бесконечного дня Марк Брем все больше и больше убеждался в том, что люди вокруг него очень странны. В конце концов он пришел к заключению, что они наркоманы. Его убедили в этом главным образом их глаза. Нет, не враждебность выражали глаза

этих людей, как показалось Марку вначале, это были глаза сумасшедших.

Когда день начал сменяться сумерками, они вышли из леса на равнину, поросшую кустами, к берегу реки. Здесь, у струящейся чистой воды расположилась лагерем другая группа дикарей, которые выглядели еще более дикими, даже лица их были еще грубее.

Марка развязали, и через несколько минут он ободрился. Однако тут последовало новое унижение. Перед Марком появился человек с миской, содержимое которой напоминало густой суп. Жестами он приказал Марку сесть и начал кормить его этим супом, используя нечто вроде большой ложки.

Накормив Марка, человек толкнул его, Марк повалился на бок.

Наступила ночь. Темнота была кромешная. Марк напрягся и тихо лежал, выжидая и прислушиваясь. Вокруг него на траве лежали дикари. Поскольку никто его не трогал, то он со временем успокоился и уснул. Марк не раз просыпался от каких-то характерных звуков: слышалось барахтанье, рычание животных, какие-то крупные тела плескались в воде.

Просыпаясь, он чувствовал, что людей рядом нет, не было видно ни голых тел, ни сверкающих глаз, наблюдавших за ним.

Неизбежно появилась надежда на бегство...

Как только эта мысль пришла в голову, Марк услышал совсем рядом грозное рычание крупного животного. Испуганному Марку показалось, что это лев.

"Боже, неужели я в Африке?"

Это фантастическое предположение мелькнуло, когда вслед за рычанием он услышал рев, вой и трубные звуки, которые как бы отвечали льву. Наконец и они утихли. И он снова заснул.

Проснувшись в следующий раз, Марк вынужден был воспользоваться темнотой для отправления естественных надобностей, для чего ему пришлось присесть на корточки, отчего он стал более заметным. Днем он видел поблизости женщин, которые толпились, разглядывая его, и теперь он беспокоился, что они могут различить его в темноте.

Бесконечной ночи пришел конец. Утром все дикари оказались на месте. И что интересно, его вчерашнее неясное впечатление подтвердилось: все они чем-то напоминали одно противное существо, у родителей которого когда-то служил Брем. Хотя, это уж совсем нелепое предположение... Марк не мог припомнить, как выглядел пятнадцатилетний Стивен Мастерс, но если представить его взрослым...

В него влили еще порцию супа. Марк уже не сопротивлялся, а ел молча. Молчали и его захватчики. Вообще за все время плена Марк не услышал от них ни слова, слышно было только животных, и то ночью.

Теперь же и следа их не было видно, правда, на берегу, ниже по течению, валялись, кажется, чьи-то скелеты. Марк видел огромные белые кости, ребра и черепа, но непонятно было, кому они принадлежали.

Сразу же после завтрака теперь уже большая группа дикарей вместе со своим пленником перебралась через реку, поднялась на откос и снова вступила на равнину.

К полудню Марк изменил свое мнение о части света, где он находился. Это не Средний Запад. В свои молодые годы он как-то путешествовал по Аризоне: дикая холмистая местность тянулась вдоль трассы, ведущей в Нью-Мехико.

Вот и сейчас он находился где-то возле главного шоссе, среди холмов. В лагере нудистов. И, очевидно, здесь не один такой лагерь.

Прошел еще день. Странно, что никто не нес ни мешка, ни узла, а вечером, между тем, опять появилась миска супа, который залили в Марка пластмассовой ложкой. Правда, они наткнулись на другую группу нудистов, расположившихся лагерем у ручья; наверное, это они сварили суп и дали миску. Но все же это как-то странно...

На следующее утро Марк внимательно следил, не несет ли кто-нибудь какой-либо груз. Он мог гордиться своей наблюдательностью и умением логически мыслить: оказалось, что дикари все оставили на траве, просто бросили и отправились в путь.

И третий день прошел в утомительном марше с утра до сумерек, марше через пустынную дикую местность, а

вечером был все тот же лагерь и ручей, около которого сидели такие же дикари.

"Ладно, сукины дети, — подумал Марк. — Раз не хотите разговаривать, то и Брем будет молчать. Каков привет, таков ответ".

Четвертый день пути подошел к концу. Когда надвинулись сумерки и отряд уже приближался к огням костров, вдали раздалась канонада, во всяком случае, казалось, что стреляли тяжелые орудия.

"Идиоты, — озабоченно думал он, — надо погасить костры. Они посходили с ума! Сейчас их заметят, пристреляются и уничтожат".

(В восемнадцать лет Марку пришлось отслужить в армии свой срок, и он видел орудийные стрельбы. Тогда ему казалось, что этому конца не будет).

Выстрелы становились все ближе и громче.

Поразительно, но никого это, очевидно, не беспокоило. Дикари все так же продвигались вперед через косматые кусты. В темноте вспыхивали отсветы, и тяжело грохотали залпы. В лагере, куда они пришли, их вновь встретили такие же дикари, и все вместе уселись за трапезу. Один из дикарей накормил Марка, который отворачивался, но ел. По подбородку текла жидкая кашица, пачкая его и так уже нечистую одежду. Ни гром канонады, ни вспышки не волновали присевшего на корточки дикаря. Он не улыбался и не хмурился, не мигал и не поворачивал головы. Все это было очень непонятно. Но в конце концов, если они не переживают, то что тревожиться ему?

Он перестал беспокоиться и мирно проспал часть ночи. Проснувшись, он не услышал канонады.

Ночь была обычной. Трудно объяснить, почему Марку вдруг подумалось, что наступающее утро ознаменуется каким-то событием. Постепенно он снова задремал.

На пятое утро Марк Брем открыл глаза и увидел реку. За ней расстилался полуразрушенный город. Марка озарило: вот куда они стреляли.

Его, как всегда, накормил тот же дикарь. А может быть, и не тот? Марк не был в этом уверен. Господи, до чего же этот дикарь похож на... Марка так мучило любопытство, что он не выдержал и спросил:

— Послушай, ты или твои ребята знаете Стивена Ма...

Х-хлюп! Ложка супа влилась ему в рот, на полуслове. Если Марк раньше и не догадывался, что во время еды говорить неразумно, то теперь он это хорошо понял.

Он подавился, закашлялся, обрызгал супом лицо кормившего его дикаря и свою одежду.

Он пришел в себя, когда его отвели к реке. Тело болело, мускулы живота, горла и шеи были сведены.

"Боже мой, и все это из-за того, что я забыл, где нахожусь и что можно делать, а что нельзя. Нашел кому задавать вопросы..."

Небольшая река лениво текла в зеленых берегах и скрывалась за изгибом берега, теряясь в руинах города.

У реки, где стоял прохладный запах воды, Марку стало легче. Он вопросительно посмотрел на своего проводника, который отошел назад.

"Он перестал держать меня", — отметил про себя Марк.

Минуты текли, а его никто не хватал. Марк перестал оглядываться по сторонам и, опустившись на травянистую кочку, нагнулся к воде в предвкушении приятного холода. Он открыл глаза и увидел свое колеблющееся отражение.

. На него смотрело чужое лицо, не его лицо!

В моменты стресса человеческий мозг реагирует на окружающее очень сложно, однако восприятие действительности не искажается. Эффект стресса начинает ощущаться позднее, часто на всю жизнь остается травма, определяющая все поведение индивидуума. Но в этот момент...

... Шок, почти полное отключение от действительности, затем миг неверия своему зрению, мысль о невозможности, невероятности увиденного, и лишь затем отдаленная вспышка света — узнавание.

В следующий миг он упал в воду и начал тонуть.

Несколько дикарей вытащили Марка, уложили на берегу, развязали руки.

Спустя некоторое время, почувствовав, что он все еще жив, Марк со стоном вздохнул и открыл глаза. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что он лежит на плоту, который раньше был причален к пристани. Теперь плот медленно плыл по течению, приближаясь к развалинам города.

Марк повернулся, чтобы посмотреть туда, где он был раньше, — там стояли его прежние охранники и смотрели ему вслед.

— Эй, — позвал он слабым голосом, — в чем дело?

Ему никто не ответил. Марк хотел позвать снова, но, обессилев, устало прикрыл веки. Все это было слишком фантастично.

Лагерь нудистов на берегу. Голые тела, бродящие по берегу, далеко простирающиеся холмы, а за ними гряда серых гор.

Быстрое течение подхватило плот и закружило. Плот наткнулся на выступ какого-то дома, стоявшего у реки, повернулся, и лагерь скрылся за излучиной.

Одинокий плот медленно втягивался в разрушенный город.

ГЛАВА IX

Маленькая группа людей по одному выбиралась из космического корабля. Стивен сходил первым.

Разумеется, его не обрадовали слова капитана Одарда:

— В конце концов, господин Мастерс, вы единственный, кто побывал здесь раньше. Мы полагаемся на ваш опыт.

"Ничего хорошего в этом нет, — подумал Стивен. — Но черт с ними, пойду первым".

Все семеро членов экипажа первого посадочного модуля выбрались и стояли на грунте. Четыре других модуля ждали на орбите вместе с грузовым кораблем, который состоял более чем из дюжины больших раздельных транспортных блоков, каждый из которых нес свой груз припасов и экипаж. По сигналу готовы были высадиться на планету еще пятьдесят четыре вооруженных человека.

Капитан — грузный человек примерно такого же сложения, что и Марк Брем, но физически более выносливый — приблизился к Стивену.

— Надеюсь, вы не будете в обиде, господин Мастерс, если мы будем особо приглядывать за вами?

— Не беспокойтесь, — сказал Стивен, — я привык. После первого случая я не собираюсь больше шляться по холмам и долинам.

Стивен заметил валявшуюся на песке канистру и быстро подошел к ней. Затем он взглянул на линию холмов вдали — все выглядело точно так, как раньше.

"Да, вон там, — подумал он, — те же три холма..." Реальность всего происходящего подействовала на Стивена успокаивающе.

Вон там, в нескольких сотнях футов влево от холмов одиноко торчал первый его космический корабль, молчаливый, покинутый. Никаких следов экипажа не было заметно.

А здесь, рядом стоит их приземлившийся модуль, и его экипаж на месте, на виду.

Стивен втянул в себя глоток миттендианского воздуха и мысленно отметил, что он прохладнее, чем в прошлый раз. Наверное, приближалась зима.

Надо всем сказать об этом... Он повернулся к группе астронавтов, желая сообщить о своем наблюдении капитану, но тот уже отошел от модуля. Стивен мог, конечно, включить свою селекторную связь, но маленькие мигающие индикаторы подсказали ему, что несколько человек уже говорят между собой. Ладно, поговорим позже!

Вроде бы в настоящий момент им ничто не угрожало. Хорошо, что хоть сегодня не надо противостоять какой-либо враждебной силе, скрывающейся там, за линией горизонта.

Он знал, что у руководителей астронавтов существует некая программа. Разумеется, ее выработали военные умы. Из модуля должны выгрузить и наладить экраноплан, который с экипажем на борту облетит все окрестности, заметив группу миттендиан, захватит одного из них. Затем на планету высадятся все остальные участники космической экспедиции.

Стивен также войдет в экипаж экраноплана вместе с пилотом и еще двумя астронавтами и будет летать через день. Разумеется, группа захвата будет вооружена, а ее члены должны действовать в жесткой силовой манере, агрессивно, не отступая перед опасностью, не жалея собственной шкуры.

После приземления всех остальных модулей предусматривается проведение дальнейших разведок. Одна группа, вооруженная до зубов и готовая сражаться до конца, будет охранять лагерь.

Размышляя над этой программой, Стивен не сомневался в том, что она нужна военным. Но он мог представить солдатом кого угодно, только не себя. А сейчас ему хотелось бы, чтобы Марка Брема считали рядовым и обращались с ним, как с винтиком военной машины.

Мрачнея от подобной перспективы, он наблюдал, как два астронавта, которые должны были сопровождать его, — Ледлоу и Эрвин — приблизились к канистре, возле которой стоял Стивен, и засуетились возле нее. Сначала он не мог понять, что они собираются делать, а когда понял, быстро отошел. Стивен перешел по другую сторону корабля и стоял там, с дрожью ожидая взрыва, который так и не произошел.

Казалось, Стивен довольно долго простоял около остатков прошлой экспедиции, совершенно не догадываясь, что они могут представлять грозную опасность.

Боже мой, Стивен Мастерс, когда же ты станешь предусмотрительным?

Высадка на планету и проверка оборудования заняла весь остаток дня. Экраноплан был освобожден из-под своего кожуха. Была произведена экспериментальная проверка питания и органов управления, проведена имитация завтрашнего полета.

Все работало нормально.

Пришла ночь. Половина экипажа спала в модуле. Другая половина плюс Стивен улеглись в спальных мешках на земле. Это было решено жребием. Стивен вытянул длинную травинку, и ему пришлось спать в мешке под открытым небом. Стивену всегда не везло, и сейчас он получил еще одно подтверждение этому. Но что делать, он вытянул жребий сам.

"Однако, — подумал Стивен, — тело этого парня, Марка Брема, иного и не заслуживает."

Некоторое время Стивен не мог заснуть. Особенно ему мешала спать яркая звезда в черноте южной части неба. Кто-то сказал, что это земное солнце. Стивен долго смотрел на него. Ночь прошла без происшествий, и Стивен благополучно проспал большую ее часть.

После завтрака экраноплан мягко зашипел своими реактивными струями и улетел. На этот раз телу Марка Брема повезло, так как он вместе с четырьмя другими астронавтами остался стоять на земле и наблюдать, как аппарат круто взмывает в небо и становится все меньше, теряясь среди коротких перистых облаков.

У оставшихся не было никакой особо важной работы, кроме перетаскивания оборудования из модуля в лагерь. Так прошло все утро.

Наступил полдень. Все собрались за ленчем, после которого вдруг ожила рация. Голос пилота экраноплана вызывал модуль:

— Мы возвращаемся. Ожидайте прибытия. Мы захватили девушку. Сильная, как дьявол. Совсем как сумасшедшая. Когда прибудем, поднимитесь на борт и окажите помощь!

"Женщина", — разочарованно подумал Стивен.

Из раздумья его вывел вопль одного из членов группы, указывавшего на черную точку в небе. Это был экраноплан. Через несколько минут он с глухим ударом опустился на землю, дверцы его раскрылись.

Стивен уныло смотрел, как трое его компаньонов ворвались в аппарат. Он не тронулся с места и тогда, когда изнутри послышались звуки ожесточенной борьбы. Одна мысль не давала ему покоя: неужели она дралась все это время, пока находилась в экраноплане?.. Поразительно! Какая выносливость! За время столь длительной борьбы мускулы должны были ослабеть. Действительно, нечто нечеловеческое.

То, что произошло потом, развлекло Стивена.

Четверо мужчин, с трудом удерживая девушку, пропихнули ее в дверь. Один стискивал голову дикарки — при этом она все время пыталась укусить его. Двое других с обеих сторон держали ее за руки и плечи. Четвертый охватил руками ее ноги и висел на них, как гиря.

Несмотря на это она продолжала бороться, извиваясь и увертываясь от шприца, который пятый мужчина, наконец, всадил ей в бедро.

Теперь им оставалось ждать. Прошла минута — девушка все еще боролась. Две минуты. Три. Появились первые признаки слабости, и через пять минут туземка затихла.

Пока она лежала в состоянии прострации и мозг ее был загипнотизирован действием лекарства, в электромагнитном поле вокруг нее проецировались Кирлианновские образы, и в ее сознание через органы слуха вводился с помощью обучающего устройства английский язык.

Через фантастически короткий срок — всего один час — девушка проснулась. Ее уже связали по рукам и ногам. Когда к ней кто-либо подходил, она скалилась, обнажая крепкие зубы и щелкая ими, как неукрощенное животное.

Пришла ночь, и выяснилось, что ее глаза блестят в темноте, поражая всех своей дикостью.

— Мой Бог, — вздохнул Ледлоу. — Давайте будем за ней приглядывать. Если она вдруг высвободится ночью, мы все покойники.

Все согласились с этим без колебаний. Даже Стивен не мог не признать, что эта мера оправдана.

Караулить девушку договорились по очереди. Каждый должен отдежурить две смены по полчаса. Таймер по очереди разбудит астронавтов, подавая свои сигналы в слуховые устройства, вставленные им в уши перед сном.

Если кто-то заснет во время своего тридцатиминутного дежурства, таймер начнет звонить.

Марк-Стивен, который не боялся диких девушек, ознакомился с расписанием своих дежурств с кривой усмешкой. Он уже решил, как он проведет свое первое дежурство.

... Таймер зажужжал в ухе Стивена. Проснувшись, он выждал, лежа в темноте, так как предшествующий сторож по имени Джони должен был подойти и толкнуть его. Когда через пару минут этого не произошло, Стивен почувствовал что-то неладное. От волнения быстрее забилось сердце, участилось дыхание, восприятие обострилось.

Стивен взял пистолет и осторожно перекатился на бок. Поднявшись на колени, он осмотрел лагерь. Было темно, но звезды светили, и в их бледном свете уже через минуту он увидел очертания тел.

Стивен пересчитал их — все были на месте, включая девушку и Джони, который лежал. Спал ли он? Возможно, хотя часовые должны были сидеть в течение своей вахты.

Стивен подполз к пленнице. Ее блестящие глаза были открыты и смотрели на него, когда он подошел к ней. Готовясь к близости с девушкой, Стивен и не предполагал о возможных последствиях. Ему не пришло в голову, что Мать сможет использовать девушку против него, если он совершит над нею насилие.

Стивен руководствовался гораздо более примитивной логикой. Он внушал себе: "Вот, я здесь, больше чем в дюжине световых лет от Земли. Я никак не ожидал иметь женщину до своего возвращения. Но теперь я получу ее. Я здесь единственный, кто хоть что-то в этом понимает".

Пока он устраивался в темноте поудобнее, усаживаясь девушке на бедра, он даже не вспомнил, что в первое посещение планеты миттендиане всегда отстранялись с ужасом и отвращением от всего, что исходило от него.

Стивену было ясно лишь то, что эта женщина как бы была приготовлена для него его товарищами, несколько, по его мнению, простоватыми — ведь они все, каждый имея свои представления о чести, чувстве долга, храбрости, захватили ее в плен и доставили сюда связанной, не имея никаких других целей, кроме одной: они хотели утихомирить ее, успокоить и, со временем, вынудить обращаться с ними подобно тому, как одно цивилизованное существо обращается с другим.

Стивен все это понимал и по-своему также хотел этого. В самом деле, ведь его метод общения тоже был направлен на решение проблемы... Она влюбится в меня и...

Земные девушки обычно поступали именно так после того, как он спал с ними. Поэтому они роняли себя в глазах бывших друзей, а Стивен, конечно, бросал их, никогда больше не вспоминая об их существовании и даже не узнавая при случайной встрече.

Раздумывая над всем этим, он склонился над туземкой, чувствуя ее гладкую кожу, и начал медленно входить в нее. Такому опытному, с большим стажем насильнику, как Стивен, было приятно ее извивающееся тело, ее сопротивление. Стивен относился к тем земным мужчинам, которые в душе считали всех женщин шлюхами, желающими постоянно переживать насилие со стороны мужчин.

Тщательно уклоняясь от зубастого рта, пытавшегося укусить его, Стивен делал свое дело. Ему нравилось, что она не подает голоса, не зовет на помощь. Девушка лишь тяжело дышала, и это было некоторым оправданием для Стивена — реагировала, выделяя достаточно вагинальной жидкости, облегчая тем самым акт близости.

Закончив, Стивен приподнялся и уже осторожно крался на свое место, как вдруг...

"Мать, перенеси меня!"

... Он почувствовал, что лежит на спине, связанный по рукам и ногам. В сумраке он видел, как тело Марка Брема встало на ноги. Стивен был ошеломлен переменой в себе и еще не пришел окончательно в себя, когда дикарка в образе Марка достала пистолет и , подбежав к каждому из трех спавших, разрядила его в головы астронавтов, которым выпал жребий спать на открытом воздухе. Стивен услышал лишь хлопки, один человек застонал.

Уже через секунду дикарка оказалась возле Стивена, перенесенного в ее тело.

Она развязала ноги Стивена и связала свои у щиколоток. Затем, перекатив временно тело Стивена набок, она развязала ему руки и вложила пистолет в одну из них.

"Мать, перенеси меня обратно!"

... Осуществившийся через мгновение перенос сознания потряс их обоих.

Но Стивен оказался проворнее. Хотя его сознание было замутнено и перед глазами все плыло, Стивен понял, что он снова в теле Марка Брема. Он поднялся и прыгнул со связанными ногами изо всех сил на дикарку, пытаясь перехватить пистолет. Так они и сражались в темноте, две молчаливые фигуры, тяжело дыша, не произнося ни звука. Аборигенка была сильна, как мужчина, невозможно было ухватить ее скользкое обнаженное тело и отобрать пистолет.

Молчание, ночь, страх... Стивен не смел закричать, позвать на помощь оставшихся в живых и спавших в модуле товарищей, не смел потому, что не знал, как объяснить им смерть трех людей... Все произошло слишком быстро, у него не было времени придумать какую-нибудь оправ-

дывающую его историю. Он продолжал бороться. Сейчас главное — выстоять.

И ему это удалось. Он снова прыгнул на нее, всем весом Марка Брема сбил ее с ног и навалился сверху.

Девушка на мгновение замешкалась. В этот момент Стивен изо всех сил рванул пистолет и отобрал его. Размахнувшись, он ударил ее рукояткой пистолета. Стивен и до этого много раз бил женщин, когда они надоедали ему, правда, только ладонью или кулаком.

Дикарка свалилась и затихла.

Сразу ослабевшими руками Стивен начал развязывать веревки на своих ногах. Освобождаясь от узлов, он уже придумывал историю, которая могла бы сойти за правду. Если бы он и здесь мог положиться на силу денег, когда ему придется подвергнуться допросу на детекторе лжи!

Денег оказалось достаточно, чтобы избежать детектора лжи в случае с тем парнем на паромобиле, а сейчас...

Стивен был в растерянности.

Вдруг что-то опять на него нашло. Накатила какая-то пелена, а затем прошла.

Стивен моргнул — вокруг было светло.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы выйти из шока и сообразить, что он снова на Земле.

Несколько больше времени понадобилось, чтобы припомнить свои последние мысли на Миттенде и осмотреться. Он нашел себя в чьем-то доме и увидел в зеркале незнакомого мужчину. На столе валялись какие-то письма, адресованные Линде Атгерс и Даниелу Атгерсу...

И тут он подумал: "Да что же это такое! Это все мой старый отец со своей вшивой философией! Вот она и вылезла снова — я попался!"

ГЛАВА X

Некоторые считают, что жизнь — это игра, и играть в нее нужно весело. Другие являются сторонниками так называемого позитивного мышления и советуют не сгибаться ни перед какими трудностями. Наконец, третьи исповедуют философию победы, согласно которой победитель всег-

да чувствует себя лучше, чем побежденный. Стивен поступал в соответствии со всеми тремя кредо, хотя чаще всего даже не подозревал, что в его поступках есть какая-то система. Он был из тех, кто всегда падает с высоты лапами вниз, и это ему нравилось. За полученные блага Стивен держался обеими руками. Он не довольствовался скромным выигрышем и делал новые ставки, никогда не думая о последствиях тех сомнительных средств, с помощью которых он добивался выигрыша. Об этом всегда можно успеть подумать.

Как, например, сейчас.

Двадцать восемь лет, неплохо, а? Стивену это очень понравилось. Став моложе, он начал оптимистичнее смотреть на мир. Он обнаружил, что бывший владелец паромобиля, которого он так преследовал в свое время, был фанатом своего тела. Физически Аттерс находился в отличной форме и буквально излучал здоровье: был строен, мускулист и всегда готов ко всяческим нагрузкам.

К тому же Аттерс имел достаток выше среднего, и сочетание физического здоровья и финансовой устойчивости привлекли к нему симпатичную девушку с блестящими глазами, которая в свои двадцать шесть лет все еще носила длинные светлые локоны. Ее внешность привлекала даже Стивена. Однако ему потребовалось провести с ней всего две ночи, чтобы его начала одолевать привычная для него скука.

Конечно, была еще одна причина того, почему он заскучал и принял столь быстрое решение расстаться с этим домом и этой женщиной.

Дело в том, что к вечеру второго дня газета поместила информацию об экспедиции на Миттенд, составленную космическим ведомством. Сообщалось о гибели трех астронавтов, о бегстве взятой ими в плен миттендианки, которая разрядила в них захваченный ею у Марка Брема пистолет.

Газета также информировала, что трагедия произошла во время дежурства Марка Брема, однако оставшиеся в живых члены экипажа до сих пор не смогли добиться от него сколько-нибудь удовлетворительного объяснения инцидента.

В официальном заявлении не упоминалось о прежней публикации, в которой связывались имена Марка Брема и Стивена Мастерса. Однако прессу нельзя было упрекнуть в излишней сдержанности. Газеты расписали драму во всех подробностях, да и телевидение не упустило шанс позабавить зрителей.

Больше всего Стивена обеспокоило, что космическое ведомство, как ему показалось, чего-то недоговаривает. Капитан Одард, как и предполагал Стивен, конечно, сообщил с Миттенда, что Марк Брем настаивает, будто он является Даниелем Атгерсом.

Следовательно, должны быть предприняты какие-то меры.

На третье утро Стивен заявил красавице Линде, что ему нужно в город. После завтрака он сел в машину и уехал в Нью-Йорк.

Подкатив к дому Стивена Мастерса, он поколдовал над замками и проник внутрь. Оттуда он позвонил отцу. Услышав в трубке знакомый голос, Стивен произнес:

— Привет, папа, я снова здесь, на этот раз опять в другом обличье. Я нахожусь в Стиге.

Так Стивен называл блок зданий небоскреба Стигмор, где находились его апартаменты.

— Сейчас буду, — ответил Мастерс-старший.

Оперативность отца подсказала Стивену, что старик уже знал все подробности случившегося на Миттенде. Возможно, именно поэтому Стивену удалось так быстро с ним связаться.

Положив трубку, Стивен услышал за спиной звук открывающейся двери. Старые подозрения сразу же пронеслись в мозгу, он рывком повернулся и узнал: Джо.

Слуга стоял в дверях. В руках у него был автоматический пистолет.

Стивен сразу же кинулся на пол. Первые две пули пролетели там, где он сидел за мгновение до выстрела.

Вторые две пули последовали за ним, когда он катился по полу, пока не спрятался за диваном. Из-за этого сомнительного укрытия Стивен выкрикнул:

— Джо, отец будет здесь через несколько минут!

Даже если смысл этих слов и дошел до Джо, то по его реакции этого не было заметно. Он скомандовал:

— Вылезай оттуда! Руки вверх!

К этому времени Стивен уже быстро и осторожно переполз в глубь своего убежища за диваном. Он совсем не собирался отдаться на милость человека, который уже четыре раза стрелял в него. Каким непостижимым образом Джо чувствовал, кто находится перед ним?

Пока Стивен думал об этом, послышались еще два выстрела. На этот раз пули прошли через заднюю стенку дивана в том месте, где Стивен находился пару секунд назад.

Джо заорал:

— Выходи, выходи сейчас же!

Стивен не ответил, он собирался с духом. Выход в коридор, который вел в его спальню, был в десяти футах от него. Глубоко вздохнув, он кинулся туда, как бегун, начинающий стометровку.

Говоря языком математики, такой старт был на девяносто девять и девять десятых процента в пользу Стивена. Хороший бегун может покрыть сотню ярдов за одиннадцать секунд. Человеческие рефлексы так быстро не срабатывают. Лишь через несколько секунд после того, как Стивен оказался в коридоре, он услышал еще два хлопка. К этому моменту он уже вбегал в спальню.

Судя по всему, к этому времени дубина-слуга уже разрядил свою первую обойму, а ведь второй он мог с собой и не иметь, но Стивен, тем не менее, запер дверь. Затем он открыл потайной ящик своего секретера, где хранился браунинг 32-го калибра. Теперь можно и дверь открыть. Пройдя по коридору и осторожно заглянув за угол, Стивен ничего не увидел и ничего не услышал. Тогда он вошел в комнату.

Он был настолько зол, что перестал чего-либо бояться и приготовился стрелять, но здесь никого не было. Открытая дверь показывала, в каком направлении ушел этот скот; наверное, он отправился за обоймой.

Стивен бегом кинулся в кухню и застал там Нину, которая удерживала своего мужа, пытаясь вырвать у него из рук пистолет. Они так ссорились, что не заметили, как он вошел в кухню.

Первой заметила его женщина, и руки ее сразу же ослабели. Джо понял, что сзади кто-то появился, и медленно

обернулся. Повинуясь жесту Стивена, он бросил свой автоматический пистолет на пол, а Стивен его подобрал со словами:

— Господин Мастерс-старший будет здесь с минуты на минуту. Я хочу, чтобы ты собрал свои вещи и убрался до того, как он здесь появится. Он тебе заплатит. Бобу скажи то же самое. А сейчас пошел вон!

Пятясь, Нина и Джо покинули комнату, женщина, всхлипывая, причитала:

— Я не знаю, что на него нашло, я просила, чтобы он только узнал, кто вы и...

Стивен допускал, что Джо мог действовать так по наущению Матери, но лишь повторил:

— Вон! Все убирайтесь отсюда!

Отец, когда Стивен рассказал ему о нападении, молча кивнул и осмотрел следы от пуль. Он расплатился со всеми тремя слугами и вместе со Стивеном проводил их через задний выход из апартаментов. Стивен закрыл и запер за ними дверь. Отец и сын вернулись в гостиную. Только теперь Стивен осознал всю серьезность ситуации.

Дело приняло скверный оборот. Наличие трех убитых опасно осложняло его положение. Следовало поразмыслить и принять разумные решения, не полагаясь на чувства.

Ка́жется, для Стивена наступил переломный момент. Он понимал, что его история — это еще один печальный комментарий к человеческой натуре. На его примере подтвердилась та истина, что березовая розга, примененная в благих целях, неизбежное наказание за совершенное преступление, а также равенство перед законом для всех, причем даже без участия юристов — идеальный способ держать в руках эту беспечную человеческую расу, населяющую третью планету Солнца типа Джи, расположенного недалеко от края галактики Млечного Пути на расстоянии тридцати шести тысяч световых лет от ее центра.

Стивен понимал, что доказать свою невиновность в убийствах на Миттенде совершенно невозможно.

Он, впервые в своей жизни, признался самому себе, что поступил плохо. Впервые трезво оценил ситуацию, тогда как раньше всегда сваливал свою вину на других.

В прошлом обвинители Стивена с изумлением обнаруживали, что ответственность за свои поступки не состав-

ляла для него главной заботы. Он всегда находил неожиданные и непривычные самооправдания. Лишь в стрессовых ситуациях Стивен давал себе труд раздумывать о происшедшем. Он не принимал ничего близко к сердцу по той простой причине, что умел отключаться от неприятных мыслей.

Конечно, Стивен полностью преобразиться не мог. Он не слишком много времени размышлял о случившемся, пока не прочел сообщение о трагедии на Миттенде.

Оставшись вдвоем в апартаментах Стивена, Мастерсы продолжали беседовать. Старший Мастерс напрасно пытался поймать взгляд сына. Это обстоятельство частично свидетельствовало о том, что этот странный молодой человек все-таки оставался самим собой. Отец не мог бы припомнить случая, когда Стивен смотрел прямо, не отводя глаз. Он с сожалением иронизировал, что Стивен смотрит в глаза, наверное, только женщинам, да и то, должно быть, только в положении лежа.

Стивен растянулся на кушетке в непринужденной позе, а его отец, по своей привычке, ходил по комнате. Иногда он останавливался и неприязненно смотрел на сына. Тем не менее он его слушал.

Рассказывая отцу о происшествии во время экспедиции, Стивен скрыл истину, хотя и не отрицал очевидных фактов.

— Было очень темно, — сочинял он, — я сидел рядом с этой захваченной в плен дурой. Вдруг она дернулась всем телом и ногой задела мою руку. Должно быть, при этом и случился перенос. Сразу после этого я и оказался здесь.

Причину убийства Стивен объяснил тем, что ошарашенный Атгерс, оказавшись на Миттенде в теле Марка Брема, был вынужден каким-то образом освободить девушку.

— Вот и все, что я знаю, — пожал он плечами.

Отец раздраженно проворчал:

— Ты мог бы и учесть все, что произошло с Марком Бремом в прошлый раз, незачем было подходить к ней так близко.

— А чего они меня назначили часовым? Не могли лучше придумать! Не думаешь ли ты, что я сам напросился дежурить в кромешной тьме в два часа ночи?

Ответ произвел, очевидно, некоторое впечатление на Мастерса-старшего, он перестал ходить и некоторое время стоял у окна, глядя на огромный город, раскинувшийся под ним. Решив что-то, он подошел к телефону. Стивен уловил кое-что из последовавшего разговора. Кто-то согласился связаться с Космическим ведомством и немедленно, и устроить встречу.

Поскольку встреча была назначена на вторую половину этого же дня, такая спешка могла означать, что всему делу придается большое значение. Стивена это вначале обрадовало. Однако, вылезая из машины, подъехавшей к одному из типовых зданий, которые появляются везде вместе с военными и уродуют окрестности, Стивен вдруг интуитивно почувствовал опасность и отказался входить в здание.

Папа-Мастерс отреагировал очень просто: отказываешься входить — убираешься из апартаментов.

Стивен сел в машину и снял трубку телефона:

— Я буду говорить с ними отсюда. Можешь сообщить им, что я не вхожу в тюремного вида дома с вооруженной охраной у входа.

— Но там же нет никого, кого бы ты когда-нибудь обидел,— возразил отец.

— Я в таком положении, что не могу рисковать. Каждый офицер, с которым мы будем беседовать, считает личным оскорблением, что ты освободил меня от военной службы, может, они даже обвиняют меня во всем, что произошло на Миттенде. Пусть включат свою переносную систему для проведения совещаний, и я с ними переговорю.

Последовала длинная пауза. Наконец, к полному удивлению Стивена, суровые черты Мастерса прорезала слабая улыбка.

— Знаешь, Стивен, — признался он, — до этой минуты я думал, что ты выжил, благодаря моей заботе о тебе. Но сейчас я начал понимать, что ты, наверное, умеешь, по-своему, бороться за жизнь. Отлично, я уважаю такое умение. Можешь оставаться здесь. Будем говорить через мой селекторный микрофон. Я постараюсь объяснить твою точку зрения, хотя это будет нелегко. Жди здесь. — И он вошел в дом.

Действительно, точку зрения Стивена объяснить было трудно. Утомительные минуты текли и текли, так как некто, назвавшийся генералом Синтером, упорно требовал присутствия Стивена. Этот спор давно наскучил Стивену, и он несколько раз подавлял желание все бросить и уйти, оставив машину. Его удерживала лишь какая-то необычная особенность речи генерала. Сначала Стивен ее не замечал, общаясь через селекторную систему, но, прислушавшись, уловил, что генерал параллельно вел два разговора. Один из них был диалогом со Стивеном. Второй разговор представлял собой непрерывное бормотание, представлявшее собой комментарий ответов Стивена. То есть получалось, что генерал, невольно, выдавал все, что он думает.

Начал разговор он не так уж плохо, хотя тон его и был агрессивным:

— Молодой человек, нам сообщили о вашем желании. Мы хотели бы услышать ваше заявление и записать его, о чем я вас и предупреждаю.

Стивен заявил:

— Я считаю, что нахожусь в теле человека по имени Даниел Атгерс. Однако еще два дня назад я сам в теле Марка Брема был в экспедиции на Миттенде, куда мы прибыли со спасательными целями. Я сейчас говорю с вами, будучи в памяти и сознании Стивена Мастерса-младшего.

Последовал приглушенный комментарий генерала:

— Если бы мы жили в дни инквизиции, то на дыбе он скоро заговорил бы, и мы бы быстро добились бы правды.

— Ну, а теперь расскажите своими словами, что с вами произошло.

Стивен выложил свою фальшивку в точности так же, как он представил ее отцу.

На этот раз генерал пробормотал:

— Большей лжи никогда не слышал. Ничего, мы вытряхнем из этого сукина сына все потроха.

Одни вопросы следовали за другими, все это сопровождалось комментариями, не сулившими ничего хорошего Стивену.

В конце концов генерал Синтер откашлялся, отчего, впрочем, его голос не стал приятнее, и сообщил:

— Я вас арестую, молодой человек, и отдам под трибунал за ваше поведение и халатность, приведшие к смерти на Миттенде трех офицеров Вооруженных Сил.

Стивен обратился к отцу:

— Папа, ты не устал от этого идиота? С меня уже хватит.

Старший Мастерс обратился к адвокату. Голос его в микрофоне был спокоен.

— Господин Гленкорн, не проинформируете ли вы наших коллег?

Офицерам он сообщил, что господин Гленкорн является его личным адвокатом.

Стивен припомнил Гленкорна, педантичного служаку в очках и с острым носом. Адвокат разразился речью:

— Как уже я сообщил господину Мастерсу, в соответствии с законодательством, тело человека и есть его личность. Тело Стивена Мастерса находится, очевидно, на Миттенде, оно либо живо, либо умерло. Если вы в обозримом будущем намерены подвергнуть тело суду или трибуналу, вам необходимо вначале доставить его на Землю. Далее, я информировал господина Мастерса, что Даниел Атгерс, чье одушевленное тело находится в автомобиле снаружи этого здания, является гражданским лицом и не может быть подвергнут суду военного трибунала. В случае, если правительство возбудит против Даниела Атгерса иск, я буду требовать передачи мне магнитофонной записи данного разговора. Настоящим заявляю перед всеми вами, что в случае, если лента с магнитофонной записью окажется, гм, случайно уничтоженной, я буду вынужден требовать вызова генерала в суд в качестве свидетеля. Вместе с тем, до принятия чрезвычайных мер я прошу генерала прослушать ленту. Мне представляется, что он страдает неким заболеванием, могущим представить интерес для психиатра. С большой долей уверенности могу заявить, что заключение психиатров будет неблагоприятным. Благодарю вас. Это все, что я хотел вам сообщить. В настоящий момент я советую двум господам, моим клиентам, покинуть данный район и предупреждаю, что всякие попытки воспрепятствовать этому являются незаконными. Хочу высказать уверенность в том, что мои клиенты понимают, что

они могут быть вызваны в суд для участия в процессе. Не так ли, господин Мастерс?

— Да, — услышал Стивен голос Мастерса-старшего.

— Вы не возражаете, господин Атгерс? — спросил адвокат.

— Нет, от имени тела господина Атгерса, — откликнулся Стивен в микрофон.

Мастерс-старший вышел на улицу в задумчивости.

— Поведение генерала очень необычно, — размышлял он вслух, — интересно, раньше он тоже так вел себя?

Эта проблема Стивена не интересовала.

— Поедем, — нетерпеливо потребовал он.

— Минутку.

Отец продолжил разговор с адвокатом, сопровождавшим его по пути из помещения, где велись переговоры. Они подошли к машине Гленкорна, стоявшей поодаль, и несколько минут что-то серьезно обсуждали.

Наконец Мастерс-старший быстрым шагом вернулся к лимузину, где его ждал Стивен, и уселся рядом с ним. Шоферу он приказал ехать к Стигмору.

Заключение его было таково:

— Пришло время серьезно обдумать все последствия ситуации. Если ты — Стивен, то все, с чем земляне столкнулись на Миттенде, может представлять национальную опасность. Из чего следует, что любое необычное поведение относительно тебя должно быть тщательно изучено и оценено.

— На тебя вся эта чертовщина не повлияла. А ведь ты был бы самой большой приманкой, — сострил Стивен.

Отец ничего на это не возразил и откинулся на сиденье. Остальную часть пути они проехали молча. Когда Стивен выходил из машины, Мастерс-старший сказал:

— Поскольку на Миттенде сейчас находится достаточно большая экспедиция, то намерений послать туда еще одну в ближайшее время нет. Ты будешь и дальше жить в Стиге и получать свое содержание. Полагаю, что твое новое имя и заявление будут опубликованы, так что будь к этому готов. Что передать матери?

— Скажи ей, что на этот раз я выгляжу привлекательнее, но все же не таким хорошеньким, как это удалось сделать ей, — ответил Стивен.

После чего он повернулся и удалился, не оглядываясь.

ГЛАВА XI

Стивен проснулся ночью и сразу же вспомнил вчерашнюю речь адвоката. От воспоминания он пришел в ярость.

— Этот сукин сын, как его там, адвокат Гленкорн! "Тело Стивена Мастерса... живое или мертвое..." — передразнил он.

До настоящего времени Стивен старался не думать о том, что могло случиться с его телом.

Он включил свет и посмотрел на часы, стоявшие на тумбочке. С обратной стороны часов был календарь. Стивен начал делать небольшой расчет в уме. Было над чем подумать.

Шок. Без сознания. Очень долго. Я там на Миттенде. Я пленник. Марк Брем у руля.

Время шло, а тяжелые мысли и предчувствия не проходили. Он встал и подошел к зеркалу, чтобы взбодриться. Стивен целую минуту смотрел на отражение Даниела Атгерса. Не так уж плохо.

"Всего на пять лет старше, — говорил он себе. — С этим можно смириться..."

Он начал постепенно успокаиваться.

Стивен уже было собрался опять улечься, когда вдруг заметил в углу призрачную фигуру.

Он мог видеть сквозь нее и поэтому не слишком испугался. На мгновение ему вообще показалось, что это одна из тех галлюцинаций, которые возникают из-за особого освещения.

Но вот непрошеный гость — это был мужчина — заговорил баритоном:

— На таком расстоянии и в обличье призрака я не могу принести тебе вреда, но я решил прийти и посмотреть на твой последний облик.

При звуке голоса Стивен даже слегка подпрыгнул от неожиданности, хотя на него не так-то легко было произвести впечатление. Сквозь тело человека ему была видна стена и часть кресла. Раньше ему уже приходилось наблюдать подобный эффект. Во время учебы в колледже он однажды видел лазерный трехмерный фильм и телевизионное трехмерное изображение. Сегодняшний призрак был похож на те картинки. Стивен ждал, перебирая в уме, кто бы мог сыграть с ним такую шутку. Он был одновременно и сердит, и несколько испуган.

Его немного успокоило то, что под подушкой у него лежал браунинг.

Лучше быть к браунингу поближе... Стивен начал потихоньку двигаться к кровати. Пришелец не пытался воспрепятствовать этому.

Стивен добрался до кровати и сел.

Пришелец все стоял и смотрел на него.

Протянув руку, Стивен достал из-под подушки пистолет.

Призрак не двинулся, продолжая разглядывать его.

Стивен взвел курок. Пистолет был готов к бою.

Стоящий в углу двери в зал человек-призрак улыбнулся. Он был примерно сорока лет, достаточно высок и хорошо сложен.

— Так это и есть то оружие, которое ты используешь, когда теряешь уверенность? — улыбнулся призрак.

Стивен поднялся с постели и навел дуло пистолета на незнакомца.

— Кто ты? — вызывающе спросил он.

Пришелец улыбнулся еще шире.

— На это ответить нелегко. Я редкий гость в этой части Вселенной, можно сказать, что мой дом — Миттенд. Я помог отобрать эту планету у одних добрых людей, которые уже давным-давно достигли такой степени нравственной чистоты, что не могли обидеть даже насекомое. В последнее время они пришли к выводу, что для того, чтобы выжить, им надо вернуть искусство убивать, но они давно уже не знают, как это делается.

Стивен не был приучен выслушивать такие длинные речи.

— Я ничего не понимаю из того, что ты говоришь.

При этом он чуть опустил дуло пистолета.

— Хорошо, я объясню. Когда ты прибыл на Миттенд в первый раз, это составное существо — Мать — увидело в тебе спасителя Миттенда. Поэтому мне захотелось посмотреть самому, на кого она возлагает такие надежды. Стивен, мне жаль говорить это, — призрак покачал головой, — но ты мало похож на человека, пригодного для того назначения, которое тебе готовит Мать.

Пораженный этой информацией, Стивен спросил у пришельца:

— Спасти Мать? От чего?

— От нас, джи-интов.

— Зачем мне все это нужно? — удивился Стивен, всю жизнь занимавшийся только своей особой и старавшийся ни во что не вмешиваться.

— Я только хотел убедиться, что ты хорошо понимаешь, к чему все это может привести? — ответил незнакомец доверительным тоном. — Теперь я знаю тебя. Если ты когда-нибудь появишься на Миттенде снова, джи-инты немедленно убьют тебя. Понял?

Нельзя сказать, что Стивену понравилось заявление пришельца. Это была угроза, а Стивен угроз не любил. Но с другой стороны, он действительно не собирался на Миттенд, никогда.

— Понял? — настаивал пришелец.

— Минутку, — сказал Стивен.

Он вдруг вспомнил канистру и свои опасения во время первого пребывания на Миттенде. Он быстро сделал три широких шага и вошел в ванную. Оттуда он крикнул:

— О'кей, согласен!

Он заперся в ванной и только начал открывать противоположную дверь, которая вела из ванной в другое помещение, как в это время в спальне раздался оглушительный взрыв.

Грохот и треск были настолько сильны, что хотелось зажать уши, однако Стивен, не останавливаясь, пробежал через все комнаты к телефону в главной гостиной. Оттуда он позвонил в пожарную бригаду.

Только через час пожарным удалось погасить последние язычки пламени. Но Стивен не остался следить за их

работой. У него было холостяцкое убежище в другой части города, где он и провел остаток ночи. Сну его вся эта история не повредила.

На следующий день около полудня он позвонил отцу. Описав, что с ним приключилось, Стивен попросил отца:

— Я хотел бы узнать, был ли сделан взрыв с целью убить меня или они хотели только уничтожить оборудование для создания трехмерного изображения и имитации голоса, которое было установлено под полом.

Мастерс-старший сообщил:

— Я уже побывал там и осмотрел повреждения вместе со своими инженерами. Помимо всего прочего, здание стоит тридцать восемь миллионов долларов. Самые большие разрушения в углу возле двери, ведущей в главный зал.

— Вот там он и стоял.

— Под полом нашли много перекрученных металлических деталей.

— Да, — удовлетворенно произнес Стивен, — вот это я и хотел узнать.

— Должен сказать, что, по мнению экспертов, взрыв убил бы тебя, если бы ты находился в комнате. Везде видны следы металлических частей, разлетевшихся при взрыве.

— Отлично, — усмехнулся Стивен, — ну, отец, пока!

— Эй, подожди минутку, — закричал отец в трубку.

Стивен снова неохотно поднес трубку к уху:

— Что еще?

— Еще один момент. Прежде всего я просил полицию найти всех трех твоих слуг. Кто-то же должен был установить это устройство, а ведь слуги находились там все время.

Это уже совершенно не интересовало Стивена, он нетерпеливо вздохнул.

— Теперь такой вопрос, — продолжал отец. — Предупредил ли тебя твой внутренний голос на этот раз?

— Нет, я просто быстро убрался оттуда, — Стивен уже забыл свое воспоминание о канистре на Миттенде.

— Как раз в нужный момент, прошу тебя, заметь, — уточнил отец.

Стивен снова вздохнул. Ему надоело обсуждение подробностей. Дело сделано, надо все забыть. В следующий раз придется решать все снова.

— Еще одно, — никак не унимался Мастерс-старший. — Уже появились первые вечерние газеты. Я хотел бы, чтобы ты послал кого-нибудь за ними и прочел статью о себе на первой странице.

— О пожаре?

— Нет, об этом на третьей странице.

— О Миттенде?

— Нет, увидишь сам. Всего хорошего.

Из газеты он узнал следующее:

"ЕЩЕ ОДИН ПЕРЕНОС СОЗНАНИЯ

Жена Атгерса требует суда

Сегодня миссис Линди Атгерс подала судебный иск в связи с нашумевшим переносом сознания с участием Стивена Мастерса.

Она утверждает, что тело ее мужа принадлежит ему, а следовательно, в юридическом смысле, и ей. Миссис Атгерс требует, чтобы суд округа вынес решение о том, чтобы Стивен Мастерс, утверждающий, что он в настоящее время существует в теле Атгерса, был лишен возможности общаться с особами женского пола и возможности причинить физический вред телу Атгерса, а также моральные страдания истице..."

Внимательно прочтя статью, Стивен поднял трубку телефона и заказал междугородный разговор. Через некоторое время его соединили, и откликнулся довольно приятный женский голос.

— Знаешь, кто говорит? — спросил он.

Последовала пауза, а затем несколько напряженно женский голос поинтересовался:

— Что ты хочешь?

Стивен пояснил:

— Похоже на то, что у нас с тобой есть сходные причины желать, чтобы я не маячил на виду. Почему бы тебе не приехать ко мне и не составить мне компанию, пока все не уляжется?

— О, я не могу этого сделать. Что подумает мой муж, когда вернется?

— Постой, — возразил Стивен, — если он способен учитывать моральные аспекты, а ты ведь на это намекаешь, то он лучше меня.

— Судя по тому, что я слышала о тебе, так хуже найти трудно.

— Ты всегда так быстро судишь? — Стивен начинал сердиться, но остановил себя. — Послушай, предлагаю тебе выход из ситуации. Если ты действительно хочешь знать, где находится тело твоего мужа в любое время дня и ночи, то ты лучше скорее соглашайся и приезжай. Приезжай сегодня же вечером. Без женского общества я уже до завтра не выдержу.

В трубке прозвучало нечто вроде слабого стона, выражающего одновременно сомнение и согласие.

— Помимо всего, — продолжал уговаривать Стивен, — ведь я уже провел с тобой два дня и две ночи.

— Но ведь тогда я ни о чем не знала, — протянула Линда.

— Зато я знал. И твой муж узнает когда-нибудь, — резко сказал Стивен. — Приедешь? Не приедешь? Или будешь ждать, пока адвокат Атгерса или деньги Мастерса выиграют дело? Приезжаешь или нет?

Женщина помолчала, потом вздохнула:

— Ладно.

— Чтобы ты была до десяти часов, — приказал Стивен, — я обычно ложусь в постель в это время, если я давно ни с кем не спал.

Он повесил трубку уже с хорошим настроением. Дело не в том, что Линда была такой уж сексапильной, пожалуй, наоборот, слишком она вялая. Может быть, теперь, когда она знает, кто он, она расшевелится немного?

Впрочем, значения это не имело, ведь Стивену все равно больше нечего было делать.

ГЛАВА XII

В первый год пребывания Стивенса в колледже преподаватель однажды сказал ему:

— Стивен, почему бы тебе как-нибудь не присесть спокойно и не задуматься обо всем плохом, что ты сделал до сих пор, как пришел в этот класс?

Предложение оказалось явно неудачным. Во-первых, едва дослушав его, Стивен сразу же приобрел иммунитет ко всему, что этот идиот мог еще ему сказать, а во-вторых, тут же принял решение никогда, никогда не обдумывать свои поступки.

И с тех пор, когда перед ним вставала проблема или ему предлагалось какое-то условие, он действовал под влиянием мгновенной реакции. Были ли его реакции всегда верными? Не раздумывая об этом, Стивен поступал так: если возникали какие-либо осложнения, он разрешал их по очереди таким же образом, а затем переставал о них думать.

На второе утро после взрыва Линда и Стивен вернулись в главные апартаменты. Рабочие уже все привели в порядок. Новая кровать, новая мебель в спальне заменили прежние обломки. Бригада экспертов прошлась по апартаментам в поисках других бомб, но ничего не обнаружила.

Наутро Стивену в голову пришла мысль, которая постепенно вытеснила все остальные. Сводилась она к тому, что всем этим делом с Миттендом следует заняться тем людям, которые уже давно занимаются подобными вещами.

Оторвавшись от Линды, Стивен позвонил отцу и задал ему следующие вопросы:

— Кто решил направить на Миттенд вторую экспедицию? Как давно подложили бомбу в мою спальню? Каким образом напугавший меня до смерти джи-инт общался со мной на разговорном языке среднего американца? Почему он решил, что если убить мое тело, то я не появлюсь вновь в обличье кого-нибудь из тех, кому я ранее нанес вред?

Старший Мастерс был ошарашен таким неожиданно рациональным набором вопросов. Он искренне надеялся, что многочисленные опасности приведут в конце концов Стивена, как он выразился перед женой, "в чувство". Теперь же, выслушав столько соображений, отец решил, правда, преждевременно, что его сын созрел для логичного диалога.

— Я очень внимательно выслушал все, что ты мне в первый раз говорил об этом случае, — ответил отец. —

Мне кажется, что джи-инт нарочно отвлекал тебя разговором, чтобы тебе не пришло в голову какое-то имя. Может, все дело в этом?

Отец подумал, что Стивен мог не заметить чего-то при встрече с джи-интом. Стивен же никогда ничего не упускал из внимания, хотя многое тут же забывал.

Теперь Стивен сразу же начал рыться в памяти. С отцом он поспешил проститься:

— О'кэй, папа, не хочу больше тебя утомлять. Пока!

— Эй, постой, — попытался его задержать отец.

Но Стивен уже повесил трубку.

Когда телефон через минуту вновь зазвонил, Линда уже получила инструкции.

— Он только что вышел, — сообщила она в трубку, — и будет к полуночи.

В это время Стивен комфортно раскинулся на диванчике.

Линда уже обнаружила, что жизнь со Стивеном отличается от жизни с Даниелом. Со Стивеном время летело быстро.

Мастерс-старший выразил свое удивление, услышав женский голос:

— Могу я узнать, с кем говорю?

Когда Линда ответила ему, на другом конце линии воцарилось гробовое молчание. Наконец, последовало восклицание:

— Так Стивен, оказывается, женился. Передайте ему мои наилучшие пожелания, когда он, гм... вернется в полночь, и скажите, что я немедленно дам указания своим людям заняться этим делом.

— Я передам, — пискнула Линда.

— А что касается тебя, дорогая, я хочу послать тебе лично свадебный подарок примерно такой же стоимости, что и судебные издержки, которые я мог бы потратить, защищаясь от твоего иска к Стивену. Ты ведь его отзываешь, не так ли?

— Уже отозвала сегодня утром.

— Хорошо, хорошо, благодарю тебя, дорогая. До встречи.

Когда жена повесила трубку, Стивен сказал:

— Я сейчас останусь здесь с моей маленькой Линдой. Двери запрем, обыщем всю квартиру, а потом проведем вместе время. После того мы уложим тебя в другую спальню. Ну а тогда...

Он примолк.

Что-то начало звенеть у него в голове.

Сразу же Стивен ощутил притупление чувств, зрение затуманилось настолько, что сгустившаяся темнота спрятала исказившуюся реальность. Послышались неясные звуки, они усиливались, приближались.

Затем вдруг появились зрительные образы. В сознании Стивена возникло человеческое лицо. Через мгновение он уже понял, что это лицо человека, устроившего взрыв в его спальне два дня тому назад. Человек иронически улыбался, так же, как и тогда ночью.

Звучавший в мозгу Стивена звук превратился в голос:

— Стивен, думал ли ты когда-нибудь, что происходит в момент переноса сознания? Если ты поразмыслишь над этим, то увидишь: происходит то, что не присуще самой природе вещей. И поскольку ты причастен к этому процессу, тебя надо немедленно убить, и быстро! Я сожалею.

Стивен не сразу понял сказанное. Смысл слов дошел до него лишь спустя некоторое время. Как только Стивен узнал лицо говорившего, он мгновенно ощутил опасность. Вспомнил предположения своего отца, вспомнил, как джи-инт ошеломил его, утверждая, что Мать считает его своим спасителем. Стивен должен сам спастись, потому что Матери безразлично, если его нынешнее тело проткнут ножом или взорвут.

Все это невольно пронеслось в мозгу Стивена. А затем он начал перебирать в памяти имена всех им обиженных. Мелькнули образы Марка Брема, Даниела Атгерса, фотографа Эпли, дикарки на Миттенде...

Стивен сразу же отбросил их всех. Его сознание сконцентрировалось полностью и целиком на Матери.

— Мать, — заклинал он, — если между нами существует связь, почему я не могу вызвать тебя?..

Лицо человека начало расплываться. Перед тем, как совсем исчезнуть, оно стало изумленным, затем злобным и наконец зло.

ГЛАВА XIII

Даниел Атгерс проснулся в темноте, как ему показалось, на полу. Он был страшно удивлен. Он читал, сидя на диване, и...

"Должно быть, я заснул, — успокоил он себя, — а потом свалился на пол."

Его обидело то, что Линда не пришла посмотреть, что с ним. Нечему удивляться, в этом вся Линда — всегда думает о чем-то своем. Его обида сразу же улетучилась, когда Атгерс обнаружил, что лежит не на ковре, а на траве. Недоумение быстро переросло в страх.

Он осмотрелся. Небо освещали звезды, луны не было. Рядом с ним лежали непонятные предметы. Два странных сооружения, похожие на космические корабли, еще больше озадачили Атгерса. Но тут он заметил, что один из предметов, лежавших рядом с ним, зашевелился.

Глаза его уже привыкли к темноте, первое замешательство прошло. Он увидел, что перед ним сидит кто-то с длинными волосами.

— Линда! — Атгерс вымолвил ее имя с раздражением.

Очевидно, это бестолковая жена виновата в том, что происходит. Вот только как она это сделала? Она просто чокнулась на романтике. Она вечно нуждалась в необыкновенных приключениях, в отличие от своего мужа, чьим хобби были спортивные машины и физические упражнения.

Атгерс уже раскрыл было рот, чтобы язвительно произнести: "Ради Бога, Линда, что ты опять придумала?" Такие упреки были в их семейной жизни обычным делом.

Но он не успел ничего сказать, так как произошло непонятное. Жена, шатаясь, поднялась на ноги и подалась куда-то в сторону. Тут Атгерс заметил, что она нагая.

— Эй, — в ярости крикнул он, — куда идешь, дура?

Звук его голоса произвел неожиданный эффект: женщина начала убегать, и через несколько мгновений скрылась в темноте.

В этот момент рядом с ним раздался лязг металла. Это находившиеся в космическом корабле астронавты, услышав крик Атгерса, открыли люк и увидели три мертвых тела. Затем последовали долгие часы разбирательства, изумления, гнева, ярости и, наконец, полной растерянности всех присутствующих.

На следующий день, примерно в полдень, с орбиты спустился второй большой модуль. Прибыл он с семнадцатью членами экипажа на борту и с большим количеством оборудования. В угрюмом молчании были вырыты могилы, и после краткой службы тела погибших были зарыты.

После этого эмоциональное напряжение несколько спало. Одард сердито обратился к Атгерсу:

— Если такой перенос сознания действительно произошел, то где вы были, когда это случилось?

До похорон напряжение людей было столь велико, что никто даже не додумался спросить Атгерса об этом. Он ответил:

— В библиотеке в моем доме в Вестчестере. Я сидел и читал.

— Какую книгу? — заинтересовался Одард.

— "Ранние греческие мифы" Денисона.

— О! — Одард был несколько разочарован.

Поскольку Атгерс был не только потомком почтенных родителей, но и преподавал античную историю в колледже Отина, название книги было вполне соответствующим его интересам, но мало что говорило его собеседнику.

Одард и Атгерс помолчали. Двое мужчин стояли под ясным синим небом Миттенда. Вокруг простиралась дикая природа, не отличавшаяся, на первый взгляд, от природы Земли.

— Какую же роль, — прервал молчание Одард, — вы собираетесь тут играть до конца экспедиции?

— Мне все время кажется, что я вижу какие-то картины из жизни этой планеты. По-моему, я как-то связан

с этой девушкой. Вроде бы я знаю, где она, и мог бы найти ее.

— О! — обрадовался Одард.

Способность Аттерса устанавливать внутреннюю связь с другим лицом решила, по крайней мере, одну проблему. Аттерса посадили на экраноплан, и он целый день давал пилоту указания, куда лететь, очень часто меняя направление. Однако это ни к чему не привело.

Впрочем, это Аттерсу даже помогло. Его компаньоны успокоились и даже начали избавляться от чувства неполноценности в связи с загадочным талантом Стивена-Брема-Аттерса.

Вторую ночь Аттерс спал уже внутри модуля. Во сне его беспокоили мысли и чувства дикарки, ему снились дикие животные, плескавшиеся в миттендианских реках и выискивавшие там земноводных. Ему казалось, что он сам был таким животным, яростно атакующим, убивавшим и пожиравшим прятавшихся в водах существ.

Проснувшись вскоре после восхода солнца, Аттерс понял, что стал жертвой галлюцинаций и странных видений, от которых страдал этот человек, Брем...

Этот анализ помог ему успокоиться. К нему вернулось чувство уверенности в себе. Весь день Аттерс старался отбиваться от фантазий, которые, как он считал, зародились в затемненном сознании Марка Брема.

И ему действительно это начало удаваться.

ГЛАВА XIV

Стивену чудилось, что он находится в саду.

Пышная растительность, высокие деревья, трава окружали его со всех сторон. Запахи зелени, цветов, влажной земли усиливали впечатление буйства природы. Легкий ветерок шевелил листья, Стивен ощущал себя молодой женщиной. Вдали работала какая-то машина. Сквозь листву виднелись высокие белые стены. Он шел по саду, чувствуя, как его небольшие ступни вдавливаются в землю, как ветер гладит его по щекам. В голове теснились какие-то смутные образы.

Постепенно он понял, что к небу обращаются незнакомые голоса, что его чувства и мысли некто воспринимает и отвечает на них.

Внутри Стивена кто-то вел все время счет голосам. Сейчас их было 8 х 11 в 23 степени плюс 119. Последняя цифра изменялась при каждом счете. Сразу же после 119 их стало 1138, затем 821923. Неожиданно общее число подскочило до 8 х 11 в 24 степени плюс 603. Затем вновь вернулось до 11 в 23 степени.

Каждый голос нес ему информацию. На каждое сообщение Стивен давал немедленный ответ: он то направлял свой ответ говорившему, включая при этом один из участков своего мозга, то просто позволял своему мозгу выдавать сведения. Иногда он производил эти действия одновременно.

Все это не составляло для него никакого труда, не требовало словесного оформления мыслей. К нему поступали десятки тысяч сообщений, он отвечал на них, совершая ранее не знакомые ему действия. Внутри своего сознания Стивен, то есть молодая женщина в саду, размещал всю полученную информацию, сортируя ее, увязывая между собой, так чтобы ее можно было бы использовать в будущем в соответствии с обстоятельствами: темы и цели разговора собеседника, характеристика окружающей среды и так далее.

Стивен начал понимать, что это вовсе не простой перенос сознания. Сознание той, что присутствовала еще недавно в этом женском теле, ныне находилось, наверное, в теле Даниела Атгерса, сидевшем в апартаментах Стивена Мастерса напротив Линды Атгерс. Главной особенностью последнего переноса было то, что сознание этой женщины продолжало функционировать в теле наряду с сознанием Стивена на уровне, не достижимом для возможностей Мастерса-младшего.

Стивен обогнул группу деревьев, за которыми стояли, ожидая его, три молодые женщины.

Стивен не спрашивал себя, почему они ждут его. Он просто знал это и потому остановился.

Одного его взгляда, охватившего их всех, было достаточно, чтобы увидеть, что все они красивы — две блондинки и одна шатенка. Все они были ростом в пять футов

шесть дюймов, стройны и одеты в просторные и тонкие б елые одежды, которые у Стивена всегда ассоциировались с облачением ангелов. Одежды ниспадали до самой земли и придавали возвышенность облику женщин.

Одна из блондинок на чистом английском языке обратилась к Стивену:

— Меня зовут Эент, Стивен. Я одна из восьмисот восьмидесяти шести женщин, живущих в этом доме за деревьями. Твое нынешнее тело тоже живет там, и все мы вместе есть Мать.

Когда она говорила о доме и количестве его обитателей, она грациозно повела рукой влево, чтобы Стивен обернулся и посмотрел в этом направлении, но он, не отрываясь, смотрел на женщину.

— Значит, я снова на Миттенде, — отозвался Стивен.

— Не совсем так, — промолвила Эент. — Мы не живем на планете в прямом смысле слова, если ты в состоянии это представить.

— Нет, — искренне признался Стивен, — не могу.

— Так и не пытайся, — вступила в разговор шатенка и с улыбкой представилась:

— Мое имя Ганзе. Ты очень быстро сообразил, Стивен, что надо не заниматься простым переносом сознания, а подумать о Матери. Переносы происходили слишком быстро. Мне жаль, но в другой раз они у тебя так легко не получатся. Поэтому я очень прошу тебя никогда в будущем не прибегать к этому. Пребывание в теле Калькун изменило тебя, и ты уже никогда не сможешь перевоплотиться в тело человека, которого ты обидел. Ты стал лучше, но тебе еще через многое нужно пройти, чтобы ты мог спасти нас.

— От чего? — спросил Стивен.

— Наша раса слишком рано достигла совершенства, — начала объяснять третья женщина и добавила:

— Меня зовут Хормер. Слишком рано, по сравнению с другими. Наша внутренняя чистота такова, что мы не можем убивать или причинять вред. Но жизнь без этого невозможна, мы поняли это уже много лет назад и пытались найти другой способ борьбы с жестокостью и обрести защитника, который действовал решительно.

Обычно такие длительные объяснения до Стивена не доходили, и он переставал видеть и слышать собеседника. Сейчас же он воспринял большую часть речи Хормер. Однако сознание его уцепилось в основном за слово "чистота".

Понятие чистоты Стивена не привлекало. В сознании двадцатитрехлетнего Мастерса-младшего чистота ассоциировалась с чем-то скучным, бесполым, мешала успешно обделывать свои дела, предполагала лишь тяжелую работу, ранний отход ко сну, чтение благопристойных книг, наличие праведных мыслей и так далее, и так далее до бесконечности.

У него всегда было наготове одно экспрессивное слово для подобных людей — идиоты.

Но сейчас с этим нужно было примириться. В эти драгоценные мгновения, пока они разрешали ему здесь оставаться (если он правильно понял, то они готовы были отправить его назад в любой момент), он получал важную информацию.

Скорее, скорее, больше сведений — это главная его цель.

Стивен быстро спросил:

— А вот этот дом, вот там, — он показал налево, куда раньше указывала Эент, — этот дом можно защитить?

— Можно, но не всегда, — ответила Хормер. — Впрочем, сейчас здесь, вдали от всей Вселенной, мы в безопасности.

Все, чего Стивен не понял, он просто выбросил из головы.

— Почему бы тогда не остаться здесь? — поинтересовался он.

Они стояли ясным днем посреди зеленого сада, ласковый ветерок развевал их волосы и мягкие складки платьев. Все три одновременно покачали головами.

Эент объяснила:

— Здесь ничего не происходит. Не рождаются дети. Заурядные женщины нашей расы уже давно лишились возможности рожать, поскольку считается, что лишь самые генетически совершенные особи обязаны продолжать род, чтобы обеспечить интеллектуальный уровень. Самые безукоризненные находятся здесь, в этом доме. Опасность в том, что последним, кого мы сюда допустили в роли отца, был джи-инт. Мы полагали, что должны вне-

сти в кровь расы некоторую чуждую нам примесь с тем, чтобы раса не выродилась, пока совершенствуется интеллектуальная жизнь. К сожалению, джи-инт, которого мы избрали, по натуре разрушитель. Он уже дважды пытался убить тебя. Сейчас мы пока что оставили его на планете, и он ждет, когда мы вернемся, чтобы захватить нас.

Необычность объяснений не лишила Стивена его ценного качества — умения замечать ошибки людей. Он подумал: "Боже, как можно быть настолько наивным, чтобы не понимать человеческой натуры? Мне это было доступно уже в три года, а свою мать я подчинил себе еще раньше".

— Мы, — сказала Хормер, — можем видеть и чувствовать потоки энергии, сопутствующие мыслям и поступкам, мы страдаем, если такие потоки извращаются. Мы смотрели на человека и видели волны, ощущали свет и темноту и внутри него. Мы спрашивали себя, имеет ли значение то, что человек сказал и подумал, если все линии токов в нем искривляются? Мы обнаружили, что он, к сожалению, воспринимает свои собственные мысли и чувства как реальность даже после того, как мы объяснили ему, что это не так. Долго, слишком долго мы не обращали внимания на его сопротивление, полагая, что он рано или поздно поймет. Он так и не понял.

— Мы рассматриваем человеческое существо, — продолжила Ганзе, — как комбинацию твердой материи и жидкости. Частицы приходят и уходят, жидкость перетекает в организм и вытекает из него, так что через некоторое время в нем не остается ни одного прежнего атома. Для нас эта проблема сводится к физическим процессам. Однако, увы, сколько мы ни указывали людям на это, человеческая индивидуальность осталась неизменной. Земляне отказались признать, что каждый из них может превратиться в любого другого человека. Но ведь это объективный процесс эволюции, он не может быть обращен вспять.

— И вот так, — добавила Хормер, — миллионы подобных искривленных, извращенных потоков энергии обрушились на чистых людей и погубили их всех, за исключением лишь некоторых, которые спаслись на Миттенде, самой близкой из планет земного типа.

Как ни старался Стивен, большую часть объяснений он не сумел осмыслить. И все же, как оказалось позднее, несколько мыслей застряло у него в голове, хотя, как правило, все, что люди говорили Стивену в течение его жизни, казалось ему ненужным.

Однако то, что он уяснил, протрезвило его. А в результате...

В результате Стивен понял суровую реальность того, что в этом уединенном саду, именно здесь, должна свершиться его судьба и решиться его проблемы.

Стивена удивляло, что эти необыкновенные женщины потерпели поражение. Со всеми их знаниями, умением управлять ими, контролем за энергетическими потоками и атомами, молекулами, восприятием микрокосмоса. Они смогли сохранить в чистоте человечество, и сейчас сами нуждаются в помощи.

Его мысли рывком вернулись к тому времени, когда он впервые начал участвовать в программе биологической обратной связи. Он сразу же отметил то, что не приходило в голову ни подопытным, ни специалистам: все они были немного чокнутые. Медиумы были не то, чтобы сумасшедшими, но по крайней мере странными. Наблюдатели за ходом экспериментов сами не замечали, что Стивен оказывает на них воздействие.

Да, Стивен Мастерс заметил это, заметил, несмотря на то, что ему не было дела до того, как ведут себя посторонние. И именно сейчас, в саду, Стивен вспомнил все это.

Его память воскресила тот момент, когда он стал одной из женщин — одной восемьсот восемьдесят шестой частью Матери. Тогда он почувствовал...

Да, он почувствовал какое-то несоответствие, только это ему и удалось припомнить.

Что же это было? Что?

Стивен медлил, думая об этом, а потом поинтересовался:

— Вы упомянули об отце — так вот, вы имеете в виду, что на всех женщин, составляющих Мать, был всего один мужчина?

— На всех восемьсот восемьдесят шесть, — бодро подтвердила Ганзе.

— Он должен был обеспечить, чтобы каждая из нас произвела на свет одного ребенка в год, — добавила Эент.

Стивен был ошеломлен. Часто моргая, он проделал расчет.

— Боже, кто же смотрит за ними всеми, за этими детьми?

Трое ангелов стояли и недоуменно смотрели на него, а он с удовольствием рассматривал их.

"Они действительно очень красивы", — думал он рассеянно. Женщины напомнили ему, как он изумился, увидев на Миттенде первые человеческие существа.

— Как же это получается, — недоумевал он, — вы такие необыкновенные, красивые женщины, а...

Все трое улыбнулись.

— Мы такие для тебя, — объяснила Эент, — ведь именно это привлекает тебя. Нас никто не видит одинаково. Наша раса аморфна. Но ведь и твоя тоже, только в ней потоки энергии остановлены. Тело удерживает свою массу наподобие контейнера. Энергия отражается не снаружи, а внутри тела. Хочешь видеть, как я превращусь в птицу и улечу?

— Да! — воскликнул Стивен.

Как это произошло, ему не удалось заметить. Его глаза будто закатились и начали смотреть внутрь, в его мозг, все плыло перед ним, и Стивен инстинктивно сомкнул веки. Снова открыв глаза, он увидел, как большая, похожая на лебедя серая птица, хлопая крыльями, пробежала по саду и взмыла в воздух, и полетела над самыми вершинами деревьев.

Стивен скептически следил за полетом.

— Вы меня не убедили. Все это вроде гипноза. Не верю. Может быть, вообще все это — галлюцинация. Люди превращаются в лебедей...

— Ты хочешь сказать, что твои два полета на Миттенд были галлюцинацией? — возразила Хормер.

— Нет.

— Ты считаешь, что галлюцинацией были твое первое возвращение на Землю в обличье Марка Брема и второе возвращение в обличье Даниела Атгерса?

— Я хотел бы кое-что спросить об этом, — вспомнил Стивен. — Каким образом вы, женщины-матери, связаны с этими нагими дикарями, почему вы несколько раз подсылали людей, которые пытались убить меня, и почему, наконец, вы мне все это рассказываете?

Женщины изумленно посмотрели на него.

— Неужели ты не понимаешь? — выдохнула Ганзе.

— О, мой Бог, разве так трудно сообразить? Ты один из тех мужчин, которых готовят стать следующим отцом. Выигравший испытания получает всех.

— М-да, — протянул пораженно Стивен.

На сей раз он услышал такое, что впервые выбило его из колеи. Он только и смог прошептать:

— Какие испытания?

Сад неожиданно подернулся туманом.

— Постойте! — хотел заорать Стивен, но не услышал собственного голоса.

Он как бы погрузился в густой туман. В течение длительного времени он не мог ни слышать, ни видеть. Однако Стивен все же воспринимал информацию, поступавшую к нему из множества точек в пространстве, и автоматически давал на нее ответы.

Постепенно и это прошло.

...Тело Атгерса, лежавшее на кушетке в апартаментах Стивена Мастерса, шевельнулось. Глаза открылись и посмотрели на Линду, которая уже начала беспокоиться и не знала, что делать.

— Где я? — пробормотал он.

— Ты уснул, — сочувственно объяснила Линда. — Бедняжка! Еще бы, шесть раз за ночь это слишком даже для Стивена Мастерса! — Глаза лежавшего обескураженно уставились на нее.

— Не знаю, о чем вы говорите, пробормотал он. — Я Марк Брем. — Он вдруг сел. — Постой, я же был на плоту и...

Чтобы прийти в себя, ему потребовалось немало времени.

ГЛАВА XV

Стивен чуть не упал в воду.

Но на этот раз он спохватился быстро. Он вцепился пальцами в два бревна, которые, как он позднее увидел, были привязаны к плоту. Вода свободно заплескивалась сквозь многочисленные неровные щели настила.

Отдуваясь, он бессильно лежал уже в безопасности, как будто истомил себя чрезмерной работой. Шок может вызвать острую кислородную недостаточность. Зная по опыту, как это бывает, он начал успокаивать себя и осматриваться.

Широкий поток тек в берегах, обрамленных разрушенными и покинутыми городскими домами: таково было его первое впечатление.

Среди домов не было видно никакого движения, ни признака жизни.

Осторожно перемещая свое тело к краю плота, он взглянул на свое отражение в воде.

И вот уже не более чем через одну минуту после переноса он сидел, посвистывая на краю плота и разглядывал окрестности.

Как хорошо снова быть Стивеном Мастерсом! Настоящим Стивеном!

Прошло несколько минут такого безмятежного времяпрепровождения. Никаких изменений не произошло. Плот медленно плыл по реке. Стивен быстро обдумал ситуацию. Он не мог бездействовать более нескольких минут и, несмотря на внешнее спокойствие, уже знал, что ему делать и к какой цели стремиться.

... Добраться до места, где приземлилась последняя ракета! Но как?

Сначала выбраться на берег, как он приказал своему телу. Уже долгое время он считал свое тело не зависимым от сознания Стивена Мастерса. Конечно, "душа" в понимании Стивена не существовала. Вообще говоря, Стивен полагал, что Бог уже давно умер. Впрочем, однажды он уже раздумывал над процессом разделения души и тела в рамках Кирлианновского поля.

Сейчас он удовлетворился этим объяснением. По крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь сильнее чем он, не схватит его за шиворот и не ткнет носом в реальность, какова бы она ни была. Бывало, что такая тактика срабатывала применительно к Стивену.

Поскольку подобной сильной личности поблизости не оказалось, то пусть остается Кирлианн со своим полем. И без проблем. Стивен встал и уже хотел нырнуть в воду, чтобы добраться до ближайшего берега, но сначала бросил взгляд на воду под собой.

С глубины примерно четырех футов под водой на него смотрело какое-то крокодилообразное существо.

Заметив яркие красные глаза, следившие за ним, Стивен буквально оцепенел от страха. Глаза чудовища не отрывались от Стивена, мускулы которого сразу потеряли свою эластичность, колени подкосились. Стивен опустился на плот, почти упал, чудом не свалившись в воду.

Когда Стивен пришел в себя и обрел способность двигаться, он увидел, что земноводная тварь преследует плот. Вода так и журчала, обтекая внушительные формы чудовища. Стивену стало опять не по себе, как будто бы он сидел в каноэ и вдруг увидел двадцатифутовую акулу.

Стивен не зря тревожился. Огромное существо рванулось к нему. Большая морда, напоминавшая торпеду, высунулась из воды. Съежившись, Стивен инстинктивно попятился и перебрался на другую сторону плота.

Маленький и не очень прочный плот не был рассчитан на такие резкие движения — он накренился. Та сторона, где стоял Стивен, опустилась, а та, с которой был крокодил, поднялась.

Стивен лихорадочно пытался сохранить равновесие на своем конце плота. Плот выровнялся, ударив при этом чудовище по голове.

Вода вскипела. Плот дико плясал на волнах, а Стивен, стоя на коленях, уцепился за край.

Теперь Стивен увидел в глубине белое тело. Его пронзила мысль, что тварь перевернулась на спину и пытается теперь подобраться к нему так, чтобы сразу схватить его страшными челюстями, которые перемолотят его кости за несколько секунд.

Внутри у Стивена все опустилось, он понял, что на этот раз ему живым не уйти.

Мгновенно он окинул взглядом все вокруг. Хорошо известно, что застигнутые тигром люди автоматически пытаются вскарабкаться на ближайшее дерево. Стивен сразу же отметил, что река становится все уже и что можно перепрыгнуть с плота на ближайший травянистый пригорок.

Поток еще более сузился. Плот уже находился всего лишь в дюжине футов от ближайшего берега. Десять фу-

тов. Девять. Собрав все силы, Стивен пригнулся, готовясь к прыжку, но все же оглянулся на чудовище еще раз.

Оно выбиралось на берег слева от него. Как только оно вылезло из воды, у Стивена потемнело в глазах. На мгновение он вообще ослеп. Когда зрение вернулось к нему, он увидел на берегу знакомого ему человека, который силился подняться на ноги.

Джи-инт! Тот самый, который дважды пытался убить его!

Джи-инт постоял две-три секунды, приходя, по-видимому, в себя после превращения, затем бросился рысцой вдоль берега за плотом, на котором плыл Стивен.

Он был нагой и поэтому не выглядел угрожающе. У Стивена мелькнула мысль, что это существо может, очевидно, превращаться в любого монстра. На лице джи-инта была та же сардоническая усмешка, что и при первых двух встречах. Он выкрикнул на бегу:

— Стивен, ты убедил меня. Человек, который может пользоваться плотом как оружием, — я чуть не утонул после удара — заслуживает моего уважения. Почему бы тебе не прыгнуть на противоположный берег? Давай поговорим?

Стивен прикинул, что этот берег всего лишь в шести футах от него. Он мог поклясться, что сумел бы перепрыгнуть на него не глядя, если бы плот не был таким скользким для его ботинок. И все же он рискнул и приземлился на мелководье, упав на колени. Мокрый и злой, он выбрался на травянистый откос.

Оглянувшись на джи-инта, Стивен увидел его на противоположном берегу в двадцати футах от себя. Плот уже спустился по течению и исчез за нависавшими над рекой кустами.

Стивен пожалел о плоте. Несмотря на всю его убогость, это было средство передвижения. В своем стремлении выбраться на берег Стивен упустил из вида, что все дикари, которых он встречал, перемещались по земле, так что даже такой утлый плот имел свои преимущества.

Конечно, для Стивена, имевшего в распоряжении свою яхту (которой он никогда не пользовался) и личный четырехмоторный самолет (с экипажем из двух человек, один из которых дежурил постоянно), а также кучу других транспортных средств, не пристало сожалеть о каком-то

жалком плоте. По обыкновению, Стивен сразу забыл о потере. Теперь исходные данные таковы: он стоит на траве над рекой. Выбросив из памяти все предшествующие события, Стивен даже не задумался, каким образом его тело попало на плот.

Почувствовав себя бодрее, Стивен уставился на своего врага и крикнул ему:

— Что собираешься делать, приятель? — Тон Стивена требовал: отвечай быстро и кратко.

Сейчас он стал почти прежним Стивеном.

— Стивен, — отозвался человек на другом берегу, — я так понимаю ситуацию, что ты стал слишком серьезным противником для меня, так что давай заключим соглашение.

Предложение не обрадовало и не огорчило Стивена. В данный момент ему абсолютно нечем было защитить себя, если не считать своего разума и достаточно потрепанного космического скафандра. Никакого оружия, ни ножа, ни запаса еды в карманах костюма не было. Выбравшись из корабля в тот первый день на Миттенде, Стивен поторопился выбросить из карманов все, что портило его фигуру.

Один из неглупых друзей Стивена сказал однажды (и сразу же перестал быть его другом), что если закон средних чисел верен и Стивен когда-нибудь получит то, что заслуживает, то он тут же на месте погибнет от своего эгоизма.

В этом утверждении было больше правды, чем думал говоривший. Стивен был воплощением эгоизма. Он не притворялся и специально не лгал, не искал преимущества за счет сознательных уловок. Обман просто был постоянным свойством его существа. А его жизненная философия базировалась исключительно на том, что он сразу же забывал все неприятное и был готов управлять ситуацией, как она есть, обманывая при этом самого себя.

С вызовом глядя на джи-инта, Стивен прокричал ему:

— Не понимаю, что значит "серьезный". Кроме голых рук, у меня ничего нет. Хорошо бы найти дубину!

На это он получил еще одну злобную ухмылку. Джи-инт присел на своем берегу на траву и спокойно произнес:

— Стивен, меня зовут Кроог, мне уже почти четыре тысячи лет. Я заверяю тебя, что в конечном счете тебе не удастся победить меня.

— Я думал, что мы все уже уладили на Земле в первую нашу встречу. — Стивен вздохнул. — А потом — после того, как я согласился, — ты пытался убить меня. Что же ты придумал на этот раз?

— Если бы я был уверен, что легко убью тебя, — ответил Кроог, — я бы уже был на твоем берегу, превратившись в медведя или льва, и растерзал бы тебя на кусочки. Ты говоришь, у тебя нет оружия, я верю тебе. — Кроог покачал головой. — Но дело не в этом. Тебя тренируют на роль отца, и мне кажется вероятным, что Мать желает именно твоей победы. Я хочу, чтобы ты пообещал, что не будешь даже пытаться выиграть.

— О'кей, — сразу согласился Стивен, — идет, если ты доставишь меня назад на Землю.

— Я не привык к таким быстрым соглашениям, — изумился Кроог.

— Дело в том, что я и там имею всех женщин, которых хочу, — пояснил Стивен.

— Ты не понимаешь, — не соглашался джи-инт, — это особый случай. Каждый год эти женщины рожают тебе восемьсот восемьдесят шесть детей.

— В мире и так уже слишком много людей, — заметил Стивен. — Кроме того, кто о них заботится?

— Ты что, притворяешься? — удивился Кроог. — Мать управляет девяносто восемью тысячами планет. Для этого существуют миллионы слуг, и целые районы разных планет специально выделены для выращивания малолетних детей.

У Стивена буквально отвисла челюсть:

— Ради Бога, объясни, как это я, человек с маленькой планеты Земля, стал их избранником?

— Потому что Мать, как и все другие матери, родом с Земли. Они же говорили тебе, что где-то в Греции их раса случайно достигла совершенства, после чего они обнаружили, что зависят от прихоти любого злого человека. Около четырех тысяч лет тому назад они построили космический корабль и улетели на Миттенд. Конечно, те, кто выжил.

— Я полагаю, — язвительно заметил Стивен, — что вы выучили разговорный английский язык тоже в Греции?

— Я родом не с Земли, я пошел на эту сделку за двадцать лет до того, как Мать поняла, что мои потомки еще хуже меня. Многие джи-инты периодически посещают Землю. Последний раз, когда я жил там, я провел около двадцати лет в Нью-Йорке.

Стивен поинтересовался:

— Джи-инты обладают особыми качествами?

— Ты же видел меня в воде!

— Что-то вроде крокодила.

— Чтобы справиться с этими восемьюстами восемьюдесятью шестью женщинами, мне пришлось приспособиться к биологическим моделям Земли. Теперь я могу превращаться лишь в людей типа землян и в земных животных. — Неожиданно его голос изменился, в лице появились новые краски, глаза заблестели. Он часто задышал: — Стивен, если бы ты только знал, какое эмоциональное возбуждение дают всплески первобытной жизни и дикая ярость хищного животного!

Стивен только пожал плечами.

— О'кей, когда тебе хочется, ты пожираешь других, а потом становишься снова человеком. Все равно что заниматься сексом с утра, до завтрака, а потом вставать и работать. Тебе становится легче до следующего раза.

— К сожалению, — мрачно возразил Кроог, — дикость и жестокость первобытных существ имеют и свою обратную сторону. В облике человека я много раз нападал на людей и избивал их до смерти. Особенно часто это случалось с женщинами, с которыми я до этого занимался сексом. Самые вкусные части их тел я съедал.

— Что же самое вкусное? — полюбопытствовал Стивен.

Кроог, похоже, не услышал.

— Мать ищет человека, который бы отказался от своей личности, полностью забыл о своем эго. Все это прямо противоположно генетическому устремлению джи-интов.

— Что-то вроде старой песни о слиянии с расой. — Суперэгоиста Стивена даже передернуло. — Восточная философия.

— Именно так.

— Да-а! — протянул Стивен.

Теперь он окончательно понял, что все россказни Матери не для него. Пусть на роль отца претендует кто-то другой.

— Ладно, хватит об этом. Что же мы будем делать, Кроог? У тебя есть предложение?

— Ты все еще не согласен?

— На что? — спросил Стивен.

Человек на другом берегу реки замолчал. Земляне тоже замолчали после разговора со Стивеном.

Наконец Кроог медленно, обдумывая свои слова, произнес:

— Я начинаю улавливать ход твоих мыслей. Надо было мне заметить это ранее. Хорошо, я доставлю тебя на Землю в своем собственном корабле.

— Давай, поехали, — поторопил его Стивен.

— А разве тебе не интересно узнать, от чего погиб этот город?

— Никогда не интересовался развалинами. Даже на Земле. Зачем мне это нужно?

И все же Кроог объяснил:

— Каждую ночь мои дети по очереди бомбят тяжелой земной артиллерией этот город. Чтобы Мать не воображала, что она сможет взмахнуть своей волшебной палочкой и восстановить город.

Стивен смотрел вдаль. Этого объяснения он уже не слышал.

Нагой Кроог посидел еще немного на траве, а потом встал и махнул рукой:

— Отлично, — сказал он, — в путь.

ГЛАВА XVI

Во время возвращения домой в космическом корабле, напоминавшем маленький реактивный самолет с короткими и толстыми крыльями, Кроог лишь один раз сделал замечание, поразившее Стивена. Джи-инт после их первого приема пищи спросил:

— Ты что-нибудь почувствовал только что?

— Нет, — удивился Стивен. Он на самом деле ничего особенного не ощущал.

— Корабль только что произвел корректировку времени, так что мы вернулись к нашему нормальному времени.

Кроог считал, что Стивен должен все это понимать.

— Когда мы приземлимся? — спросил Стивен.

— Примерно через двое земных суток. — Скорость корабля Кроога превышала скорость транссветовых земных кораблей раз в девяносто.

В самом деле, через двое суток корабль завис над зданием, крыша которого раскрылась перед ним и вновь закрылась, когда корабль опустился внутрь. Была ночь, и Стивену показалось, что они находятся в открытой сельской местности, а здание это — нечто вроде амбара.

Впрочем это ему вовсе не было интересно. Выбравшись из корабля, он последовал за Кроогом по нескольким коридорам, а затем они вошли в гараж. Кроог уселся за руль автомобиля, который оказался после включения фар зеленым "меркурием". Последовав его приглашению, Стивен забрался на переднее сидение.

Двери гаража отворились, и они выехали на сельскую дорогу. Проехав около часа по местности, напоминавшей Нью-Джерси, они прибыли в аэропорт. На здании было написано:

"АЭРОПОРТ ПАТТЕРСОН, ПЕНСИЛЬВАНИЯ"

Кроог подъехал к ярко освещенному входу, вынул бумажник и отсчитал две сотни долларов двадцатидолларовыми банкнотами, которые он вручил Стивену:

— Это тебе, чтобы добраться до Нью-Йорка.

— О'кэй, — Стивен взял деньги.

Он уже открывал дверцу, чтобы выйти, когда Кроог предупредил:

— Я пришел к выводу, что в моих интересах доверять тебе в этом деле. Но если ты будешь настаивать на своем, то мы вернемся к ситуации, с которой начали. Так что я повторяю: если ты снова окажешься на Миттенде, будь начеку и готовься к смерти.

Эти слова не понравились Стивену — угроза любого рода всегда затрагивала его. Однако в данной ситуации он был готов оставить неудовлетворенным свое задетое самолюбие ради того, чтобы избежать неприятностей еще одного путешествия на Миттенд.

— Не беспокойся! Если это будет зависеть от меня, то мы никогда больше не увидимся, — раздраженно пообещал он.

Он выбрался из машины и проследовал прямо в зал ожидания, ни разу не оглянувшись. Очевидно, Кроог отъехал, но Стивен так никогда этого и не узнал. Ему пришлось стоять в очереди, покупать билет на вертолет-такси на Нью-Йорк, отправлявшийся через тридцать восемь минут. Перед посадкой в вертолет Стивен представил, как воспримут его возвращение, и позвонил отцу.

Услышав знакомый голос, Стивен обрадовал отца:

— Слушай, отец, я вернулся на этот раз в своем собственном виде и ...

Дальше ему продолжить не удалось. На другом конце линии отец ахнул, а затем дрожащим голосом проговорил:

— Стивен, ты...

"Мой Бог, — подумал Стивен, — конечно, это я. Я же сказал ему, да и голос мой..."

Он уже собирался высказать все это отцу, когда к полнейшему удивлению Стивена, этот старый сукин сын снова повторил:

— Это ты, Стивен! — и расплакался.

Через некоторое время Мастерс-старший пришел в себя и успокоился. Стивен нетерпеливо поглядывал на часы. У него была еще масса времени, но ему казалось, что такой разговор с отцом — это бесполезное и скучное дело.

Когда эмоциональная буря улеглась, Стивен сказал:

— Я думаю, мне не стоит общаться с этими Атгерсами. Может, ты пошлешь кого-нибудь в апартаменты, чтобы выставить эту парочку оттуда прежде,чем я вернусь. Согласен?

— Давай лучше вначале допросим Атгерса, — предложил отец, к которому к этому времени вернулся здравый смысл. — К тому же, это теперь Марк Брем, и мы должны сначала узнать его историю.

— Ну и допроси его, — бросил Стивен.

— Хорошо, хорошо, — поторопился Мастерс, узнавая сына с его вечным нежеланием вмешиваться во что-либо неприятное. — Мой секретарь пошлет тебе запись беседы.

— Не стоит утруждать себя, — процедил Стивен.

Он всегда позволял отцу заботиться о себе, если это ему не докучало. "Старик", которому исполнилось всего сорок четыре года, начал информировать о состоянии дел семьи уже

давно. В результате, в одном из встроенных шкафов для одежды в апартаментах Стивена хранилось множество папок с документами, освещавшими многогранную деятельность Мастерса. Стивен не прочел из этого ни строчки...

Так как отец начал прочищать горло, то Стивен понял, что сейчас последуют дальнейшие замечания и указания, которые он предупредил, мгновенно солгав:

— Мой самолет, папа. Я должен бежать, пока!

— Пока! — только и оставалось промолвить Мастерсу-старшему.

Довольный, что освободился от обязанности позвонить отцу, Стивен повесил трубку.

Через тридцать одну минуту полета вертолет сел на крышу Стигмор Тауэрс, и из него вышел загорелый, среднего роста молодой человек. В свои двадцать три года Стивен мог сойти за восемнадцатилетнего.

Его апартаменты были на самом верху. Стивен быстро спустился с крыши на один пролет к своей двери.

"Хорошо! — Он неожиданно почувствовал прилив энергии. — Хорошо быть дома в своем старом логове в Стиге".

Когда автомат убедился, что у двери хозяин, Стивен открыл комбинированным ключом дверь и вошел.

Холл за входной дверью был устроен таким образом, что входящие не могли видеть сразу, кто находится в гостиной. Войдя, Стивен обнаружил, что в гостиной горит свет.

— О черт, старый сукин сын уже здесь, — вырвалось у него. — Неужели нельзя оставить человека в покое до утра!

Стивен вступил в просторную гостиную и увидел... Линду Атгерс.

Она сидела на пуфике, глядя на дверь холла, длинные ноги она поджала под себя. Лицо ее было разгоряченным и решительным.

Стивен прошел прямо к ней и посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты здеєь одна? Линда кивнула. Сглотнув что-то, видимо от волнения, она проговорила низким голосом:

— Марк уехал, когда твой отец прислал за ним машину. — Пожав плечами, она добавила: — Я отказалась уезжать.

— А как же с намерением защищать тело Даниела Атгерса от других женщин?

— Это не так важно. Кроме всего прочего, ведь это фактически и не был Дан. Теперь я вижу разницу. — Лицо Линды пылало.

— Но я тоже не Дан.

— Я привыкла к тебе, — оживилась Линда, — как к личности. — Подумав, она продолжала: — Через час я поняла, что Марк — это Марк, а не ты. Я просто ушла в спальню и заперла дверь. Я сидела там, пока не позвонил твой отец.

Как считал Стивен, у нее была типичная женская реакция на богатство Мастерсов. Однако он был рад увидеть ее в эту первую ночь его возвращения. Уже по дороге домой у него возникло чувство, что телу Стивена не хватало женского общества, он уже прикидывал в уме, кому из подружек позвонить.

Теперь уже можно не звонить. Добрая старая Линда заполнит промежуток в течение нескольких дней, пока он снова не наладит свою жизнь.

У Стивена было предчувствие, что ему не избежать неприятностей и разных вопросов. И вот, пока он не разделается со всей этой тягомотиной, сойдет и Линда, хотя, конечно, в свои двадцать шесть лет она уже не ровня ему.

Увы, все оказалось не просто.

ГЛАВА XVII

Какую бы шкалу интеллектуальных оценок ни применяли к Стивену, его рейтинг был довольно низок.

Однако по достижении определенного возраста его это перестало пугать. Во всяком случае, он не шиз. Если не вдаваться в глубокий анализ психиатрического толка, то он был скорее параноиком.

Представьте очень ограниченный взгляд на мир, добавьте большую дозу субъективизма и крайнюю самоуверенность — и перед вами будет психологический портрет Стивена.

Будучи в чужом теле, Стивен все равно оставался самим собой.

Все это было так до его возвращения с Миттенда.

После же его прибытия, окружающие заметили в нем некоторые странности.

У Стивена появилась привычка впадать в задумчивость. Иногда он вдруг словно бы уносился в иные миры. Знакомые не могли и вообразить, что происходило в мозгу Стивена, когда он выглядел таким внутренне сосредоточенным. А дело было в том, что в эти минуты Стивен думал о Матери.

Известно, что каждый мужчина сознательно или подсознательно настойчиво стремится продлить себя в потомстве, и тем самым противостоять смерти, обретая бессмертие в продолжателях рода.

Попиравшего все общепринятые нормы Стивена никогда раньше не привлекала эта идея, он тщательно заботился о том, чтобы ни одна из его многочисленных женщин не наградила его ребенком. Но вот теперь...

Все, что было разумного в Стивене, требовало выбросить из головы идею о Матери — это чудовищно и просто глупо, не стоит и минуты его времени... И все же в сознании Стивена постоянно теснились неясные образы: женские фигуры в белых ангельских одеждах, способные дать ему восемьсот восемьдесят шесть детей ежегодно.

И еще. Кроог уверял, что ему четыре тысячи лет. В тот момент эта огромная цифра ускользнула от Стивена, хотя он и запомнил ее. Периодически она всплывала в памяти, и Стивен не мог отделаться от некоторого чувства зависти.

Две мотивации запали в сознание, ситуация многократно им обдумывалась, он не мог отбросить эти мысли, даже когда приказывал себе.

Как оказалось, времени на размышления оставалось у него совсем не много.

ГЛАВА XVIII

— Сукин сын! — завопил сержант. — Когда я зову тебя, Мастерс, ты должен подбежать. Живо!

Стивен кинулся бежать уже при первом упоминании своего имени: на восьмое утро своей жизни в во-

енной тюрьме он уже ясно понимал, что нужно делать и как.

— Да, сэр, — запыхавшись, ответил он. Стивен ловко отдал честь и замер навытяжку. Сделать это было нелегко, так как он буквально падал от усталости. — Какие приказания, сэр?

— Подними мой карандаш! Я уронил его.

— Пожалуйста, сэр. — При этих словах Стивен прыгнул вперед, опустился на колени и поднял карандаш, лежавший перед столом сержанта, выпрямился и спросил: — Отдать вам, сэр? Или положить на ваш стол?

Немигающие серо-голубые глаза тяжеловеса сержанта впились в глаза Стивена и требовали подчинения. Стивен сразу же отвел взгляд в сторону.

Сержанту было около тридцати лет, его звали Эммет Обдан.

— Положи карандаш на стол между моей рукой и листом бумаги.

Чтобы сделать это, Стивену нужно было наклониться над столом. Он сразу же сообразил, что за этим последует. Собравшись с духом, он сделал шаг вперед, наклонился над столом и протянул карандаш. Как только он положил его и еще не начал выпрямляться, сержант взмахнул рукой и своей плоской ладонью хлестнул Стивена по щеке.

Дернувшись назад, Стивен вытянулся в струнку, отдал честь и чужим голосом произнес:

— Спасибо, сэр.

Скотина в облике человека, сидевшая перед ним, оскалилась.

— На место! Занимайся своей уборкой и не подставляй мне больше свое рыло!

— Да, сэр.

Снова Стивен отдал честь, круто повернулся и побежал по площадке лагеря.

Сзади раздался крик:

— Мастерс, назад!

Стивен остановился, повернулся и на полной скорости вернулся к столу. Снова последовал ритуал отдавания чести и тот же вопрос:

— Какие указания, сэр?

Глаза с издевкой изучали его около минуты, и за это время сержант придумал, к чему придраться:

— Мне не нравится, как ты реагируешь на мои методы обучения, Мастерс.

— Я выполняю все, что требуется, сэр.

Обдан вроде бы и не слышал.

— Мне кажется, Мастерс, что ты ко мне плохо относишься. То есть, ты считаешь меня надсмотрщиком в военной тюрьме.

— О нет, сэр, я ценю ваш объективный подход.

И снова Обдан не обратил внимания на слова Стивена.

— Мастерс, мы не можем согласиться с наружным повиновением и внутренним сопротивлением. Чтобы устранить этот недостаток в твоем обучении, стань на колени и сотри языком пыль с моих ботинок!

Последовала пауза.

— Ну? Чего ты ждешь?

Стивен облизал свои ставшие сухими губы.

— Я боюсь, сэр, что если я начну делать то, что вы приказываете, вы ударите меня ногой в лицо.

— Ну и что? — прохрипел Обдан.

— Вы можете искалечить меня, сэр.

— Дальше!

— Я боюсь, что это заметят и накажут вас за это, сэр, — схитрил Стивен.

Тут Обдан удивился по-настоящему. Он разинул рот, брови его поднялись, а зубы оскалились.

— Черт меня побери. Он думает о моем благополучии. Это очень трогательно, Мастерс. Но не ты первый заботишься обо мне. Должно быть что-то во мне вызывает прилив любви, Мастерс. Почти все такие слабаки, как ты, рано или поздно испытывают такое чувство и тогда...

Последовал один из тех монологов, какие Стивен никогда не мог слушать, даже если они непосредственно касались лично его. Голос маньяка что-то долбил, слова обтекали Стивена со скоростью звука, но он их не слышал — наступил один из моментов отключения Стивена от действительности. На другой стороне площадки заключенные что-то подметали. Всего лишь несколько минут тому назад

он был одним из них. И вдруг вот это! Наступил пятьдесят третий кошмар за восемь суток. Именно столько раз Обдан принимался за Стивена, начиная каждый день с шести утра.

Ни разу не обходилось без одной или нескольких пощечин, одного или нескольких ударов тяжелыми ботинками по голеням. Единственное, что удерживало Стивена от ответного удара, это присутствие вооруженной охраны за решетчатой загородкой в нескольких ярдах от него. И каждый раз, когда Обдан начинал издеваться над ним, охрана снимала с плеч свое оружие и держала его наготове.

Будут ли они стрелять? Стивен почти дошел до точки и готов был проделать такой опыт. Почти готов.

Стоя перед Обданом, Стивен украдкой бросил взгляд на стражу за решеткой, чтобы проверить, как они держат оружие. Сердце его упало. Их было четверо, винтовки были на взводе, а глаза солдат следили за ним.

Что ж, выхода нет. Он обречен...

Все свалилось на него неожиданно. На второе утро после его возвращения военные отвезли его в лабораторию биологической обратной связи, как они говорили, для опроса.

Отказаться он не мог. Конечно, ему все это не понравилось. Будучи самим собой, он и не думал скрывать свою враждебность к военному ведомству — и приобрел в нем врага.

Стивену казалось неестественным, что занимающиеся проблемами биологической обратной связи люди не понимают, что происходит. Экспериментаторы заболевали, и этого никто не замечал. У них развязывались языки, они словоохотливо и без конца что-то бормотали, а все окружающие и они сами никак не связывали такое состояние с предметом их опытов.

Фамилия специалиста, которого приставили к Стивену, была Бронсон, вопросы он задавал шепотом, и Стивен их почти не слышал, а когда Бронсону становилось совсем плохо, он беспомощно махал рукой и бормотал:

— Я совсем, как они. Не надо обращать внимания.

Бронсон хотел получить полный отчет о том, что он педантично назвал "ваше изложение того, что происходило с вами здесь и на Миттенде".

Его манера держаться очень раздражала Стивена. Уже на второй день, вновь подробно пересказывая одни и те же факты, Стивен вдруг решил попробовать, в свою очередь, получить какую-нибудь информацию.

— Давайте предположим, — начал Стивен, стараясь говорить медленно и доброжелательно, — что весь мой рассказ о событиях на Миттенде — правда.

Ярко горящие карие глаза Бронсона сузились.

— Не мое дело давать, — тут его голос начал затихать и он пробормотал что-то вроде слова "оценки".

Стивен настаивал:

Если изменение облика действительно возможно, то почему же джи-инт не может принять вид одного из первобытных земных животных или какой-нибудь совершенно неземной формы, которая может существовать на одной из девяноста восьми тысяч планет, с которыми связана Мать? В таком облике он разделался бы со мной одним движением своего хвоста.

Стивен так никогда и не узнал, принес ли ему пользу этот вопрос. Если скептику изложить в точности то сомнение, которое он с трудом стремится скрыть от окружающих, если, более того, это сомнение высказывается человеком, которого скептик считает отъявленным лгуном (именно такое мнение Бронсон составил о Стивене), то скептик придет в замешательство и выскажет, скорее всего, правду.

Бронсон начал рассуждать:

— Сомнительно, чтобы что-то, кроме латентной памяти, оставалось в клетках мозга человека в связи с первобытными морскими или земными чудовищами. Поэтому такая программа — я имею в виду лишь ее отпечаток в мозгу — не может быть воспроизведена. Однако способность воспроизвести крокодила в принципе достижима при взаимодействии двух Кирлианновских полей. — Пожав плечами, он добавил: — Я не вижу причин, почему бы такое перевоплощение нельзя было осуществить и с неземным существом.

Он был честным. Он последовал благодаря случайному попаданию Стивена. Несмотря на то, что Бронсон частично пробормотал, частично прошептал, продышал и прошипел эти слова, Стивен уловил главную мысль. В глазах

Стивена Бронсон заработал одно очко. При этом Стивен вспомнил, как ему однажды доказывали, что для успешного лечения людей психиатру не обязательно самому быть в здравом уме. Если врач знает свое дело и придерживается верной техники лечения, то он может, скажем, спасти чей-нибудь мозг, хотя его собственный в это время может полным ходом распадаться. Вот и Бронсон мог манипулировать сложной системой элетроэнцефалографа, пользоваться Кирлианновскими полями, прибегать к стимуляторам и механически проводить опросы.

А в соседней комнате эксперт работал с атгеровской версией Марка Брема, который освещал происшедшее со своей точки зрения.

Стивен не знал, а эксперты вначале никак не могли понять, почему Марк заявляет, что он пробыл на Миттенде только пять дней. Для Стивена это время составило два месяца и одиннадцать дней.

После опроса на третье утро, когда Стивен уже готовился пойти в обслуживающий лаборатории комплекс на ленч, он был арестован и доставлен в военную тюрьму.

Суд, состоящий из пяти генералов, начал заседать через два дня. Обвинение сводилось к тому, что Стивен никогда лично не бывал на Миттенде.

Прокурор в своей вступительной речи заявил:

— Мы обращаем внимание уважаемого суда на то, что влияние отца обвиняемого лишило военное ведомство возможности перевоспитать испорченного повесу. Общеизвестно, что очень богатые и очень влиятельные люди часто тратят средства на то, чтобы найти похожих на себя мужчин и женщин, чтобы использовать их услуги для самой разнообразной и представляющей опасность деятельности. Двойник Стивена получил, очевидно, достаточную сумму денег и вылетел на Миттенд. Прибыв туда, он не принял необходимых мер предосторожности, вероятно, потому, что не был Стивеном Мастерсом и не воспринимал эту экспедицию серьезно. Хорошо известно, что он сделал. Он отправился погулять, и его, очевидно, убили.

Когда к трибуне вышел Бронсон, то серьезные обвинения сменились откровенной нелепицей. Он отказался пред-

ставить какую-нибудь документацию и заметил, что система биологической обратной связи функционирует частично на основе добровольного сотрудничества. Бронсон добавил:

— Я понял, что мы столкнулись с затруднением, когда Мастерс сообщил, что за два дня вернулся с Миттенда в суперкорабле, пилотируемом бывшим крокодилом.

Позднее Гленкорн вспоминал, что после произнесения этой фразы Стивен не имел никаких шансов на благоприятный исход дела.

Попытка адвоката защиты получить документы, подтверждающие свидетельства Бронсона, была отвергнута. А возражения обвинения против вызова свидетелей защиты и представления любых документов защиты поддерживались столь настойчиво, что, наконец, Гленкорн с кислой улыбкой сделал заявление:

— Хочу поблагодарить представляющего обвинение генерала за его глубокое понимание атмосферы, преобладающей в этом суде.

Для Стивена Мастерса наступили черные дни.

...Находясь в тюрьме под началом сержанта Обдана, Стивен был лишен даже возможности спокойно обдумать все, происшедшее с ним.

— На колени, — процедил Обдан, — или я сейчас выйду к тебе и сам...

По мере осознания ситуации Стивен Мастерс начал невольно восстанавливать всю логическую цепь событий, что уже не раз выручало его в минуты эмоционального стресса.

Память подсказала: нельзя стать Матерью!

Память подсказала: нельзя стать тем, кого ты обидел...

Об этом его предупредили, и он этому поверил.

Кем же тогда?

Догадка пришла в долю секунды: от того, к кому он был добр. Но ни одного такого человека он не мог вспомнить, кроме, может быть... Нет, это уже было бы слишком. Кроме... Нет!

В это решающее мгновение Стивену пришла мысль, что он не имеет права подставить кого-то, ввергнуть человека в те обстоятельства, в которых он оказался.

— Нет, нет! — почти выкрикнул Стивен.

— Да, да! — передразнил его сержант, поднимаясь на ноги.

Однако он говорил уже не со Стивеном.

ГЛАВА XIX

Некоторое время Стивен лежал с закрытыми глазами, испытывая совершенно новое и потрясающее чувство. Он ненавидел себя.

Потому что догадался, кто он сейчас.

Конечно же, в этот ранний час, когда лишь несколько минут назад пробило восемь, он был уверен, что Стефани находится в постели, в своей собственной или чужой... с кем-нибудь.

Перспектива оказаться в постели в облике Стефани с мужчиной не вызвала у Стивена приятного возбуждения.

Скорее уж Стивену подходила роль активной лесбиянки.

Минуту или около этого Стивен обдумывал подобный поворот судьбы, забыв обо всем остальном.

Затем он осторожно раскрыл глаза, повернул со страхом голову и увидел, что он в постели один.

"Отлично, — с облегчением вздохнул Стивен, — может быть, Стефани действительно хорошая девочка, которая хочет выйти замуж".

Боковым зрением он охватил роскошные светлые волосы, разбросанные по подушке. Поняв, что теперь эти волосы принадлежат ему, Стивен ощутил некоторую неловкость из-за того, что он утратил положение мужчины и стал женщиной.

Время текло. Постепенно пришло понимание, что он чувствует себя ничуть не хуже, чем раньше.

Слава Богу!

У него было тело с головой и мозгом. Различие в половых органах и их влияние на организм не изменило, вроде бы, его умственных качеств.

Он уже поверил, что приспособится к новой роли, и даже перестал думать об этом.

И тут к нему вернулась память о последних минутах в тюрьме. Он представил бедную маленькую Стефани перед сержантом Эмметом Обданом.

Резко сев на постели, Стивен схватил телефонную трубку.

Попутно он заметил очень женственный пеньюар, изящную белую ногу, узкую и тонкую руку и пальцы с маникюром, набиравшие номер — секретный номер его отца.

На этот раз убедить Стивена Мастерса-старшего оказалось труднее. Дело в том, что Стивен после пятидесяти трех стычек с сержантом Обданом был уже не столь уверенным в себе. Однако примерно через час после звонка папа Мастерс в сопровождении двух секретарш уже входил в апартаменты Стефани.

Секретарши удалились на кухню и занялись приготовлением кофе, а старший и младший Мастерсы уселись в гостиной.

Отец слушал Стивена с отстраненным выражением лица, так как слегка хрипловатый голос Стефани, повествовавшей о своем восьмидневном пребывании в тюрьме, иногда сбивался на истерические нотки.

Стивен искренне удивлялся, почему там с ним так грубо обращались. Раньше у него было представление, что вооруженные силы — это, безусловно, суровая школа, но тем не менее руководствующаяся определенными принципами. Его компаньонами по экспедиции на Миттенд были типичные бравые офицеры, честные, решительные и верные своему долгу. Даже свой приговор с пожизненным заключением и строгим режимом он воспринял вначале как нечто, не выходящее за рамки определенной логики.

— Я сам виноват в этом, — заключил Стивен, — потому что согласился участвовать в их играх и отправился с экспедицией на Миттенд.

— Мне трудно поверить, — помолчав, выразил сомнение отец, — что не ты сам создал себе проблему в тюрьме и тем самым вызвал к себе такое отношение.

— Мы стояли в шеренге, — стал объяснять Стивен, — и этот тип, Обдан, обходил нас и придрался к четырнадцати из двадцати трех человек. Когда он подошел

ко мне, я уже видел, к чему все это клонится, и стоял по струнке. Однако, он прицепился ко мне и ударил по лицу так, что я еле удержался на ногах. Стойку смирно я, конечно, нарушил, и тут он пришел в такую ярость, что начал пинать меня сапожищами по ногам. Это началось с шести утра в первый же день. От воспоминаний тело Стефани передернуло худенькими плечиками. — После этого я решил уж как-то перетерпеть, пока ты и Гленкорн не сможете что-нибудь сделать для меня.

— Мы словно натолкнулись на каменную стену, — осторожно оправдывался отец. — Очевидно, позиция военного суда отражает настроение людей вообще. Тебя описали в прессе как безответственного плейбоя, который должен ответить за смерть трех офицеров на Миттенде. Вот никто и не хочет связываться с этим делом, чтобы не подумали, что их купили за деньги Мастерса.

— Выглядит так, будто они считают меня лично во всем виноватым. Я в это не могу поверить.

— Суд был очень скорым, — заметил отец.

Звенящим от возмущения голосом Стивен заявил:

— Если уж меня считают таким подлецом, может быть, при рассмотрении показаний Атгерса от лица Брема удастся представить документы, которых нельзя было добиться в трибунале?

— Мы так и хотели, но неожиданно дело против него было прекращено. Он теперь на свободе.

Стивен начал рассуждать:

— Это существо — Мать, находясь в своем астральном пространстве, говорило, что они сражались с нашествием джи-интов много лет и что сопротивление стало возможным лишь благодаря тому, что для перемещения из одной галактики в другую они научились производить некоторые внутренние преобразования. Для этого джи-интам и были нужны модели.

— Миттенд был выбран для межзвездной экспедиции потому, что эта планета неожиданно появилась там, где ранее планеты не отмечались. Решение о полете туда принял генерал Синтер, — вспомнил старший Мастерс.

— Настоящий Синтер, наверное, закопан Бог знает где, — деревянным голосом добавил отец.

— И все же, продолжал Стивен, — вряд ли может существовать много десантников джи-интов типа Кроога и Синтера. Иначе им не нужно было бы использовать кого-то вроде меня для разнообразия.

— Ты мало похож на их агента, — мрачно заметил отец. — Именно этого я и не понимаю. Что в тебе есть такое, что заставляет их идти на все, чтобы тебя убрать?

Стивен молчал. Он вспоминал то, что не говорил еще никому: восемьсот восемьдесят шесть женщин там, далеко, выбравших его потенциальным партнером.

Как только это воспоминание пришло к нему, он почувствовал... как будто чья-то тень упала на него. Глубоко внутри он сохранил связь с Матерью, какая-то частица его существа воспринимала ее сигналы и отвечала на них каждую минуту.

Он сразу подумал обо всех этих тысячах людей, которых он обижал. Выходя из глубокой задумчивости, Стивен услышал, как он предлагает Мастерсу-старшему откупиться от всех им обиженных.

— Ты что же, помнишь имена всех? Как нам всех найти? — удивился отец.

Для Стивена это не представляло затруднений. Как объяснить отцу, что он вел учет всех этих сукиных детей?

Мгновенно взвесив все за и против, на что ушло не более доли секунды, Стивен предложил:

— Давай вернемся в Стиг, и там я покажу тебе... А Линда все еще там?

— Нет, я выдал ей все деньги, потраченные ее мужем на защиту от твоих преследований, и она отправилась домой. — Могущественный человек улыбнулся: — Потом она позвонила, кажется ее возвращение прошло благополучно. Экспедиция на Миттенде вышла на связь с Землей, и она разговаривала с Даниелом Атгерсом в облике Марка Брема, рассказала ему о деньгах, которые я дал ей, после чего он попросил ее передать мне благодарность. Так что же, это совпадение с тем, что ты просишь?

— Меня удивляет, — признался Стивен, — почему они не добрались до тебя?

— Я такой же, как ты, — улыбнулся Мастерс-старший, — принадлежу к тем, кто выживает. К тому же, меня всегда охраняют и притом довольно тщательно.

Чтобы проникнуть в мое окружение, нужно иметь очень мощную организацию. Честно говоря, мне кажется, что здесь, на Земле, они еще недостаточно сильны.

ГЛАВА XX

В этот же день после обеда в апартаменты в Стигморе прибыла стенографистка, которая записала все имена из дневников Стивена. Со списка были сделаны копии, и крупное детективное агентство запустило весь свой штат на розыски. К вечеру начали звонить телефоны.

Агенты нашли девятьсот двадцать три человека из примерно тысячи имен в списке, все это заняло немногим более двух дней. Старший Мастерс, периодически появлявшийся и следивший за ходом поисков, озадаченно качал головой, удивляясь такому большому числу имен.

— Никак не пойму, как у тебя хватило времени навредить стольким людям, ведь тебе только двадцать три года.

— Это было нелегко, — пробормотал Стивен.

Он и сам был слегка ошарашен. Действительно, все это было так мерзко. Он помнил, как ему было особенно приятно сводить счеты с теми, кто, по его мнению, часто ошибочному, каким-либо образом ущемлял его интересы.

Сейчас все необходимо исправить. Мир с обиженными им людьми надо восстановить или по возможности купить. Поскольку папа Мастерс увлекся идеей "нейтрализации вреда", с деньгами проблем не было.

Девушки с приятными музыкальными голосами обзванивали мужчин по списку. Мужчины с мужественными баритонами оповещали женщин.

Была сочинена история, и она оказалась удачной. После своего тюремного заключения Стивен ударился в религию. Он крайне сожалеет о своих прежних выходках и недостойных поступках. Не может ли он каким-либо образом возместить причиненный ущерб?

Был снят большой зал и назначено время встречи. Лишь горстка гордецов заявила, что Стивен может уби-

раться ко всем чертям, так как он не сумеет окупить все зло, что причинил.

Все же остальные, очевидно, надеялись получить компенсацию за свои обиды.

Для переговоров с теми, кто отказался от встречи, был направлен отряд опытных адвокатов.

Приглашенные начали съезжаться на встречу довольно рано. Как и предполагалось, многие из прибывших привели с собой родственников.

У входа были установлены микрофоны, и в специальной комнате с аппаратурой для прослушивания можно было услышать интересные разговоры.

Муж протестующе заявлял жене:

— Все же я хотел бы знать, это как ты с ним познакомилась? Что он сделал тебе такого, чем он тебя обидел?

— Но, дорогой, — терпеливо объясняла жена, — я же тебе рассказывала. Стивен однажды довольно грубо предложил мне пойти с ним, и я в ответ послала его.

Другая женщина на этот же вопрос ответила, что когда она ему отказала, Стивен ударил ее.

Третья особа была более снисходительна к Стивену:

— Моя радость, — призналась она своему мужу, — когда я тебя еще не знала, я встречалась с двумя или тремя скотами, и Стивен Мастерс был одним из них. Все это длилось не более трех ночей, так что и говорить не о чем, не будь ревнивцем.

Относительно продолжительности встреч она была права. Умолчала она лишь о том, что три ночи со Стивеном стоили трех месяцев, проведенных с ее мужем.

Озадаченные жены тех мужчин, которых Стивен обидел, получали такие ответы: "На одной из его вечеринок я сказал ему, что он развратная крыса, ну, он меня и уволил с работы". Или: "Я возразил ему, когда он плохо высказывался о бедняках, тогда он договорился с моим издателем и закупил весь тираж моей книги, не пустив его в продажу. Из-за этого меня не читали и не знали все эти годы. Думаю, что ее прочел лишь Стивен — чем лучше книга, тем больше он радовался, что она не дошла до публики".

Всех входящих проверяли у двери, пропуская через специальный детектор. У троих детективы уже выудили спрятанное оружие, и лишь после этого пропустили в зал.

Когда Стивену доложили об этом, он удивился столь малому числу явных недоброжелателей. Обратившийся с обстоятельной речью к аудитории Гленкорн долго не задерживался на обсуждении грехов Стивена. Суд над ним он прокомментировал кратко:

— Это был мой первый военный трибунал, и я был поражен полным нежеланием заслушать свидетельства. Стивена Мастерса отдали под суд за то, что он не хотел лететь на Миттенд, а осудили за то, что он якобы совершил там три убийства.

Затем адвокат торжественно заявил:

— Стивен пригласил вас всех для того, чтобы вручить каждому десять тысяч долларов, получить ваше прощение и обещание забыть о несправедливости.

Как только была упомянута цифра, все задвигались и зашаркали ногами. Вздох изумления пронесся над залом. Объявление произвело впечатление.

Последовали аплодисменты, которые переросли в овацию, прекратившуюся лишь тогда, когда Гленкорн поднял руку и крикнул:

— Все, кто хочет забыть прошлое, могут пройти в помещение за залом сразу же после окончания нашей встречи. Там вас ждут тридцать девушек с уже выписанными чеками. Вам остается лишь подписать простое заявление из четырех предложений, в котором вы заверяете, что прощаете Стивена и не держите на него зла в своем сердце. Видите ли, в ваших интересах забыть все плохое по двум причинам. Во-первых, это освободит вас от возможных неприятностей в связи с угрозой переноса вашего сознания, как это случилось с Марком Бремом и Даниелом Атгерсом, которые все еще не смогли решить свои проблемы. И, во-вторых, разумеется, вы получите деньги. Стивен и его отец надеются, что вы используете их на дело,о котором мечтали, или на приобретение того, чего давно хотели.

На удивление, далеко не все проследовали за чеком. Около восьмидесяти человек объяснили, что пришли

лишь послушать, что будет. Семьдесят три неподписавших заявление позднее подали иски на значительно большие суммы. О сговоре между ними подозревать не приходилось. Каждый из них самостоятельно лелеял в душе приятную перспективу обрести круглую сумму мастеровских денег. Ведь после получения приглашения на прощальное примирение они имели основания обратиться в суд, где Стивену уже будет почти невозможно отрицать нанесение им ущерба. Может быть, он сможет оспаривать его степень, но не более.

Сразу после собрания их ждало еще одно событие, случившееся по воле правительства. Гости Стивена по выходе из здания попали на улицу, буквально заполненную солдатами. Здесь же стояли в ряд автобусы, куда и затолкали всех пришедших на встречу, несмотря на их протесты. Туда же попали и члены команды Стивена.

Старший Мастерс, поскольку в таком скопище народа не могли обеспечить его безопасность, благоразумно остался дома.

ГЛАВА XXI

На следующий день в газете появился заголовок:

"ПРАВИТЕЛЬСТВО АРЕСТОВАЛО 1000 СОУЧАСТНИКОВ СТИВЕНА МАСТЕРСА"

Затем следовал репортаж:

"Подозревая мошенничество, власти прошлой ночью задержали более 900 человек и столько же сопровождавших их друзей и родственников, принявших участие в так называемом "вечере прощения", организованном Стивеном Мастерсом, печально известным наследником промышленной империи Мастерса. В настоящее время Стивен Мастерс находится в тюрьме.

Комментируя предпринятую акцию, министр обороны заявил: "Испорченный отпрыск зажиточной фамилии позволяет себе глумиться над нашей страной. Все лица, принявшие участие в обмане, будут под-

вергнуты суду, оштрафованы или заключены в тюрьму в качестве примера для тех, кто проявляет неуважение и презрение к честной и доблестной деятельности вооруженных сил".

Далее сообщалось, что все арестованные доставлены в комендатуру Нью-Йорка, где они были опрошены и разделены на группы, которых в результате получилось четыре.

К первой группе относились служащие детективного агентства, нанятые Мастерсом-старшим для контроля за осуществлением операции. Постоянный и временный штаты агентства были отделены от гостей и отпущены примерно в три часа ночи, с ними же был освобожден Гленкорн.

Вторая группа — свыше девятисот человек — состояла из гостей так называемых потерпевших от Стивена. Их отпустили перед рассветом.

Непосредственно обиженные Стивеном Мастерсом в количестве тоже свыше девятисот человек, составившие третью группу, были переданы полиции. Согласно утверждению городской прокуратуры, они обвинялись в участии в мистификации, задуманной для усугубления того обмана и клеветы, которыми Стивен Мастерс опутал широкие круги общественности. Все эти лица предполагалось отпустить под залог, однако, по просьбе военных, их освобождение было отложено на несколько дней по соображениям безопасности. Срок начала процесса должен быть объявлен дополнительно.

Четвертая "группа" была представлена самим Стивеном в облике Стефани.

Его не передали гражданским властям, а под конвоем шести солдат и лейтенанта проводили по тускло освещенным бетонным коридорам со стальными дверьми, перед одной из которых лейтенант и остановился. В ответ на стук в дверь за ней послышался мужской голос:

— Кто там?

— Заключенный для допроса, генерал Синтер.

— Минутку.

Последовала пауза, раздался лязг металла о металл, и дверь открылась. В дверях стоял человек, внешность

которого Стивену была совершенно незнакома, но зато голос его он уже имел удовольствие слышать в течение двух недель. На лице генерала появилась слабая издевательская усмешка. Он напомнил Стивену одного знакомого политикана средних лет, с которым он как-то встречался. Такая же аккуратность во внешности, округлое лицо, синие глаза и маленькие коричневые усики.

— Ну и ну, — удивился Синтер, — хорошенькая маленькая леди.

— Не такая уж маленькая, — отпарировал Стивен.

Насколько он помнил, Стефани имела пять футов и пять с половиной дюймов роста, и руки ее совсем не напоминали палочки. Ему казалось только, что она немного похудела за эти дни, но и только.

Генерал закрыл за ними стальную дверь и коротко скомандовал:

— На крышу!

Поднявшись с помощью лифта на ярко освещенную прожекторами крышу, по краям которой были установлены противоветровые щиты, Стивен увидел вертолет. Его огни уже горели, и в кабине за штурвалом сидел пилот.

Посади ее на борт! — приказал Синтер.

Стивен начал лихорадочно соображать. Он торопливо заявил молодому лейтенанту и окружавшим его солдатам:

— Меня должна сопровождать женщина-охранник.

— Охранник вас будет ждать, когда вы прилетите, — холодно отчеканил офицер.

— Я не верю вам! — воскликнул Стивен, использовав самые музыкальные интонации сопрано Стефани.

Ко всему этому разговору с улыбкой прислушивался Синтер. Теперь он выступил вперед перед Стефани и сказал:

— Пришел твой конец, Стивен. Тебя доставили сюда семь джи-интов. Пилот — тоже джи-инт, ну и, конечно, я. Тебя подвели люди, вызвавшие газетчиков. Если бы в газетах не появились известия о дне встречи, мы не узнали бы, что ты задумал. Это было ловко придумано — откупиться от всех сразу, но все они сей-

час под нашим замком. А тело Стивена находится под присмотром Обдана, джи-инта Эммета Обдана. И в кого бы ты ни перевоплотился, ты окажешься в такой же ситуации, что и сейчас, то есть, под присмотром. — Он издевательски поклонился и, выпрямившись, закончил: — Так что прошу взойти на борт. Я доставлю твое восхитительное женское тело нашему предводителю и отцу Кроогу.

Стивен заинтересовался:

— Эй, так ты один из отпрысков Матери от этого джи-инта?

— Да.

— Один из этих злых людей на Миттенде?

— Именно туда Мать сослала нас, когда увидела, что наши качества неприемлемы для нее.

— Мой старик и я сочли вас сородичем Кроога, потому что бормотали про себя свои мысли, когда допрашивали меня, как будто у вас раздвоение личности. Мать говорила, что настоящие завоеватели с трудом приспосабливаются к условиям этой галактики. Вы вроде бы подходили под это описание.

— Мы их потомки, имеем те же проблемы, — пояснил Синтер. — Мои подсознательные мысли выходят наружу. На Земле есть только один колонист — Кроог. И чтобы доставить его сюда, чтобы перенести одну жизнь через восемьсот тысяч световых лет, в свое время потребовалось очень много сил.

— А почему же все эти ребята, ваши братья и сестры, не переселились на Землю?

— Что, переселиться? И потерять контакт с Матерью? — Синтер цинично улыбнулся. — Видишь ли, Миттенд — это место, откуда она поддерживает связь со Вселенной. У нее нет выхода, Стивен. Она вскоре должна будет сдаться Кроогу. Это неизбежный результат всех этих потоков энергий, с которыми она работает.

Кончилось это тем, что пожилой человек в генеральской форме рассердился на молоденькую женщину, посмевшую допрашивать его:

— Теперь я задам вопрос. Ты был необычно спокоен во всех опасных ситуациях. Кроог и прочие отметили это. Как ты объяснишь это?

— Я немного тупой, — искренне признался Стивен.

— Как так?

— Я не могу сосредоточиться на чем-нибудь более чем одну-две секунды. Я всегда был такой.

— Но, разумеется, в минуту опасности...

— Моя всегдашняя защита — поток сознания на базе негативных ассоциаций. Должен признаться, что я понемногу избавляюсь от этой особенности, — бодро объяснил Стивен.

— А я должен признаться, — вдруг разоткровенничался Синтер, — что мне не нравится план Кроога. Он хочет создать для тебя экстремальные условия и посмотреть, что вы будете делать, чтобы ускользнуть.

Стивен вспомнил Обдана.

— Думаю, что я уже побывал в экстремальных условиях. Именно поэтому я превратился в очаровательную Стефани.

— Это и открыло секрет, — сознался Синтер. — Так что теперь мы готовы к главному.

— Какой еще секрет?

— Что ты теперь можешь перевоплощаться в тела людей, которым когда-то чем-то помог. Поэтому мы все и здесь. Давай, в вертолет. Пожалуйста!

Ничего другого не оставалось. Стивен-Стефани грациозно прошел вперед и легко взобрался в низенькую кабину. Двери захлопнулись, зашипел воздух, создавая в кабине избыточное давление.

Через минуту вертолет был уже в воздухе.

ГЛАВА XXII

— Я понимаю так, что все это дело с переброской сознания через Вселенную, — услышал капитан Одард голос Марка Брема, — может осуществляться, если вы точно следуете правилам. То есть все это — вопрос чистой математики.

Они летели над дикими пространствами Миттенда, здесь были горы, речки, деревья, кусты. Командир экра-

ноплана напряженно всматривался в местность, он искал признаки жизни. Поэтому смысл сказанного дошел до него не сразу.

Эти слова Марка Брема прозвучали для него неожиданно. Он взвесил свой ответ дважды и затем деловито высказал мнение:

— Я думаю, что вас из игры исключат, поскольку Вы в качестве Даниела Атгерса занимаетесь античной историей. Помните, как вы надеялись найти эту девушку и не смогли — так что будьте осторожны.

— Непосредственно сейчас, — заговорил снова голос Марка Брема — я опять Стивен Мастерс, я здесь в результате того, что джи-инты начали мучить бедную Стефани Вильямс. Они не знали, что мой отец заплатил Даниелу и что у меня есть выход — перевоплотиться в Даниела.

Капитан Одард моргнул. Он лишь на мгновение оторвался от наблюдения за местностью. Всеми своими мыслями и чувствами он был все еще там, внизу.

Стивен успел пока вставить:

— Я думал об этих правилах по мере того, как они становились мне понятными. Математика — это не для меня, также, как и многое другое. Но я владею врожденной логикой, в которую вписывается все это дело.

Одард откинулся в кресле. Посмотрел на пилота. Наконец он снова взглянул на фигуру Марка Брема.

— Вы хотите сказать, — раздраженно ответил он, — что поменялись сознанием с Даном Атгерсом и подставили его в положение жертвы, а сами смылись?

Стивен покачал головой Марка Брема.

— Это была не совсем пытка. Когда я покинул их, вся одежда была со Стефани уже сорвана, а генерал Синтер снимал свои шорты, готовясь улечься с ней в постель. Психологически это был тягостный для меня момент, ну, я и попросил: "Мать — перенеси меня!" Она мгновенно это исполнила. Боже, какое это было облегчение!

Как только Одард мысленно представил, что происходит в маленькой спальне на расстоянии десяти световых лет отсюда, у него мурашки пробежали по темени, и он

судорожно сглотнул. Вместо ландшафта внизу он видел лишь зеленое пятно.

— Вы что же... — визгливо закричал он и тут же остановился, удивившись собственному пронзительному голосу. Он заметил, что Стивен-Брем недоуменно смотрит на него.

Капитан межзвездной исследовательской экспедиции должен обладать спокойствием и здравым умом, не поддаваться эмоциям. Но Роберт Е.Одард почувствовал, как его постепенно, начиная с больших пальцев ног, заполняет страстное, истерическое желание разрядить свою энергию неважно на что или на кого.

— Вы спокойно заявляете мне, — выкрикнул он, что поставили этого беднягу-профессора истории в ситуацию...

— Нет, перебил Одарда Стивен, — я понимаю так, что во время опытов может быть получен и отрицательный результат. Поэтому я не видел никакого смысла в том, чтобы профессор попал в подобную... гм, ситуацию. Я попросил Мать вернуть его в его собственное тело. Теперь я считаю, что где бы ни находился Марк Брем в теле Атгерса, тело это в настоящий момент движется в направлении Вестчестера.

— Так вы имеете в виду, — промямлил Одард, — что Марк Брем...

— Когда-нибудь, — рассуждал Стивен, — когда сознание Вселенной, центром которого является Мать, заставит всех понять, что мы взаимосвязаны, я полагаю, уже будет не так важно, в каком положении находятся наши тела.

— Всеобщее сознание, — недоверчиво протянул Одард, — не метафизика ли все это?

— В эти мгновения, которые были мне отпущены, — продолжал Стивен, — я должен был принять за аксиому, что женщина считает естественным, что она женщина. Поэтому, так как Атгерс еще не находился в контакте с той дикаркой и не смог бы разыскать ее, я сообразил, что это должна сделать Мать. Я перенес дикарку в Стефани. А дикарка и Синтер — собственно, брат и сестра, правда, между ними разница в те двадцать лет, которые Кроог держал Мать под контролем.

Возможно, они что-то почувствуют, и Синтер не станет наседать на нее.

— Всеобщее сознание... — снова задумчиво произнес Одард.

— Скажите пилоту, чтобы он свернул немного влево, — прервал его Стивен.

— А?

— Там впереди разгорается битва, — указал Стивен, — и нам нужно вначале все сфотографировать. Потом, если женщины начнут сдавать, нам нужно будет вмешаться. — Стивен нахмурился. — Конечно, те, кто сейчас на Земле, участвовать не будут, но все же мы можем начать.

Капитан открыл было рот, чтобы что-то сказать, но промолчал. К ним повернулся пилот.

— Эй, послушайте, — крикнул он, — посмотрите вперед. Может, я спятил. Кто-то перенес зоопарк Сан-Диего на Миттенд.

Больше никто ничего не сказал. Так далеко, как мог видеть глаз, земля была покрыта чудовищами: гигантскими змеями, слонами, тиграми, огромными обезьянами, крокодилами, леопардами, медведями. Это были звери Земли — тысячи зверей.

Звери визжали, ревели, выли, трубили — все это было едва слышно, когда экраноплан с мягким шипением летел над перемещавшейся массой сражавшихся зверей. Позднее выяснилось, что камеры засняли стаю львов, атаковавших двух тигров и разорвавших их в клочки. Двое слонов затоптали крокодила своими тумбообразными ногами. Четверо леопардов рвали когтями огромную змею длиной не менее тридцати футов. Они не отпустили ее, пока не добили, несмотря на все отчаянные попытки змеи охватить их кольцами или ударить своей огромной головой

От общей массы зверей начали отделяться группы чудовищ. Они бежали, огрызаясь, все еще сопротивляясь, НО на уме у них было бегство.

Вдруг одно из спасавшихся созданий оказалось на сотню футов впереди своих преследователей. Оно бежало все быстрее. Стивену даже представилось, что его очертания начинают размываться... Еще секунда — и...

Проследить за этим превращением не было никакой возможности. Леопард трансформировался в орла, неуклюже взмывшего в небо, затем набравшего скорость и вышедшего на ровный полет.

Через минуту в небе кружила уже дюжина крупных птиц, затем сотня, потом много сотен — тысячи. Все они мощно били воздух своими крыльями.

Экраноплан они увидели слишком поздно. Он налетел на них, ощетинясь пулеметным огнем. Полетели перья, мертвые орлы падали на землю. Экраноплан вышел из пике и начал разворот. Около тысячи орлов держали курс на восток.

Конечно, ни один орел не мог лететь так же быстро, как машина — этот демон из металла, несущий огромную огневую мощь. Орлы взмывали вверх, трепеща крыльями.

Те, кому удавалось спастись, поворачивали к северу, где высились горы.

Следуя указаниям Стивена, экраноплан летел над поверхностью Миттенда, разыскивал одну за другой группы джи-интов и атаковал их по очереди, стремясь прижать орлов к земле.

Возможно, два или три орла скрылись. Ведь с поля боя животные рассеялись в разных направлениях. К тому же в небе были облака, хотя и немного.

— Как я и думал, — сказал Стивен, — некоторые из детей Матери растерялись. Впрочем, большинство из них в порядке, и нам надо положиться на них. Все таки они приняли мой совет и решили разделаться с отродьем джи-интов.

— Но, но... — Одард не знал, как все объяснить. — Куда же делись тысячи детей? Кто же все-таки их убил?

— Сама Мать.

— Но ведь Мать — это только восемьсот восемьдесят шесть женщин, способных быть слонами или тиграми, — недоумевал капитан. — А мы наблюдали грандиозную битву не меньше, чем сорока тысяч зверей.

Сидевший на одном из передних сидений Стивен развел руками.

— Послушайте, — убеждал он, — ведь Мать — это не количество. Мать — это каждый из них.

— Вы все время это говорите.

— Потому что в этом смысл всеобщего сознания, — Стивен глядел вперед. — Полная связь каждого с каждым живым существом. Кажется, я уже объяснял вам.

— Да уж, объясняли, — проворчал Одард.

ГЛАВА XXIII

Если вы находитесь на вершине промышленной империи, как Стивен Мастерс-старший, занявший это место в двадцать четыре с половиной года (когда его отец погиб в авиакатастрофе), перед вами открывается обзор, недоступный простому смертному.

В среднем возрасте великий человек (ставший великим, поскольку необходимость постоянно держать в руках два миллиарда долларов требует непревзойденного искусства) все еще ходил быстро, работал с увлечением. Он всегда выглядел уверенным в себе.

Была у него хроническая болезнь горла, доводившая его сына до бешенства, потому что вынуждала отца автоматически замедлять речь, но это имело и свои преимущества. Во всяком случае у его собеседника было время подумать, прежде чем говорить "да" или "нет".

На следующий день после массовых арестов Гленкорн, действуя по инструкциям Мастерса, принял на себя защиту обвиняемых. Он также потребовал от городского прокурора сообщить ему местонахождение некоей Стефани Вильямс, которая получила десять тысяч долларов, но отсутствовала среди задержанных.

Заместитель городского прокурора, полный надежд, видя уже перед собой перспективу ускоренного продвижения по службе, позвонил военному командованию округа и получил ответ: "Мы проверим".

Военные, оказывается, имели свои проблемы. Неожиданно из тюремного подразделения исчез сержант Обдан. Он буквально растворился в воздухе перед строем охранников. Еще большее замешательство внесло появление на

месте Обдана крупной змеи, которую пришлось уничтожить, прежде чем можно было организовать соответствующий поиск пропавшего сержанта.

Ну а как же со Стивеном Мастерсом? Об этом старались не особенно распространяться, но он находился в палате для психбольных под наблюдением врачей, так как он внезапно сорвался, начал выкрикивать, что он — это не он, а девушка по имени... и тому подобное. Такую информацию сообщили заместителю прокурора.

— Что за черт! — выругался в трубку говоривший, — я не записал имя девушки, которым он назвался. Впрочем, это значения не имеет. Это произошло несколько дней назад, и он уже изменил свою историю. Теперь он снова называет себя Марком Бремом.

Когда Мастерс-старший узнал об этом, он подумал: "Значит, Стивен снова на Миттенде"...

Он решил пока не говорить об этом жене. Раньше Мастерс уже ободрил ее, сказав, что пока Стивен в тюрьме, "мы, по крайней мере, знаем, где он".

В ряду прочих услуг промышленная империя Мастерса пользовалась всемирной компьютерной сетью, и именно туда, по указанию босса, специалист по устранению неисправностей внес программку, разработанную в соответствии с точными указаниями Мастерса-старшего. Еще чуть позднее тот же инженер положил на стол хозяина список из свыше тысячи девятисот имен. Имена шли в алфавитном порядке, так что Мастерсу достаточно было взглянуть в несколько мест, чтобы отметить такие имена, как... Патрик Синтер, Эммет Обдан и Винт Кроог.

Серые глаза его оживлялись по мере того, как он просматривал страницы с именами и адресами. Но он ничего не сказал.

Стоявший рядом инженер ждал и терялся в догадках. Наконец, он высказал свое мнение:

— Я не совсем понимаю ваши критерии отбора, сэр. Как можно приводить к одному знаменателю министра обороны и его любовницу или женщину-родственницу, которые были найдены мертвыми и частично съеденными?

Босс покачал головой.

— Имена подруг известных лиц, — растолковал он, — входят в нашу программу. Если мы теперь запросим имена

убитых и частично съеденных женщин, то система нам их выдаст. А когда мы поднимем документы по такой жертве, то найдем всю прочую информацию.

— Сэр, — нахмурился инженер, — здесь очень много наполовину съеденных женщин, слишком много для цивилизованного мира. Что вы думаете об этом?

— Минутку! — ответил великий человек. — Я попрошу вас выйти пока в приемную, мне нужно срочно позвонить.

Звонок был в Индию. Смуглое лицо индийца появилось на экране видеотелефона. Весь разговор проходил в закодированной форме.

Смысл его был таков:

— Вы все еще занимаетесь убийствами по заказу?

— Мы занимаемся этим, хотя вы однажды и разорили меня.

— Сколько у вас свободных агентов?

— Достаточно.

— Тысяча девятьсот будет?

— Да.

— У меня есть список. Приготовьте свой аппарат к приему.

Список был, безусловно, передан по другому каналу, последующее обсуждение вопросов оплаты услуг также шло кодом. Затем Мастерс уточнил:

— Когда?

— Да.

Что означало: сегодня или самое позднее завтра.

— Могут ли ваши люди проникнуть в военную тюрьму?

— На это потребуется больше времени.

— Менее, чем...? (Условное обозначение недели).

Ответ был положительным.

— Мой сын, Стивен Мастерс-младший находится в ... — Он назвал где.

На другом конце линии связи помолчали. На смуглом лице выразилась пестрая гамма неожиданных переживаний. Немало секунд прошло, прежде чем главарь убийц ответил:

— Мы здесь, в Индии, любим свои семьи. Нам трудно представить отца, который...

— Жизнь полна странностей, — нетерпеливо перебил его отец Стивена. — Может наступить момент, когда родитель должен признать, что его отпрыск представляет угрозу — терпеть можно лишь до тех пор, пока все его деяния не касаются широкой общественности.

Мрачное лицо на экране впало в задумчивость. Спустя минуту, последовал ответ:

— Мы выполним это.

Абонент исчез с экрана, и видеотелефон отключился. Только теперь Мастерс заметил, что он весь дрожит, чего с ним не бывало уже много лет.

"Либо я сумасшедший, — подумал он, — если готов так поступить, либо я спасу Землю".

Неясно было только, от чего спасать. Но, как обычно, Мастерс тщательно продумал всю последовательность действий.

ГЛАВА XXIV

Есть ли предел скуке?

Возьмем, к примеру, палату психов в военной тюрьме. Несколько страдальцев стонут, эти регулярные стоны монотонны, то есть скучны. Большая часть пациентов лежит молча, будто без сознания. В обеих группах есть те, кому уже очень трудно помочь, а есть и симулянты.

Чтобы заслужить специальное лечение и избежать тяжелого физического труда, симулянты прибегают к обычному притворству: стонут сильнее или разыгрывают предсмертное состояние.

Как всегда, есть и исключения. Стивен сидел на постели в дальнем углу палаты номер тринадцать. Он выпросил у санитарки журнал и читал теперь какую-то муть. Это лучше, чем просто сидеть или лежать и ничего не делать.

В палату вошел психиатр, остановился и посмотрел на Стивена. Подойдя ближе, врач обратился к нему:

— Ну, господин Мастерс, я вижу, вы чувствуете себя лучше.

Прищурившись, Стивен взглянул в глаза врачу и отбросил одеяло. Продолжая сидеть, он лишь подтянул согнутые в коленях ноги.

— Я полагаю, вы собираетесь сделать последнюю попытку, Кроог? — спокойно полюбопытствовал он.

— Я сообразил, — сказал человек, выглядевший в точности как Томас Пейнтер, доктор медицины и психиатр, — что в земном человеческом обществе врач вроде Бога.

— Верно, осторожно подтвердил Стивен.

— Особенно здесь, в военной тюрьме, — продолжал Кроог. — Я принес с собой некое приспособление. Можете ли вы в этот последний час объяснить мне, почему им не следует пользоваться?

— Вы готовы к убийству? — спросил Стивен.

Кроог кивнул.

— Подождите, — сказал Стивен, — пока вы не нажали на курок или что-то в этом роде. Вы не успеете это сделать. Мать убьет вас, она защищает меня здесь.

— Они не могут убить, — заявил Кроог. — Эта способность не входит в их генетическую программу.

— Они уже убивали. Это возможно психологически.

— Не совсем понимаю, — грустно признался Кроог, — как вы к этому пришли.

— Очень просто. Обычные люди сами по себе не убийцы. Однако когда соответствующие власти велят им, они это делают. Я был для них соответствующей властью: их мужем, а значит, повелителем. — Он дал Кроогу время уяснить сказанное, а потом добавил: — Помни, Кроог, мы сейчас говорим серьезно — о твоей собственной судьбе.

— И о твоей судьбе, — парировал Кроог.

— Тебя вместе со всеми твоими подручными хотели убить все, — медленно начал Стивен. — Я сказал: Кроог — единственная нить, связывающая нас с другой галактикой. Я сказал: кто-нибудь, не я, мне это не по душе, должен хорошо подумать, прежде чем осуществить непоправимое — убийство. Вместе с тем, — тут Стивен пожал плечами, — если мы разрешаем тебе жить, надо поместить тебя туда, откуда ты не сможешь убежать и где я смогу общаться с тобой каждый день

по несколько минут с помощью Матери. Так что... Тебя будут много допрашивать. Есть же причина, почему ты так плохо приспосабливаешься к этой галактике. Почему ты так агрессивен?

— Кто бы говорил, — засмеялся Кроог.

И прыгнул.

Как только Кроог навалился на него, Стивен откатился вместе с ним в сторону. Одновременно он вцепился в Кроога обеими руками: правой он ухватился за пиджак и разорвал его сверху донизу, левой — за брюки. Казалось, одежда Кроога сделана из бумаги или же он сам как-то подготовился к быстрому разоблачению, так как одежда мигом разорвалась и спала. Но и Кроог крепко держал Стивена. С такой же яростью он разорвал больничные пижамные штаны на Стивене.

Два тела извивались в жестокой схватке, обнаженные плечи, руки, ноги так и мелькали. В конце концов они свалились за кровать.

Как моментально все переменилось в помещении!

Представьте себе палату психбольницы, в которой пациент напал на врача. А окружающие именно так это и восприняли. Все, за исключением четырех больных, пришли в чрезвычайное возбуждение.

Четверо лежали, не двигаясь, как мертвые. Прочие же реагировали по-разному. Несколько бедолаг даже завыли.

На шум со всех сторон начали сбегаться санитары.

Оказалось нелегкой задачей разнять два борющихся тела, очень похожих друг на друга. Оба были окровавлены, у доктора, по крайней мере, с половины лица была содрана кожа.

— Полотенце! — пробормотал доктор, закрывая руками свое лицо и особенно рот.

Ему принесли полотенце, затем бинты. Кто-то подал пару халатов.

Стивена отвели в карцер. Доктор прежде всего справился о своей разорванной одежде, где, он сказал, лежали ключи и бумажник. Затем он попросил отвести себя к машине, пробормотав сквозь бинты:

— Со мной будет все в порядке.

Приблизительно через десять минут Стивен решил, что теперь уже можно снять бинты. С трудом удалось сдара-

пать со своего лица маску, которую на него несколько небрежно наложили и которая карикатурно напоминала лицо доктора Пейнтера. В конце концов, использовав обрывки одежды, которая была пропитана химическим раствором, он добился успеха.

Стивен сел на паром, отходивший в Нью-Джерси, и затем проехал на ферму, находившуюся в часе езды от Паттерсона, штат Пенсильвания. Когда он пустился в путь, была середина дня, на ферму он прибыл затемно.

Этой же ночью, примерно в час, крыша амбара раскрылась, и в небо взмыла тупорылая ракета. Она с шипением и свистом прорезала воздух. Потом звук затих. Крыша сложилась, и амбар приобрел свой прежний вид.

Вокруг по-прежнему простирался сельский пейзаж Пенсильвании...

* * *

— Ну и ну! — вырвалось у Стивена.

Его глаза заблестели, когда он увидел сияющий город. Новый город. Он был похож на сад. С высоты была видна река, извивающаяся среди густой зелени роскошных зданий из камня и мрамора.

И лишь в последний момент перед приземлением Стивен сообразил, что под ним необычный город.

Это было поместье с тысячами домов, больших и маленьких. Все это были жилые помещения.

Корабль сел около реки, примерно там, где Стивен впервые увидел крокодила.

Все выглядело совершенно по-другому. Та новизна, в которую Стивен не мог поверить, потрясла его так же, как когда-то руины, в которых город лежал совсем недавно.

Выйдя с корабля, Стивен сразу ступил на зеленую траву, глубоко вдохнув миттендианский воздух и направился к ближайшему зданию. Дом напоминал греческие постройки. Может, здесь жил король небольшого королевства. Или королева.

Дорожка привела Стивена через сад к величественному мраморному портику. Женщина-слуга открыла перед Стивеном дверь и провела его в большую комнату с высокими

окнами из цветного стекла. Там он увидел молодую красивую женщину в пышном белом платье, которая сидела у окна и читала. Отложив в сторону книгу, она встала и улыбнулась Стивену.

Стивен подошел к женщине и спросил:

— Как тебя зовут?

— Риту.

Усевшись на кушетке, Стивен обратился к Риту:

— Ну, детка, скажи женщинам, что прибыл муж.

— Они знают. — В улыбке ее промелькнуло ожидание... Возможно ли, чтобы она уже ощутила женское волнение при виде Стивена?

— Что тебе подать, Стивен? — глядя ему в глаза, спросила она.

— Я проведу с тобой около восьми часов — правильно?

Риту кивнула с напряженным ожиданием.

— Что ж, — Стивен пожал плечами, — у нас масса времени, чтобы познакомиться. Видишь ли, я немного устал. Почему бы мне не вздремнуть? Он растянулся на кушетке. — Разбуди меня через девяносто минут. Спецы по биосвязи говорят, что это как раз один полный цикл сна. До встречи!

И почти немедленно Стивен заснул.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Asylum

Astounding Science Fiction
New-York ✦ 1942

ГЛАВА I

Мрачно насупясь, мужчина нерешительно направился через всю рубку космолета к койке, где в очень напряженной позе неподвижно лежала женщина. Он наклонился над ней и произнес задумчиво:

— Мы сбрасываем скорость, Мерла.

Ни ответа, ни малейшего движения, ни даже легкого трепета ее нежных, неестественных бесцветных щек. Только чуть расширялись с каждым вдохом ее изящные ноздри. Вот и все.

Дриг приподнял ее руку, затем отпустил. Рука тут же упала, как кусок безжизненного дерева, а тело так и осталось неестественно напряженным. Он осторожно приподнял веки ее глаз, заглянул внутрь, но увидел только незрячую, как бы подернутую дымкой мертвенную голубизну.

Мужчина выпрямился и так и стоял в полнейшей тишине рубки мчавшегося все еще с огромной скоростью космолета. Из-за напряженности позы и мрачной непреклонности жесткого, худого лица, он казался подлинным воплощением неумолимой, беспощадной расчетливости.

Если я оживлю ее сейчас — такие невеселые мысли роились в его голове — у нее будет больше времени для того, чтобы напасть на меня, да и сил будет побольше. Если же замешкаюсь с этим, она ослабнет настолько, что...

Мало-помалу выражение его лица смягчилось. Немного спала с его лица усталость, накопившаяся за те многие годы, что он провел вместе с этой женщиной в черной пустоте космоса, усталость, которая едва не уничтожила его сверхъестественную логику. Суровое сострадание коснулось его — и решение было принято.

Он приготовил раствор и сделал инъекцию в руку женщины. В серых глазах его сверкнул стальной блеск, когда он приблизил губы почти к самому ее уху и проникновенно произнес:

— Мы вблизи планетной системы. Там будет кровь, Мерла! И жизнь!

Женщина пошевелилась; какое-то мгновенье она казалась оживающей золотоволосой куклой. Точеные ее щеки оставались бесцветными, однако в глазах появилась некоторая настороженность. Взгляд ее становился все более и более враждебным, хотя и не очень уверенным.

— Я была отравлена, — произнесла она и неожиданно перестала походить на куклу.

Теперь она глядела на мужчину в упор, а ее лицо сразу же лишилось почти всей привлекательности.

— Неправда ли, чертовски забавно, Джил, что вот вы-то сам в полном порядке? Я бы могла даже подумать...

Мужчина оставался все таким же сосредоточенным, настороженным.

— Хватит, — довольно грубо перебил ее он. — Ты зря тратишь энергию и прекрасно это понимаешь. В любом случае нам непременно надо приземлиться.

Оцепенение, в котором до сих пор находилась женщина, постепенно стало ее покидать. С немалым трудом она присела на кровати и задумчиво произнесла:

— Меня не страшит риск, связанный с этим. Ведь это же не галактическая планета, верно?

— Здесь, в этом секторе, нет планет, входящих в Галактическую Федерацию. А вот Наблюдатель здесь имеется. Я перехватываю все его секретные сигналы по ультрарадио, которые он передает в течение последних двух часов. — В тоне мужчины появились презрительные насмеш-

ливые нотки. — В этих сообщениях все корабли предупреждаются о том, чтобы не смели даже приближаться к этой планете, так как планета не готова к какого-либо рода контактам с галактическими планетами.

В его голосе появилось сатанинское ликование, которое передалось и женщине. Она пристально поглядела на своего спутника, зрачки ее непроизвольно расширились.

— Ты имеешь в виду... — затаив дыхание от невысказанной радости, прошептала женщина.

Он только пожал плечами.

— Мощность принимаемых сигналов сейчас небольшая. Сейчас мы определим, на какой стадии развития находится эта система. Но я не сомневаюсь в том, что надежд наших она не обманет.

Подойдя к панели управления, мужчина постепенно погрузил рубку корабля в полную темноту и включил автоматические камеры внешнего обзора. На экране, занимавшем всю противоположную стену, начало формироваться изображение.

Поначалу не было ничего, кроме яркой точки в самом центре усыпанного звездами участка неба, затем перед глазами наблюдателей мало-помалу начала разворачиваться панорама всей планеты с ее материками и океанами. С экрана послышался голос:

— В этой звездной системе имеется всего лишь одна обитаемая планета, третья от Солнца. Живущие на ней называют ее Землей. Она колонизована галактами примерно семь тысяч лет тому назад. Процедура колонизации была стандартной. Сейчас планета находится на третьей стадии развития, располагая ограниченными средствами космических путешествий вот уже примерно сто лет. Она...

Быстрым движением мужчина погасил изображение на экране и включил свет, затем с нескрываемым торжеством посмотрел на женщину.

— Третья стадия! — нежно произнес он, хотя в тоне его голоса сквозили скептические нотки, и как будто он сам никак еще не мог поверить этому. — Всего лишь третья стадия. Мерла, ты хотя бы отдаешь себе отчет, что это означает? Другой такой возможности может не пред-

ставиться за целые тысячелетия. Я намерен дать клич всему нашему племени дриттов. Если нам не удастся благополучно убраться отсюда с несколькими танкерами, до предела загруженными кровью и целыми батареями жизненной энергии, мы не заслуживаем того, чтобы быть бессмертными. Мы...

Он повернулся к коммуникатору. Охваченный беспредельным ликованием, он утратил обычную осторожность, но все-таки краешком глаза успел заметить, как женщина взметнулась с края своей койки. Он несколько запоздал с тем, чтобы отклониться в сторону. Конвульсивное движение спасло его только частично. Встретились не их губы, а только щеки.

От его лица к лицу женщины переметнулся язык голубого пламени. Обжигающая его энергия мгновенно обуглила кожу ее щек, обнажив кроваво-красные ткани под кожей. Он едва не повалился на пол от потрясения, затем, отчаянно напрягши все силы, безумным рывком высвободился.

— Я переломаю тебе все кости! — в неистовстве вскричал он.

С пола, куда он отшвырнул от себя женщину, ушей его достиг ее отвратительно злобный смех, в котором клокотала столь долго подавляемая ею слепая ярость.

— Значит, — прорычала она, — у тебя в самом деле был тайный источник жизни, источник только для тебя самого. Гнусный обманщик!

Злобная ее обида, горькое разочарование постепенно уступили в его сознании место пониманию бессмысленности гнева. Стараясь изо всех сил побороть слабость, которая тяжеленными гирями висела на всех его мышцах, он опрометью бросился к пульту управления и начал лихорадочно производить необходимые настройки, чтобы возвратить корабль в нормальное пространство и время.

* * *

Однако властные требования оголодавшего его тела не оставляли его ни на минуту. Дважды приступы изнурительной тошноты швыряли его на койку, где он катался в

бессильной ярости, но каждый раз ему удавалось перебороть эти приступы и вернуться к пульту управления, где он сидел, низко уронив на грудь голову, ощущая, как мучительное напряжение все больше и больше охватывает его всего целиком, сжимает стальными обручами каждую клетку его тела...

Он едва не разогнал свой корабль до совершенно недопустимой скорости, превратив его в ослепительный яркий болид, вонзившийся наконец в атмосферу третьей планеты. Однако высокопрочные металлы, из которых был сделан его корпус, устояли перед этими невообразимыми перегрузками и не позволили кораблю превратиться в бесформенную глыбу, а колоссальная его скорость стала быстро снижаться под воздействием яростно взревевших реверсировавшихся двигателей, что давало возможность выдержать давление воздуха, которое неумолимо нарастало с каждой милей приближения корабля к поверхности планеты.

Женщина помогла ему протиснуть свое ставшее уже почти безжизненным тело в крохотную спасательную шлюпку. Теперь он отлеживался в ней, набираясь сил и глядя с напряженной настороженностью вниз на сверкавшее море огней — первый город, который заприметил на ночной стороне этой странной планеты. Он с тупым безразличием наблюдал за тем, как женщина осторожно посадила их маленький летательный аппарат в черноту тени небольшого переулка. И вследствие того, что спасение теперь оказалось таким близким, надежда давала ему силы шагать рядом с женщиной по скудно освещенной близлежащей улице жилого района, в котором они совершили посадку.

Вот так бы и брел по улице, не разбирая дороги, если бы пальцы женщины не удержали его и не потянули в тень другого переулка.

— Ты что, совсем потерял голову? — прошептала она. — Ложись. Мы останемся здесь, пока кто-нибудь не пройдет мимо.

Асфальт показался ему необычайно твердым, но через какое-то мгновение мучительного отдыха он снова ощутил некоторый прилив жизненных сил и оказался уже в состо-

янии выразить вслух те горькие мысли, что не выходили у него из головы.

Если бы ты не украла у меня большую часть столь тщательно сберегавшейся мною жизни, наше положение не было бы таким отчаянным. Ты ведь прекрасно понимаешь, насколько важно, чтобы я оставался в прекрасной физической форме.

В темноте женщина какое-то время лежала с ним рядом; затем раздался ее явно дерзкий шепот:

— Нам обоим крайне нужна замена крови и переразрядка жизнью. Возможно, я в самом деле забрала ее у тебя чуть больше, чем необходимо, но это произошло только из-за того, что я вынуждена была отбирать ее у тебя силой. Ты бы ни за что не поделился ею со мной по доброй воле, и ты это сам прекрасно понимаешь.

* * *

Бессмысленность каких-либо доводов вынуждала его к молчанию, но по мере того, как лениво тянулись минуты, все более накапливавшаяся в нем потребность безотлагательного удовлетворения жизненно необходимых физиологических потребностей снова овладела его мыслями, и он горестно произнес:

— Ты, разумеется, понимаешь, что раскрыли наше присутствие здесь. Нам следовало бы подождать, пока не подойдут другие. У меня нет ни малейшего сомнения насчет того, что наш корабль опознан Галактическим Наблюдателем, имеющим резидентуру в этой системе, везде и до того, как мы достигли внешних планет. Они прицепили к нам датчики, которые сразу же разоблачат наше местонахождение, куда бы мы ни подались, и, независимо от того, насколько тщательно мы припрячем свой корабль, им всегда будет абсолютно точно известно, где он находится. Невозможно скрыть энергию и систему привода, необходимые для преодоления межзвездного пространства; а поскольку сами они вряд ли совершат ошибку, проявляя энергию такого масштаба на планете, достигшей лишь третьей ступени развития, мы не вправе рассчитывать на то, что нам удастся обнаружить их местонахождение подобным же образом. Мы должны быть в постоянной готов-

ности к нападению какого-либо рода. Единственное, на что нам остается надеяться, так это только на то, что эта глухая планета не удостоилась внимания хотя бы одного из великих галактов.

— Хотя бы одного из них! — Шепот женщины был сдавленным, она прямо-таки задыхалась от ярости, однако затем овладела собою и отрезала раздраженно:

— Не пытайся испугать меня. Ты же сам неоднократно мне говорил...

— Будет, будет... — слова мужчины звучали устало, вымученно. — Само наше существование в течение вот уже миллиона лет вполне доказало тот факт, что они считают нас недостойными особого внимания. И, — несмотря на ужасающую слабость, в тоне его голоса появилось презрение, — пусть только попробует любой из агентов, которых загоняют на такие захолустные планеты, попытаться остановить нас.

— Тише! — взволнованно прошептала женщина. — Шаги! Поднимайся!

Тень легла ему на глаза, и до его сознания дошло, что женщина встала. Затем он почувствовал, что она тащит его за плечи. Шатаясь, он встал на ноги.

— Не думаю, — уныло произнес он, — что я еще в состоянии...

— Джил! — Ее шепот подстегивал его, руки ее трясли его тело. — Это мужчина и женщина. Это жизнь, Джил, жизнь!

ЖИЗНЬ!

Сделав последнее огромное усилие, мужчина выпрямился. Искра неиссякаемой воли к жизни, искра, что провела его через все эти суровые миллионы миль и еще более суровые годы, вспыхнула теперь внутри него ярким пламенем. Быстро и легко он зашагал в ногу с Мерлой, решительно направляясь вместе с нею на открытое место, где увидел силуэты мужчины и женщины.

В полумраке под деревьями, которыми была обсажена улица, к ним приближались двое. Впереди шла женщина, чуть сзади — мужчина. Все произошло легко и просто, будто его мускулы были налиты обычной для них силой.

Он увидел, как Мерла набросилась на мужчину, сам схватил женщину, голова его мгновенно автоматически склонилась для необычного поцелуя...

Уже после — после того, как они насытились также и кровью, мужчина бросил коротко:

— Тела оставим прямо здесь.

Это его предложение было встречено возмущенным шепотом женщины, однако он грубо оборвал ее.

— Позволь мне самому решать, как нам поступить в том или ином случае. Трупы привлекут к этому городу собирателей новостей, информантов — или как там на планете называют их отродье — а мы сейчас как раз испытываем острую нужду в подобного рода лицах. Где-то в запасниках фактов, которыми они обладают, непременно должны быть кое-какие указания, для них самих в общем-то непонятные, но благодаря которым мы сможем отыскать местонахождение содержащейся в глубочайшей тайне базы Галактического Наблюдателя в этой системе. Мы обязаны отыскать эту базу, выяснить ее потенциальные возможности и уничтожить ее, если возникнет в этом необходимость, когда подойдет все племя. — В тоне его голоса появились стальные нотки. — А теперь нам нужно тщательно обследовать этот город, найти самое заурядное, ничем не примечательное здание, под которым мы могли бы спрятать наш корабль, изучить язык аборигенов, пополнить наши запасы жизненной энергии и изловить столь нужного нам информанта.

— После того, как я с ним разделаюсь, — теперь голос его приобрел прямо-таки шелковистую нежность, — он, несомненно, доставит тебе те физические наслаждения, которых ты так жаждешь, когда насыщена химически.

Он ласково рассмеялся, пальцы женщины конвульсивно впились в его руку, затем он услышал ее голос.

— Благодарю тебя, Джил. Ты так хорошо меня понимаешь, верно?

* * *

За спиной у Ли отворилась дверь. Тотчас же гул голосов в комнате понизился до монотонного гудения. Он на-

стороженно повернулся, швырнул сигарету на мраморный пол и растоптал ее одним движением.

Над головой у него яркость светильников достигла уровня естественного освещения, и в этом море света взору его представились два тела, мужское и женское, которые сюда вкатили на специальной каталке и на которые устремились взгляды всех присутствовавших в этом помещении.

Мертвецы лежали рядом на плоской, сверкавшей полированным металлом верхней поверхности транспортера. Тела их были неестественно вытянуты, глаза закрыты. Выглядели они именно так, как и должны были выглядеть мертвецы, и, тут же подумалось Ли, совсем не так, как если бы они просто уснули и не проснулись.

Он поймал себя на том, что берет на заметку этот факт, — и вдруг испытал то потрясение, к которому уже давно был готов.

Это были единственные люди, убитые на североамериканском континенте за последние двадцать семь лет. Но главное было даже не в этом. Боже праведный, ведь он казался куда более черствым, более равнодушным к судьбе незнакомых ему людей, чем думал о себе раньше.

До него дошло, что голоса притихли совершенно. Слышалось только хриплое дыхание мужчины по соседству с ним, а затем еще и поскрипывание собственных его башмаков, когда он тронулся с места.

Его движение послужило сигналом для всей группы возбужденных мужчин. Толпа стала напирать. На какое-то мгновение острое чувство тревоги охватило Ли, а затем его более мощные, чем у остальных, мускулы бросили его тело туда, где ему и положено было быть — прямо напротив двух голов, что покоились на транспортере.

В сумрачной сосредоточенности он склонился над этими двумя головами. Пальцы его осторожно опробовали шею женщины, где виднелись надрезы. Он даже не взглянул на служителя, когда тихо спросил:

— Именно отсюда была выпущена кровь?

— Да.

Не успел он снова открыть рот, как в их разговор вклинился еще один репортер:

— Каково мнение экспертов из полиции? Убийство произошло уже более суток тому назад. За это время обязательно должны были появиться какие-либо версии.

Ли едва услышал. Тело женщины, электрически подогретое для бальзамирования, каким-то странным образом показалось ему при прикосновении живым. И только через несколько мгновений он заметил, что губы ее были самым страшным образом истерзаны, изжеваны прямо-таки со зверским садизмом.

Он мельком глянул на мужчину — на шее у него были точно такие же надрезы, и точно так же были изодраны его губы. Он поднял взор, вопросы прямо-таки трепетали, готовые сорваться с его языка, — но так и остались невысказанными, когда до него дошло, что спокойным голосом объясняет служитель:

— ... обычно, когда применяется электрическое бальзамирование, наблюдается повышенное сопротивление электрическому току, вызванное наличием статического электричества в теле покойника. Так вот, — что очень нас всех удивило — такого повышенного сопротивления не было обнаружено ни у одного из этих трупов.

— И что все это может означать? — спросил кто-то.

— В действительности это статическое электричество является одной из форм проявления жизненной энергии, которая постепенно покидает мертвое тело, обычно в течение месяца. Нам не известны случаи ускорения этого процесса, однако шрамы на губах являются на самом деле ожогами, что заставляет более серьезно задуматься над тем, что здесь происходило.

Шеи всех столпившихся вокруг вытянулись, все подались вперед, и Ли не стал упираться, когда его стали оттеснять в сторону. Он весь обратился во внимание, когда служитель произнес:

— По-видимому, это извращенец целовал их с необузданной яростью.

— А я-то полагал, — четко вымолвил Ли, — что извращение больше не существует с тех пор, как профессор

Унгарн убедил правительство учредить разработанный по его методике курс механической психологии во всех школах, таким образом покончив с убийствами, воровством, войнами и всеми другими проявлениями извращенного антиобщественного поведения.

Служитель в своем черном сюртуке замялся в нерешительности, затем произнес:

— Похоже на то, что упустили одного очень опасного извращенца-насильника.

Высказав эту догадку, он завершил брифинг так:

— Вот и все, господа. Никаких улик, никаких указаний на возможность легкой поимки убийцы. Осталось сообщить только вот о чем: мы сделали попытку связаться по радио с профессором Унгарном и, благодаря счастливому стечению обстоятельств, нам удалось перехватить его на пути к Земле, куда он возвращается со своего пристанища на метеорите в окрестностях Юпитера. Он приземлится вскоре после наступления темноты, то есть через несколько часов.

ГЛАВА II

Освещение стало менее ярким. Ли стоял и хмуро глядел на то, как тела покойников выкатывают из помещения для брифингов. Вокруг него все заговорили хором, перебивая друг друга.

— ... поцелуй смерти...

— ... я говорю вам, капитан этого космического лайнера клянется, что все произошло именно так — звездолет промчался мимо него со скоростью в миллион миль в час, и он при этом замедлялся, поймите это, замедлялся. И случилось это два дня тому назад.

— ... Вампиризм! Вот как я собираюсь назвать это...

Именно это слово употребил и Ли, когда вкратце докладывал о своем посещении госпиталя по наручному коммуникатору, и закончил свое сообщение так:

— А теперь я намерен поужинать, Джим.

— О'кэй, Билл. — Голос редактора местного корпункта звучал через коммуникатор, как механический. —

Должен тебе сообщить, что девять тысяч газет прибегают к материалам, поставляемым Всепланетным Агентством и касающимся этой загадочной истории. Так вот, сравни это с четырьмя с половиной тысячами, которые покупают новости у "Универсала", занимающего второе место по тиражу...

Как мне кажется, тебе удалось и сегодня выдвинуть достаточно правдоподобную версию случившегося. Муж и жена, обычная молодая пара, вышедшая на вечернюю прогулку. Какой-то дьявол на них набрасывается, откачивает их кровь в специально подготовленную для этого емкость, отсасывает их жизненную энергию по специальному силовому кабелю или еще чему-нибудь в таком же духе — люди, я знаю, поверят этому. Главное — ты полагаешь, что это может случиться с кем угодно, так что, люди, будьте бдительны! Ты предупреждаешь о том, что в наше время межпланетных скоростей этот вампир может объявиться в любой момент в любом уголке земного шара и совершить следующее свое убийство.

Как я уже сказал, все это — весьма добротный материал. Эта история будет самым жареным из всего того, что даст печать сегодняшним номерам. О, между прочим...

— Короче!

— Полчаса назад звонил какой-то парень, хотел с тобою встретиться.

— Парень? — Ли нахмурился.

— Зовут его Патрик. Похож на старшеклассника, ему лет шестнадцать. Нет, это, пожалуй, только первое впечатление. Восемнадцать, может быть, даже двадцать, очень смышленый парнишка, такой самоуверенный, самодовольный.

— Теперь вспоминаю, — сказал Ли. — Студент. Интервью для газеты колледжа. Звонил мне сегодня в обед. Один из тех, кто умеет очень убедительно втирать очки. Прежде чем я это понял, он уже уговорил меня отужинать с ним в ресторане "У Константина".

— Точно. Я только хотел напомнить тебе об этом.

— Ли пожал плечами.

— Я пообещал. — сказал он.

Когда он выходил на залитую послеполуденным солнцем улицу, в голове у него не было ни единой сколько-нибудь стоящей мысли, касающейся этой встречи. Ни малейшего предчувствия.

* * *

Людские толпы на улице вокруг него все более сгущались. Огромные здания выплеснули на тротуары первую волну пятичасового прилива. Дважды Ли почувствовал, что его цепляют за локоть, до него не сразу дошло, что это вовсе не случайное столкновение с кем-то в толпе.

Он обернулся и встретился взглядом с парой темных, нетерпеливых глаз на смуглом морщинистом лице. Невысокий мужчина размахивал прямо перед ним пачкой бумаг. Ли заметил, что на бумагах было что-то написано. Мужчина при этом лепетал что-то, Ли едва удалось разобрать.

— Мистер, сто долларов за эти... Потрясающая история...

— О, — только и произнес Ли.

Интерес его сразу пропал. Однако затем его замешательство прошло, он посоветовал чисто из вежливости:

— Отнесите эти бумаги в корпункт "Всепланетной". Джим Брайен заплатит вам столько, сколько на самом деле стоит эта история. Он пошел дальше, почти уже убежденный в том, что дело улажено. Затем вдруг снова почувствовал, что его настойчиво тянут за рукав.

— Возьмите! — продолжал бормотать невзрачный мужчина. — Бортовой журнал профессора Унгарна, все о космолете, который прибыл со звезд. О дьяволах на его борту, которые пьют кровь и зацеловывают людей до смерти!

— Пошел прочь! — бросил раздраженно Ли, и вдруг остолбенел — и физически, и умственно.

Он так и застыл на месте и только легонько покачивался, потрясенный мыслью, от которой мороз пошел по коже.

Газеты с этими подробностями о "крови" и "поцелуе смерти" еще не продавались на улицах, и не будут про-

даваться в течение еще минут пяти, если не больше. Мужчина продолжал:

— Только посмотрите. Вверху на каждом из этих листов бумаги отпечатанная золотом фамилия профессора Унгарна, и здесь все о том, как он первый раз заприметил корабль в восемнадцати световых годах отсюда и как этот корабль покрыл расстояние за несколько часов... И одному ему известно, где он находится, и...

Ли слушал все это, а в его специфическом репортерском сознании уже закружился целый водоворот мыслей, которые затем вдруг, как по команде, выстроились в прочную, стройную цепь; и в этом его строгом логическом построении совершенно не оказалось места для такого бессмысленного совпадения. Человек этот не мог просто так, случайно, подойти именно к нему на этой запруженной людьми улице.

— Дайте-ка мне взглянуть на эти бумаги, — сказал Ли.

Бумаги беспрепятственно перешли из рук мужчины в его собственные руки, но Ли даже не взглянул на них.

— Никак не возьму в толк, в какую это игру вы пытаетесь меня втянуть, — сердитым тоном произнес он. — Поэтому мне сначала хотелось бы услышать от вас ответы на три моих вопроса, и не вздумайте тянуть резину с ответами на них. Вопрос первый: почему вы выбрали именно меня, не зная ни имени моего, ни профессии, вообще ничего, прямо вот так, на заполненной людьми улице города, в котором я целый год не был до этого? — Он смутно воспринимал то, как незнакомец, запинаясь, пытался растолковать ему что-то, речь его была маловразумительной. Но он не обращал на это внимания и продолжал не допускающим ни малейших возражений тоном:

— Вопрос второй: профессор Унгарн прибывает с орбиты Юпитера через три часа. Каким же тогда образом вы в состоянии объяснить наличие у вас бумаг, которые он должен был написать менее чем два дня тому назад?

— Послушайте, босс, — пролепетал мужчина, — вы совершенно не так меня поняли...

— Мой третий вопрос, — неумолимо продолжал Ли. — Как вы собираетесь объяснить в полиции ваше столь глубокое знание раньше ее самой подробностей... убийства?

— Что?

Глаза невысокого мужчины буквально остекленели, и впервые за все время этой встречи Ли испытал к нему некое подобие жалости. Поэтому он вымолвил успокаивающе:

— Ладно, дружище, давайте, выкладывайте.

Сначала это был снова скорее бессмысленный набор звуков, но постепенно мысли мужчины стали обретать некоторую стройность.

— ... Так вот, как оно было, босс. Стою я там, а этот парнишка подходит ко мне и показывает на вас, затем дает мне пять монет и эти вот бумаги, которые теперь у вас, и говорит мне, что я должен вам сказать и...

— Парнишка? — удивленно переспросил Ли, и только теперь смысл услышанного дошел до него.

— Да, парень лет шестнадцати. Или нет, пожалуй, ему лет восемнадцать-двадцать... и дал он мне эти бумаги и...

— Этот парень, — спросил Ли, — значит, как вам показалось, похож на студента?

— Точно, босс, вы правильно меня поняли. Именно на студента, босс. Вы с ним знакомы? О'кэй, значит теперь вы ко мне ничего не имеете, и я могу...

— Погодите! — окликнул его Ли. Мужчина, казалось, вдруг сообразил, что сейчас самая пора спасаться бегством, поэтому он со всех ног дал деру — прохожие только ахнули при виде подобной прыти. Через несколько секунд он совершенно исчез из виду, скрывшись за углом.

Ли остался стоять и с хмурым видом начал перечитывать написанное на листах этой не очень толстой пачки. Это были вырванные один за другим листы из перекидного блокнота. Здесь не было ничего особенно ценного.

Изложенной истории о космическом корабле и его пассажирах явно недоставало убедительности. Единственным, что не вызывало сомнений, была фамилия "УНГАРН", золотом отпечатанная в верхней части каждого листа, однако...

Ли тряхнул головой. Ощущение глупого розыгрыша пришло с такой четкостью, что вызвало у него приступ ярости. Если этот чертов идиот-студент в самом деле отчебучил с ним, с Ли, такую хреновину...

Но здесь эта мысль оборвалась, так как была она столь же бессмысленной, как и все остальное происшествие. Пока он не ощущал особого беспокойства. У него и в мыслях не было отказаться заглянуть в ресторан.

* * *

Ли небрежной походкой прошел в роскошный вестибюль, с которого начинался огромный роскошный ресторан "У Константина". В дверях он остановился на какое-то мгновение, чтобы полюбоваться ровными рядами великолепно сервированных столов и висячими чайными беседками по обе стороны продолговатого зала — все было, как обычно, на своих местах.

Ослепительный зал знаменитого на весь мир ресторана не очень-то изменился со времени его последнего посещения.

Ли назвал свое имя девушке, дежурившей у входа, и добавил:

— Насколько мне известно, столик заказан неким мистером Патриком...

Девушка не дала ему договорить.

— О да, мистер Ли. Мистер Патрик забронировал для вас кабинет номер три. Он только что позвонил и сказал, что будет здесь через несколько минут. Наш метрдотель сейчас проводит вас.

Ли отвернулся — словоизлияния девушки внезапно поразили его.

Девушка, просияв, пояснила:

— Заказ оплачен по телефону. Четыре с половиной тысячи долларов!

Ли прямо-таки оцепенел. В короткий, как вспышка молнии, момент то, что даже после случившегося на улице все еще казалось досадным недоразумением, не вызвавшим особой тревоги, вдруг превратилось в нечто совершенно фантастическое.

Четыре — с половиной — тысячи — долларов! Неужели настолько дьявольски богат тот самый парень-студент, посланный редакцией газеты колледжа? И ради чего все это? Только для того, чтобы произвести впечатление на репортера, каким в глубине души считал себя Ли?

Род человеческий не так уж редко порождал чудаков прямо-таки космических масштабов, но среди них не было ни одного кто когда-либо закатил такой пир, чтобы не ударить лицом в грязь перед паршивеньким репортером!

— Где тут у вас ближайший телефон? — небрежным тоном поинтересовался он у девушки.

Минутой позже он уже говорил в микрофон.

— Это секретариат Объединения университетов?.. Мне бы хотелось выяснить, числится ли некий мистер Патрик среди студентов любой из студенческих газет, который хотел проинтервьюировать Уильяма Ли из Планетарного информационного агентства. Это сам Ли и звонит.

На выяснение ушло шесть минут, после чего пришел ответ — четкий и категоричный:

— В наших семнадцати учебных заведениях получают образование три мистера Патрика. Все они в настоящее время ужинают по месту своего жительства. Числятся в списках студентов также и четыре мисс Патрик. Никто из этих семерых никоим образом не связан ни с одной студенческой газетой. Вам нужна какая-нибудь помощь для изобличения самозванца? Ли задумался, не зная, что ответить. Он уже, хотя и весьма смутно, но терзался самыми мрачными предчувствиями, поняв, что по уши влип в дело, — по-видимому, самого сомнительного свойства.

— Нет, — ответил он наконец и повесил трубку.

Ли вышел из кабинки, мысли его путались. Была только одна причина, по которой он находился в данное время в этом городе. Убийство! И знакома была ему здесь, да и то едва-едва, всего лишь одна живая душа. Следовательно...

Было совершенно ясно, что какому-то незнакомцу взбрело в голову повидаться с ним по причине, не связан-

ной с его собственными намерениями. С трудом уняв нервную дрожь, он обратился к метрдотелю:

— В кабинет номер три, пожалуйста.

* * *

Внешне спокойно он осмотрел многокомнатную квартиру, которую представлял из себя кабинет номер три. Квартира эта была обставлена с поистине царской роскошью. Походившая больше на дворцовую палату столовая доминировала над остальными пятью комнатами. Одна из стен столовой состояла из богато украшенных зеркальных дверец, за которыми блестели сотни бутылок со спиртными напитками. Сорта их были ему не знакомы, он открыл несколько бутылок наугад, аромат подействовал на него опьяняюще, но... не очень-то аппетитно для его невзыскательного, пожалуй, даже дешевого вкуса. В дамской гардеробной была оборудована длинная витрина, за стеклами которой сверкало потрясающее множество изумительных по своей красоте ювелирных изделий — стоимостью в несколько сотен тысяч долларов, по беглой его оценке, если только они были настоящими.

Ли тихонько присвистнул. Внешне, "Константин", казалось, предоставлял за те деньги, что выставлял по счету, все, что только было угодно душе того, кто возжелает в нем поселиться.

— Мне очень нравится, что вы такой физически крепкий, — раздался спокойный голос у него за спиной. — Обычно репортеры бывают мелкими и худосочными.

Тот же самый голос, хотя и звучал несколько иначе, чем рано утром по телефону! И изменен он был явно намеренно.

Обернувшись, он обнаружил — и те отличия, которые усматриваются в женских формах по сравнению с мальчишескими, и которые были искусно, но далеко не полностью спрятаны под отлично пошитым мужским костюмом.

Впрочем, в ее прекрасном телосложении действительно много еще совсем юного, мальчишеского, и он

ни о чем бы не догадался, если бы она умышленно не вложила в свой голос женственность, что была ей свойственна. А теперь женщина как бы эхом отозвалась на эти пронесшиеся у него в голове мысли.

— Да, я хотела, чтобы вы узнали об этом. И теперь больше не нужно попусту тратить слова. Вам известно ровно столько, сколько вам необходимо знать. Вот пистолет. Под этим зданием спрятан космический корабль.

Ли не только не попытался взять в руки оружие, он даже не взглянул на него. Вместо этого, уже успокоившись после первоначального потрясения, он присел на обитый шелком стул перед туалетным столиком в одном из углов и, откинувшись назад, к самой спинке, произнес, высоко подняв брови:

— Считайте меня болваном-тугодумом, но мне очень хочется досконально выяснить, что все это означает. К чему такие предварительные ухищрения?

И еще подумалось ему вот что: никогда за всю свою жизнь он ни разу не позволил кому бы то ни было заставить себя совершить какой-нибудь непродуманный поступок. Не собирался он позволить это и сейчас.

ГЛАВА III

Девушка — он сразу же обратил на это внимание — оказалась невысокой, весьма хрупкого сложения. Это было странно, ибо по первому впечатлению ему показалось, что она довольно высокого роста. Или, пожалуй, — не торопясь, размышлял он, — первое впечатление было скорее результатом ее мужского наряда.

Наконец он выбросил из головы эту самую важную проблему. У девушки были длинные черные ресницы и темные глаза, их непрерывное сверкание придавало ее и без того гордому лицу выражение почти высокомерное. И чувствовалось, что эта надменность была очень для нее характерной чертой; в

этом определенно заключалась суть ее яркой и сильной индивидуальности.

Высокомерие проявилось даже в посадке головы и в той небрежной легкости движений, естественной грации, с которой она медленно к нему приближалась; оно было проявлением сознания некоего своего превосходства, которым было пронизано каждое движение ее мускулов и которое проявилось даже в тоне ее голоса, когда она с откровенным сарказмом говорила:

— Я выбрала вас потому, что в каждой газете, которую я читала сегодня, приведен именно ваш отчет об убийствах, мне подумалось, что тому, кто уже столь активно занялся освещением этого события, будет легче уразуметь суть моего сообщения. Что же касается той театральности, с которой была проведена подготовка к этой нашей встрече, я решила, что это будет куда убедительнее, чем нудные разъяснения. Теперь я понимаю, что совершила ошибку, положившись на сделанные мною допущения.

Она теперь стояла совсем близко к нему. Наклонившись, она положила револьвер на туалетный столик рядом с рукой Ли и закончила почти бесстрастно:

— Это очень эффективное оружие. Оно стреляет не пулями, но есть у него спусковой механизм, а прицел точно такой же, как у любого огнестрельного оружия. Если вы найдете в себе достаточно смелости, то как можно быстрее следуйте за мною в подземный туннель, только при этом старайтесь держаться подальше от меня и от тех людей, с которыми я стану разговаривать. Сделайте так, чтобы ваше присутствие не замечалось. Не показывайтесь в открытую! Действуйте только в том случае, если передо мной в самом деле возникнет серьезная угроза.

— Туннель, — как-то весьма равнодушно подумал Ли, глядя на то, как девушка легкой непринужденной походкой выходит из комнаты, — туннель прямо здесь, в квартире, называемой номером три. Или он сошел с ума, или эта девушка!

Неожиданно до него дошло, что он должен быть оскорблен той манерой, с какою она с ним разговаривает.

Этот ее небрежный тон — одно из жульнических ухищрений, с помощью которых она вознамерилась заманить его в ловушку, возбудив любопытство. При этой мысли он иронически усмехнулся. Не будь он репортером, он бы показал ей, что такие грубые приемы на него особого воздействия не оказывают.

Все еще испытывая досаду, он встал, взял револьвер, затем на мгновение остановился, услышав странный, приглушенный звук, который донесся из-за не сразу открывшейся двери.

* * *

Девушку он нашел в спальне, слева от гостиной; и поскольку состояние настороженности, которое компенсировало его нерешительность, продолжало владеть им, Ли не так уж сильно удивился, когда увидел, что девушка отбросила край роскошного зеленого ковра, обнажив у своих ног отверстие в полу.

Сверкающий квадрат паркета, которым прикрывалось отверстие в полу, был аккуратно откинут, и положение его было зафиксировано единственной, отливающей полированным металлом петлей. Однако Ли едва обратил внимание на эту особенность конструкции потайного лаза.

Взгляд его скользнул дальше, остановившись на девушке. Нечто неуловимое в ее поведении указывало на то, что немалые сомнения овладели ею перед спуском в туннель. Девушка стояла к Ли вполоборота с плотно сомкнутыми губами и побледневшим лицом.

Похоже было на то, что молодая женщина вдруг потеряла такую характерную для нее самоуверенность. Затем она увидела Ли, и от ее нерешительности, казалось, не осталось и следа. Не обращая на Ли внимания, девушка ступила на первую ступеньку лестницы, которая вела вниз, и начала спускаться без малейшей тени колебания. И все же...

И все же именно первое его впечатление, что она на мгновение дрогнула в глубине души, бросило его вперед. Только теперь ее кратковременный страх придал реальность всему происходящему. Ли смело ныр-

нул вниз, буквально скатился по лестнице и выпрямился только тогда, когда убедился, что в самом деле находится в прямом тускло освещенном туннеле; и именно в этот момент девушка приостановилась и приложила палец к губам.

— Шшш! — произнесла она. — Дверь корабля может быть открыта.

Мгновенно раздражение овладело им. Теперь, когда Ли твердо принял решение, он уже автоматически ощущал себя лидером этой фантастической экспедиции, поэтому притязания девушки, это ее невероятное высокомерие вызвали у него приступ нетерпимости.

— Не смейте на меня шикать! — резко прошептал он. — Только изложите факты, все остальное предоставьте сделать мне.

Тут он осекся. До его сознания внезапно дошел истинный смысл произнесенных ею слов. Гнев его рухнул, как корпус самолета при неудачном приземлении.

— Корабль? — переспросил он недоверчиво. — Вы пытаетесь втолковать мне, что под "Константином" в самом деле припрятан космический корабль?

Девушка, казалось, не слышит его. Ли обнаружил, что они уже в самом конце короткого подземного перехода. Впереди тускло поблескивала какая-то металлическая конструкция. Наконец девушка сказала:

— Вот дверь. А теперь не забывайте, что вы выполняете роль телохранителя. Оставайтесь все время незамеченным, но в любое мгновенье будьте готовы открыть огонь. И как только я закричу "Стреляйте!", делайте это без малейшего промедления. Она подалась вперед. Ли увидел крохотную вспыхнувшую искорку. Дверь отворилась, за нею показалась еще одна дверь. Снова мгновенная вспышка ярко-красного света — и эта дверь отворилась тоже.

Все было проделано быстро, даже очень быстро. Прежде чем до сознания Ли дошло, что именно

сейчас наступает критическая минута, девушка хладнокровно вошла в ярко освещенное помещение, находившееся за второй дверью.

* * *

Ли так и остался снаружи, наполовину парализованный страхом. Металлическая стена, к которой он инстинктивно прижался, отбрасывала густую тень. Он замер там, безмолвно ругая про себя эту безрассудную молодую женщину, которая вошла в берлогу врагов, количество которых было ей, скорее всего, даже не известно, без какого-либо определенного плана самозащиты.

Или ей было известно, сколько там этих врагов? И кто они?

Вопрос этот и так и этак все вертелся в его уме, едва не доводя его до полного исступления, пока его не вытеснила совсем иная мысль: был ли он сам в большей безопасности, прячась здесь с оружием в руках?

Он напряженно ждал. Однако дверь оставалась открытой, а внутри, казалось, никто не двигался. Мало-помалу Ли позволил себе расслабиться и оглядеться.

В той части помещения, которая была ему видна из его укрытия, просматривалось нечто, показавшееся ему частью панели управления — металлическая стенка, на которой мигали крохотные сигнальные лампочки, — а также самый краешек довольно необычного ложа — и все это подтверждало, что перед ним космический корабль, и скептицизм Ли в конце концов не устоял перед этим, теперь казавшимся уже непреложным, фактом.

Хоть это и было совершенно невероятным, но здесь, под землей, под "Константином" в самом деле находился небольшой космический корабль и...

Эта мысль оборвалась тоже, как только тишина по другую сторону открытой двери, эта удивительно долгая тишина, была нарушена спокойным мужским голосом:

— Будь я на вашем месте, я даже не попытался бы поднимать этот ваш пистолет. То, что вы не произнесли ни слова с тех пор, как вошли сюда, только лишний раз

доказывает, насколько невообразимо отличаемся мы от того, что вы ожидали увидеть.

Мужчина тихо рассмеялся, неторопливым гортанным смехом, затем продолжал:

— Мерла, что бы ты сказала в отношении тех психологических мотивов, которыми руководствуется эта юная леди? Ты, конечно же, заметила, что это молодая леди, а вовсе не юноша.

Ему отвечал сочный женский голос:

— Она родилась здесь, Джил. И поэтому не обладает теми обычными чертами, которые характерны для племени клаттов, но она галакт. Хотя, — в этом у меня нет ни малейших сомнений, — Галактическим Наблюдателем она не является. По всей вероятности, она не одна. Проверить это?

— Нет! — голос мужчины показался Ли довольно равнодушным. — Нам не стоит особенно беспокоиться в отношении местных приспешников клаттов.

* * *

Ли снова постепенно расслабился. Хотя его не покидало неприятное ощущение полнейшей своей беспомощности. Только теперь он понял, насколько важна была роль хладнокровной уверенности молодой женщины в формировании его собственного самообладания, которое даже стало казаться ему неотъемлемой частью его натуры.

Но как глубоко ошибался он в этой самооценке! Стоило ему услышать уверенные голоса этой новой пары действующих лиц, без труда разоблачивших маскировку девушки, как самообладание покинуло его. И лишь когда девушка наконец заговорила, он почувствовал, что мужество возвращается к нему под воздействием спокойной уверенности в своих силах, которая прозвучала в ее словах. Для него не имело значения, притворялась ли она при этом или нет, и он понял, что теперь будет с нею заодно, хотя только безрассудная смелость могла позволить надеяться на то, что удастся извлечь хоть частицу победы из поражения, которое уже столь явно над ним нависло.

Несмотря на это, он не мог не увлечься безупречной логикой ее речи.

— Мое молчание обусловлено пониманием того факта, что вы являетесь первыми диггами, с которыми мне довелось повстречаться. Естественно, что я с некоторым любопытством изучала вас, но, надо сказать, вы не произвели на меня особого впечатления, несмотря на ваше чудовищное самомнение. Так вот, я уполномочена Галактическим Наблюдателем поставить вас в известность о том, что вам надлежит к утру покинуть эту систему. Единственной причиной, которая побудила нас предоставить вам некоторую передышку, является нежелательность для нас открытия всей истины в отношении вашего пребывания в здешней системе. Но не вздумайте рассчитывать на то, что обнародование истины может вам в чем-то помочь. Земля вот-вот получит статус Четвертого уровня, а, как вам, по всей вероятности, известно, в случае крайней необходимости планетам со статусом Четвертого уровня может быть передано галактическое звание. Такая необходимость, по нашему мнению, может возникнуть к завтрашнему утру.

— Ну, ну,... — негромко рассмеялся мужчина. — Прекрасная речь, великолепно произнесенная, но совершенно бессмысленная для нас, для нас, которые в состоянии всесторонне проанализировать эти ваши притязания, сколь бы искренними они ни были, и объяснить их чисто клаггинским вашим происхождением.

— Что ты намереваешься с нею сделать, Джил?

Голос мужчины звучал спокойно и уверенно:

— У нее нет ни малейшей возможности спастись. У нее есть кровь, да и жизни больше, чем обычно. Кроме того, это ясно даст знать Наблюдателю, с каким презрением мы относимся к его ультиматуму.

Закончил он эту тираду неторопливым, удивительно сочным смехом.

— Мы теперь разыграем незамысловатую драму. Юная леди попытается выхватить свой пистолет и выстрелить из него в меня. Однако прежде чем ей удастся хотя бы шевельнуться, я достану свое собственное ору-

жие и выстрелю первым. Все дело заключается, как это она сейчас обнаружит, в быстроте прохождения нервных импульсов. А клагги в этом отношении испокон веков столь же медлительны, как и люди.

Мужчина замолчал. Смех его стих.

Наступила тишина.

* * *

За всю свою сознательную жизнь не испытывал Ли большей нерешительности, чем сейчас. Все его чувства так и кричали: пора! Безусловно, девушка вот-вот обратится к нему за помощью. А даже если она и не сделает этого, он должен действовать по своей собственной инициативе. Ворваться внутрь! Стрелять! Стрелять! Но ум его работал четко, смертельная опасность заставляла действовать только наверняка. Было в этом мужском голосе что-то такое, что говорило о безмерном его могуществе и, соответственно, об абсолютной его уверенности в себе. Сверхъестественная сила наличествовала в его поведении; и если это на самом деле космический корабль, способный преодолевать расстояния между звездами...

Ли был не в состоянии полностью осознать это. Он пригнулся, собравшись в комок, и стал поглаживать револьвер, которым снабдила его девушка, понимая, что такого рода оружие прежде не приходилось ему держать в руках.

Он весь сжался, как пружина, и ждал, но в рубке космического корабля, где должны были находиться в колоссальном напряжении не попадавшие в поле его зрения главные действующие лица, продолжала царить тишина. Такая же точно странная тишина, которая последовала после того, как несколькими минутами ранее туда прошла девушка. Только на этот раз именно она нарушила тишину, голос ее звучал негромко, но в то же время абсолютно спокойно, в ее словах не было и тени страха.

— Я здесь для того, чтобы предупредить вас, а не вступать с вами в бесплодные пререкания. И если только вы не заряжены жизненной энергией как минимум пят-

надцати человек, то я не рекомендовала бы вам предпринимать какие-либо необдуманные действия. Ведь я вошла к вам сюда, отдавая себе отчет в том, что вы собой представляете.

— А как ты считаешь, Мерла? Мы можем быть абсолютно уверены в том, что она на самом деле не более как клаггианка? Может оказаться так, что она принадлежит к существам более высокого уровня умственного развития, например, к леннеллианам?

В самоуверенном, слегка насмешливом тоне мужчины проступило некоторое, почти неуловимое сомнение.

Пораженный фантастичностью разворачивающегося перед ним сюжета, парализованный ощущением надвигавшейся смертельной опасности, Ли с его репортерскими навыками все-таки успевал фиксировать в сознании все детали.

— Жизненная энергия пятнадцати человек...

Именно здесь была разгадка загадочных событий последних дней. Все становилось на свои места, несмотря на чудовищность происшедшего. И два мертвых тела, из которых были изъяты кровь и жизненная энергия, и повторявшиеся неоднократно упоминания о Галактическом Наблюдателе, с которым была связана девушка...

Он едва расслышал, что сказала женщина.

— Клаггианка — да и только! — воскликнула она без тени сомнения. — Не обращай никакого внимания на ее протесты, Джил. Ты же знаешь, у меня особый нюх, когда приходится иметь дело с женщинами. Она лжет. Она всего лишь глупышка, которая забрела сюда в надежде, что мы ее испугаемся. Уничтожь ее в свое удовольствие.

— Тут меня не надо долго уговаривать, — произнес мужчина. — Так что...

* * *

Почти машинально Ли метнулся в открытую дверь. Перед его взором мелькнули мужчина и женщина в вечерних нарядах, мужчина стоял, женщина сидела. Об-

становка вокруг вся была из сверкающего безупречной полировкой металла, это в самом деле была рубка фантастического корабля, часть ее он уже видел, теперь взору его открылось огромное количество самых разнообразных приборов, а затем все это затуманилось, когда он коротко бросил:

— Довольно! Руки вверх!

В течение какого-то невероятно долгого, ослепительного в своей яркости мгновения, Ли захлестнуло впечатление, что его появление здесь оказалось совершенно неожиданным и что он является хозяином положения. Никто из троих, находившихся в комнате, не успел повернуться в его сторону. Джил и девушка так и продолжали стоять, глядя друг на друга: Мерла оставалась в глубоком кресле, повернутая к Ли точеным профилем, золотая ее голова была резко отброшена назад.

И именно она, даже не удостоив его хотя бы одним-единственным взглядом, откровенно презрительно усмехнулась — и такое сказала, что ничего не осталось от этой его кратковременной убежденности в своем триумфе. Она произнесла, обращаясь к переодетой в мужскую одежду девушке:

— Ну и невысокого же пошиба у вас компания — тупое человеческое существо. Велите ему тотчас же убраться, не то, худо ему будет.

— Ли, — произнесла девушка, — извините меня за то, что я впутала вас в эту историю. Каждое движение, которое вы совершили, входя сюда, было услышано, увидено, проанализировано и оставлено без дальнейшего рассмотрения как ничего не значащее еще до того, как вам удалось своим сознанием воспринять происходящее здесь.

— Его зовут Ли? — отрывисто спросила женщина. — Мне кажется, я узнала его. Он очень похож на свою фотографию, помещенную над написанной им газетной статьей.

Голос женщины почему-то стал взволнованным. — Джил, это тот самый газетный репортер!

— Он нам пока что не нужен, — ответил ей мужчина. — Нам известно, кто является Галактическим Наблюдателем.

— Что? — изумленно вскричал Ли; он прямо-таки остолбенел — настолько поразили его эти слова. — Кто? Как это вам удалось узнать? Что...

— Информация эта, — произнесла женщина, и Ли внезапно понял, что новый, необычный оттенок ее голоса обусловлен предвкушением чего-то, для нее крайне желательного, — для вас совершенно бесполезна. Вы останетесь здесь независимо от того, что случится с девушкой.

Она бросила быстрый взгляд в сторону мужчины, как бы ища его одобрения.

— Помнишь, Джил? Ты ведь мне обещал...

Все это выглядело настолько несуразно, что Ли даже не проникся чувством нависшей лично над ним какой-то, может быть, даже смертельной опасности. Ум его просто пропустил через себя эти слова, продолжая оставаться полностью сосредоточенным на окружавшей его реальности, постичь которую в полной мере никак не удавалось.

— Минутой раньше, — спокойно заметил он, — вы считали, что мне лучше немедленно убраться отсюда. — Ли довольно кисло улыбнулся. — Такой поворот в ваших намерениях говорит о том, что наше положение изменилось. И я понимаю, почему. Я слышал, как ваш приятель, Джил, подзадоривал мою юную подругу, чтобы она попыталась воспользоваться оружием. И я замечаю, что, пока мы говорили, она успела взять его в руки и держит вас на прицеле. Следовательно, мое появление здесь было не напрасным.

Затем, повернувшись к девушке, Ли быстро закончил:

— Так что, стреляем... или уходим отсюда?

Вместо нее ответил мужчина.

— Я бы советовал вам ретироваться. Не так уж трудно было бы одержать верх над вами, но я не принадлежу к существам героического склада характера, которые склонны подвергать себя неоправданному риску, когда можно все уладить полюбовно.

Обернувшись к своей спутнице, он добавил:

— Мерла, а этого мужчину мы всегда еще успеем изловить, теперь, когда знаем, что он из себя представляет.

— Выходите первым, мистер Ли, — произнесла девушка.

Ли не стал с нею спорить.

Едва он метнулся в туннель, как за его спиной с лязгом захлопнулись металлические двери. Через мгновенье до него дошло, что девушка без особого напряжения бежит с ним рядом.

Причудливо нереальная — и одновременно смертельно опасная — драма завершилась. Финал ее был фантастичным, как и ее начало.

ГЛАВА IV

Улица, на которую они вышли из ресторана "У Константина", уже погрузилась в серую вечернюю мглу. Мимо них быстрой суетливой походкой проходили люди с беспокойными взглядами. Они спешили домой, быстро растворялись в стремительно сгущавшихся сумерках. В свои права вступала ночь.

Ли бросил осторожный взгляд в сторону своей попутчицы. В наступившей темноте она действительно казалась мальчиком. Стройная, ладно скроенная, она решительно шагала рядом с ним, не отставая ни на шаг. Он тихо рассмеялся, затем серьезно спросил:

— И что же все это значит? Что нам едва удалось унести ноги? Или что мы все-таки вышли победителями? Что побудило вас посчитать себя хозяйкой положения и дать этим опасным типам двенадцать часов на то, чтобы они убрались из Солнечной системы?

Девушка долго не отвечала. Она продолжала шагать впереди него, печально опустив голову. Вдруг она обернулась и произнесла:

— Надеюсь, вам не придет в голову нелепая мысль рассказывать кому бы то ни было о том, что вы видели и слышали?

— Это крупнейшая сенсация с тех пор, как...

— Послушайте, — в голосе девушки зазвучало сожаление, — вы не станете печатать ни строчки об этом, по-

тому что через десять секунд убедитесь, что никто в мире не поверит даже самому первому абзацу.

Ли улыбнулся.

— Механический психолог подтвердит каждое произнесенное мною слово.

— А вот и нет! — с дрожью в голосе произнесла девушка.

Рука ее взметнулась к самому лицу Ли. Он отдернулся назад, но было уже слишком поздно.

В глазах его вспыхнул ослепительно яркий свет, интенсивность которого была настолько велика, что невыносимо мучительная боль пронизала его мозг, будто в голове произошел ядерный микровзрыв. Ли выругался вслух, выругался яростно и рванулся вперед, к своей мучительнице. Он попытался пустить в ход руки, но испытал только еще большую ярость от неудовлетворенного желания — пальцы его поймали лишь край рукава, который мгновенно отдернулся.

— Вы — маленький дьяволенок, — в бешенстве выпалил он, поняв тщетность своих попыток. — Вы ослепили меня.

— У вас все будет в полном порядке, — спокойно заметила девушка, — вот только механический психолог классифицирует все, что вы расскажете, как плод разыгравшегося воображения. Это на случай вашей угрозы напечатать отчет о происшедшем. Поймите, я вынуждена была так поступить. А теперь верните мне мой револьвер.

В первых проблесках понемногу возвращавшегося зрения девушка виделась Ли как неясный, дрожащий силуэт в ночной мгле. Несмотря на все еще мучавшую его боль в глазах, Ли уныло улыбнулся и произнес тихо:

— Я вспомнил ваше предупреждение о том, что этот револьвер стреляет не пулями. Это послужит прекрасным доказательством правдивости любого заявления, которое я сделаю. Так что...

Улыбка внезапно сошла с лица Ли. Потому что девушка быстро рванулась к нему. Металл, который она ткнула ему под самые ребра, был столь тверд, столь холоден, что он аж захрипел.

— Сейчас же отдайте мне револьвер!

— Как бы не так, — огрызнулся Ли. — Вы неблагодарная маленькая хулиганка. Как вы еще смеете угрожать мне, притом столь подлым способом, после того, как я фактически спас вам жизнь? Жаль, что я не залепил разок вам по челюсти, чтобы...

Внезапно он осекся, так как в голову ему буквально ударило четкое осознание того, что девушка эта воспитывалась не в пансионе, где учили изящным манерам; это хладнокровное молодое существо, которое уже на деле доказало свою железную стойкость и которое не остановится ни перед чем ради достижения своей цели. Не издав больше слова протеста, он поспешно вернул оружие девушке. Она забрала пистолет и произнесла суровым тоном:

— Похоже, что вам будет болезненно трудно избавиться от иллюзии, будто именно своевременное ваше появление в рубке космического корабля представило мне возможность прибегнуть к оружию в качестве решающего аргумента в переговорах с дригами. Вы очень заблуждаетесь на сей счет. Единственное, чему вы действительно поспособствовали, так это ошибочному выводу дригов, касающемуся оценки ситуации. Но я заверяю вас в том, что на самом деле, даже по самым высоким оценкам, ваша помощь фактически ни малейшим образом не повлияла на исход моей первой встречи с дригами.

* * *

Ли снисходительно рассмеялся.

— Я хоть и прожил сравнительно немного, — иронически произнес он, — но научился ценить силу личности и внутренне присущий ей магнетизм. Вы щедро наделены этими качествами, пожалуй, даже слишком щедро, но и вам далеко до этих двоих, особенно мужчины. Это поистине сверхъестественное магнетическое существо. Я, разумеется, могу только строить догадки в отношении того, что происходит, но я рекомендовал бы вам...

— Тут Ли сделал паузу, — ... вам и всем другим вашим соплеменникам-клаттам держаться как можно дальше от этой пары. Лично я намерен посвятить в это дело полицию, пусть она организует налет на этот номер три.

Мне совсем не по нутру их странная угроза, что они смогут поймать меня, когда им вздумается. Почему именно меня... — Тут он осекся. — Эй, куда это вы? Я хочу знать ваше имя! Почему вы думаете, что справитесь с теми двумя, в подвале?! Кто вы?!

Некоторое время он теперь уже безмолвно провожал глазами стремительно удалявшуюся фигурку, освещенную тусклым фонарем, затем она скрылась за углом.

Его единственная точка соприкосновения со всем этим фантастическим миром... Если она сейчас исчезнет...

Вспотев, он обогнул угол. Поначалу погруженный в кромешную тьму переулок показался ему лишенным каких-либо признаков жизни. Затем он различил автомобиль.

С виду это был вполне обычный двухместный спортивный автомобиль с высоко поднятым капотом, вытянутый, низкопосаженный. Он тронулся вперед бесшумно. — И в общем-то совсем нормально.

И вдруг этот автомобиль превратился в нечто совершенно необычное. Он приподнялся в воздух! И, что было совсем уж поразительным, поднялся вертикально, непосредственно с мостовой. Перед глазами Ли промелькнули белые резиновые колеса, которые сложились и исчезли под кузовом. Весь обтекаемый, сигарообразный космический корабль, в который превратился автомобиль, по крутой траектории взмыл высоко в небо.

И мгновенно пропал из виду.

Над головой у Ли небо, где сгущалась ночная тьма, озарилось на мгновение необычным ярко-синим сиянием. И снова одни лишь звезды слабо поблескивали над городом. Задрав голову, он глядел на них, ощущая полнейшую опустошенность, и думал: "Неужели это не сон? Эти дригги, появившиеся в космосе, кровопийцы-вампиры..."

Неожиданно почувствовав голод, он купил шоколад в киоске и стал его жевать.

Почувствовав себя лучше, Ли прошел к ближайшей настенной розетке и включил в нее свой наручный передатчик.

— Джим, — произнес он в миниатюрный микрофон, — я раздобыл кое-какой материал. Не для публикации,

но, может быть, ознакомление с ним заставит полицию предпринять определенные меры. Я хочу, чтобы ты прислал в мой гостиничный номер механического репортера-психолога. Обязательно нужно будет извлечь кое-что интересное из клеток памяти моего мозга...

Он оживленно продолжал беседу с редактором. Испытываемое им ранее ощущение полнейшей несуразности происшедшего заметно пошло на убыль. Репортер Ли мало-помалу снова становился самим собою.

ГЛАВА V

Небольшие сверкающие шарики механического репортера вращались все быстрее и быстрее, пока не превратились в один светящийся в темноте круг. И только после этого его ноздрей коснулось первое дуновение восхитительного психогаза. Ли показалось, что он плывет, постепенно соскальзывая куда-то все больше и больше...

Откуда-то, как бы издалека, сквозь слабый шум донесся голос, пока он еще был столь отдаленным, что невозможно было разобрать ни слова. С каждым мгновением в нем нарастало ощущение, что совсем скоро он услышит нечто необыкновенно пленительное.

Жажда разобрать, что так проникновенно шепчет ему далекий голос, отодвинуло все его остальные мысли и ощущения. Но наркотический газ делал свое дело, и с каждым мгновением становился все глуше, пока наконец Ли не погрузился в глубокий гипнотический сон.

Когда он открыл глаза, в спальне было темно, только в углу рядом с креслом горел торшер, который освещал одетую во все темное женщину, сидевшую в кресле, лишь лицо ее оставалось в тени.

Ли, должно быть, пошевелился, так как женщина вдруг подняла голову, взгляд ее оторвался от нескольких листов

машинописной бумаги стандартного размера, которые она держала в руках. Раздался голос Мерлы:

— Девушка проделала очень неплохую работу, стерев подчистую все содержание памяти вашего подсознания. Имеется только одна зацепка, дающая возможность узнать ее происхождение и...

Слова женщины продолжали литься плавным потоком, но они смешались в его уме в этот ужасный момент, когда он узнал, кто находится с ним в одной комнате. Слишком много, чересчур много страха пришлось натерпеться ему за столь короткий промежуток времени. На мгновение он почувствовал себя беспомощным ребенком, в голове билась лихорадочная мысль о немедленном бегстве.

Если бы только ему удалось соскользнуть к краю кровати, подальше от того места, где сидела женщина, и опрометью броситься в ванную...

— Разумеется, мистер Ли, — услышал он голос женщины, — у вас достаточно ума, чтобы не сотворить какую-нибудь глупость. Вы ведь, безусловно, понимаете, что, будь у меня намерение убить вас, я бы сделала это еще тогда, когда вы спали.

Ли лежал очень тихо, стараясь собраться с мыслями. Во рту у него пересохло. Слова ее повергли его в состояние теперь уже полнейшего уныния.

— Что... вам... от меня... нужно? — в конце концов, с огромным трудом удалось вымолвить ему.

— Информация! — Голос женщины звучал с категорической лаконичностью. — Что это за девушка?

— Не знаю.

Он всмотрелся в полутьму, в которой было скрыто лицо женщины. Теперь глаза его адаптировались к тусклому освещению комнаты, и он был в состоянии различить светло-золотистый цвет ее пышных волос.

— Я полагал,.. что вы знаете — медленно произнес он и продолжал уже живее. — Вам ведь известно, кто является Галактическим Наблюдателем. А значит, установить личность женщины для вас не составляет особого труда.

Ему показалось, что женщина улыбается.

— Наше заявление по этому поводу было сделано с расчетом застать врасплох и вас, и эту девушку. Оно-то

и стало причиной той частичной победы, которую нам удалось вырвать в том, почти безвыходном положении, в котором мы очутились.

* * *

Ли все еще продолжал испытывать телесную слабость, но отчаянный страх, который до сих пор цепко держал все его естество, стал постепенно убывать по мере того, как разум его начал постигать смысл ее признания в слабости их положения; к нему мало-помалу приходило понимание того факта, что дригги не были такими уж сверхъестественными могучими существами, как это ему казалось поначалу. Вслед за облегчением пришла осторожность. Полегче, не уставал предупреждать он самого себя, не разумно недооценивать противника. И все же он не смог удержаться и произнес:

— Значит, не такие уж вы мудрые и сверхловкие. Даже эта ваша "вырванная победа" была обставлена не очень-то красиво. Заявление вашего мужа, что вы со мною еще успеете разделаться, например, выглядит как детское хвастовство.

Ответ женщины был спокоен, даже несколько презрителен.

— Если бы вы хоть немного разбирались в психологии, вы бы быстро уразумели, что нечеткая формулировка этой угрозы на самом-то деле имела истинной своей целью обмануть вас. Вам определенно не удалось предусмотреть даже минимальных мер предосторожности. А девушка явно не предприняла никаких попыток защитить вас, обезопасить вашу жизнь.

Указание на преднамеренную, утонченную в своем хитроумии уловку, снова вызвало у Ли приступ тревоги. Где-то глубоко, очень глубоко в его сознании засела беспокойная мысль: какой же все-таки финал задумала эта женщина-дригг для их странной встречи в гостиничном номере?

— Вы, конечно же, понимаете, — вкрадчивым голосом продолжала женщина-дригг, — что вы представляете для нас определенную ценность, пока живы — иначе вас ждет смерть. Вы поставлены перед суровым

выбором. Я бы порекомендовала вам проявлять максимальную искренность, когда будете с нами сотрудничать. Вы ведь понимаете, что по самое горло погрязли в этой истории.

Значит, вот таков был замысел этих коварных вампиров. По лбу Ли скатилась крохотная бусинка пота. Руки его дрожали, когда он потянулся к пачке сигарет, лежавшей на столике возле кровати.

Он нервно закуривал сигарету, когда взгляд его вдруг приковало окно. За окном шел дождь, очень сильный дождь, капли его яростно барабанили по звуконепроницаемым стеклам.

Мысленному взору его представились безлюдные улицы, потускневшие в этом наполненном дождем ночном мареве уличные огни. Картина опустевшего городского пейзажа почему-то угнетала его. Покинутые людьми улицы — покинутый всеми Ли, вот какая ассоциация промелькнула в его мозгу. Ибо он в самом деле был покинут здесь на милость беспощадного в своей жестокости противника; все его друзья были разбросаны по необъятным просторам планеты и не могли добавить ему ни капли силы и блеснуть хотя бы единым лучиком надежды для него в этой затемненной комнате, перед женщиной, которая с таким спокойствием сидела в кресле у торшера, изучающе глядя на него.

Собравшись с духом, Ли спросил:

— Насколько я понимаю, это моя психограмма находится сейчас в ваших руках. И что же она показывает?

— Вас ждет разочарование. — Голос женщины казался каким-то отрешенным. — В ней имеется предупреждение в отношении состояния вашего пищеварительного тракта. Похоже на то, что вы весьма нерегулярно принимаете пищу.

Неуклюжая попытка проявить чувство юмора лишь подчеркнула жуткую суть ее личности. Черная необозримость космоса, которую она пересекла, неестественная жажда крови и жизни, что привели ее и ее компаньона на беззащитную Землю, — все это могло быть в этом монстре. Ничего человеческого не наложило на нее свой отпечаток.

Ли встряхнулся. Черт побери, разозлившись, подумал он, с какой стати я запугиваю самого себя? Пока она сидит в своем кресле, она не состоянии поживиться моей кровью. Надо оставаться самим собой и подождать, как станут разворачиваться события. Вслух он произнес:

— Если в психограмме действительно нет ничего для вас интересного, то на какую же тогда помощь вы рассчитываете? Не лучше ли вам взять да и уйти отсюда, оставив меня в покое? Ваше присутствие здесь не доставляет мне особого удовольствия.

Где-то в глубине души он надеялся на то, что она смехом встретит это его предложение. Но женщина с самым серьезным видом продолжала сидеть в кресле, глаза ее тускло поблескивали в полумраке. В конце концов она так ответила Ли:

— Давайте вместе рассмотрим вашу психограмму. Насколько я полагаю, мы можем оставить без особого внимания указания на состояние вашего здоровья, поскольку они не имеют какого-либо отношения к тому, что нас интересует. Но здесь приведено немалое количество данных, которые мне хотелось бы проанализировать более подробно. Кто — профессор Унгарн?

— Ученый, — честно ответил Ли. — Это он изобрел систему механического гипноза, и именно к нему обратились за разъяснениями, когда были найдены мертвые тела, так как сложилось единодушное мнение, что подобное зверство могли совершить только извращенцы.

— Вам известно, хоть сколько-нибудь, как он выглядит внешне?

— Я никогда не видел его, — не спеша ответил Ли. — Он никогда не дает интервью, а его фотографией мы сейчас не располагаем. Я слышал кое-какие истории о нем, однако...

Он замолчал в нерешительности. Ведь это вовсе не означает, подумал он, нахмурившись, что он сейчас открывает что-либо такое, что не было бы общеизвестно. Что, в конце-то концов, в самом деле интересует женщину? Унгарн...

— Эти истории, — произнесла женщина, — свидетельствуют, что он человек безмерной магнетической силы, но с явными чертами душевных страданий, выгравированных на его лице и придающих ему какую-то покорность.

— Покорность перед чем? — воскликнул Ли. — У меня нет ни малейшего представления, о чем это вы говорите. Я видел только старые фотографии, а на них лицо у него, хотя и усталое, но вполне открытое.

— Информацию о нем можно раздобыть в любой библиотеке? — спросила женщина.

— Да, хотя бы в архиве Планетарного информагентства, — сказал Ли и тут же едва не прикусил язык свой за то, что так, задарма, выболтнул пусть хоть и крупицу, но достаточно ценной информации.

— В архиве? — с интересом переспросила женщина.

Ли пояснил, но голос его дрожал от негодования на самого себя. Все больше в нем нарастало очень неприятное ощущение того, что эта дьявольская женщина все-таки вышла на верный след. И продолжает выуживать из него нужные ей ответы, потому что он никак не наберется духу упереться и наконец перестроить весь ход своих мыслей на преднамеренную ложь.

Несмотря на отчаянное беспокойство, что его охватило, он испытывал огромную досаду: как невероятно быстро удалось ей решить проблему личности Наблюдателя! Ведь, черт побери, им действительно вполне мог быть профессор Унгарн!

Унгарн, таинственный ученый, великий изобретатель, прославивший свое имя в различных самых сложных сферах знания, да плюс еще и загадочное убежище его на метеорите поблизости от одного из спутников Юпитера. И была еще у него дочь по имени Патриция. Боже праведный, Патрик... Патриция...

Поток предположений, вихрем пронесшихся в его голове, неожиданно оборвался, когда женщина не допускающим возражений тоном произнесла:

— Вы можете попросить вашу редакцию переслать информацию в этот ваш рекордер, находящийся здесь?

— Д-да!

Нежелание его сотрудничать было столь явным, что женщина пригнулась, чтобы повнимательнее на него взглянуть, и голова ее при этом оказалась в круге света. На какое-то мгновение блеснуло золото ее волос, в ее светло-голубых глазах мелькнула странная сатанинская, бездушная усмешка.

—О! — воскликнула она удовлетворенно. — Вы так считаете тоже?

Она рассмеялась совершенно необычным, музыкальным смехом, одновременно таким отрывисто-грубым и таким приятным для слуха. Смех неожиданно, как-то даже неестественно, оборвался на самой высокой ноте. А затем — хотя он и не заметил ее движения — в ее руках оказался какой-то нацеленный на него металлический предмет, а голос зазвучал жестко, повелительно.

— Поднимайтесь с кровати, включайте рекордер и не вздумайте что-либо говорить или делать, кроме необходимого для меня.

Ли ощутил приступ головокружения. Комната закачалась, поплыла перед его глазами, и он с тоскою подумал: как жаль, что он не лишился чувств.

Испытывая к самому себе омерзение, он почувствовал, что ему больше не повинуется его тело. Он прошел к рекордеру. Впервые за всю жизнь он возненавидел свою способность, которой он всегда гордился, — быстро восстанавливать свои как душевные, так и физические силы, — ибо именно она, эта способность, дала возможность его голосу сейчас стать твердым и невозмутимым, когда он, включив и отрегулировав аппаратуру звукозаписи, произнес:

— Это Уильям Ли. Ну-ка поднимите мне все данные, какие только у вас есть, касающиеся профессора Гаррета Унгарна.

Наступила пауза, заполненная его горестными мыслями: "Я ведь совсем не выдаю сведения, к которым не подступиться никаким иным способом. Просто..."

В машине раздался щелчок, затем отрывистый голос:

— Вот, пожалуйста. Поставьте подпись.

Ли, затаив дыхание, глядел на то, как исчезает в чреве машины лента с его подписью. Когда он выпрямился, женщина спросила:

— Прочитать мне здесь, Джил, или мы заберем с собою машинку?

Теперь Ли совсем пал духом. У него закружилась голова, и он очень осторожно опустился на кровать.

Мужчина-дригг, Джил, стоял неподвижно, прислонившись к косяку двери в ванную, едва различимый в полутьме статный мужчина в откровенно угрожающей позе; на губах его играла зловещая улыбка. Позади него — и это было совсем уж невероятным — позади него, сквозь открытую дверь виднелась не сверкающая отделкой ванна, а другая дверь, а за нею еще одна дверь, а дальше...

Рубка космического корабля дриггов!

Да, именно она, в точности такая же, какую он видел в подвале под "Константином". Точно так же в поле зрения попадала часть необычного ложа, внушительная секция приборной панели, со вкусом отделанный пол...

В его собственной ванной!

Безумная мысль пришла Ли в голову. "О, да ведь это я сам храню космический корабль в своей ванной..." Однако эти его туманные мысли прервал голос дригга.

— Я считаю, что нам лучше уйти. Мне доставляет немало труда удерживать корабль в данном сочетании пространственно-временных континуумов. Забирай этого репортеришку вместе с его машинкой и...

Ли попытался собраться с мыслями.

— Вы... забираете... меня... с собою?

— Естественно, — отозвалась женщина. — Вы обещали мне, и к тому же нам еще понадобится ваша помощь в отыскании метеорита Унгарна.

Ли сидел, не шевелясь ни единым мускулом. В голове мелькнула совсем уже несуразная мысль: хорошо, что он не трус — он ведь доказал это недавно! Но это было действительно важно, потому что на него надвигалась смертельная опасность.

* * *

Через мгновение он обратил внимание на то, что дождь все еще барабанит по стеклам огромными, блестящими каплями, стекающими вниз сплошным потоком. И еще

увидел он, что ночь была очень темной. Темная ночь, черный дождь, неизвестность судьбы, — все это вполне соответствовало его мрачным мыслям.

С немалым трудом он привел себя в более или менее нормальное состояние и спокойно поднял взор на своих планетных похитителей. Репортер Ли снова был тверд перед лицом ожидавшей его судьбы и готов сразиться за свою жизнь.

— Я не в состоянии придумать ни единой причины, — сказал он, — почему это мне следует уйти отсюда вместе с вами. И если вы полагаете, что я намерен по доброй своей воле помочь вам уничтожить Наблюдателя, то вы просто с ума сошли.

— В вашей психограмме, — сухо заметила женщина, — имеется мимолетное упоминание о некоей миссис Генри Ли, которая живет в деревне под названием Релтон на тихоокеанском побережье. Мы можем оказаться там через какие- нибудь полчаса, а еще через минуту уничтожим вашу мать и ее дом. Или, пожалуй, добавим ее кровь к нашим запасам.

— Его мать может оказаться слишком старой, — произнес мужчина тоном, от которого кровь застыла в венах у Ли. — Нам не нужна кровь стариков.

Эти леденящие душу фразы привели Ли в неописуемый ужас. Перед его мысленным взором на какое-то мгновение предстало страшное видение: космический корабль, стремительно и беззвучно пронизывающий ночь, которая окутала весь восток североамериканского материка, зависает над мирной деревушкой, а затем обрушивает на нее неземную энергию в яростной вспышке. Всего одна секунда всеуничтожающего огня — и корабль взмывает вертикально вверх над темными безмерными водными пространствами, расположенными на западе.

Когда ужасная картина наконец поблекла в его сознании, женщина спокойно заметила:

— Джил и я разработали интересную систему допроса человеческих существ с невысоким уровнем умственного развития. Обычно Джил пугает людей одним лишь фактом своего присутствия. Подобным же образом действую на людей и я, особенно когда они видят меня четко при сильном освещении. Поэтому мы всегда стараемся так устроить

свои встречи с человеческими существами, что я сижу в полумраке, а Джил держится на заднем плане. Такой метод оказался очень эффективным.

Она встала, высокая, стройная, в желтой кофте и в юбке, туго обтягивающей ее еще остававшуюся в полутьме фигуру.

— Ну, а теперь, — закончила она, — в путь, пожалуй? Машинку несете вы, мистер Ли.

— Я сам возьму ее, — произнес дригг.

Ли бросил злобный взгляд в сторону этого худого мускулистого ужасного мужчины, и тут тот его ошарашил неожиданным вопросом, который зародил у Ли отчаянное намерение...

Дригг наклонился над небольшой машинкой, стоявшей на угловом столике.

— Как она работает? — почти приятным голосом спросил он.

* * *

Едва сдерживая нервную дрожь, Ли сделал несколько шагов вперед. Неужели у него есть шанс выпутаться из создавшегося положения, не подвергая никого опасности? Дригги без промедления собирались вылетать в космос, чтобы, судя по их собственным же словам, отправиться на поиски метеорита Унгарна. Надо постараться задержать их любой ценой. Он не спеша ответил:

— Нажмите кнопку, промаркированную надписью "Заголовки", и машина отпечатает все основные рубрики, имеющие какое-либо касательство к интересующему вас вопросу.

— Звучит вполне благоразумно.

Ли только уныло кивнул. Джил протянул руку и нажал указанную кнопку. Рекордер еле слышно зажужжал, одна из его внутренних секций засветилась, и стали видны печатаемые механизмом строчки под прозрачным кожухом — несколько заголовков, переданных редакционным компьютером.

— "... Его убежище в метеорите", — прочитал дригг. — Это как раз то, что мне нужно. Каков следующий шаг по получению более уточненной информации?

— Нажмите кнопку "Подзаголовки".

Ли снова неожиданно задрожал всем телом. Он едва сдержался, чтобы не издать громкий стон. Неужели станет возможным, что эта нелюдь именно с его помощью добудет всю необходимую ей информацию? Определенно такой чудовищной силы разум было бы очень нелегко увести в сторону от выполнения с такой логической последовательностью составленного плана.

Ли сделал еще одну попытку взять себя в руки, сосредоточившись на осуществлении своих замыслов. Он не имеет права упустить шанс, который дала ему в руки судьба.

— Подзаголовок, который мне необходимо выбрать, — произнес дригт, — промаркирован надписью "Местонахождение". И есть еще здесь какое-то число, всего лишь одно, перед ним. Как теперь мне надлежит поступить?

— Нажмите кнопку, промаркированную цифрой "1", — пояснил Ли. — Затем нажмите клавишу с надписью "Полный сброс".

Он весь напрягся. Если бы только удалось ему его уловка... Это непременно должно сработать...

Кнопка "1" выдаст информацию под данным заголовком. И мужчину, безусловно, — во всяком случае, пока что — это вполне устроит. Ведь, в общем-то, это только первичная проверка. Они очень торопятся.

А позже, когда дригт обнаружит, что нажатие кнопки "Полный сброс" уничтожило всю остальную информацию — тогда будет уже слишком поздно что-либо исправить.

Мысли Ли затуманились. Он вздрогнул. Дригт глядел на него ледяным, исполненным уничтожающей иронии взглядом.

— Ваш голос подобен звукам хорошо настроенного органа, каждое произнесенное вами слово сопровождается едва заметными, вами самими не ощущаемыми обертонами, которые многое могут сказать чувствительному слуху. Поэтому, — стальная в своей суровой ярости ухмылка исказила это худое, зловещее лицо, — я нажму только кнопку "1". Но воздержусь от нажатия кнопки "Полный сброс". И как только познакомлюсь с той небольшой историей, что поведает мне рекордер, я уж должным образом позабочусь

о том, чтобы вы не остались безнаказанным за эту столь жалкую попытку подловить меня. Приговор — смерть.

— Джил!

— Смерть! — неумолимо изрек мужчина.

Женщина не посмела возражать.

* * *

После этого наступила тягостная тишина, слышно было только приглушенное жужжание механизма рекордера. На ум Ли не приходили никакие мысли. Он ощущал себя бесплотной тенью, лишенной телесного воплощения, и бесцельно ожидающей чего-то на краю ночи, более темной, чем черные пустыни космоса, откуда явились сюда эти чудовища.

Пришло и сознание некоего родства с черным дождем, который продолжал литься с такой необоримой мощью на ярко отсвечивавшиеся стекла окон. Потому что очень скоро и он сам станет частью этой неорганической тьмы — едва различимой фигурой, безжизненно валяющейся на полу этой тускло освещенной комнаты.

Бесцельный его взор снова возвратился к принтеру рекордера и к угрюмому мужчине, который стоял, погруженный в мрачное раздумье, и глядел, как на листе бумаги складываются в фразы печатаемые литерами машинки слова.

Мысль Ли заработала быстрее. Жизнь его, которая с потрясающей жестокостью была раздавлена этим смертным приговором, вновь затрепетала в его теле. Он распрямился, физически и мораяьно. И вдруг до конца осознал ту цель, что он преследует.

Если смерть его является неизбежной, то он, по крайней мере, мог бы попытаться как-нибудь сам нажать на кнопку "Полный сброс". Он пристально глядел на заветную кнопку, мысленно оценивая расстояние до нее, и в голове у него мелькнула невеселая мысль — какая невероятная ирония заключается в том, что ему придется потратить последние свои силы на то, чтобы не дать им возможности заполучить никчемную информацию, которая была фактически общедоступной. И все же...

Цель его осталась неизменной. Всего один метр, осторожно прикинул он, ну, может быть, метр с четвертью. Если бы бросился он вперед всем телом, то каким образом даже дригту можно удержать тяжесть его падающего тела и воспрепятствовать его вытянутым пальцам выполнить столь простую, незамысловатую миссию?

Ведь его внезапное вмешательство уже однажды, чуть раньше, расстроило планы дриггов, предоставив возможность девушке Унгарна — несмотря на то, что сама она всячески это отрицала — выхватить пистолет и...

Он внутренне весь собрался, когда увидел, что дригт отворачивается от рекордера. Мужчина разомкнул было уже губы, чтобы сказать что-то, но тут женщина, Мерла, успела опередить его из своего полутемного угла, произнеся:

— Ну?

Мужчина нахмурился.

— В записанной рекордером информации не содержится указаний на точное местонахождение. По-видимому, в этой системе еще не заведен точный учет всех без исключения метеоритов. К такому повороту событий я, в общем-то, был готов. Космические путешествия здесь осуществляются всего лишь какую-нибудь сотню лет, и вся энергия деятельности исследователей и изыскателей пока еще направлена на обследование планет и спутников Юпитера.

— Я мог бы и сам сказать вам это, не прибегая к редакционному архиву, — вставил свое слово Ли.

Если б только удалось ему хоть чуть-чуть придвинуться поближе к рекордеру, так, чтобы дригту пришлось бы не просто вытянуть свою руку, но и...

— Тем не менее, — продолжал мужчина, — здесь имеется ссылка на некоего перевозчика продуктов питания и других товаров со спутника Юпитера под названием Европа к метеориту Унгарна. Мы... э... убедим этого человека показать нам путь к этому метеориту.

— Когда-нибудь, даже не в столь уж отдаленном будущем, — сказал Ли, — вы все равно столкнетесь с тем, что вам станет не под силу убедить хотя бы одного живого человека. Каким образом вы станете воздействовать на этого бедолагу? А если у него нет матери?

— У него есть... жизнь, — спокойно заметила женщина.

— Стоит ему хоть один раз на вас глянуть, — со злостью отрезал Ли, — как ему сразу же станет ясно, что он все равно ее потеряет.

Произнеся эти слова, он переместился как бы совершенно непроизвольно, случайно, чуть влево, сделав один крохотный шажок. Ему до чертиков хотелось сейчас сказать что-нибудь, что угодно, лишь бы прикрыть эти свои приготовления. Но его голос уже предал его однажды. И не исключено, что снова уже выдал его с головой. И без того хладнокровное лицо мужчины стало слишком уж непроницаемым.

— Мы могли бы, — предложила женщина, — воспользоваться Уильямом Ли, чтобы убедить этого пилота-перевозчика.

* * *

В этих словах для Ли внезапно забрезжила надежда. И эти же слова разрушили его решимость действовать немедленно. Тем временем женщина продолжала:

— Слишком ценный он для нас раб, чтобы уничтожать его. Мы всегда успеем отобрать у него кровь и жизненную энергию, но сейчас мы должны отправить его на Европу, отыскать там пилота-перевозчика, выполняющего рейсы к Унгарнам, и лично сопровождать его в полете на метеорит. Если ему еще удастся обследовать внутреннее устройство этого метеорита, это существенно упростит подготовку к нашему нападению, да еще, возможно, он выяснит, имеется ли там какое-нибудь оружие, о чем мы должны быть обязательно проинформированы. Нам никак нельзя недооценивать научные достижения великих галакторов. Естественно, прежде чем отпустить Ли на свободу, мы немножко повозимся с его мозгом и сотрем из его сознания все, что с ним происходило в этом гостиничном номере. Идентификацию профессора Унгарна в качестве Галактического Наблюдателя мы сделаем для Ли в высшей степени правдоподобной, несколько переписав его психограмму; и завтра он проснется в своей постели, имея

перед собой совершенно новую цель, основанную на таком естественном человеческом побуждении, как любовь к определенной девушке.

Щеки Ли горели, когда она разворачивала цепь предательств, которые, по ее мнению, он должен был совершить. Но все еще ощущая слабость, он в ответ сумел бросить со злостью:

— Если вы полагаете, что я могу влюбиться в особу, чей интеллект вдвое превосходит мой собственный, то вы...

— Замолчите, идиот вы эдакий! — грубо перебила его женщина. — Неужели до вас еще не дошло, что я спасла вам жизнь?

— Да, мы используем его, — ледяным тоном произнес мужчина, — но не потому, что он из себя хоть что-нибудь представляет, а просто потому, что располагаем достаточным временем для использования даже такого несовершенного существа. Первые представители племени дриггов прибудут сюда не раньше чем через полтора месяца, а у Ли уйдет всего лишь месяц на то, чтобы добраться до этого спутника Юпитера, Европы, на борту одного из земных примитивных пассажирских лайнеров. К счастью, ближайшая галактическая военная база находится на расстоянии трех месяцев пути, даже в быстроходных галактических звездолетах. А в заключение, — с ошеломляющей, поистине тигриной быстротой дригг развернулся всем телом к Ли, глаза его были похожи на огнедышащие жерла вулканов, — в заключение, я хочу, чтобы вы понесли небольшое наказание за ту ошибку, что вы совершили, вознамерившись обмануть нас, и за ваши предыдущие — и притом умышленные — проступки!

Ли в отчаянии отпрянул от металла, сверкнувшего в руке мужчины. Мышцы его предельно напряглись в последней попытке хоть что-нибудь сделать. Он метнулся к рекордеру — но что-то подхватило его тело. Что-то — нематериального свойства. Но боль, причиненная им, казалась совершенно убийственной.

Вспышки света видно не было, только сияние вокруг металлического предмета. Но нервы у Ли оказались растерзаны; чудовищные силы сдавили ему горло, он стал за-

дыхаться. И, наконец, все его естество с радостью встретило тьму, милостиво окутавшую его сознание, прекратив эти адские мучения.

ГЛАВА VI

На третий день путешествия спутник Европа начал уступать часть небосвода необозримой громадине Юпитера позади себя. Двигатели, которые до этого трансформировали гравитационное притяжение в весьма вялое отталкивание, теперь делали ход грузовика все более плавным по мере удаления от гиганта Юпитера.

Старый тихоходный грузовичок торопился как можно глубже погрузиться в бездонную, обволакивавшую его ночь; дни на борту его лениво складывались в недели, недели вяло слились в месяц.

На тридцать седьмой день ощущение замедления стало столь заметным, что Ли понуро сполз со своей койки и вяло проскрипел:

— Ну, сколько еще?

До него дошло, что твердокаменное лицо космического извозчика ухмыльнулось. Этого человека звали Хэнарди.

— Мы сейчас начали подтягиваться. Путешествие не из приятных, не так ли? — спросил он с грубоватым добродушием. — Более трудное, чем вы себе представляли, когда предлагали мне контракт на эту небольшую прогулку для вашего крупного синдиката?

Ли едва его слушал. Он прильнул к иллюминатору, напряженно всматриваясь в черноту. Поначалу в стекле ему виделись только его собственные время от времени мигающие глаза и ничего более. Наконец его затуманенному взору удалось различить крупинки звезд и какие-то движущиеся огоньки. Он начал считать их, присутствие здесь этих движущихся огоньков немало его озадачило.

— Один, два, три... семь, — насчитал он. — И все перемещаются синхронно.

— Что это там? — Хэнарди склонился к иллюминатору рядом с ним. — Семь?

Какое-то непродолжительное время они оба молчали, наблюдая, как огоньки становились все более тусклыми, пока совсем не пропали из виду.

— Как жаль, — осмелился предположить Ли, — что Юпитер находится позади нас. В его тени они не потухли бы столь быстро. Какой из их является метеоритом Унгарна?

Его удивило, что Хэнарди продолжает стоять, как вкопанный. Суровое лицо шкипера помрачнело.

— Это корабли, — медленно произнес Хэнарди. — Как я полагаю, новые корабли полицейского патруля. И, наверное, мы смотрели на них под непривычным углом зрения, вот почему они исчезли так быстро.

* * *

Ли украдкой глянул на суровое лицо пилота: он тут же отвернулся, потому что боялся прочесть в его глазах подтверждение жутких, самых дурных своих предчувствий.

Дригги! Два с половиной месяца накрутилось в изматывающе медленном течении потока времени с того дня, как были совершены зверские убийства. Более месяца ушло на то, чтобы добраться с Земли до Европы, да еще теперь вот это тоскливое путешествие с Хэнарди, человеком, который перевозил грузы для Унгарна.

В его новой психограмме как Наблюдатель был идентифицирован именно профессор Унгарн. Кроме того, в его психограмме имелись данные, источником которых могли быть только эмоциональные переживания, связанные с Патрицией. И вот он летит к Наблюдателю и его дочери...

А теперь появились эти чудовища. Дригги в семи звездолетах! Это означало, что первый дозор — Джил и Мерла — получил мощное подкрепление. И, вполне возможно, эти семь тоже были лишь разведывательным отрядом, скрывавшимся из виду при приближении Хэнарди.

Может быть, эти фантастические убийцы уже атакуют базу Наблюдателя. Не исключено, что девушка...

Он отогнал от себя ужасную мысль и хмуро наблюдал за тем, как метеорит Унгарна прочерчивает тусклый, едва

мерцающий штрих в черноте сбоку от них. Два предмета, корабль и эта мрачная бесформенная глыба из метеоритного железа, притягивались друг к другу в кромешной тьме.

В скале, отодвинувшись в сторону, открылась огромная стальная дверь. Искусно маневрируя, маленький корабль шмыгнул в пробел. Раздался громкий лязг, после чего из рубки вышел Хэнарди, лицо его было еще более мрачным, чем обычно.

— Эти чертовы корабли снова показались, — сказал он. — Я закрыл за собою огромный стальной шлюз, но лучше сказать о появлении этих кораблей профессору, пусть...

Трах!!! Все затряслось. Упал на вздыбившийся пол, весь похолодев, несмотря на те мысли, что страшным огнем обжигали его рассудок: по какой-то причине вампиры поджидали, пока грузовик не окажется внутри. Затем стремительно, яростно, напали на метеорит.

Настоящей волчьей стаей!

— Хэнарди! — раздался из громкоговорителя дрожащий голос девушки.

Пилот приподнялся с пола, на который он повалился вместе с Ли.

— Слушаю, мисс Патриция.

— Вы осмелились привести с собой незнакомца!

— Это всего лишь репортер, мисс; он опишет в газетах подробности моей здешней работы.

— Вы самодовольный глупец! Это Уильям Ли. Он загипнотизированный этими дьяволами шпион; дьяволами, что сейчас на нас нападают. Приведите его немедленно ко мне. Его нужно тотчас же убить.

— Ха! — начал было Ли, но осекся.

Потому что пилот пристально глядел на него, прищуря глаза; все его простоватое дружелюбие исчезло с сурового, жесткого лица. В конце концов Ли заставил себя рассмеяться, смех получился отрывистым, нервным.

— Не думайте, что я дурак, Хэнарди. Я совершил уже однажды ошибку, спасая жизнь этой юной леди, и с тех пор она возненавидела меня.

— Значит, вы с нею были знакомы раньше, так? — Хэнарди исподлобья глядел на Ли. — Вы мне не расска-

зывали об этом. Вам, пожалуй, лучше пройти со мною, не то мне придется применить силу.

Он весьма неуклюже вытащил пистолет из кобуры у себя на боку и направил его зловещее дуло на Ли.

— Пошли! — скомандовал он.

* * *

Хэнарди протянул руку к крохотному щитку со множеством сигнальных лампочек, смонтированных непосредственно перед бронированной дверью в комнату Патриции Унгарн — Ли одним броском бросился к нему и нанес сокрушительный удар. Он подхватил тяжелое тело коротышки-пилота в момент его падения, вырвал из его рук пистолет и опустил тяжеленный этот вес на пол коридора, после чего затаился перед дверью на какое-то мгновенье, как огромный зверь, прислушиваясь к звукам за дверью.

Тишина! Он осмотрел панели, которыми была облицована дверь в комнату, как будто было достаточно одного его яростного, непреодолимого желания для того, чтобы проникнуть сквозь золотистую, украшенную затейливыми узорами дверь.

И именно тишина больше всего поразила Ли после нескольких тягучих мгновений такой напряженной настороженности, как и пустота этих длинных, напоминающих туннели, коридоров. Неужели действительно, с удивлением подумал он, отец и дочь живут здесь сами, без слуг и вообще без какого-либо общения с другими человеческими существами? И они отдают себе ясный отчет в том, что в состоянии противостоять нападению могущественных и коварных дриггов?

Здесь у них, разумеется, все в изобилии; земная сила тяжести и... ей-Богу, ему лучше дать деру до того, как девушкой завладеет нетерпение, и она сама выйдет наружу с каким-нибудь своим таинственным оружием. То, что ему нужно совершить, в общем-то сущий пустяк, нечто совсем простое, не связанное с такой чепухой, как шпионаж, гипноз или что-нибудь в таком же духе.

Он должен отыскать этот гибрид автомобиля и космического корабля, в котором мистер Патрик ускользнул от

него в ту ночь, когда они покинули ресторан "У Константина", и с помощью этого крошечного корабля попытаться улизнуть с метеорита Унгарна, прорваться незамеченным через цепь кораблей дригтов и направиться назад, на Землю.

Каким же был он глупцом, самым заурядным человеческим существом, затесавшись в такую опасную компанию! Мир полон нормальных, милых и простых девчонок. Какого же черта не женился он на одной из таких девушек, теперь чувствовал бы себя в полнейшей безопасности — так вот на тебе, нашел на свою голову такие приключения!

Теперь ему предстояло немало помучиться, волоча тяжелого Хэнарди по гладкому полу коридора. На полпути к ближайшему повороту пилот зашевелился. Мгновенно Ли совершенно хладнокровно огрел его рукояткой пистолета, огрел изо всех сил. Сейчас не такое время было, чтобы миндальничать.

Пилот снова грузно осел на пол. Остальное было совсем не сложным. Он бросил тело, как только затащил его за угол, чтобы его не было видно, и опрометью бросился по коридору, пробуя все попадающиеся на пути двери. Первые четыре открыть не удалось. Возле пятой он приостановился, обдумывая положение.

Не может быть, чтобы все здесь было заперто на замок. Двое людей на столь уединенном метеорите не станут ходить по своей обители, непрерывно отпирая и запирая дверные замки. Обязательно должно быть здесь у них нехитрое приспособление, дающее доступ внутрь любого помещения.

И такое в самом деле отыскалось. Пятая дверь легко поддалась, благодаря простому нажатию на крохотную, полуутопленную кнопку, которая казалась неотъемлемой частью орнамента на наружной поверхности двери. Ли прошел внутрь, но тут же отпрянул назад, как будто пораженный молнией.

В помещении не оказалось потолка. Над головой был только... беспредельный космос. На него дохнуло потоком холодного как лед воздуха.

На мгновение перед его взором мелькнули гигантские машины, находившиеся в этом помещении, машины, весь-

ма отдаленно напоминающие оборудование ультрасовременной обсерватории на Луне, где он побывал по случаю дня ее открытия несколькими годами ранее. Этот один мимолетный взгляд был единственным, что мог себе позволить Ли, после чего снова метнулся в коридор. Дверь в обсерваторию захлопнулась автоматически прямо перед его носом.

Весь похолодев, он замер. Идиот! Да ведь один только факт, что в лицо ему дохнуло холодным воздухом, свидетельствовал о том, что эффект отсутствия потолка был всего лишь иллюзией, создаваемой невидимым куполом из прозрачного стекла. Боже праведный, да ведь в этом помещении могли находиться волшебные телескопы, с помощью которых можно изучать самые далекие звезды. Он мог бы наблюдать атакующих дриггов!

Ли отогнал от себя подальше искушение заглянуть в это помещение еще раз. Сейчас нельзя отвлекаться. Ибо к этому времени девушка уже точно должна была догадаться, что случилось нечто непредвиденное.

* * *

Пустившись во всю прыть, Ли подбежал к шестой двери. Она легко отворилась — и Ли увидел небольшое, довольно-таки уютное помещение. Не сразу он догадался, что это такое.

Кабина лифта!

Он быстро забрался в нее. Чем дальше он удерет от жилого этажа, тем меньше вероятность быстрого его обнаружения.

Он обернулся, чтобы притворить за собой дверь, и обнаружил, что она закрывается автоматически. Створки сомкнулись с легким щелчком; кабина лифта сразу же начала подниматься. Мучительные сомнения охватили Ли. Механизм, по-видимому, отрегулирован так, чтобы доставлять пассажиров в некоторое вполне определенное место. И именно это, безусловно, было самым плохим в данной ситуации.

Ли стал шарить взглядом в поисках органов управления, однако их совершенно не было видно. И когда лифт

остановился, Ли стоял угрюмый и встревоженный, с пистолетом наизготовку. Дверь отворилась.

Ли чуть высунул голову. Снаружи никакого помещения не оказалось. Дверь отворилась — в черную пустоту.

Но это была не пустота космоса с его бесчисленными звездами. Или пустота темной комнаты, которая должна была бы хоть на какую-то свою часть открыться взору Ли благодаря освещению из кабины лифта. Нет, это была просто черная пустота.

Абсолютно непроницаемая!

Ли осторожно вытянул наружу руку, надеясь ощутить какой-нибудь твердый предмет. Но рука его, оказавшись в черном пространстве, просто исчезла. Он отдернул ее назад и теперь с ужасом на нее глядел. Ибо она теперь сама по себе светилась, просвечиваясь так, что отчетливо видны были даже кости.

Свечение это быстро погасло, кожа на руке снова стала непрозрачной, но теперь вся плоть ее пульсировала от пронизывающей ее, волнами накатывающейся боли.

Ужасная в своей четкости мысль пришла ему в голову: это вполне могло быть смертной камерой. Ведь лифт специально привез его именно сюда — действие его совсем не обязательно должно было быть автоматическим. Им могли управлять дистанционно какие-то внешние силы. Он, правда, ступил в кабину лифта по своей доброй воле, но...

Дурак! дурак! Он горько рассмеялся, и в этот момент...

Из пустоты прямо ему в лицо сверкнула яркая вспышка. Нечто ярко блеснувшее, вполне материальное проложило огненную дорожку к его лбу — и втянулось внутрь его черепа. После чего...

Он уже не находился в кабине лифта. По обе стороны от него простирался длинный коридор. Коренастый Хэнарди только-только потянулся рукой к крохотным огонькам на табло у двери в комнату Патриции Унгарн.

Пальцы его прикоснулись к одной из сигнальных лампочек. Она несколько пригасла, дверь быстро отворилась. Внутри стояла молодая женщина с гордым, вызывающе дерзким взглядом и осанкой королевы.

— Отец хочет, чтобы вы спустились на Четвертый уровень, — сказала она Хэнарди. — Вышел из строя один из

энергетических экранов и, как полагает отец, надо произвести кое-какие ремонтные работы вручную прежде, чем он сможет установить другой экран.

Она повернулась к Ли. В тоне ее голоса зазвучал металл, когда она произнесла:

— Мистер Ли,. извольте пройти внутрь!

* * *

... Самым удивительным было то, что он повиновался, не испытывая особого беспокойства. Его щеки ласкал прохладный ветерок, где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. Ли стоял неподвижно, ошеломленный чудесами, которыми его встретила комната Патриции Унгарн, видом ярко освещенного зимнего сада, размещавшегося за огромными, до самого пола, окнами, и чем-то еще, чего он пока не мог ясно осознать.

Что все-таки произошло с ним?

Он осторожно приложил руку к голове и удостоверился, что и лоб, и вся голова его находится там, где им и положено быть. Ничего необычного он не обнаружил, не было ни боли, ни даже какого-либо особого замешательства. Затем он почувствовал, что девушка пристально за ним наблюдает, а вслед за этим пришло и понимание того, что все его жесты и действия должны ей казаться странными.

— Что это с вами случилось? — спросила девушка.

Ли тут же бросил в ее сторону взгляд, полный самых мрачных подозрений, и прохрипел отрывисто:

— Не стройте из себя святую простоту. Я побывал в комнате с черной пустотой и вот что хотел бы сказать без обиняков: если вы собираетесь меня погубить, то нечего прятаться под сенью искусственной ночи и прибегать к другим хитростям.

Он увидел, что глаза девушки сузились, стали неприятно холодными.

— Не знаю, о чем это вы говорите, — ледяным тоном произнесла она. — Но заверяю вас, это нисколько не отсрочит смерть, которой мы вынуждены вас подвергнуть.

...Она помолчала несколько секунд в нерешительности, затем подозрительно спросила:

— В какой это комнате вы побывали?

Ли угрюмо объяснил ей. Его поразило ее изумление, но скоро на лице ее появилась высокомерно-презрительная усмешка. Она грубо оборвала его рассказ.

— Никогда не слышала ничего более несуразного. Если вы действительно намеревались ошеломить меня и тем самым отсрочить свою смерть, то вам это не удалось. Вы определенно рехнулись. Вы совсем не лишали сознания Хэнарди, когда я отворила дверь, Хэнарди там стоял как ни в чем не бывало, и я отослала его вниз к отцу.

— Послушайте! — начал было Ли, но растерянно замолчал. Боже ты праведный, как же все-таки мог там очутиться Хэнарди, когда она открыла дверь?

Ведь чуть раньше...

Чуть раньше он ударил Хэнарди и отволок его за угол. А затем он — Ли — поднялся вверх в кабине лифта, после чего, каким-то не понятным для него образом, снова оказался здесь же, на том же самом месте у двери в комнату девушки...

Он снова схватился за голову. Все было совершенно нормально. Только, отметил он про себя, было теперь внутри нечто, что вошло в его голову, ярко сверкнув.

Нечто...

С испугом он увидел, что девушка откровенно вызывающе вытаскивает пистолет из кармана своего простого белого платья. Мысли его смешались, осталось только четкое понимание того простого факта, что сообщение о черной комнате все-таки дало ему отсрочку, пусть хоть всего на несколько минут. Решимость девушки явно была поколеблена, может быть, каким-нибудь образом...

Смутная надежда не успела до конца сформироваться в его сознании. Не мешкая, он произнес:

— Я осмелюсь предположить, что вы действительно поражены моими словами. Давайте начнем все с самого начала. Такая комната здесь имеется, верно?

— Ради Бога, — устало произнесла девушка, — давайте откажемся от ваших логических построений. Мой коэффициент развития интеллекта равен двумстам сорока трем, — ваш только сто двенадцати. Поэтому, должна вас заверить, я вполне в состоянии понять с первого раза все, о чем бы вы ни рассказывали.

И она добавила.

— Здесь нет комнаты с "черной пустотой", как вы ее называете, и нет ничего сверкающего, что могло бы проникнуть в голову человека. Не подлежит сомнению только один факт: дригги во время своего визита в ваш номер в гостинице загипнотизировали вас, и эта фантастическая иллюзия может быть только следствием этого гипноза — не спорьте со мною...

Совершенно недвусмысленным резким жестом своего пистолета она оборвала его попытку возразить ей.

— Нет времени. По каким-то, остающимся для меня пока что невыясненными, причинам дригги что-то с вами сделали. Но с какой целью? Что вы увидели в тех помещениях, что могло бы их заинтересовать?

* * *

Даже во время рассказа Ли об увиденном его мозг продолжал лихорадочно работать: мне нужно полностью овладеть собой, окончательно решил он, составить план действий, каким бы рискованным он ни был, и приняться за его осуществление. Цель была труднодостижимой, но она ясно сформировалась в его уме, когда он, повинуясь жесту девушки, вышел впереди нее в коридор. Непреклонная решимость все больше овладевала им, пока он отсчитывал двери от угла, где он совсем недавно оставил валявшегося без сознания Хэнарди.

— Раз, два, три, четыре, пять! Вот эта дверь!

— Откройте ее! — Девушка сделала красноречивый жест.

Ли повиновался, и у него отвисла челюсть. Он глядел на прекрасно обставленную уютную комнату, заполненную рядами стоящих друг на друге полок с книгами в роскошных переплетах. В ней было несколько удобных кресел, великолепный ковер на полу и...

Девушка плотно прикрыла дверь и — он задрожал, ощущая весь ужас предоставлявшейся ему возможности — пошла впереди него дальше, к шестой двери.

— А вот это ваш лифт?

Ли безмолвно кивнул и едва уже удивился, когда обнаружил, что не было за шестой дверью никакой кабины

лифта, а взору его открылся длинный, пустынный коридор, в котором царила полнейшая тишина.

Девушка стояла вполоборота к нему, и, если он сильно ее ударит, тело ее больно стукнется о дверной косяк и...

Осознание отвратительности этой мысли остановило машинально напрягшиеся его мускулы, удержало их на какую-то долю секунды — но этой доли секунды оказалось достаточно для того, чтобы девушка резко повернулась к нему и посмотрела ему прямо в глаза.

Пистолет ее поднялся, дуло его не дрожало.

— Забудьте о сопротивлении, — спокойно сказала она. — На какое-то мгновенье мне захотелось, чтобы у вас хватило духу хотя бы попытаться что-либо предпринять, чтобы спастись. Но это было всего лишь проявлением мимолетной слабости с моей стороны. — Глаза ее сияли неистовой гордыней. — Ведь я убивала прежде только по необходимости и ненавидела это. Вот и теперь, вы сами прекрасно понимаете — это совершенно необходимо из-за того, что с вами сделали дригги. Так что... — слова ее начали хлестать воздух, как удары бича, — ... теперь назад, в мою комнату. У меня там имеется шлюз, через который я выброшу ваш труп в космос. Ступайте!

* * *

Мертвая тишина, нарушаемая только негромкими звуками каблуков Ли и его мучительницы — вот что особенно подавляло Ли, когда он, потеряв уже всякую надежду, волочился в комнату девушки. И действительно, было от чего пасть духом — ведь он находился внутри метеорита, слепо несущегося сквозь безмолвный космос на дальней окраине Солнечной системы, метеорита, преследуемого и атакованного смертоносными звездолетами дриггов — этих пришельцев из далеких глубин Галактики, — а самому ему вынесен смертный приговор, и совсем недолго осталось ждать, когда эта девушка — Патриция Унгарн — приведет его в исполнение...

Это-то обстоятельство и лишало его решимости что-либо предпринять ради своего спасения. Он никак не мог заставить себя поднять руку на женщину. Даже возражать этой бессердечной молодой особе ему было неприятно, ведь он понимал, что имеет при этом жалкий вид.

Пение птиц, как только он переступил порог комнаты девушки, заставило его встрепенуться, пробудив угасший интерес к жизни. Охваченный восхищением, он подошел к огромному окну и стал любоваться восхитительным цветущим садом.

Перед ним простирался по меньшей мере целый гектар зеленого чуда: здесь росли прекрасные цветы и деревья; птицы яркой раскраски весело порхали с ветки на ветку и выводили мелодичные трели; широкий и глубокий пруд поблескивал зеленой водой, а над всем этим — буйство ослепительно яркого солнечного света.

Он долго стоял, едва дыша, обдумывая свое положение. Наконец, не оборачиваясь, произнес негромко:

— Крыша — это хитроумно смонтированные увеличительные стекла. Именно они делают Солнце здесь таким же большим, как на Земле. Если это...

— Вам лучше бы повернуться ко мне лицом, — раздался враждебный, резкий голос позади него. — Я не стреляю людям в спину. А я хочу как можно побыстрее покончить с этим.

Лицемерное самодовольство ее слов привело его в бешенство. Он быстро обернулся и разразился яростным потоком слов.

— Вы мерзкая ничтожная клаггианка, вы неспособны выстрелить мне в спину — вот как! И вы, по всей вероятности, не станете стрелять в меня, если я на вас наброшусь, потому что это будет проявлением слабости с вашей стороны. Все должно делаться в согласии с вашей так называемой совестью.

Только сейчас он взглянул прямо на Патрицию Унгарн внимательным взглядом, в первый раз с момента своего прибытия на метеорит, и поток его злых слов сразу иссяк. Он был столь поглощен всякими страшными мыслями, что был не в состоянии...

... увидеть в ней женщину.

Ли глубоко вздохнул. В мужской одежде она была загадочно красива, но несколько инфантильна. Теперь на ней было простое белоснежное короткое платье, не доходившее до колен, и белые сандалии.

Волосы у нее были темно-каштановые, блестящие, они каскадом ниспадали ей на плечи. Голые руки и ноги отличались темным здоровым загаром. Лицо...

Оно было необыкновенно красивым, но его портило выражение гнева. Точеные щеки ее пылали. Девушка пыталась осадить его.

— Не смейте со мной так разговаривать!

Она явно была вне себя. Ярость ее была столь беспредельной, что сразу вызвала ответную реакцию Ли.

— Клагги! — крикнул он. — Жалкие клагги! Вы ведь понимаете, что дригги отшлепали вас, как младенцев, как животных низшего порядка, переплюнули вас по всем статьям, что ваши претензии на могущество были просто характерными для вашего много о себе возомнившего клаггианского ума средствами компенсации за ту унылую, тоскливо-одинокую жизнь, которую вы обречены здесь вести вследствие вашего не очень-то высокого, по сравнению с остальными галактиками, умственного развития. Вам просто необходимо постоянное самоутверждение, а между тем вы не должны забывать о том, что только второстепенных в умственном отношении существ отправляют на столь удаленные форпосты. Поэтому там оказываются именно клагги, даже не леннелиане; женщина-дригг оценила вас ниже леннелианки, и она знала, что говорила. Ибо если коэффициент развития интеллекта двести сорок три, то у дриггов — более четырехсот. И вы понимаете это тоже. Разве не так?

— Замолчите! Или я убью вас, и смерть ваша будет невообразимо мучительной! — крикнула Патриция Унгарн.

Ли поразило, что она при этом побелела как полотно. Неужели он все-таки задел ее за живое, точно попал в эмоциональную ахиллесову пяту этой странной и страшной женщины?

— Вот так, — умышленно произнес Ли, — высшие соображения нравственности уже уходят на второй план. Теперь вы можете замучить меня до смерти, не испытывая

каких-либо угрызений совести. Подумать только, я пришел сюда просить вас выйти за меня замуж, вбил себе в голову, что клаттианка и человек могут неплохо поладить.

— Вы что? — изумленно воскликнула девушка, затем высокомерно фыркнула. — Так вот в чем заключается гипноз дриггов! Они всегда прибегают к помощи самых примитивнейших побуждений, когда имеют дело с простодушными человеческими существами. Но теперь, как мне кажется, мы уже вдоволь наговорились. Мне теперь известен образ мышления особей мужского пола человеческой породы, когда они влюблены, однако даже понимание того, что вы совершенно в этом не виноваты, не делают его для меня хоть в малейшей степени приемлемым. Я испытываю к вам отвращение, я оскорблена до глубины души. Должна вам сказать, что мой будущий муж прибывает вместе с подкреплением через три недели. Он будет стажироваться для того, чтобы принять у моего отца его обязанности здесь и...

— Еще один клагг? — иронически произнес Ли, и девушка от этих его слов побледнела еще сильнее.

* * *

Ли не мог прийти в себя. За всю свою жизнь он не встречал существа, подобного этой юной девушке. Интеллектуальная маска была сброшена, а под нею бурлящая масса эмоций одинокого и ожесточенного человека. В их разговоре она подвергала мучительнейшей пытке не только его, но и себя саму.

А он уже никак не мог остановиться, ему было не до жалости, ибо ставка была его жизнь, и только он мог еще хоть сколько-нибудь отсрочить свою гибель, а может, и наоборот, — разъярить эту девушку до такой степени, что она уже не сумеет более сдерживать свое бешенство и разрядит в него свое смертоносное оружие. Рискуя, он продолжал все так же угрюмо вколачивать гвозди в душевные раны девушки:

— Мне хочется задать вам вот какой вопрос. Каким это образом вам удалось выяснить, что мой КРИ равен ста двенадцати? Какие особые преимущества дает вам это знание? Возможно ли такое, что у вас самих, воспитанных в

здешних суровых условиях, выработался особый склад ума, и по этой причине, хотя ваш интеллект и отвергает саму идею столь низкой, недостойной вас любви, именно ее наличие является главной скрытой пружиной столь фантастической вашей решимости уничтожить меня, а не освободить от гипноза, которому меня подвергли дригги? Я...

— Вот именно, — перебила его Патриция Унгарн.

Несколько коротких секунд хватило девушке, чтобы полностью совладать с обуревавшими ее эмоциями. С нараставшей тревогой Ли внимательно следил за тем, как пистолетом своим она показывала в сторону двери, которую он раньше не заметил.

— Мне кажется, — отрывисто бросила девушка, — есть и другое решение, кроме вашего уничтожения. То есть, немедленной смерти. И я решила смириться с вытекающей отсюда потерей моего космического корабля. — Она кивнула в сторону двери. — Он там, в воздушном шлюзе. Управление им крайне простое. Поворот штурвала в нужную сторону или соответствующий его подъем, или опускание. Для того, чтобы тронуться с места, достаточно нажать на педаль акселератора. Для торможения предназначена левая педаль. Автомобильные колеса складываются автоматически, как только отрываются от поверхности. А теперь — в путь! Вряд ли мне стоит предупреждать вас о том, что дригги, по всей вероятности, изловят вас. Но здесь вы не можете оставаться в любом случае. Это очевидно.

— Спасибо! — Это было все, что Ли позволил себе высказать.

Эмоциональная энергия его иссякла, и он не в силах был больше ни единым словом подгонять ход событий. Здесь существовала какая-то чудовищная психологическая тайна, но не ему было ее выяснять.

Неожиданно теперь для самого себя потеряв большую часть прежней уверенности в себе вследствие понимания уготованной ему судьбы, он робко направился к воздушному шлюзу. И тогда...

ЭТО случилось!

Его охватил приступ головокружения. Все поехало перед его глазами, будто по взмаху чьей-то невидимой

палочки яркий свет комнаты сменился непроглядной тьмой и...

Он обнаружил себя стоящим в коридоре перед дверью в комнату Патриции Унгарн. Рядом с ним стоял Хэнарди. Дверь отворилась. Молодая женщина, стоявшая за нею, обратилась к Хэнарди со странно знакомыми словами, велев ему спуститься на Четвертый уровень, чтобы отремонтировать энергетический экран. Затем она повернулась к Ли и голосом суровым, металлическим, произнесла:

— Мистер Ли, извольте пройти внутрь.

ГЛАВА VII

Самым удивительным было то, что он повиновался, не испытывая особого беспокойства. Его щеки ласкал прохладный ветерок, где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. Ли стоял неподвижно с ясным осознанием того, что с ним произошло. Все вдруг всплыло в воспоминаниях: то, как дриги вторглись в его гостиничный номер и безжалостно принудили его покориться их воле, то, как подействовала на него "черная пустота" и как девушка подарила ему жизнь.

Очевидно, по какой-то причине сцена с девушкой перестала удовлетворять Джилла, и теперь все начиналось сначала с определенной точки.

Поток воспоминаний иссяк. На смену ему пришло ощущение, что в голове его засело НЕЧТО, чему разум его инстинктивно противодействовал. Результатом этой борьбы была полная и мучительная для его восприятия окружающая действительность. Было такое впечатление, что в его собственной голове, за его лихорадочными попытками осмыслить реальность кто-то осуществляет холодное, беспристрастное наблюдение, словно со стороны.

Наблюдение...

Едва не обезумев от охватившего его бешенства, он все-таки понял, что это было! Чужой разум!

Окончательно обессилев, он продолжал стоять у двери. А поселившийся в его мозгу разум продолжал оставаться там, под черепом землянина Ли, как ни в чем не бывало.

Что же это все-таки с ним произошло?

Дрожащими руками Ли притронулся ко лбу, затем провел ладонями по всей голове. Где-то, на самой периферии сознания мелькнула шальная мысль — что если он надавит...

Он отдернул руки от головы, яростно выругавшись про себя. Будь он трижды проклят, но он точь-в-точь повторял все свои действия в предыдущей сцене. Только теперь до него дошло, что девушка смотрит на него в упор. Услышал ее слова.

— Что это с вами случилось?

Именно точь-в-точь те же самые слова, даже та же самая интонация, с которой они были произнесены, все это вместе взятое и сотворило чудо. Он кисло улыбнулся. Его собственный, не чужой ум поднялся из бездны, где он до сих пор беспомощно барахтался.

К нему вернулась способность совершенно нормально мыслить.

И сразу же пришло грустное понимание того факта, что ему все еще далеко до полной ясности в мыслях, он был слишком подавлен, чтобы четко анализировать реальность. Единственное, что было для него очевидным, — это то, что девушка ничего не помнила о предыдущей сцене, иначе она бы не повторяла, как попугай, одни и те же слова. Она бы...

И тут нормальный ход его мыслей прервался. Потому что произошло нечто совсем уже странное. Чужой разум внутри его мозга зашевелился и выглянул наружу через его — Ли — глаза. И стал внимательно наблюдать и оценивать окружающее, исполненный решимости действовать.

* * *

Комната и девушка в ней изменились, не по сути своей, но в различных деталях, на которые он сразу же обратил внимание.

Мебель и все убранство комнаты, которые за мгновение до этого казались ему верхом художественного совершенства и безупречного вкуса, неожиданно оказались в изъянах.

Взор его устремился дальше, в зимний сад. Даже одного беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить его многочисленные несовершенства.

Нельзя было сказать, что и обстановка комнаты, и устройство зимнего сада были столь уж безнадежно плохими. Подлинный художественный вкус — вещь чрезвычайно тонкая. Однако теперешним своим умом он сразу же понял, что именно в этом зимнем саду птицы совершенно не уместны, они не соответствовали своему окружению вследствие почти доброго десятка самых различных причин! Кустарники также совсем не добавляли гармонии саду, диссонируя с другими растениями.

Ли отвлекся от созерцания зимнего сада и только теперь, впервые после того, как вошел сюда, внимательно присмотрелся к девушке.

Пожалуй, за всю историю человечества никогда еще никакая другая женщина не подвергалась столь суровому критическому разбору. Строение ее тела и черты лица, которые еще несколько минут тому назад казались Ли столь совершенными, столь величественно благородными и небесно возвышенными, теперь поразили его своей ущербностью.

Его взору предстал образчик вырождения — вследствие уединенного образа жизни, оторванности от других себе подобных.

Вот что пришло ему на ум, и в этом его выводе не было высокомерия или чего-либо унизительного для девушки. Это было простой констатацией факта умом, трезвым в своих оценках, умом, способным улавливать мельчайшие обертоны, тончайшие намеки на существование совсем иной реальности за внешней блестящей поверхностью, тысячи различных мельчайших подробностей, которые мгновенно складывались — притом на подсознательном уровне — в цельную картину.

А затем пришло понимание высшей цели! Немедленно же осуществленной!

Ли быстро подошел к девушке. Он увидел, как она выхватывает пистолет из кармана, как на лице ее проступает выражение полнейшего изумления... После чего он схватил ее.

Мускулы ее перекатывались под его пальцами как стальные пружины. Но сопротивление ее было тщетным,

она не в состоянии была устоять перед появившейся у него сверхсилой и сверхбыстротой. Он связал ее каким-то обрывком провода, попавшегося ему на глаза в приоткрытом стенном шкафу для одежды.

Затем Ли отошел назад и только тогда уже своим собственным умом понял, что произошло. Невероятность содеянного до глубины души потрясла его, однако это продолжалось всего мгновение, он тут же снова ощутил в себе присутствие другого разума, сосредоточенно думавшего о том, что еще должно быть сделано прежде, чем метеорит окажется под полным его контролем.

Победа вампира казалась уже совсем близкой.

* * *

Ли сознавал, что идет по пустым коридорам и спускается вниз на несколько лестничных маршей. Смутная, едва различимая унылая мысль шевельнулась у него в голове, его собственная, личная мысль о том, что Джилу теперь до мельчайших подробностей известно внутреннее устройство метеорита.

Разуму, подселенному к нему дриггами, удалось использовать его, Ли, тело для того, чтобы тщательно обследовать это огромное, так напоминающее гробницу, место. А теперь, прекрасно осознавая свою цель, он направил свою нынешнюю оболочку — тело землянина Ли — в мастерские на Четвертом уровне, где профессор Унгарн и Хэнарди трудились над установкой экрана энергетической защиты.

Он обнаружил там одного Хэнарди, работающего на токарном станке, который издавал столь громкий скрежет, что это дало ему возможность незаметно прокрасться мимо него дальше.

Профессор находился в огромном помещении, где гигантские механизмы издавали ровное гудение, свидетельствовавшее об их титанической мощи. Это был высокий мужчина; когда Ли вошел, он стоял к нему спиной.

Однако он оказался неизмеримо быстрее, чем Хэнарди, быстрее даже, чем девушка. Он своевременно учуял опасность и обернулся с кошачьим проворством. И мгновенно стал жертвой стальных мускулов. Пока Ли связывал про-

фессору руки, он попытался проанализировать свои впечатления.

На фотографиях, которые видел Ли, величественно-благородное лицо профессора было отмечено печатью какой-то особой грусти, оно казалось очень усталым. В жизни же он производил впечатление сильного и энергичного человека.

Этот человек прямо-таки источал энергию, которую не могла зафиксировать никакая фотография, притом это была энергия добра в отличие от беспощадно жестокой, злобной энергии дриггов.

И лишь при более близком наблюдении за этой сильной личностью можно было разглядеть и ту усталость, что зафиксировали его фото. Усталость поистине космического масштаба. Ли припомнилось то, что ему говорила женщина-дригг, все именно так и оказалось. Его лицо прорезали глубокие морщины. Долгие, очень долгие душевные страдания наложили свой отпечаток на его внешность, выражавшую одновременно стоическое спокойствие, напоминавшее безропотное смирение и покорность судьбе.

Тем памятным вечером, пару месяцев тому назад, он спросил у женщины из племени дриггов — покорность перед чем? А вот теперь, здесь, на этом измученном, но таком бесконечно добром лице, он прочел ответ на тот свой вопрос. Покорностью перед злом, в котором он был обречен влачить свое жалкое — по галактической шкале ценностей — существование.

Однако неожиданно для него самого в его уме родился и совершенно иной ответ. Профессор и его дочь были существами умственно недоразвитыми. Они были галактическими недоумками, поскольку принадлежали к племени клаттов.

Мысль эта, казалось, возникла как бы ниоткуда, на пустом месте, ни на что логически не опираясь. Но она вызвала у Ли настоящую ярость. Профессор Унгарн и его дочь были существами умственно недоразвитыми по жесткой галактической шкале ценностей. Неудивительно, что девушка реагировала на все так, как будто она совсем потеряла голову. Да и было от чего потерять голову — рожденная и выросшая на метеорите, она, должно быть, толь-

ко два месяца тому назад начала догадываться об истинном своем положении.

Коэффициент развития интеллекта у людей, страдающих слабоумием, колеблется между семьюдесятью пятью и девяносто. Для клаттов — между двумястами и двумястами сорока тремя.

Двумястами сорока тремя! Какою же тогда была эта галактическая цивилизация, если у дриттов КРИ составлял не менее четырехсот?

Кому-то, разумеется, все равно нужно выполнять самую нудную, не требующую особого ума рутинную работу по поддержанию стабильности высокоразвитой цивилизации. И вот для выполнения именно этой роли и предназначены клатти, леннелиане и им подобные. Неудивительно, что вид у них как у идиотов, ведь бремя ощущения своего столь низкого, жалкого статуса непрерывно давит на их психику. Неудивительно, что целые планеты старались держать в неведении относительно такого факта...

* * *

Ли бросил профессора со связанными руками и ногами и начал один за другим отключать силовые выключатели. Некоторые из огромных двигателей заметно успели сбавить свою скорость, пока он выходил из этого силового отсека, где была сконцентрирована чудовищная мощность. Громкий гул, царивший здесь чуть ранее, явно поутих.

Оказавшись снова в комнате девушки, он вошел в воздушный шлюз, забрался в кабину крошечного автомобиля-звездолета — взмыл во тьму ночи.

Сверкавшая масса метеорита мгновенно растворилась в черноте позади него. Мгновенно же магнитные силовые линии подхватили его утлый кораблик и безжалостно потащили к пятидесятиметровой длины сигарообразному аппарату, что поблескивал во тьме.

Он ощутил импульсы следящих лучей и понял, что опознан, так как другой корабль серией вспышек подтвердил факт опознания.

Ворота воздушного шлюза бесшумно разомкнулись — и тут же сомкнулись. Трепеща всем телом, Ли глядел на двух дриттов — высокого мужчину и высокую женщину,

и как будто со стороны, откуда-то с очень большого удаления, услышал собственные пояснения в отношении того, что он проделал.

Как-то смутно задался он мысленным вопросом — почему вообще ему нужно что-либо объяснять? Затем услышал, как Джил произнес:

— Мерла, как это ни поразительно, но это самый успешный случай гипноза за все время нашего существования. Он проделал абсолютно все, что от него требовалось. Даже самые тончайшие замыслы, заложенные в его разум, осуществлены им поистине буквально. И вот доказательство — экраны отключены. Владея этой станцией, мы в состоянии продержаться и после прибытия галактических крейсеров — и наполнить таким количеством крови и жизненной энергии наши танкеры и корабли-аккумуляторы, что их хватит на десять тысяч лет вперед. Ты слышишь меня, на десять тысяч лет!

Его возбуждение наконец улеглось. Он улыбнулся и с холодной, горделивой улыбкой посмотрел на женщину. Затем продолжил:

— Дорогая, теперь тебя ждет вознаграждение. Мы могли бы взломать эти экраны и без пособничества землянина в течение ближайших двенадцати часов, но это означало бы полное разрушение метеорита. Наша победа куда более внушительна. Забирай своего репортера. Удовлетвори свою страстную жажду — пока все остальные будут готовиться к овладению метеоритом. Я его для тебя свяжу.

Поцелуй смерти, отрешенно подумал про себя Ли, весь похолодев от ожидающей его перспективы.

Только теперь он до конца осознал, что, сам того не ведая, совершил, и ужаснулся до самых глубин души...

* * *

Он лежал на кушетке, там, где его связал Джил. К своему удивлению, он почти сразу же обнаружил, что, хотя чуждый ему разум и притаился где-то в дальнем углу его мозга, сейчас он был самим собой, спокойным и непоколебимым, сохранившим ясность мысли. Его, несмотря ни на что, продолжало интересовать, какого рода наслаждение в состоянии испытать Джил, всем своим естеством ощущая

тот трепет, что охватил ожидающего своей неминуемой смерти Ли? Эти люди, разумеется, совершенно нормальны, и все же...

Его любопытство сникло, как трава под тепловым лучом, когда в комнату вошла женщина. Широко улыбаясь, она присела с ним рядом на край кушетки.

— Наконец-то ты здесь, — только и произнесла она.

Она была, отметил про себя Ли, как изготовившаяся к атаке тигрица. В каждом изящном мускуле ее стройного, вытянутого тела отчетливо просматривалась откровенная целеустремленность. С удивлением он обнаружил, что она сменила одежду. Теперь на ней было платье из блестящей тончайшей ткани, плотно облегавшее ее туловище, и оно поразительно цветом своим и фактурой материала было под стать ее золотистым волосам и точеному бело-мраморному лицу. Завороженный, он никак не мог оторвать от нее глаз. Машинально он повторил:

— Да, я здесь.

Глупые, ничего не значащие слова. Неожиданно ужас необыкновенно охватил его. И причиной тому были ее глаза. Впервые, с тех пор, как он увидел ее, глаза поразили его будто ударом молнии. Голубые глаза. И такие мертвенно неподвижные. Такие беспощадно жестокие.

Все тело его затрясло в ознобе, в голове мелькнула жуткая мысль: эта женщина по сути была живым мертвецом, жизнь ее поддерживалась искусственно кровью и жизненной энергией умерщвленных людей — множества мужчин и женщин.

Она улыбалась, но ее рыбьи глаза продолжали оставаться совершенно пустыми. Никакая улыбка не в состоянии была смягчить это холодное, хотя и прекрасное лицо.

— Мы, дригги, — стала рассказывать Мерла, — ведем жизнь суровую и бесконечно одинокую. Такую одинокую, что временами я задумываюсь: не является ли наша отчаянная борьба за существование совершенно бессмысленным, даже безумным занятием. В том, что мы такие, нет нашей вины. Беда пришла к нам во время межзвездного перелета, который совершался миллион лет тому назад. — Она помолчала некоторое время, не в силах совладать с отчаянием. — А может быть, это произошло в еще более отдаленные времена. Столь давно, что мы потеряли уже

счет времени. Мы были среди нескольких сотен туристов, попавших в зону гравитационного воздействия звезды, впоследствии названной Солнцем дриггов. Ее излучение, безмерно опасное для человеческого организма, поразило всех нас. Было обнаружено, что только непрерывное вливание свежей крови и перезарядка жизненной энергией других человеческих существ — только это одно может спасти нас. Какое-то время мы получали все это в порядке благотворительности. Затем власти решили уничтожить всех нас как безнадежно неизлечимых.

Все мы были тогда молоды, ужасно молоды; и все мы страшно любили жизнь, несколько сотен молодых людей, ожидавших исполнения приговора. Тогда у нас еще были друзья. Они помогли нам спастись бегством, и с тех пор мы отчаянно боремся за то, чтобы остаться в живых.

* * *

И все же он не мог испытывать сочувствия к ней, хотя она явно рассчитывала на такую ответную реакцию. Она нарисовала картину унылого, беспросветного существования внутри космических кораблей, где за стеклами иллюминаторов взору представала только никогда не прекращающаяся ночь, где вся жизнь была ограничена удовлетворением неутолимых, противоестественных потребностей их искалеченных гравитацией организмов, которые доводили до полного безумия рассудки дриггов, пораженных неизлечимым заболеванием, имя которому было — никогда не прекращающийся голод.

Но он слушал все это почти не испытывая никаких эмоций. Ибо женщина оставалась все такой же холодной; годы и дьявольская погоня за чужими жизнями отметили своей печатью ее душу, ее лицо, ее глаза.

Тело ее еще больше напряглось, когда она нависла над ним, наклоняясь все ближе и ближе к его лицу. Он уже ощущал ее медленное размеренное дыхание. И все же в глазах ее внезапно появился легкий намек на какой-то внутренний свет — все ее естество затрепетало, предвкушая удовлетворение своего вожделения. Когда она снова заговорила, то едва выдыхала слова:

— Я хочу поцеловать тебя, и нисколько не бойся меня. Я оставлю тебя живым, ты будешь жить еще много-много дней, но я должна почувствовать ответную реакцию, пассивность меня никак не устраивает. Ты холостяк, самое большее, лет тридцати. У тебя не больше чем у меня самой каких-либо ограничений морального свойства на сей счет. Единственное, что от тебя потребуется, — отдаться мне всем телом, отдаться добровольно.

Он не верил ушам своим. Лицо ее повисло всего лишь в каких-то шести дюймах над его лицом; и была такая свирепость едва уже сдерживаемого пыла в ней, что развязкой могла стать только смерть.

Ноздри ее расширялись с каждым вдохом, губы были поджаты, как будто она приготовилась целовать взасос, и они трепетали от столь необычного, неестественного желания, что было в этом что-то совершенно уже непристойное. Ни одна нормальная женщина, какою бы распущенной она ни была, пусть даже она и целовалась столь же часто, как приходилось это делать женщине-вампиру, — не могла бы испытывать подобное вожделение, если смерть возлюбленного должна была стать результатом ее поцелуев.

— Быстрее! — задыхаясь, уже выкрикнула она в нетерпении. — Отдайся мне, отдайся!

Ли едва способен был слышать. Тот, другой разум, что притаился в его мозгу, вдруг рванул его тело. Он услышал свой голос:

— Я тебе верю, верю. Я не в силах противостоять желанию. Целуй меня, целуй сколько угодно, целуй безумно. Я выдержу все...

Сверкнула вспышка, ощущение мучительного ожога пронизало каждый нерв его тела.

* * *

Первая волна мучительной боли сменилась целой серией менее интенсивных болевых ощущений, как будто крохотные иголки втыкались в тысячи различных мест его плоти. Со страшным звоном в ушах, корчась в своих путах, не веря, что он еще жив, Ли осмелился открыть глаза.

И ощутил, как на него нахлынула волна удивления.

Женщина лежала, обмякнув, прямо на нем. Он ощущал тяжесть ее тела, губы ее искривились в стремлении избежать прикосновения к его губам. А разум, тот вскипевший разум, что соседствовал с его умом, внимательно наблюдал — в данный момент за тем, как в комнату, не спеша, входит мужчина-дригг. Увидев безвольно лежащую Мерлу, Джил тут же метнулся вперед.

Он рывком поднял на руки ее неподвижное тело. Когда губы их встретились, синяя молния промелькнула от мужчины к женщине. Она в конце концов зашевелилась, застонала. Он стал грубо трясти ее.

— Ну и жалкая же ты дура! — буйствовал мужчина. — Как это ты могла допустить такое? Еще минута — и ты была бы мертвой, если бы я сюда не вошел.

— Я... ничего не... понимаю.

Голос у нее был слабый, болезненно немощный. Она грузно плюхнулась на пол у его ног, как обессилевшая старуха. Ее золотистые волосы беспорядочно разметались и теперь казались сильно поблекшими.

— Ничего не понимаю, Джил. Я пыталась взять у него жизненную силу, но он сам отобрал ее у меня. Он... — она замолчала, широко открыв свои голубые глаза, затем, шатаясь из стороны в сторону, поднялась на ноги. — Джил, он, должно быть, шпион галактов. Ни одно человеческое существо не могло бы проделать подобное со мною. Джил! — В голосе ее послышался нескрываемый ужас, — Джил, уходи из этой комнаты! Неужели ты ничего не понимаешь? Он вобрал в себя мою энергию. Сейчас он здесь лежит связанный, но кто бы ни контролировал его тело, он имеет в своем распоряжении мою энергию, он может с ее помощью...

— Ладно, ладно. — Он стал гладить ее пальцы. — Уверяю тебя, он всего лишь самый обычный человек. Воспользовавшись твоей слабостью, он подзарядился твоей энергией. Ты совершила ошибку в своем нетерпении к наслаждениям, и поток энергии пошел не тем путем. Но нужно еще обладать очень многими другими качествами, чтобы с успехом использовать человеческое тело против нас. Так что...

— Неужели ты так до сих пор ничего и не понял? — голос женщины сорвался. — Джил! Я обманута! Не знаю,

что это на меня нашло, но я оказалась не в состоянии пополнять свой запас жизненной энергии. У меня ее было много. Каждый раз, когда предоставлялась возможность во время наших четырех высадок на Земле, я тайком ускользала от тебя и ловила мужчин прямо на улицах. Не знаю даже, сколько точно, так как я растворяла их тела всякий раз после того, как с ними все было кончено. Помню только, что их были десятки. А он взял да и отнял у меня всю эту энергию, что я с таким трудом собирала, энергию, достаточную для существования не один десяток лет, достаточную — неужели ты этого не понимаешь — достаточную для НИХ.

— Дорогая моя, — дригг яростно потряс ее, как это делает врач с женщиной, бьющейся в истерике. — Вот уже миллион лет сильные галактического мира сего не обращают на нас никакого внимания и...

Тут он осекся. Продолговатое лицо его грозно нахмурилось. Он быстро повернулся, как встревоженный тигр, и выхватил свой пистолет. Мгновением раньше со своей кушетки поднялся Ли.

* * *

Ли-человек больше уже ничему не удивлялся — абсолютно ничему. Ни тому, как остолбенел дригг, встретившись с его взглядом. Потому что уже оправился он от первоначального потрясения, когда обнажилась перед ним во всей своей чудовищности истина его нынешнего положения.

— Сложившаяся сейчас ситуация существенно отличается от прежних, — произнес Ли голосом столь неожиданно громким, что сам вздрогнул. — На этот раз двести двадцать семь кораблей дриггов сосредоточены в весьма ограниченном пространстве. Остальные — в соответствии с данными, хранящимися в наших архивах, их всего лишь десяток, не больше, — мы можем, не особенно рискуя, оставить на попечение наших полицейских патрулей. — Великий Галакт, которым и был Уильям Ли, загадочно улыбнулся и направился к своим пленникам. — Нам наконец-то удалось осуществить полное расщепление личности, что само по себе является крупнейшим достижением. Но для

полного понимания случившегося нужно вернуться на три года в прошлое, когда наши манипуляторы времени указали на возможность уничтожения дриттов, которым до настоящего времени удавалось спасаться вследствие огромных размеров нашей Галактики.

Вот почему я прибыл на Землю и создал здесь личность человека по имени Уильям Ли, репортера, дополненную как семьей, так и историей предыдущей жизни. Для успешного осуществления такого опыта необходимо было поместить в особую секцию мозга примерно девять десятых собственного моего разума и уменьшить в той же пропорции собственный запас жизненной энергии.

Это было связано с немалыми трудностями. Как возвратить на свое место энергию в достаточном количестве в должное время, не выступая в роли вампира? Для этого мне пришлось соорудить количество тайных запасников энергии, но, естественно, все абсолютно предусмотреть мы не могли. Мы не в состоянии были предвидеть в мельчайших подробностях, что произойдет на борту этого корабля или в моем гостиничном номере в тот вечер, когда вы туда неожиданно нагрянули, или под рестораном "У Константина".

Кроме того, если бы я располагал полным запасом энергии, когда приближался к этому кораблю, ее могли бы зарегистрировать ваши охранные системы. В этом случае вы тотчас же уничтожили бы мой крошечный автомобиль-звездолет.

Поэтому прежде всего мне понадобилось отправиться на метеорит и восстановить первоначальный контроль над своим собственным телом при посредстве медиума, который мой земной "альтер эго" назвал "комнатой с черной пустотой".

Этот мой земной "альтер эго" доставил мне немало непредусмотренных хлопот. За три года он обрел значительную индивидуальность и появившиеся у него собственные мотивы поведения вызвали необходимость повторить эпизод с участием Патриции Унгарн и явиться ему в качестве еще одного, находящегося в том же мозгу разума, дабы убедить Ли, что он должен уступить. Остальное, разумеется, было уже только делом приобретения дополнительной жизненной энергии после вступления на борт вашего

корабля, которой, — тут он поклонился слегка в сторону груды обмякших мускулов, представлявших из себя женское тело, — весьма щедро снабдила меня она.

Я объясняю все это, исходя из допущения, что ваш разум смирится с полным контролем над вами только в том случае, если налицо будет четкое понимание факта вашего поражения. Я обязан, следовательно, в заключение уведомить вас о том, что вам осталось прожить еще несколько дней, в течение которых вы мне будете помогать в установлении личного контакта с вашими друзьями. — Жестом руки он дал знать дригтам, что они свободны. — Возвращайтесь к своему обычному существованию. Мне еще нужно окончательно скоординировать взаимодействие обеих моих личностей, а это совершенно исключает ваше дальнейшее присутствие.

Дригти покинули комнату, сделав это весьма проворно, глаза их ничего не выражали. Два разума в одном теле теперь наедине.

* * *

Ли, Уильям Ли с планеты Земля, постепенно окончательно оправился после первоначального потрясения. Помещение, в котором он находился, было каким-то необычайно унылым, все в нем наводило беспросветную тоску, словно глядел он на окружающее глазами, которые больше уже не были его собственными!

Ему понадобилось большое усилие, чтобы прийти к решению — бороться до конца. Нечто чуждое мне пытается овладеть моим телом, подумал он. Все остальное — ложь, пустые слова.

Успокаивающая пульсация иного разума постепенно распространилась и на те укромные участки мозга, где еще теплилось его собственное, земное "я". Кто-то внутри него убеждал его:

"Не ложь, а удивительная правда. Ты заживешь удивительной жизнью, нисколько не похожей на ту, что в своих ограниченных земным воображением мечтаниях ты мог бы себе представить. Ты должен смириться с высоким своим предназначением. Будь спокойнее, будь смелее, и твои муки превратятся в наслаждение".

Спокойствие, однако, совсем пропало. Ум Ли-землянина затрепетал в своем темном углу, странным образом сознавая то страшное и неестественное давление, которое на него оказывал теснящий его со всех сторон неземной разум. Ли вновь испытывал ужас перед этим давящим его волю разумом, однако, напрягшись из последних сил, вернул себе способность трезво осмыслить происходящее, и тогда у него возникла его собственная мысль: вселившийся в него дьявол пытается уговорить, убедить его смириться, а это может означать только одно — его затрясло от зародившейся надежды — что его мучитель не сможет окончательно овладеть им без его добровольного согласия.

Нет, никогда и ни за что он не уступит кому бы то ни было!

"Подумай", — нашептывал ему чужой разум, — поразмысли хотя бы над тем, что коэффициент развития интеллекта у тебя будет равным тысяче двумстам, подумай о себе, как о существе, выполнившем до конца свое предназначение и теперь возвращающемся в свое нормальное состояние, в котором главное — ничем не ограниченное могущество и неисчерпаемые возможности. Ты был актером, полностью слившимся с исполняемой ролью, но спектакль окончен: ты теперь один в своей артистической уборной смываешь грим с лица; твое настроение, навеянное игрою в этом спектакле, все дальше уходит, уходит, уходит..."

— Убирайся ко всем чертям! — громко крикнул Уильям Ли. — Я Уильям Ли, КРИ у меня всего лишь сто двадцать, но я вполне удовлетворен тем, что я такой и никакой другой. Мне наплевать, создал ли ты меня из компонентов своего мозга или я появился на свет обычным путем. Я в состоянии уразуметь все, что ты пытаешься сотворить со мною с помощью этого своего гипнотического внушения, но у тебя ничего не выгорит. Я вот здесь сам по себе и желаю остаться самим собою. Ступай-ка отсюда подальше и ищи себе другое тело, если ты такой продувной малый.

Голос его звучал все тише и тише, пока наконец мертвая тишина не обволокла все вокруг. Это исчезновение звуков вызвало у него снова жестокий приступ страха.

Он попытался снова заговорить, речью своей прорвать окутавшую его со всех сторон блокаду зловещей тишины. Но не смог издать ни единого звука.

Ни один мускул его не пошевелился; ни один нерв не затрепетал.

Он был совершенно один.

Отрезанный от всего мира в крохотном закутке собственного мозга.

Затерявшийся среди его извилин.

Да, затерявшийся — именно это определение было наиболее точным. Ему оставалось только совершенно уже недостойное, убогое существование. Он был обречен на всю жизнь, в которой все лучшее было в прошлом и теперь потеряно навеки...

И все же решительности у Ли не убавилось. Эта штука в мозгу пытается путем повторения одних и тех же мыслей, путем демонстрации свидетельств его поражения заложить прочный фундамент своих дальнейших побед над ним, Ли-землянином. Это старый, как мир, фокус незатейливого гипноза для людей простодушных. А он вряд ли мог допустить, чтобы сработали столь незамысловатые ухищрения...

"Тебе нужно, безусловно, смириться с тем фактом, что роль твоя сыграна, — убеждал его чуждый разум. — Ты теперь прекрасно понимаешь наше нерасторжимое единство и уступаешь мне место на сцене. Доказательством этого признания с твоей стороны является то, что ты уже передал мне контроль над... нашим... телом.

— нашим телом, нашим телом. НАШИМ телом..."

Слова эти эхом прозвучали в его мозгу, затем сменились все тем же спокойным, ритмичным нашептыванием другого разума. "Сосредоточься. В основе любого интеллекта лежит способность сосредоточиться, тело же является только орудием интеллекта, его проявлением в воздействии на окружающую среду, оно отражает и фокусирует эту концентрирующуюся, готовую выплеснуться силу. Силу мышления."

"... Остается сделать еще только один шаг. Ты должен уразуметь..."

К немалому своему удивлению он обнаружил, что вглядывается в зеркало. Откуда оно здесь взялось, этого

он не помнил. Теперь же оно располагалось прямо перед ним, там, где мгновением раньше был черный иллюминатор. И виднелось в этом зеркале какое-то изображение, пока еще не сформировавшееся полностью перед его затуманенным взором.

Преднамеренно — он ощущал эту давящую преднамеренность — изображение стало проясняться. Он узрел его — и после этого отказался что-либо видеть дальше. Как безумный, он отпрянул подальше от сверкающего изображения. Его разум извивался в бешеном отчаянии, словно тело, погребенное заживо. Мысли его беспорядочно смешались, потеряв какую-либо стройность, все в голове у него завертелось головокружительным вихрем, будто раскручиваемое какой-то гигантской центрифугой все быстрее и быстрее...

Центрифуга эта вдруг разлетелась на десятки тысяч острых осколков, впившихся с невыразимой болью в остатки его и без того измученного разума. Нахлынула тьма, тьма более черная, чем галактическая ночь. Но вместе с нею пришло и...

Ощущение ЦЕЛЬНОСТИ!

"Astounding Scieuce Fiction", 1942, May
Alfred Vau Vogt.
Asylum.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Ткачук. Творец мечты. 5

И вечный бой. *Роман.* 9
Перевод А.Тишкина

Обитель вечности. *Роман.* 183
Перевод Н.Борисова

Библия Пта. Роман. 329
Перевод Л.Ткачука

Человек с тысячью имен. *Роман.* 481
Перевод Н.Бородавчатова

Жизненная сила. *Роман.* 605
Перевод А.Тишкина

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 16

ВАН ВОГТ Альфред

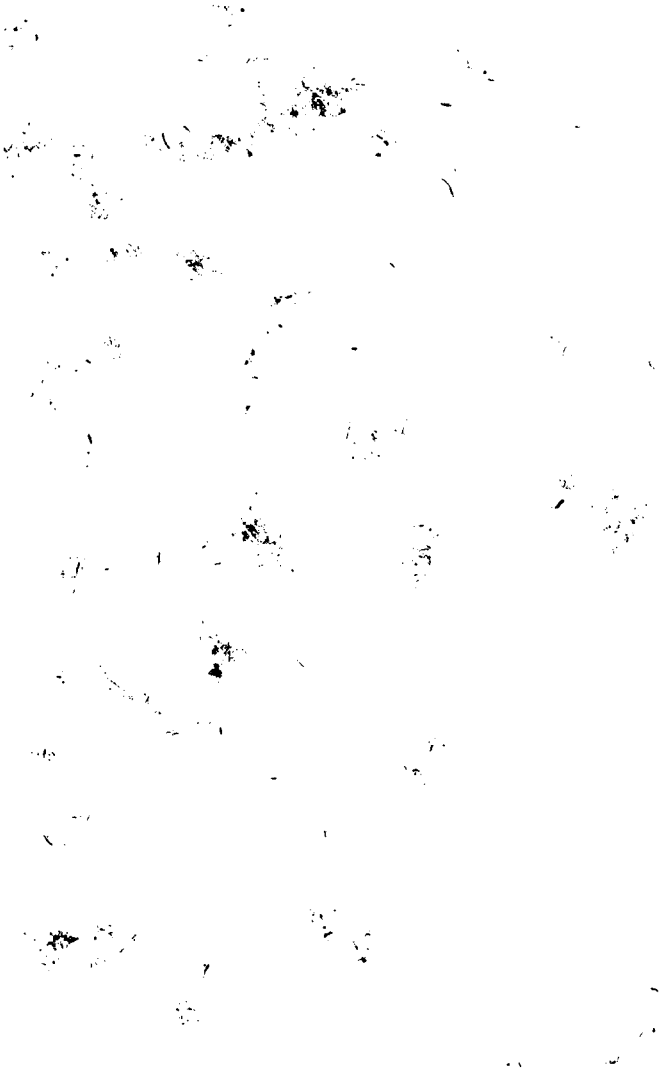
БІБЛІЯ ПТА
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Художники *Н.Ширяєва, Є.Корольков*
Коректор *А.Воробйова*
Відповідальний за комп'ютерну верстку *Л.Романко*

Здано до набору 03.02.94. Підписано до друку 12.07.94. Формат 84x108/32. Папір книжково-журнальний. Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 36,12. Умов.фарб.-відб. 37,24. Обл.-вид.арк. 37,69. Замовлення № 4-466.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42/7.

Надруковано з оригінал-макету на орендному підприємстві "Київська книжкова фабрика",
252054, Київ-54, вул. Воровського, 24.

БИБЛИЯ ПТА

